

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПРАВИТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК РАН
РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
УФИМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР РАН
ОРДЕНА ЗНАК ПОЧЕТА ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ УФИЦ РАН

АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В XX – НАЧАЛЕ XXI в.: ДОСТИЖЕНИЯ, ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Часть I

Материалы Международной научно-практической конференции,
посвященной 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН
г. Уфа, 19–21 сентября 2022 г.

Уфа
ИИЯЛ УФИЦ РАН
2022

УДК [009:061.12]”19/20”

ББК 6/8

А38

Печатается по решению заседания Ученого совета Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (Протокол № 9 от 27.12.2022 г.)

Редакционная коллегия:

З.Я. Рахматуллина – д-р филос. наук, профессор – *отв. редактор*;
Г.Х. Абдрафикова – канд. филол. наук;
И.И. Буляков – канд. ист. наук;
М.Х. Надергулов – д-р филол. наук;
В.В. Овсянников – канд. ист. наук;
А.В. Псянчин – д-р геогр. наук;
М.И. Роднов – д-р ист. наук;
З.А. Сиразитдинов – канд. филол. наук;
Р.Н. Сулейманова – д-р ист. наук;
Г.Р. Хусаинова – д-р филол. наук;
Г.Н. Ягафарова – д-р филол. наук.

Составители:

И.И. Буляков – канд. ист. наук;
Л.Ф. Тагирова – канд. ист. наук.

Рецензенты:

Б.А. Азнабаев – д-р ист. наук, профессор УУНИТ, г. Уфа;
З.И. Салыхова – д-р филол. наук, профессор Стерлитамакского филиала УУНИТ, г. Стерлитамак.

А 38 Академическая гуманитарная наука в XX – начале XXI в.: достижения, тренды и перспективы развития : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН. В 2 ч. Ч. I / отв. ред. З.Я. Рахматуллина. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022. 306 с.: илл.

ISBN 978-5-91608-228-9

ISBN 978-5-91608-224-1 (ч. I)

В настоящий сборник вошли материалы Международной научно-практической конференции «Академическая гуманитарная наука в XX – начале XXI в.: достижения, тренды и перспективы развития», посвященной 100-летию Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН.

Книга адресована специалистам, преподавателям и студентам вузов, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-91608-228-9

ISBN 978-5-91608-224-1 (ч. I)

DOI: 10.31833/224-1.2022.25

УДК [009:061.12]”19/20”

ББК 6/8

© ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2022

ПРЕДИСЛОВИЕ

100-летний юбилей – знаменательная веха в научной биографии Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук (далее – Институт), являющегося одним из ведущих научно-исследовательских центров республики и страны, ключевыми научными направлениями которого являются этнокультурная тематика и башкироведение. За годы своего существования Институт сформировал более десятка авторитетных научных школ, стал истоком академической научной мысли в Башкортостане и во всем южноуральском регионе, подготовил сотни высококвалифицированных научных кадров.

Археологические, этнологические, антропологические, археографические, диалектологические, а также комплексные экспедиции, проведение научных форумов и конференций разных уровней, разностороннее сотрудничество с научными центрами регионов России, ближнего и дальнего зарубежья, активное участие в конкурсах на предоставление грантов, публикации в авторитетных отечественных и зарубежных изданиях, высокие индексы научного цитирования, работа с аспирантами и т. д. являются неразрывными звеньями и «визитными карточками» научной жизни Института. От Общества по изучению Башкирии при Академическом центре, созданном в 1922 году, до авторитетного современного академического учреждения, флагмана гуманитарной науки в республике, – такова его столетняя история. Только за 60–80-е годы были опубликованы многочисленные статьи, более 220 монографий и сборников, что было отмечено государственной наградой: 23 декабря 1982 года Институт, единственный в стране, был удостоен Ордена «Знак Почета».

Сотни трудов по этнокультуре, археологии и новейшей истории поликультурного региона и Южного Урала, по башкирской этнотематике, исследования по башкирскому языку, литературе, фольклору, многотомные словари, энциклопедии, литературные и фольклорные своды, научные форумы и выигранные гранты разных уровней, знаменитая краниологическая коллекция, «сарматское золото», которые открыли миру археологи Института, Фонд старопечатных рукописей имени Г.Б. Хусаинова, зарубежные научные партнеры и многое другое – Институт достойно представляет гуманитарные исследования и науку республики на федеральном и международном уровнях

Институт сегодня – это высокопрофессиональный, многопрофильный и сплоченный коллектив единомышленников и подвижников, это креативное исследовательское мышление, способное дать достойные ответы на современные научные вызовы, это многогранная деятельность, направленная на умножение в мире научной истины и гуманитарного знания, приобщение современников к духовным истокам и исторической памяти, к культурному наследию и бесценным артефактам прошлого, к родному языку и культуре.

*Директор ИИЯЛ УФИЦ РАН
Рахматуллина Зугура Ягануровна*

СЕКЦИЯ 1

История и культура в Евразии в контексте развития гуманитарной мысли

УДК [94(470.56/.57):94(474)]”1861/1917”

DEMISE OF THE BASHKIR, RISE OF THE BALTIC NOBLE. THE ROLE OF ANIMAL HUSBANDRY IN UFA AND LIVLAND PROVINCES IN THE TRANSFORMATIONS OF IMPERIAL HIERARCHIES, 1861–1917

Paul van Dijk
(University of Amsterdam)

The provinces of Ufa and Livland were remarkably connected in the nineteenth century. Both areas found themselves on the peripheries of the imperial center, one ‘European’, the other ‘Eastern’, and both had a traditional landowning elite, with old privileges. And, importantly, in the nineteenth century both of these groups experienced great pressure from the imperial center. The major difference was that the Bashkir landowners in Ufa virtually lost their privileged status to peasant colonists and others, whereas the Baltic German nobles managed to reconfigure the form of their provincial domination. Why was that?

Especially after 1850 an agricultural transformation took place. The forests and steppes of Ufa province were cleared and ploughed by Russian colonists to grow wheat, turning the region into one of the empire’s granaries at the expense of the (partly nomadic) native Bashkir landowners. Their resistance to the loss of lands proved largely futile. The grain from Bashkiria was transported via newly constructed railroads to the port cities in the western parts of the empire, including Riga, the capital of Livland province.

The landlords and farmers in Livland itself, however, found it difficult to compete when grain prices fell due to the influx of grain from the Russian interior. As a result, the Baltic noble landlords urged each other to shift towards animal husbandry. They started experimenting with breeding animals, building up a significant meat and dairy industry in the process, in order to preserve their dominant position vis-à-vis the peasants and the imperial Russian government. The demise of the Bashkir allowed for the rebirth of the Baltic German landlord.

One way to explain this difference is to compare the official and expert discourses surrounding animal husbandry as it was done by the Bashkirs and the Baltic German nobles. That way, I argue, it becomes clear that agricultural modernization was, on the one hand, impacted by existing imperial hierarchies, and, on the other hand, it also played a major role in transforming those same imperial hierarchies. By looking at the different interpretations of animal husbandry in the Baltic and Bashkir contexts, we are able to better understand how agricultural modernization in an «empire» worked.

Ufa province

The history of the Bashkir landowners and their handling of animals must sound familiar to anyone reading a volume that is dedicated to the 100 year anniversary of ILYaL. But for the sake of the comparison, I will briefly go over the important elements of this history.

The old privileges held by the Bashkir tribes in the nineteenth century went back 300 years to their pledge of loyalty to tsar Ivan the Terrible after his conquest of Kazan in 1552. In exchange for tax payments in kind (*yasak*) and military service on Muscovy’s southeastern steppe border, these Turkic, Muslim tribes received the right to the land they were using¹. Whenever the Russians did not hold their end of the

---

¹ See for example R.G. Kuzeev, *Bashkirskie shezhere* in : *Sobranie nauchnykh trudov v 7 tomakh. Tom 2* (Ufa 2015) 53, 71-72, 91-93, 96-98, 148, 201n23, 203n31 & 237n4; C. Steinwedel, *Threads of Empire. Loyalty and Tsarist Authority in Bashkiria, 1552-1917* (Bloomington 2016) 12-13.

agreement, the Bashkirs revolted. In the course of the seventeenth and eighteenth centuries, therefore, several wars ultimately forced the tsar to recognize the Bashkir land rights as a collective hereditary patrimony (*votchina*) for each tribe¹. It is important to stress that at this moment in history, the term 'Bashkir' represented a social-legal status and not so much an ethnic category. That shift occurred only later.

Despite the legal promotion of the Bashkir status in the middle of the seventeenth century, Russian encroachment on their lands did not stop². In order to contain the 'Bashkir threat', a number of fortresses were built. The construction attracted Slavic colonists from the empire's interior and although such voluntary colonization was technically prohibited³, their presence further limited the freedom of movement of the Bashkirs and increased imperial control in the region. In 1798, the cantonal system was introduced, which stimulated the ongoing 'territorialization', a term used by Charles Maier to indicate the process of carving up land into smaller units to govern it more easily⁴.

As a result, the nineteenth century saw even stronger attempts to pacify the Bashkirs and integrate them into a slowly standardizing imperial system. The cantonal system had divided Bashkir tribes into separate territorial units (cantons), which in the first place allowed more effective military control and secondly facilitated recruitment. Redrawing the map required extensive land surveys, and these would characterize Bashkiria throughout the nineteenth century, even after the abolition of the cantonal system in 1865. By the middle of the century, after the Russian conquests of the Central Asian khanates, the empire's borders had moved further south, calling the military usefulness of the Bashkir tribes as border guards into question. As a result of the changed situation, the Bashkir units (and the other groups falling under the cantonal system) were demilitarized and given a similar status to other 'rural inhabitants'⁵. The cantonal system itself was abolished in 1865. It was not a complete integration into Russia's core, however, since the special regulations on the Bashkirs were retained.

The reform of the Bashkir status coincided with the peasant emancipations of the early 1860s⁶. The uneven distribution in Russia's center had already forced many to seek their fortune elsewhere in the imperial peripheries⁷. Attracted by fabulous stories about an 'abundance' of fertile soils, so forcefully expressed by Sergei Aksakov and Leo Tolstoy⁸, many peasants came to Bashkiria to find some land to call their own. The reasoning of the imperial and provincial authorities behind bringing the Bashkir status closer to that of these peasants was that they would be able to enter into contracts and trade land. This would help to absorb the influx of colonists and relieve some of the pressure in the imperial center⁹.

In 1864, the *zemstvo* was introduced in Russia – that is only in the 'cultured' provinces. The larger Orenburg region was apparently not yet one of them. The governors-general of the Orenburg region, Bezak and Kryzhanovsky, wanted to attract more 'cultured elements', typically Russian noblemen, to invite the *zemstvo* here too. This would allow for a stronger economic development of the area. As Bezak and Kryzhanovsky saw the Bashkirs as 'Asiatic' and 'lazy', what they called a 'Russian element' would be quite

¹ I.G. Akmanov, *Bashkirskie vosstaniia XVII-XVIII vekov – fenomen v istorii narodov Evrazii* (Ufa 2016).

² X. Le Torrivellec, 'Entre steppes et stèles. Territoires et identités au Bachkortostan', *Cahiers du monde russe* 41 2-3 (2000) 371; A.I. Akmanov, *Zemel'nye otnosheniia v Bashkortostane i bashkirshkoe zemlevladienie vo vtoroi polovine XVI-nachale XX v.* (Ufa 2007) 80; C. Steinwedel, 'How Bashkiria Became Part of European Russia, 1762-1881', in: J. Burbank, M. Von Hagen & Anatoly Remnev (eds.), *Russian Empire. Space, People, Power, 1700-1930* (Bloomington 2007) 102; C. Steinwedel, 'Tribe, Estate, Nationality? Changing Conceptions of Bashkir Particularity within the Tsar's Empire', *Ab Imperio* 2 (2002) 253.

³ PSZRI, Series I, vol. 10 (1737-1739), no. 7876 (August 1739) 867-871.

⁴ C.S. Maier, *Leviathan 2.0 : Inventing Modern Statehood* (Cambridge, MA 2012); C.S. Maier, *Once Within Borders. Territories of Power, Wealth, and Belonging since 1500* (Cambridge, MA & London 2016) 5-11, 133-134 & 177.

⁵ F.Kh. Gumerov (ed.), *Zakony Rossiiskoi imperii o bashkirakh, mishariakh, teptiarakh i bobyliakh* (Ufa 1999) 412-417; Steinwedel, *Threads of Empire*, 124.

⁶ See also Sunderland's broader view on the imperial emancipations throughout the century, W. Sunderland, 'The Imperial Emancipations : Ending Non-Russian Serfdoms in Nineteenth-Century Russia', in: D. Schorkowitz, J.R. Chávez & I.W. Schröder (eds.), *Shifting Forms of Continental Colonialism. Unfinished Struggles and Tensions* (Singapore 2019) 437-461.

⁷ W. Sunderland, 'Peasant Pioneering : Russian Peasant Settlers Describe Colonization and the Eastern Frontier, 1880s-1910s', *Journal of Social History* 34 4 (2001) 895-922.

⁸ S.T. Aksakov, *Semejnaja khronika, Detskie gody Bagrova-vnuka, Vospominaniia* (Moscow 1973) 33; L.N. Tolstoy, *Heeft een mens veel land nodig?* (Amsterdam 2013 [1886] 16).

⁹ I.M. Gvozdnikova a.o. (eds.), *Istorija Bashkortostana vo vtoroi polovine XIX- nachale XX veka. V 2 tomakh. Vol. I* (Ufa 2006) 157-168.

useful for agriculture here. Colonization was for a long time resisted and regulated by the Ministry of Interior, while the Ministry of State Domains (later Agriculture) and the provincial authorities in fact stimulated it, often even allowing illegal settlers to stay if they had already built a peasant hut¹. Therefore, despite such diverging views within the government, colonization also simply happened on account of the peasants themselves. In Ufa, the anticipated arrival of colonists and noblemen required a lot of free land, but it was not quite clear how much land there actually was. The Bashkirs did not have a European-style cadaster, so the provincial government ordered land surveys of Bashkir lands, first those rented by their *pripushchenniki* in 1869. This heralded the infamous ‘plundering of the land’². The provincial government’s plans proved successful, because in 1875, Ufa province was granted the *zemstvo*.

So far, this history is well-known. The idea of figures like Bezak and Kryzhanovsky had been to modernize the region’s agriculture. In their view, probably strengthened in their beliefs by some famines in the early 1860s, Bashkir tribes could hardly feed themselves³. This was part of a rather orientaling discourse. Throughout the nineteenth century, the lands held by the Bashkir tribes were typically portrayed as empty, as ‘wastelands’ that practically asked for cultivation⁴. So even if many tribes had been sedentary agriculturalists for generations already, making them quite similar to neighboring Tatar farmers,⁵ the ‘solution’ was to invite especially Russian peasants to teach the supposedly ignorant Bashkirs how to do proper agriculture⁶. Here, the animal enters the analysis.

The Bashkir tribes were spread across a forest-steppe zone in the southern Urals and, as such, they had diverse practices of using animals. Some were typical farmers and used horses and cows accordingly. Usually their efforts were not taken seriously by for example the provincial statisticians. ‘Given the abundance of black earth lands, the natural and productive forces of the governorate lie mainly in agriculture, which is predominantly occupied by the Russian population; whereas local Bashkirs and Tatars are on the whole not very inclined to farming and sow crops in insignificant amounts for their own consumption’⁷. The aim to modernize the agriculture in the region led these statisticians to think of the social-economic groups in ethnic terms. Peasants became Russians, and Bashkirs were nomads or at least former nomads that were bad at farming⁸. But in reality, the tribes that actually were semi-nomadic, meaning that they roamed their herds across the hills and steppe of the region for most of the year only to retreat to houses during the winter, of course had extensive knowledge of animal husbandry.

Regardless of their specific agricultural methods, members of the Bashkir tribes used different animals. Farm animals were used for ploughing, transport, meat or dairy production. The large herds of cows, sheep and horses of the semi-nomads were also used for dairy (like kumis), meat as well as leather products⁹. It would be possible to discuss all of these animals, but for our purposes here, the significance of the horse in (contemporary visions of) Bashkir society makes this animal an interesting case study.

In 1812–1814 the Bashkir horse had helped the Russian army defeat Napoleon’s Grande Armée, but by the century’s end, the ethnographer Dmitry Nikol’sky judged the animal to be in a miserable state of degeneration: ‘She is short and ugly’. He believed this a result of the poor adjustment of Bashkirs to sedentary life¹⁰. More specifically, the reason was that the Bashkirs had much less land than before and could not grow enough fodder to feed themselves, let alone their horses. In fact, Bashkirs were believed to be ‘extremely bad’ farmers. Nikol’sky cited a colleague researcher: ‘[their] ploughed fields make a mockery

¹ W. Sunderland, *Taming the Wild Field. Colonization and Empire on the Russian Steppe* (Ithaca 2006) 147.

² Gvozdnikova a.o. (eds.), *Istorija Bashkortostana. Vol. I*, 162; A.Z. Asfandijarov a.o. (eds.), *Istorija Bashkirskogo naroda v semi tomakh. Vol. IV* (Saint Petersburg 2011) 262.

³ Steinwedel, *Threads of Empire*, 118-119 & 126.

⁴ Akmanov, *Zemel'nye otnosheniia*, 292.

⁵ M. Tepeyurt, *Bashkirs between Two Worlds, 1552-1824* (Morgantown : University of West Virginia PhD dissertation 2011) 36-40 & 174-216.

⁶ Gvozdnikova a.o. (eds.), *Istorija Bashkortostana. Vol. I*, 164.

⁷ Note the use of ethnic categories here. *Obzor Ufimskoi gubernii za 1879 god* (Ufa 1880) 2.

⁸ For an analysis of how the ethnic conception of ‘Bashkir’ emerged in the late-nineteenth century, see P. van Dijk, ‘A Land to Call Their Own: Colonization of the Bashkir Steppe, Land Conflicts and Situational Identities in the Russian Empire, 1861-1917’, in : L. Bellia, F. Casales & E. Ciappi (eds.), *Conflicting subjects. Between clash and recognition* (Pavia 2022) 29-44.

⁹ R.G. Kuzeev & S. Shitova, *Bashkiry. Istoriko-etnograficheskii ocherk*, in : *Sobranie nauchnykh trudov v 7 tomakh. Tom 2* (Ufa 2015) 549.

¹⁰ D.P. Nikol’sky, *Bashkiry. Etnograficheskoe i sanitarno-antropologicheskoe izsledovanie* (St. Petersburg 1899) 90.

of agriculture. They are a kind of children's toy plantations, with here and there glimpses of [small patches of land] along the hills and valleys'¹. The provincial statisticians did not believe the degeneration of the Bashkir horse a serious problem, since the newly-established provincial stud farm in the city of Ufa would be able to provide the peasant colonists with more and better horses². This would increase the province's agricultural output.

This type of discourse that connected poor animal farming with Bashkir nutrition and, in turn, their poor farming skills was widespread in late imperial Russia. Both friend and foe believed that they were witnessing the starving of the Bashkir (here meant in an ethnic sense). Former land surveyor Nikolai Remezov famously blamed the Russian authorities and peasants for the disappearance of Bashkir herds from the steppe, lamenting that 'the Bashkir has starved.'³ Similar views on the fate of the Bashkirs could be found among Tatar nationalists⁴ and even in 1898 Ufa governor Bogdanovich worried that the Bashkir might go 'extinct'⁵.

Concerns like these strengthened the idea that Bashkirs would benefit greatly from cutting back on animals and cultivating their extensive patrimonial lands. This would require more land surveys. In 1898, a final round of land surveys started that were now aimed at the lands used by the Bashkir landowners themselves. The demise of the Bashkir status was a total turnaround of the imperial hierarchies: the old privileges were considered less valuable than political and economic integration of the Ufa province. The animal played an important role in this reversal. Under pressure of Russian experts and authorities, the large herds of horses had shrunk significantly and, in the words of Remezov, '[the Bashkirs] have been displaced by dozens of villages and farms'⁶. The old trade caravans were now eclipsed by the new trains that carried Russian grain to the western imperial port cities, including Riga, Livland's capital.

Livland

Cheap grain from Russia's interior, including Ufa province, undermined the Baltic grain-based agricultural economies⁷. Animals became at least as important as in Ufa for agriculture, but here they did not so much work to reverse the imperial hierarchies. Instead they played a crucial role in reworking existing power relations. The political and cultural position of the Baltic Germans greatly affected how the farming of German nobles and Estonian and Latvian-speaking peasants in Livland was organized and represented. Confronted with diminishing revenues from their estates, Baltic German landowners felt the need to shift away from arable farming and experiment with animal farming, despite the longstanding idea that the Baltic soil could not support livestock⁸. In 1803, the president of the *Ökonomische Sozietät* (ÖS)⁹ still had complained that Baltic cattle was 'small, malnourished and is therefore hardly beneficial economically'¹⁰. But a hundred years later, the situation had changed completely.

For almost two centuries, the government in Livland to a great extent had been in the hands of the *Ritterschaft*, the corporate nobility. Like the Bashkir tribes, the Baltic nobles had enjoyed privileges for a long time. In their case, they had been in power since Peter the Great had conquered the region in 1710–1711, during the Great Northern War against Sweden. In the countryside, the political dominance of the

¹ Nikol'sky, *Bashkiry*, 88-90.

² *Obzor Ufimskoi gubernii za 1889 god* (Ufa 1890) 14; in 1890, the State Stud Farm mainly serviced the peasant population around the city of Ufa itself, *Obzor Ufimskoi gubernii za 1890 god* (Ufa 1891) 13-14; *Obzor Ufimskoi gubernii za 1899 god* (Ufa 1900) 15-18; *Obzor za 1900 god*, 15-16.

³ N.V. Remezov, *Ocherki iz zhizni dikoi Bashkirii. Byl' v skazochnoi strane* (Moscow 1889) 99-101.

⁴ C. Noack, *Muslimischer Nationalismus im Russischen Reich. Nationsbildung und Nationalbewegung bei Tataren und Baschkiren, 1861-1917* (Stuttgart 2000) 399.

⁵ Steinwedel, 'Tribe, Estate, Nationality?', 266-267.

⁶ Remezov, *Byl' v skazochnoi strane*, 99-101.

⁷ A. Henriksson, *Vassals and Citizens. The Baltic Germans in Constitutional Russia, 1905-1914* (Marburg 2009) 6-7; U. von Hirschhausen, *Die Grenzen der Gemeinsamkeit. Deutsche, Letten, Russen und Juden in Riga, 1860-1914* (Göttingen 2006) 68; H.W. Whelan, *Adapting to Modernity. Family, Caste and Capitalism among the Baltic German Nobility* (Cologne, Weimar & Vienna 1999) 283-308.

⁸ H.D. von Engelhardt & H. Neuschaffer, *Die Livländische Gemeinnützige und Ökonomische Sozietät (1792-1939)* (Cologne & Vienna 1983) 71-74, 71n84.

⁹ *Kaiserlichen Livländischen Gemeinnützigen und Oekonomischen Societät*.

¹⁰ Engelhardt & Neuschaffer, *Ökonomische Sozietät*, 71.

nobility translated into and was supported by its economic dominance. As landowners, they commanded over an incredibly large pool of cheap labor in the form of native peasants. Before the peasant emancipation of 1819, the landlords had been able to use serf labor, while the formal emancipation did not truly liberate the peasants. Those living on estates had to work corvée labor for their landlords until at least 1868 and the emancipation also created thousands of households of landless peasants, who worked on someone else's land. Therefore the emancipation did not do much to change the old feudal hierarchy¹.

In the nineteenth century, wary of social unrest, the Russian imperial government did put pressure on the Baltic nobles to pass reforms that would improve the position of these peasantries². In general, the role of the Russian government in provincial affairs increased at the cost of noble power, leading to fierce discussions about the rights of the Baltic nobilities³. Quite well-known is the polemic between Iurii Samarin and Carl Schirren in the late 1860s. Regardless of the accuracy of either's arguments, the attack by the Russian liberal nationalists on the special status of the Baltic nobility once and for all destroyed its natural appearance. More than ever, the nobles had to explain and defend their position of power. Even though tsar Alexander II did not intend to follow the Russian nationalist line by curbing the Baltic Germans – he respected their long service as well as their culture – his son Alexander III was more convinced that the empire required more unity in the age of nationalism. Unlike Bashkiria, the Baltics remained close to imperial rivals, above all Prussia, a hotbed of German nationalism, possibly making its differentiated status stand out more than other areas of the empire⁴.

The combined economic and political pressures from the imperial center led quite a number of Baltic nobles to reinvent themselves as agricultural entrepreneurs. However, since grain production became less profitable from around the middle of the century, animal farming seemed the solution⁵. Earlier in the century, the landlords had already tried to raise sheep and sell wool, which was quite in line with broader Northern European developments. But when the international (European) market proved less easy to penetrate than expected, judging by the German import ban in the early 1880s, many landlords decided to turn to horses, but importantly also cattle and dairy. Not merely entrepreneurs, the noblemen became actual 'experts'. Quite tellingly, the Riga polytechnical institute was founded in 1862, where many local agronomists graduated. In general, however, the new entrepreneur-experts also started a range of societies aimed at broad or narrow agricultural interests.

The ÖS had already been founded in 1792, but rose to great prominence after 1850, when it strengthened its co-operation with the *Ritterschaft* and imperial Ministry of Agriculture. Yet there were also smaller societies or associations, like the Union of Baltic Cattle Breeders. In 1887, a dairy producer by the name of Gustav Rosenpflanzer (later president of the Agricultural Society for Southern Livland)⁶ wrote in the ÖS-financed journal *Baltische Wochenschrift* that Baltic agriculture should stop 'experimenting', since that suggests a lack of clear, rational idea of purpose. Rosenpflanzer instead promoted the idea of establishing a dedicated association for cattle breeding in order for them to supply Russia with the best cattle and import foreign breeds. Such Baltic networks were to become the imperial hub for cattle breeding⁷. Rationality became the term to characterize Baltic German agriculture, above all animal farming, and to distinguish it from farming done by others.

The idea of modernization in Livland was very different from that in Ufa. Instead of pushing for grain production and in fact reducing livestock, here, the amount of animals boomed – which the imperial

---

¹ K. Lust, 'The Impact of the Baltic Emancipation Reforms on Peasant-Landlord Relations: A Historiographical Survey', *Journal of Baltic Studies* 44 1 (2013) 2-3.

² K. Lust, 'Das lange 19. Jahrhundert: Der Wandel der Agrarordnung', in : K. Brüggemann, D. Henning & R. Tuchtenhagen (eds.), *Das Baltikum. Geschichte einer europäischen Region*, vol. 2 (Stuttgart 2021) 414.

³ For an overview of the long debate on Russification, see K. Brüggemann, *Licht und Luft des Imperiums. Legitimations- und Repräsentationsstrategien russischer Herrschaft in den Ostseeprovinzen im 19. und frühen 20. Jahrhundert* (Wiesbaden 2018) 208-210 & 214-216.

⁴ A. Gorin, 'Problema grazhdansko-pravovoj integratsii pozdnej rossijskoj imperii v russkom obshchestvenno-politicheskom diskurse (vtoraja polovina XIX – nachalo XX vv.)', *Ab Imperio* 4 (2012) 188-189.

⁵ This is not to say that arable farming disappeared. In fact, intensive animal farming is virtually impossible without cultivating fodder crops.

⁶ *Gemeinnützigen und Landwirtschaftlichen Gesellschaft für Südlivland*.

⁷ G. Rosenpflanzer, 'Zuchtzwecke und Zuchtziele', *Baltische Wochenschrift* 25 1 (1887) 1-5.

government actually applauded and in a way also relied on. The Agricultural Societies, the ÖS only being the largest one, regularly organized agricultural exhibitions. The reports of these societies reveal that the Ministry of Agriculture directly subsidized the prizes for 'best animal' handed out at these exhibitions, or that the ÖS financed them with imperial money. The Russian Ministry surely shared in the Baltic German expert discourse of stimulating agricultural innovation and development by way of these exhibitions¹.

Although the ÖS at times collaborated with nationalist associations, the native peasantries came off rather badly in this discourse of agricultural rationality. It is no exaggeration to say that the 'experts' still saw themselves as the benevolent fathers of a 'lower' Estonian and Latvian-speaking peasantry. As late as 1907, just recovering from the revolutionary violence, the ÖS published a report by a special commission, headed by noble landowners, on a colonization project for Livland, in which they *still* referred to the natives as 'our peasants' (*unseres Landvolk*)². This type of paternalism was materialized at public events like the Fourth Agricultural Exhibition at Riga, in 1899. The discourse of 'rational' agriculture was very strong here³, and turned into spectacle: walking past the stalls, people witnessed the future of Baltic agriculture and by extension, the future of the empire.

The 1899 map of the exhibition terrain shows that most participants were Baltic German barons and that the stalls of the few attending peasants were located in a special corner of the field. Apparently, these peasants were not a self-evident part of the future of agriculture, as they were spatially and then also mentally separated from the 'rational' experts. The mental separation continued into the evaluation and appreciation of the animals and products on display: peasants could not even enter the same competition as the German barons and contended among each other for the coveted awards for 'best animals'⁴. The knowledge and skill of these peasants were not considered to be on the same level as the Germans. This was illustrated vividly by the fact that, when asked at the 1880 exhibition whether they would allow a peasant to raise their (precious) calves, cattle owners decidedly refused, fearing for the end results⁵.

After the exhibition had finished, the ÖS evaluated its success. The executive board was happy with the results, but it deplored that in 1899 fewer 'smallholders' (peasants) had participated compared to earlier editions. Yet it was quite happy to note that their presence proved the 'healthy agricultural production relations' in the Baltic. The report stated that the peasant products were not suitable for large exhibitions anyway and that the peasant still lacked an association mentality ('*Genossenschaftsgedanke*'). But the ÖS hoped that active peasant participation in local exhibitions satisfied their desire for progress ('*Vorwärtsstreben*') and that the next central agricultural exhibition would above all benefit peasant livestock production⁶.

Only five years after these self-congratulatory remarks, thousands of Baltic peasants rose up against the landlords, demanding land. In fact, Livland was the province that saw the fiercest violence in the entire empire during the revolution of 1905–1906⁷. Yet even then, the imperial government did not step in to radically overturn the agricultural situation in Livland, let alone the entire Baltics. Indeed, the

¹ Visible in the lists of prizes in G. Armitstead-Neu-Mocken & A. Tobien (eds.), *IV. Baltische Landwirtschaftliche Zentralausstellung zu Riga 1899. Ergebnisse und Kritik* (Riga 1900) 53-144 & 174-176; or the ÖS *Berichten* for 1899, 13-15, and 1900, 77-78 & 83-86; see also 'Zur IV. Baltischen landwirtschaftlichen Zentralausstellung in Riga', *Baltische Wochenschrift* 37 21 (1899) 289; and *Jahrbuch der gemeinnützigen und landwirtschaftlichen Gesellschaft für Süd-Livland. Band 8, 1902* (Wenden 1903) 2.

² E. von Oettingen-Pölks, 'Denkschrift der Ökonomischen Sozietät "zur livländischen Agrarfrage"', in: *Bericht der Kaiserlichen Livländischen Gemeinnützigen und Ökonomischen Sozietät, 1911* (Dorpat 1907) 2 (opening speech by E. von Oettingen-Jensel) & 17-38.

³ Various Baltic German evaluations of the 1899 Riga exhibition spoke of 'rational' agriculture, including fishing. See Armitstead-Neu-Mocken & Tobien (eds.), *Ergebnisse und Kritik*; see also A. Tobien, 'Zur Geschichte der baltischen landwirtschaftlichen Ausstellung', *Baltische Wochenschrift* 35 22 (1897) 325-328.

⁴ 'Wirtschaftliche Chronik. Zur III. baltischen landwirtschaftlichen Centralausstellung', *Baltische Wochenschrift* 18 7 (1880) 121-122; A.v.z.M., 'Zur dritten Baltischen Centralausstellung', *Baltische Monatschrift* 27 (1880) 428-429 & 431; *Katalog der dritten baltischen landwirtschaftlichen Ausstellung zu Riga im Jahre 1880* (Riga 1880) iii-vii; the 1899 catalogue lists only six individual peasants in the cattle section, *Catalog der IV. baltischen landwirtschaftlichen Central-Ausstellung* (Riga 1899) 104-106.

⁵ A.v.z.M., 'Zur dritten Baltischen Centralausstellung', *Baltische Monatschrift* 27 (1880) 435.

⁶ *Bericht über die Verhandlungen der Kaiserlichen Livländischen Gemeinnützigen und Ökonomischen Sozietät im Jahre 1900* (Jurjew [Dorpat] 1901) 76-86, for the comments on peasants 86.

⁷ T.U. Raun, 'The Revolution of 1905 in the Baltic Provinces and Finland', *Slavic Review* 43 3 (1984) 453-467.

newly-appointed governor-general even invited the nobility to work on new legislation¹. And the violence did not really change the 'expert' attitudes towards the peasants. In 1911, the president of the ÖS, Gustav von Stryk, wrote that it might be necessary to give the peasant some land, in order to avoid an exodus of peasants leaving the countryside, depriving the landlords from cheap labor². Almost a century after the peasant emancipations, the discourse of Baltic German domination had changed from noble privilege to agricultural necessities, but the native peasantries still came off worst.

Conclusion

The demise of the Bashkir enabled the rise of the Baltic German landowner on the other side of the empire, linked by the railway as a metal thread of fate. Animals and the knowledge of animal farming proved crucial in a period of imperial transformations. Russian attempts to modernize agriculture and defuse social tensions in the imperial center led to the cultivation of the steppe by undermining the old privileges of the Bashkir landowners. These tribes had plenty of experience with animal farming, but their Turkic and Muslim identities made them unfit to farm in the eyes of Russian experts and officials. Their position in the cultural hierarchies of the empire was a clear disadvantage, but their perceived poor handling of animals proved a practical instrument to reason away the legitimate complaints of the Bashkirs.

The cultural position of the Baltic Germans was much better. Alexander II himself sought to protect them for nationalist attacks. Although agricultural modernization in the case of Ufa meant reducing the size of herds, imperial hierarchies in Livland allowed the Baltic German landlords to initiate exactly the reverse development in the name of agricultural modernization and rationalization. For a long time, Baltic German nobles themselves had considered the Baltic soil unfit for animals, but after around 1850, they believed it was no longer possible to compete with cheaper grain from Russia's interior. In contrast to the Bashkirs, their attempt to raise cattle was supported by the imperial center.

An additional element of the transformation of hierarchies, further explaining the divergence of Ufa and Livland, is the inter-imperial dimension of these borderlands. In the end, the imperial authorities, however divided they were, might have felt it was relatively safe to experiment in the Ufa once the actual border had moved southward, whereas Livland remained a borderland close to Germany, making it in their eyes more dangerous to upset the order dominated by Baltic Germans. But this factor needs more comparative study. In any case, within the hierarchies of empire, animal husbandry was never a straightforward affair. Russia did not simply modernize, because 'empire' and its hierarchy also impacted 'modernization' itself (its meaning, instruments and direction). That is the core of empire, the constantly shifting hierarchies and diversities depending on one's place and situation³. In empire, even the enormous force of equalizing rationality and universalism could be swallowed whole.

© Paul van Dijk, 2022

УДК 94(470.57)“192”

ФОРМЫ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В БАШКИРИИ В 1920-Е ГОДЫ

Р.Р. Абдрахманов
(НЛМ РБ, Уфа)

Деятельность партийно-государственных органов Башкирии по борьбе с детской беспризорностью наиболее полно можно рассмотреть на примере одной из самых трагических

---

¹ *Trudy osobago soveshchaniia pri vr. Pribaltiiskom general-gubernatore uchrezhdennago vysochaishim ukazom 28-go noiabria 1905 g.* (Reval 1906).

² G. von Stryk, 'Über den modernen Industrialismus', in : *Bericht der Kaiserlichen Livländischen Gemeinnützigen und Ökonomischen Sozietät, 1911* (Dorpat 1912) 52-66.

³ For this approach to empire, see the work by the editors of *Ab Imperio*. For example I. Gerasimov et al., 'In Search of a New Imperial History', *Ab Imperio* 1 (2005) 33-56 and I. Gerasimov, 'The Great Imperial Revolution', *Ab Imperio* 2 (2017) 21-44.

страниц новейшей истории региона – голода начала 1920-х гг. Это бедствие оказало разрушительное действие не только на хозяйственную и политическую стороны жизни республики, но и отрицательно сказалось на демографических показателях.

1920 г. для региона в продовольственном отношении был неудачным – случился недород, а в 1921 г. разразилась сильная засуха, вследствие чего начался страшный голод. От голода наиболее пострадало башкирское население горно-лесных и горно-степных районов Башкирии. Известно, что только в одном Тамьян-Катайском кантоне от последствий голода вымерло около 60 % местного башкирского населения¹. Угроза голодной смерти заставила уехать из родных мест огромный пласт населения и спровоцировала резкий рост детской беспризорности. Беженцы и беспризорные дети шли в города, надеясь найти пропитание и лучшие условия жизни. С начала лета 1921 г. из деревень двинулись волна беженцев и масса беспризорных детей в Уфу, Стерлитамак и другие города региона. По данным Уфимской комиссии помощи голодающим, в детские дома Уфимской губернии в апреле 1921 г. ежедневно поступало 20–15 детей, в мае – 25–35, в июне – 60–100, в июле – уже 125–150, затем в связи с некоторым улучшением питания на местах (овощи, суррогаты) число поступающих уменьшилось до 50–70, а затем снова стало расти: в декабре – 100–150, в январе 1922 г. – 115–250 детей в день².

Разумеется, учреждения для детей не могли приютить всех нуждающихся, дать им место, ведь в январе 1922 г. число голодающих детей только по Уфимской губернии составило 568 тыс. человек, из которых около 51 тыс. были беспризорниками³. Существующие детучреждения были переполнены. Например, в Уфимском детском эвакуационном пункте, рассчитанном на 300 детей, содержалось более 1000 человек⁴.

Формами борьбы с беспризорностью и спасения детей от голода в Уфимской губернии и Малой Башкирии были: 1) определение детей и подростков в детские учреждения интернатного типа (детские дома, приюты, приемники) для временного содержания или длительного проживания, обучения и воспитания; 2) эвакуация в урожайные и благоприятные в продовольственном отношении местности, губернии; 3) открытие бесплатных столовых, питательных пунктов; 4) шефство отдельных организаций, учреждений над детьми; 5) возвращение детей к родителям или к родственникам, частный патронат.

В Башкирии детские учреждения различных типов начали открываться в первые годы советской власти. Это были детские дома, школы-коммуны, детские сады, дома-распределители, детские колонии, дома ребенка и т. д. Особенно число детских домов выросло во время голода начала 1920-х гг. Данная мера была вынужденной и объяснялась большим притоком голодающих детей в города, где они пополняли ряды беспризорных. В целях профилактики роста беспризорности и предотвращения преступности нужно было в сжатые сроки организовать детей, дать им приют, пищу и т. д. Детские дома в большинстве случаев открывались в непригодных для проживания детей зданиях. Так, в Уфимской губернии в июне 1921 г. функционировало 102 детских дома с 4 тыс. 258 детьми (1101 чел. дошкольного, 3 тыс. 157 школьного возраста)⁵, в 1922 г. работал 351 детский дом на 27 тыс. детей, в Малой Башкирии в 1921–1922 гг. – 240 на 21 тыс. 443 детей⁶. К концу 1922 г. из-за голода количество учреждений для детей в Малой Башкирии возросло до 210 с контингентом детей 19 тыс. 700 детей⁷. В общей сложности летом 1922 г. в пределах Башкирии действовал 591 детский дом на 48 тыс. 443 детей⁸.

В детские дома дети попадали из приемников и распределителей. В 1921 г. в Уфимской губернии была развернута широкая сеть таких учреждений. Был создан эвакуационный приемник

¹ Надеждина В.А. «...Все к социализму иду и никак не могу дойти»: рабочие и крестьяне Южного Урала и социальная политика Советского государства в годы НЭПа. Уфа, 2005. С. 176.

² Власть труда. 1922. 14 февраля.

³ Там же. 19 февраля.

⁴ Там же. 14 февраля.

⁵ ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 29. Л. 51.

⁶ Резолюции областных конференций Башкирской партийной организации и пленумов Обкома КПСС (1917–1940 гг.). Уфа, 1959. С. 245.

⁷ Мустафина Ф.Х. Народное образование в Башкирской АССР. Уфа, 1960. С. 20.

⁸ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 2. Уфа, 1966. С. 197.

при губернском отделе здравоохранения. Работники детинспекции находили на улицах детей и приводили их в этот приемник. После 6-дневного пребывания в данном учреждении дети попадали в примитив-приемники ГубОНО¹, в 1921 г. количество их составило около 50². В 1923 г. в БАССР осталось 10 приемников с 600 детьми, педагогическим составом 140 чел.³

Приемники оказывали первую социальную помощь детям от 3 до 18 лет и выполняли функции карантинного пункта. В круг задач данного типа учреждений входило создание несовершеннолетним нормальных условий пребывания, обеспечение сохранности их здоровья, выявление интересов и склонностей, умений, навыков и знаний и подготовка их к переезду в соответствующий тип детского стационарного учреждения. При поступлении они подлежали медицинскому осмотру. Больных направляли в лечебно-воспитательные учреждения. Срок пребывания детей составлял от двух недель до шести месяцев⁴.

Таким образом, схема работы приема в детские дома была примерно следующей. Сначала беспризорник с улицы попадал в эвакуационный приемник (медосмотр, шестидневный карантин), затем его отправляли в примитив-приемник. Следующим пунктом пребывания ребенка был распределитель, откуда его направляли в детский дом. Из приемника могли также сразу эвакуировать в другой регион страны.

Партийными и советскими органами Башкирии также принимались меры по спасению детей от голода путем эвакуации их в другие местности. По причине того, что детские дома Уфимской губернии и Башкирской АССР не могли дать приют всем нуждающимся детям, около 25 тысяч детей в 1921–1922 гг. были эвакуированы в более урожайные губернии⁵. По другим данным, в Малой Башкирии в 1921–1922 гг. насчитывалось 223 тыс. 303 беспризорных детей, из них были отправлены в другие губернии РСФСР только 11 тыс. 859 детей, из которых удалось вернуть к 1926 г. 6 тыс. 55 человек, осталось около 5 тыс. 804⁶. Впрочем, имеются сведения о том, что только из Уфимской губернии к концу 1921 г. было эвакуировано свыше 90 тыс. детей⁷. В данном случае указанное количество не соответствует действительности, так как за 1921 г., по официальным данным, в масштабах Советской России было перевезено в общей сложности только 55 тыс. 355 детей⁸. Из них в пути заболело 554 ребенка, скончалось 185.

По состоянию на октябрь 1921 г. из Уфимской губернии было эвакуировано 2293 (2098) несовершеннолетних, в том числе 525 детей из Уфы в Семипалатинск, 540 из Бирска и Уфы – в Новониколаевск (Новосибирск), 150 из Уфы – в Екатеринбург, 560 детей из Белебеевского уезда – в Барнаул и т. д.⁹ В следующие 2–3 месяца планировалось вывезти 600 детей в Гомель, 600 чел. во Владивосток, 500 чел. – в Витебск, 300 – в Устюг, 300 – в Тулу¹⁰. По неполным сведениям, с 1 июня 1921 г. по 1 августа 1922 г. из Башкирии в другие регионы было вывезено 3 тыс. детей¹¹.

5 февраля 1922 г. состоялось заседание Комиссии помощи голодающим Уфимской губернии, на котором было постановлено: от дальнейшей организации детских домов отказаться, перенести всю работу на места. Было принято решение принимать новых детей в детдома только по мере эвакуации проживающих в этих учреждениях в благополучные губернии или возвращения родным, а также путем сокращения штата служащих¹². Однако впоследствии было решено открыть новые детские дома, но принимать туда в первую очередь сирот и полусирот, так как в детучреждениях

¹ ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 29. Л. 1.

² Там же. Л. 2.

³ Там же. Д. 1. Л. 60.

⁴ Королева В.М. Социально-правовая охрана несовершеннолетних (1920–30-е гг.). Ростов-на-Дону, 1996. С. 22.

⁵ Гумеров Г.Х. «Башкиропомощь» и «Башпомгол» // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Уфа, 1959. С. 245.

⁶ Десять лет. Советская Башкирия к 10-й годовщине Октябрьской революции. Уфа, 1927. С. 146.

⁷ ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 29. Л. 60.

⁸ XV лет работы по улучшению жизни детей (Стенограмма заседания Президиума ВЦИК 20 февраля 1936 г.). М., 1936. С. 11.

⁹ ГА РФ. Ф. А-1575. Оп. 6. Д. 29. Об. л. 53.

¹⁰ Там же.

¹¹ Детская беспризорность на Южном Урале в 1920-е годы: Сборник документов и материалов / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2013. С. 6.

¹² Власть труда. 1922. 14 февраля.

было много детей, имеющих родителей¹. Было одобрено постановление о фильтровке контингента питомцев в детучреждениях.

В тезисах агитационной работы по подготовке «Недели помощи беспризорному и больному ребенку» в Башреспублике за май 1923 года говорится о том, что в Башкирии помещено в дома и отправлено организованным путем в благополучные по урожаю местности свыше 30 тыс. беспризорных детей. Осталось своевременно поддержанных питанием беспризорных детей около 100 тыс. человек².

В апреле 1922 г. в Смоленской губернии ожидался транспорт с детьми из Башкирии в количестве 1000 человек. Всего из голодающих губерний сюда к указанному времени прибыло 2 тыс. 439 детей³. В Черниговскую губернию были эвакуированы 430 детей из Башкирии⁴, в Псковскую – 960⁵.

На государственные средства открывались столовые для нуждающихся, особенно для детей. Причем количество питающихся в столовых с каждым месяцем увеличивалось. Имеются следующие данные о количестве питающихся в столовых детей в Уфимской губернии по месяцам в конце 1921 и начале 1922 г.: ноябрь – 23 тыс. 579, декабрь – 83 тыс. 568, январь – 186 тыс. 296, февраль – 190 тыс. 444, март – 221 тыс. 238, апрель – 250 тыс. 190, май – 225 тыс. 770, июнь – 400 тыс. 636⁶.

Для борьбы с голодом и предупреждения развития эпидемии цинги Наркоматом здравоохранения БАССР в 1921–1922 гг. в наиболее нуждающихся кантонах, в частности Тамьян-Катайском и Бурзян-Тангауровском, были организованы питательные отряды⁷. В Стерлитамаке функционировали специальный госпиталь для голодающих детей и взрослых на 150 коек⁸ и питательный пункт на 5 тыс. чел. из Харбина⁹. А также на территории Башкирии организовали 6 врачебно-питательных отрядов из Тамбовской губернии, сформированный на Смоленщине и содержащийся смолянами врачебно-питательный отряд № 5 Российского общества Красного Креста с пропускной способностью 6 тыс. человек в день, который в течение 4-х месяцев оказывал помощь голодающим Юрматынского кантона Малой Башкирии¹⁰, питательный поезд Киевского военного округа. Санитарно-питательный отряд № 5 развернул в Малой Башкирии 3 врачебных пункта и 30 столовых, благодаря которым были спасены от голодной смерти и болезней несколько тысяч человек населения Юрматынского кантона¹¹.

Врачебно-питательный поезд № 17, обслуживающий голодающее население вдоль железной дороги между Уфой и станцией Раевка, ежедневно кормил 17 тыс. человек и организовал в Раевке детский дом¹². Данный состав работал на территории Башкирии с 1 января по 18 июня 1922 г., за это время им было выдано 1 млн. 4 тыс. 450 порций обедов, принято на лечение в амбулаторию 3 тыс. детей¹³. С 18 июня 1921 г. на станции Раевка детей обедами снабжал поезд № 26: отпустил 370 тыс. 606 обедов, здоровье поправили 507 детей¹⁴.

В апреле 1922 г. на территории Малой Башкирии действовали 962 государственные столовые, в которых получали питание 136 тыс. 950 чел., в том числе 93 тыс. детей¹⁵. Всего к июню

¹ Власть труда. 1922. 28 февраля.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 143. Л. 26, 27.

³ Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине. 1918–1938 гг. : Документы и материалы. Смоленск, 1994. С. 47, 48.

⁴ НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 1. Д. 112. Л. 61.

⁵ Известия. 1922. 17 июня.

⁶ Сайранов Х.С. Упрочение Советской власти в Башкирии (1919–1922). Уфа, 1957. С. 118.

⁷ Отчет о деятельности Народного Комиссариата Здравоохранения Башреспублики за время с июля 1921-го по 1-е ноября 1922 г. Уфа, 1922. С. 8.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Гумеров Г.Х. «Башкиропомощь» и «Башпомгол» // Сборник «Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии». Уфа, 1959. С. 250.

¹⁰ Вестник Башкирского народного комиссариата здравоохранения. Уфа, 1923. № 2–3. С. 88.

¹¹ Веревкин И.И., Петухов В.А. Помощь трудящихся Смоленщины башкирскому народу в борьбе с голодом 1921–1922 гг. / К проблеме нации и национальных отношений. Уфа, 1984. С. 116.

¹² Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II (Советский период). Уфа, 1966. С. 196.

¹³ РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 204. Л. 60.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Саяпов Т.Ш. Ленинский комсомол Башкирии. Исторический очерк. Уфа, 1978. С. 57.

1922 г. в Малой Башкирии работали 992 столовых на 213 тыс. чел., в Уфимской губернии – 800 столовых на 272 тыс. 750 чел.¹ По данным отдела питания Центросоюза РСФСР, на 1 июля 1922 г. в Уфимской губернии были открыты 318 столовых для детей, в которых столовалось 111 тыс. 678 детей, 53 пунктов выдачи пищи для 15 тыс. 100 чел. взрослого населения². В Башреспублике имелось 656 детских столовых на 89 тыс. 403 несовершеннолетних, а также 336 точек приготовления и употребления еды для 45 тыс. 793 для других возрастных категорий населения³. По другим данным, к лету 1922 г. в Башкирии действовало несколько тысяч столовых, которые обеспечивали питанием почти полтора миллиона человек⁴. К концу 1922 г. в республике было открыто 126 питательных пунктов, в которых в общей сложности получали бесплатное питание 7 тыс. 414 детей⁵.

Помголы разных организаций оказывали помощь детскому населению Башкирии. 29 апреля 1922 г. по ходатайству представительства Башкирской АССР Комиссия помощи голодающим при Реввоенсовете Республики разрешила взять Смоленской фронтовой комиссии помощи голодающим на свое иждивение 1000 башкирских детей⁶. Затем 27 июня 1922 г. Комиссией помощи голодающим Московско-Курской, Нижегородской, Муромской и окружной железных дорог было взято в Башкирии на свое иждивение до нового урожая 3000 голодных детей.

Если в 1921–1922 гг. борьба с детской беспризорностью носила стихийный характер и заключалась в размещении детей в детских домах, распределении по учреждениям, эвакуации, то в конце 1923 – начала 1924 гг. начинает носить плановый и систематический характер. В БАССР приступили к так называемой разгрузке детских домов. Она заключалась в возвращении воспитанников к родителям и родственникам, передаче сирот в частные семьи. Широкая сеть детских домов в основном свою задачу выполнила, спасла многим тысячам детей жизни от голодной смерти, дала им пищу, приют. Содержание такого огромного количества детучреждений обходилось очень дорого для Советского государства. Вдобавок с улучшением продовольственного положения республики воспитывать детей, имеющих родителей, родственников, не имело смысла. Для проведения разгрузки были созданы специальные комиссии.

В эти годы распространение получили патронат и опекунов. В некоторые семьи на добровольной основе, по договору с государственными органами здравоохранения и народного образования, передавались на воспитание безнадзорные и беспризорные дети. Такая практика содействовала предупреждению беспризорности и преступности несовершеннолетних⁷. Детей на воспитание брали и крестьяне, и городские жители⁸.

Таким образом, в 1920-е годы государственно-партийными органами Башкирии была проделана большая работа по борьбе с детской беспризорностью и созданию системы защиты детства. Местным властям пришлось пройти тяжелое испытание в виде голода с его тяжелыми последствиями: эпидемиями, высокой смертностью, миграцией населения, ростом детской беспризорности и преступности. Можно сказать, что благодаря открытию детских учреждений интернатного типа, эвакуации детей в урожайные и благоприятные в продовольственном отношении местности, губернии, открытие бесплатных столовых, питательных пунктов, шефству отдельных организаций, учреждений над детьми, возвращению детей к родителям или к родственникам, частному патронату в некоторой степени удалось решить проблему детской беспризорности в Башкирии.

© Р.Р. Абдрахманов, 2022

¹ Гумеров Г.Х. «Башкиропомощь» и «Башпомгол» // Сборник «Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии». Уфа, 1959. С. 245.

² РГАСПИ. Ф. 76. Оп.3. Д. 204. Л. 61.

³ Там же.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. II (Советский период). Уфа, 1966. С. 196–197.

⁵ Мустафина Ф.Х. Расцвет народного образования в Башкирской АССР. Уфа, 1968. С. 76.

⁶ Образование Башкирской Автономной Советской Социалистической Республики. Уфа, 1959. С. 654.

⁷ Королева В.М. Социально-правовая охрана несовершеннолетних (20–30-е гг.). Ростов-на-Дону. 1996. С. 7.

⁸ НА РБ. Ф. 122. Оп. 3. Д. 154. Об. л. 104.

ГЕНЕЗИС НАГАЙБАКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ В XVIII–XX ВЕКАХ

И.Р. Атнагулов

(ИИиА УрО РАН, Екатеринбург)

Этническая история России XVIII–XX вв. складывалась при непосредственном воздействии фактора внутренней политики государства. Ряд высочайших указов периода империи, решений и постановлений советского времени были направлены на создание политико-административной системы, обеспечения безопасности на приграничных территориях государства и социального дизайна в регионах со значительной долей неславянского населения. Одним из эпизодов этнической истории Южного Приуралья является развитие феномена нагайбакской идентичности, на примере которого удобно рассматривать генезис, механику и логику подобных процессов.

Нагайбаки – новая идентичность, возникшая в начале второй трети XVIII в. в Уфимской провинции на территории Восточного Закамья. За всю недолгую историю своего развития эта группа прошла путь от сословной группы казаков в составе крещёных татар до народа, зафиксированного переписями населения 1926, 2002 и 2010 гг. Целью статьи является определение основных формообразующих нагайбакской идентичности – этнокультурных, социально-политических. Генезис нагайбакской идентичности происходил в русле этнических процессов Среднего Поволжья, Нижнего Прикамья и Южного Приуралья XVIII–XX вв., на которые решительное влияние оказывала внутренняя политика государства, направленная на социальное строительство во вновь образованных субъектах Российской империи и СССР (табл. 1).

Таблица 1

Политико-административный фактор генезиса нагайбакской идентичности

Периоды, годы	Государственные проекты
Втор. пол. XVI – первая треть XVIII вв.	Крещение казанских татар
1736 г.	Перевод крещёных татар Уфимской провинции в сословие казаков
Втор. пол. XVIII – первая треть XIX в.	Организация мероприятий по социальному изолированию казаков-нагайбаков от татар-мусульман
Конец XVIII в.	Создание кантональной системы административного деления и управления в казачьих войсках
1843 г.	Переселение казаков-нагайбаков в Южное Зауралье, создание для них в Верхнеуральском уезде моноэтнических, компактно расположенных посёлков
1926 г.	Внесение нагайбаков в основной список народов СССР
1927 г.	Создание Нагайбакского административного района

Как известно, основными этническими компонентами данного региона до середины XVI в. являлись тюрки и финно-угры. После присоединения этих земель к Русскому государству появляется третий – восточно-славянский. Миграционные процессы, охватившие практически все народы Среднего Поволжья и Нижнего Прикамья, к концу XVIII в. сильно изменили этническую карту региона. Изменилась конфигурация расселения народов, этнические границы приобрели более сложные очертания, появилось множество анклавов, территорий со смешанным этническим составом. В Южном Приуралье, на землях башкир появились русские, чуваша, татары, марийцы, мордва,

удмурты. У некоторых из них отрыв от этнической территории стал, с одной стороны, причиной консервации архаичных черт культуры, с другой – её дальнейшей модификации под влиянием новых межэтнических контактов.

Наконец, по разным причинам, появились новые этнокультурные феномены – кряшены, нагайбаки, тептяри, мещеряки, русские казаки, восточные марийцы, закамские удмурты, чуваша Башкортостана и другие. По материалам переписи 1897 г. были зафиксированы, как самостоятельные, тептярский и мещеряцкий языки, а перепись 1926 г. тептярей, мещеряков и нагайбаков внесла в список народов СССР. Чуваша Башкортостана, восточные марийцы и закамские удмурты, не изменив этнического самосознания, вместе с тем выработали и сохранили до настоящего времени комплексы весьма оригинальных этнокультурных черт. Причины генезиса и механика развития этих новых идентичностей были обусловлены факторами этнокультурных взаимодействий и внутренней политики государства. Исторический опыт такого рода процессов был изучен нами на материале нагайбаков, которые, как отмечалось, за весьма короткий исторический промежуток времени стремительно эволюционировали от сословной (конфессионально-сословной) группы татар до народа с оригинальной идентификационной базой (табл. 2).

Таблица 2

Структура идентичностей нагайбаков в динамике

1552–1736	1736–1843	1843–1926	1926 – н. время
Крещёные татары в составе волго-уральских татар	Сословие казаков в составе уфимских крещёных татар	Этническая группа в составе Оренбургских казаков	Народ в списке национальностей СССР и России
Доминантные идентичности			
Конфессиональная	Сословная в сочетании с конфессиональной	Этническая в сочетании с сословной и конфессиональной	Этническая

До 1736 г. предки нагайбаков являлись частью так называемых уфимских крещёных татар (уфимских новокрещёных) и ничем среди них не выделялись, но уже после событий, связанных с деятельностью Оренбургской экспедиции, эта группа становится новым социальным феноменом в этнокультурном пространстве Южного Урала. В одном из указов Анны Иоанновны (от 11 февраля 1736 г.) говорится о формировании в Оренбурге казачьего войска из яицких и сибирских казаков, уфимских служилых мещеряков, крестьян Теченской слободы и уфимских новокрещёных¹. Последние, согласно тому же указу, были переселены во вновь построенную крепость Нагайбакскую и близлежащие деревни². Название крепости, по сообщению П.И. Рычкова, было дано в соответствии с местной башкирской топонимией³. Обозначения «казаки Нагайбакской станицы», «нагайбакские казаки», «казаки-нагайбаки» изначально были внешними, использовавшимися исключительно русской администрацией. Самоназванием этой группы продолжал существовать общий со всеми крещёными татарами конфессионим – керэшеннэр. Таким образом, импульс к возникновению новой идентичности был дан русской администрацией.

Кроме того, действия властей по отношению к казакам-нагайбакам продолжились тем, что из всех населённых пунктов, в которых они проживали, было выселено все татарское мусульманское население. В 1798 г. в результате реформы административного устройства Оренбургской линии

¹ Добросмыслов А.И. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1735 и 1736 годы. Оренбург : Типо-литография Ф.Б. Сачкова, 1900. Т. II. С. 190–198.

² Рычков П.И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочинённое коллежским советником и Императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым. СПб. : Императорская Академия наук, 1762. Ч. 2. С. 206–208.

³ Там же.

населенные пункты нагайбаков составили отдельный третий кантон, вошедший вместе с остальными четырьмя русскими в состав Оренбургского войска. В то время для башкир и мещеряков были созданы отдельные кантоны по этническому признаку, составившие самостоятельное Башкиро-Мещеряцкое войско. Находясь, во-первых, в одних селениях с кряшенами неказачьих сословий; во-вторых, в окружении населённых пунктов с мусульманским населением; в-третьих, в составе одного войска с русскими казаками, нагайбаки оказались в таких социальных условиях, которые задали вектор дальнейшего развития их идентичности. Конфессиональная идентичность нагайбаков сохранялась и укреплялась благодаря тесным контактам с остальными кряшенами и русскими казаками. Последние также влияли на усиление сословной идентичности нагайбаков, которая социально дистанцировала их от ближайших родственников – татар-мусульман и кряшен и усилилась после 1843 г.

Во время строительства Новолинейного района в 1840-х гг. нагайбаки вместе с русскими казаками были переселены в Южное Зауралье. Самая большая группа нагайбаков оказалась в Верхнеуральском уезде. Здесь в этническом окружении русских казаков, наряду с конфессиональной и сословной идентичностями, начался процесс трансформации этнической. Для окружающего их русского населения они, в первую очередь, являлись «инородцами», говорившими на своём языке и обладавшими оригинальными этнокультурными комплексами. Внешнее название-соционим «нагайбаки» в литературе второй половины XIX века уже стало использоваться как этноним. Для непосвящённого читателя обычно делалось уточнение. Например, «Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии)»¹. Дрейф этнической идентичности нагайбаков и её сепарация были зафиксированы в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 г. Все последующие переписи советского периода учитывали нагайбаков вместе с татарами. Однако данные, полученные при изучении материалов похозяйственных книг, свидетельствуют о сохранении нагайбакской этнической идентичности, а численность этой группы существенно не изменилась (табл. 3).

Таблица 3

Динамика численности нагайбаков в XX веке

Годы	1926	2002	2010
Численность (чел.)	11219	9600	8148

Кульминационным моментом генезиса нагайбакской идентичности можно считать факт создания в 1927 г. Нагайбакского административного района, существующего поныне в Челябинской области. Фиксация этнической территории нагайбаков в рамках административных границ является очередным фактором государственного воздействия, усиливавшего их этническую идентичность. Последним подобного рода событием было признание в 1993 г. нагайбаков в качестве коренного малочисленного народа Российской Федерации.

Таким образом, формирование нагайбакской идентичности за относительно короткий исторический период времени происходило под влиянием государственной политики по социальному строительству в Южном Приуралье и этнокультурным контактам, протекавшим при усилившихся в XVIII–XIX вв. миграционных процессах. Основными формообразующими нагайбакской идентичности в этнокультурном отношении являлись татары волго-уральские при вероятном участии некрещёных чувашей, какой-то части восточных марийцев Башкортостана и закамских удмуртов. Вторым формообразующим стало русское влияние, проявившееся в политико-административном и социальном строительстве в Южном Приуралье. Начиная с 1843 г. русские влияния отразились и на этнокультурном облике нагайбаков. Внесение в официальный список народов СССР в 1926, образование Нагайбакского района в 1927 и получение статуса коренного малочисленного народа

¹ Бектеева Е.А. Нагайбаки. (Крещёные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. Периодическое издание Отделения этнографии Русского географического общества / Под ред. председательствующего в отделении этнографии В.И. Ламанского. 1902. Вып. II. С. 165.

Российской Федерации в 1993 г. нагайбакскую этническую идентичность со стороны государства легитимировали окончательно.

© И.Р. Атнагулов, 2022

УДК 314.727.2(470.57)

УРБАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БАШКИР В БАШКОРТОСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

Н.В. Ахмадиева
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Исследование проблем социальной стратификации башкирского этноса в условиях урбанизации получило значительное развитие. Имеется обширная литература по проблемам социального развития Башкортостана, социологии города, социальному развитию башкирского городского населения и т. п., где с разной степенью углубленности анализировались социальные характеристики этноса¹. Последующее изучение социально-экономического развития башкир остается не менее актуальной задачей для историков и обществоведов. В данной статье предпринята попытка анализа динамики социально-профессиональных, профессионально-отраслевых характеристик башкирского городского населения в период с конца 1950-х гг. и до 1989 г. – начала нового этапа кардинальных социально-экономических трансформаций.

При анализе социальной стратификации городского башкирского населения республики второй половины XX в. были использованы материалы статистики, в частности переписей населения 1959–1989 гг. Они способствовали раскрытию данных о распределении населения основных, в количественном плане, национальностей (башкир, русских и татар) по отраслевому признаку, по роду занятий, по уровню образования.

Продолжавшийся процесс урбанизации Башкирской АССР во второй половине XX в. привел к значительным изменениям в росте и размещении башкирского населения. К концу 1950-х гг. 100,6 тыс. башкир республики, или 13,6 % от их общей численности, проживало в городах². В последующие годы продолжилась концентрация башкирского населения путем его перемещения из сел в города, из малых и средних городов в крупные, повышалась урбанизированность села вследствие проникновения городских стандартов жизни. К 1989 г. 365,4 тыс. башкир (или 42,3 %) являлись горожанами, следовательно, титульное население республики еще не совершило свой урбанизационный переход³.

Башкиры стали активно вовлекаться в процессы урбанизации именно в послевоенный период. Рост населения городов обеспечивал миграционное и естественное движение населения. В целом же в рассматриваемые годы в республике произошло увеличение численности горожан с 1291 тыс. до 2516 тыс. человек, или на 94,8 %⁴, что превышало общероссийские показатели – 76 %⁵.

---

¹ Файзуллин Ф.С. Социологические проблемы города. Саратов, 1981; Он же. Социология города. Санкт-Петербург; Уфа, 1997; Киекбаев М.Д. Башкиры в городах Башкортостана: история и современность (опыт историко-этнографического и этносоциологического исследования). Уфа, 1998; Султанмуратов И.З. Социально-демографическое развитие этноса (на примере башкир). Уфа, 2009 и др.

² Подсчитано по: Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С. 18.

³ Подсчитано по: Там же. С. 69.

⁴ Подсчитано по: Население Республики Башкортостан (по данным Всероссийской переписи населения 2002 года). Статистический сборник. Уфа, 2006. С. 7; Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. С. 18.

⁵ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 137.

Таблица 1

Динамика численности городского населения БАССР в 1970–1989 гг.¹

Национальности	Число лиц данной национальности (чел.)			1989 г в % к		Удельный вес в %		
	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1970 г.	1979 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
Всего	1 839 163	2 181 724	2 516 640	136,8	115,4	100,0	100,0	100,0
Башкиры	175 950	263 573	365 474	207,7	138,7	9,6	12,1	14,5
Русские	1 100 003	1 218 185	1 285 283	116,8	105,5	59,8	55,8	51,1
Татары	408 769	515 341	647 643	158,4	125,7	22,2	23,6	25,7

Подсчеты, сделанные по данным таблицы 1, показывают, что в 1970 г. численность и доля башкирского населения в городах были ниже, чем у татарского населения в 2,3 раза, русского – в 6,2 раза. В 1989 г. разрыв башкир с татарским населением сократился до 1,7 раз, с русским – до 3,5 раз.

В то же время темпы увеличения доли городского населения среди башкир были опережающими. Доля горожан в общей численности башкирского населения в 1970–1989 гг. возросла с 19,7 % до 42,3 %, русского – с 71,1 до 83 %, татарского населения – с 43,3 до 57,8 %. Если в 1970 г. более 80 % башкир были сельчанами, то в 1989 г. в их доля составила лишь 57,7 %² (таблица 2). Таким образом, башкирское население республики в большей степени, чем русское и татарское население подверглось процессам ускоренной урбанизации, последствием которой стало изменение целого ряда социально-демографических и социокультурных характеристик этноса. В подтверждение этого приведем высказывание российского урбаниста А.С. Сенявского, что в целом урбанизационный переход заключается в чрезвычайно высоком по историческим меркам радикальном преобразовании всех сторон общественной жизни на «городских» началах: производственной, экистической (расселение людей), социально-демографической и социальной структур. Речь идет о качественном изменении всех материальных, социокультурных основ жизни общества, его производительных сил, о радикальном изменении образа жизни и менталитета народа³.

Вышеупомянутые процессы в определенной степени характеризуют пути развития башкирского этноса во второй половине XX в., не выявляя лишь их этническую специфику, которая заключается в том, что урбанизационный переход для башкир не был завершен. Большая доля титульного населения республики по-прежнему выбирала сельский образ жизни и сельскую среду обитания, поэтому указанным трансформациям подверглась лишь определенная часть башкирского этноса.

Анализ социальных различий в среде городских башкир и нетитульного (русского и татарского) городского населения республики в период между 1959 и 1989 гг. позволяет выявить изменения в этносоциальной структуре коренного этноса. В целом в «эпоху социализма» социально-классовый состав городского населения был относительно однородным, что определялось самой системой общественных отношений. В то же время имелись значительные количественные и качественные изменения в соотношении между занятыми в производственных и непромышленных отраслях, между рабочими и служащими, а также происходили существенные сдвиги внутри составных элементов социальной структуры городского населения БАССР.

В материалах переписи 1959 г. и в последующих переписях 1970–1989 гг. нет сопоставимых сведений по социально-профессиональной структуре башкирского населения в городах, поэтому достаточно сложно выявить этническую дифференциацию их профессионально-отраслевого и социально-профессионального состава. В то же время можно предположительно вычленить комплекс преимущественно «городских» профессий, в которых были заняты рабочие и служащие городов. В конце 1950-х гг. среди литейщиков, металлургов, в производстве кокса башкиры занимали незначительный удельный вес (9,6 %) по сравнению с татарским (16,8 %) и особенно

¹ Таблица составлена по: Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С. 64.

² Составлено по: Там же. С. 69.

³ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 36.

русским (68,3 %) населением, что было связано в большей степени с низкой долей городского титульного населения. Это касалось и других занятий. Так, в рядах металлургов разрыв еще более усиливался. Доля рабочих – машинистов и операторов прокатных станов у башкир была чуть больше, чем у татарского населения республики, но в 6,5 раз уступала русскому населению. В химической отрасли промышленности было занято 7,4 % башкир, 20,5 % татар, 63 % русских, в текстильной отрасли – аналогично 8,6 %, 27,9 %, 56,5 % населения. Доля занятых в транспортной сфере (в том числе и на городском электротранспорте) колебалась от 11 % у башкирского, 20,9 % у татарского, 56,3 % у русского населения. В занятиях швейников, строителей, водников, коммунальщиков, железнодорожников и др. доля башкир также уступала татарскому и русскому населению¹.

Поскольку численность башкир-горожан была незначительной, их доля в структуре рабочих профессий также не выделялась большими масштабами. Так, подсчеты, сделанные по данным переписи населения 1959 г., показывают, что доля башкир-рабочих составляла 13,2 % от всех рабочих, в то время как у татарского населения республики аналогичные показатели насчитывали 20 %, у русского населения – 54,8 %. В отраслях промышленности было представлено 9,6 % рабочих башкир, 19,5 % – татар, 61,9 % русских. В 4,9 раза доля русских рабочих, занятых в сфере строительства, опережала долю башкир, в 1,9 раз – долю татар². Безусловно, учитывая исторические реалии «советского строя» конца 1950-х и последующих годов, не следует говорить о серьезных диспропорциях социально-экономического развития отдельных слоев и этносов. Значительная доля советских граждан находилась в примерно однородных социальных условиях, отличавшихся лишь характером и содержанием труда, с небольшой разницей в его оплате (по сравнению с современностью). О статусной роли различных видов профессиональной деятельности в условиях, когда «любой труд был почетен», а пролетариат преподносился как передовой класс социалистического общества, судить сложно, поскольку социально-психологические противоречия социальных неравенств внутри общества были частично сглажены.

Тем не менее в конце 1950-х и последующие годы в городах республики ощущался дефицит высококвалифицированных специалистов и специалистов средней квалификации среди башкир. Бывшие мигранты из сел, городские башкиры, имели в основном среднее образование. Так, в 1959 г. на тысячу человек городских башкир приходилось 43 человека с высшим и незаконченным высшим образованием, 45 со средним специальным, 371 со средним и неполным средним образованием³. Коренное население недостаточно вовлекалось в процессы получения высшего и среднего специального образования, что затормаживало развитие его профессионально-квалификационной и социальной структуры.

Структура занятости башкирского населения в городах менялась в пользу непроектной сферы (образование, культура, наука и научное обслуживание, здравоохранение). В то же время доля занятых в ней была меньше доли городского башкирского населения. Лишь доля работников искусства из башкир в 1959 г. превышала долю башкир-горожан. Среди категории служащих выделялись работники торговли, общепита, заготовок, снабжения и сбыта – 15,9 %, судьи и прокуроры – 20,3 %, юридический персонал – 17,0 %, однако данные профессии были распространены как в городе, так и на селе. Значительным был и слой управленцев различного уровня⁴.

На «коренизацию» руководящих кадров в союзных и автономных республиках в конце 1950-х гг. повлияли внутривластные факторы – смерть И.В. Сталина и смена руководства страны. Под руководством Л.П. Берии в республиках началась замена высшего и среднего звена руководства национальными кадрами: на поддержку национальных элит он рассчитывал в ходе дальнейшей внутривластной борьбы. Положение коренных наций в сфере руководящих органов сохранилось и после его ареста, причем в ряде республик доля нацкадров преобладала⁵. Однако

¹ Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 76–77.

² Подсчитано по: Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С. 31.

³ Подсчитано по: Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. М., 1973. С. 434.

⁴ Юлдашбаев Б.Х. Указ. соч. С. 76–77.

⁵ Сумачева М.В. Этнические процессы на Урале во второй половине XX в. Екатеринбург, 2009. С. 81.

делать вывод о преобладании башкирского этноса в управлении, судя по данным переписи 1959 г., было бы неверным. Руководители органов государственного управления и их структурных подразделений в БАССР на 26,8 % состояли из башкир, в то время как у русских аналогичные показатели составляли – 36,7 %, у татар – 24,5 %¹.

В материалах переписи населения 1970 г. в г. Уфе в структуре титульного населения, занятого в сфере физического труда, наибольшей группой являлись металлурги, металлисты и машиностроители, строители, транспортники, химики, работники коммунального хозяйства и бытового обслуживания – в данных отраслях было представлено от 5,7 до 30,3 % башкир. В таких трудоемких, с большой долей ручного труда отраслях, как строительство, и «вредном» химическом производстве удельный вес башкир даже превышал аналогичные показатели по русскому и татарскому населению².

Для сравнения отметим, что в ряде республик Средней Азии, Закавказья, Прибалтики и Казахстана в 1960–1980-е гг. работники промышленных предприятий оказывались преимущественно «русскоязычными» мигрантами, а «коренные» нации были заняты главным образом в престижных отраслях, составляя руководящие кадры, интеллигенцию и т. д. В ряде республик урбанизация осуществлялась в основном за счет внешних источников (финансовых, материально-технических, людских ресурсов), оказавшись этнически привнесенной: местное население почти не пополняло на первых этапах города, которые строились русским и русскоязычным населением³. В то же время участие башкир республики в промышленном производстве, в отраслях тяжелой промышленности, нефтехимии было активным.

При этом имеет смысл подчеркнуть, что в сфере умственного труда доля управленцев-башкир была выше, чем у русских и татар, как и в среде массовой интеллигенции – медицинских работников, научных работников, педагогов и воспитателей, работников литературы и печати, искусства, юридического персонала, инспекторов, контролеров и ревизоров, работников коммунальных предприятий и бытового обслуживания⁴.

В целом, по данным переписи населения 1970 г., социальная структура городского башкирского населения выглядела следующим образом. Распределение населения отдельных национальностей по источникам средств существования и общественным группам показало, что занятое население составляло 46,7 % от всех городских башкир, причем рабочими были 48,5 %, служащими – 50,7 %, колхозниками – 1,4 %. Доля мужского занятого населения среди городских башкир была выше, а женского – ниже общегородских показателей. Доля рабочих-мужчин насчитывала 52,5 %, женщин – 44,8 %, среди служащих аналогичные показатели выглядели следующим образом – 49,7 % и 51,5 %. Среди колхозников соответственно: 2,7 и 0,6 %⁵. Эти данные свидетельствуют о том, что рабочие и служащие составляли абсолютное большинство горожан, определяя социальный облик городов республики. Вместе с тем доля служащих в составе городских башкир имела тенденцию к увеличению в основном за счет научно-педагогической, культурно-просветительской, медицинской и других отрядов интеллигенции.

В рассматриваемые годы сближение башкир, в том числе и городских, с русским населением происходило не по всем показателям. Так, представительство различных этносов в сфере управления было одним из важнейших индикаторов их социального развития. В 1970 г. в БАССР в расчете на 1000 человек общие показатели по руководящим работникам среди башкир были в 1,5 раза ниже, чем у русских. Доля технических кадров интеллигенции у русских в 2,7 раза превосходила соответствующие данные у башкир. Башкиры были недостаточно представлены в административно-управленческой, производственно-технической структуре занятого населения республики, уступая в этом русским и татарам. В то же время представительство башкир в составе медицинских, научно-педагогических и культурно-просветительских кадров превышало общереспубликанские показатели⁶. Учитывая, что данные категории интеллигенции (медики и культпросветработники) являлись довольно низкооплачиваемыми категориями населения, социальная

¹ Юлдашбаев Б.Х. Башкиры и Башкортостан. XX век. Этностатистика. Уфа, 1995. С. 77.

² Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Уфа, 1973. С. 139–142.

³ Сенявский А.С. Урбанизация России в XX веке: Роль в историческом процессе. М., 2003. С. 132.

⁴ Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Уфа, 1973. С. 139–142.

⁵ Юлдашбаев Б.Х. Указ. соч. С. 66–67.

⁶ Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1970 г.). Уфа, 1973. С. 18.

престижность данных профессий имела лишь моральное, статусное значение.

К концу рассматриваемого периода в этносоциальной структуре городского населения республики фактически исчезли колхозники, а подавляющей частью городских башкир стали рабочие и служащие. Если рассматривать распределение титульного городского населения только по общественным группам, то к 1989 г. рабочие башкиры составляли 67,4 %, а служащие 29,2 % ко всем городским башкирам. У мужчин данное соотношение выглядело как 73,4 и 24,2 %, у женщин – 61,8 и 33,8 %¹. Данное соотношение у русских и татар отличалось незначительно, что свидетельствовало об определенной «искусственно сформированной» однородности социального состава населения городов республики.

В сфере умственного труда доля занятого населения увеличивалась как в среднем по республике, так и по отдельным этносам. В период между переписями населения 1979–1989 гг. доля городских башкир, занятых в сфере умственного труда, почти выровнялась до общереспубликанских показателей и составила 26,4 %. В то же время до общегородского уровня башкиры-горожане не «дотягивали», в то время как русские и татары опережали общие показатели как по республике, так и по городу. В 1989 г. доля занятых умственным трудом среди городских башкир составила 31,2 %, среди русских – 35,9, татар – 33,0 %².

Таблица 2

*Профессионально-отраслевая структура занятого городского населения в 1989 г.
(в %% к общей численности занятых данной национальности)³*

	Всего	в том числе		
		башкиры	русские	татары
Все отрасли народного хозяйства				
В том числе:	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	45,1	41,8	47,6	42,9
Сельское хозяйство	1,7	2,8	1,2	1,9
Лесное хозяйство	0,4	0,5	0,3	0,4
Транспорт	7,6	6,6	7,7	7,8
Связь	1,0	0,8	1,1	0,9
Строительство	11,3	13,8	9,9	11,8
Торговля и общественное питание	6,5	6,4	5,9	8,0
Материально-техническое снабжение и сбыт	0,8	0,8	0,8	0,8
Заготовки	0,2	0,3	0,2	0,3
Прочие отрасли материального производства	1,0	0,9	1,0	0,9
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание населения	4,0	4,2	3,8	4,2
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	4,8	5,2	4,6	5,1
Народное образование	7,7	8,3	7,7	7,4
Культура и искусство	1,0	1,1	1,0	1,0
Наука и научное обслуживание	2,5	1,9	2,9	2,2
Кредитование и государственное страхование	0,5	0,6	0,5	0,6
Управление	2,9	2,9	2,8	2,8
Партийные и общественные организации	0,4	0,5	0,4	0,4

¹ Распределение населения Башкирской АССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1991. С. 11.

² Профессиональный состав населения Башкирской АССР (по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г.) Уфа, 1991. С. 69.

³ Распределение населения Башкирской АССР по общественным группам, отраслям народного хозяйства и источникам средств существования. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Уфа, 1991. С. 53–54.

Как видно из данных таблицы 2, профессионально-отраслевая структура городского населения республики по основным национальностям выглядит достаточно сбалансированной. Городские башкиры были широко представлены в отраслях как материального, так и нематериального производства. В промышленности их доля незначительно уступала русскому и татарскому населению, в сельскохозяйственном производстве – несколько превышала нетитульные этносы. В сфере торговли и общественного питания, жилищно-коммунального хозяйства и бытового обслуживания, здравоохранения, социального обеспечения, народного образования, культуры и искусства, а также в управленческой сфере доля башкир слегка превалировала.

Материалы переписи населения 1989 г. показывают, что доля башкир в составе занятых умственным трудом в отряде научных работников, преподавателей и воспитателей была больше, чем у русских и татар. Представительство русских в составе административно-управленческой, инженерно-технической интеллигенции и работников планирования и учета опережало остальные национальности. Вторыми по данным группам интеллигенции были татары. К концу 1980-х гг. имелись незначительные диспропорции в профессионально-отраслевой структуре интеллигенции республики, значительная часть которой базировалась в городах: они по-прежнему сохранялись, хотя и не были столь масштабными¹.

Подытоживая динамику развития социальной структуры башкир в городах, отметим, что в рассматриваемые годы имелась незначительная этническая дифференциация в структуре занятого населения республики, что вполне оправдывалось исторической ситуацией, общими этапами и процессами вхождения башкирского этноса в урбанизированную среду, однако эти различия не были столь принципиальными. Башкиры довольно активно интегрировались в городское пространство, занимали как престижные социальные ниши (в управлении, в сфере высококвалифицированного умственного труда), так и трудились в трудоемких отраслях с высокой долей ручного труда. Для данного этапа делать вывод о серьезных деструктивных моментах в развитии социальной структуры башкир-горожан, о занимаемой ими «низшей ступени в системе социальной иерархии» было бы неправомерно. Учитывая, что значительная часть городских башкир являлась горожанами в первом поколении, темпы их социальной мобильности, в целом социализации в урбанистической среде представляются вполне адекватными.

© Н.В. Ахмадиева, 2022

УДК 314.72(470.57-25)

ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ УФЫ НА ФОНЕ ГОРОДОВ ПЕРМЬ, ОРЕНБУРГ, КАЗАНЬ, ЧЕЛЯБИНСК, ЕКАТЕРИНБУРГ, САМАРА

Р.А. Ахметьянова

(Центр стратегических разработок Республики Башкортостан, Уфа)

Сравнительный анализ городов Уфа, Пермь, Екатеринбург, Оренбург, Казань, Челябинск, Ижевск свидетельствует, что наиболее конкурентоспособным городом является Казань, далее следуют Екатеринбург, Оренбург, Пермь, Уфа. По уровню социально-экономического положения в группе рассматриваемых городов заметно выделяется Казань как достаточно развитый город. Казань – лидер среди местных городов-миллионников по качеству человеческого капитала. Большинство показателей социально-экономического развития города выше среднего уровня относительно других крупнейших городов страны.

Социально-демографическая ситуация в Казани более благоприятная, чем в среднем по городам РФ и по городам с населением более 1 млн чел. Динамика численности населения здесь заметно лучше, хотя в последние годы темпы роста населения Казани значительно сокращаются

¹ Башкортостан и башкиры в зеркале статистики. Уфа, 1995. С. 68.

(уровень рождаемости 12,6 чел. на 1000 жителей в 2019 г., уровень смертности 9,7 чел. на 1000 жителей в 2019 г.). Уровень смертности в городе снижается быстрее, чем в целом по стране.

Казань занимает срединное положение среди крупных городов России по доле трудоспособного населения. Численность трудоспособных граждан в последние несколько лет постепенно сокращается (– 0,36 % ежегодно в среднем). Для Казани характерна структура занятости, близкая к среднестатистической для крупнейших городов – повышена доля занятости в бюджетном секторе и услугах. В структуре занятости велика доля малого среднего предпринимательства.

Казань является городом с высоким уровнем жизни, который формируется за счет высокого дохода жителей и стабильного роста заработной платы. Рост средней заработной платы с 2011 года составил 39 % с среднегодовым приростом 4,3 %. По уровню доходов граждан Казань находится среди лидеров Приволжского федерального округа, уступая лишь Уфе и Альметьевску.

Второе место в группе рассматриваемых городов занимает Оренбург, который можно охарактеризовать как достаточно развитый город. По большинству показателей находится на уровне среднего относительно других крупнейших городов России.

Социально-демографическая ситуация здесь относительно стабильна. Уровень рождаемости в Оренбурге (10,4 чел. на 1000 жителей в 2019 г.) близок к средним значениям по городам РФ, однако в последние годы рождаемость снижается. Уровень смертности в Оренбурге (10,9 чел. на 1000 жителей в 2019 г.) несколько ниже, чем в целом по городам РФ.

Оренбург занимает срединное положение среди крупных городов России по доле трудоспособного населения. Численность трудоспособных граждан постепенно уменьшается (в среднем, – 0,44 % ежегодно) в связи с постепенным старением населения в городе. Для Оренбурга характерна стандартная для крупных городов России структура занятости: преобладание сектора услуг, значимая, но не доминирующая промышленность и небольшая доля занятости в торговле. Среднесписочная численность работников в городе стабильна, несмотря на уменьшение трудоспособного населения. Доходы населения жителей Оренбурга выше среднего среди крупных городов России. По уровню заработных плат Оренбург немного превосходит средние региональные центры страны, уступая при этом большинству городов в крупнейших агломерациях и в ресурсных регионах.

По уровню социально-экономического положения Уфа занимает позиции среднеразвитого города. Социально-демографическая ситуация относительно стабильна. Динамика численности населения Уфы значительно лучше, чем в среднем по городам РФ, но хуже, чем в городах с населением более 1 млн чел. Уровень рождаемости в Уфе (11,9 чел. на 1000 жителей в 2018 г.), уровень смертности в Уфе (10,6 чел. на 1000 жителей в 2018 г.). Численность трудоспособных граждан постепенно снижается (в среднем, – 0,44 % ежегодно), что также связано со старением населения. В Уфе – повышенная доля занятых в бюджетном секторе и торговле. По уровню заработной платы город Уфа опережает большинство городов миллионников, за исключением Москвы и Санкт-Петербурга. Темпы роста среднемесячной заработной платы в Уфе выше, чем в большинстве крупнейших городов России (27 %), а номинальный размер превосходит показатели в других городах Приволжского федерального округа.

Пермь также занимает позиции среднеразвитого города. По большинству показателей находится на уровне ниже среднего. Более 2/3 экономики города сформировано промышленностью. Хозяйство характеризуется низким удельным весом непромышленных отраслей: торговли, сервиса, туризма, экономики знаний. Занятость населения во многом сконцентрирована в промышленности, где сосредоточено чуть менее трети общего числа. Среднесписочная численность работников в крупных и средних организациях резко снижалась, однако в последние два года падение показателя остановилось. Социально-демографическая ситуация в Перми отражает средние значения по городам РФ. Так, уровень рождаемости в Перми (10,2 чел. на 1000 жителей в 2019 г.), уровень смертности (11,5 чел. на 1000 жителей в 2019 г.) несколько ниже, чем в среднем по городам РФ. Пермь занимает срединное положение из крупных городов России по доле трудоспособного населения. Численность трудоспособных граждан имеет тенденцию к постепенному снижению (– 0,28 % ежегодно), что связано с естественным старением населения. Доходы жителей достаточно

высоки относительно других крупных городов России. Средний уровень заработной платы работников организаций в Перми также высок относительно других крупных городов.

Челябинск относится к среднеразвитым городам России, но отстает от большинства других городов-миллионников. Социально-демографическая ситуация отражает средние позиции по городам РФ. Динамика населения нестабильна. Умеренный рост 2010-х гг. сменился сокращением населения в 2018–2019 гг. Динамика численности населения лучше, чем в целом по городам Российской Федерации, но несколько хуже, чем по городам с населением более 1 млн. чел. Уровень рождаемости (12,0 чел. на 1000 жителей в 2017 г.), но в последние годы быстро снижается. Уровень смертности в Челябинске (11,1 чел. на 1000 жителей в 2017 г.) несколько ниже, чем в целом по городам РФ, и в последние годы даже немного снижается. Другими словами, умирать в Челябинской области стали реже, но и рождаться – тоже. В Челябинске, относительно других городов, наблюдается занятость большей части населения в крупных и средних предприятиях, что объясняется его индустриальной специализацией. То же можно наблюдать в структуре занятости, где треть всех работает на промышленных предприятиях, что ёмко отражает экономику города. Уровень заработной платы в городе отстает от показателя доходов населения в других городах-миллионниках, за исключением Волгограда.

По общероссийскому рейтингу качества жизни указанные города расположились в следующей последовательности: Казань – 25-е место, Екатеринбург – 63, Уфа – 68, Пермь – 73, Оренбург – 89, Самара – 112, и Челябинск оказался на 175-м месте. Уфа заметно уступает Казани, немного Екатеринбургу, но заметно опережает все иные города.

Урал и Среднее Поволжье входят в ряды ведущих индустриальных регионов России, поэтому естественны более низкие места этих городов по рейтингу экологической ситуации: Пермь – 84-е место, Казань – 85, Оренбург – 89, Уфа – 105, Екатеринбург – 117, и Самара находится на 126-м месте.

Таблица 1

Проблемные направления социально-экономического развития Уфы, Перми, Оренбурга, Казани, Челябинска¹

Направления	Уфа	Пермь	Оренбург	Казань	Челябинск
Проблемные сферы в развитии города	Обеспеченность социальной инфраструктурой	Качество городской среды: малое количество пространств для комфортного досуга; непригодность объектов озеленения для исполнения досуговой и рекреационной функции; непривлекательный архитектурный облик города; монотонность городской среды. Качество человеческого капитала	Качество городской среды: отсутствие пешеходно-ориентированной среды; низкий уровень пешей доступности и функциональное однообразие прибрежных территорий. Качество человеческого капитала	Обеспеченность социальной инфраструктурой – отсутствие доступного качественного жилья	Качество городской среды (неблагоприятная среда) и качество человеческого капитала.

¹ Здесь и далее все данные приводятся по источникам: 150 городов. Опрос на портале недвижимости Domofond.ru (2019); 200 городов. Опрос на портале недвижимости Domofond.ru (2019).

Направления	Уфа	Пермь	Оренбург	Казань	Челябинск
Менее проблемные направления	Качество городской среды и качество человеческого капитала	Экономическое развитие, обеспеченность социальной инфраструктурой	Экономическое развитие, обеспеченность социальной инфраструктурой	Качество городской среды и качество человеческого капитала	Уровень развития социальной инфраструктуры

В рейтинге «самые чистые города России», который отражает состояние жилищно-коммунального хозяйства (ЖКХ) и величину бюджетов, ситуация заметно лучше. Оренбург находится вообще в лидерах, занимая 16-е место, далее идут Казань (43-е место) с Уфой (52), остальные региональные столицы заметно отстают: Екатеринбург – 72-е место, Пермь – 89, Самара – 114, и Челябинск занимает 124-е место по России. По отдельным показателям составлялся рейтинг «лучшие города России для жизни с детьми», учитывавший в первую очередь насыщенность детскими и школьными учреждениями, что также напрямую зависит от уровня бюджетов. Богатые областные центры Урало-Поволжья показали хорошие результаты: Казань – 41-е место, Екатеринбург – 48, Пермь – 57, Уфа – 61, Самара – 71, Оренбург – 74, и лишь Челябинск оказался в аутсайдерах со 116-м местом по Российской Федерации. Обобщающие показатели по качеству работ службы ЖКХ вслед за Казанью (25-е место по стране) вывели в лидеры Оренбург (30-е место), далее расположились Уфа (66), Пермь (67), Екатеринбург (71), отстает Самара (116), и уже привычно – Челябинск (145-е место). В рейтинге по качеству работы служб ЖКХ средняя оценка в городах-миллионниках составила по стране 6,4 баллов, но по представленным городам до нее не дотянули даже Казань (5,9 баллов) с Оренбургом (5,9 баллов). Уфа и Пермь получили оценки 5,6 баллов. Самые низкие оценки жителей в представленном списке у Самары (5,1 балла) и Челябинска (4,9 балла). В целом, по мнению жителей Уфы, полученному в ходе опроса на портале недвижимости Domofond.ru, наиболее актуальными проблемными направлениями города являются «доходы к стоимости жизни», дороги и парки, состояние ЖКХ. Низкая оценка показателя «доходы к стоимости жизни» характерна для всех рассматриваемых городов, более высокие оценки получили Екатеринбург и Казань. Показатель «дороги и парки» получил низкие оценки жителей практически всех рассматриваемых городов. В списке шести рассматриваемых городов лидируют Казань, Пермь, Уфа. Показатель «ЖКХ» получил низкие оценки (с незначительной разницей) у всех рассматриваемых городов. Наиболее высокие оценки населения получили Казань и Оренбург. Так, Оренбург имеет высокий уровень благоустройства жилищного фонда, который отличается физической доступностью коммунальных услуг. Финансовая доступность ЖКХ для горожан близка к относительно высокой. Доля тепловых сетей Оренбурга, нуждающихся в замене, крайне мала, составляет всего 4,7 %. Это крайне низкое значение, позволяющее Оренбургу занимать высокие позиции в общем рейтинге городов по качеству жизни. В то же время проблемы ЖКХ в Оренбурге заключаются в высоком износе уличной водопроводной и канализационной сетей. На сегодняшний день 63 % водопроводных и 56 % канализационных сетей требуют замены. По этим показателям Оренбург – в числе худших городов с населением более 100 тысяч человек. Более 60 % водопроводных труб, до 100 % другого оборудования в составе водопровода нуждаются в замене. Более 75 % канализационных сетей города нуждаются в замене. Казань по ЖКХ отражает средний уровень по городам-миллионникам (износ сетей выше, чем 50 %). Весь комплекс инженерных сетей города (тепло-, водоснабжения и канализации) имеет достаточно высокую долю трубопроводов, требующих замены. В целом значения

близки к среднему уровню по городам-миллионникам. Доля тепловых сетей Казани, нуждающихся в замене, превышает средние значения по стране и региону и составляет более 43 %, что в 1,5 раза выше среднего значения по России. Износ уличной водопроводной и канализационной сетей в Казани достаточно высокий. На сегодняшний день более 57 % водопроводных и 50 % канализационных сетей требует замены. По этим показателям Казань занимает довольно низкое положение на фоне российских городов с населением более 100 тыс. чел. Весь комплекс коммунальных сетей Казани требует особого внимания. Ситуация по ЖКХ в остальных рассматриваемых городах намного хуже и нуждается в развитой и эффективной системе инженерных коммуникаций.

По показателю «удовлетворенность работой общественного транспорта» Уфа получила наихудшие оценки населения после Челябинска, что отражает низкий уровень транспортной доступности. Высокая транспортная доступность общественного транспорта характерна для центра, сравнительно высокая для района Черниковки и северной части микрорайона Инорс, обусловленная широкой концентрацией значительной части населения в этих районах. В целом для Уфы характерна высокая зависимость от индивидуального транспорта. В Челябинске действуют трамвайная и троллейбусная система, а также автобусные городские маршруты, метро. В Челябинске проблемы общественного транспорта заключаются в устаревшем общественном транспорте – в изношенном парке трамваев и троллейбусов. Доля современного транспорта в Челябинске составляет 13 %. В отличие от автомобиля доступность на общественном транспорте распределена по городу менее равномерно. Наибольшая доступность сохраняется в центре Челябинска, зона высокой доступности сдвинута в сторону западной периферии из-за существующей трамвайной сети по проспекту Победы. Также выделяются отдельные участки со средневысоким уровнем доступности в Металлургическом районе и на западе города вдоль Линеинной улицы. Электрический транспорт играет довольно существенную роль – даже по пассажироместимости его доля более 40 %. В то же время 65 % парка транспортных средств в городе – малого класса. Челябинск также имеет наибольшее количество перевозчиков (38 ед.). Достаточно высокие оценки удовлетворённости общественным транспортом в Казани, Перми, Екатеринбургe, Оренбургe.

По показателю «общественная безопасность» население рассматриваемых городов дает средние оценки. Уровень преступности в городе Уфе снижается, но все еще остается выше, чем в среднем по России: 169 преступлений на 10 тыс. человек в 2019 г. В Перми уровень преступности выше, чем в среднем по России, 176 преступлений на 10 тыс. чел. (2019 г.). Оренбург характеризуется повышенной преступностью (159 преступлений на 10 тыс. чел.), при этом число преступлений в последние годы отличалось неустойчивостью. Криминогенная обстановка в Казани напряженнее (175 преступлений на 10 тыс. чел.), чем в среднем по стране, при этом прослеживается положительная динамика с 2011 г.: число зарегистрированных преступлений сократилось на 18 %. Самые низкие оценки по безопасности в группе рассматриваемых городов получил Челябинск. По криминогенной обстановке город Челябинск входит в число лидеров среди крупнейших городов России (9 место), число преступлений на протяжении последних десяти лет находится на одном уровне, 225,6 на 10 тыс. чел. (2019 г.) Криминогенная обстановка: 27,7 тыс. преступлений в год, 45 % раскрытых.

Объём ввода жилых домов в Уфе в последние годы постепенно сокращается, достигнув в 2018 г. отметки в 653 тыс. м²/год – минимального значения за последние десятилетие. По сравнению с другими городами-миллионниками показатели достаточно низкие. Только 28 % жилья, строящегося в Башкирии, строится в административном центре, что заметно ниже большинства столичных городов. По обеспеченности населения жилой площадью сохраняется стабильное отставание от среднероссийского и среднерегionalного уровней. Объём ввода жилых домов в Перми последние годы стагнирует на уровне в 540–560 тыс. м²/год. Порядка 50 % жилья, строящегося в Пермском крае, строится в его административном центре. По обеспеченности населения жилой площадью сохраняется заметное отставание от среднероссийского уровня. Оренбург занимает относительно высокие позиции среди российских городов по объёмам жилищного строительства. Порядка 47 % жилья, строящегося в Оренбургской области, строится в её административном центре. По обеспеченности населения жилой площадью Оренбург за последние годы приблизился к среднестрановым значениям. Казань занимает лидирующие позиции среди российских городов по объёмам жилищного строительства. Порядка 35 % жилья, строящегося в Республике Татарстан, строится в его административном центре. По обеспеченности населения жилой площадью Казань находится на среднероссийском уровне, демонстрируя стабильный рост показателя. В последние годы объём ввода

жилья сокращается, однако остаётся в целом достаточно высоким на фоне российских городов. Обеспеченность населения жильём демонстрирует стабильный рост и полное соответствие среднероссийскому уровню. В Челябинске в последние годы объём ввода жилья сокращается, однако остаётся в целом достаточно высоким на фоне российских городов. Обеспеченность населения жильём демонстрирует стабильный рост и полное соответствие среднероссийскому уровню.

В системе рейтингов выделяются качественные показатели, которые нередко меняют устоявшиеся представления о развитии и уровне жизни. Интересны данные рейтинга по доходности и окупаемости квартир. Окупаемость жилья рассчитывалась как отношение средней цены однокомнатной квартиры на вторичном рынке в городах России к средней годовой арендной ставке (без учета простаивания и расходов на ремонт). При расчетах специалисты использовали данные о ценах предложений, представленных на портале недвижимости Domofond.ru, по состоянию на сентябрь 2018 г.

В таблице 2 представлены данные по указанным областным и республиканским столицам Урало-Поволжья, которые принципиально меняют расположение городов по рейтинговой сетке. На первом месте в рейтинге по доходности и окупаемости квартир в списке рассматриваемых городов оказался Челябинск с окупаемостью жилья в 11 лет, он занимает по этой позиции первое место в рейтинге изучаемых городов-миллионеров и 49 место в общем списке городов Российской Федерации.

Таблица 2

Рейтинг городов Уфа, Пермь, Оренбург, Казань, Челябинск, Екатеринбург, Самара по доходности и окупаемости жилья

Город	Место в рейтинге по РФ	Аренда, руб. в месяц	Продажа, руб. за квартиру	Доходность аренды, %% за год	Окупаемость, лет
Уфа	204	14 551	2 416 476	7,2	14
Пермь	173	12 542	1 976 033	7,6	13
Оренбург	151	10 370	1 588 336	7,8	13
Казань	235	15 168	2 794 873	6,5	15
Челябинск	49	11 311	1 467 307	9,3	11
Екатеринбург	172	16 795	2 639 228	7,6	13

В списке рассматриваемых городов дольше всего продаются квартиры в Казани, Уфе и Екатеринбурге. Так время, требующееся на закрытие объявления о продаже жилья, увеличилось в Екатеринбурге на 37 %: с 27 до 37 дней, в Уфе с 25 до 33 дней. Только в этих трех городах цена на однокомнатную квартиру держится выше 2 млн руб., в Челябинске она самая низкая, а это наиболее «социальный» вид жилья, приобретаемый самыми бедными слоями населения. Уфа в списке рассматриваемых городов занимает предпоследнее место (дорогие квартиры, низкая доходность от сдачи квартир в аренду, долгая окупаемость).

Динамика, темпы развития рынка жилья в последние годы развиваются с учетом местной специфики, что показывает таблица 3.

Таблица 3

Динамика сроков экспозиции объявлений в городах-миллионниках Уфе, Перми, Казани, Челябинске, Екатеринбурге, Самаре (февраль 2019 г. — февраль 2020 г.)

Города	Февраль 2019 г., число дней	Февраль 2020 г., число дней	Динамика, %%
Уфа	25	33	32
Пермь	24	29	21
Казань	21	27	29
Челябинск	39	49	26
Екатеринбург	27	37	37
Самара	31	34	10

Дольше всего продавались квартиры в феврале 2020 г. в Челябинске, Екатеринбурге, Самаре и Уфе, но в Уфе быстро росла задержка с реализацией жилья, уступая лишь Екатеринбургу. В то же время в Самаре рынок жилья за указанный год практически не поменялся.

Таким образом, использование данных рейтинговых опросов позволяет увидеть особенности, а также сравнить состояние современного социально-экономического развития в соседних столицах Урало-Поволжья.

© Р.А. Ахметьянова, 2022

УДК 39(=35)

**КОМПОЗИЦИЯ, СТРУКТУРА, МОРФОЛОГИЯ ГОРНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
В СВЕТЕ ПРИРОДНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА И ИСТОРИЧЕСКОЙ
ПАМЯТИ ГОРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ БОЛЬШОГО КАВКАЗА
(VI тыс. до н. э. – II тыс. н. э.)**

В.Б. Бесолов

*(Северо-Кавказский академический центр
Международной Академии архитектуры, Владикавказ)*

С сугубо научных позиций осмысления гуманистических понятий невольно исследователь приходит к выводу о том, что в условиях современных кризисов и рисков необходимо возрождать и сохранять в каждом этнокультурном обществе основополагающие принципы классического гуманизма. В контексте современных жизненных реалий актуализируется дискурс о человеке и обществе, о сути и значимости их исторической миссии, которая длительное время виделась в свете ценности человеческого бытия. Ведь мораль и нравственность, этикет индивидуума и социума в целом в жизненной действительности являются отдельной, самостоятельной константой человеческих поступков, неизменной, стабильной и самодостаточной сферой человеческого бытия, не зависящей от времени, господствующей идеологии и уровня многовекторного прогресса общества.

Каждая этническая общность, каждое национальное общество вправе осознать свою индивидуальность и самодостаточность, осмыслить корни и истоки своего происхождения, ясно знать многовековое и многотысячелетнее историческое прошлое своего народа, иметь четкое понимание о его миссии в современную эпоху! Все мы, коренные горские племена и народности, обитающие на северном и южном склонах Большого Кавказа, обязаны чтить память своих предков, строго придерживаться отшлифованного ими на протяжении многих веков и нескольких десятков поколений горского этикета и преемственно продолжать унаследованные от них обычаи, обряды и ритуалы, ибо в совокупности эти неписанные правила и нормы личной, семейной, национальной и социальной жизни отличаются своими традициями и преисполнены основами классического гуманизма!

На протяжении веков и тысячелетий среди горных вершин и хребтов Большого Кавказа обитали племена и поныне живут народности, отличающиеся древним антропотипом и архаическим языком, семейно-бытовым укладом и этническим психическим складом, эстетическими представлениями и этическими нормами, мужеством и стойкостью духа. Неизменно обитая в глубине горных ущелий и находясь в почти полной изоляции от внешнего мира, коренные горские народности Большого Кавказа непоколебимо придерживались норм и принципов традиционного образа суровой жизни. Стиль мышления, символ и ритуал, творческое мастерство и строительные навыки горских народностей сполна воплощены в лапидарных по художественному образу и эстетической выразительности морфологии, но предельно функциональных и удивительно цельных по внешнему облику горных поселениях. Архитектурно-художественное наследие коренных горских народностей Большого Кавказа является весомым, зримым, телесным источником для этнической, социологической, психологической и даже экономической характеристики образа жизни и стиля

мышления обитателей горного поселения, их культуры и быта, хозяйственной деятельности, гуманных и социальных отношений. Вместе с тем давно настало время для постижения архитектурно-планировочного наследия горных поселений с обоснованных позиций теоретических основ и методологических принципов гуманизма, этнологии, социологии, психологии, экономики и архитектуроведческого компаративизма. Крайне важно выявить признаки ареальной общности и обосновать этнические и локальные особенности горных поселений великокавказских народностей. В жизненной действительности нет иного пути сохранения горных поселений каждого народа, выходца из конкретного поселения Большого Кавказа, кроме единственного и реального для осуществления: возвращения к все еще тлеющим очагам родных жилищ, пронизанных духом и благодатью незабвенных предков.

Анализируя систему расселения в горах Большого Кавказа эпохи древности и средневековья, важно выявить и понять её этнические и социальные особенности, экономические и производственно-хозяйственные факторы, природные строительные ресурсы и стратегические преимущества местонахождения горных поселений (аулов), характер их планировочной структуры и пространственной композиции, условия длительной осады и долговременной обороны, специфику дорог, мостов, родников и других дорожных и придорожных сооружений. Все это также важно постичь на основе специфических научных дисциплин «История архитектуры» и «История строительной техники». Кроме того, ареальная лингвистика и этнология являются неизменным подспорьем для каждого архитектуроведа-медиевиста, уделяющего научное внимание постижению традиционного зодчества того или иного народа Кавказа, а также любой другой страны и региона горного пояса Евразии. Научные труды кавказоведов, прежде всего географов, историков, этнологов и лингвистов, способствуют осмыслению природной среды и экологии горного поселения, познанию диалектной обособленности языка конкретного горского народа, имманентной сути семейной жизни и социальных отношений на основе таких этнологических дефиниций, как семейная община или большая патриархальная семья, соседская община с этническими особенностями сообщества, сельская община с особым социальным укладом или же могучая патронимия (тухум, джамаат) со своими этнокультурными традициями, но с ясным представлением семантического значения каждого понятия. Надо полагать, что процесс закономерного формирования и органичного развития архитектурно-планировочной структуры и пространственной композиции горных аулов происходил с глубокой древности у всех горских народностей срединной и восточной части Большого Кавказа: дагестанцев (аварцев, даргинцев, лакцев, лезгинов, табасаранцев, агулов, рутулов, цахуров), чеченцев, ингушей, балкарцев и карачаевцев, поныне обитающих на северных склонах, а также хевсуров, тушинов, мохевцев, пшавов, мтиулов, гудамарцев, сванов, рачинцев, лечхумцев, живущих на южных склонах Большого Кавказа. Весьма примечательно, что разновидности архитектурно-планировочного морфотипа горного поселения имеются также у осетин, обитающих на северном и южном склонах Казбекско-Эльбрусского двугорья Центрального Кавказа.

Характерной особенностью архитектурно-планировочных традиций горских народностей Большого Кавказа являются реалии планировки и формирования поселений в стратегически значимых и труднодоступных местах, удобных для обороны от неприятеля. Можно смело утверждать, что в горах Дагестана был создан особый архитектурный морфотип поселения, представляющий собой гармонично сложенный телесный организм, синтез логики и интуиции, симбиоз природного и культурного. Горские народности Большого Кавказа словно одухотворяли дерево и камень, именно тот традиционный строительный материал, из которого сложены непрерывным титаническим трудом на основе эмпирических знаний, творческих умений и профессиональных навыков, но не без волнительных чувств душевной любви и этнической гордости удивительно компактные поселения, с особым художественным тактом вписанные в крутые горные склоны. Российскими (местными, из республик Северного Кавказа, московскими и петербургскими) и грузинскими историками, археологами и этнологами древние племена и современные народы, обитающие на обеих склонах Большого Кавказа, изучены достаточно обстоятельно и введены в научный обиход. Однако архитектурное достояние и художественное наследие коренных горских народностей Большого Кавказа специалистами не исследованы на надлежащем научном уровне и поныне являются объектом натурного обследования и многоаспектного научного истолкования,

потому что в гуманитарной науке нередко возникает полемика между специалистами разного профиля. Поэтому крайне важно и неимоверно актуально осмыслить время зарождения и этапы формирования различных архитектурных морфотипов жилища, объектов сакрального и мемориального назначения, инженерных и фортификационных сооружений.

В современной гуманитарной науке нет единого мнения относительно архитектуроведческой интерпретации функции, конструкции и формы, этнической и художественной атрибуции, аргументированной датировки памятников традиционной архитектуры и строительной техники, т. е. материально-художественного наследия коренных горских народностей Большого Кавказа. И такое продолжается поныне, несмотря даже на то, что их архитектурно-планировочное и строительно-техническое наследие до настоящего времени не являлось и не является темой фундаментальных научных исследований, разумеется, прежде всего основополагающих сугубо архитектуроведческих разысканий.

Целью научного исследования являются памятники традиционной архитектуры – горные поселения разноязычных племен и коренных народов, с древнейшей эпохи обитающих на территории обеих склонов Большого Кавказа, т. е. грузинских, дагестанских и северокавказских горских народностей, с глубокой древности живущих на территории северного и южного склонов Большого Кавказа. Безмолвные телесные свидетели, суровые образы уникальных, идейно логичных, правдивых, гармоничных и архитектурных организмов – памятников средневековой традиционной планировки, архитектуры и строительной техники, которым присущи художественная лапидарность облика, центрическая композиция, геометризм и центричность типа и формы, являются прежде всего предметом и объектом фундаментальной академической гуманитарной науки – архитектуроведения.

Весомые и зримые архитектурно-планировочные творения как показатели этнокультурного развития осетин и всех других коренных горских народностей северного и южного склонов Большого Кавказа представляют собой уникальные памятники архитектуры и строительной техники, имеющие ареальную общность и аналоги только у ираноязычных горских народностей Западного Памира и Гиндукуша. Горные поселения отличаются общими признаками сходства в аспекте типологии планировочной структуры, морфологии и пластики архитектурного образа, творческих принципов пространственной композиции и формообразования наружных масс, а также по строительной технике: материалу и конструкции. Таково научное мнение большинства местных и иных, российских и зарубежных исследователей, представителей отдельных отраслей гуманитарной науки. В пространственно-временном континууме, от начала возникновения родовых поселений и по настоящее время их функционирования или нахождения в запустении, в каждом родовом поселении воплощены в строительном материале не только творческое мастерство последовательно сменяющихся зодчих и опытных строителей. Прежде всего в каждом родовом поселении Большого Кавказа материализовался и обрел телесность длинный поток исторической памяти многих поколений его обитателей, начиная с возникновения родового поселения, на протяжении многих веков и даже тысячелетий его формирования и преемственного развития. В аспекте проблемы сохранения и возрождения фамильно-родовых горных поселений ареала Большого Кавказа, в которых с глубокой древности проживали племена, а ныне их потомки, коренные горские народности, обладающие поразительным антропологическим сходством, но резко отличающиеся по языку и, в более позднее историческое время, религии.

Если в первой половине минувшего века всех коренных горских народностей Большого Кавказа в принудительном порядке вынуждали покинуть горы и насильственно переселяли на равнину Предкавказья, то с середины и второй половины XX века уже никто не заставлял покинуть родовые очаги своих предков и переселяться в города и поселки городского типа и даже переезжать за пределы своих республик. Именно с миграцией представителей народов Северного Кавказа во второй половине XIX столетия и, более того, в крайне насыщенном событиями и противоречивом XX веке произошел разрыв исторической памяти каждой горской народности, издревле обитающей в ареале Большого Кавказа. Поныне проживающие в урбанизированных поселениях, столичных и других городах Предкавказья потомственные представители коренных горских народностей Большого Кавказа обязаны взвалить на себя миссию возрождения историко-этнической памяти

своих родителей и всех поколений предков с целью воссоздания былого величия и сохранения архитектурно-планировочных ансамблей горных поселений Большого Кавказа. Размышляя о методах спасения генетической памяти предков каждой коренной горской народности ареала Большого Кавказа, уже нет никакого иного выхода, кроме возвращения к все еще мерцающим очагам своих дальновидных и мудрых предков.

В начале третьего десятилетия XXI века все же настала пора спасения генофонда каждого рода, людей каждой современной фамилии, являющихся потомками прежних обитателей горных поселений Большого Кавказа, представителей любой национальности, носителей каждого языка, создателей уникальной материальной и духовной культуры, самобытной и своеобразной планировки, архитектуры и искусства: орнаментального, декоративно-прикладного, музыкально-хореографического, неповторимого эпического и поэтического слова. Как ни странно, при истолковании вопроса или проблемы общности и самостоятельности в том или ином виде человеческой деятельности среди ученых и специалистов начинается нескончаемая полемика, в которой представитель каждого этноса стремится всячески показать достижения своего народа по всем параметрам истории, культуры и быта, хозяйственной деятельности. Несмотря на темперамент кавказских народов, отнюдь не таким должен быть метод взаимного уважительного отношения и деликатного выдвигания научно обоснованных аргументов. Ведь не секрет, что во всех видах деятельности обитателей северного и южного склонов гор Большого Кавказа выявить общее и особенное возможно только с учетом природных факторов: ландшафтно-климатических и сейсмических условий, наличия естественных строительных материалов, а также при предельно объективном подходе к обстоятельному истолкованию научных аргументов на основе методологических принципов компаративного анализа. Во-первых, в традиционной архитектуре ландшафтно-климатические и сейсмические реалии являются не просто природным лоном формирования и развития горных поселений: они также оказывают детерминирующее воздействие на характер и облик каждого поселения независимо от его национальной принадлежности. Во-вторых, этническая культура, социальные отношения, хозяйство и быт конкретной горской народности отображаются в планировочной структуре, пространственной композиции и выразительности эстетического образа горного поселения. В-третьих, отнюдь не язык и даже не религия являлись ведущими факторами при формировании и развитии горного поселения, а экологические реалии, ландшафтно-климатическая матрица и конкретно-историческая ситуация каждого горского племени и народа во временном континууме. Именно все указанные факторы являлись природным лоном и оказывали детерминирующее воздействие на структуру, форму и облик каждого горного поселения обитателей северного и южного склонов гор Большого Кавказа, в том числе всех горских народностей. Таковы авторские наблюдения при выполнении натурных обмеров горного поселения с последующей подготовкой сугубо архитектуроведческих исследований¹.

В научный обиход гуманитарного знания уже введены успехи и достижения специалистов по исторической антропологии этносов, ученых-лингвистов и религиоведов. Общеизвестен и неоспорим научный факт: обитатели гор северного и южного склонов Большого Кавказа, в восточной окраине, начиная от Горной Аварии (Дагестан) и завершая карачаевцами (КЧР) в западной окраине, единого исторического и этнокультурного ареала, по физическому облику имеют значительное сходство и относятся к так называемому антропологическому типу «Кавкасион». Вместе с тем у горских народов очерченного нами ареала Большого Кавказа наблюдается сходство в духовной и материальной культуре, художественном творчестве, аграрном хозяйстве и производстве! Отечественными и иностранными мифологами, эпосоведами и фольклористами в достаточной степени изучены наследие духовной культуры, памятники устного народного творчества горских народов Большого Кавказа, ими также выявлены общие сюжеты и идентичные мотивы в Нартском эпосе. На сравнительно высоком научном уровне местными и русскими специалистами выполнены исследования по древней и средневековой истории, археологии, этнологии, исторической

---

¹ См.: Гвоздецкий Н.А. Физическая география Кавказа. Курс лекций. Вып. I. Общая часть. Большой Кавказ. М., 1954; Он же. Физическая география Кавказа. Закавказье. Предкавказье. Вып. 2. М., 1958; Кавказ. Очерк природы. М., 1963; др.

антропологии, лингвистике, по архитектуроведению и искусствоведению горских народов Большого Кавказа, выявлены признаки явного сходства, характерные черты общности и отличительные особенности. Все обитатели северного и южного склонов гор Большого Кавказа, созидали жизнь в почти идентичных природных условиях и пребывали в схожих исторических ситуациях, так как находились в равной обстановке во все исторические периоды этнокультурного развития. Эмпирические знания у горцев преемственно передавались от старшего поколения к желающим перенять их младшим представителям племени, рода, народа. Творческий опыт и умение, как правило, переходили от мастера к его ученику в процессе длительной совместной творческой деятельности. Если взглянуть с первого приближения на горные поселения обитателей северного и южного склонов гор Большого Кавказа, то не только своеобразные поселения и самобытные жилища горских народностей, а также их уникальные святилища, башенные и склеповые сооружения будут казаться в целом одинаковыми, но всего лишь с некоторыми отличиями во фрагментах и деталях. В жизненной реальности все это отнюдь не так, как кажется многим представителям народов Кавказа разных национальностей. Только опытный архитектуровед сразу же обращает внимание на архитектурно-планировочную морфологию горного поселения, на архитектурный морфотип каждого вида сооружения, замечает общие черты и отличительные признаки в композиции, структуре, образе, организации, технологии и производстве строительных работ как в нескольких горных поселениях, так и в отдельных видах памятников традиционной архитектуры и строительной техники обитателей северного и южного склонов гор Большого Кавказа.

Каждое горное поселение коренных горских народностей очерченного нами ареала Большого Кавказа – это архитектурно-планировочный ансамбль, образовавшийся на протяжении многих веков и, возможно, тысячелетий. Формирование горных поселений происходило постепенно и закономерно на стратегически выгодных местах склонов гор и вершинах горных отрогов. Архитектурно-планировочный ансамбль горного поселения Большого Кавказа состоит прежде всего из общественно-культурного ядра – маленькой площади, являющейся исходной ячейкой планировочной структуры и пространственной композиции горного поселения. Как правило, на солнечной стороне этой площади располагалось организованное место, оборудованное каменными или деревянными седалищами, удобными для восседания почетных старейшин горного поселения, а также находилось строение – Мужской дом, в котором ежедневно сменялась группа молодых и стойких парней, горских рыцарей, бдительно охранявших покой и хозяйство обитателей горного поселения. Далее эта площадь застраивалась характерными горскими жилищами. В особых местах у окраины или же вблизи поселения находились объекты дозора и обороны (сторожевые башни), а рядом с поселением покоились мемориальные объекты – усыпальницы (склеповые сооружения). Строго традиционно на труднодоступных местах сооружались сакральные объекты – святилища. Узкие и извилистые улицы прокладывались по условиям рельефа местности. По стратегическому принципу формировался архитектурный образ, создавалась морфология горного поселения на более пологих горных склонах Большого Кавказа¹.

Совершенно иными были планировочная структура, пространственная композиция и архитектурный облик террасовидных горных поселений, находящихся на крутых склонах и вершинах горных отрогов Большого Кавказа. Весьма характерно, что горные поселения формировались снизу вверх по наклонному вектору горного склона, являющемуся четвертым измерением в традиционной архитектуре горских народов, издревле обитающих в странах Альпийско-Гималайского горного пояса Евразии. Отнюдь не случайно в традиционной архитектуре и строительной технике обитателей северного и южного склонов гор Большого Кавказа имеется много черт и признаков сходства в типологии, формообразовании, эстетической выразительности, лапидарном декоре, художественном образе и стиле. Вполне закономерен и обоснован реальный исторический факт: горные поселения и жилища, святилища, башенные и склеповые сооружения коренных горских народностей всегда отличаются общностью архитектурно-планировочной морфологии, ареальным

---

¹ См.: Хан-Магомедов С.О. Народная архитектура Южного Дагестана: Табасаранская архитектура. М., 1956; Он же. Лезгинское народное зодчество. М., 1969; Он же. Архитектура Дагестана : В 8 выпусках. Вып. 1. Рутульская архитектура. М., 1998; Вып. 2. Цахурская архитектура. М., 1999; Вып. 4. Агульская архитектура. М., 2001; Вып. 6. Лакская архитектура. М., 2005.

единством типов и форм, жанровой и творческой однородностью по той причине, что с глубокой древности горские племена и народности, проживающие в очерченном нами ареале Большого Кавказа, развиваются на сформированной в древнейшую эпоху самими горскими племенами «общей культурной подоснове»¹. Постепенно сформированные на лоне морфопластики орографического рельефа и на протяжении многих веков и тысячелетий успешно функционирующие архитектурно-планировочные ансамбли горных поселений Большого Кавказа являются семантическими акцентами уникальной естественной среды. Более того, каждое горное поселение вбирает в себя дух места и дух времени, в пространственно-временном континууме превращается в особый знак, символ жизненной среды исторического горного поселения. В материально-организованной среде каждого горного поселения воплощены особенности творческого мышления конкретных горских народностей, их эстетические представления о диалектике естественного и рукотворного, о строении мироздания. В планировочной структуре и пространственной композиции каждого горного поселения, в семантике эстетического облика и символике художественного образа морфологии горного поселения отображено мировоззрение древних племен и конкретных народностей, издавна обитающих на северных и южных склонах гор Большого Кавказа. Неповторимые горные поселения ареала Большого Кавказа являются показателями архаичности представлений о жилой среде и образе жизни, характере материально-художественной организации сакрального и мемориального пространства конкретных народностей, с глубокой древности обитающих в родовых горных поселениях этого естественно-исторического и этнокультурного региона.

С целью постижения роли и значения архитектурно-планировочного ансамбля горного поселения как эпицентра культурно-экологической реальности конкретного народа и как стержневой основы истории и культуры коренной горской народности, стабильного сохранения Духа места и Духа времени важно осмыслить его суть с позиций гуманитарно-нравственного ресурса, накопленного строительного опыта, мышления и умения местных мастеров зодчества и строителей каждой конкретной горской народности, обитающей на северных и южных склонах Большого Кавказа. Бывшие горские народы современной эпохи намерены возвратиться в исторические места жизни и деятельности их предков, а такой акт означает неминуемую реконструкцию каждого горного поселения, реставрацию и воссоздание облика жилища – древнейшего очага отцовского рода, целой фамилии. Важно понять, что все архитектурно-планировочные ансамбли горных поселений, находящиеся на лоне первозданной природы, величественного горного пейзажа дивной красоты и гармонии, являются уникальным архитектурно-творческим и гуманитарно-нравственным ресурсом, предельно явным показателем духа и характера коренных горских народностей Большого Кавказа. Воплощенные в камне и дереве горные поселения обладают прежде всего значительным имманентным смыслом, идейной семантической основой и, более того, имеют, несомненно, большое национальное, социальное и культурное значение. Языком архитектурной планировки и морфологии коренные горские народности поныне, на конкретной орографической местности, облагораживают среду обитания человека и людей по закону целесообразности создания культурно-экологической реальности. Разумеется, что каждый раз столь зрелый творческий акт становится возможным при наличии визуального дарования, творческого мышления, таланта и непрерывного труда мастеров зодчества и опытных строителей, специалистов по камню и дереву. Однако творец, т. е. зодчий, не в состоянии произвольно действовать на свой лад без учета уже сложившейся у жителей каждого горного поселения всей социальной потребности, социального заказа на тот или иной новый объект. По самой творческой сути мастера зодчества и строители, являясь выходцами из этого же народа, исполняют волю жителей конкретного горного поселения, заказ каждого народа, обитающего на северных и южных склонах гор Большого Кавказа. Однозначно и неоспоримо то, что при такой схеме жизнедеятельности и жизнеобеспечения определенное значение имеет генетический уровень развития самих коренных жителей горного поселения, конкретного горского народа, выходцем из которого являются мастера зодчества и опытные строители.

---

¹ См.: Марр Н.Я. Кавказский культурный мир и Армения. Пг., 1915; Он же. Кавказский культурный мир и Армения / Сост. П.М. Мурадян. Ереван, 1995. С. 209–309 и др.

Ныне специалистам по истории архитектуры и градостроительства уже известно о том, что в архитектурно-планировочных ансамблях горных поселений Большого Кавказа закодированы этнические признаки природы и интеллектуальные особенности каждого коренного горского народа: уровень этнического мировосприятия и мироощущения, определенная степень и направленность развития национального мышления. Специфика особенного, этнического своеобразия непременно воплощается мастером зодчества и опытными строителями в созданных ими морфотипах горных поселений Большого Кавказа. Эпический дух народа, его умственные способности и стиль мышления умом, руками и творческим талантом мастеров зодчества и строителей воплощены в созданных ими неповторимых архитектурно-планировочных ансамблях горных поселений Большого Кавказа. Ведь отнюдь не секрет, что каждый зодчий, уже достигший творческой зрелости, высокого уровня профессионализма, архитектурным и пластическим языком, категориями гармонии и средствами композиции преемственно продолжает создавать уникальные горные поселения, отличающиеся самобытным художественным образом и характерным стилем, неимоверной эстетической выразительностью. Социальный заказ коренных горских народностей и профессиональное мастерство зодчих и строителей, непременно отображаются и воплощаются в материале при возведении абсолютно новых сооружений различного назначения, и тем самым они становятся зримым и весомым явлением повседневной жизни горских народностей Большого Кавказа. При этом на основе углубленного усвоения социальных потребностей коренных, но разноязычных горских народностей Большого Кавказа мастера зодчества и опытные строители возводят на территории горного поселения укрепленные комплексы: жилища с хозяйственными постройками и производственными сооружениями, нередко святилища и башни, всецело соответствующие Духу места, т. е. характерным особенностям горного рельефа конкретного участка местности, окружающей действительности, неповторимому природному пейзажу, существующим рукотворным реалиям, и Духу времени, т. е. функциональным назначениям, художественным вкусам, этическим нравам и социальным потребностям каждого народа, живущего в ареале Большого Кавказа.

Вся сложность натурного обследования и научного осмысления отдельных сооружений, их комплексов и целых поселений состоит в том, что каждый уникальный объект и каждое горное поселение крайне важно рассматривать в кинетическом движении. Только при таком методическом подходе возможно постижение имманентной сущности творческого замысла мастеров зодчества и опытных строителей и воплощенной в камне и дереве идеи местного социума, жителей конкретного горного поселения, а также и определенных коренных горских народностей Большого Кавказа. Кроме того, для тех специалистов, которым удалось достичь соответствующей компетентности и высокого уровня профессионализма, отнюдь не секрет, что в архитектурно-планировочных ансамблях горных поселений творческим талантом многих поколений зодчих и строителей воплощен уникальный свод коллективной родоплеменной и этнической памяти предков, т. е. всех поколений прежних и нынешних обитателей горных поселений Большого Кавказа. Регулярно анализируя современное состояние горных поселений в ареале Большого Кавказа, обращая пристальное внимание на стабильные миграционные потоки с горных поселений в города и поселки городского типа, находящиеся на равнинной местности Предкавказья, невольно возникают вопросы: 1) без жизни в них, без ежедневного присутствия живых людей, потомков многих поколений создателей весьма оригинальной высокогорной культуры и многогранной хозяйственной деятельности в горных поселениях, родовые сакли прежних горских племен и народностей будут обрушаться и постепенно превращаться в развалины и руины; 2) с кипучей жизнью в крупных городах и поселках городского типа, возникших в новое время и локализованных в предгорной и равнинной местностях, каждая новая генерация великокавказских горских народностей даже не будет иметь представлений об этических нормах и надлежащих правилах своих мудрых предков; 3) с середины минувшего века все мы являемся свидетелями противоречивой культурно-исторической эпохи, ознаменованной разрывом невидимых нитей преемственности этнических традиций, обычаев, обрядов и стойких ритуалов между родственными поколениями каждого отдельного народа, издревле обитающего в горных поселениях Большого Кавказа. На эти судьбоносные проблемы следует обратить внимание представителей гуманитарной и комплексной науки.

В свете изложенного выше становится особенно значимым вопрос о сохранении фамилно-родовых горных поселений ареала Большого Кавказа, в которых с глубокой древности проживали племена и их нынешние потомки – коренные горские народности, обладающие удивительно сходным антропологическим морфотипом, в науке называемым «Кавкасионским», но они резко различались по языку. Почти все обитатели горной зоны Большого Кавказа относятся преимущественно к кавказской семье языков, кроме балкарцев и карачаевцев, язык которых относится к тюркской семье языков, и единственного на протяженной территории горного пояса всего Большого Кавказа индоевропейского ираноязычного осетинского народа, язык которого относится к восточной ветви иранской семьи языков.

Все коренные горские народности почему-то со второй половины минувшего столетия, особенно интенсивно с начала 1990-х годов и поныне, стремятся покинуть родовые горные поселения Большого Кавказа и спешно мигрировать в города и большие поселки городского типа, локализованные на равнинной местности северных и южных предгорий Большого Кавказа и в зоне юго-западных побережий Прикаспия и Восточного Причерноморья. Много сотен тысяч представителей коренных горских народностей Большого Кавказа и более одного (грузины) и двух (армяне) миллионов народов республик Южного Кавказа не одно столетие продолжают жить вне своих республик, в регионах Российской Федерации. Немало коренных народов из республик Северного и Южного Кавказа уже покинули даже территорию России, обосновались в странах зарубежного Запада и Востока громадной Евразии, в Японии, США и Канаде, в странах Центральной и Южной Америки, Африки, Австралии и даже Океании. Пагубна ли такая интенсивная миграция кавказских народов, чем опасна для каждой нации их миграция в столь количественных масштабах – это тема для отдельного, самостоятельного научного исследования.

Итак, надо полагать, что только при осмыслении с позиции классического гуманизма таких основополагающих категорий повседневной жизни человека и общества, как Дух места (*Genius loci*) и Дух времени (*Genius seculi*), строгом учете реальных условий и явных фактов, тщательном визуальном восприятии и потенциальном осмыслении архитектурно-планировочных ансамблей горных поселений Большого Кавказа начинается процесс постижения народом пространства и времени исторической памяти, а также и стабильного созревания этих категорий феноменологической философии у юношей и девушек, третьего поколения выходцев из горных поселений ареала Большого Кавказа. Вместе с тем при неуклонном соблюдении современными сознательными людьми, нынешними потомками выходцев из горных поселений Большого Кавказа, надлежащей гражданской и профессиональной ответственности, при прилежном этикете и разумных действиях невольно кодируется в сознании людей информация об увиденных ими неповторимых художественных ценностях, о поистине редких материально-организованных ансамблях горных поселений, являющихся непревзойденными достопримечательностями каждого этнического представителя всех коренных горских народностей, издревле обитающих в ареале Большого Кавказа.

При пространственно-временном континууме и процессе кинетического восприятия архитектурно-планировочных ансамблей горных поселений Большого Кавказа в сознании индивидуума и социума откладываются так называемые кадры видения, постепенно образующие наслоения, иначе страты исторической памяти личности. Анализируя структуру, композицию, образ и стиль горных поселений древних племен и современных народов Большого Кавказа, выявляются роль и значение архитектурно-планировочных ансамблей горных поселений Большого Кавказа как первоосновы жизненных категорий: обоснования на конкретном участке земли – Дух места (*Genius loci*) и созидания реалий повседневной жизни – Дух времени (*Genius seculi*), более того, как гуманитарно-нравственного ресурса формирования патриотического потенциала у современной молодежи горских народов Грузии и в субъектах Северо-Кавказского федерального округа России, т. е. в национальных республиках Северного Кавказа. Весьма впечатлительны по семантическому смыслу и символической значимости равномерный ход визуального восприятия и акт потенциального осмысления процесса зарождения и формирования на лоне первозданной природы неоспоримых шедевров кавказской архитектуры – поистине уникальных архитектурно-планировочных ансамблей горных поселений Большого Кавказа. Поэтому их крайне важно

исследовать как ведущую стратегию этнокультурного развития каждой личности и общества в целом – в свете истолкования пространства и времени исторической памяти, ибо ныне здравствующие потомки выходцев из горных поселений Большого Кавказа должны стремиться стать носителями идей классического гуманизма и достойными поколениями своей Отчизны.

© В.Б. Бесолов, 2022

УДК [902:336.746](470.41)“1292/1293”

О КЛАДЕ УНИКАЛЬНЫХ БУЛГАРСКИХ МОНЕТ 692 / 1292–1293 г.

А.И. Бугарчев

(ИА им. А.Х. Халикова АН РТ, Казань),

А.Е. Купцов

(НКО «Ветеран», Москва)

Денежному обращению Среднего Поволжья в XIII – первой трети XIV в. посвящены две монографии. В книге А.З. Сингатуллиной собрана информация о музейных коллекциях, хранящихся в ГИМе (Москва), ГМИИ (Москва), в Эрмитаже (Санкт-Петербург) и Национальном Музее Татарстана (Казань)¹. Особую ценность представляет «Каталог монет Булгара», где приводятся описание, прорисовки и метрология 273 типов золотоордынских монет, чеканенных на монетных дворах Булгар, Биляр, Керман, Сарай, Укек и Хорезм. Второй значимой книгой можно назвать монографию А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова, посвящённую изданию всех известных на тот момент кладов болгарских монет XIII – начала XIV в.² В книге учтено 35 кладов, приведены типология и метрология входивших в состав кладов серебряных монет. Как дополнение к монографии 2018 г. назовём шесть статей 2019–2022 гг., в которых продолжилась работа по публикации новых комплексов³ (Бугарчев, 2020; Бугарчев, Купцов, 2019; они же, 2020; Бугарчев, Степанов, 2022; Купцов, 2020; Купцов, Бугарчев, 2019). Для исследования были применены метрологический, типологический и сравнительно-сопоставительный методы.

В 692 году хиджры (12 декабря 1292 – 1 декабря 1293) в монетном обращении Булгарского вилайата было проведено денежное реформирование. В результате данного мероприятия из обращения были выведены серебряные монеты предыдущих лет чеканки. В 692 г. х. было выпущено не менее четырёх новых типов региональных болгарских дирхамов: С/61 (монетный двор Булгар), С/62 (МД Булгар), С/63 (МД Булгар) и С/219 (МД Биляр), а также несколько анэпиграфных⁴. В последний раз в XIII в. на денежных знаках были проставлены год и место выпуска. После 692 г. х. весь период конца XIII – первой четверти XIV веков на болгарских монетных дворах выпускались

¹ Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань : «Заман», 2003. 192 с.

² Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 336 с., илл.

³ Бугарчев А.И. О кладе болгарских монет начала XIV в. // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2020 года. Москва, 25 и 26 ноября. Мат-лы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2020. С. 79–85; Бугарчев А.И., Купцов А.Е. Второй клад джучидских монет XIII в. из Кайбицкого района РТ // Золотоордынское наследие : Материалы VI Международного Золотоордынского Форума «Рах Татарica: генезис и наследие государственности Золотой Орды», Казань, 26–28 июня 2019 г. Вып. 3. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 99–107; Бугарчев А.И., Купцов А.Е. Комплекс болгарских монет конца XIII – начала XIV в. из Старомайнского района Ульяновской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 8 / Отв. ред. В.В. Зайцев. СПб. : ООО Контраст, 2020. С. 158–167; Купцов А.Е. О кладе болгарских дирхамов XIII в. из села Салманы // Нумизматические чтения Государственного исторического музея 2020 года. Москва, 25 и 26 ноября. Мат-лы докладов и сообщений / Отв. ред. Е.В. Захаров. М., 2020. С. 73–76; Купцов А.Е., Бугарчев А.И. Небольшой клад болгарских фракций из Ульяновской области // Двадцатая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16–20 апреля 2019 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 2019. С. 57–59.

⁴ Тип – за критерий типа принимаются два внешних параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты (Петров, 2010). Типология даётся по монографии А.З. Сингатуллиной (2003).

анонимные и анэпиграфные дирхамы. Почти все эти типы представлены в кладах, описанных в монографии А.И. Бугарчева и П.Н. Петрова¹.

В данной статье мы рассмотрим два очень редких типа монет: анонимного дирхама 692 г. х. – С/62 и анэпиграфного дирхама С/153. В монографии А.З. Сингатуллиной приводятся всего три экземпляра: на странице 86 – описание, на странице 137 – прорисовка. Указан вес одного дирхама – 1,22 г. Все три монеты хранятся в Государственном Эрмитаже. Одна монета была описана в рукописном Каталоге известного казанского коллекционера Андрея Фёдоровича Лихачёва (1832–1890), где приводился вес – 26 долей (или 1,16 г). Фотографии двух дирхамов хранятся в фотоархиве авторов данной статьи, вес 1,44 и 1,38 г. Такое минимальное количество известных экземпляров не позволяло провести должный метрологический анализ. Однако в 2015 г. в окрестностях г. Болгар (Татарстан) был найден клад, состоявший из монет С/62 и С/153. Информация о нём была установлена в 2021 г. Приведём состав клада в виде таблицы.

Таблица 1

Клад дирхамов конца XIII в. из окрестностей г. Болгара

№	Эмитент	Монетный двор	Год чеканки, х.	Вес, г.	Примечание
1	Не указан	Булгар	692	1,38	С/62
2	Не указан	Булгар	692	1,36	С/62
3	Не указан	Булгар	692	1,34	С/62
4	Не указан	Булгар	692	1,42	С/62
5	Не указан	Булгар	692	1,40	С/62
6	Не указан	Булгар	692	1,38	С/62
7	Не указан	Булгар	692	1,23	С/62
8	Анэпиграфный	Не указан	Не указан	1,37	С/153

Всего в кладе находилось 8 монет. В легенде оборотной стороны С/62 обращает внимание применение слова «сикка / чеканение» вместо ставшего стандартным «дзуриба / ударение, битьё» перед топонимом Булгар. К сожалению, пока не удалось прочитать легенду лицевой стороны с изображением наследной тамги Менгу-Тимура.

Рассмотрим метрологию всех известных экземпляров С/62. Разброс значений веса – от 1,16 до 1,42 г, средний вес 11 учтённых экземпляров – 1,34 г.

В кладе зафиксирован один анэпиграфный дирхам С/153. Ранее в кладах не встречался. В каталоге А.З. Сингатуллиной упомянут один экземпляр весом 1,27 г, хранящийся в Эрмитаже². В фотоархиве авторов хранятся фотографии ещё 4 монет весом 1,24, 1,27, 1,28 и 1,29 г (рис. 1). Средний вес известных на сегодняшний день 6 дирхамов равен 1,29 г. Разброс значений веса 1,24–1,37 г.

Датировка С/153 была довольно широкой – последняя четверть XIII – первая четверть XIV в. Теперь, благодаря находению в кладе монет 692 г. х., мы можем датировать С/153 первой половиной 1290-х гг.

Кроме дирхамов С/62 в 692 г. х. были выпущены следующие типы:

- монеты С/61 с легендой лицевой стороны «Власть Аллаху»,
- С/63 с титулом хана Токты «Ан-Насир ли-дин Аллах»,
- С/219 с легендой «Могущество принадлежит Аллаху».

Сравним метрологию всех экземпляров с датой 692 г. х.

¹ Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 135–137.

² Сингатулина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань : «Заман», 2003. С. 105, 145.

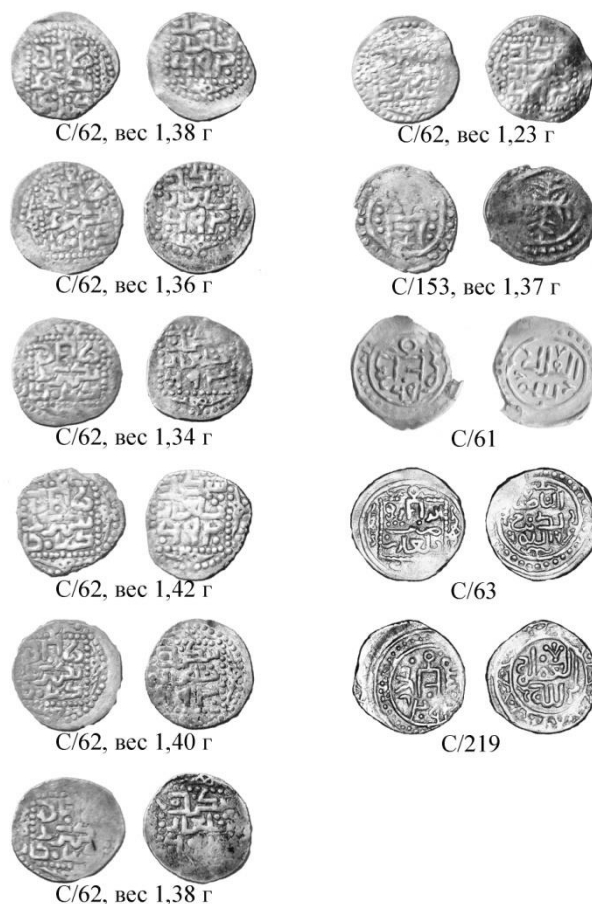

Рис. 1. Фототаблица монет 692 г. х.

Таблица 2

Вес болгарских дирхамов 692 г. х.

Тип	Количество учтённых экз.	Мода гистограммы, ±0,02 г	Средний вес, г
C/61, Булгар	34	1,39	1,37
C/62, Булгар	11	–*	1,34
C/63, Булгар	27	1,31	1,34
C/219, Биляр	38	1,36	1,32

*Из-за малого количества монет результат гистограммы не приводится.

Из показаний таблицы 2 следует, что все эмиссии 692 г. х. выпускались с указным весом 1,39 г.

До 690/1291 г. в денежном обращении Булгарского вилайата применялись серебряные монеты как минимум трёх номиналов: с указным весом 1,56 г (5 дангов), указным весом 1,39 г (4 ½ данга) и фракции 0,31 г (один данг). В 691–692 гг. х. в регионе было проведено реформирование – это отразилось на типовом и метрологическом характере местной монеты. По мнению А.З. Сингатуллиной, «...в 691 г. х. (1291/2) или 692 г. х. (1292/3) произошло снижение нормативного веса чеканки основной части болгарских монет с 1,50–1,55 до 1,30–1,40 г»¹.

Чтобы не ломать устоявшуюся нумерацию кладов, новый клад будет иметь № 25 А².

Очевидно, что после 692/1292–1293 г. в Булгарском регионе произошла смена во внешнем оформлении серебряной монеты и перестали чеканиться (и, видимо, обращаться)

¹ Сингатуллина А.З. Джучидские монеты поволжских городов XIII в. Казань : «Заман», 2003. С. 41–42.

² Бугарчев А.И., Петров П.Н. Монетные клады Булгарского вилайата XIII – первой четверти XIV вв. Казань : Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. С. 135.

монеты самой большой весовой группы – с указным весом 1,56 г. Самыми массовыми стали дирхамы с указным весом 1,39 г. Произошло не понижение нормативного веса ходячего «серебра», а прекращение чеканки одного номинала в 1,56 г. Это можно назвать реформированием Булгарского регионального монетного обращения.

Таким образом, мы видим, что имя хана Токты, пришедшего к власти в Золотой Орде в 1290 г., вообще не проставлялось на булгарских монетах в отличие от крымских ярмаков 699–709 гг. х. Только на одном типе приводится его титул «Ан-Насир ли-дин Аллах». И монеты С/63 – это единственный булгарский тип рубежа XIII–XIV в. с указанием эмитента.

Дирхамы в 4 ½ данга (1,39 г) без указания эмитента чеканились на протяжении последующих 35 лет, до 728–730 / 1327–1330 гг., когда были выпущены последние монеты периода локальности – анонимный дирхам 728 г. х. и булгарский дирхам с именем хана Узбека. После этого в Булгарском регионе была проведена денежная реформа – прекратилась чеканка анонимных и анэпиграфных дирхамов с указным весом 1,39 г, и были выпущены монеты с указным весом 1,56 г с упоминанием имени Мухаммада Узбек хана, указанием монетного двора (Булгар ал-Махруса – «Булгар Богохранимый») и датами от 730 до 733 г. х. (1329–1330 – 1332–1333).

Каждая денежная реформа – это следствие неких серьезных изменений в жизни государства. Из-за отсутствия письменных источников по истории Золотой Орды только памятники нумизматики донесли до нас последствия каких-то событий в экономической жизни Булгарского вилайата и, возможно, всего государства в начале 1290-х и в 1330–1231 гг.

© А.И. Бугарчев, А.Е. Купцов, 2022

УДК 902(98)

ИЗ ИСТОРИИ ПРИПОЛЯРНОЙ АРХЕОЛОГИИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРКТИКИ ЙОРГЕН МЕЛДГААРД

*С.В. Виватенко,
Т.Е. Сиволап*

(СПбГИКиТ, Санкт-Петербург)

Археология Приполярья – это исторические исследования всех земель, выходящих к побережью Северного Ледовитого океана. В настоящее время археологические исследования проходят во всех северных субъектах нашей страны, проходят они и в Скандинавии, а также на приполярных территориях США, Канады и Гренландии. В своей работе авторы попытались осветить жизнь и научное творчество крупнейшего западного исследователя американской Арктики датского археолога Йоргена Лаурсена Мелдгаарда. Й. Мелдгаард родился весной 1927 года в датском городке Скиве, в семье среднего достатка. Его юность была омрачена немецкой оккупацией родины с 1939 по 1945 год. Мелдгаард заинтересовался историей, обучаясь в местной гимназии. Сразу после окончания войны, проходя обучение в последнем классе, он пишет научную работу, в которой предпринимает попытку исследования захоронения каменного века вокруг Копенгагена. Окончив гимназию, Йорген идет учиться в Орхуский университет, в стенах которого он постигает археологию каменного века под руководством известного датского исследователя древностей Петера-Вильгельма Глоба¹. В 1948 году Глоб предлагает Мелдгаарду отправиться на археологическую практику в Гренландию в составе датской археологической экспедиции Кнутта Эгила. Это поездка перевернула все будущие научные планы молодого ученого, он влюбился в этот суровый край и решает посвятить его изучению всю жизнь. Весь срок археологической практики Йорген проработал под руководством Ганса-Георга Банди, исследуя археологические культуры Индепанденс 1 и 2 и

¹ Appelt Martin, Grønnow Bjarne et Gulløv Hans Christian. Jørgen Meldgaard (1927–2007). Arctic, vol. 60, n.º 2 (no 2), juin 2007. P. 215–216.

Палео-Эскиммо северо-восточного побережья острова¹. С этого момента Мелдгаард отдаёт предпочтение только изучению палеолита Приполярья. В 1949 году Мелдгаард вновь едет в Гренландию, чтобы участвовать в раскопках, патронированных датским Национальным музеем. Йоргену впервые доверили лично возглавить археологическое изучение некрополя, старейшего гренландского поселения викингов – Айстрипуть. В 1950 году Мелдгаард принимает участие в археологических раскопках в пещерах Трейл-крик (Trail Creek). На американской стороне Берингова пролива датский ученый проводит исследования эскимосских захоронений. Через два года он уже проводит раскопки самостоятельно, в районе Готхоба, он раскапывает древнее гренландское поселение охотников и рыбаков.

В 1953 году в Университете Орхусе Мелдгаард успешно защищает докторскую диссертацию по археологии палеолита. После получения степени доктора археологии Мелдгаард назначается начальником экспедиции, которая начинает работать на западном побережье Гренландии в бухте Диско. Он начинает работать в бухте Диско, в районе стойбища Сэккак, которое он назвал «ключевым пространством» палеолитической Гренландии². Для исторического сообщества, изучавшего древнюю Гренландию, поселение Сэккак было известно еще с XIX века. Но Йорген Мелдгаард был первым, кто, изучив все артефакты, понял, что Сэккак ни на что не похожая археологическая культура. Чтобы убедиться в своем открытии, Йорген зовет ведущих американских и канадских археологов посетить раскопки. В совместном коммюнике в 1954 году Мелдгаард вводит в мировую археологию новый термин «культура Сэккак»³. В 1958 году Йорген Мелдгаард при помощи стратиграфических исследований датирует «Сэккак» периодом между 2500 и 800 до н. э., что даёт ему право объявить его как «археологическую культуру» («Saqqaq culture chronology», sur le site du Musée national du Danemark»).

Научный успех молодого археолога был замечен и в Дании. В 1959 году Йорген назначается руководителем направления: гренландская археология в Национальном музее. Следующие 30 лет своей жизни Мелдгаард посвящает своему открытию, каждое лето проводя раскопки в бухте Диско, расширяя представления об археологической «Сэккакской культуре». В некоторых местах площадь раскопа достигала 2500 кв. м⁴

Не следует утверждать, что Мелдгаарда в археологии интересовала только палеолитическая Гренландия. За свою научную жизнь он также принимал участие и в других раскопках, в частности, изучал мидийские захоронения в Гуран-тепе, в иранском Лорестане, а также исследовал поселения викингов на Ньюфаундленде. В 1970-х годах Йорген Мелдгаард входил в научную группу, изучавшую мумифицированные тела, эксгумированные в районе поселения Туле в Чилакицоке. Помимо своей деятельности в качестве археолога и музейного куратора, Мелдгаард преподавал в Копенгагенском университете, а в 1967 и 1968 годах работал в Музее цивилизации в Квебеке в качестве делегата-исследователя. Кроме науки учёный, не без успеха, попытал счастья в кинодокументалистике. Мелдгаард снял три документальных фильма.

Исследователь очень тепло относился к аборигенным жителям Гренландии – инуитам. Он снял два документальных фильма об инуитском искусстве. Первый фильм был сделан в 1952 году на берегу Нуук-фьорда. Второй документальный фильм был снят в 1954 году в Иглулике, Нунавуте. Наконец, в 1982 году Мелдгаард снял свой третий фильм, но уже о раскопках на археологических памятниках в Каяе, в бухте Диско⁵. В 1966 году Мелдгаард инициировал партнерскую программу

¹ Культура Индепенденс I – археологическая культура в северной Гренландии и Канадской Арктике, существовавшая в период около 2400–1000 г. до н. э., названа в честь Индепенденс-фьорда. Культура : Independence II culture существовала в той же местности, однако намного позднее – с 8 в. до н. э. По сравнению с культурой Индепенденс II культура Индепенденс I имела гораздо более высокую плотность и численность населения.

² Meldgaard Jørgen. A Paleo-Eskimo Culture in West Greenland. *American Antiquity*, vol. 17, n° 3 (n o 3), 1952. P. 222.

³ Meldgaard Jørgen. Dorset kulturen. *Den Dansk-amerikanske ekspedition til Arktisk, Canada 1954*. Kuml, vol. 5, n° 5 (n o 5), 1955. P. 171.

⁴ Jeppe Møhl. Dog Remains from a Paleoeskimo Settlement in West Greenland. *Arctic Anthropology*, vol. 23, n° 1 et 2 (n os 1 et 2), 1986. P. 81–89.

⁵ Mette Jørgensen Anne. Jørgen Meldgaard's film works and books on art from the Arctic. *Études/Inuit/Studies*, vol. 37, n° 1, 2013. P. 127–145 (DOI10.7202/1025258ar , lire en ligne [archive], consulté le 6 novembre 2018). P. 127–145.

между инуитами и европейцами, которая позволила в период с 1969 по 1975 годы раскопать священные места инуитов, относящиеся к концу XVIII века.

Его труд был высоко оценен. Мелдгаард был награжден в 1976 году медалью Ганса Эгедэ и медалью за заслуги в Гренландии «*Herzornaat*» в 1997 году. В 2003 году он получил премию Эрика Вестерби. Мелдгаард вышел на пенсию в 1997 году. Умер учёный 9 марта 2007 года. В память о датском учёном и его канадском коллеге Карпентере Национальным музеем Дании и Канадским музеем цивилизации был учреждён фонд, названный *Фондом Карпентера-Мелдгаарда*. Фонд способствует археологическим исследованиям в Арктике. От Дании этим фондом руководит сын Мелдгаарда, известный зоолог Гренландии Мортен Мелдгаард.

Ссылки на научный архив Й. Мелдгаарда:

- Klaus Ferdinand et Merete Harding, «Jørgen Meldgaard» [archive], sur *Dansk biografisk leksikon*, Gyldendal (consulté le 12 novembre 2018).
- (da) «Jørgen Laursen Meldgaard» [archive], sur *le site Gravsten.dk* (consulté le 12 novembre 2018).
- (en) «Carpenter Meldgaard Endowment» [archive], sur *le site du Musée national du Danemark* (consulté le 15 novembre 2018).
- (da) «Film om Etnografisk Samlings – og Nationalmuseets – historie» [archive], sur *le site du Musée national du Danemark* (consulté le 13 novembre 2018).
- (en + da) «Saqqaq culture chronology» [archive], sur *le site du Musée national du Danemark* (consulté le 13 novembre 2018).

© С.В. Виватенко, Т.Е. Сиволап, 2022

УДК 327(4/5)

МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОПОЛИТИКИ ЕВРАЗИИ

В.А. Гайкин

(ИИАЭ ДВО РАН, Владивосток)

Термин «Тихоокеанская Россия» был предложен в начале 2000 гг. дальневосточными учёными и политиками, предложившими заменить им традиционное название региона «Дальний Восток». Ю.А. Авдеев, П.Я. Бакланов, С.М. Дарькин, А.В. Мошков, М.Т. Романов считают, что зарубежные авторы не рассматривают российский Дальний Восток как серьёзную площадку для инвестиций из-за больших рисков, связанных с плохим инвестиционным климатом и меняющимися правилами игры. Их опасения имеют основания. В коллективной монографии, подготовленной группой американских, азиатских и европейских исследователей и посвящённой азиатской интеграции, Россия упоминается лишь три раза – и то в связи с деятельностью Шанхайской организации сотрудничества¹. С.М. Дарькин и П.Я. Бакланов констатируют: «Пока влияние России в Азиатско-Тихоокеанском регионе достаточно слабое, мы рискуем остаться в изоляции или на периферии мирового процесса развития. Необходима целостная политика государства по формированию восточного вектора геоэкономического, социального и геополитического взаимодействия со странами АТР. Чрезвычайно важен протекционизм в отношении российского бизнеса, ориентированного на рынки азиатских стран»².

¹ См.: Asia's New Multilateralism: Cooperation, Competition, and the Search for Community / Ed. By Michael J. Green and Bates Gill. N.Y. : Columbia Univ. Press, 2009.

² См.: Дарькин С.М., Бакланов П.Я., Авдеев Ю.А., Мошков А.В. и др. Тихоокеанская Россия. Стратегия социально-экономического развития Приморского края на 2004–2010 гг. Владивосток, 2003.

По мнению авторов монографии «Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России», руководство страны должно обратить внимание на развитие «далёкой окраины» России, чтобы предотвратить её ползучую трансформацию в провинцию могучего сопредельного государства¹. А.Д. Богатуров опасается превращения российского Дальнего Востока «в часть интеграционного поля Китая... в часть китайской экономики»². Об угрозе превращения Дальнего Востока и Забайкалья «только в источник энергоносителей и сырья для стран Азиатско-Тихоокеанского региона» говорится и в Стратегии социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года, утверждённой Правительством РФ 28 декабря 2009 г.³

В отличие от монографий этих известных научных и политических деятелей, которые носят по большому счёту эмпирический характер, я впервые пытаюсь определить место и роль этого региона в процессах глобализации в контексте геополитических, философских теорий и моих собственных прогноз-концепций развития планетарного сообщества.

Создание евразийского экономического союза – не «каприз кремлёвской верхушки», а закономерный (промежуточный) итог мирового исторического процесса. Если попытаться «прочитать» матрицу исторического процесса с помощью гегелевского закона «отрицание отрицания», то выделяются три исторических этапа (гегелевская триада): первобытное общество, классовое общество, постиндустриальное общество. Как известно, по Гегелю, третий член «триады» повторяет первый (спираль развития), но на качественно новом уровне. Тот же Гегель считал, что история человечества – это поэтапное развитие свободы индивидуума. Согласно непопулярному сегодня К. Марксу «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства»⁴. Таким образом, достижение царства свободы (по Гегелю) как лейтмотив развития человечества реализуется только после выхода человека из сферы материального производства (по К. Марксу).

Первобытное общество, охота и собирательство (зависимость от природы) – тезис, переход к регулярному труду (зависимость от материального производства) – антитезис. Развитие материального производства эволюционно приводит к освобождению от всякой зависимости (постиндустриальное общество) – синтез. Однако «синтез» (постиндустриальное общество) как повторение на высшем уровне «тезиса» (первобытное общество) будет означать и перенесение в постиндустриальное общество доминантного конфликта первобытного общества (межрасовой конфронтации). (Первобытное общество унаследовало от животного мира внутривидовую борьбу, которая у первобытных людей приняла форму межплеменных войн и межвидовую борьбу, которой стала межрасовая конфронтация). Расовая война станет самым страшным конфликтом в истории, главной и единственной её целью будет полное уничтожение всего населения расы-антагониста.

Дать точный футурпрогноз с указанием даты реализации того или иного события нереально. Правильнее определять направления, векторы развития, намечать ориентиры и вехи, оконтуривать цели. Аксиомой стал тезис о том, что научно-технический прогресс идёт по экспоненте (с возрастающей скоростью). Попробуем вывести «алгоритм» ускорения: от каменного топора до начала использования металлических орудий труда прошли десятки тысяч лет; путь от металлического топора до применения станков человечество прошло в десять раз быстрее – за несколько тысяч лет. На порядок меньший временной отрезок понадобился, чтобы изобрести

---

¹ См.: Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. Владивосток, 2009.

² Богатуров А.Д. Новая структура геопро пространственных отношений в Центральной Евразии // Энергетические измерения международных отношений и безопасности в Восточной Азии. М., 2007. С. 103.

³ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года // URL: <http://government.ru/gov/results/9049>. С. 5.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. 2. М., 1970. С. 386, 387.

компьютер – несколько сот лет. Экстраполируя эту тенденцию в будущее, можно предположить, что для завершения компьютерной революции, комплексной роботизации производства (и выхода из него человека) будет достаточно нескольких десятилетий (по максимуму столетие). Нужно сделать поправку на то, что, как отмечают эксперты, в последние десятилетия происходит замедление научно-технической революции. В окончательном варианте выход человечества из сферы производства, вступление человечества в (постиндустриальный) этап развития и, как следствие, возможность расовой войны можно ожидать в конце 21 столетия (2080–2100 гг.).

Наш прогноз-концепция о возможности возникновения в конце XXI в. расовой войны получил неожиданное подтверждение. В 2003 г. была найдена ранее неизвестная двухтомная рукопись И. Ньютона¹. Её содержание составляют математические вычисления, которые базируются на астрологической информации, библейских сюжетах, Книге пророка Даниила. Согласно гипотезе великого учёного, между восстановлением Священной Римской империи Карлом Великим, коронация которого состоялась в рождественскую ночь 800 года, и концом света должны пройти 1260 лет. Главный вывод рукописи состоит в том, что апокалипсис следует ожидать в 2060 г. Такие «экзотические» гипотезы, основанные на Библии, астрологии и др. не принято считать заслуживающими внимания научными теориями, поэтому я цитирую выводы Ньютона просто как удивительное совпадение прозрений гениального учёного и наших скромных концепций.

Между нашим прогнозом даты расовой войны (2080–2100 гг.) и футурпрогнозом «конца света» И. Ньютона (2060 г.) – 20 лет разницы. Учитывая, что прогноз великого ученого был сделан почти за 400 лет до события, то 20 лет можно считать допустимой погрешностью в вычислениях (5 %). Расовая война не неизбежна. Альтернативный (самоуничтожению) путь состоит в том, что Россия, расколов монголоидное сообщество и создав «Евразийский союз» (Россия, Узбекистан, Казахстан, Киргизия, Монголия, Корея, Япония), станет третьим (разнорасовым) силовым центром Евразии, снижающим до минимума расовое напряжение между монголоидным (Китай) и европеоидным (Европейский союз) полюсами планеты.

Концепция Евразийского союза появилась почти одновременно (начало 90-х гг.) с проектом «Туманган» в качестве его антипода. Если «Туманган» (и Евразийский транспортный коридор в обход России «Один пояс Один путь») – это изоляция России, дезорганизация евразийского пространства, его геополитическая трансформация в угоду геостратегическим интересам Китая, то Евразийский союз – разнорасовое сообщество, символизирующее будущее единство Евразии, а впоследствии и мира. Связанные общим экономическим интересом государства-члены Евразийского союза формируют новый мощный полюс глобализирующегося мира в качестве промежуточного этапа на пути к унипланетному сообществу. Как отмечает Мария Индина, «в настоящее время Китай ведет мощную пропагандистскую кампанию против Таможенного союза (ТС). Китайские чиновники отговаривают страны центральноазиатского региона от вступления в ТС, предлагая взамен экономический пояс «Шелковый путь». На днях киргизские чиновники признались, что ограниченному кругу экспертов и политиков была прочитана лекция на тему «Внешняя политика Китая», во время которой китайские представители открыто призывали отказаться от неперспективного ТС. Таким образом, КНР всячески пытается не допустить объединения слабых по одиночке государств в сильный союз»².

¹ Лаговский Владимир. Исаак Ньютон назначил конец света на 2060 г. // Комсомольская правда. 2007. 19 июня.

² Китай готовит военное вторжение в Россию // News-Asia [Режим доступа: www.news-asia.ru/view/ch/5453].

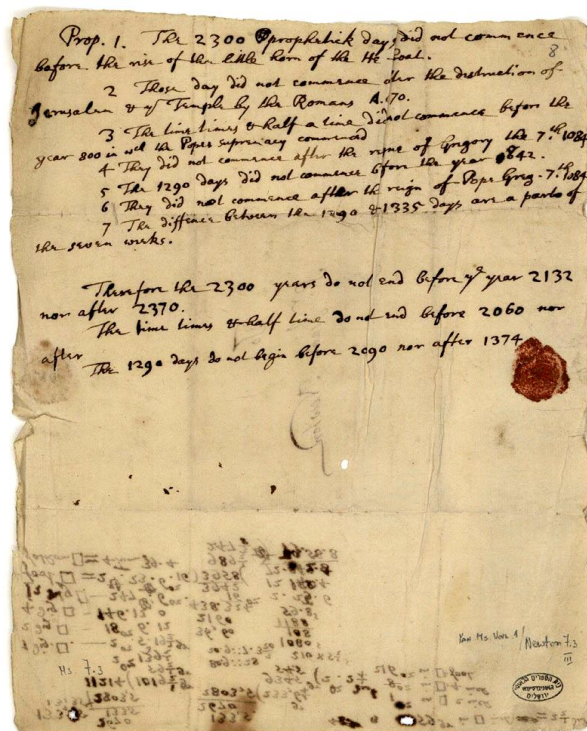

Рис. 1. Страница рукописи Исаака Ньютона:
«Конец света наступит в 2060 г., возможно, позже, но вряд ли раньше»

Российско-японские отношения находятся в отрицательной корреляции с взаимоотношениями Китая и Японии. Наличие японо-американского договора о безопасности не гарантирует вступление США в войну с потенциально самой могущественной мировой державой (Китай) из-за её пограничного спора с Японией. Растущее напряжение между Токио и Пекином заставит Токио «наступить на горло собственной песни» о возврате Курил. Прагматичные японцы понимают бесперспективность «войны на 3 фронта» и выбирают меньшее из зол – состояние «статус-кво» с Россией. Не следует забывать, что пограничные споры Японии с Южной Кореей (Токто) плюс память о колониальном прошлом Кореи не позволяют оформить союзнические отношения между двумя странами (в 2012 г. Правительство Ли отказалось заключать военное соглашение между Японией и Южной Кореей в самый день подписания договора). Оказавшаяся в «кольце потенциальных врагов», Япония будет вынуждена дрейфовать в направлении российского берега. В последние годы изменился тон японской прессы, комментирующей отношения Токио – Москва: «Основная мысль, которая прослеживалась в японской прессе – это необходимость стратегического сотрудничества Японии и России... против Китая. Всемирно известный писатель Мураками в своей статье писал, что Японии следует «поумерить свой пыл» в отношении Курильских островов и перейти к конструктивному сотрудничеству с Россией»¹. Транстихоокеанское партнёрство с США носит торговый характер и не является компенсаторным заменителем более чем столетних попыток Японии «выйти на материк», реализуемых Японией в конце XIX – 1-й половине XX в. в колониальных войнах.

В программе трансформации евразийского политического пространства, реинтеграции на пространстве бывшего СССР Тихоокеанской России будет отведена важная роль интегративной подсистемы, обеспечивающей экономическую кооперацию с корейскими государствами и Японией.

Япония, инвестируя в дальневосточные территории России, создавая здесь промышленные производства, как бы сохранит лицо, развивая отношения не с далёкой Москвой, а с соседними территориями (Тихоокеанской Россией). Договор о мире с Японией в ближайшие десятилетия подписан не будет. Ситуация

¹ Романова М.И. Выступление на круглом столе «саммит АТЭС 2012 в оценках зарубежных средств массовой информации» 28.02.2012 // Вестник изучения международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе (Хабаровск). 2013. № 1. С. 56.

усилиями обеих сторон превратилась в тупиковую (патовую). Правящие круги Японии, поощрённые предложением Н.С.Хрущёва о передаче ей двух островов, зашли в своих требованиях так далеко, что остановиться и отказаться от своих притязаний без «потери лица» уже не в состоянии. «Сохранить лицо» для японцев, воспитанных на самурайской этике поведения, не просто фигура речи, а один из главных постулатов в отношениях с окружающим миром.

Для России возврат полученных в результате победы над Японией «северных территорий» равнозначен, во первых, признанию того, что в советско-японской войне осенью 1945 г. не было победителей; во вторых, «потере лица» в глазах японцев, которые в своё время, захватив у России пол-Сахалина, посчитали бы неудачной русской шуткой требование вернуть эту часть острова назад. «Новые японские земли» на Сахалине активно заселялись и осваивались трудолюбивыми японскими колонистами вплоть до 1945 г., когда советский реванш заставил их с большой неохотой вернуться на родину предков.

Отсутствие мирного договора (как бы патовая ситуация) не мешает России и Японии активно развивать отношения и экономическое сотрудничество. 90 лет назад закончила своё политическое существование Дальневосточная республика, образованная Правительством РСФСР для предупреждения столкновения коммунистической России и капиталистической агрессивной Японии. Более двух лет Тихоокеанская Россия (ДВР) успешно выполняла роль буфера между двумя сопредельными государствами. История (по Марксу) повторяется, и сегодня эта территория (с точностью до наоборот) может сыграть роль стыковочного узла в процессе экономической кооперации с Японией и корейскими государствами. Практическими «рычагами» интеграции двух экономик будут строительство моста мыс Погиби – остров Сахалин, сооружение подземного туннеля между Сахалином и Хоккайдо и соединение Транссиба с японскими железными дорогами.

Рис. 2. План соединения Транссиба и железных дорог Японии
(мыс Погиби – Сахалин – Хоккайдо)

Аналогичная программа в отношении корейских государств уже перешла в плоскость практической реализации, Транссиб и северокорейские ж. д. состыкованы, новая магистраль доведена до порта Раджин. В перспективе – транскорейская и трансевразийская магистрали.

РОССИЙСКО-ТРАНСКОРЕЙСКИЙ КОРИДОР

Рис. 3. Стыковка Транссиба с северокорейскими железными дорогами

Экономики России и Японии взаимодополняемы. Ограниченность природных ресурсов, островное положение страны, отсутствие союзников на границах неизбежно приведут прагматично мыслящую правящую страту Японии к пониманию необходимости экономической кооперации с Россией. С 1982 г. Токио придерживался «доктрины Накасонэ», постоянно будируя проблему «северных территорий» на любых переговорах с Москвой, но уже правительства Таро Асо (2008–2009) и особенно Юкио Хатоямы (2009–2010) предложили России – не связывать жёстко развитие экономического сотрудничества со спором о принадлежности Южных Курил. Правительство Наото Кана (2010–2011) заморозило диалог с Москвой, но весной 2012 г. премьер-министр Японии Йосихика Нода послал сигналы о готовности вернуться к «линии Хатоямы». Этот курс поддержал и следующий премьер-министр Синдзо Абэ.

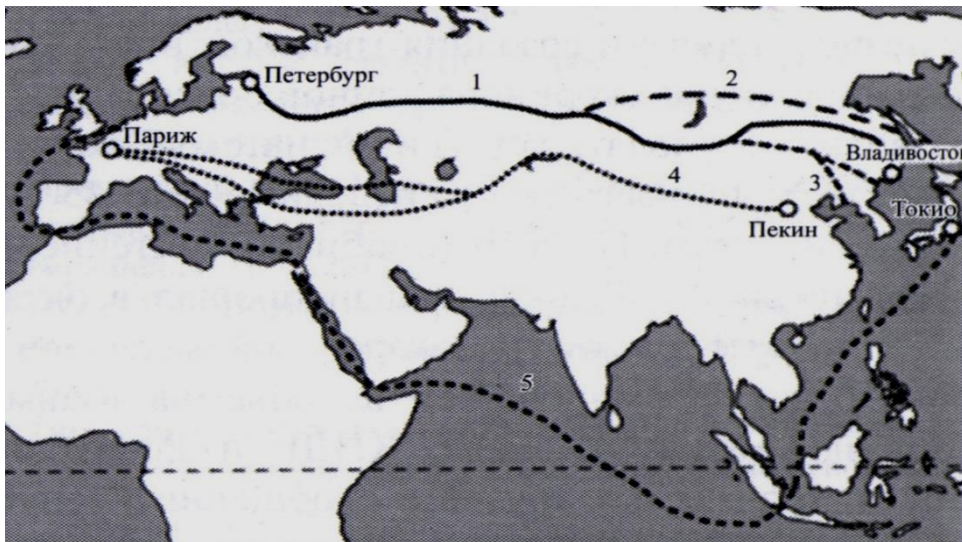

Рис. 4. Евразийский транспортный коридор в обход России (точечный пунктир)

Футурпрогноз, аналогичный нашему, предложил В.В. Путин в своей программной статье в газете «Известия». Её квинтэссенция – в следующем абзаце: «Создание Евразийского союза, эффективная интеграция – это тот путь, который позволит его участникам занять достойное место в сложном мире XXI века. Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом»¹.

¹ Путин В.В. Новый интеграционный проект для Евразии – будущее которое рождается сегодня // Известия. 2011. № 184.

Как бы отвечая на предложенную прогноз-концепцию, Президент Южной Кореи Пак Кын Хе на международной конференции «Глобальное сотрудничество в эру Евразии», прошедшей 18 ноября 2013 г. в Сеуле, изложила аналогичную программу международного сотрудничества «Евразийская инициатива» для создания «Одного континента» – «Мирного континента». Смысл «Эпохи Евразии», по мнению Пак Кын Хе, заключается в объединении Дальнего Востока, начиная с Республики Корея, России, Центральной Азии, в формировании более благоприятной инфраструктуры и свободной торговли между евразийскими странами для построения большого единого рынка, соперничающего с Европейским союзом.

© В.А. Гайкин, 2022

УДК 2-154;94(4/5)“08/11”

**МОНОТЕИЗМ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕПНЫХ ИМПЕРИЯХ:
ПРИМЕНЕНИЕ КОМПАРАТИВНОГО ПОДХОДА
ДЛЯ ПОИСКОВ РЕШЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ
(на материале Хазарского и Кыргызского каганатов)**

М.В. Гаухман

(Национальный музей РБ, Уфа)

Существование и распространение монотеизма в средневековых степных империях Великой Евразийской степи при недостатке письменных источников становится научной проблемой потому, что монотеистические религии формировались в городских обществах – и даже среди земледельческого населения до эпохи Модерна монотеизм приобретал «гибридные формы», сочетаясь с языческими верованиями и обычаями, имеющими этническую окраску. Поэтому интересны ответы исследователей на вопрос: «Как возможен монотеизм среди кочевников?»

К рассмотрению проблемы монотеизма нас привела история Хазарского каганата, которая привлекает внимание учёных следующими научными проблемами:

– во-первых, контрастом между важнейшей ролью каганата в истории западной части Великой Евразийской степи, раннесредневековой Восточной Европы и соседних макрорегионов и при этом фрагментарностью сведений исторических источников о Хазарии и хазарах;

– во-вторых, распространением среди степняков-хазаров иудаизма, являющегося этнической религией практически полностью городского еврейского этноса, хотя христианство и ислам также находили своих приверженцев в Хазарии;

– в-третьих, в историографии встречается тезис о «верхушечности» иудаизации Хазарии¹, хотя относительно монотеизма в других государствах раннего средневековья подобные утверждения не звучат. Это указывает, на наш взгляд, на скептическое отношение среди части исследователей к возможности распространения иудаизма в Хазарии;

– в-четвёртых, связь Хазарии с историей еврейского народа обусловила большой околонуточный интерес к истории каганата и вызвала к жизни сенсационные по содержанию и квазинаучные по форме концепции израильских историков и интеллектуалов – то о происхождении евреев Центрально-Восточной Европы («ашкеназов») от хазар, то вовсе о нереальности хазарской иудаизации, к чему мы вернёмся ниже.

Именно третья и четвёртая проблемы: возможность существования иудаизма, как и другой монотеистической религии, в степной империи и спекулятивные построения современных интеллектуалов на эту тему – подтолкнули нас написать настоящую работу. Поэтому мы предлагаем расширить перспективу и сравнить хазарскую ситуацию с аналогичными в других степных

---

¹ См., напр.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 153.

государствах: в Древней Хакасии, или Кыргызском каганате, принявшем манихейство, а также со среднеазиатскими государствами Чингизидов с особым статусом монарха.

Распространение иудаизма в Хазарском каганате рассматривалось в большом количестве научных трудов, из которых предлагаем выделить, как обобщающие, следующие публикации: фундаментальное источниковедческое исследование «Каспийский свод» Бориса Заходера, в котором одна из глав посвящена сведениям арабо-персидских авторов о хазарах и Хазарии¹; монографию А.П. Новосельцева «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа»²; коллективную монографию «Хазария в кросскультурном пространстве», в которой рассмотрены сюжеты политической и религиозной истории каганата³, а также работы американского ориенталиста-тюрколога Питера Голдена по проблемным вопросам хазарской истории⁴. Последний, в частности, сформулировал «хазарскую проблему» как переплетение в истории Хазарии «истории тюркской степи, Киевской Руси, венгерской протоистории, еврейской и исламской истории и истории народов Кавказа»⁵. Собственно, в настоящей работе мы обращаемся только к некоторым аспектам «хазарской проблемы».

Отдельно следует выделить работы интеллектуалов, выдвигавших квазинаучные концепции, в том числе в противовес другим сомнительным построениям. Гипотеза о хазарском происхождении ашкеназов высказывалась различными авторами от писателя Артура Кёстлера до авторитетного историка и публичного интеллектуала Шломо Занда⁶. С отрицанием иудаизации хазар как некоего исторического анекдота от средневековых арабских сочинителей, очевидно, в пику Ш. Занду, выступил историк Шауль Штампфер в своей резонансной статье⁷. Подобные публикации предлагаем рассматривать не как дилетантские заблуждения, а как интеллектуальные провокации.

Проблема распространения другой монотеистической религии – манихейства – в Древней Хакасии исследовалась в различных работах Леонида Кызласова⁸, а также рассматривалась Игорем Кызласовым при анализе древнехакасских рунических надписей в его книге-эссе «Рунические письмена Сибири»⁹. Вопрос о правовом статусе ханов-Чингизидов в Средней Азии, в контексте сохранения в регионе монгольского обычного публичного права, поднимался Романом Почекаевым в историко-правовой монографии «Чингизово право: Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии»¹⁰.

Новизна нашей работы заключается в сравнении хазарских реалий с религиозными и политическими процессами в других степных государствах. Мы предлагаем сопоставить бытование в каганате монотеизма с распространением манихейства в другой части Евразийской степи – Кыргызском каганате, а языческое отношение хазар к своему кагану – с мировоззрением знати Древней Хакасии и политико-правовым статусом хана в среднеазиатских государствах Чингизидов.

Фрагментарные свидетельства о распространении в Хазарском каганате иудаизма, в меньшей степени – христианства и ислама, содержатся в арабо-персидских географических трактатах, приведены в сочинениях еврейских авторов – «Еврейско-хазарской переписке» и «Кембриджском документе», а также в еврейских трактатах, вторичных относительно арабоязычных текстов, византийском «Житии Константина Философа» (известном также как Святой Кирилл) и

¹ См.: Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. I. С. 117–229.

² См.: Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990.

³ См.: Калинина Т.М. Хазария по данным восточных источников // Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 8–100; Петрухин В.Я. Выбор веры в евразийской истории. Хазария и Русь // Там же. С. 159–183.

⁴ См.: Golden P. Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Budapest, 1980; Golden P. Irano-Turcica: The Khazar sacral kingship revisited // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 2007. Vol. 60 (2). P. 161–194.

⁵ Golden P. Khazar Studies. An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. P. 21.

⁶ См.: Кестлер А. Тринадцатое колено. М., 2010; Занд Ш. Кто и как изобрел еврейский народ. М., 2010.

⁷ См.: Stampfer S. Did the Khazars Convert to Judaism? // Jewish Social Studies: History, Culture, Society. 2013. No. 3. P. 1–72.

⁸ См.: Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии: монография. Красноярск, 1992; Кызласов Л.Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Абакан, 1991; Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 3. С. 8–35.

⁹ См.: Кызласов И.Р. Рунические письмена Сибири. Рассказы археолога. Москва–Абакан, 2021.

¹⁰ См.: Почекаев Р.Ю. Чингизово право: Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время). Казань, 2016.

древнерусской «Повести временных лет»¹. Однако единственными надёжными археологическими свидетельствами иудаизации Хазарии остаются подражательные хазарские дирхемы с арабской надписью «Моисей – посланник Бога»². Впрочем, отсутствие иных артефактов можно рассматривать, по нашему мнению, как указание на утверждение монотеизма, не обязательно именно иудаизма: в масштабных культовых сооружениях степные жители – в отсутствии развитой городской жизни – не нуждались, а погребения адептов монотеизма лишены инвентаря.

Если для истории Хазарии характерна критическая нехватка репрезентативных источников, то в случае с Древней Хакасией источниковая база вполне репрезентативна. В частности, известны довольно многочисленные древнехакасские тексты различных исторических периодов, представляющие собой рунические надписи на скалах и стелах, которые расшифрованы исследователями. Если ранние надписи на стелах IX–X вв. – это эпитафии знатым воинам, стремившимся к росту могущества и стяжанию богатств, то наскальные надписи VIII до XIII вв. – это религиозно-созерцательные высказывания³. Именно к VIII–XI вв. относится строительство манихейских храмов в Кыргызском каганате⁴.

Два типа древнехакасских рунических надписей отражают два типа мировоззрения: знатных воинов и религиозных проповедников. При этом хронологические рамки обоих типов указывают на то, что «созерцательное» манихейство со временем вытеснило «посюстороннее» мировоззрение аристократов. Иначе говоря, оба типа надписей и, соответственно, оба типа мировоззрения некоторое время сосуществовали в одном и том же обществе, пока манихейство не стало господствующим. Если же сопоставить религиозные процессы с социально-экономической эволюцией общества енисейский киргизов, то видим постепенное распространение в Древней Хакасии оседлого земледелия, развитие ремесла и городской жизни⁵.

Если проводить параллели между «монотеизацией» Хазарии и Древней Хакасии, то видим два схожих вектора: во-первых, распространение монотеизма было связано с «седентаризацией»⁶: с постепенным переходом кочевников к оседлости, с развитием земледелия, ремёсел и городской жизни, во-вторых – принятие «экзотичного» иудаизма и «диссидентского» манихейства позволяли сохранять политическую самостоятельность. Дело в том, что в государствах-соперниках Хазарии – Византийской империи, Арабском халифате и Волжской Булгарии – господствующими религиями стали христианство и ислам, а в случае с Древней Хакасией – иерархическая организация манихейского духовенства не была связана с каким-либо конкретным государством даже при том, что енисейские киргизы восприняли манихейство от своего бывшего гегемона – Уйгурского каганата.

Вторая часть настоящей работы – вопрос о сосуществовании в степных империях монотеизма и языческого культа правителей. На наш взгляд, препятствием к принятию исследователями тезиса об иудаизации (или «монотеизации» в целом, что было бы точнее) хазар могут быть и свидетельства арабо-персидских авторов о языческом культе божественного кагана пусть как символического, но не реального монарха.

Согласно сравнительному анализу высказываний из восточных трактатов, проведённому Б. Заходером, персона кагана была священной: знатные особы перед монархом должны были падать ниц, войско держалось на расстоянии мили от него, пребывание правителя на троне зависело от успехов его правления, а сложноустроенная могила кагана должна была сбросить его тело от

¹ См., напр.: Калинина Т.М. Хазария по данным восточных источников // Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 8–9.

² Петрухин В.Я. Выбор веры в евразийской истории. Хазария и Русь // Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Указ. соч. С. 166.

³ Кызласов И.Р. Рунические письмены Сибири. Рассказы археолога. Москва–Абакан, 2021. С. 93–112.

⁴ Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии : монография. Красноярск, 1992. С. 84–85; Кызласов Л.Р. Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1998. № 3. С. 15–27.

⁵ Кызласов Л.Р. Древняя и средневековая история Южной Сибири (в кратком изложении). Абакан, 1991. С. 44–49; Кызласов Л.Р. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии : монография. Красноярск, 1992. С. 73–84, 87–88.

⁶ Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы, 2002. С. 324–325, 367–368.

воздействия людей и животных¹. Однако В. Петрухин справедливо замечает, что сюжет об убийстве правителя-неудачника является мифологическим и относится в средневековой книжности к монархам самых разных стран². В свою очередь, А. Новосельцев справедливо предполагает, что «обособление» фигуры кагана могло быть следствием возвышения военизированных правителей с титулами «шад» или «бек», которые отстранили каганов не только от реальной власти, но и буквально – от своих подданных³. Тем не менее обожествление кагана не вызывает сомнений. Напротив же, по иудейскому обычаю, перенятому христианством, монархов помазывали на царство: так делали в средневековой Европе и Византии. Отметим, что П. Голден усматривает источник обожествления кагана в наложении двух религиозных традиций: тенгрианской и иудейской⁴. Однако мы полагаем, что отсутствие в Хазарии ритуала помазания монарха свидетельствует именно о том, что принятие иудаизма не оказало принципиального влияния на статус и культ кагана. Отсюда возникает резонный вопрос о возможности сосуществования в одном и том же обществе государственной монотеистической религии и языческого культа монарха.

Вторая линия сравнения в нашей работе проведена между Хазарией и Средней Азией при Чингизидах. Дело в том, что языческое восприятие монарха как верховного источника права, пусть и без явного обожествления, вплоть до XVI в. сохранялось в государствах Чингизидов и сосуществовало с исламом. Естественно, среднеазиатские правители-Чингизиды исповедовали ислам и покровительствовали исламскому духовенству. Однако при этом оставались приверженцами Великой Ясы – устного свода монгольского обычного публичного права, исключительными носителями и толкователями которого были представители «Золотого рода», т. е. разветвлённой династии потомков Темуджина. Так, хан даже мог принять решение, формально противоречащее мусульманскому праву, сославшись на определённое положение Ясы⁵.

Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы: 1) сравнение существования монотеизма в Хазарском каганате и Древнехакасском государстве свидетельствует о том, что монотеистические верования распространялись в средневековых степных государствах, в которых происходило усиление государственной власти и наблюдались седентаризационные процессы среди населения;

2) монархи в степных государствах имели особый статус, определяемый языческими верованиями, несмотря на господствующий характер монотеистической религии. К тому же в степном обществе представления воинов-аристократов могли сосуществовать с созерцательным мировоззрением адептов монотеизма.

Следовательно, распространение монотеизма было вполне типичным явлением в степных империях в период их расцвета, как показывает история и Хазарии, и Древней Хакасии, а «историографическая оговорка» о «верхущечности» иудаизации Хазарии, которую мы трактуем как сомнение в реальности распространения иудаизма, является безосновательной. Однако гибель степных государств, как произошло с Хазарским каганатом вследствие походов древнерусского князя Святослава Храброго в 960-х гг., так и в случае с Кыргызским каганатом, покорённым монголами в 1210–1220-х гг., приводила к исчезновению этих центров монотеистических верований.

Проведённое нами исследование является примером применения – на основании анализа историографии дискуссионных проблем средневековой истории – компаративного подхода в изучении религиозной ситуации в Великой Евразийской степи, что может стать перспективным методом для дальнейших исследований обществ и государств этого макрорегиона.

© М.В. Гаухман, 2022

¹ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. I. С. 202–217. См. также аналогичный анализ сообщений восточных авторов в статье П. Голдена: Golden P. Irano-Turcica: The Khazar sacral kingship revisited. P. 162–171.

² Петрухин В.Я. Выбор веры в евразийской истории. Хазария и Русь // Калинина Т.М., Флёров В.С., Петрухин В.Я. Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры. М., 2014. С. 162–163.

³ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 141.

⁴ Golden P. Irano-Turcica: The Khazar sacral kingship revisited. P. 185–186.

⁵ Почекаев Р.Ю. Чингизово право: Правовое наследие Монгольской империи в тюрко-татарских ханствах и государствах Центральной Азии (Средние века и Новое время). Казань, 2016. С. 172–187.

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ СЕМЬИ В БАШКОРТОСТАНЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ

А.Д. Гибадуллина
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Семья выполняет ряд важных функций, необходимых для развития и жизнедеятельности общества, важнейшая и основная из них — репродуктивная. Воспроизводство здорового населения — задача как отдельно семьи, так и в целом государства. В условиях развития современного общества показатели состояния здоровья населения заметно снижаются, репродуктивные установки семей претерпевают изменения. Происходит рост однопородных, бездетных семей; растет количество медицинских учреждений, основной целью которых является поддержка репродуктивного здоровья семьи, что свидетельствует, во-первых, о росте спроса среди населения, во-вторых, о необходимости контроля показателей данной отрасли медицины. Охрана здоровья семьи — приоритетная задача государства. Соответственно, изучение вопросов охраны здоровья семьи в республике представляет актуальность и важность.

Хронологическими рамками исследования является конец XX — начало XXI веков. Обращение к данному периоду определено целью выявления основных путей развития охраны здоровья семьи в республике в условиях преобразований общества. В работе использованы статистический и хронологический методы, а также методы историзма и анализа.

Историография вопроса свидетельствует о недостаточной изученности вопроса. Вопросы охраны здоровья семьи в Башкортостане не являлись объектом отдельного изучения, но ряд авторов выделили отдельным аспектом вопросы охраны семьи, материнства и детства в рамках своего общего исследования. Так, в монографии Р.Н. Сулеймановой, посвященной женщинам Башкортостана во второй половине XX века, освещена проблема охраны материнства и детства, состояния здоровья женщин и детей, которая является важным вопросом в рамках медико-демографической характеристики состояния здоровья населения¹. В препринте научно-исследовательской работы, выполненной коллективом авторов (Р.Р. Яппарова, Р.А. Галин, Я.А. Скрябина, Л.М. Хамитова) под ред. Я.А. Скрябиной, освещена тема браков и разводов в современном Башкортостане, представлен анализ брачности, который необходим при изучении репродуктивных установок населения². В работе также использованы архивные и законодательные документы, материалы периодической печати, статистики и переписи населения.

Семья — малая ячейка общества, которая наиболее ярко реагирует на происходящие общественные процессы и находится в тесной зависимости от этих процессов. В Башкортостане в исследуемый период происходили перемены в общественно-политической и социально-экономической жизни. Перемены нашли свое отражение во всех сферах деятельности республики, в том числе в системе здравоохранения.

В реализации мер по улучшению организации здравоохранения важным направлением стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» от 22 сентября 1977 года³. Согласно данному постановлению, в республике были приняты меры, направленные на улучшение системы здравоохранения. В Постановлении бюро обкома КПСС и Совета Министров Башкирской АССР от 3 января 1978 г. № 31 «О Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 22 сентября 1977 года № 870 “О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения”» отмечалось, что в Башкирской АССР имеется 422 больницы на 43 тыс. коек, более чем 500 амбулаторно-поликлинических учреждений. В области здравоохранения трудится более 9,2 тыс. врачей и 32 тыс. средних медицинских работников. Успешно развивается специализированная медицинская помощь, создана система охраны

¹ Сулейманова Р.Н. Женщины Башкортостана: социальный облик (конец 50-х — начало 90-х годов). Уфа, 1998.

² Браки и разводы в современном Башкортостане : препринт научно-исследовательской работы. Уфа, 2012.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 13. М., 1986. С. 204.

материнства и детства¹. В то же время были отмечены следующие недостатки: развитие сети лечебно-профилактических учреждений, особенно в сельской местности, а также медико-санитарных частей для медицинского обслуживания работников промышленных предприятий, строительных и транспортных организаций еще значительно отстает от потребностей. Не были ликвидированы существенные недостатки в организации работы больниц, поликлиник, аптек, станций скорой и неотложной медицинской помощи, родовспомогательных, детских лечебно-профилактических и других учреждений здравоохранения. Оставались нерешенными вопросы укомплектования врачами терапевтических и педиатрических участков в городских поликлиниках и сельских учреждениях здравоохранения. Крайне низкой являлась обеспеченность средним и младшим медицинским персоналом². Таким образом, для осуществления комплексной системы здравоохранения было необходимо устранение имеющихся недостатков. Так, большое значение в данном направлении имели постановления, связанные с объявлением Международного года ребенка. Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР «О проведении Международного года ребенка в СССР» от 5 февраля 1979 года в связи с объявлением Генеральной Ассамблеей ООН 1979 года Международным годом ребенка было отмечено, что партийные, советские, хозяйственные, профсоюзные и комсомольские организации, руководствуясь решениями XXV съезда КПСС, развивая трудовую и общественную активность трудящихся в выполнении планов социально-экономического развития, призваны значительно повысить внимание к задачам охраны материнства и детства, здоровья детей, их образования, воспитания и гармоничного развития. Ввиду этого рекомендовано компартиям республик, областей, советским органам, правительствам союзных и автономных республик, областей, министерствам и ведомствам, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ и другим общественным организациям усилить внимание к вопросам безусловного выполнения заданий десятой пятилетки по развитию сети детских больниц и поликлиник, санаториев и дошкольных учреждений, строительству школ и внешкольных детских учреждений, увеличению производства и повышению качества товаров для детей, улучшению торговли и медицинского обслуживания, созданию для женщин, имеющих детей, более широких возможностей для совмещения работы с домашним трудом и уходом за детьми и к устранению имеющихся недостатков в этих вопросах³. В Башкортостане результатом внимания к вопросам охраны детства стало некоторое улучшение показателей рождаемости, но показатели смертности продолжали еще оставаться значительными. В 1980 г. на 1000 человек населения число родившихся составило 17,5, в 1981 г. – 18,1; число умерших – 9,3 и 9,4 соответственно⁴. Снижалась детская смертность. В 1980 г. она составила 20,2 на 1000 родившихся живыми младенцев в возрасте до одного года и продолжала снижаться в последующие годы. Чаще стали проводиться комплексные профилактические осмотры. В 1980 г. свыше 1,5 млн человек населения республики были охвачены профилактическими осмотрами. В последующие годы эта цифра растет. Профосмотры стали регулярно проводиться в дошкольных учреждениях, школах⁵.

Как и по республике, в Уфе охране здоровья семьи уделялось определенное внимание. Уфимским городским комитетом в октябре 1988 г. сообщалось, что в г. Уфе в течение ряда лет в организации охраны здоровья матери и ребенка допускались серьезные недостатки и ошибки, не придавалось должного значения приоритетному развитию этого участка здравоохранения⁶. В связи с этим исполком горсовета обозначил конкретные мероприятия по стабилизации создавшегося положения. В первую очередь, предполагалось строительство учреждений здравоохранения. В итоге в Уфе были построены и введены в эксплуатацию детские поликлиники на 600 посещений в смену,

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 221. Д. 203 Л. 1.

² Там же. Л. 1–2.

³ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. (1898–1986). Т. 13. М., 1986. С. 316–317.

⁴ Башкирия в союзе ССР. Стат. сборник. Уфа, 1982. С–14.

⁵ Сулейманова Р.Н. Женщины Башкортостана: социальный облик (конец 50-х – начало 90-х годов). Уфа, 1998. С. 37, 38.

⁶ НА РБ. Ф. 122. Оп. 224. Д. 189. Л. 11.

женская консультация на 150 посещений, открыты дневной стационар на 20 коек при роддоме № 4 и отделение реабилитации на 10 коек детской поликлиники № 1¹.

Серьезное влияние на состояние здоровья человека оказывает экология. Экологическая обстановка является прямым отражением экономического, общественного развития республики. Важно понимание взаимосвязи экономического потенциала республики и экологии. Рост производственных мощностей непрерывно воздействует на качество жизни, что приводит к заболеваниям и ухудшению показателей здоровья населения. В научном докладе Башкирского научного центра УрО АН СССР Башкирскому обкому КПСС «От экстенсивного развития экономики к эколого-экономическому равновесию!» отмечалось, что одним из важнейших критериев эффективности региональной экономики должна стать средняя продолжительность здоровой, активной жизни населения. По данным ученых УрО АН СССР, на Урале она не превышает 20 лет. Наблюдается прямая зависимость между уровнем загрязнения природной среды городов БАССР и детской заболеваемостью и смертностью в возрасте до 1 года. Детская смертность в республике высока, причем за последние годы растет. Если в 1986 г. на 1000 родившихся живыми детей до достижения 1 года умерли 17,5, то в 1987 – 19,5. Заболеваемость новорожденных в расчете на 1000 детей с 77,6 в 1986 г. возросла до 93,8 в 1987 г., средняя продолжительность жизни в республике составляет всего лишь 68,8 лет, в т. ч. мужчин – 62,7, женщин – 74,1 года². Как видно из документа, в конце 1980 гг. наблюдался рост детской заболеваемости и смертности до 1 года, где одним из факторов являлась неблагоприятная экологическая обстановка в республике. В письме Государственного комитета Башкирской АССР по охране природы Башкирскому обкому КПСС в начале 1990 г. об экологической обстановке и природоохранной работе в Башкирской АССР в 1989 году отмечалось, что три города республики Уфа, Стерлитамак, Салават вошли в сотню особо загрязненных городов Союза, близки к ним еще четыре города – Благовещенск, Мелеуз, Ишимбай, Нефтекамск. Основными источниками загрязнения этих городов являются предприятия нефтехимического комплекса, микробиологической промышленности и производства минеральных удобрений³. Крупнейшие промышленные предприятия республики оказывали существенное влияние на экологическую обстановку республики. По предварительным данным, за 1989 год валовый выброс вредных веществ в атмосферу от стационарных источников 404 промышленных предприятий республики составил 994,2 тыс. тонн⁴. Несомненно, предпринимались меры по предотвращению загрязнения окружающей среды и защиты здоровья населения. Они касались прежде всего введения в эксплуатацию очистных сооружений и установления законодательных мер, направленных на улучшение экологической обстановки в республике (в их числе «О мерах по улучшению экологического состояния Башкирского Зауралья» от 4 мая 1989 г.)⁵.

Важное место в оценке уровня здоровья населения занимает состояние питания. В апреле 1991 г. Президиумом Верховного Совета Башкирской ССР был рассмотрен вопрос о состоянии и перспективах производства детского питания в республике для детей первого и второго года жизни. Отмечалось, что обеспеченность таких детей сухими молочными смесями в 1990 г. составила 80 % от потребностей, мясными консервами — 22 %, фруктово-овощными — 30 %. Слабо, на низком техническом уровне работают детские кухни, их сеть развивается низкими темпами. Медики республики указывают на значительный рост заболеваний у беременных женщин, связанный с питанием, и как следствие этого — рождение детей с анемией и гипотрофией⁶. В результате были предприняты следующие меры: намечено увеличение производства детского питания — в первую очередь за счет более полного использования имеющихся мощностей, а также его гарантированного распределения среди детей. Совету Министров Башкирской ССР поручалось разработать перспективную программу создания индустрии детского питания в республике, рассмотреть вопрос выделения дополнительного количества продуктов для обеспечения по бесплатному фонду детей

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 224. Д. 189. Л. 11.

² Там же. Оп. 227. Д. 177. Л. 10, 11–12.

³ Там же. Оп. 230. Д. 237. Л. 5–6.

⁴ Там же. Л. 6.

⁵ Там же. Л. 17.

⁶ Советская Башкирия. 1991. 17 апреля.

первых двух лет жизни из многодетных и малообеспеченных семей, а также увеличения отпуска по талонам некоторых продуктов питания для беременных женщин и кормящих матерей. Также были даны целевые поручения министерствам сельского хозяйства и продовольствия, здравоохранения, торговли республики и Башпотребсоюзу¹.

Меры по охране здоровья семьи были приняты на законодательном уровне. Указом Президиума Верховного Совета Республики Башкортостан было принято постановление о созыве внеочередной (двадцать первой) сессии Верховного Совета Республики Башкортостан двенадцатого созыва 4 ноября 1993 года в городе Уфе. В повестку дня были внесены ряд вопросов, в том числе проект закона Республики Башкортостан «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» (второе чтение), проект Кодекса Республики Башкортостан об охране здоровья граждан (второе чтение)². В результате на сессии Верховного Совета республики эти законы были приняты и введены в действие³. Закон «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» «устанавливает основы политики Республики Башкортостан в области охраны семьи, материнства, отцовства и детства, регулирует отношения, возникающие в связи с осуществлением мер по обеспечению прав и законных интересов семьи и всех ее членов»⁴. Он был направлен на решение различных вопросов, в том числе организации и обеспечения охраны здоровья семьи. 24 июля 2000 года в республике был принят Закон РБ «О государственной поддержке многодетных семей в Республике Башкортостан», согласно которому семья, имеющая в своем составе трех и более несовершеннолетних детей, в том числе усыновленных и принятых под опеку (попечительство), считалась многодетной. Таким семьям были установлены ежемесячное пособие как поддержка в воспитании, образовании детей и ряд других важных мер⁵. Наряду с этими законами важное значение в повышении престижа семьи, родительства имели проводимые акции. В их числе – акция «Ребенок 2000 года», состоявшаяся в городе Уфе⁶. В целях медицинского обслуживания населения разрабатывались и действовали целевые программы, такие как «Развитие и совершенствование системы диагностики и лечения детей в Республике Башкортостан на 2001–2005 годы»⁷. В целях реализации Закона РБ «Об иммунопрофилактике инфекционных заболеваний человека» была одобрена программа «Вакцинопрофилактика»⁸.

Проведенные мероприятия и принятые меры не оказывали влияния на показатели рождаемости и смертности. В 1990 г. всего родившихся 63899 человек, умерших — 38157 человек, в 2005 г. соответственно 44094 и 57787. Из них умерших детей до 1 года в 1990 г. — 1066 человек, в 2005 г. — 531 человек⁹. Несмотря на значительное снижение, показатель детской смертности до 1 года продолжал сохраняться. Но в целом необходимо отметить, что мероприятия, направленные на улучшение медицинского обслуживания населения, экологической обстановки в республике, несомненно, нашли отражение в улучшении уровня здравоохранения в республике, характеризующемся ростом числа учреждений здравоохранения и медицинского персонала. Охрана здоровья семьи — комплексное направление социальной политики государства. Мы рассмотрели лишь несколько аспектов данной проблемы. Исследуемый период характеризовался ростом внимания к вопросу охраны здоровья семьи, в задачи которого входило обеспечение женщин, отцов и детей условиями, необходимыми для здоровой жизни. Предпринимались меры по улучшению здоровья женщины-матери, снижению заболеваемости и смертности среди младенцев, детей, увеличению строительства учреждений здравоохранения, яслей, детских садов и др., в том числе улучшение материально-технической базы данных учреждений. Стоит отметить, что вопрос охраны

¹ Советская Башкирия 1991.17 апреля.

² Там же. 1993. 27 октября.

³ Там же. 1993. 6 ноября.

⁴ Закон Республики Башкортостан «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» от 5 ноября 1993 года. [Режим доступа: https://gsrb.ru/ru/mop/legislation/protection_family/ (дата обращения: 21.07.2022)].

⁵ Закон Республики Башкортостан № 87-з «О государственной поддержке многодетных семей в Республике Башкортостан». [Режим доступа: <https://mintrud.bashkortostan.ru/documents/active/251173/> (дата обращения: 21.07.2022)].

⁶ Советская Башкирия – Известия Башкортостана. 2000. 18 января.

⁷ Республика Башкортостан. 2001. 4 января.

⁸ Там же.

⁹ Республика Башкортостан в цифрах. Стат. сборник. Уфа, 2018. С. 26.

здоровья семьи имел мировой характер. Объявленный в 1979 г. Международный год ребенка продемонстрировал серьезность вопроса. Отмечая важность охраны здоровья семьи, мы обратили внимание на недостаточное внимание охране отцовства, являющейся, как и охрана материнства и детства, важным звеном в этой цепи. Здоровое потомство — это ответственность обоих родителей. Создание необходимых условий, а также систем, позволяющих регулировать и контролировать состояние здоровья всех членов семьи, — необходимая задача. Вопросы, связанные с созданием, планированием семьи и рождением ребенка, являются важными как для женщин репродуктивного возраста, так и для мужчин в данном возрасте. Планирование рождения детей напрямую связано не только с принятием решения о числе детей в семье и сроках их появления на свет, но и с состоянием здоровья родителей¹. Таким образом, итоги реализации мер по охране здоровья семьи в Башкортостане в рассматриваемый период показывают, что они не до конца решили поставленные задачи и не достигли ожидаемых результатов.

© А.Д. Гибадуллина, 2022

УДК 314.7:94(574)“18/20”

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВОПРОСОВ МИГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЭТНОСОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XXI в.

Е.К. Джиеналиев

*(Казахстанский международный лингвистический колледж,
Астана, Казахстан)*

Особенностью Республики Казахстан является исторически сложившийся полиэтничный состав населения. С момента обретения Казахстаном суверенитета одной из первоочередных внутриполитических задач стало сохранение межнационального согласия. Изучение истории казахов, русских, немцев, поляков, корейцев, чеченцев и других этносов, проживающих на территории Республики Казахстан, является важным условием для формирования общенациональной идентичности, укрепления этнической толерантности в обществе.

Источники по истории формирования полиэтничности Казахстана в дореволюционное время представлены несколькими группами. Одну группу составляют нормативно-правовые документы – законы, временные положения, правительственные указы, циркуляры и распоряжения, касающиеся вопросов управления казахским краем и регулирования переселенческого движения. Другую группу составляют материалы Переселенческого управления – планы и отчеты, обзоры и справочные издания («книжки»), журналы совещаний и комиссий, материалы ревизий. В большинстве своем они вовлечены в научный оборот отечественными и зарубежными учеными, став предметом специальных или общих исследований². Третья группа представлена многочисленными статистическими материалами. Среди этой группы можно выделить материалы Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г, содержащей первые официальные сведения по численности основных этносов, проживающих в конце XIX века на территории Казахстана – казахов, русских, украинцев, татар, узбеков, уйгуров³. В многочисленных работах дореволюционных авторов И.К. Кирилова, П.И. Рычкова, И.Г. Андреева, А.И. Левшина, В.Н. Витевского, Г.Е. Катанаева, Л.Л. Мейера, Н.И. Красовского, Н.Я. Коншина, А.К. Гейнса, В.В. Вельяминова-Зернова, А.И. Макшеева, М.И. Венюкова и других авторов содержатся обзоры о жизнедеятельности

¹ Браки и разводы в современном Башкортостане : препринт научно-исследовательской работы. Уфа, 2012. С. 37–38.

² Мырзахметова А.Ж. История образования и деятельности органов Переселенческого управления в Казахстане в конце XIX – начале XX вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Караганда, 2007. С. 121.

³ См.: Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. Наличное население обоего пола по уездам, с указанием числа лиц преобладающих родных языков. СПб., 1905. Вып. 7. С. 85.

переселенцев Казахстана, приводятся численные данные, анализ их социально-экономического положения¹. Большое количество трудов по проблемам истории полиэтники в Казахстане было создано в советский период. В это время продолжали активно изучаться миграционные процессы в XVIII – начала XX в. Как и раньше, они рассматривались с точки зрения хода и характера передвижения иноэтнических групп в пределах Казахстана. Труды А. Турсунбаева, П. Верещагина² и других авторов посвящены характеристике социально-экономического типа переселенцев, определению последствий переселенческого движения. В работах А.Н. Нусупбекова, М.Х. Асылбекова, С.Б. Нурмухамедова, Н.Г. Пана³ активно разрабатывались вопросы формирования и развития рабочего класса в Казахстане в XX в. Неотъемлемой частью трудов являлась характеристика многонационального и поликультурного состава населения Казахстана. В это время вышло значительное количество работ, посвященных демографической ситуации в Казахстане в XVIII – начале XX в. В 1981 г. была издана монография Н.В. Алексеенко «Население дореволюционного Казахстана», основанная на результатах Первой Всеобщей переписи населения 1897 г. и выборочных переписях⁴. Тогда же появились первые специальные исследования, посвященные вопросам формирования полиэтнического состава населения Казахстана. Среди них в первую очередь следует назвать статьи и монографии Н.Е. Бекмахановой⁵. Основываясь на материалах многочисленных источников, автор раскрывает основные тенденции развития народонаселения Казахского края и сопредельных районов Северной Киргизии в дореволюционный период. Вопросы формирования многонационального населения Казахстана в тесной взаимосвязи с общими процессами урбанизации северо-восточного и восточного регионов страны рассматривались в многочисленных работах Ж.К. Касымбаева⁶. Работы М.Н. Кабировой, П.Г. Галузо, Г.С. Баратовой посвящены истории уйгуров и дунган⁷.

С обретением независимости Республикой Казахстан в 1991 г. начинается современный этап в развитии государства в целом и его общественных наук в частности. В это время появляется серия работ, посвященных анализу социально-демографических процессов в советское время. Так, в трудах М.Х. Асылбекова и А.Б. Галиева наряду с источниковедческими вопросами, рассматриваются вопросы изменения национальной и социальной структуры населения республики с 1917 по 1980 гг.⁸

¹ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства / Предисл. Л.А. Гольденберга и др. М., 1977; Рычков П.И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург, 1896; Андреев И.Г. Описание Средней Орды киргиз-кайсаков. Алматы, 1998; Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Ч. 1–3. СПб., 1832; Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. 1–5. Казань, 1889–189; Катанаев Г.Е. Киргизский вопрос в Сибирском казачьем войске. Омск, 1904; Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства. СПб., 1865. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Т. 10); Красовский Н.И. Область Сибирских киргизов. Ч. 1–3. СПб., 1868. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, Т. 16); Коншин Н.Я. К истории переписи в Семипалатинской области // Семипалатинские областные ведомости. 1898. № 25; Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т. 1–3. СПб., 1899; Вельяминов-Зернов В.В. Исторические сведения о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абул-Хайр хана (1748–1765 гг.). Т. 1–2. СПб., 1855; Макшеев А.И. Путешествия по киргизским степям и Туркестанскому краю. СПб., 1896. С. 257; Венюков М.И. Таблица племенного населения Кульджинского округа // Известия ИРГО. 1872. Т. 8. № 1. С. 26–28.

² Турсунбаев А. Из истории крестьян-переселенцев в Казахстане. Алма-Ата, 1950; Верещагин П. Переселенческая политика царизма в Сыр-Дарьинской области Туркестанского края. М., 1950.

³ Нусупбеков А.Н. Формирование и развитие советского рабочего класса в Казахстане (1917–1940 гг.). Алма-Ата, 1966; Асылбеков М.Х. Формирование и развитие кадров железнодорожников Казахстана. Алма-Ата, 1973; Асылбеков М.Х., Нурмухамедов С.Б., Пан Н.Г. Рост индустриальных кадров рабочего класса в Казахстане (1946–1965 гг.). Алма-Ата, 1976.

⁴ Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана (численность, размещение, состав, 1870–1914 гг.). Алма-Ата, 1981.

⁵ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX века. М., 1980.

⁶ Касымбаев Ж.К. О демографии городского населения Прииртышья во второй половине XIX века // Вестник АН Каз ССР. 1975. № 12. С. 24–28.

⁷ Кабиров М.Н. Переселение илийских уйгур в Семиречье. Алма-Ата, 1951; Галузо П.Г. Уйгурское и дунганское крестьянство в дореволюционном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 11. Алма-Ата, 1961; Баратова Г.С. Социально-экономическая история уйгуров Семиречья на рубеже XIX–XX вв. Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1988.

⁸ Асылбеков М.Х. Об изменениях в национальном и социальном составе населения Казахстана (1897–1989 гг.) // Вестник АН КазССР. 1991. № 3.

В 1990-е гг. анализ этнодемографических процессов в Казахстане и его регионах стал предметом большого числа исследований ученых-историков, демографов, социологов. Работы А.Н. Алексеенко, Н.В. Алексеенко, М.Х. Асылбекова, В.В. Козиной, Б.Я. Двоскина, К.С. Каражанова, М.Н. Сдыкова, Н.З. Такижбаевой посвящены общим и специальным вопросам развития народонаселения Казахстана¹.

Одной из актуальных тем казахстанской историографии 2000-х гг. стало изучение этносов и этнических групп. Среди изданных работ – библиографический указатель «Қазақстан этностары», в котором представлена литература по формированию полиэтнической структуры населения Казахстана с дореволюционного времени до 2005 г. включительно².

Сегодня депортация народов является одной из центральных тем исторической науки Казахстана. Истории депортированных народов посвящено большое количество как общих, так и специальных трудов. В работах М.К. Козыбаева, К.С. Алдажуманова, Е.К. Алдажуманова впервые в историографии Казахстана была дана оценка депортации как тягчайшего преступления тоталитарного режима³.

Основное внимание в первые годы независимости республики было уделено вопросам депортации немецкого народа на территорию региона. Одной из первых заниматься историческими изысканиями в этой области стала Л.А. Бургард, которая исследовала эти проблемы в региональном аспекте, выделив Восточно-Казахстанскую область как место наибольшей концентрации депортированного немецкого народа⁴. В работах П. Вибе, В.Э. Кригер, И. Ерофеевой, К. Алдажуманова, К. Сакенова, В.А. Иванова освящается история немцев Казахстана, в том числе приводятся примеры этнической адаптации⁵. Из трудов, посвященных изучению польской диаспоры Казахстана, следует отметить исследовательскую работу А. Волкова «Поляки Казахстана»⁶. В книге Г.С. Сапаргалиева и В.А. Дьякова «Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане» на основе материалов многочисленных источников освещаются вопросы политической деятельности поляков, сосланных в Казахстан в XIX в.⁷ Значительное количество работ посвящено истории русского этноса, самой крупной после казахов этнической группы населения в Казахстане. В работах С.З. Раздыкова, Н.С. Лапина⁸ и других авторов отражены вопросы формирования и развития русской этнической группы Казахстана с XVIII в. до наших дней. Истории узбекской этнической группы Казахстана посвящено диссертационное исследование А.С. Муратова⁹. Уйгурская тематика в историографии Казахстана представлена многочисленными

¹ Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920–1990. Алматы, 1993; Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н. Население Казахстана за 100 лет (1897–1997 гг.). Усть-Каменогорск, 1999; Асылбеков М.Х., Козина В.В. Демографические процессы современного Казахстана. Алматы, 1995; Двоскин Б.Я. и др. Проблемы расселения населения Казахстана. Алма-Ата, 1989; Каражанов К.С. Освоение целинных и залежных земель Казахстана: достижения и просчеты // Некоторые вопросы истории Казахстана. Сб. ст. Алматы, 1994; Сдыков М.Н. Население Западного Казахстана (1897–1989 гг.). Алматы, 1995; Такижбаева Н.З. Динамика численности сельского населения Казахстана (1946–1992 гг.) // Поиск. 1996. № 3.

² Нұрсеитова А.Н. Қазақстан этностары : библиографиялық көрсеткіш. Алматы : [Б. ж.], 2005.

³ Козыбаев М.К., Алдажуманов К.С. Тоталитарный социализм: реальность и последствия. Алматы, 1997; Алдажуманов К.С., Алдажуманов Е.К. Депортация народов – преступление тоталитарного режима. Алматы, 1997.

⁴ Бургард Л.А. Немцы в Восточном Казахстане в 1941–1956 гг.: депортация и жизнь в условиях режима спецпоселения. Усть-Каменогорск, 1997.

⁵ Вибе П.П. Переселение немцев-колонистов в Степной край в конце XIX – начале XX вв. (На примере Акмолинской и Семипалатинской областей). Алматы, 1998; Кригер В.Э. Социально-экономическое развитие немецкой переселенческой деревни Казахстана (дореволюционный период). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1991; Ерофеева И.В. Типы миграций немцев в Казахстан в дореволюционный период // Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект. М., 1998; Алдажуманов К.С. Расселение депортированных немцев в Казахстане в 1941–1945 гг. // История немцев Центральной Азии, 1998. № 3; Сакенова К.А. Характерные особенности этнокультурного облика сельских немцев Казахстана в местах дисперсного расселения (на материалах этносоциологического обследования Алматинской области) // История немцев Центральной Азии. Алматы, 1998; Иванов В.А. Традиционные конфессии немцев в Казахстане: история и современность // Роль религиозных конфессий. Алматы, 2002.

⁶ Волков А.В. Поляки Казахстана. Алматы, 2007.

⁷ Сапаргалиев Г.С., Дьяков В.А. Общественно-политическая деятельность ссыльных поляков в дореволюционном Казахстане. Алма-Ата, 1985.

⁸ Раздыков С.З. Русские Казахстана. Алматы, 2016; Лапин Н.С. Языковая идентификация русского населения Казахстана // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. Новосибирск, 2012.

⁹ Муратов А.С. Узбекская диаспора в Казахстане: особенности политического, социально-демографического и культурного

работами Г.С. Баратовой. Литература по истории корейского этноса в Казахстане многочисленна. Еще в советское время был защищен ряд диссертаций по истории социально-культурного развития корейцев Казахстана. Работы Р.К. Ана, В.Н. Хана, П.М. Черныша, Б.В. Ли и других посвящены вопросам истории корейцев Казахстана, развитию просвещения, традициям и обычаям корейского народа¹. Большой вклад в изучение истории корейцев Казахстана внес доктор наук Г.В. Кан². Его перу принадлежат как общие очерки по истории корейского народа в Казахстане, так и учебные пособия, книги, предназначенные для молодого поколения. В середине 2000-х гг. вышли работы по истории и культуре дунган. Истории евреев Казахстана посвящен ряд работ И.Э. Гринберга и А. Машкевича³. В работах А.А. Гунашева, И.И. Эрквания, Ф.М. Джуряева нашли отражение вопросы истории чеченцев, грузин и таджиков, их появление на земле Казахстана, современное состояние этнической культуры⁴.

Казахстан прошел долгий путь исторического развития и формирования современного полиэтничного общества, в котором создан и успешно функционирует механизм реализации государственной политики, межэтнического и межконфессионального диалога. За период независимости и государственного суверенитета наработан уникальный опыт сохранения мира, межконфессионального согласия, межэтнического диалога.

© Е.К. Джиеналиев, 2022

УДК 94(470.57)

«ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ БАШКИРСКОЙ АССР» КАК ОБЪЕКТ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

А.О. Иванов, Т.П. Жедь
(БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа)

*Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ)
(грант № 22-28-01153: «Критический дискурс-анализ (КДА) исследований по древней,
средневековой и новой истории Южного Урала»)*

Традиционно считается, что изучение истории страны в советский период прошло под жёстким давлением официальной идеологии. Такие утверждения справедливы для всего этого периода, что практически постоянно отмечается в работах современных авторов⁵.

развития (конец XIX – начало XXI века). Автореферат дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 2007.

¹ Ан Р.К. Социально-экономическое развитие корейцев в Семиречье (1937–2003 гг. Исторический аспект). Автореферат ... канд. ист. наук. Алматы, 2004; Хан В.Н., Черныш П.М. Корейцы Костанайской области. Костанай : [Б. и.], 2000; Ли Б.В. Познай богатство корейских традиций. Алматы, 2008.

² Кан Г.В. История корейцев Казахстана. Алматы, 1995.

³ См.: Евреи и мир. В 2-х кн. / Машкевич А. Алматы, 2006.

⁴ Гунашев А.А. Чеченцы в Казахстане. Алматы, 2003; Эрквания И.И. Грузины в Актау : [книга-альбом]. Тбилиси, 2008; Джуряев Ф.М. Қазақстан тәжіктері / Пер. с рус. на каз. Т.С. Каймулдинов. Алматы, 2008.

⁵ См.: Ивлиев С.А., Кадерова Т.Н. Идеологические кампании в Мордовской АССР в 1945–1953 гг. // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2021. № 1(57); Ларин И.Н. Азбуки и буквари 1918–1930 гг. как инструмент распространения советской идеологии // The Times of Science. 2020. № 2; Галлямова А.Г. «Расправа» над Золотой Ордой» в середине XX в.: Идеологический дискурс в татарской медиэвистике в свете августовского Постановления 1944 г. // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 4; Набокина М.Е., Смирнова Ю.В. Советская интеллектуальная элита в идеологической политике ЦК КПСС 1958 года // Евразийский союз учёных. 2018. № 2–1 (47). С. 14–19; Фадеева А.С. «Я не встречал ни одного молодого человека, который бы выступал против коммунизма». Журнал «Ровесник» как инструмент идеологического воспитания // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. 2018. № 1 (14); Моисейченко Л.А. Взаимоотношения власти и интеллигенции в 1946–1953 гг.: региональный аспект // Современные тенденции развития науки и технологий. 2017. № 3–7; Баранец Н.Г., Веревкин А.Б., Ершова О.В., Горшкова А.В. Идеологические установки и советская наука в 1920–1930-е гг. // Власть. 2016. Т. 24. № 12.

В настоящее время практически не встречаются научные работы, рассматривающие конкретные издания не в рамках степени изученности темы диссертационных исследований, монографий или научных статей с традиционной оценкой научных изданий советского периода, а с позиций именно критического дискурс-анализа.

Понятие «дискурс-анализ (discourse analysis)» в мировой науке используется с середины XX столетия, но только в конце 1960-х гг., после выхода в свет книги Мишеля Фуко «Археология знания», оно начинает осознаваться как одна из парадигм научного познания. В отечественную науку это понятие проникло позже – первый перевод книги Фуко на русский язык был осуществлен только в 1996 г., и то не в России¹. Первый же российский перевод был сделан позже в Санкт-Петербурге и опубликован там же в 2004 г.²

По определению М.П. Фуко³, принятому и другими исследователями, дискурс – это совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же дискурсивной формации, осуществленных в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях, регламентируемых социокультурными кодами науки как общественной практики, её правилами, традициями и ценностями, характерными для данного исторического периода.

Изучение дискурса, применительно к исторической науке, относится к одной из самых сложных тем. В России в XX в. дискурс, порождённый текстом, практически не изучался, но, по сути, формировал мировоззрение людей, и ведущую роль в этом процессе со второй четверти и до начала 90-х гг. XX века играли идеологические установки. С позиции сегодняшнего дня можно сказать, что учёные, занимавшиеся исторической наукой, фактически и формировали дискурс, но при этом работали, не подозревая об этом. По мнению А.П. Миньяр-Белоручевой, «исторический дискурс... неоднороден по своим типологическим характеристикам. Он многомерен, полифункционален, вариативен и соотносён с текущей политикой, которая обуславливает интерпретацию событий прошлого. Политика посредством целенаправленного моделирования исторической реальности воздействует на массового адресата с целью решения конкретных задач современности, при этом следует учитывать, что, как правило, история пишется и переписывается победителями, которые никому более не позволяют вторгаться в эту область, интерпретируя исторические события с удобных им позиций»⁴. Региональная история данного периода и её освещение в трудах советских историков являют собой как раз такой пример.

В настоящей статье мы предпримем попытку провести критический дискурс-анализ первой части первого тома «Очерков по истории БАССР» – обобщающего многотомного издания, которое было опубликовано в 1956 г. в Уфе. Представляется весьма интересным проследить на документальной основе, каким образом формировалось обобщающее региональное издание как часть историографии СССР. Важным аспектом этой работы является наличие соответствующей источниковой базы. В Научном архиве Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук отложились материалы (стенограммы научных сессий), которые позволяют проследить эволюцию обсуждения и механизм принятия решений о публикации или о критике той или иной работы.

На рубеже 1930–1940-х гг., когда в Институте истории АН СССР начиналась работа над «Очерками по истории Башкирии», в историографии в отношении прошлого народов, вошедших в состав Русского государства, господствовала тенденция оценивать присоединение как колониальное «зло» царизма. В духе этой идеологической установки в «Очерках по истории Башкирии» (подготовкой труда руководил Ш.И. Типеев) присоединение Башкирии к Русскому государству трактовалось как завоевание, а башкирские восстания – как антиколониальное движение⁵. По воспоминаниям В.П. Чемериса, долгие годы проработавшего в должности учёного секретаря

¹ Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

² Фуко М. Археология знания / Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. статья А.С. Колесникова. СПб., 2004.

³ Там же. С. 79–95, 227.

⁴ Миньяр-Белоручева А.П. Типология исторического дискурса // Язык и текст. 2015. Т. 2. № 2. С. 10.

⁵ Юсупов Р.Г., Хайбуллин А.Р. Институт истории, языка и литературы: первые шаги в составе Башкирского филиала АН СССР (1951–1953) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 38. № 1 (101). С. 56.

Института истории, языка и литературы, к 1941 г. был подготовлен I том «Очерков», охватывавший период с древнейших времен до 1917 г.¹ Изучив сигнальный экземпляр «Очерков» в Научном архиве УФИЦ РАН, необходимо отметить, что он не полный по объёму. В этом сигнальном экземпляре отсутствуют первые 49 страниц. Согласно справке, подготовленной В.П. Чемерисом 25 марта 2008 г., «видимо, где-то между 1943 и 1948 гг. из указанного сигнального экземпляра были похищены титульный лист, введение с указанием авторов и три главы, написанные известным Ленинградским историком А.П. Чулошниковым»². Кроме того, нет ясности относительно даты, когда был напечатан этот сигнальный экземпляр. Можно лишь предположить, что дата выхода сигнального экземпляра была проставлена на титульном листе или на первых страницах, которые, по выражению Чемериса, «были похищены».

Таким образом, подготовку написанных «Очерков» к печати прервала Великая Отечественная война. Борьба с фашизмом потребовала переоценки и смены идеологического курса. Отныне приоритет отдавался совместной борьбе народов России с внешними врагами, и все антирусские движения народов, населявших Российскую империю до Октябрьской революции 1917 г., стали подвергаться резкой критике³. В феврале 1945 г.⁴ ЦК ВКП(б) пересмотрел, в частности, в своём Постановлении «Об идеологической работе башкирской партийной организации» отношение к «Очеркам по истории Башкирии» – труд получил негативную оценку. С этого времени ученым предстояло серьёзно переработать «Очерки» в целом и пересмотреть взгляды на представление о прошлом региона в истории и литературе.

Имеются отрывочные сведения, что уже в июне 1945 г. директор Института истории АН СССР академик Б.Д. Греков создал специальную Башкирскую комиссию Института истории под председательством профессора В.И. Лебедева, и с этого момента БНИИ им. М. Гафури и Башкирская комиссия Института истории АН СССР приступили к своей работе⁵.

С 1946 г. стали созываться научные сессии, на которых обсуждались концептуальные аспекты подготовки переработанных «Очерков». Годичный перерыв от момента выхода постановления до проведения первой такой научной сессии объяснялся тем, что авторский коллектив «разъехался по стране, а некоторые авторы были на фронте»⁶. Известный советский историк Р.М. Раимов на сессии приводил интересные факты об «Очерках»: «Я вернулся одним из первых с фронта и поставил на практический путь вопрос об этой книге. Таким образом, по соглашению с некоторыми авторами мы передали в ЦК с просьбой просмотреть материал и дать указания: если подходяще – то выпустить... Там, просмотрев эту работу, нашли в ней недостатки и дали ряд ценных замечаний... Ни один из авторов не имеет принципиальных возражений против указаний ЦК»⁷.

4 февраля 1946 г. прошло совещание Комиссии по истории Башкирии с участием авторов «Очерков по истории Башкирии» и представителей Башкирского научно-исследовательского института языка, литературы и истории⁸, на котором детально обсуждался план переработки «старого текста» «Очерков». Кроме прочего, А.Н. Усмановым было высказано мнение, что «прежде всего нам надо выяснить – на какого читателя рассчитываются "Очерки". Разбираемый том... пока что походит больше всего на громоздкую исследовательскую монографию, чем на учебное пособие. "Очерки", на мой взгляд, должны быть рассчитаны на широкий круг читателей»⁹. Уже на следующий день, 5 февраля 1946 г., перед авторами была поставлена задача «создать выдержанные "Очерки по истории Башкирии"... в соответствии с указаниями и требованиями, предъявленными в решении ЦК

¹ Чемерис В.П. Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук: пройденный путь (1952–1967 гг.). Уфа, 2012. С. 8.

² НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 2. Д. 142.

³ Юсупов Р.Г., Хайбуллин А.Р. Институт истории, языка и литературы: первые шаги в составе Башкирского филиала АН СССР (1951–1953) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 38. № 1 (101). С. 56.

⁴ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 33 об.

⁵ Там же. Д. 57. Л. 55.

⁶ Там же. Д. 54. Л. 33.

⁷ Там же. Л. 33 и об.

⁸ См.: НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–167.

⁹ Там же. Л. 20.

партии»¹. Материалы совещания показывают, как тяжело проходило обсуждение «Очерков». По итогам сессии были приняты важные решения. Например, предполагалось «одновременно с подготовкой к печати первого тома вести подготовку и второго тома, посвящённого истории Башкирии в советский период». Ставились и предполагаемые сроки окончания работы – не позднее 1 сентября 1946 г.²

Следующая научная сессия по вопросам истории Башкирии состоялась в период с 21 по 30 июля 1947 г.³ Предложение о совместном проведении с Башкирским научно-исследовательским институтом им. М. Гафури (далее – БНИИ им. М. Гафури) такого мероприятия поступило от Института истории АН СССР⁴. В свою очередь, БНИИ им. М. Гафури, «придавая серьёзное и огромное значение предложению... выражает своё полное согласие»⁵ на проведение указанного мероприятия. Общее число участников сессии, включая представителей АН СССР, БНИИ им. М. Гафури, партийных организаций и вузов, определялось в 200–250 человек⁶.

Руководством БАССР, судя по документам, придавалось очень серьёзное значение проведению в республике такой научной сессии. Относительно её проведения Совет Министров БАССР издал специальное постановление № 596 от 25 июня 1947 г.⁷, в котором одобрялось предложение Института истории АН СССР о проведении в Уфе выездной научной сессии совместно с БНИИ им. М. Гафури при Совете Министров БАССР. Письма с приглашениями к участию в сессии были разосланы в адрес соседних республик и областей, например, в Молотовскую (ныне Пермскую) область, Куйбышевскую (ныне Самарскую) область и Татарскую Автономную Советскую Социалистическую Республику (ныне Республика Татарстан)⁸.

На первом заседании сессии 21 июля 1947 г. Н.В. Устюгов, старший научный сотрудник Института истории АН СССР, в своей вступительной речи констатировал необходимость широкого развития исторической науки в БАССР для подготовки обновленного варианта «Очерков»⁹. Отмечал он и некоторые «серьёзные ошибки» в освещении прошлого на страницах первоначального варианта «Очерков», в частности, что «было уделено много внимания колониальной политике русского царизма и национально-освободительной борьбе башкирского народа, причем феодальные набеги неправильно рассматривались, как национально-освободительное движение. Внутренняя история Башкирского народа, его экономика, социальные отношения и состояние культуры не получили надлежащего освещения... Вопреки русским и башкирским источникам, в "Очерках" отрицался факт добровольного присоединения Башкирии к Московскому государству»¹⁰.

Сложность в разработке «Очерков», по словам Н.В. Устюгова, заключалась во влиянии нескольких факторов, первым из которых было отсутствие квалифицированных специалистов в первую очередь по древней истории. Второй серьёзной проблемой было наличие большого количества «белых мест» в истории Башкирии. Наличие таких «белых пятен» требовало эти разделы подготовить практически заново, но это касалось прежде всего советского периода истории Башкирии. На июльской сессии 1947 г. предполагалось обсудить подготовленные материалы и отредактировать текст к «тридцатилетию Башкирской АССР, т. е. к весне 1949 года»¹¹. Весь дальнейший ход сессии был посвящён обсуждению докладов по истории Башкирии. В итоге проведения сессии отмечалось, что она дала положительные результаты. Вместе с тем в заключительном слове А.Н. Усманов подверг критике Ш.Х. Сюнчелея «в несерьёзности в научном

¹ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. Л. 44.

² Там же. Л. 165.

³ Там же. Д. 57.

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Там же. Л. 12 об.

⁷ Там же. Л. 15.

⁸ См., напр., там же. Л. 26 и об, 34.

⁹ Там же. Л. 53.

¹⁰ Там же. Л. 53 об. – 54.

¹¹ Там же. Л. 56.

отношении... [доклада] о башкирской этнографии». Ближайшей и неотложной задачей он объявил выпуск в свет первого тома «Очерков»¹.

6–7 февраля 1950 г. в Башкирском научно-исследовательском институте истории, языка и литературы им. М. Гафури состоялась очередная научная сессия, посвящённая «Очеркам»². Выступая на сессии, директор БНИИЯЛ им. М. Гафури А.Н. Усманов подчеркивал, что «в исторических трудах, выпускаемых советскими учеными, народы СССР видят одно из средств овладения революционной теорией, идейное оружие в борьбе за коммунизм. Историческая наука в нашей стране помогает формированию мировоззрения советских людей, воспитанию их в патриотическом духе, прививает им непримиримую ненависть к врагам Советского Союза. Одной из главных задач советских историков является активная, непримиримая борьба против всех и всяческих фальсификаций и враждебных марксизму-ленинизму теорий, которые проповедуются в капиталистических странах и отражают идеологию мировой буржуазии», а настоящую научную историю можно создавать, лишь вооружившись марксистско-ленинской теорией³. Рассматривались вопросы о характере вхождения башкир в состав Русского государства, особенно это касалось принципа вассалитета. В ходе дискуссий было сказано, что вассалитет не является отрицательным фактом⁴, тем не менее в первой части первого тома «Очерков» эта тема вообще не была отражена, а понятие «вассалитет» вообще отсутствовало в тексте «Очерков». Что же касается характера башкирских восстаний, то здесь было проведено чёткое разграничение в их оценке вплоть до того, что башкирское восстание второй половины 30-х гг. XVIII в. было объявлено реакционным⁵, а восстания тептярско-бобыльского населения Башкирии в 1747 г.⁶, по мнению авторов, носили прогрессивный характер. При этом авторы «Очерков» проводили чёткую границу между официальными документами лидеров башкирских восстаний и требованиями рядовых участников этих движений⁷.

Всего по имеющимся сведениям в период с 1946 по 1950 гг. прошло как минимум пять научных сессий, посвящённых обсуждению издания первой части первого тома «Очерков по истории Башкирской АССР». В итоге в печать он был подписан 22 октября 1956 г.⁸, что находит своё отражение в соответствующем отчете⁹. Анализ выявленных нами документов показывает, что процесс подготовки и издания «Очерков» шёл очень тяжело, поскольку в ходе работы над ними неоднократно вставал вопрос о смене оценок исторических событий, что было связано с изменениями идеологических установок после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Таким образом, в процессе подготовки к изданию первой части первого тома «Очерков» мы можем выделить два этапа: 1) с конца 1930-х до июня 1941 г.; 2) послевоенный (1945–1955 гг.).

Многолетняя подготовка «Очерков» объясняется рядом факторов:

1) признание исторической науки как важного компонента в идеологической системе стало причиной регулярного вмешательства в развитие советской историографии со стороны официальных партийных органов. Однако прямых методов контроля и управления оказалось недостаточно, поэтому ее важнейшим компонентом оказалась и такая форма управления, как идеологические кампании, которые, вне зависимости от их направленности, являлись элементом политического контроля¹⁰;

2) отсутствие квалифицированных кадров в регионе, о чём прямо говорилось на научных сессиях;

3) необходимость выявить, проанализировать источники и изложить различные аспекты истории Башкирии, т. е. ликвидировать «белые пятна» в региональной истории;

¹ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 57. Л. 175 об.

² Там же. Д. 67.

³ Там же. Л. 3.

⁴ Там же. Л. 128–129.

⁵ Очерки по истории Башкирской АССР. Т. 1. Ч. 1. Уфа, 1956. С. 186.

⁶ Там же. С. 187–190.

⁷ Там же. С. 190–202.

⁸ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 54. С. 304.

⁹ Там же. Д. 134. Л. 38.

¹⁰ Тихонов В.В. Идеологические кампании как форма контроля и управления советской исторической наукой (1945–1955 гг.) // Государственное управление. Электронный вестник. 2011. № 26. С. 1–8.

4) фактор межличностного противоборства историков, который также «тормозил» процесс подготовки «Очерков» к изданию¹.

Вместе с тем коллективу авторов необходимо отдать должное. Региональная советская историография середины 1950-х – середины 1960-х гг. пополнилась весьма солидной работой по истории БАССР, кроме того, были ликвидированы многие информативные лакуны, что позволило существенно дополнить историю региона. Практически в каждой диссертационной работе или научной статье по истории Республики Башкортостан, при раскрытии историографической составляющей, упоминается эта коллективная работа. Правда, с современных методологических позиций она подвергается небезосновательной критике.

Таким образом, можно согласиться с М.П. Фуко о том, что исторический дискурс представляет собой совокупность высказываний, относящихся к одной дискурсивной формации, осуществленных в конкретных общественно-политических обстоятельствах и культурно-исторических условиях, регламентируемых социокультурными кодами науки как общественной практики, её правилами, традициями и ценностями, характерными для данного исторического периода². Всякий исторический дискурс – это порождение своего времени, он только тогда имеет смысл, когда соответствует требованиям своей эпохи.

© А.О. Иванов, Т.П. Жедь, 2022

УДК 316.356.2(470.57)“192”

КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В БАШКИРИИ В 1920-е гг.

Ш.Н. Исянгулов
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Одним из важнейших показателей при изучении семьи является ее количественный состав (или людность). Бурные события революции 1917 г., Первой мировой и Гражданской войн, голода 1921–1922 гг., различных политических, социально-экономических катаклизмов не могли не отразиться на семье, в том числе сельской, на ее количественном составе.

В региональной историографии, как в специальных, так и в обобщающих работах данная тема практически не освещалась³, но затрагивалась в ряде наших работ⁴. В данной статье проблема рассматривается более подробно. Основными источниками здесь стали опубликованные и архивные источники, в которых получили отражение итоги переписей населения 1920 и 1926 гг., выборочных весенних обследований (опросов) сельского населения за 1920-е гг.

Методика проведения и итоги сплошных переписей населения неоднократно освещались в отечественной историографии, тогда как о выборочных обследованиях известно сравнительно мало. Кратко охарактеризуем материалы весенних опросов населения. С 1923 г. весенние выборочные переписи проводились ежегодно. В ходе переписей становились известными количество крестьянских дворов и численность сельского населения, что позволяет вычислить средние размеры семьи. По мнению специалистов, материалы весенних переписей, несмотря на определенное

¹ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 128. Л. 1–7.

² Фуко М. Археология знания. Пер. с фр. М.Б. Раковой, А.Ю. Серебрянниковой; вступ. статья А.С. Колесникова. СПб., 2004. С. 227.

³ Давлетшин Р.А. История крестьянства Башкортостана. 1917–1940 годы. Уфа, 2001; История Башкортостана. 1917–1990-е годы : в 2-х т. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. Т. 2 : 1945–1990. Уфа, 2005. С. 251–267; Башкиры в Башкортостане в XX столетии: Исторические очерки / Труды Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра Российской академии наук. Вып. III / Отв. редактор Р.Н. Сулейманова. Уфа, 2009. С. 263–280.

⁴ Исянгулов Ш.Н. Некоторые демографические аспекты развития сельской семьи в Башкирии в 1917–1920 гг. // Этногенез. История. Культура : IV Юсуповские чтения. Материалы IV Международной научной конференции, посвященной памяти Рината Мухаметовича Юсупова / Отв. ред. А.В. Псянчин. Уфа, 2021. С. 152; Он же. Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований) // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 2. С. 273–274.

преувеличение численности хозяйств (дворов), являются вполне достоверными источниками¹. Данный тезис подтверждается сравнением материалов Всесоюзной переписи 1926 г. и весенних обследований 1926 и 1927 гг. Так, по итогам переписи, на 17 декабря 1926 г. в сельской местности Башкирской АССР насчитывалось 493 944 домохозяина, населения – 2 431 586 чел.² Очевидно, число хозяйств так или иначе должно быть равным числу домохозяев. По данным же весенних обследований за 1926 г., в Башкирской АССР насчитывалось 494,0 тыс. крестьянских хозяйств, в них населения – 2513,1 тыс. человек, за 1927 г., соответственно, 507,4 и 2596,0 тыс.³ Таким образом, преувеличение числа хозяйств весной 1927 г. над результатами Всесоюзной переписи (декабрь 1926 г.) составило 2,7 %, по численности сельского населения – 6,8 %. Необходимо отметить, что эти погрешности вполне допустимы и не могут серьезно влиять на результаты исследований.

Значительное уменьшение количественного состава сельской семьи в крае происходит с 1917 г. Очевидно, это было следствием мобилизации мужчин в армию, гибелью людей на фронте и в тылу, в результате войн, эпидемий и голода. С 1917 по 1920 г. в Уфимской губернии (в границах на 1920 г.) средний размер двора (семьи) уменьшился с 5,9 до 5,4 человека, в Малой Башкирии (на территории будущих Аргаяшского, Зилаирского и Тамьян-Катайского кантонов) оставалось примерно на одном уровне 5,5–5,6 чел.⁴

Таблица 1 показывает размер сельского двора в Малой Башкирии по переписи 1920 г. Она составлена для всего населения с учетом отсутствующих лиц и хозяйств. Следует иметь в виду, что более 48 тыс. мужчин (без Бурзян-Тангауровского и Тамьян-Катайского кантонов) находилось в армии. Фактически же средний размер хозяйства (семьи) был меньше на 0,2 человека, в том числе число лиц мужского пола – на 0,3 чел.

Таблица 1

Людность сельского двора в Малой Башкирии по переписи 1920 г.

Названия кантонов	Чел. на 1 хоз.	Из них		Трудоспособных на 1 хоз.	Из них	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Аргаяшский	5,1	2,6	2,5	2,5	1,3	1,2
Дуван-Кущинский	5,5	2,7	2,8	2,5	1,2	1,3
Кипчак-Джетировский	5,6	2,8	2,8	2,6	1,2	1,4
Кудейский	5,4	2,7	2,7	2,4	1,2	1,2
Стерлитамакский	6,0	2,9	3,1	2,5	1,1	1,4
Табынский	5,5	2,7	2,8	2,5	1,2	1,3
Ток-Чуранский	5,9	3,0	2,9	3,2	1,4	1,8
Усерганский	5,5	2,8	2,7	2,5	1,2	1,3
Юрматынский	5,5	2,8	2,7	2,3	1,0	1,3
Яланский	4,9	2,5	2,4	2,3	1,2	1,1
Итого	5,6	2,8	2,8	2,5	1,2	1,3

Составлена по: Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 года. Вып. 6. М., 1922. С. 10. Примечание: В Бурзян-Тангауровском и Тамьян-Катайском кантонах и в Гирей-Кипчакской волости Юрматынского кантона перепись не проводилась.

Наименьшие размеры имели семьи в Зауралье, в Яланском и Аргаяшском кантонах, наибольшие – в Стерлитамакском и Ток-Чуранском. В последних значительный удельный вес составляли русские семьи, отличавшиеся, как будет показано ниже, большей численностью, нежели

¹ Газалова К.М. Статистические источники о дроблении крестьянских хозяйств в 1921–1929 гг. // Источниковедение истории советского общества. Вып. II. М., 1968. С. 290–291.

² Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. Вятский район, Уральская область, Башкирская АССР. Отдел. I. Народность, родной язык, возраст, грамотность. М., 1928. С. 308; Население Башкортостана: XIX–XXI века : статистический сборник. Уфа, 2008. С. 59.

³ Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923–1927 гг. М., 1930. С. 2–3; Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. Сборник статистических сведений к XVI Всесоюзной партконференции. М., 1929. С. 16.

⁴ Исянгулов Ш.Н. Некоторые демографические аспекты развития сельской семьи в Башкирии в 1917–1920 гг. С. 152.

башкирские или татарские. В большинстве кантонов лиц мужского пола было больше, чем женщин (фактически – наоборот), что было характерно с дореволюционных времен для башкир и татар (мусульман). Среди лиц рабочего возраста отмечается преобладание женщин. Если же учитывать только наличное население, то оно будет еще большим (на 0,4 чел. по республике).

Такая же картина наблюдалась и в Уфимской губернии. Следующая таблица № 2 показывает количественный состав сельского двора в Уфимской губернии по переписи 1920 г. с учетом отсутствующих лиц и хозяйств. Более 98 тыс. мужчин трудоспособного возраста находилось к тому времени в армии, по другим причинам отсутствовало более 8,2 тыс. Отсутствующих женщин было намного меньше – 1461 чел. Таким образом, фактически трудоспособных мужчин на 1 двор в Уфимской губернии приходилось 0,9 человека, а средний размер семьи составлял 5,1 чел.

Таблица 2

Людность сельского двора в Уфимской губернии по переписи 1920 г.

Уезды	Чел. на 1 хоз.	Из них		Трудоспособных на 1 хоз.	Из них	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
Белебеевский	5,5	2,8	2,7	2,4	1,2	1,2
Бирский	5,3	2,7	2,6	2,4	1,2	1,2
Златоустовский	5,3	2,5	2,8	2,3	1,0	1,3
Уфимский	5,5	2,7	2,8	2,5	1,2	1,3
Итого	5,4	2,7	2,7	2,4	1,2	1,2

Составлена по: Итоги Всероссийских переписей 1920 года по Уфимской губернии. Итоги сельскохозяйственной переписи. Уфа, 1921. С. 6–7, 10–11, 16–19.

К 1922 г., по сравнению с 1920 г., число хозяйств в Большой Башкирии сократилось на 16,5 %, в том числе в Аргаяшском кантоне – на 15,4 %, в Белебеевском – на 19,2 %, в Бирском – на 11,4 %, в Бурзян-Тангауровском – на 31,4 %, в Дуван-Кущинском – на 12,3 %, в Кипчак-Джитировском – на 16,8 %, в Стерлитамакском и Ток-Чуранском – на 26,3 %, в Табынском – на 15,4 %, в Усерганском – на 24,7 %, в Уфимском – на 14,2 %, в Юрматынском – на 27,8 %. Численность населения по республике уменьшилась за два года на 22,1 %, в том числе в Аргаяшском кантоне – на 17,6 %, в Белебеевском – на 26,3 %, в Бирском – на 18,8 %, в Бурзян-Тангауровском¹ – на 42,4 %, в Дуван-Кущинском – на 29,8 %, в Кипчак-Джитировском – на 26,5 %, в Стерлитамакском и Ток-Чуранском – на 33,4 %, в Табынском – на 24 %, в Усерганском – на 33,9 %, в Уфимском – на 19,3 %, в Юрматынском – на 34 %. Эти цифры свидетельствуют, что наиболее пострадало от голода население Малой Башкирии (кроме Аргаяшского), а также Белебеевского уезда бывшей Уфимской губернии, менее – Бирского и Уфимского уездов. За два года число хозяйств в Уфимской губернии сократилось на 14,3 %, а население – на 19,2 %, в Малой Башкирии, соответственно, на 20,3 и 26,9 %. Средний размер семьи уменьшился за этот период с 5,3 до 5,0 чел., то есть на 0,3 чел. В ряде кантонов это сокращение было более существенным: в Белебеевском – на 0,5 чел., в Стерлитамакском, Ток-Чуранском, Табынском – на 0,6, в Кипчак-Джитировском, Усерганском – на 0,7, в Бурзян-Тангауровском – на 0,8, в Дуван-Кущинском – на 1,2 чел.² С 1920 по 1922 г. в Уфимской губернии средний размер хозяйства (семьи) стал меньше на 0,5 чел., в Малой Башкирии – на 0,8. К 1922 г. в бывшей Уфимской губернии в среднем на 1 двор приходилось 5,0, в Малой Башкирии – 4,8 чел.³

По материалам весенних обследований, в 1923 г. средний размер крестьянского двора в Башкирии составил 4,9 чел. Это было на 0,2 чел. меньше, чем в среднем по стране, и на 0,3 чел. – чем в РСФСР⁴. С восстановлением хозяйства, с преодолением голода происходит рост численности населения, повышается рождаемость, снижается смертность. Несмотря на участвовавшие в середине 1920-х гг. разделы хозяйств, растет и количественный состав (людность) двора (семьи). В 1924 г. он доходит до 5,2 чел. на двор, в

¹ В Бурзян-Тангауровском кантоне – по сравнению с 1917 г.

² НА РБ. Ф. Р-472. Оп. 3. Д. 1080. Л. 145.

³ Исянгулов Ш.Н. Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований). С. 274; Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. М., 1924. С. 109.

⁴ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 215.

последующие годы (до 1928 г.) остается примерно на одном уровне – 5,1 чел.¹ В РСФСР в 1927 г. в среднем на одно хозяйство приходилось 5,2 чел., в СССР – 5,1². Очевидно, и к концу 1920-х гг. в Башкирии сельская семья еще не оправилась от тяжелых последствий демографических катастроф прежних лет. В то же время материалы Всесоюзной переписи 1926 г. дают еще более низкие результаты: средняя людность сельского населения республики составляла 4,9 чел. на двор, в том числе в Стерлитамакском кантоне – 5,1, в Белебеевском, Зилаирском, Уфимском – по 5,0, в Аргаяшском – 4,8, в Бирском и Месягутовском – по 4,7, в Тамьян-Катайском – 4,4 чел.³

Материалы весенних обследований, опубликованные в местных изданиях, дают возможность рассмотреть эволюцию людности сельского двора (семьи) более подробно по кантонам (табл. 3).

Таблица 3

Изменение среднего размера семьи в кантонах Башкирии в 1924–1926 гг. (чел.)

Кантоны	1924 г.			1925 г.			1926 г.		
	Всего	Из них		Всего	Из них		Всего	Из них	
		Муж	Жен		Муж	Жен		Муж	Жен
Аргаяшский	4,9	2,4	2,5	4,8	2,4	2,4	4,8	2,4	2,4
Белебеевский	5,2	2,5	2,7	5,2	2,5	2,7	5,1	2,4	2,7
Бирский	4,9	2,3	2,6	4,9	2,3	2,6	4,9	2,3	2,6
Зилаирский	5,2	2,4	2,8	5,2	2,4	2,8	5,3	2,5	2,8
Месягутовский	5,1	2,3	2,8	5,0	2,3	2,7	5,0	2,3	2,7
Стерлитамакский	5,4	2,6	2,8	5,3	2,5	2,8	5,3	2,5	2,8
Тамьян-Катайский	4,8	2,2	2,6	4,7	2,2	2,5	4,7	2,2	2,5
Уфимский	5,4	2,6	2,8	5,3	2,5	2,8	5,2	2,5	2,7
Всего	5,2	2,5	2,7	5,1	2,4	2,7	5,1	2,4	2,7

Составлена по: Киреев К. Итоги весеннего обследования сельского хозяйства Башреспублики в 1924 году // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1924. № 12. С. 3; Киреев К. Итоги весеннего выборочного единоличных крестьянских хозяйств Башреспублики в 1925 г. // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1925. № 25–26. С. 15; Киреев К. Предварительные итоги весеннего выборочного обследования единоличных крестьянских хозяйств в Башреспублике в 1926 г. // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1926. № 27–28. С. 45.

Таким образом, в середине 1920-х гг. вновь наметилась тенденция уменьшения размеров семьи, что стало характерным практически для всех кантонов республики (за исключением Зилаирского). Если в восточных кантонах население не могло оправиться от последствий голода, то в других – имели место процессы дробления крестьянских хозяйств. Несколько повысился удельный вес лиц мужского пола в семье. Однако женщины продолжали преобладать по всей республике и в 1926 г., за исключением Аргаяшского кантона, где еще в 1925 г. численность лиц мужского пола достигла уровня лиц женского пола.

Результаты весенних обследований 1926 г. позволяют выяснить размеры дворов по отдельным национальностям (табл. 4).

Таблица 4

Средние размеры сельской семьи в Башкирии по национальным группам по данным весеннего опроса 1926 г. (чел.)

Кантоны	Башкиры	Татары	Русские	Прочие
Аргаяшский	4,4	5,2	6,2	5,7

¹ Исянгулов Ш.Н. Эволюция крестьянской семьи в Башкирии в 1920-е гг. (по материалам выборочных обследований). С. 273–274; Основные элементы сельскохозяйственного производства СССР 1916 и 1923–1927 гг. С. 2–3; Сельское хозяйство СССР. 1925–1928. С. 16.

² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М., 1977. С. 215.

³ Подсчитано по: Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. IV. Отдел. I. С. 308–309; Население Башкортостана: XIX–XXI века : статистический сборник. С. 59–63.

Кантоны	Башкиры	Татары	Русские	Прочие
Белебеевский	4,8	5,0	5,6	5,4
Бирский	4,2	4,6	5,0	4,9
Зилаирский	4,7	5,0	5,1	5,6
Месягутовский	4,8	4,6	5,1	5,2
Стерлитамакский	4,6	4,9	5,8	5,4
Тамьян-Катайский	4,5	4,7	4,8	3,0
Уфимский	4,9	4,9	5,5	5,2
По республике	4,8	4,8	5,4	5,2

Составлена по: А.Б. Характеристика крестьянского хозяйства Башреспублики по основным национальным группам // Бюллетень Башкирского Центрального статистического управления. 1927. № 29. С. 188, 190. Примечание: В состав татарских хозяйств включены мещеряжские (мишарские) и теплярские, в состав русских – украинские и белорусские.

По данным весеннего опроса 1926 г., наибольшие размеры семьи имели русские хозяйства (вместе с украинскими и белорусскими), наименьшие – башкирские. У русских состав семьи был на 14 % выше, чем у башкирских хозяйств, и на 11 % выше, чем у татарских. Средний размер башкирских дворов (семей) варьировался по кантонам от 4,2 чел. в Бирском до 4,9 в Уфимском, татарских – от 4,6 до 5,2, русских – от 4,8 до 6,2, прочих – от 3,0 до 5,7 человека.

В дореволюционный период от состава семьи зависело ее благосостояние. Чем больше был состав семьи, обычно тем зажиточнее было хозяйство¹. Связь между размером семьи и ее благосостоянием продолжала сохраняться и в 1920-е гг. (табл. 5). Она четко прослеживается по выборочным материалам переписи 1920 г. и обследованию за 1924 г. За 1920 г. в группировку включено 114 590 хозяйств (более четверти изученных), за 1924 г. – 22 190 (около 5 %).

Таблица 5

*Людность крестьянских хозяйств по посевным группам Башкирской АССР
в 1920 и 1924 гг.*

Посевные группы	1920 г.		1924 г.
	Чел. на 1 хоз.	Работников на 1 хоз.	Чел. на 1 хоз.
Без посева	4,0	0,9	3,7
С посевом до 2 дес.	4,2	1,0	4,2
От 2,1 до 4 дес.	5,3	1,2	5,2
От 4,1 до 6 дес.	6,4	1,4	6,1
От 6,1 до 10 дес.	7,4	1,6	7,3
От 10,1 до 16 дес.	8,7	1,8	7,9
Свыше 16 дес.	9,7	2,1	9,1
Итого	5,5	1,2	5,2

Составлена по: Народное хозяйство Союза ССР в цифрах. Краткий справочник. М., 1924. С. 92–93; Статистический ежегодник 1924 г. Вып. 1. М., 1926. С. 128.

Не имели посевов или сеяли в небольшом количестве обычно молодые нуклеарные или неполные семьи, одиночки, пожилые люди. С увеличением семьи (рождением и взрослением детей) семья обычно переходила в высшие посевные группы. Свыше 10 дес. посева имели уже неразделенные, большие семьи, включающие в свой состав несколько брачных пар. Но процент таких семей в 1920-е гг., тем более в его первой половине, был уже небольшим. С 1920 по 1924 г. произошло уменьшение средних размеров семьи практически во всех посевных группах, за исключением бедняков, сеющих до 2 дес. Если по всем группам он уменьшился на 0,3 чел., то у

¹ Роднов М.И. Крестьянство Уфимской губернии в начале XX века (1900–1917 гг.): социальная структура, социальные отношения. Уфа, 2002. С. 57–75, 166–173; Шанин Т. Неудобный класс: политическая социология крестьянства в развивающемся обществе: Россия, 1910–1925 / Пер. с англ. А.В. Соловьева, под науч. ред. А.М. Никулина. М., 2020. С. 115–119 и др.

средних групп с посевами от 2 до 10 дес. – лишь на 0,1, у беспосевной – на 0,3 чел. Наибольшие изменения произошли в высших группах: уменьшение здесь на 0,6–0,8 человека.

Материалы таблицы 5 ярко показывают недостаточность работников во всех посевных группах. Количество взрослых работников даже в зажиточных хозяйствах в 1920 г. было недостаточным, с низших групп к высшим увеличивалось очень незначительно. К сожалению, за 1924 г. сведений о работниках не имеется.

Таким образом, значительное уменьшение средних размеров сельской семьи происходило до 1923 г. вследствие войн, голода, эпидемий. С 1923 г. по 1924 г. состав двора (семьи) несколько повысился. Однако с 1925 г. он вновь начал относительно невысокими темпами понижаться. Это было следствием как незаконченности восстановительных процессов, так и семейных разделов хозяйств. Сохранялись национальные различия в составе семей, русские семьи были более многочисленными, нежели башкирские и татарские. Бедная семья была малочисленной, зажиточная, наоборот, – многолюдной. В целом, эти характерные для крестьянского хозяйства (двора) еще в дореволюционный период черты продолжали сохраняться и в 1920-е гг.

© Ш.Н. Исянгулов, 2022

УДК 314(470.56/.57)“1865/1914”:311

ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ

Р.И. Кантимирова
(СФ БашГУ, Стерлитамак)

Население является основополагающей частью всех процессов, происходящих в обществе. В современном обществе для анализа численности состава и динамики населения применяют статистические методы. К ним можно отнести: статистическое наблюдение, группировка, анализ ряда динамики. В настоящее время в историко-демографические исследования происходит внедрение новых методик. Особенно актуальным становится применение компьютерной графики и геоинформационных систем. Методы компьютерного моделирования демографических процессов помогают глубже раскрыть и понять изучаемые вопросы и обнаружить закономерности¹. Математические методы статистического подсчета данных и моделирования всегда использовались в демографии. Большой объём данных невозможно классифицировать и сгруппировать без методов математической статистики. В демографии статистические методы применяются для обработки и статистического описания демографических процессов, для анализа демографических закономерностей и анализа социально-демографических связей, для обобщения разнородных демографических характеристик и получения некоторых сводных показателей.

В демографии используется и моделирование. Демографические таблицы служат как для демографического анализа, так и для практических расчетов. Например, для того чтобы подсчитать рост численности населения в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX в., использовались отчеты уфимских губернаторов, данные Обзоров Уфимской губернии, материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Данные материалы дают ценнейшие сведения о численности, составе населения, распределение по сословиям, полу, возрасту, вероисповеданию. Подробные материалы позволили вычислить важнейшие демографические показатели для Уфимской губернии. В результате подсчетов обнаруживается рост численности населения в Уфимской губернии. В ней за период с 1865 по 1914 г. население

¹ Рычкова А.В., Попков О.В. Применение математических методов в изучении религиозного состава населения Российской империи. [Электронный ресурс] Режим доступа. URL: <http://www.scienceforum.ru/2015/872/7428> (дата обращения: 14.04.2022).

увеличилось с 1 290 809 до 3 260 639 душ обоого пола¹. В абсолютном исчислении этот рост составил 1 969 830 человек или 150 %, то есть за 49 лет общая численность населения Уфимской губернии увеличилась в 2,5 раз. Обратимся к таблице 1.

Таблица 1

Динамика роста населения Уфимской губернии по уездам

Уезды Годы	Мензелинский	Бирский	Белебеевский	Уфимский	Стерлитамак- ский	Златоустовский	Итого
1865	255 662	295 456	251 318	201 219	181 953	105 201	1 290 809
1870	265 352	312 005	268 133	209 048	191 666	114 842	1 364 046
1880	310 648	370 618	318 457	264 690	251 958	132 383	1 648 154
1885	340 302	413 673	354 008	292 544	282 838	152 265	1 835 630
1890	369 935	455 696	385 374	324 008	311 848	170 495	2 017 356
1897	379 981	497 696	433 179	372 906	327 382	185 498	2 196 642
1905	442 672	574 685	538 784	465 226	420 326	234 142	2 675 835
1914	522 865	685 769	664 664	590 666	513 048	283 627	3 260 639
Прирост населен ия за 49 лет	267 203	390 313	413 346	389 447	331 005	178 426	1 969 830

Подсчитано по: НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 150; Ф. И-11. Оп. 1. Д. 890. Л. 4; Обзор Уфимской губернии за 1880 г. Уфа, 1881. С. 12–15; Обзор Уфимской губернии за 1889 г. Уфа, 1890. С. 44; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45, тетрадь 2. СПб., 1904. С. 1.

Таким образом, в 1897 г. из общего количества населения губернии на Бирский уезд приходилось 24,06 %, Белебеевский – 19,77 %, Мензелинский – 18,01 %, Уфимский – 15,33 %, Стерлитамакский – 14,42 % и Златоустовский – 8,40 % всех жителей. Среднее число жителей одного уезда в 1897 г. составляло 366 107 человек. В масштабах страны Уфимская губерния была умеренно заселенным регионом. В 1897 г. среди 50 губерний Европейской России она занимала 10–е место по площади, 17–е место по количеству жителей² и 40–е место по плотности населения³. В 1865 г. в губернии на 1 кв. версту приходилось 12, а в 1914 г. – 30 жителей⁴.

Наряду с прочими методами в исторической демографии используется методика графического анализа данных и геоинформационные системы. В настоящее время для отображения полученных данных широко используются графики, диаграммы, гистограммы, картограммы. Для анализа национального состава населения в Уфимской губернии в 1897 г. можно использовать программы MicrosoftOfficeExcel и CorelDRAW. Создание графического приложения осуществляется с помощью компьютерной программы MicrosoftOfficeExcel.

¹ Обзор Уфимской губернии за 1914 г. Уфа, 1915. С. 2–8.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / Центр. стат. ком. Т.45, тетрадь 2. СПб., 1904. С. 2.

³ Там же. С. 19.

⁴ НА РБ. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 4.

Под влиянием развивавшихся буржуазных отношений в Уфимской губернии изменялся сословный состав населения. Из таблицы видно, что в губернии среди сословий первое место по численности принадлежало крестьянам, удельный вес которых с 1870 по 1897 гг. увеличился с 93,95 % до 94,74 % всего населения. Второе место занимали мещане, составлявшие в 1865 г. 1,76 %, в 1897 г. – 3,99 % всего населения. Удельный вес дворянского сословия в 1870–1897 гг. сократился с 0,89 % до 0,72 %, духовенства – с 0,22 % до 0,20 %, купцов – с 0,31 % до 0,20 % всего населения. Иностранцев в губернии было немного (0,02 %), большинство их являлось германскими подданными¹. Посмотрим таблицу 2.

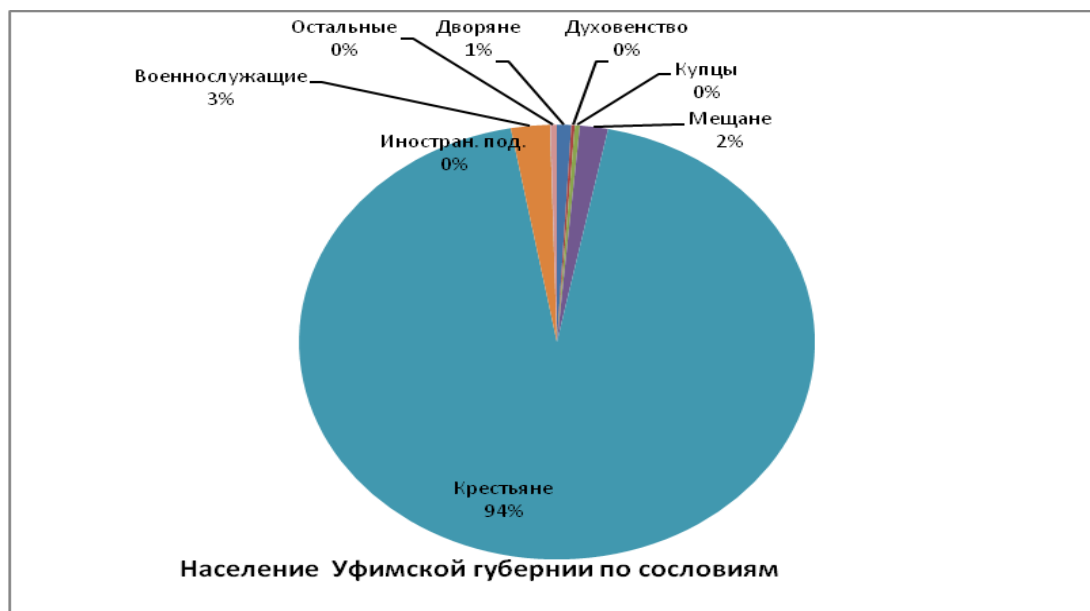
Таблица 2

Динамика изменения численности населения Уфимской губернии по сословиям

Годы	1870		1897	
	В абс. цифрах	В %%	В абс. цифрах	В %%
Дворяне	12 133	0,89	15 822	0,72
Духовенство	3 125	0,22	4 426	0,20
Купцы	4 270	0,31	1 876	0,09
Мещане	23 930	1,76	87 715	3,99
Крестьяне	1 281 566	93,95	2 081 284	94,74
Военнослужащие	33 211	2,44	–	–
Иностранцы подданные	495	0,03	341	0,02
Остальные	5316	0,40	5178	0,24
Итого	1 364 046	100	2 196 642	100

Подсчитано по данным: НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 890. Л. 7; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45, тетрадь 2. С. 8.

Создание графического приложения населения Уфимской губернии по сословиям в 1897 г. также следует осуществить с помощью компьютерной программы MicrosoftOfficeExcel.

Рис. 1. Круговая диаграмма населения Уфимской губернии в 1897 г. по сословиям (в процентах)

¹ Кантимирова Р.И. Государственное управление в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. Уфа–Стерлитамак, 2000. С. 10–13.

Население Уфимской губернии различалось и по вероисповеданию. Обратимся к таблице 3.

Таблица 3

Состав населения Уфимской губернии по вероисповеданию

Население	1865 г.		1897 г.		1914 г.	
	В абс. цифрах	В %	В абс. цифрах	В %	В абс. цифрах	В %
Православное	492855	38,20	961768	43,79	1484629	45,53
Римско-католическое	752	0,06	1288	0,06	4262	0,13
Старообрядцы	13060	1,01	34011	1,55	23984	0,74
Лютеране-протестанты	558	0,04	4926	0,22	7553	0,23
Мусульмане	710907	55,07	1095706	49,88	1596646	48,07
Иудеи	185	0,01	733	0,03	1912	0,05
Прочие	72492	5,61	98210	4,47	141653	4,35
Итого	1290809	100	2196642	100	3260639	100

Подсчитано по данным: НА РБ. Ф. И–9. Оп. 1. Д. 1675. Л. 8–11; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45, тетрадь 2. С. 8; Обзор Уфимской губернии за 1914 г. Уфа, 1915. С. 8.

Итак, в губернии наибольшее количество населения составляли мусульмане и православные жители. В 1865 г. первых было 55,07 %, а вторых – 38,2 % всего населения. В дальнейшем рост православного населения несколько ускорился. К 1914 г. оно увеличилось на 991 774 чел. (в 3 раза) и составило 45,53 % всего населения губернии. Число мусульман выросло на 885 739 чел. или в 2,2 раза. Удельный вес их уменьшился до 48,97 %. Старообрядцев стало больше на 10 924 человека или в 1,8 раза, и к 1914 г. они составили 0,74 % всего населения. Католиков стало больше на 3510 человек или в 5,6 раза. Удельный вес их остался прежним, 0,06 % всего населения губернии. Представителей иудейской религии стало больше на 548 человек или в 3,9 раза. В 1897 г. они составили 0,03 % всего населения.

Графическое приложение состава населения Уфимской губернии по вероисповеданию в 1897 г. будет выглядеть следующим образом.

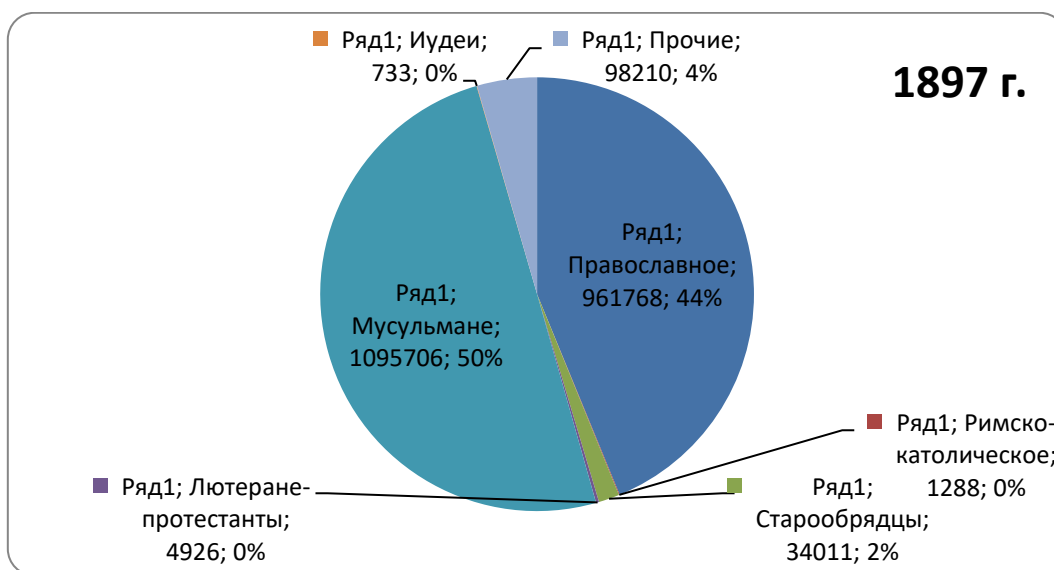

Рис. 2. Круговая диаграмма вероисповедания населения Уфимской губернии в 1897 г. в (процентах)

Таким образом, благодаря широкому распространению вычислительной техники и информационных технологий всё более распространенным становится применение математических, графических методов, геоинформационных технологий. Проведенная работа – пример применения математических и графических методов при работе с большим массивом данных и проведении демографических исследований. Они осуществляют процесс обработки и анализа информации, расчеты, оформление результатов исследования в более легкой и удобной для исследователя форме. Данные методы особенно важны при изучении источников с большим объемом статистических материалов, к которым относятся переписи населения, Обзоры Уфимской губернии, отчеты губернаторов. Такие источники можно проанализировать с использованием специальных программ, которые облегчают процесс подсчета и анализа данных, позволяют в ряде случаев увидеть скрытые аспекты проблем, раскрывают ее более углубленно.

© Р.И. Кантимирова, 2022

УДК 009(470.57)“1919/1932”

К СТАНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ В БАШКИРСКОЙ АССР (1919–1932 гг.)

К.К. Каримов
(БашГУ, Уфа)

23 февраля 1919 г. на заседании Башкирского военно-революционного комитета была учреждена система управления Автономной Башкирской Советской Социалистической Республики – АБССР) – 15 комиссариатов, в том числе Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос). На нем было утверждено «Положение о комиссариате просвещения» и его структура, состоящая из 14 отделов и управлений¹. Первым его наркомом был утвержден видный деятель Башкирского национального движения опытный педагог А.И. Ягафаров (до сентября 1919 г.). Затем, в 1920–1930 гг., Наркомпрос возглавляли известные исследователи А.А. Айдаров (1919–1921), Г.С. Сагадеев (1922–1923), А.К. Адигамов (1923–1924), Г. Касымов (1924–1926), А.Г. Хисматуллин (1926–1928), К.А. Идельгужин (1928–1930), А.Р. Исанчурин (1930), Р.В. Абубакиров (1930–1935), Г.А. Давлетшин (1935–1937), которые внесли весомый вклад в развитие системы образования и науки в республике на советской платформе.

Организационные формы руководства научно-исследовательскими учреждениями, обеспечение учебного процесса общеобразовательных школ научно-методическими разработками строились с учетом особенностей национально-государственного развития Башкирии. Одним из первых в составе региональных управлений образования РСФСР 3 января 1920 г. в составе республиканского Наркомпроса был создан научный отдел (научная коллегия). С его появлением в структуре государственного управления возник специальный орган по организации и координации научных и научно-методических исследований. В составе отдела были созданы секции языка, археологии и истории, естествознания, искусства, музейное и архивное управления, в которых, с учетом перспективы, указывались контуры прообраза будущего многопрофильного гуманитарного научно-исследовательского учреждения. Секции состояли из научных групп по башкирскому языку, народной литературе, переводам, этнографии, «по собиранию научных сил» и др. Заведующим научного отдела была утверждена бывший преподаватель истории и истории педагогической мысли уфимского медресе «Галия» Ф.А. Давлеткильдеева, одна из немногих мусульманских женщин Башкортостана окончившая Высшие женские Бестужевские курсы².

¹ Свод законов и нормативно-правовых актов Башкортостана. Уфа. 2006. Т. 4 : 1919–1920 гг. С. 15–16.

² НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 244. Л. 15.

Несмотря на малочисленность подготовленных кадров исследователей и методистов, отсутствия опыта и нехватки средств, научный отдел Башнаркомпроса развернул активную деятельность. Летом 1920 г. под руководством Ф.А. Давлеткильдеевой была организована историко-этнографическая экспедиция в южные и юго-восточные кантоны Башкортостана. Экспедицией был собран обширный материал, характеризующий быт и традиционную культуру основных башкирских родов, проживающих в исследуемом регионе, зафиксированы десятки археологических памятников, выявлены и изучены старопечатные и рукописные тексты, имеющие научную ценность в изучении истории и фольклора башкир¹. Материалы экспедиции составили основу экспонатов республиканского краеведческого музея, создаваемого в г. Стерлитамаке, тогдашней столице республики. Значительную работу проводили архивное управление и музейный отдел. Так, совместно с Уфимским губернским архивом Архивному управлению АБССР удалось установить контроль и обеспечить сохранность находившегося в Уфе богатейшего архива бывшего Оренбургского Магометанского Духовного Собрания².

Большое значение в консолидации интеллектуальных сил республики для решения первоочередных задач образовательной сферы и культурного строительства в целом имело создание при научном отделе Наркомпроса республики Общества по изучению быта, культуры и истории Башкирии. Общество было учреждено 16 февраля 1922 г. Постановлением Центрального Исполнительного Комитета (ЦИК) Башкирской АССР «в целях изучения быта, культуры и истории Башкирии... привлекая для работы научные силы Башреспублики, знатоков края и истории Башкирии»³. С августа 1922 г. оно именовалось «Обществом по изучению Башкирии».

В первом учредительном составе Общества его членами являлись известные исследователи Башкортостана: математик и педагог Г. Сулейманов, историк-востоковед, литературовед и писатель Р. Фахретдинов, башкирские писатели и поэты, фольклористы М. Бурангулов, Х. Габитов, этнограф и писатель С. Мрясов, члены коллегий Наркомпроса республики А. Юмагузин и Дж. Амиров. Почетными членами Общества являлись востоковед академик В.В. Бартольд, известные этнографы С.И. Руденко, А.А. Диваев, классик башкирской и татарской литературы М. Гафури, артист и режиссер В. Муртазин. Общество состояло из 5 отделов: исторического (с подотделами дореволюционной и послереволюционной истории Башкирии), научно-филологического, этнографико-географического, издательского, антирелигиозного. Руководящим органом являлся совет общества, каждый избирал правление, председателя, ученого секретаря и одного научного сотрудника, которые состояли в штате Наркомпроса. Остальные члены Общества работали на общественных началах. В разные годы председателями Общества работали, внося весомый вклад в развертывание научно-исторических и краеведческих изысканий, Н.Т. Тагиров, Ш.Х. Сюнчелей, Х.А. Габитов и другие энтузиасты.

Одновременно с Обществом по изучению Башкирии в Уфе при Центральном губернском музее создается Общество по изучению Южного Урала. Оно было организовано группой представителей естественно-научной интеллигенции, работавшей в Институте народного образования, техникумах, губернских советских органах, и занималось изучением географии, геологии, растительных ресурсов, животного мира и природных условий края. Осенью 1922 г. оно объединилось с Обществом по изучению Башкирии на правах естественно-научной секции последнего. Активный вклад в изучение природных ресурсов Башкирии внесли его члены геологи Г.В. Вахрушев, Д.Г. Ожиганов, биологи, геоботаники и провизоры А.К. Носков, Г.Г. Штихер, А.А. Черданцев, А.Э. Линд и др. Объединение двух научно-краеведческих обществ благоприятно сказалось на росте численности Общества по изучению Башкирии. В 1924 г. в нем числились 45 человек. В 1927 г. в Общество входили уже 102 человека, многие из которых имели высшее или специальное образование и опыт научных и краеведческих изысканий. С 1922 г. началось издание «Трудов» Общества. В Стерлитамаке вышли два выпуска «Трудов», первый из них – на башкирском языке. Значительное количество материалов и исследований по истории, этнографии, языкознанию, народной литературе, педагогической мысли регулярно печатались на страницах научно-

¹ Культурное строительство в Башкирской АССР. Документы и материалы. 1917–1941. Уфа, 1985. С. 81–82.

² Ахмерова Ф.Д. Мне не в чем каяться. Россия, перед тобой (Николаевский Борис Иванович. 1887–1966 гг.). Уфа, 2003. С. 101–102.

³ НА РБ. Ф. 394. Оп. 4. Д. 119. Л. 27.

краеведческих журналов Общества на башкирском («Башкорт аймагы» = «Башкирский край») и русском («Краеведение в Башкирии») языках.

В связи с образованием в июне 1922 г. «Большой Башкирии», включавшей в себе основную часть Уфимской губернии, усложнились задачи, увеличивался объем работы научного отдела Наркомпроса Башкирской АССР (его функции заметно расширились). Учитывая эти обстоятельства, в сентябре 1922 г. на базе научного отдела был создан Академический центр Наркомпроса Башкирской АССР¹. Академцентр явился центральным научным, научно-организационным и методическим центром республики, стал правопреемником научного отдела Наркомпроса. Руководство и координация научными исследованиями в республике со стороны специального государственного подразделения вплоть до реформирования Академцентра в 1932 г. приобретают постоянный характер.

В обязанности Академцентра Наркомпроса БАССР входили: а) разработка программ и методики преподавания «применительно к местным условиям»; б) составление учебников и пособий для школ; в) организация научных экспедиций, созыв научных конференций; г) руководство научными обществами и создание новых².

В соответствии с поставленными задачами в составе Академцентра были созданы следующие научно-методические комплексы: научно-педагогическая, башкирская, русская, национальных меньшинств, литературно-художественная, которая, в свою очередь, состояла из четырех подкомиссий: литературной, театральной, музыкальной, изобразительных искусств. Кроме того, при Академцентре работали комиссии по вопросам терминологии, орфографии башкирского литературного языка, по фольклору, шрифту, по составлению программ для различных типов школ. В составе Академцентра работали архивная и музейная комиссии, а также Общество по изучению Башкирии и Башкирское государственное издательство³.

Во главе Академцентра Наркомпроса Башкирской АССР стояли видные исследователи, авторитетные руководители. Первым его председателем являлся известный поэт и литератор С.Х. Сюнчелей (1922–1993 гг.). В 1923–1925 гг. этот пост продолжительное время занимали видный башкирский языковед Г.Я. Давлетшин, известный башкирский общественно-политический деятель Ш.А. Манатов. Наиболее плодотворный период действия Академцентра приходится на 1924–1932 гг., когда им руководил известный ученый-педагог, один из активных организаторов народного образования Башкортостана Ш.Х. Сюнчелей. Основное внимание Академцентр уделял подготовке учебников, программ для национальных школ, пунктов ликвидации неграмотности, различных курсов, научно-методических пособий для учителей. Научно-методическая башкирская комиссия контролировала всю издававшуюся в республике литературу на башкирском и татарском языках, редактировала, давала рецензии и рекомендовало их к печати⁴.

Повышение роли науки в решении хозяйственных и культурно-образовательных задач требовало более четкой координации работы всех научных учреждений и краеведческих организаций со стороны государственных органов. Поиски наиболее эффективных путей руководства наукой привели в октябре 1926 г. к организации при Госплане БАССР Бюро по изучению производительных сил Башкирии⁵, которое координировало всю исследовательскую работу в республике. Его деятельность была увязана со всеми наркоматами, Статуправлением, Башгосархивом, научными обществами, музеями, а также с Центральным Бюро краеведения в Ленинграде.

Создание и деятельность Бюро явились одним из важных шагов по пути формирования государственной структуры управления научными исследованиями в республике. Дело заключалось прежде всего в том, что усложнение задач хозяйственной и культурной жизни поставило перед научно-исследовательской работой в республике более широкие и конкретные задачи. Научные общества, входящие в структуру Бюро, оставались обществами по-прежнему добровольными, их

¹ НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 224. Л. 18.

² Там же. Д. 902. Л. 85.

³ Там же. Л. 125.

⁴ Культурное строительство в Башкирской АССР. Документы и материалы. 1917–1941. Уфа, 1985. С. 151.

⁵ НА РБ. Ф. 804. Оп. 2. Д. 205. Л. 3.

решения и планы во многих случаях не носили для всех членов обязательного характера. В их деятельности не было глубоко продуманной планомерности и системности, научные силы часто оказывались разобщенными, и после образования Бюро по ряду направлений не удалось избежать дублирования и параллелизма.

В этих условиях поиски наиболее рациональных форм организации научных исследований в Башкирии продолжались. Наиболее целесообразной формой научного учреждения, базирующегося на государственном финансовом и материально-техническом обеспечении, вырисовывался научно-исследовательский институт. Первым таким стационарным многопрофильным научным учреждением явился созданный постановлением СНК БАССР от 12 марта 1930 г. Башкирский научно-исследовательский институт (БНИИ)¹. Он определялся как комплексное научное учреждение, состоящее из шести отделов: социально-культурного, сельского хозяйства, лесотехнического, промышленного, естественно-исторического, медицинского. Институт создавался при Совнарком Башкирской АССР, и его отделы должны были работать под научным и методическим руководством Академии наук СССР и других центральных научных учреждений страны². Директором института был назначен известный языковед и общественный деятель, выпускник Ленинградского восточного института М.А. Баимов. Из числа местных специалистов комплектовался штат института. В 1930 г в нем работало 12 штатных научных сотрудников.

Масштабные преобразования в области культуры поставили на повестку дня безотлагательное решение ряда проблем теоретического и практического характера (разработка научных основ языкового развития и письменности башкирского народа, собирание и систематизация фольклорного наследия, исследование вопросов художественного творчества и путей утверждения принципа социалистического реализма в башкирской литературе и искусстве, изучение исторического прошлого края и др.). В связи с этим возникла потребность в создании специализированной научной организации, занимающейся вопросами культуры в широком аспекте и подготовки научных кадров для нее. Таким учреждением явился созданный в январе 1932 г. на базе социально-культурного отдела комплексного НИИ Башкирский научно-исследовательский институт национальной культуры (БНИИ НК)³. С его созданием вся научно-исследовательская работа гуманитарного профиля в республике стала сосредотачиваться вокруг него. Первоначально в составе института были организованы отделы: языкознания и материалистической лингвистики (со словарно-терминологическим центром), литературы, искусствоведения (с кабинетом музыкальной этнографии), истории революционного движения в Башкирии⁴. В дальнейшем в структуре института произошли изменения. Отделы были переименованы, как принято в научных академических учреждениях, в секторы. Отдел языкознания и материалистической лингвистики и отдел литературы объединены в сектор языка и литературы, на правах самостоятельного сектора стал действовать словарно-терминологический центр, отдел истории революционного движения был преобразован в сектор истории и экономики, на базе отдела искусствоведения был создан музыкальный сектор с музыкально-творческой бригадой⁵. Возник сектор национальных меньшинств⁶.

В связи с созданием сети государственных научно-исследовательских институтов Академцентр Башнаркомпроса был расформирован, а его функции распределены между отраслевыми институтами педагогики и педологии (1931), национальной культуры (1932) и Институтом повышения квалификации работников просвещения (1933). Постановлением коллегии Башнаркомпроса в январе 1932 г. также было упразднено Общество по изучению Башкирии. Вопросы руководства школьным краеведением передавались в ведение Бюро школьного краеведения, созданного при Наркомпросе республики.

Таким образом, в течение более двух десятилетий в республике шел непрерывный поиск наиболее оптимальных форм организации научных исследований, накоплен большой и ценный опыт

¹ НА РБ. Ф. 122. Оп. 20. Д. 451. Л. 167.

² Там же. Ф. 804. Оп. 2. Д. 2402. Л. 28 об.

³ Там же. Д. 1857. Л. 9.

⁴ Там же. Ф. 798. Оп. 1. Д. 3094. Л. 16–21.

⁵ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 3 Л. 1.

⁶ НА РБ. Ф. 798. Оп. 1. Д. 3094. Л. 21.

по мобилизации и консолидации сил на ведущих направлениях гуманитарных наук республики, проведены исследования, созданы труды, не потерявшие своего значения и сегодня. На первый план стали выдвигаться коллективные формы работ в виде организации добровольных научных обществ и в форме создания государственных научных учреждений широкого профиля. Были апробированы различные формы управления научным процессом. Развитие главным образом шло от дореволюционных обществ к государственным формам организации научных исследований. Деятельность Научного отдела (коллегии), Академцентра, Бюро по изучению производительных сил соответствовала по структуре и профилю гуманитарному научно-исследовательскому учреждению; организация и разработка научных проблем являлись прямыми предшественниками Башкирского научно-исследовательского института национальной культуры и сформированного позднее на его базе Института истории, языка и литературы, функционирующего ныне в структуре Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук.

© К.К. Каримов, 2022

УДК 323.1(470.57)“1919/192”

БАШКИРСКАЯ ЭЛИТА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОСОФИИ И ПРАКТИКИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ РАННЕГО СТАЛИНИЗМА

Т.Ю. Красовицкая
(ИРИ РАН, Москва)

В феврале 1917 г. сложные отношения русского национализма с империей перенаправлены на русских либералов и в их лице на Временное правительство¹. Либералы порицали национализм за архаизм, стихийность, пережиток племенных инстинктов – полную противоположность духу и разуму эпохи Просвещения.

Немного изменилось и в советский период. Территория, на которой шло становление и развитие этносов, становилась одной из важных проблем, но этнорегиональный подход оставался настолько неопределенным, что о наличии его в историософии можно говорить лишь условно. По сути, на звание этнического региона претендовали любые территории, принципы их вычленения бесконечно многообразны.

В 1923 г. в прениях по докладу П.Н. Милюкова «Современная Россия и задачи эмиграции» социолог П.А. Сорокин, коми по происхождению, напомнил: «Я существенно отличаю свои взгляды от взглядов Милюкова ... Вместо национализма П.Н. Милюков проводит водораздел по линии республики. Я на первый план выставил бы принцип национальный. Я республиканец, но не боюсь принципа национализма. Тот пафос, то основное чувство, которым объята Россия, и которое гораздо более важно, чем республика, – это принцип национализма»².

До появления самостоятельного национального дискурса в имперских обществах не существовало комплексного языка описания империи. В контексте 1917 года (к сожалению, уже в эмиграции) Г.П. Федотов писал: «Почему русская интеллигенция в XIX веке забыла, что живет не в Руси, а в империи?.. После Пушкина, рассорившись с царями, [она] потеряла вкус к имперским проблемам ... Темы политического освобождения и социальной справедливости завладели ею всецело, до умоисступления. [В результате] почти все крупные исследования национальных и имперских проблем оказались предоставленными историкам националистического направления. Те, конечно, строили тенденциозную схему русской истории, смягчавшую все темные стороны исторической государственности... Так укрепилось в умах не только либеральной, но отчасти и революционной интеллигенции наивное представление о том, что русское государство, в отличие от

¹ Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 125.

² Дни. 1923. 15 марта; Дойков Ю. Питирим Сорокин. Человек вне сезона. Биография. Т. 2 (1922–1968 годы). Архангельск, 2009. С. 16.

государств Запада, строилось не насилием, не завоеванием, а колонизацией»¹. Память об истоках идентичности становится одним из проявлений феномена времени. Открывалась весьма интересная лаборатория слияния интеллектуальной истории и политической практики, возможностей осмыслить неожиданные хитросплетения национальных, имперских и советских идентичностей. Народы, чего бы они ни добивались в 1917 г., осознавали себя как отличные от других общности. О том, что регионы воображаются в соответствии с теми же механизмами, по которым воображаются нации, позднее писал Ивер Нойманн². Обозначилось начало территориальных споров, связанных, по А.И. Миллеру, с реализацией плана «идеального отечества». Вдохнув воздух свободы, этническая элита рассматривала и прошлые, и текущие дискуссии как базу для продвижения своих идей устройства своего Отечества³. Выделялись вопросы неформальных юрисдикций, их законодательное, управленческое, институциональное и иное наполнение.

На территории Российской империи проживали социокультурные сообщества, скомбинированные из кочевых, горских, степных земледельческих этносов и этнических групп. Многократные культурные и иные заимствования создавали высокую напряженность в межэтнических «швах». На Востоке последствия организованных или спонтанных кочевий и переселений усложняли многообразие этносов и их культур, отсутствие демаркационных линий. Культурные столкновения влияли на восприятие пограничных областей далеко не в узко географическом контексте. Особого внимания требовали многослойные зоны контактов, различия и континуитет во внешности и привычках людей, в их воззрениях и отношении к истории формирования пограничных областей⁴.

Утрачиваемое в имперский период понятие этноцентрума (осознания этносом самого себя в рамках пространства, где этнос обитает), эта форма этнического мышления включала всё, что окружает этнос: от рельефа местности (горы, реки, леса) до высокодифференцированных понятий (государственная идея, войны, союзы, культурные контакты и пр.)⁵. Имелось достаточно оснований, чтобы понятие исторического пространства привлекало внимание. Во-первых, преемственность, целостность исторического и социального процесса в рамках родного этноса. Конечно, меньше обращалось внимания на многомерность исторического пространства, на единство позитивных и негативных его сторон; на кооперационный эффект человеческой деятельности и роль исторических личностей, на неразрывность судеб различных государств и возглавляющих их политиков. Больше внимание отводилось идеологическим и партийно-клановым установкам в трактовке исторических событий, несмотря на их ограниченность и субъективизм. Но деятели национальных движений, во что бы то ни стало желавшие отсчитывать историю своих наций с древнейших времен, как и либералы, сами высоко ценили идеи Просвещения. По сути, они и реализовались-то преимущественно на этом поле деятельности. Механизмы реализации этнически окрашенных требований представлялись довольно смутно, но границы переставали носить отвлеченный научно-кабинетный характер. Многие спешили обзавестись историей, уходящей вглубь веков. Созданием карт увлекались многие известные востоковеды В. Бартольд, А. Крымский и др. Подобные документы активно использовались в переустройстве Российской империи после 1917 г.

Башкирские элиты считали, чем конкретнее территория и «древнее» нация, на ней проживающая, тем лучше. Важной целью был тезис о «естественности наций», изображавшихся едва ли не предвечными компонентами Божьего замысла и воспринимавшихся в качестве необходимых продуктов длительного, измеряемого столетиями исторического развития, в ходе которого сформировались отличительные особенности национального характера.

Управление границами между разными этносами в Российской империи не было однолинейным процессом. Проявление проблемы «этнографических» границ с правовой точки зрения явно противоречило представлениям Временного правительства о правах человека,

¹ Федотов Г.П. Судьба империй // Новый журнал. Нью-Йорк, 1947. № 17. С. 34.

² Нойманн И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М., 2004. С. 125.

³ Миллер А.И. Конфликт «идеальных отечеств» // Родина. 1999. № 8. С. 79–82.

⁴ Маловичко С.И., Покотилова Т.Е. Исследовательское поле Центра «Новая локальная история» // Источниковедческая компаративистика и историческое построение / Отв. ред. В.А. Муравьев. М., 2003. С. 201.

⁵ Mühlmann Wilhelm Emil. Rassen, Ethnien, Kulturen. Neuwied, Berlin, 1964. P. 298.

закладываемых в конституционные основания Российской республики, и принесло немало забот большевикам, никак не предусматривавших столь глубокого погружения в эту проблему будущих соратников. Именно они встали в повестку дня этнических элит и создаваемых ими структур в разных формах¹. Начались «присвоение» средствами воображаемой географии той или иной национальной территории, лавирование, модификация границ, столкновения с претензиями соседей.

Особое внимание уделялось поиску обоснования проблемы в источниках. Здесь выделим башкирского деятеля А.-З. Валидова. Он имел собственную историческую библиотеку. История ее трагична. Во время гражданской войны библиотека отправлена из Уфы в Оренбург в 17 сундуках. До сих пор нет сведений о том, где находится библиотека, нет и полного ее научного описания². Некоторые аспекты истории до наших дней привлекают внимание историков, например, об использовании Р.Г. Кузеевым из рукописи А.-З. Валидова по истории башкир китайских источников о происхождении башкир. Ряд исследователей считает, что Р.Г. Кузеев, делая выписки из работ А.-З. Валидова, критически комментировал их в свете своих представлений³. Кроме А.-З. Валидова активно интересовались историческими источниками многие этнические активисты. Из них черпали веру в свой народ и великие деяния предков. М. Гафури записал и опубликовал в 1909 г. башкирский эпос «Заятуляк и Хыухылу». Активно пополнялись библиотеки медресе. В. Шнирельман подчеркивает важность свидетельств о том, «откуда у “инородцев” такая болезненная тяга к истории и такое непреодолимое желание “хотя бы с помощью исторических мифов выйти из состояния народов, “не помнящих родства”»⁴. Две темы были в фокусе внимания: героические (часто мифологические) личности и проблема территорий. На территории Российской империи проживали социокультурные сообщества, скомбинированные из кочевых, горских, степных земледельческих этносов и полиэтнических групп. Судьбы героев эпосов и их жизненные драмы вбирали в себя полезные важные свидетельства.

Активизировались собиратели старых документов, рукописных книг, коллекционеры раритетов, исследователи-любители. На территории Средней Азии существовали крупные книгохранилища, основанные еще до арабского завоевания. «В Бухаре, например, – отмечал известный знаток рукописей А.А. Семенов, – с начала XV в. существовала большая библиотека общественного пользования, основанная известным шейхом Мухаммедом Парса (умер в 1419 г.). Она заключала множество рукописей разнообразного содержания, среди них было немало драгоценных по своей древности и редкости». «Рукописи продавались, – продолжает А.А. Семенов, – во всех городах Средней Азии, но самые обширные книготорговли были в Бухаре и Карши, где на базарах существовали специальные ряды продавцов рукописей и печатных изданий. Здесь у книготорговцев можно было найти немало рукописей, высокохудожественно оформленных, украшенных чудесными миниатюрами, рукописи разнообразного сочинения и различных эпох».

Помимо памятников письменности местного происхождения существовало огромное количество рукописей иноземного происхождения: из Аравии и Египта, из Турции и Ирана, из Афганистана и Индии, из Кашгара и Поволжья. Оживленные торговые, политические и религиозные связи со всеми этими странами весьма способствовали притоку в Среднюю Азию самой разнообразной литературы. «При этом нередко случалось, что именно в Средней Азии оказывались списки совершенно уникальные, нигде больше не встречающиеся или собственноручно переписанные разными знаменитостями не только в области литературы и истории»⁵. Истории появления и использования арабоалфавитных рукописей в Уфе посвящена работа Н.Р. Салих. В конце XIX – начале XX века в Уфе основана восточная мусульманская библиотека, ставшая со временем

¹ Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. ст. Герасимов И.В., Глебов С.В., Каплуновский А.П. и др. (ред.). Казань, 2004. С. 57; Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии (в 2-х томах). М., 2002–2004. С. 101.

² Заки Валиди Тоған. Воспоминания. Уфа, 1994. С. 160.

³ Антонов И.В. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. СПб., 2015. С. 58, 60.

⁴ Шнирельман В. В поисках самобытности: у истоков советского мультикультурализма // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (78). С. 125.

⁵ Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистана. I. Куляб; II. От Куляба до Сарая. (Путевые заметки 1898 г.) // Исторический вестник. 1902. № 3-4. С. 126.

одной из крупнейших на Российском Востоке. Инициатором её создания был известный башкирский религиозный и общественный деятель, учёный-ориенталист, будущий председатель Центрального духовного управления мусульман внутренней России Ризаитдин Фахретдинов. Автор отмечает слабую изученность этого древнего рукописного наследия, доступного для анализа в научном архиве Уфимского центра РАН, в Национальной библиотеке имени А.-З. Валиди.

Советская власть вынуждена была возвести этничность в ранг важной задачи своей политики, что отражалось на взаимоотношениях структур власти между собой. 31 мая замнаркома по делам национальностей С.С. Пестковский потребовал от замнаркома по просвещению М.Н. Покровского усилить внимание к национальному аспекту. Он отметил, что там, где власть «из лишнего усердия или непонимания, или просто самодурства выказывает склонность к притеснению инородцев», то, напоминал он, нерусские народы уже «все-таки знают, ... куда можно жаловаться»¹. 3 июля 1919 г. на заседании Госкомиссии по просвещению РСФСР обсуждался вопрос о том, что Наркомнац «невольню» стал органом с двумя десятками «целых министерств просвещения того или иного народа». Постановление о школах национальных меньшинств от 31 октября 1918 г. названо «декларацией», сделанной «огулом». Это «мертвая фраза, пустой звук». Разногласия вели к попыткам выработать общую позицию. Предложено «перейти, наконец, от слова к делу». Необходимо «разумное основание к объединению» – «степень культурности народов». «Отчего поляки должны сидеть в одном и том же отделе с ингушами, что общего между просветительной работой среды зырян и евреев? Ясно, что такое притягивание за волосы ... искусственно». Наркомнац «натолкнулся на необходимость пользоваться родным для народов языком: иначе «подступиться нет возможности». Но на заседании вновь настаивали на жестком «императиве»: задачи Наркомпроса – «коммунистические и интернациональные». Потому «немедленно, может быть, ввести один общегосударственный язык», «национальный вопрос не должен существовать». Однако казах Б.Б. Каратеев (из ВЦИК) остудил радетелей таких подходов, подчеркнув, что проблема «нисколько не потеряла своей остроты». Представитель от мусульманских народов, некто М., подчеркивал, что для тех, кто мыслит «социалистически, марксистки», цель просвещения «несомненно ... должна быть 1) ассимиляция народностей в идеале... Затем ... одна единая общечеловеческая пролетарская культура», но «нужно задуматься» и над тем, что «социалистическая общественная жизнь мыслима только тогда, когда в этом строительстве принимает энергичное, активное участие ... 99,9 % чувашей, мордвы, вотяков, черемис и т. д.» Только тогда «вы пробудите народное самосознание, ... вольете все зачатки возможностей и сил». Но тогда придется признать, что родной язык – «единственное орудие влияния». М.Н. Покровский резюмировал: «общая теза такова, что всякая национальность имеет право учиться ... на родном языке, извиняюсь за вульгарное выражение, сколько влезет. Прибавлять, заново творить мы, конечно, не будем, потому что коммунисты, потому что интернационалисты, потому, что национальной культуре мы большого значения не придаем». Но согласился: «мешать самостоятельному развитию ... мы не должны».

13 августа 1919 г. в Москве состоялось Всероссийское совещание работников просвещения народов нерусского языка. Приехали 194 делегата от 16 народов. Открыл совещание А.В. Луначарский, предложив формулу взаимодействия «единство многообразия» – необходимость «национальному большинству» относиться «с нежностью» к культурам национальных меньшинств. Партия «интернационалистов» Наркомпроса вновь настаивала на единстве организационных принципов. Выступая от тюркских народов, член коллегии Наркомпроса Башкирской АССР А.Т. Гисматулин считал, что «просвещение национальностей должно быть организовано в виде особых национальных комиссариатов». Необходима «федерация Наркомпросов». Его поддержало большинство участников, в том числе и коммунисты. ЦК РКП (б), конечно, поддержал резолюцию, «предложенную Наркомпросом»: «Единая политика в области просвещения всех языков. Единый Наркомпрос. Центр», однако отметил, что вопрос «остается дискуссионным для партии».

Идею «федерации наркомпросов» поддержали независимые республики. 26 июня 1919 г. Наркомпрос РСФСР принял предложение Наркомпроса УССР созвать конференцию представителей

¹ Пестковский С. Национальная культура // Жизнь национальностей. 1919. 8 июня.

наркомпросов советских республик для создания «единого фронта революционной культуры». Приглашения посланы наркомпросам Крымской, Литовско-Белорусской, Латышской республик и Эстонской трудовой коммуны. М.Н. Покровский поставил «вопрос о прочном объединении советских республик и настоящей федерации».

В декабре 1919 г. А.Т. Гисматулин на совещании в Наркомпросе говорил: «Нас объединяет ... духовное родство ... нам совсем не интересно ругать Наркомпрос ... Центробежная сила все равно направит сюда, в Москву за тем или другим», но «насильственным самодержавным порядком нельзя устроить дело». Наметилось взаимодействие, хотя и конфликтное, с этническими элитами. Лояльная часть элит включалась в состав автономных органов власти, заняв важные должности, акцентировала внимание на этнической специфике. Но в структуре управления этничности отведено второстепенное место.

Провозглашение автономии Башкирии – первый опыт договорного способа образования автономии. Он оформлен подписанием сторонами Соглашения. Со стороны Центра его подписали нарком И. Сталин, председатель СНК В. Ленин и председатель ВЦИК М. Владимирский, с башкирской стороны – М. Кулаев, М. Халиков, А. Бикбавов. Настороженное отношение В.И. Ленина к национальным лидерам отметил А.-З. Валидов: «Мы вышли от Ленина в приподнятом настроении. Через пару дней (19 марта) Ленин вступил на съезде в спор с Бухариным по национальному вопросу. Он отвечал Бухарину, что из тактических соображений приходится идти на соглашение даже с буржуазными националистами, и что разве большевики, мол, не были вынуждены скрепить своей подписью такое соглашение ... вчера — вступить в сотрудничество с башкирским правительством? ... Значит, Ленин и его соратники считают соглашение с нами явлением временным. Из его слов мы поняли, что их товарищеское отношение к нам также ненадолго. В будущем нас ... они отбросят в сторону, а власть передадут в руки членов коммунистической партии, которых выпестуют со временем. Но о том, что мы разгадали их намерения, не стали говорить ни друзьям, ни врагам»¹.

Ю. Борисенко подробно описывает, как «обхаживал» И.В. Сталин лидера Башревкома А.-З. Валидова, надеясь его «приручить»: «20 марта 1919 года было объявлено об образовании в составе РСФСР Автономной Башкирской Советской Республики. Валидова вызвали в Москву и поселили в "Метрополе". С ним были любезны Ленин и Сталин. Особенно Сталин. Уже тогда он начал присматриваться к молодой партийной поросли и подбирать "молодых волков" в свою команду. Валидов ему сразу понравился. Он был свой – холодный, циничный ум, блистательный авантюризм, осторожность, неспособность к любви, манера играть с людьми и пробовать их "на зуб". Нарком по национальным вопросам Иосиф Виссарионович предложил Валидову убрать из Башкурдистана русских переселенцев, появившихся там во времена Столыпина и в годы первой мировой. – Вы просто уничтожьте этих людей, и не будет никаких проблем. Вырежьте их, – предложил он Валидову (это слишком вольное использование автором текста Валидова – Т.К.). – Иосиф Виссарионович – ответил тот, – о чем вы говорите? Да если у них кровь из носа пойдет, все эти уфимские и оренбургские эльцины сразу завопят, что башкиры режут христиан! Лучше не трогать беженцев, да мы их, собственно, и не трогаем. Валидов ... сразу просек сталинскую провокацию. В игре в "кошки-мышки" он мог быть только "кошкой". Но Сталину Валидов определенно нравился. Он обольщал Ахмета-Заки как мог»².

Готовилось Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О государственном устройстве Автономной Советской Башкирской Республики», опубликованное 19 мая 1920 г. На заседании Политбюро ЦК РКП (б) 15 мая обсуждался вопрос о реорганизации Наркомнаца и уточнении полномочий Башкирии. Планировалось изменить соглашение о статусе Башкирской АССР и правомочиях ее органов власти (март 1919 г.). Председатель ВЦИК М.И. Калинин говорил: «Мы башкирам не верим ... Нам надо играть в их автономию, повсюду пролезать к ним и коммунизмом парализовать корни и остальные вредные стороны»³. Новое постановление послужило основанием разрыва башкирского лидера А.-З. Валидова с советской властью.

Отозванный в Москву А.-З. Валидов «отпросился» у В.И. Ленина на кумысолечение в Астрахань. Оттуда он бежал в Среднюю Азию. Летом 1920 г. он писал секретарям ЦК РКП (б) Н.Н. Крестинскому и

¹ Заки Валиди Тоған. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры. Книга I. Уфа, 1994. С. 291.

² Борисенко Ю., Шишков А. Заки Валидов. Степной волк, отец русского федерализма // Профиль. 1998. 9 марта.

³ Национально-государственное устройство Башкортостана. Уфа, 2006. Т. 3. Ч. 1. С. 122.

Е.А. Преображенскому: «Наши мнения о путях достижения соответствия между принципами социализма и национального самоопределения ... к сожалению, серьезно разошлись». «Кто же Вам будет верить после того, как Соглашение, подписанное 20 марта 1919 года Вами, Сталиным, мною и моими товарищами, спустя четырнадцать месяцев было перечеркнуто Постановлением от 19 мая 1920 года, подписанным лишь Вами и Сталиным? ... Я, встретив Вас, выразил свой протест. Вы же тогда Соглашение, принятое 20 марта 1919 года, соизволили назвать “клочком бумаги”». Осенью, тайно наблюдая за работой Бакинского съезда, он возмущался: «Разница между Вашими словами о вручении нациям их неотъемлемых прав в их собственные руки... и проводимой Вами сейчас политикой настолько велика, что это удивляет»¹.

Историософские размышления влияли на политические колебания. 20 февраля 1923 г. А.-З. Валидов писал В.И. Ленину: «Великорусская нация ... в области культуры устанавливает жесткие пути развития находящихся в ее плену наций и народов. ... Истина состоит в том, что великорусы нервничают, когда видят свидетельствующие о продолжении в Туркестане царской колониальной политики публикации ... и радуются, когда местные коммунисты определяют малые народы, как мелких рыбешек, являющихся кормом для китов, выдавая это за собственные убеждения. Товарищ Артем говорил в Башкирии некоторым нашим коммунистам, что верит в их будущую независимую жизнь ... По его словам, не стоило даже обращать внимания на местные языки и культуры, которые хотели бы воспрепятствовать этому; эти языки можно использовать лишь для распространения идей коммунизма... Нет никаких сомнений в том, что эта политика будет продолжаться и дальше... Если бы в России социализм не опустился до уровня пленника империалистических традиций, какая могла бы быть возня по вопросам выдумывания алфавитов и создания новых литературных языков на основе разговорных диалектов подвластных России народов?»². По указанию И.В. Сталина в марте 1923 г. ГПУ перехватило письмо М. Султангалиева к бывшему наркому просвещения Башкирской АССР А. Адигамову: «Зная хорошо центральное правительство, я могу категорически утверждать, что политика правительства по отношению к нерусским народам ничем не отличается от старой великодержавной политики»³.

Скупые источники позволяют из риторических стратегий А.-З. Валидова и А.Т. Гисматулина вовлечь в конструирование концептосферы башкирской историософии мысль об универсальности и непреложности историософских идей, духовных констант истории. Их содержание ресемантизировалось в социально-политическую прагматику исторического процесса, концентрировалось на роль, которую играют государство и этнические элиты, контролирующие государственную власть и ее аппарат. В интеллектуальное соперничество вовлекались культурные, религиозные и другие деятели на взаимовыгодных формулах сотрудничества, справедливом разделе власти и ресурсов, культурной терпимости⁴.

© Т.Ю. Красовицкая, 2022

УДК 316.334.56:004.738.5

ГУМАНИТАРНАЯ УРБАНИСТИКА КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА HUMANITARIAN URBANISTICS OF CROSS-CULTURAL SPACE

А.И. Лойко
(БНТУ, Минск, Беларусь)
A.I. Loiko
(BNTU, Minsk, Belarus)

The features of the use of humanitarian urban studies in the study of the cross-cultural space of the urban environment are investigated. This topic is relevant for the cities of Belarus, each of which has accumulated architectural solutions from different

¹ Исхаков С.М. Ахмед-Заки Валидов: новейшая литература и факты его политической биографии // Вопросы истории. 2003. № 10. С. 147–159.

² Исхаков С. А.З. Валидов: пребывание у власти // Отечественная история. 1997. N 6. С. 223.

³ Bennigsen A., Lemercier-Quelquejay Ch. Sultan Galiev, le père de la révolution tiers-mondiste. P. : Fayard, 1986. P. 208.

⁴ Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М., 1997. С. 174.

historical eras and civilizations. With such a combination, it is important to identify a constructive collaborative humanitarian urban environment that would reflect multicultural components. At the same time, it is important to achieve conjugation in the urban space of the components of historical memory and modern urbanism. This involves studying the phenomenon of the new normal.

The purpose of the article is to study the cross-cultural space of the industrial urban environment with the characteristic features of its decentralization. Belarus was chosen as an example, since this country, after the collapse of the USSR, retained the main components of the industrial infrastructure. It is important to study the dynamics of urban space, taking into account its topological decentralization. This approach is facilitated by the local typology of cross-cultural spaces within the country. The subject of study will be the humanitarian components of health and the new normal.

Humanitarian urbanism of the cross-cultural space is constituted disciplinary under the influence of the processes of globalization and migration. As a result, the urban environment of megacities has been transformed. She became multicultural. In Belarus, the state authorities faced this topic in the Middle Ages. The reason was the lack of human resources, which affected the defense capability of the state and its treasury. The practice has become the issuance of permits for resettlement within the state, primarily cities, various ethnic and religious communities. As a result, communities of Tatars from the Golden Horde, Jews from Prussia, Lithuanians, Poles, Old Believers from the Muscovite state ended up in one urban space. Christians, Jews and Muslims lived in a single urban space. This cultural diversity is reflected in the urban development of churches, mosques and synagogues. In the Soviet period of history, atheism and the German occupation did not favor the preservation of the infrastructure of the cross-cultural space of Belarusian cities. In modern Belarus, tolerance has become the basic principle of organizing the urban environment. In the context of the growing relevance of the recreational and tourist function of urban space, humanitarian urban studies began to take into account the cross-cultural component. These questions require study. They are reflected in the studies of Belarusian scientists on multicultural topics in the context of the cultural epochs of the Renaissance, Baroque, Second Scholasticism, Classicism and Orientalism. The epidemic has become a new factor in the dynamics of the urban environment. It gave rise to the phenomenon of a new normal.

Humanitarian urban studies uses an interdisciplinary methodology in research. Among the methods are analysis, comparative studies and modeling.

Mankind is so accustomed to the practices of constructing new forms of life that it has forgotten about the factors that transform the system of life of mankind. Such objective factors are economic crises, technological singularities and epidemics. As soon as the public and individual consciousness encounters these phenomena, it finds itself in a state of stress. He is beginning to be interested in the prospects for irreversible change and the features of the formation of a new normality. The subject of interest is the prediction of the duration of the singularity. I am also interested in the possibility of returning to the now familiar model of communication in the urban environment.

Since forecasts contain errors, the participants in the social process deal with uncertainties and risks. Representatives of economic discourse were the first to face this situation. The starting point was the Great Depression, which actualized the phenomenon of the new normal. This phenomenon reflected the impossibility of returning the market economy to the old normality in the form of free competition. The Keynesian model of state support for banks, companies, and the labor market became the theoretical basis of the new economic reality. The natural evolution of capitalism through the mechanisms of self-regulation was replaced by the social component of the dynamic equilibrium of the labor market. G. Ford tested the model of creating an internal capacious market and a mass consumer society through a technological solution based on conveyor production. A. Maslow substantiated the theory of human needs, and E. Mayo – the theory of human relations.

T. Veblen showed that the old normality has an institutional basis of economic inertia¹. This basis is represented by business processes. They are institutions of society and at the same time a resource of companies and banks. Changing business processes is fraught with significant financial costs and high risks of loss, since new business processes may be less efficient than the old ones. The transition to new models

---

¹ См.: Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.

of professional communication looks even more difficult, since it implies the availability of personnel capable of quickly mastering new social and corporate practices.

The problem, close to the subject of old and new normality, was actualized by research and development in the field of artificial intelligence theory. Technological determinism has become an objective factor. It demonstrates a steady trend in the transformation of the way of life of mankind. A phenomenon comparable to the economic crisis in the language of technological discourse is the phenomenon of technological singularity. This point of no return is only predicted. E. Toffler devoted a whole study in the field of social psychology to such a phenomenon as "future shock"¹. In addition to practical recommendations for creating a professional culture of high mobility, the author laid the foundation for the development of a conceptual terminological apparatus for the philosophy of social mobility.

It reflects the ability of individual and social consciousness to integrate into the space of the new normality. But before the economic crisis of 2008, there was practically no talk of old and new normality, because the Keynesian model of state support for the economy during the crisis was considered effective. At the beginning of the 21st century, it became clear that this model itself generates a new normality by not only softening the economic crisis, but also making it more protracted. Global economic growth is slowing down, and such dynamics are becoming the norm. The prospect of a slowdown in the economic growth of the PRC economy prompted Deng Xiaoping to formulate a policy of new normality². Scientists of Moscow State University named after M.V. Lomonosov, on the basis of the methodology of T. Kuhn, the philosophical foundations of the new normality were reconstructed in the form of a change in the paradigms of modernity and postmodernity³.

N.N. Taleb at the beginning of the 21st century formulated the key principles of the economic discourse of the new normal, taking into account such a factor as an epidemic. The first principle says that the non-linear dynamics of unexpected events should be considered as part of economic reality. The second principle refers to events that occur very rarely, unexpectedly and have a significant impact on the world economy. One such unexpected event may be an epidemic⁴. The third principle indicates that social and economic dynamics take place under conditions of uncertainty. The author proposes to look at uncertainty differently – not from the position of stock market panic, but from the position of uncertainty as a resource for economic growth⁵.

When the epidemiological factor of the coronavirus pandemic was added to the factors of economic and technological determinism, the situations of old and new normality began to be discussed with new intensity. Arguments began to be made that a return to the old normality of communication would directly depend on the development of herd immunity by society and the availability of effective vaccines. To this end, the task of vaccinating society was set. The goal was realized in European states. Vaccination was supplemented by new forms of work organization, as well as emergency practices of lockdown and self-isolation. It seemed that the crisis had been overcome, but omicron again returned European countries to the situation of 2020, when state structures began to fight the epidemic using the methods of "sanitary dictatorship", fearing that medical institutions would not be able to cope with the influx of patients and would not be able to provide them with effective assistance. The Republic of Belarus did not resort to the practices of "sanitary dictatorship" and did not stop production and other economic activities. It did not restrict the free movement of citizens.

Against the backdrop of administrative anti-COVID measures, reflection on the phenomena of the old and new normality intensified. In 2020, the UN presented the report Socially Smart Sustainable Cities. Pandemic is highlighted as a special item⁶. The city and the epidemic have become one of the research

---

¹ См.: Тоффлер Э. Шок будущего = Future Shock, 1970. М., 2008.

² Ху Аньган. «Новая нормальность» Китая // Россия в глобальной политике. 2015. № 3.

³ См.: «Новая нормальность»: новые медиа и политические коммуникации. М., 2015.

⁴ См.: Талеб Н.Н. Чёрный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2009.

⁵ См.: Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса М., 2014.

⁶ См.: Социально-умные устойчивые города. Женева, 2020.

topics¹. Based on the results of a systematic approach to the old and new normality, experts stated a situation of uncertainty².

A position has also been formed that humanity is already in the space of a new normality³. This position is based on the fact that companies are actively using the remote work mode. Among the priorities was the hygiene of employees and the workplace. The goal is to reduce the risk of spreading the virus. This value has influenced architects and designers. Transformer offices have been developed and implemented.

Personnel management, the identification of the main channels of communication and the commonality of goals have become important. The introduction of digital technologies has accelerated even more. This strategy is not limited to automation. The concept of digital platforms and digital ecosystems is taken as a basis. These are business models for the provision of services for the coordination of market participants, both producers and consumers. Marketplaces have become the implementation of this model. The institution of service integration has been formed. In this regard, the role of service integrators and network platforms for the interaction of participants in the social space is growing. There was a rethinking of logistics, marketing and retail.

Systems engineering is in demand. Managers create the principles of the digital ecosystem. Developers design the network infrastructure. Lawyers are thinking about how to create a correspondence between technological processes and regulatory components of the institutional activities of financial technology companies. The change in roles in economic activity due to collaboration and convergence has created the theme of the transformation of the institutional structures of the modern economy in conjunction with the phenomenon of technological singularity⁴.

The pandemic has accelerated the institutionalization of internal and external digital ecosystems. The internal digital ecosystem solves the problems of corporate activities of bank employees, companies, including the optimization of business processes. The external digital ecosystem is integrated with any social network user who is a consumer of services. The main element of the digital ecosystem is single sign-on technology. This is communication under a single account in a variety of digital services. A sign of the presence in the space of the digital ecosystem is the ability to use one login and password to enter various services and switch between them without re-verifying credentials.

External and internal digital ecosystems were constituted by the efforts of developers from the level of search engines. The systematic approach and the idea of convergence of different search services dominated. The list included a mail service, a news aggregator and neuromarketing, as well as dictionaries and a job search service. With the expansion of the set of services, the resources of data about the users of these services increased. Until the digital ecosystem has a critical mass of users, it needs significant investment. If its financial base is a bank, then this simplifies the task. But digital ecosystems are also created by social companies. To ensure the functioning of the digital ecosystem, these companies are forced to maximize the use of the advertising resource. The structure of advertising activity has varied. Digital contextual advertising began to be used. Its semantics is formed by user requests.

Digital advertising has become part of the virtual labor market. Under the influence of the pandemic, a tendency has emerged to strengthen the role of non-standard forms of employment in the labor market. They are characterized by categories of full standard employment and non-standard forms of employment.

Flexicurity policy has been formulated at the level of state structures regulating the labor market⁵. It involves new mechanisms of legal regulation of labor relations based on social models of employment. Among these models is e-employment. This model allows the employee to be at a distance from the

¹ Лойко А.И. Город и эпидемия // Социальные практики и развитие городской среды. Минск, 2021. С. 184–188.

² См.: Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. М., 2021.

³ Курюкин А.Н. «Новая нормальность» экономики, политики и социума COVID-19 и после // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2021. № 12(2). С. 160–181.

⁴ Усоский В. Трансформация российских банков в условиях цифровой революции и «технологическая сингулярность» // Банкаўскі веснік. 2021. № 10. С. 27–41.

⁵ Лойко А.И. Смарт-индустрия и тренды трансформации рынка труда // Инновационные процессы в науке и технике. Тюмень, 2021. С. 85–87.

employer. The remote form of employment is provided by digital technologies. These technologies create conditions for professional communication, control, transfer of tasks, results of labor, remuneration.

E-employment is a kind of permanent work in a particular organization. It is also represented by such a modification as freelancing. This form of direct relationship between the customer and the contractor (individual entrepreneur) through a website where the contractor places samples for potential customers. Having received an order, the freelancer fulfills it and sends a product through a social network, the payment for which is made by the customer through the electronic banking mechanism. The institutional status of freelancing involves legal regulation and registration for the implementation of tax deductions from profits. Freelancers want to work with clients, pay taxes and have pension guarantees. One of the directions was the creation of an enforcement system.

Freelancing depends on the development of electronic payment systems. For him, the availability of electronic signature technologies and electronic document management is relevant. For remote forms of employment, it is important to have a sample of an electronic employment contract. This is due to the fact that the functions of the personnel department are moving into the virtual sphere.

There is an institutionalization of labor market information platforms. They coordinate the relationships of a significant number of participants. The regulatory framework is a set of rules driven by risks in the area of personal information. New forms of labor relations reflect high mobility in the field of employment. And mobility causes a high demand for information¹.

The institutionalization of the virtual labor market is accompanied by the formation of a network of information institutions. They are represented by labor exchanges for IT-specialists, students and graduates in the form of websites of state bodies and electronic bulletin boards. Network consulting educational institutions of the labor market have become in demand. They are focused on the connection of educational services with the subsequent professional activities of university graduates.

In the space of new normality, an interdisciplinary digital discourse has developed. One of his concepts was ecology². The thesis is cultivated that the organization's ecosystem is in a state of dynamic equilibrium, when its development corresponds to the values of self-organization and adaptation. The resource of sustainability is the range of tolerance and the ecological environment. The mechanism of ecological synchronization of social actors with sites is used. This model underlies the functioning of the digital ecosystem, which uses the principle of one window. It functions in a single mobile application. As the amount of data grows, it adapts to the requirements of network participants.

The digital ecosystem involves a server infrastructure that becomes a resource, as it becomes possible to rent server capacities based on the principles of collaboration.

Thus, the new normality of the urban environment has already revealed its features. Before the pandemic, they were shaped by the dynamic development of the digital services and technology sector. In the consumer communications sector, marketplaces and retailers have begun to play a key role. Home delivery has transformed the way consumers live and communicate.

Significant changes have taken place in the labor market. Employees of companies switched to remote forms of professional activity. These new forms also took shape before the pandemic. Freelancing and e-employment became the subject of study before the pandemic. At the management level, there has been a transformation of business processes due to the macroeconomic phenomenon of digital ecosystems. But in the categories of old and new normality, the situation of uncertainty continues to persist, which motivates communication participants to pay more attention to risks and security.

© А.И. Лойко, 2022

---

¹ См.: Лойко А.И. Философия информации. Минск, 2021.

² Loiko A.I. Technology of digital ecosystems // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия «Философия». 2022. № 1(10). Рр. 49–56.

УДК 398.33(=512.141)

ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ БАШКИР

Г.Д. Маннапова

(МБОУ школа № 126 ГО Уфа)

Во многих традиционных обрядах башкир четко прослеживается связь с хозяйственной деятельностью человека, прежде всего со скотоводством и земледелием. Они, как правило, не имели точной даты проведения и были направлены на то, чтобы повлиять на силы природы и тем самым обеспечить благополучие и успех в хозяйственных делах. По своему характеру обряды могли быть общественными, когда в их проведении участвовали жители всей деревни, или семейными, когда ритуал производился членами отдельно взятой семьи, реже индивидуальными, когда ритуал совершался одним человеком. В комплексе обрядов весенне-летнего цикла важное место занимает обряд вызывания дождя, известный под разными названиями: «*Ямғыр теләге*» (Моление о дожде), «*Ямғыр теләу*» (Вызывание дождя), «*Ямғыр буткаһы*» (Дождевая каша), «*Теләк*» (Пожелание)¹.

В ходе сбора полевых материалов в Абзелиловском, Баймакском и Хайбуллинском районах Республики Башкортостан было выявлено, что обряд вызывания дождя у башкир был распространен повсеместно. По сведениям некоторых информаторов (Арслановой Р.Г., Ибрагимовой Г.Х., Ихсановой Ф.М., Мансурова Ф.Х., Хидиатуллиной А.А.)² обряд вызывания дождя «*Ямғыр теләу*» проводился весной – в начале лета после окончания полевых работ во время праздника «*Карға буткаһы*» (Воронья каша). На празднике «*Карға буткаһы*» могли присутствовать все желающие. Они готовили ритуальную пшеничную кашу («*Тары, бойзай буткаһы*»), а после общей трапезы участники праздника совершали моления для вызова дождя, затем, произнося заклинание дождя, играли и обливали друг друга водой возле реки. Обряд «*Теләк*» (Пожелание) совершался с благодарностью к природе, с просьбой о благополучии и хорошем урожае в будущем году. Остатки каши оставляли на деревьях на съедение воронам.

По сообщениям многих информаторов юго-восточных районов, обряд вызывания дождя («*Ямғыр теләге*», «*Ямғыр теләу*», «*Ямғыр сакырыу*», «*Теләк теләу*») проводился как самостоятельный обряд при засухе или в период долгого отсутствия дождя. В связи с тем, что лето 2010 г. оказалось очень засушливым, многим пожилым людям пришлось вспомнить функциональное значение обряда вызывания дождя – организовывать или участвовать в его проведении. В большинстве случаев (например, в сс. 2-е Иткулово, Темясово, Семеновское, д. Баимово, Баймакского района, д. Валитово Хайбуллинского района РБ) данный обряд проводился по общей схеме: назначался определенный день, когда жители деревни во главе с муллой или с самым пожилым человеком ближе к полудню собирались в назначенном месте (на вершине горы или холма, возле речки, кладбища). Мулла и пожилые люди читали молитву из Корана, приносили в жертву барана (*Корбан салыу*), устраивали коллективную трапезу (почитаемым или пожилым людям деревни, которые по каким-либо причинам отсутствовали, выделяли *өлөш* (доля) или *сазака* (милостыню), затем молодежь обливалась водой, купалась в реке. Кости и голову животного топили в местном водоеме или закапывали в недоступном для собак месте. Перед уходом домой дырявый прокопченный дочерна котел (*казан*) бросали в воду или переворачивали вверх дном, иногда топили в условленном месте медный кувшин (*ез комған*). Если после этого шли продолжительные проливные дожди, то котел находили и забирали домой для того, чтобы установилась хорошая погода. В с. Темясово, по информации Абсалямовой Л.Г., в 2010 г. просить дождя «*Теләк теләргә*» ходили на гору Рапат тау, на вершине которой проводили обряд по общей схеме. В качестве

¹ Нагаева Л.И. Башкирские народные праздники, обряды и обычаи. Уфа, 1999; Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа, 2005.

² Арсланова Р.Г., 1929 г. р., д. Баимово Баймакского р-на РБ, Ибрагимова Г.Х., 1920 г. р., с. Татыр-Узяк Хайбуллинского р-на РБ, Ихсанова Ф.М., 1932 г. р., с. Татыр-Узяк Хайбуллинского р-на, Мансуров Ф.Х., 1934 г. р., с. Семеновское Баймакского р-на, Хидиатуллина А.А., 1937 г. р., с. Нигаматово Баймакского р-на.

жертвенного животного обычно выступал баран черной масти¹. К примеру, по рассказам информатора Акбулатовой Ш.М., летом 2010 г. возле д. Валитово Хайбуллинского района РБ недалеко от могилы Гатауллы ишана, обряд вызывания дождя проводился с участием 12 мулл и всех желающих из числа жителей Баймакского, Зилаирского и Хайбуллинского районов Республики Башкортостан².

По сведению информатора Абдрахмановой С.А., в 1982 г. жители д. Баимово Баймакского района РБ во главе с муллой совершили восхождение на гору Рахай (*Pahay tau*) для проведения обряда вызывания дождя. Накануне восхождения пожилые женщины деревни у подножия этой горы плачевно причитали, высказывали свои просьбы, собирали камни в подол платьев и шли к месту слияния рек Тавлы и Матим, где бросали собранные камни в воду (*бөтә әбейзәр итәккә таш тултырып, теләк теләп, илап таштарзы йылғаға ташланылар*). По возвращении домой женщины устраивали чаепитие у одной из участниц обряда. На следующий день мужчины приносили в жертву барана белой масти (цвет масти был обязательным требованием к жертвенному животному), при этом категорически запрещалось рубить кости топором (*балта менән онтай сабырға ярамай*), затем участники обряда читали молитвы (*аят*), раздавали милостыню (*хәйер*), готовили традиционное блюдо бишбармак и угощали всех присутствующих. А кости жертвенного барана по обычаю топили в реке с пожеланиями дождя (*күмәктен теләге күл булһын*)³. Считалось, что коллективное пожелание будет сильным. По словам другого информатора Баимовой Х.А., обряд вызывания дождя совершали обязательно на горе *Ыраһай tau* (*Pahay tau*), которая, по мнению жителей, является самой высокой и приближенной к небу⁴. Информатор Арсланова Р.Г. из указанной деревни сообщила о некоторых особенностях вызывания дождя в ранее существовавшей соседней деревне Саитбаталово (Куяндар). Жители д. Саитбаталово выходили для проведения обряда в местность под названием «*Карағас мороно*» на берегу р. Сакмагуш. Обряд проводился также по общей схеме и во главе с одним из старейших жителей деревни. На обряд все должны были прийти повымывшимися и в чистой одежде. По окончании общей трапезы котел переворачивали и топили в речке, затем молодые участники обряда надевали вещи наизнанку и с пожеланиями дождя играли в различные игры, при этом обливались водой и купались в местном водоеме. Иногда обряд вызывания дождя проводился на местном кладбище (*зыярат*), где на могилу повесившегося (*асылынып үлгән кешенен кәберенә*) выливали 40 ведер воды, причем ведра с водой участники обряда несли передавали друг другу по цепочке⁵.

В с. Нигаматово Баймакского района Республики Башкортостан было распространено несколько вариантов обряда вызывания дождя. По воспоминаниям информатора Хидиатуллиной А.А., обряд вызывания дождя проводился исключительно в год засухи, в нем участвовали женщины всех возрастов и обязательно дети. Перед выходом, по местной традиции, маленьких детей просили специально совершить кражу котла с летнего очага (*усаҡлыктан*) у одного из жителей указанного села, естественно, по предварительной договоренности с хозяевами (*балаларзын һауабы көслө була*), так как детям нисходит большая благодать. Затем участники обряда собирались возле водного источника (речки, родника), готовили пшеничную кашу (*тары буткаһы*), читали молитвы с просьбой о дожде, устраивали коллективную трапезу, обливались водой и в конце обряда топили котел. Остатки каши оставляли под деревьями (*ағастарға һылайзәр*), чтобы ее съели птицы. Необходимо отметить, что женщины при проведении обряда должны были спрятать волосы под головной убор (*сәсте күрһәтмәй, йәшереп барырға кәрәк*). В более позднее время стали приносить в жертву барана, во время обряда присутствовали и пожилые мужчины.

Иногда для совершения обряда вызывания дождя на кладбище было достаточно и небольшого количества пожилых людей. Его проводили в промежуток времени между слепополуденной и закатной молитвами (*икенде менән акшам араһынды барып коялар һузы*). На изголовье могилы человека, умершего неестественной смертью, чаще повесившегося (*асылынып*

¹ Абсалямова Л.Г., 1955 г. р., с. Темясово Баймакского р-на РБ.

² Акбулатова Ш.М., 1932 г. р., с. Татыр-Узяк Хайбуллинского р-на РБ.

³ Абдрахманова С.А., 1928 г. р., д. Баимово Баймакского района РБ.

⁴ Баимова Х.А., 1938 г. р., д. Баимово Баймакского р-на РБ.

⁵ Арсланова Р.Г., 1929 г. р., д. Баимово Баймакского р-на РБ.

үлгән), выливали 40 ложек воды, читали молитвы (*баш яғына доға укын*). Информатор Хидиатуллина А.А. сообщила, что ее мать обряд вызывания дождя (*ямғыр оҙак булмаһа*) проводила сама или при участии дочери, реже с другими женщинами. В полдень они поднимались на гору Бәбәләш тау, на вершине которой выбирали самый крупный камень и переворачивали его так, чтобы нижняя часть была обращена к солнцу и омывали его (*ташты әйләндереп һалып йууалар, дымлы яғын өскә караталар*). В случае, если не было возможности подняться на вершину горы, участницы описываемого обряда проводили его во дворе: читали молитвы (*доға*) с пожеланиями дождя, надевали платья наизнанку и мыли камни (*таштарҙа сырсын ята*). Также для вызывания дождя (*ямғыр сақырыу*) мать информатора ловила лягушку (*бака*), затем один конец тонких ниток привязывала к ее лапкам, а другой конец ниток – к колышку, вбитому в землю на территории двора (*баканы тышаны ебәк йеп менән*). По сообщению информатора, лягушку следовало отпустить, когда начинали идти сильные проливные дожди (*баканы ебәрер кәрәк, ямғыр күп яузы*). Обряд «*Ямғыр теләу*» проводился и возле проточного водного источника (родник, ручей, колодец), где также читали молитвы, затем чугунный прокопченный котел переворачивали вверх дном, но не топили его (*икегә бүленгән ерҙә һууға түнкарәһең кара суйын казанды*)¹.

Информатор Мурзагалин А.Г. из указанного села дополнил информацию по обряду вызывания дождя, связанного с лягушкой, в котором под руководством одного взрослого человека участвовали в основном несовершеннолетние дети. Для этого собравшиеся поднимались на вершину горы Бәбәләш тау, ловили лягушку, завязывали веревками конечности лягушки, располагая их по сторонам света. На следующий день поднимались посмотреть на лягушку, если она была жива, то это значило, что дождя не будет. Ритуал с лягушкой в год засухи проводили до 10 раз².

Аналогичный обряд вызывания дождя, по сведениям информатора Муллагильдиной М.Р., проводился и в д. Янгазино Баймакского района Республики Башкортостан. Обряд совершали на вершине горы *Аккош тау*. Для этого ловили лягушку, умерщвляли и оставляли, положив брюхом вверх (*эсе менән өскә һалалар, кояшка кыззырып*). Кроме того, если долго не было дождей, люди шли к подножью горы Аккош тау и втыкали лом или другой похожий металлический предмет в землю. Иногда данный обряд проводили и во дворе дома. Когда же начинались проливные дожди, металлический предмет убирали. Обряд вызывания дождя пожилые жители деревни совершали также и на кладбище. Для этого, как и в других местах, на могилу повесившегося человека выливали 40 ведер воды из близлежащего водного источника³.

Об обряде вызывания дождя рассказывала информатор Ихсанова Ф.М. из с. Татыр-Узяк Хайбуллинского района. По воспоминаниям информатора, её дед Ахметдин мулла, который проживал в д. Мукачево Кугарчинского района, поднимался на гору Бейек таш возле деревни, собирал мелкие камни, затем во дворе дома мыл их в чугунном казане (*суйын казанда*), читая при этом молитвы с просьбой о дожде. По словам информатора, на горе Бейек таш находился большой камень – «*Ямғыр ташы*» (Камень дождя), если его переворачивали, то шли проливные дожди, когда же была нужна солнечная погода, камень ставили на прежнее место⁴.

Информатор Гафарова Ф.З. из д. Юлдашево Абзелиловского района РБ предоставила сведения по обряду вызывания дождя в указанной деревне. Для совершения обряда все участники собирались недалеко от кладбища, на берегу небольшого ручья под названием «*Ташлыккой шишмәһе*». На кладбище, у могилы умершего неестественной смертью человека, пожилые люди читали молитвы и выливали на могилу 41 ведро воды. Затем готовили пшеничную кашу (*бойзай буткаһы*), устраивали совместную трапезу и чаепитие. После окончания трапезы остатки каши оставляли на съедение птицам, а котел, в котором готовили кашу, переворачивали и топили в ручье, так, чтобы никто не знал об этом. В последние годы, по словам информатора, многие люди для проведения обряда вызывания дождя совершали поездки к могиле Мужавир-

¹ Хидиатуллина А.А., 1937 г. р., с. Нигаматово Баймакского района РБ.

² Мурзагалин А.Г., 1937 г. р., с. Нигаматово Баймакского р-на РБ.

³ Муллагильдина М.Р., 1954 г. р., с. Нигаматово Баймакского района РБ.

⁴ Ихсанова Ф.М., 1932 г. р., с. Татыр-Узяк Хайбуллинского района РБ.

хазрата (*Мөжәүир хәзрәт*), которая находится в д. Бахтигареево (Мансурово) Баймакского района РБ¹.

Таким образом, полевые материалы, собранные в Абзелиловском, Баймакском и Хайбуллинском районах Республики Башкортостан показали, что обряд вызывания дождя повсеместно распространен среди башкирского населения. В достаточно тяжелое время люди объединяются, совершают какие-либо ритуалы, обряды, пытаются воздействовать на природные явления (засуху). Полевые материалы показывают значимость данных обрядов в общественной жизни башкир.

© Г.Д. Маннапова, 2022

УДК 336.77(470.56/.57)“1883/1885”:330.4

ИЗУЧЕНИЕ КРЕДИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УФИМСКОГО И ОРЕНБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА (1883–1895 гг.) С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ

О.С. Павлова
(СФ БашГУ, Стерлитамак)

На современном этапе развития научно-исторических поисков вполне утвердившимся является опыт использования математических методов в исторических исследованиях. Особенно актуальным стало применение компьютерной графики и геоинформационных систем.

В настоящее время для отображения полученных данных широко используются графики, диаграммы, гистограммы, картограммы и т. д. Методы компьютерного моделирования исторических процессов позволяют наглядно продемонстрировать конкретные процессы социально-экономического развития и обнаружить их закономерности². Например, для того, чтобы определить численный состав основных категорий заемщиков Крестьянского поземельного банка, движение цен на хлеб, рост недоимчивости по банковским операциям в Уфимской и Оренбургской губерниях во второй половине XIX в., в качестве основных источников используются ежегодные отчеты Уфимского и Оренбургского отделений Крестьянского поземельного банка, материалы Обзоров указанных губерний, систематические издания обзоров деятельности Банка за конкретный период и др. Наряду со специально-историческими и статистическими методами изучения указанных выше вопросов вполне успешно используется методика графического анализа данных, представленная графиками, диаграммами, гистограммами и др. Так, создание графического приложения характеристики деятельности Крестьянского банка осуществляется с помощью компьютерной программы Microsoft Office Excel.

Главное целевое назначение Банка состояло в предоставлении крестьянам ссуд на приобретение земли. Ссуды могли быть выданы сельским обществам, товариществам и отдельным домохозяевам. Размер ссуд исчислялся при общинном пользовании – на отдельную душу мужского пола, а при участковом – на отдельного домохозяина. Наибольший размер ссуд не должен был превышать при общинном владении – 125 руб. на наличную душу мужского пола, а при подворном – 500 руб. на каждого домохозяина³. В первый период деятельности Банка (1883–1895 гг.) были созданы наиболее благоприятные условия кредита для товарищеских и общественных покупок. В период с 1883 по 1889 г. Банк выдавал единоличным покупателям ссуду в размере 1/2 покупной

¹ Гафарова Ф.З., 1941 г. р., д. Юлдашево Абзелиловского района РБ.

² Владимиров В.Н. Историческая геоинформатика: геоинформационные системы в исторических исследованиях : монография. Барнаул, 2005. С. 32–39.

³ Обзор Оренбургской губернии за 1892 год. С. 2–19; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 134а. Л. 1–42; Д. 109. Л. 10–19.

стоимости, тогда как обществам и товариществам – от 3/4 до 4/5¹.

До 1 января 1894 г. крестьянами было заключено свыше 11 000 сделок и приобретено до 2 000 000 дес. земли. Причем ссуд было выдано на 70 000 000 руб., а к услугам Банка прибегали чаще всего лица, владеющие небольшими участками². По подсчетам исследователя А. Зака, за 13-летний период деятельности Банка товарищеские покупки составили 58 % всех сделок³. Аналогичные подсчеты подтвердили указанную тенденцию и на региональном уровне: за период 1883–1895 гг. в Уфимской губернии товарищеские покупки составили 64 % всех сделок, в Оренбургской за 1885–1895 гг. – 87 %⁴. Во многом такая ситуация объяснялась не только стремлением правительства поддержать малоземельное крестьянство, но и особым его вниманием к переселенческому вопросу, где Крестьянскому банку отводилась значительная роль.

Как правило, земли переселенцами приобретались в составе сельских обществ и товариществ. Особенно широко была распространена сделка в составе товарищества, что было удобно для совместной аренды и покупки земли. В отличие от других районов России, здесь широко практиковалась покупка земли крупными товариществами, которые больше подходили к понятию сельского общества. Вероятно, из-за этого происходила путаница понятий в действиях самих крестьян, когда члены одного сельского общества составляли товарищество для закупки земли, причем пользовались печатью и знаками старост своего общества. Иногда крестьяне намеренно шли на создание фиктивных обществ, чтобы избежать юридических препон в приобретении земли через банк⁵.

Однако такое поступательное развитие товарищеских покупок влекло за собой противоположную тенденцию, выразившую себя в росте недоимчивости покупателей:

Таблица 1

Недоимчивость к концу года в процентах к годовому окладу⁶

Годы	Уфимская губерния	Оренбургская губерния
1883	0	–
1884	10,4	–
1885	5,7	0
1886	23,2	31,8
1887	52,9	83,1
1888	72,9	159,6
1889	79,8	214,5
1890	78,8	185
1891	39,8	146
1892	55,3	137,1
1893	53,8	136,8
1894	61,4	148,8
1895	30,2	130,1

В формате графического приложения в виде гистограммы данная статистика выглядит следующим образом:

¹ ГАОО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 344. Л. 1–46; Ф. 164. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–3; НА РБ. Ф. И-336. Оп. 1. Д. 3281. Лл. 370–410; Проскуракова Н.А. Крестьянский поземельный банк // Отечественная история. 1998. № 3. С. 68.

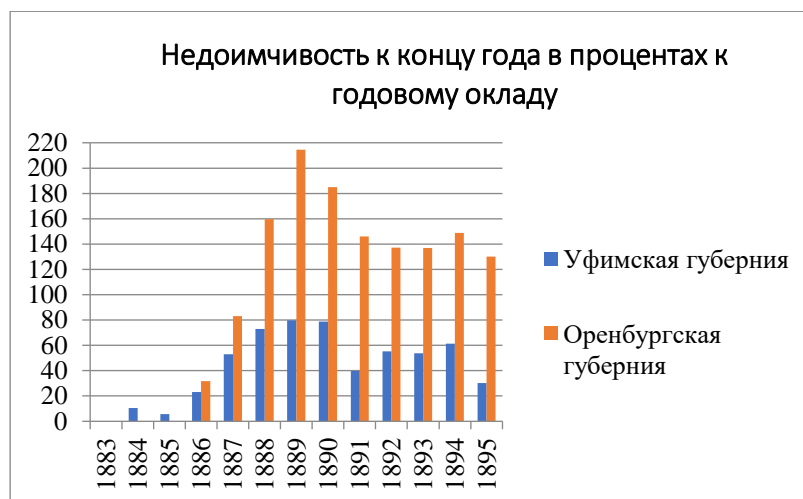
² Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. СПб., 1906. С. 47.

³ Зак А. Крестьянский поземельный банк. 1883–1910 гг. М., 1911. С. 104–105.

⁴ Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. СПб., 1906. С. 48–72.

⁵ Самородов Д.П. Русское крестьянское переселение в Башкирию в пореформенный период 60–90-е гг. XIX века. Стерлитамак, 1996. С. 231–232.

⁶ Составлено по данным: Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. СПб., 1906. С. 78–81.

Как видно из данных таблицы и более наглядно из гистограммы, недоимчивость достигла максимальных размеров, особенно в Оренбургской губернии, в 1888–1890 гг., что было обусловлено комплексом причин. Во-первых, это ряд неурожаев, повторявшихся почти непрерывно до 1891 г. и полный неурожай в 1891 г., которые окончательно истощили хлебные запасы у населения и способствовали росту недоимчивости банк¹. Так, в неурожайный 1891 г. площадь посевов в Оренбургской губернии уменьшилась по сравнению с 1890 г. на 344275 дес., а урожай определялся ничтожной цифрой – 0,8 сам. Неслучайно в этой связи управляющий Оренбургским отделением Крестьянского банка подчеркивал, что «нигде максимум и минимум урожая так не колеблется, как в Оренбургской губернии – то густо, то пусто»². В этой связи Советом банка был принят ряд нормативных положений в 1891–1892 гг., утверждавших определенные льготы в выплате ссуд и, по ходатайству заемщиков, рассрочку образовавшихся недоимок³.

Другая причина состояла в том, что в вопросах кредитования Крестьянский банк не учитывал реальные условия экономического существования крестьян⁴, особо это касалось переселенцев. По мнению председателя Уфимского отделения банка А.С. Семяновского, «в Уфимскую губернию крестьяне-переселенцы являются с некоторыми запасами, но эти запасы истощаются очень быстро, в громадном большинстве случаев банк выдает ссуды ниже покупной цены, так что является необходимость доплат, затем необходимо обзавестись постройками, инвентарем, расчищать землю и сразу уплачивать проценты банку за землю, почти не приносящую покуда дохода (переселенцы покупают преимущественно неразработанные земли). Все это быстро поглощает запасы переселенца и начинается период быстрого роста его недоимчивости»⁵. Далее А.С. Семяновский указывал на то, что частные землевладельцы принимают во внимание те реальные условия, в которые поставлен переселенец. Почти всегда переселенцам предоставляется несколько льготных лет, в течение которых они обязаны построить и расчистить известное количество земли, затем назначается постепенно возвышающаяся арендная плата с 1 или 2 года аренды и после постепенно повышается. Например, арендаторы на землях г-жи Фок в Бирском уезде, живущие по 12-летнему контракту, уплачивают в первый год по 50 коп. с десятины, во 2 и 3 годы – 1 руб., в 4 и 5 годы – 1 руб. 25 коп., в 6 год – 1 руб. 50 коп. и в остальные 6 лет – по 2 руб. В этой связи А.С. Семяновский предложил установить прогрессивные платежи именно потому, что у крестьян-переселенцев слишком велики были расходы по обзаведению на новом месте в первые годы⁶.

Важно в этой связи определить, каков был характер изменения покупных цен на землю, сделанных через Крестьянский банк в общероссийском масштабе и на региональном уровне. На этот

¹ Обзор Оренбургской губернии за 1892 год. С. 2–19; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 134а. Л. 1–42; Д. 109. Л. 10–19.

² Селивановская Л.А. К вопросу о развитии торгового земледелия в Оренбургской губернии в пореформенный период (70–90-е гг. XIX в.). Ученые записки Чкаловск. гос. пед. ин-та, 1956. Вып. 8. С. 93–94.

³ Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка за 1883–1904 гг. СПб., 1906.

⁴ РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 1. Л. 1–47.

⁵ Зак А. Крестьянский поземельный банк. 1883–1910 гг. М., 1911. С. 126–128.

⁶ Успенский Г.И. От Оренбурга до Уфы. Очерки. Уфа, 1982. С. 30.

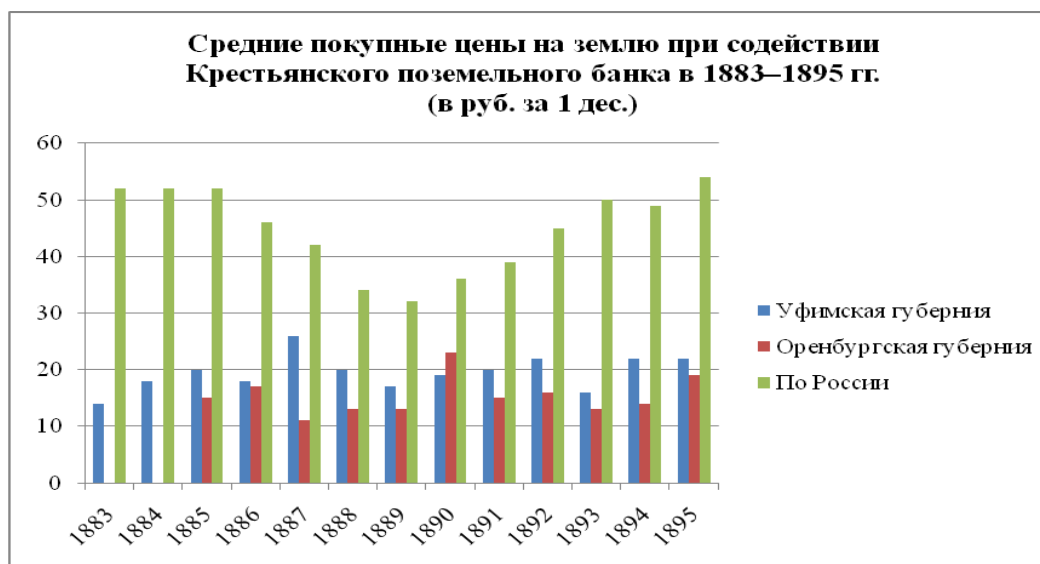
счет существуют разные исследовательские точки зрения. А.В. Красик утверждал, что земельные цены по покупкам через Крестьянский поземельный банк за 1885–1895 гг. могут до известной степени служить показателем «общего движения земельных цен»¹. А.Н. Зак отмечал, что динамика изменения тех и других земельных цен очень противоречива и требует дифференцированного подхода.

Таблица 2

Средние покупные цены на землю при содействии Крестьянского поземельного банка в 1883–1895 гг. (в руб. за 1 дес.)²

Годы	Уфимская губерния	Оренбургская губерния	По России
1883	14	–	52
1884	18	–	52
1885	20	15	52
1886	18	17	46
1887	26	11	42
1888	20	13	34
1889	17	13	32
1890	19	23	36
1891	20	15	39
1892	22	16	45
1893	16	13	50
1894	22	14	49
1895	22	19	54

В графическом варианте данные таблицы позволяют наглядно продемонстрировать динамику цен:

Из данных таблицы и гистограммы видно, что покупные цены при содействии Крестьянского банка в Уфимской и Оренбургской губерниях значительно ниже общероссийских, что объяснялось многоземельем, а также дешевизной продаваемых земель, особенно это касалось башкирских земель.

¹ Красик А.В. Крестьянский поземельный банк. Его деятельность с 1883 по 1905 гг. Юрьев, 1910. С. 41.

² Составлено по данным: Отчёт Крестьянского поземельного банка за 1897 г. СПб., 1898. С. 49.

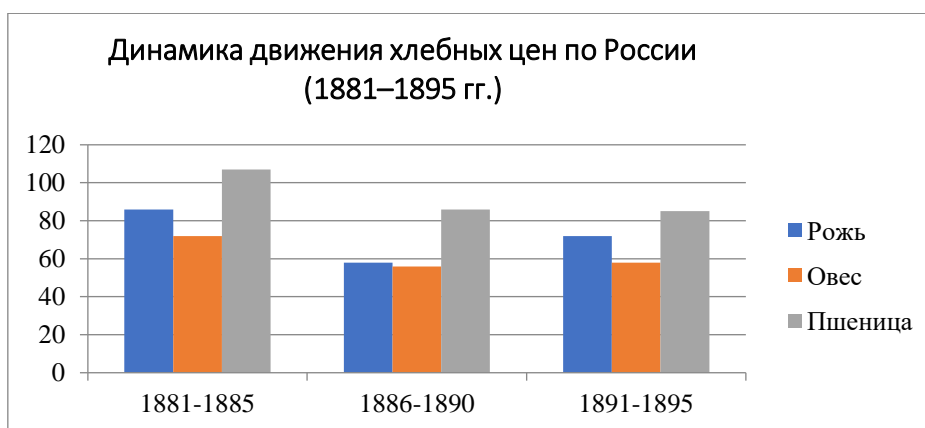
Определяя причины высоты земельных цен по покупкам через Крестьянский банк, в источниках отмечено, что Банк требовал в первые годы деятельности незначительные доплаты, облегчая тем самым «способы к покупке земли» малоземельным крестьянам. Особенно это касается Уфимской и Оренбургской губерний. На деле такая направленность действий Крестьянского банка привела в целом к вздутию земельных цен. Также ярко видна взаимозависимость движения хлебных цен и цен по покупкам через Крестьянский банк, которые снизились к 1886–1890 гг. и поднялись, хоть и не до первоначального уровня, в 1891–1895 гг.:

Таблица 3

Динамика движения хлебных цен по России (1881–1895 гг.)

	1881–1885	1886–1890	1891–1895
Рожь	86	58	72
Овес	72	56	58
Пшеница	107	86	85

Графическое приложение таблицы представлено следующим образом:

Искусственное повышение цен Банком подтверждается указаниями председателя Уфимского отделения г. А.С.Семяновского, что «в общем, при содействии Банка, земли продаются по ценам, превышающим средние продажные цены земель в губернии»¹.

Для повышения земельных цен имели значение и следующие обстоятельства. Поскольку покупки производились мелкими участками, то цены на землю были выше средних, ибо спрос на малые участки земли был несравненно больше, чем на крупные имения. В соответствии с представленными крестьянам возможностями покупать землю обнаружилась поэтому земельная спекуляция. Дело в том, что землевладельцы неохотно продавали землю по мелким частям, а так как Банк был лишен права покупать за свой счет земли с целью их дальнейшей перепродажи крестьянам, появились посредники – спекулянты².

В этой связи можно отметить позитивную роль Банка в том, что он избавлял крестьян от сомнительных частных сделок и давал возможность быстро рассчитаться с продавцами. Поэтому не случайно, что многие крестьяне, особенно переселенцы, стремились воспользоваться банковскими ссудами. На рост цен, несомненно, оказали влияние и многочисленные покупки отрезков. Размер цены, уплачиваемой за них, почти не зависел от действительной стоимости земли³.

Как отмечалось, среди клиентуры Банка по России в целом, а также в Уфимской и Оренбургской губерниях преобладали товарищества крестьян. За ними шли сельские общества и лишь потом – отдельные домохозяева (исключение составляет Уфимская губерния, в которой число ссуд последних составляет 22,2 %). Причем доля единоличников и в сумме выданных ссуд, и в общей площади заложенной земли была

¹ Зак А. Крестьянский поземельный банк. 1883–1910 гг. М., 1911. С. 158.

² Там же.

³ Там же. С. 160.

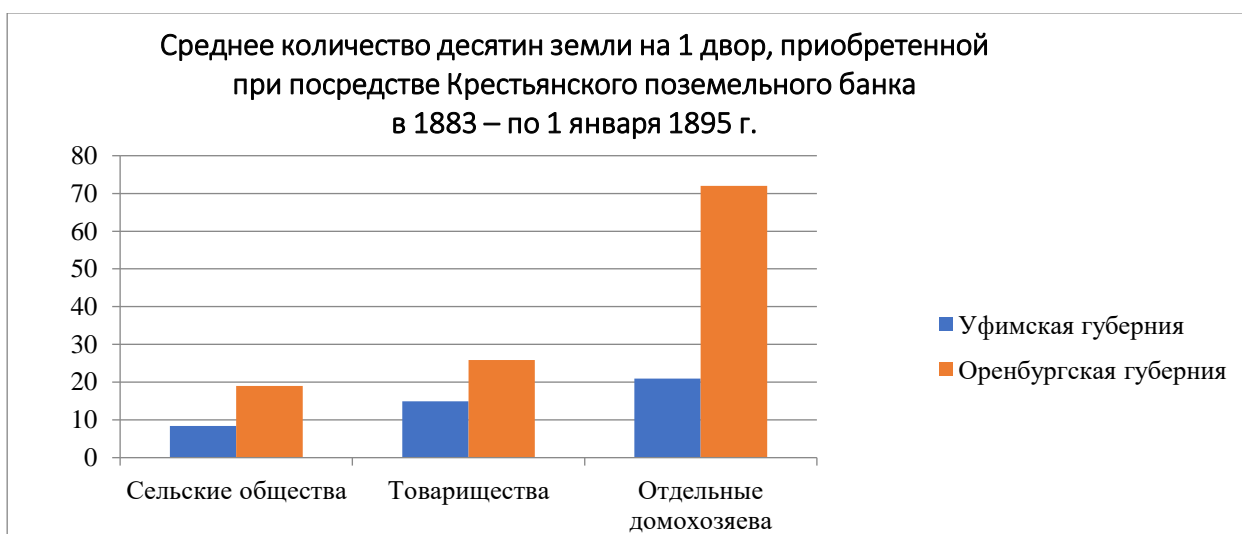
ничтожно мала. Тем не менее они являлись самыми крупными покупателями (в расчете на двор). Согласно отчетам Крестьянского банка, в первый период его деятельности площадь купленной земли на один двор составляла следующее количество земли:

Таблица 4

Среднее количество десятин земли на 1 двор, приобретенной при посредстве Крестьянского поземельного банка в 1883 – по 1 января 1895 г.¹

Категории заемщиков	Уфимская губерния	Оренбургская губерния
Сельские общества	8,4	19
Товарищества	14,9	25,87
Отдельные домохозяева	20,98	72

В форме гистограммы площадь купленной земли на один двор представлена наглядно и красноречиво характеризует динамику:

В заявленных статистической и графической характеристиках представлены лишь отдельные аспекты деятельности Крестьянского поземельного банка. Однако их анализ позволяет сделать выводы о том, что методы компьютерной графики представляют эффективный способ изучения источников с большим объемом статистических материалов и позволяют более целостно осмыслить процессы социально-экономического развития регионов России в пореформенный период.

© О.С. Павлова, 2022

УДК 39(=161.3)(470.57)

СЕЛО БАЛТИКА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ БЕЛОРУСОВ

М.А. Пилипак
(ГАНУ ИСИ РБ, Уфа)

На территории Республики Башкортостан белорусы проживают полтора столетия. Их массовая миграция в регион была связана с проведением крестьянской и аграрной реформ. В

¹ Составлено и подсчитано по данным: Отчеты Крестьянского поземельного банка за 1883–1894 гг.; ГАОО. Ф. 164. Оп. 1. Д. 160. Л. 1–3.

предыдущих исследованиях автора дано подробное описание истории расселения белорусов в пределах Башкортостана, обозначены количество населенных пунктов, их национальный состав, а также динамика изменения численности этноса за более чем столетний период¹.

В представленной публикации предполагается рассмотреть историю основания и современное бытование села Балтика Иглинского района Республики Башкортостан. Основой выбора для исследования данного населенного пункта послужили несколько факторов: во-первых – двуэтничность на начальном этапе заселения (основано поселение латышами, белорусы селились тут позже); во-вторых – позиционирование села как белорусского (что связано с деятельностью одноименного историко-культурного центра). В связи с этим интересным является изучение уровня межкультурной коммуникации белорусов с представителями других народов, сохранения традиционной культуры и национальной идентичности.

Основой для подготовки статьи стали материалы Национального архива Республики Башкортостан (далее – НА РБ), экспедиционные записи и личные наблюдения автора. Для проведения сравнительно-сопоставительного анализа данных производился опрос представителей старшего и среднего возрастов.

Основной причиной переселения белорусов в регион было малоземелье. Узнавая о возможности приобрести надел, сельские общины в Белоруссии выбирали из своего числа нескольких представителей и отправляли их в восточные регионы Российской империи для поиска свободных земель. Ссылаясь на рассказы старожилов, респонденты отмечают, что, к удивлению посланцев, плодородной земли здесь было вдоволь: «...ехали из-за чего, из-за того, что там, как рассказывали – не было свободных земель, мало было плодородных...в конце XIX века из Белоруссии начали переселяться, стали посылать своим письма – родственникам, что очень плодородная земля здесь»²; «...человек, который сюда приехал, на Башкирскую землю, он написал письмо в Белоруссию, что, что не кинь в эту землю – все растет, на Башкирской земле»³. С помощью Крестьянского поземельного банка⁴, который выдавал ссуду, белорусы покупали земли. Только после удачного заключения сделки перевозили свои семьи, начинали поднимать хозяйства.

В материалах НА РБ современное село Балтика упоминается как Балтийская колония⁵. Данное название связано с местом происхождения его основателей – латышей из Прибалтики. По состоянию на 1895 г., в 30 дворах проживало 205 чел., в основном латыши. Через 10 лет в 37 дворах зафиксировано 190 чел.⁶ В 1917 г. исследуемый населенный пункт относился к Иглинской волости Уфимского уезда.

Столыпинская аграрная реформа и реализуемая Крестьянским поземельным банком практика продажи свободных наделов в уже существовавших поселениях и рядом с ними содействовали заселению данной территории выходцами из Белоруссии. Динамику изменения национального состава села Балтика удалось проследить, сопоставляя результаты проведенной в 1917 г. переписи населения и данных, указанных в справочнике «Населенные пункты Башкортостана»⁷. Согласно первому источнику, из 63 домохозяйств в 45 проживали латыши, в 16 – белорусы, 2 дома принадлежали украинцам. Таким образом, по материалам архива установлено, что общее число жителей составляло 301 чел., из которых 210 латышей, 77 белорусов и 14 украинцев, то есть преобладающей национальностью выступали латыши. Во втором источнике, представляющем

¹ Пилипак М.А. Славяне Предуралья : историко-этнографический очерк (на примере белорусов, украинцев и поляков) // Молодежный научный форум «Уфимский гуманитарный научный форум» / сборник статей. Под ред. А.Н. Дегтярева, А.Р. Кузнецовой. Уфа : Институт стратегических исследований Республики Башкортостан, 2022. С. 285–289.

² ПМА, 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Свистун (Касюк) Н.В., 1958 г. р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан.

³ ПМА, 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Хализовой Ж.А. 1986 г. р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан.

⁴ Зак А.Н. Крестьянский поземельный банк: 1883–1910. М. : Издательство Н.П. Карбасникова, 1911. 607 с.

⁵ Подворные карточки всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по Уфимскому уезду Иглинской волости Балтийская Колония // ГКУ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1. Д. 4894. Л. 1–63 об.

⁶ О прошлом и настоящем ради будущего. Краеведческий сборник «Сохранение и популяризация культурного наследия белорусов-переселенцев в Башкортостане». Уфа : издательство «Самрау», 2021. Ч. 1. С. 28.

⁷ Населенные пункты Башкортостана. Ч. III. Башреспублика, 1926. Уфа : Китап, 2002. С. 178.

итоги переписей населения 1920 г. и хозяйств 1925 г., село уже указано как белорусско-латышское. Отмечается и тенденция увеличения хозяйств: с 73 в 1920 г. до 78 в 1925 г. Помимо этого, более чем в два раза – до 655 чел. возросла численность населения, что было связано не только с естественным приростом, но и политикой укрупнения населенных пунктов в конце двадцатых годов прошлого столетия. К примеру, при расселении Позолотинских и Будинских хуторов их жители частично переселялись в соседние или *новообразованные деревни*. Стоит отметить, что данное переселение носило принудительный характер и белорусы-собственники с неохотой оставляли уже обжитые места: «... там и добротные дома, и все уже на хуторах построили, и нужно было ломать это все и переезжать — снова строить. И, конечно, возмущение было очень много»¹.

В материалах переписи 1917 г. зафиксированы несколько противоречивые данные касательно национальной принадлежности жителей Балтийской колонии. В частности, люди с типичными славянскими фамилиями записаны как латыши: Климчук А.А.², Маркевич П.П.³, а Шарль Иосиф⁴ и Лосберг Август⁵ зачислены к белорусам. При этом последний зафиксирован также и как латыш⁶.

Ознакомиться с состоянием хозяйств белорусов по материалам архива 1917 г. не представляется возможным, поскольку, кроме информации о национальности и составе семьи, данные о наличии домашней скотины, размере обрабатываемой земли и применяемом сельскохозяйственном инвентаре отсутствуют. Возможно, это связано с тем, что большинство собственников белорусских хозяйств (14 из 16) записаны как «беженцы»⁷ и основать свои хозяйства еще не успели. Только по материалам экспедиции удалось узнать, что основным занятием белорусов в с. Балтика, как и в других белорусских населенных пунктах Башкортостана, были земледелие и животноводство: «Начинали с ноля, которые переселялись сюда, то есть, раскорчевывали полностью леса, делали поля, засеивали культурами...держали скотину – и корову, и свиньи – все это было»⁸. В полях белорусы выращивали озимую рожь, овес, просо, горох, ячмень, а на приусадебных участках сеяли морковь, огурцы, редьку, капусту, сажали картофель. Из технических культур выращивали лен и коноплю.

Сформировавшаяся у белорусов на протяжении многих столетий четкая система разделения труда на мужской, женский и детский сохранилась и в Башкортостане. Так, женщины, кроме огородничества, занимались ткачеством, вышивкой, а мужчины – земледелием, столярным и кузнечным делом, обработкой шкур, плетением из лозы и соломы, а также пчеловодством. В обязанности детей входили выпас скотины и птицы, прочая домашняя работа.

Важную роль в сохранении культуры и традиций предков-белорусов в Балтике играет Национальный историко-культурный центр, силами которого проводятся мероприятия, посвященные основным праздникам годового цикла. Наиболее почитаемыми из календарных обрядов зимнего периода остаются рождественские гуляния, во время которых дети ходят по домам, поют колядки, поздравляют односельчан с праздником. Хозяева в знак благодарности угощают детей сладостями.

В весенний период празднуют Масленицу, Пасху, гу'кают весну (зазывают весну). Для гукания весны дети с помощью взрослых выпекают специальную выпечку – жаворончков как символов прихода весны. В один из них, на благополучие, кладут монету. Само зазывание происходит на улице: обрядовых птичек, с помощью покрывала имитируя полет, подбрасывают в воздух и проговаривают: «Приди-приди, Весна!». Также в этот день дети поют песни, водят хороводы, играют в игры. В

¹ ПМА, 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Свистун (Касюк) Н.В., 1958 г. р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан.

² Подворные карточки Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 года по Уфимскому уезду Иглинской волости Балтийская Колония // ГКУ НА РБ. Ф. Р-473. Оп. 1, Д. 4894. Л. 58.

³ Там же. Л. 61.

⁴ Там же. Л. 34.

⁵ Там же. Л. 65.

⁶ Там же. Л. 51.

⁷ Там же. Л. 25–39 об.

⁸ ПМА, 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Свистун (Касюк) Н.В., 1958 г. р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан.

завершение праздника сжигают чучело: «...сжигается чучело, ставится небольшой костер, и сжигается такая кукла, как «веснянка», она сжигается для встречи весны»¹. Стоит отметить, что похожее обрядное действие с сожжением чучела происходит также на Масленицу, где, в отличие от гукания весны, используют большую куклу.

На Троицу, кроме общепринятого у славян традиционного украшения дома ветками деревьев и травой, в Балтике бытует обряд завивания березы. Старшие девушки таким образом гадают на замужество – завив ветки, на следующий день смотрят: если она развилась (распелась), то желаемой свадьбы не будет. Маленькие девочки в этот день просто загадывают желания и привязывают к березке атласные ленточки разного цвета. Стоит отметить, что завивание березы или подобные действия с деревьями встречаются и у других славянских, а также финно-угорских и тюркских народов. К примеру, у башкир на юге Башкортостана во время проведения традиционного праздника «Воронья каша», посвященного встрече весны, а позже приуроченного к завершению сезона весенних полевых работ, деревья и кустарники украшали разноцветными лентами, платками, серебряными браслетами, бусами, кольцами, на северо-востоке – цветами, яркими шальями, которыми иногда соединяли березки между собой². Также на Троицу в Балтике проводят обряд «кумления», согласно которому все присутствующие на празднике должны поцеловаться через сплетенный веночек: «... делается веночек и через него должны три раза поцеловаться. С двух сторон стоят люди и три раза целуются, на Троицу принято три раза целоваться»³.

Из летнего цикла календарной обрядности особую популярность и массовость не только в Балтике, но и в Иглинском районе в целом приобрел праздник Ивана Купала. Неотъемлемыми его атрибутами являются плетение венков, вождение хороводов, исполнение купальских песен, а также прыжки через костер, который, по преданию, имеет очистительную силу: «большие костры делаем, вокруг которого собирается весь народ и хоровод большой проводит, и ставим маленькие костры – сантиметров пятьдесят, примерно, через которые люди уже начинают прыгать – огонь очищает»⁴. Помимо этого, ближе к вечеру с пригорка в пруд скатывают зажженное колесо, которое выступает символом заходящего солнца и знаменует сокращение дня. Из всего цикла осенних праздников респонденты отметили Покров.

Интерьер домов потомков переселенцев из Белоруссии на современном этапе исследования мало напоминает традиционный белорусский. Однако экспонаты, представленные в местном музее, свидетельствуют о бытовании еще до недавнего времени вышитых и тканых рушников, наволочек, предметов интерьера и домашней утвари, сделанных руками мастеров-плотников, изделия декоративно-прикладного характера из лозы и соломки.

На примере ряда календарных праздников, таких как Рождество, Пасха, Ивана Купала, а также обрядов семейного цикла можно проследить межкультурное взаимодействие белорусов с другими народами. К примеру, в Рождество дети поздравляют не только белорусов: они могут посетить дома представителей других этносов: «...и к татарам ходили. Также нас встречали – у тети моей, так же она давала нам гостинцев и чаем напоила. Так же и к латышам ходили и к белорусам заходили. Нету, вообще, различий по нации, абсолютно»⁵.

Межнациональным, к нашему удивлению, стал и давний славянский праздник Ивана Купала. Участие в нем принимали не только белорусы из Балтики, но и представители других поселений и национальностей района – латыши, чуваша, марийцы, татары⁶.

¹ ПМА, 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Хализовой Ж.А. 1986 г. р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан.

² Сулейманова М.Н., Султангареева Р.А. Воронья каша // Фольклор народов Башкортостана: энциклопедия / Государственное автономное учреждение науки Республики Башкортостан «Башкирская энциклопедия»; научно-редакционная коллегия: Ф.А. Надршина (главный редактор), У.Г. Сайтов (ответственный редактор) [и др.]; перевод на английский язык: ООО «Центр межкультурного сотрудничества». Уфа: Башкирская энциклопедия, 2020. С. 127.

³ ПМА, 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиционные записи Пилипака М.А. от Хализовой Ж.А. 1986 г. р., жительницы с. Балтика Иглинского района Республики Башкортостан.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ ПМА, 2022 – Полевые наблюдения автора во время празднования дня Ивана Купала в с. Ленинское Иглинского района Республики Башкортостан 6.07.2022 г.

Взаимовлияние культур белорусов и других народов происходило также через межнациональные браки, достаточно высокий процент которых был с русскими и украинцами. По данным экспедиции, браки с другими славянами начали появляться в конце 1940-х г. До этого времени существовала негласная традиция выходить замуж в пределах своего этноса. В послевоенное время, примерно с 1960-х гг., белорусы стали жениться и выходить замуж за представителей тюркских национальностей.

Таким образом, длительное проживание за пределами материковой территории, утрата связей с исторической родиной, а также межкультурное взаимодействие белорусов со славянскими и тюркскими народами привели к трансформации их традиционной культуры, но на современном этапе, благодаря деятельности Национально-культурного центра с. Балтика, прослеживается позитивная динамика в возрождении народных традиций.

© М.А. Пилипак, 2022

УДК [37:39(=512.145):39(=512.143)]”187”

К ИСТОРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР И КАРАИМОВ В 1870-Х гг.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

Д.А. Прохоров

(КФУ им. В.И. Вернадского, Симферополь)

В результате проведения в 1870-х гг. образовательных реформ в Российской империи были созданы учебные заведения нового типа для «инородцев», населявших национальные регионы страны. В частности, после принятия «Правил о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», утверждённых Правительством 26 марта 1870 г., в Таврической губернии было созданы русско-татарские и русско-караимские министерские училища (РТМУ и РКМУ) с европеизированной программой преподавания в них. Эти учебные заведения находились в непосредственном подчинении Дирекции народных училищ Таврической губернии (НУТГ). В училищах осуществлялось преподавание русского языка и арифметики, а также родного языка и основ религиозного воспитания. В 1872 г. открылась Симферопольская татарская учительская школа (СТУШ), предназначенная для подготовки учительских кадров из числа крымских татар, а также для повышения квалификации педагогов, а в 1895 г. – Александровское караимское духовное училище (АКДУ) в Евпатории, готовившее газзанов и учителей.

При составлении проекта СТУШ один из его авторов, известный караимский просветитель и общественный деятель Илья Ильич Казас (1832–1912) отмечал, что основной задачей таких учреждений являлось изучение русского языка – «знакомство с прекрасными образцами русской литературы <...> знание главных событий всеобщей истории и возможно полные знания исторических судеб русского отечества» являлись краеугольным основанием в самой идее русско-татарских школ¹. То же относилось и к обучению караимской молодёжи. Одним из ключевых моментов в процессе распространения среди крымских татар и караимов русского языка и русской образованности стало издание специализированной учебной литературы. «Для облегчения инородцам перехода в изучении русского языка, – говорилось на заседании Совета министерства народного просвещения (МНП) 2 февраля 1870 г., – все книги печатаются на инородческом наречии русскими буквами или без перевода»². Далее в этом документе сообщалось, что дети при помощи местных наречий будут обучаться разговорному русскому языку посредством наглядного обучения, а затем, при получении необходимого багажа знаний, русской грамоте, чтению и письму.

Учебное ведомство озвучило и конкретную задачу – в сжатые сроки для открывавшихся школ и

¹ Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 100. Оп. 1. Д. 1346. Л. 39 об.

² Там же. Л. 3.

училищ нового типа необходимо было разработать и издать отвечающую всем требованиям современности учебную литературу (эти книги должны были применяться также и в уже существовавших крымско-татарских мектебе и медресе). Одними из первых на данное распоряжение МНП откликнулись педагоги Таврической губернии. В 1870 г. увидел свет «Русский букварь для татарских народных училищ» И.И. Казаса. В 1873 г. он выпустил первую часть «Краткого практического учебника русского языка, составленного для татарских народных школ Таврической губернии». Это учебное пособие задумывалось как продолжение «Русского букваря». Учащиеся приступали к работе с учебником после изучения азбуки и прохождения курса элементарной грамматики. Первая часть книги являлась изложением основных правил этимологии и синтаксиса русского языка. В предисловии к первому изданию учебника И.И. Казас отмечал, что «многое, касающееся строя русской речи, отложено до второго отдела и пропущено в настоящем издании по некоторым педагогическим соображениям»¹.

Двумя годами ранее, в 1868 г., И.И. Казас разработал и издал учебник под названием «Лерегель Гайладим» («Руководство для детей»), переведённый им на крымско-татарский язык. Это пособие, предназначенное для изучения в караимских школах древнееврейского языка, было составлено по распространённому в Европе в середине XIX в. «звуковому» (или «переводному») методу французского учёного А. Оллендорфа и швейцарского лингвиста Д. Марго. Курс обучения по «Руководству для детей» составлял несколько лет. Второе, дополненное издание книги было осуществлено И.И. Казасом в 1896 г. и предназначалось прежде всего для воспитанников АҚДУ.

Учебные пособия И.И. Казаса получили положительные отзывы рецензентов, и МНП рекомендовало их к использованию в учебном процессе в крымско-татарских и караимских народных школах. Так, с весны 1879 г. первую часть «Краткого практического учебника русского языка, составленного для татарских народных школ Таврической губернии» ввели для преподавания в СТУШ, а с октября 1879 г. уже и вторая часть книги применялась в учебном процессе школы². Учебные пособия, подготовленные И.И. Казасом, служили ценным дидактическим и методическим материалом для преподавателей народных школ в обучении детей крымских татар и караимов русскому языку. В библиотеке каждого РТМУ и РКМУ Таврической губернии можно было найти достаточное количество книг просветителя. Кроме того, в учебном процессе крымско-татарских школ активно применялся «Русско-татарский букварь для чтения в первоначальных народных школах Таврической губернии» (1873) крымско-татарского педагога А.С. Боданинского³. Помимо этих книг, в РТМУ использовались и такие учебные пособия: по русскому языку – «Букварь» и «Русская речь» М.И. Вольпера (для учащихся «инородческих» школ), «Букварь» Л. Григорьева, «Русская азбука» К. Шельцеля и И. Непокойчицкого, «Русское слово» и «Сборник статей образцовых русских писателей для классного и домашнего чтения» Л. Григорьева и Б. Оленина, «Книга для чтения» И.И. Паульсона; по арифметике – «Сборник задач» А. Гольденберга и «Сборник арифметических задач» В.А. Евтушевского и др.⁴

1 ноября 1881 г. И.И. Казас был назначен на должность инспектора СТУШ. Одним из первых его шагов на этом посту стала работа по увеличению и систематизации библиотечного каталога школы. Например, инспектор предложил каждому преподавателю составить список изданий, которые могли бы быть полезны ученикам для лучшего усвоения учебного материала. При этом каждому учителю вменялось в обязанность требовать от воспитанников отчёт о прочитанных ими книгах. По инициативе И.И. Казаса библиотеку школы разделили на три отделения – для старшего (3–4-й класс), среднего (1–2-й класс) и младшего (третье отделение «приготовительного» класса) ученического контингента⁵. Внеклассное чтение для учеников первого и второго отделений «приготовительного» класса не назначалось⁶. Попечитель Одесского учебного округа (ОдУО) Х.П. Сольский в 1894 г. специальным распоряжением ввёл проверку преподавателями СТУШ материала, прочитанного

¹ Смирнов В.Д. Несколько слов об учебниках русского языка для татарских народных школ // Журнал Министерства народного просвещения. 1877. Ч. 189, отд. 4. С. 2.

² РГИА. Ф. 733. Оп. 202. Д. 602. Л. 1; ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 158. Л. 25.

³ ГАРК. Ф. 100. Оп. 1. Д. 1796. Л. 189, 549, 565, 557 об., 559 об.; Д. 1870. Л. 96, 327, 329.

⁴ Сборник по школьной статистике: Школьные помещения. Учебные столы. Учебные пособия и книги. Симферополь, 1905. Вып. 2. С. 80.

⁵ ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 373. Л. 1.

⁶ Там же. Д. 359. Л. 12.

учениками (еженедельно для этого должен был выделяться один час), а также предлагал вести записи книг, выдававшихся воспитанникам из библиотек¹.

В результате предпринятых инспектором СТУШ мер, а также благодаря финансовой поддержке почётных попечителей школы (М. Карашайского, И. Муфтий-заде) ситуацию удалось исправить. В 1894 г. библиотека, состоявшая уже из трёх отделов (фундаментального, ученического и отдела учебников) и увеличившаяся почти в три раза, насчитывала 1335 названий (3898 томов)².

В этой связи представляет интерес перечень учебников и книг, по которым занимались воспитанники школы. В «приготовительном» классе использовались вышеупомянутые учебники И.И. Казаса, пособие К.Д. Ушинского «Детский мир», учебники арифметики В.А. Евтушевского и А.Ф. Малинина. В «нормальных классах» обучение проходило по следующим пособиям: для уроков по русскому языку использовались хрестоматии А.Г. Филонова и А.Д. Галахова, «Басни» И.А. Крылова, произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, И.А. Гончарова; в библиотеке школы имелось также полное собрание сочинений Л.Н. Толстого. Историю ученики СТУШ проходили по учебникам Д.И. Иловайского («Сокращённое руководство по всеобщей и русской истории», «Краткие очерки русской истории») и С.Н. Шубинского («Исторические очерки и рассказы»), а также по сочинениям Н.М. Карамзина, Е.И. Забелина («Домашний быт русского народа в XVI и XVII столетии», в двух томах) А.Г. Брикнера, Э. Гиббона («История разрушения и упадка Римской империи»), Ф.Х. Шлоссера («Всеобщая история»; в шести томах) и Ж.-Ф. Мишо («История крестовых походов»). Использовались также «Очерки Крыма» Е.Л. Маркова. География и естественная история были представлены «Физикой ежедневных явлений» К.Д. Краевича, «Кратким курсом естественной истории» В.А. Ярошевского, «Кратким руководством по методическому изучению естественной истории» немецкого педагога А. Любена, а также учебниками К.И. Смирнова, А. Игнатовича и А.А. Ильина. Педагогику и дидактику изучали по пособиям Д.И. Тихомирова («Курс педагогики, дидактики и методики»), Н.Ф. Бунакова («Школьное дело») и Рощина («Очерки педагогики, дидактики и методики»). «Мусульманское вероучение» преподавалось по Корану; кроме того, учителями использовались такие книги, как «Ильм'у-халь» («Мухтасар ильми-халь»), «Истивани», «Халеби» («Халеби-уль-Кабир», известная книга по фикху мазхаба Ханафи имама Ибрахима), «Шара-Итуль-Иман», «Инша», «Эфтиек», «Мухаммадие» и «Тедживит», «Хатиб ота китаби» и др.³

Среди остальных книг библиотеки также следует назвать известные произведения классиков российской и зарубежной литературы Ф.М. Достоевского, Ж. Верна, М. Твена; в каталоге даже присутствовала книга «Идеалы нашего времени» австрийского писателя Л. Захер-Мазоха. Очевидно, что многие из вышеперечисленных изданий (в частности, по истории и русскому языку) были приобретены по предложению самого И.И. Казаса, который стремился расширить кругозор учащихся. Следует также дополнить, что книги и учебники для СТУШ покупались в магазине известного симферопольского купца, караима С.Б. Синани, а наглядные пособия заказывались в Москве, в магазине Брокмана⁴. Кроме учебной и художественной литературы, фундаментальный и ученический каталоги пополнялись специальной литературой. Так, первый инспектор СТУШ З.И. Тахтаров в 70-х гг. XIX в. на свои собственные средства приобрёл и передал школе «Немецкую педагогическую энциклопедию» К. Шмидта. А в 1888 г. школой были приобретены «Настольный словарь для справок по всем отраслям знания (справочный энциклопедический лексикон)» Ф.Г. Толля и «Объяснительный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, с указанием их корней» А.Д. Михельсона⁵. Помимо всего прочего, руководство СТУШ выписывало и периодические печатные издания. Так, например, в обязательном порядке в библиотеку школы поступали «Журналы министерства народного просвещения», «Циркуляры по управлению ОдУО», «Исторический вестник», «Русский архив», «Русский вестник», «Гимназия»; детские журналы «Родник» и «Листок воспитания и

¹ ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 359. Л. 12 об.

² Прохоров Д.А. И.И. Казас – инспектор Симферопольской татарской учительской школы // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 2003. Вып. 10. С. 606.

³ ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 11. Л. 25; Д. 158. Л. 67; Д. 169. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 359. Л. 13, 15.

⁵ Там же. Д. 289. Л. 38 об.

обучения» и даже журнал «Плодоводство»¹.

Несмотря на то, что библиотечный каталог постоянно пополнялся новыми книгами и журналами, И.И. Казас в одном из своих отчётов, направленных Х.П. Сольскому, с сожалением замечал, что ознакомление учащихся с мировым литературным наследием проходит пока не на должном уровне. «Хоть они и читают в свободное время, – писал инспектор о воспитанниках СТУШ, – но любимое их чтение составляют сказки и повести, и вообще такие литературные произведения, которые могут занять их воображение замысловатой фабулой»². Инспектор сетовал, что многие учащиеся читают «по верхам», не углубляясь в смысл прочитанного, и даже не всегда ясно понимают, что именно они читают. По мнению И.И. Казаса, главной причиной этому было то, что дети поступали в СТУШ уже довольно возрастными, 12–14-и лет, и, как следствие, вся их жизнь до обучения в школе проходила в «малообразованной и малокультурной среде, в бедности», и поэтому воспитанникам довольно сложно было ликвидировать упущенное³.

Для повышения уровня квалификации учителей РТМУ при СТУШ с конца 1870-х гг. ежегодно проводились педагогические курсы. Основной их целью стало усовершенствование званий учителей по такой дисциплине, как русский язык. Директор НУТГ А.Н. Дьяконов в 1886 г. рекомендовал преподавателям СТУШ, занятых на педагогических курсах в школе, больше внимания уделять вопросам, связанным с методикой и дидактикой преподавания предметов в условиях «инородческой» школы. Особенно важную роль в этом должна была играть учебно-методическая литература. По плану, составленному И.И. Казасом в 1887 г., программа курсов должна была состоять из занятий по педагогике и дидактике (20 уроков; с использованием пособия Д.И. Тихомирова), краткого курса по арифметике (4 урока), 28 занятий по русскому языку (14 уроков были посвящены прохождению с курсантами классических произведений русских писателей – В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, и 14 уроков – изучению синтаксиса и написанию сочинений на лёгкие темы), 6 наглядных уроков по русскому языку, проведённых преподавателями СТУШ, и пробных уроков самих курсантов⁴. Однако попечитель ОдуО в отзыве на план И.И. Казаса отметил, что тот сложен для курсантов и не соответствует целям и задачам, установленным «Правилами о проведении педагогических курсов», принятыми в 1877 г. Поэтому основными требованиями к проводившимся при СТУШ курсам, сформулированными учебным начальством, стали: 1) более частое упражнение крымско-татарских учителей в чтении на русском языке, письменном и устном изложении прочитанного и грамматическом разборе; 2) написание сочинений на русском языке на простые темы (поскольку, например, пьесу Н.В. Гоголя «Ревизор» попечитель посчитал слишком сложным для курсантов); 3) методические занятия с учителями; 4) уроки, проводимые участниками курсов, должны были быть основательно подготовлены по конкретно взятой теме, при этом особое внимание попечитель просил обратить на чтение и письмо; 5) свободное время курсанты должны были посвящать ознакомительным занятиям по дидактике⁵.

Основной акцент во время проведения курсов был сделан на усовершенствовании познаний учителей в русском языке, на изучение которого отводилось 10 часов. В качестве учебного материала было решено использовать произведения М.Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»), Н.В. Гоголя («Старосветские помещики», «Страшная месть» и «Мертвые души»), А.П. Бенитцкого («Бедуин»), С.Т. Аксакова (рассказ «Добрый день Степана Михайловича» из «Семейных хроник»), И.А. Гончарова («Сон Обломова»), Л.Н. Толстого («Отрочество»), А.С. Пушкина (поэма «Полтава») и др. Басни И.А. Крылова предполагалось использовать для чтения, логического и грамматического разбора – на это отводилось 12 уроков. Кроме того, курсанты должны были написать не менее пяти сочинений на простые темы, и дать несколько пробных уроков по русскому языку и арифметике (с 1889 г. образцы этих сочинений – «лучших, средних и слабых» – вместе с протоколами обсуждений пробных уроков и отчётом о прошедших курсах отсылались инспектором СТУШ попечителю ОдуО). Дидактика преподавалась по пособиям С.И. Миропольского («Народная школа по идеям Коменского», «План и

¹ ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 289. Л. 9.

² Там же. Д. 169. Л. 14–15.

³ Там же.

⁴ Там же. Д. 238. Л. 19 и об.

⁵ Там же. Д. 261. Л. 8, 17.

основы жизни народной школы», «Учебник дидактики» и др.) и Н.Ф. Бунакова («Школьное дело»)¹. Ещё одно новшество ввели в конце 1880-х гг. – каждый учитель РТМУ, выезжая на курсы, обязан был взять с собой методические пособия («Курс дидактики» К.В. Ельницкого и «Методику арифметики» В.А. Евтушевского). Такое условие было выдвинуто учителям по инициативе И.И. Казаса, обратившегося к А.Н. Дьяконову с просьбой о введении дополнительных мер по улучшению методической работы с курсантами². В 1889 г. на состоявшихся в СТУШ педагогических курсах И.И. Казас лично дал 12 уроков дидактики с использованием пособия К.В. Ельницкого и 5 уроков по начальному обучению русскому языку и грамоте³. Помимо этого, им также проводились с курсантами письменные упражнения, изложения и сочинения⁴.

Что касается РКМУ и АҚДУ, то для прохождения курса таких общеобразовательных дисциплин, как русский язык, арифметика, география, физика, история и немецкий язык, учителя применяли следующие пособия: «Этимология русского языка для младших классов гимназии (применительно к правописанию)» А.И. Кирпичникова и Ф. Гилярова, «Элементарный синтаксис» П.В. Смирновского, учебники по истории Древнего мира, Средних веков и Нового времени Д.И. Иловайского, «Систематический курс арифметики» А. Киселёва, «Учебник всеобщей географии» А. Ильина, «Учебник немецкого языка» А. Оллендорфа, «Элементарная логика, руководство для преподавания и самообучения» Г.Е. Струве, «Курс физики для женских учебных заведений» А.Ф. Малинина, и пр.

Среди литературы, использовавшейся для преподавания богословских предметов в АҚДУ и РКМУ, следует назвать такие традиционные для мидрашей (караимских школ начального уровня) произведения средневековых караимских философов и мыслителей, как «га-Мивгар» («Отбор») – комментарий к Пятикнижию автора XIII в. Аарона I бен-Иосифа га-Рофе; «Аддерет Элиягу» («Плащ Илии») – «объяснение Моисеевых законов и ритуалов» караимского учёного XV в. Элиягу Башьячи, а также сочинение Исаака бен Шеломо под заглавием «Иггерет Пиннат Йикрат» («Драгоценная основа»), посвящённое догматическому богословию. И.И. Казас заботился и о том, чтобы воспитанники АҚДУ получили возможность ознакомиться с лучшими произведениями современной мировой теологической литературы. С этой целью им были переведены на древнееврейский язык и издано несколько работ богословского характера, принадлежавших перу известных западноевропейских учёных. Эти книги дополняли программы преподавания курса этики и философии в АҚДУ⁵.

Деятели народного образования Таврической губернии, представители прогрессивной общественности, педагоги и меценаты планомерно обеспечивали крымско-татарские и караимские школы учебной, методической и художественной литературой. В результате предпринятых ими усилий библиотеки учебных заведений пополнялись значительным числом книг и учебников. Составление современных, с учётом национальных и конфессиональных требований учебников для учащейся крымско-татарской и караимской молодёжи позитивно повлияло на процесс вхождения крымских татар и караимов в российский социум в XIX – начале XX в., способствовало их динамичной интеграции в российское языковое и культурное пространство. Сегодня, в год 150-летнего юбилея со дня основания Симферопольской татарской учительской школы, восстановление исторической памяти и научная реконструкция прошлого крымско-татарского и караимского народов приобретает особенное значение.

© Д.А. Прохоров, 2022

¹ ГАРК. Ф. 111. Оп. 1. Д. 206. Л. 23.

² Там же. Д. 291. Л. 5.

³ Там же. Д. 304. Л. 2 об.

⁴ Прохоров Д.А. «На обязанности их лежит приготовление сведущих и знающих учителей для училищ в татарских селениях»: К 135-летию Симферопольской татарской учительской школы // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 21. С. 133–163.

⁵ ГАРК. Ф. 450. Оп. 1. Д. 81. Л. 33.

УДК 94(420.22)“18/19”

**СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ В ГОРОДАХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ:
ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ
В XIX – НАЧАЛЕ XX в.**

М.В. Пулькин

(ИЯЛИ КарНЦ РАН, ПетрГУ, Петрозаводск)

Разнообразные социально-психологические проблемы «рождения тюрьмы» и функционирования пенитенциарной системы в контексте становления западной цивилизации рассматривались всемирно известными учеными¹. Отдельные существенные аспекты функционирования мест заключения вполне объективно и со знанием дела изучались современниками событий². Российскими учеными-юристами создана общая картина существования отечественной системы исполнения наказаний и выявлены ее основные черты в различные исторические эпохи³. В целом на сегодняшний день тюремная проблематика относится к числу слабо развитых направлений исследований истории государственных органов. *Задача данной статьи заключается в выявлении наиболее существенных черт функционирования имперской пенитенциарной системы в провинции с опорой преимущественно на данные из Олонецкой губернии.*

В делопроизводстве XVIII–начала XIX в. имеются лишь отрывочные упоминания о петрозаводской и олонецкой тюрьмах. Олонецкий исправник сообщал в 1802 г. губернскому правлению, что во вверенном его попечению городе исстари имеется «тюремная изба», построенная «в давних годах» и состоящая из трех отделений: для «содержания важных колодников», «для женского пола и по неважным делам» и «солдатская караульня»⁴. Отрывочные данные показывают, что в начале XIX столетия в местах лишения свободы сохранялись патриархальные порядки. В 1802 г. Олонецкая палата уголовного суда рассматривала дело о бегстве из тюрьмы. В ходе расследования выяснилось, что заключенного по небрежности отпустил «для приискания порук» один из охранявших его унтер-офицеров, но представители судебной власти нашли иной, реальный и вполне предсказуемый аспект проблемы. Они распорядились, чтобы охраняющий арестантов страж порядка, «находясь в карауле и будучи посланным конвоем, наблюдал бы по должности своей пост исправно и не вдавался бы в пьянство». Именно этот распространенный порок стал причиной, из-за которой «последовало и упущение того арестанта»⁵. В 1838 г. олонецкий уездный суд рассматривал дело о бегстве из-под стражи двух заключенных. Выяснилось, что один из них запросто послал охранника купить спиртное. После доставки напитков арестанты «с караульными солдатами и унтер-офицером пили», «сделались пьяны», что существенно облегчило арестантам обретение свободы⁶.

В начале 1880-х гг. в России насчитывалось 7672 места заключения⁷. В Олонецкой губернии в тюремном деле происходили количественные и качественные изменения. В статье, посвященной постройке в губернском городе нового «тюремного замка», говорилось о прогрессе в этой важной сфере деятельности полиции. Прежде настоящий «тюремный замок» в городе отсутствовал, заключенные находились в двух флигелях наспех переоборудованного здания. Новая тюрьма

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., 1999.

² Чунихин В. О кадрах тюремных служащих // Тюремный вестник. 1903. № 2. С. 189–194.

³ Дементьев С.И. Классификация заключенных в тюремных учреждениях: опыт дореволюционной России // Общество и право. 2012. № 2 (39). С. 312–319; Копытов Ю.Г. Тюрьма как социальный институт // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 1. С. 62–64; Тихомиров Е.В. Участие православного духовенства в деятельности Общества попечительного о тюрьмах в Вологодской губернии // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 13. С. 81–85; Шебалков С.В. Тюрьма в России в конце XIX–начале XX века и ее исправительное значение // Ученые записки Казанского университета. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 111–120.

⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 655. Оп. 1. Д. 40/341. Л. 151.

⁵ Там же. Д. 2/36. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 3, об.

⁷ Ефремова Н.Н. Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 годы (Историко-правовое исследование). М., 1983. С. 56.

оказалась значительно более комфортной для заключенных и удобной для исполнения обязанностей надзирателями. Выстроенная в расчете на 30 арестантов, она при необходимости могла вместить сотню заключенных. Здание обустроили таким образом, что в нем оказалось вполне возможно размещать как большие группы арестантов, так и одиночных заключенных. «При отделке дома обращено особенное внимание на устройство хорошего отопления и приняты меры против сырости»¹.

По состоянию на 1884 г. в Олонецкой губернии имелось пять тюрем. Кроме губернского города места лишения свободы располагались во всех уездных городах за исключением Пудожа и Повенца, где «вследствие незначительного числа арестантов» тюрьмы упразднены. Наиболее значительным во всей губернской пенитенциарной системе оставалось здание Петрозаводской тюрьмы. Оно находится в хорошем состоянии, «ремонтное исправление делается постепенно». Здесь же имеется карцер – особое тюремное отделение «для содержания арестантов, приговариваемых к временному заключению за разные проступки»². В Каргополе тюремное здание наспех переоборудовано из упраздненного винного склада. В городах Олонце, Лодейном Поле и Вытегре «здания тюрем деревянные, одноэтажные, построенные в 1850-х гг.». Судя по обзору Олонецкой губернии за 1892 г., вытегорская тюрьма «тесна и требует расширения»³.

Аналогичные сведения сохранились о состоянии олонечской тюрьмы. Как указывал в отчете местный городничий, тюрьма помещается «в общественном деревянном здании». Она явно «ветха и крайне тесна, а потому и признается необходимым устроить новую»⁴. В сходном состоянии оставалась пудожская тюрьма. Судя по отчету городничего, она помещается «в частном здании по найму». Местная тюрьма «как по ветхости, так и по расположению внутренних комнат совершенно не удобна и опасна». Губернское начальство предполагает в ближайшее время обеспечить «устройство нового здания»⁵. О повенецкой тюрьме имеются аналогичные нелестные характеристики. Она размещается в общественном деревянном доме, который «в ветхом и неудобном положении»⁶. Серьезные проблемы имелись и в тюрьме, расположенной в губернском городе. Судя по отчету за 1893 г., в ней недавно появилось женское отделение, приспособленное для одновременного размещения семи арестанток. «Теснота женского отделения, помимо вреда для здоровья заключенных, вызывала, в видах правильного размещения по возрасту и роду преступлений, необходимость перемещения срочных арестанток в другие тюрьмы губернии»⁷.

Численность арестантов во всех городах губернии оставалась стабильной. В губернских тюрьмах, по данным за 1897, 1898 и 1899 гг., содержалось: в петрозаводской тюрьме 43 человека, в олонечкой – 15, в лодейнопольской – 14, в вытегорской – 28, в каргопольской – 27 арестантов⁸. Согласно представлениям, существующим в Российской империи в изучаемый период, возвращение заключенных к нормальной жизни становилось возможным благодаря «постоянному надзору», размещению их в камерах «по роду преступлений и обвинений». Тюремное начальство занималось «наставлением их в правила христианского благочестия и доброй нравственности»⁹. Предметом особого внимания полиции, помимо статистики, стало поведение заключенных, которое стабильно характеризовалось тюремным начальством как вполне удовлетворительное. В отчете подчеркивалось, что заключенные «с заметным вниманием относились к назиданиям и увещаниям духовенства»¹⁰. Существенным изменением, призванным улучшить психологическое самочувствие арестованных, стало появление православных церквей при петрозаводской, вытегорской и лодейнопольской тюрьмах. Местные священники регулярно произносили проповеди, делали

¹ О новом тюремном замке в городе Петрозаводске // Олонецкие губернские ведомости. 1862. № 50. С. 133–134.

² НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 4–6.

³ Обзор Олонецкой губернии за 1892 год. Петрозаводск, 1893. С. 41.

⁴ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13/23. Л. 51–52.

⁵ Там же. Л. 278–280.

⁶ Там же. Л. 276–277.

⁷ Обзор Олонецкой губернии за 1894 год. Петрозаводск, 1895. С. 38.

⁸ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 68/1659. Л. 46–49.

⁹ Свод учреждений и уставов о содержащихся под стражей. Изд. 1890 г. // Свод законов Российской империи : в 16 т. СПб., 1912. Т. 14. С. 150.

¹⁰ Обзор Олонецкой губернии за 1892 год. Петрозаводск, 1893. С. 41.

«частные наставления и увещания» осужденных¹. Полноценные церкви, судя по данным за 1894 г., имелись при петрозаводской, вытегорской и лодейнопольской тюрьмах. «При прочих тюрьмах богослужение отправляется в камерах, имеющих значение часовен»². Как видно из обзора губернии за 1905 г., при тюремной церкви в Вытегре силами осужденных организован «отдельный певческий хор из любителей»³.

В начале XX в. источники фиксируют быстрый рост благосостояния тюремных храмов. Как указывалось в обзоре губернии за 1903 г., церкви при тюрьмах в Петрозаводске, Лодейном Поле и Вытегре содержались «в примерном порядке и должном благолепии»⁴. Для «нравственного исправления» арестантов активно использовались различные средства, «закрывающиеся в богослужении в тюремных церквях, где они имеются», а также в часовнях-камерах. С целью церковного просвещения арестантов силами местного духовенства устраивались религиозно-нравственные чтения. В петрозаводской и вытегорской тюрьмах во время чтений использовались «туманные картины», создаваемые при помощи «волшебного фонаря». Еще одним средством благоприятного воздействия на заключенных стало самостоятельное чтение книг духовного содержания. Христианская литература выдавалась осужденным из имеющихся при всех тюрьмах библиотек⁵. О телесном благополучии арестованных заботился персонал больниц. Петрозаводская тюрьма располагала больницей на пять кроватей. При вытегорской тюрьме существовал «приемный покой для больных, не требующих особого ухода»⁶. Судя по отчету за 1903 г., в серьезных случаях нуждающиеся в медицинской помощи заключенные отправлялись в земские больницы⁷. Важным элементом повседневного обихода арестантов в конце XIX в. стало обязательное привлечение их к труду на благо общества. Тюремные власти Российской империи в конце XIX в. особое внимание уделяли обеспечению заключенных общественно полезной работой. Циркуляр Главного тюремного управления Министерства юстиции от 1895 г. определял, что труд «благотворно влияет на физическое состояние арестантов». Не менее важна и другая сторона проблемы: посильный труд заключенных «в значительной степени служит увеличению средств тюрем»⁸. Объем работ, выполняемых местными заключенными, постоянно увеличивался. Их труд «вне тюремной ограды» заключался «в сенокосе, жатве хлеба, распиловке бревен и дров, плотничьих работах, нагрузке и выгрузке барок, обработке тюремных огородов, земляных работах и в очистке улиц в городах». Имелся обширный список внутренних работ. Они состояли в шитье одежды, белья и обуви для нужд тюрем губернии, плетении рыболовных сетей, мочальных лаптей, ковриков и кульков для провизии⁹.

Составители обзоров Олонецкой губернии сочли необходимым особенно подчеркнуть значение работ, к которым привлекались заключенные, для их перевоспитания и успешной социальной адаптации после отбывания сроков заключения. Указывалось, что регулярные тюремные работы благотворно действуют на «нравственную сторону заключенных». Они «в общем вели себя хорошо», беспрекословно исполняли приказания начальства. Признаком грядущего исправления лиц, лишенных свободы, стало участие в церковной жизни. Осужденные «со вниманием выслушивали духовно-нравственные назидания духовенства». Многие арестанты приучаются здесь к различным ремеслам. После освобождения из тюрьмы они успешно адаптируются к жизни на свободе: открывая мастерские, «содержат рабочих и честным трудом приобретают себе средства жизни»¹⁰. По состоянию на август 1891 г., как указывал в своем рапорте в адрес каргопольского исправника начальник местной тюрьмы, «по заведенному раз навсегда порядку» для арестантов

¹ Обзор Олонецкой губернии за 1892 год. Петрозаводск, 1893. С. 48.

² Обзор Олонецкой губернии за 1894 год. Петрозаводск, 1895. С. 38.

³ Обзор Олонецкой губернии за 1905 год. Петрозаводск, 1906. С. 37.

⁴ Обзор Олонецкой губернии за 1903 год. Петрозаводск, 1904. С. 55.

⁵ Обзор Олонецкой губернии за 1905 год. Петрозаводск, 1906. С. 56.

⁶ Обзор Олонецкой губернии за 1893 год. Петрозаводск, 1894. С. 57.

⁷ Обзор Олонецкой губернии за 1903 год. Петрозаводск, 1904. С. 55.

⁸ Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879–1910 гг. В 2 ч. Ч. 1. 1879–1895. СПб., 1911. С. 27; Остапенко П.И. Проблемы использования труда осужденных в тюрьмах Кубанской области 2-й половины XIX в. // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 1 (6). С. 258–259.

⁹ Обзор Олонецкой губернии за 1894 год. Петрозаводск, 1895. С. 38.

¹⁰ Там же. С. 41.

организованы регулярные «внешние частные работы». Осужденные, отправляясь на работу в летнее время в 6 часов утра, обыкновенно возвращаются в тюрьму обедать в 11 часов дня, а ужинать идут в 6 часов вечера¹. Судя по обзору губернии за 1903 г., арестанты выводились на очистку улиц и садов, пиловку дров, кошение сена, а также на «земельные работы»². По данным на 1914 г., во всех тюрьмах губернии местное начальство успешно организовало «правильный арестантский труд». Своеобразные артели заключенных организовывались для выполнения за определенную плату «частных работ и заказов как внутри тюрьмы, так и вне ее»³.

В целом имеющиеся данные показывают, что в начале XX в. положение дел в тюремной сфере существенно не изменилось. Новшеством стал лишь рост числа заключенных. В 1902 г. в тюрьмах и арестантских помещениях губернии в разное время содержалось 1210 человек (1030 мужчин и 180 женщин)⁴. В течение 1914 г. в тюрьмах содержались 2106 заключенных (2051 мужчина и 55 женщин)⁵. Во всех остальных сферах деятельности пенитенциарной системы особых трансформаций не происходило. Как указывалось в отчете о состоянии Олонецкой губернии за 1914 г., «тюремные здания, специально оборудованные для этой категории мест заключения», имеются только в пяти городах губернии: в Петрозаводске, Олонце, Лодейном Поле и Каргополе. В городах Пудожье и Повенце «подследственные и пересыльные арестанты содержатся временно до их осуждения или дальнейшей отсылки в арестных помещениях при местных полицейских управлениях»⁶. Новые условия, возникшие в начале XX в., обострение социальных противоречий в стране самым заметным образом влияли на тюремный быт.

В период революционных потрясений разрушение пенитенциарной системы, сложившейся в имперский период российской истории, шло быстрыми темпами. Деструктивный процесс подстегивался циркулярами, поступающими от нового начальника главного тюремного управления с марта 1917 г. Как указывалось в одном из документов, теперь «главная задача наказания – перевоспитание человека», а не жестокое возмездие за совершенные им преступления. По мнению нового руководства, вина осужденных в совершении противоправных деяний минимальна. Ведь они «имели несчастье впасть в преступление» в силу особенностей своего характера или неблагоприятно сложившихся внешних обстоятельств. По этой причине «личное достоинство человека, ставшего гражданином, должно быть признаваемо и в отношении того, кто лишен свободы». Отсюда проистекали серьезные кадровые решения. Имеющийся в настоящее время тюремный персонал воспитан в атмосфере «бесправия и неуважения к человеческой личности»⁷.

С одной стороны, прежние служащие должны быть признаны «в общем мало пригодными для осуществления тех задач внутреннего тюремного переустройства, которые настоятельно выдвигаются условиями обновленного государственного строя и свободной общественной жизни». С другой стороны, «для занятия должностей по управлению местами заключения должна требоваться, подобно тому, как и во всякой деятельности, специальная подготовка». Ею «нынешний тюремный персонал почти не обладает». Актуальной задачей новой власти становится подготовка кадров для тюремной системы и забота о судьбах лиц, освободившихся из мест заключения. «Тюремное воспитание», даже хорошо организованное, «само по себе не может надлежащим образом выполнить своей задачи, если не будет принято никаких мер попечения о дальнейшей судьбе лиц, отбывших наказание». Индивид, освобожденный из тюрьмы, но не адаптированный в изменившемся обществе, может «сразу опуститься и погибнуть». Столь печальный финал процесса исправления произойдет и в том случае, если бывшему заключенному «не будет оказана своевременная поддержка в той или иной форме»⁸.

---

¹ НА РК. Ф. 2. Оп. 4. Д. 27/483. Л. 6, об.

² Обзор Олонецкой губернии за 1903 год. Петрозаводск, 1904. С. 56.

³ Обзор Олонецкой губернии за 1914 год. Петрозаводск, 1915. С. 51.

⁴ Обзор Олонецкой губернии за 1902 г. Петрозаводск, 1903. С. 50.

⁵ Обзор Олонецкой губернии за 1914 год. Петрозаводск, 1915. С. 34.

⁶ Там же. С. 48.

⁷ НА РК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 109/2958. Л. 11.

⁸ Там же. Л. 12.

Итак, основной тенденцией в развитии пенитенциарной системы в Олонецкой губернии стало формирование системы тюрем, действующих на основании имперского законодательства. Характерными чертами их повседневной жизни стало широкое привлечение осужденных к труду на благо общества, который расценивался и как средство перевоспитания, и как дополнительная предпосылка ускоренной социальной адаптации после отбывания срока тюремного заключения.

© М.В. Пулькин, 2022

УДК 1:316

**ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ:
ДУХОФОРМИРУЮЩИЙ И КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ**

З.Я. Рахматуллина
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

В настоящее время в силу ряда объективных причин и субъективных факторов гуманитарный подход становится одним из наиболее перспективных при изучении общества и происходящих в нем процессов. Данный дискурс дает системный взгляд на мир человека, его духа и души, на жизнь общества, его главную движущую силу, мобилизационный ресурс и конечный продукт – личность, позволяет комплексно и через гуманистическую призму оценивать различные стороны (в том числе экологические, научно-технические и инновационно-технологические) социальной жизни. Именно недооценка в новейшей отечественной истории «человеческого, слишком человеческого» в индивиде и обществе, духовного начала, единства добра, истины и красоты как смысловой основы качественного развития общества «с человеческим лицом», гипертрофия технократического подхода и соответствующая политика явились, на наш взгляд, одной из серьезных причин актуализации проблемы бездуховности (особенно подрастающего поколения) в современном российском обществе. Необходимость формирования сегодня не только в современном человеке, но и в мире духовной культуры, культуры мысли, чувств, поведения и общения, культивирование особого рода межличностных и межгосударственных отношений, основанных на «золотом правиле нравственности» и «категорическом императиве» И. Канта, – очевидная социальная потребность.

21 век вошел в планетарную историю как время глобализирующегося и постиндустриального противоречивого мира, обострившего гуманитарные, экологические, геополитические, миграционные, культурные и др. проблемы, поставив человечество на грань антропологической катастрофы. Это время стало настоящим испытанием для человека и его мироощущения, объединив в своей мозаичной палитре зачастую несовместимые явления и разрушительные социальные факты: расцвет интеллектуального разброда, лженауки и паранауки как антитезы научно-техническому прогрессу, распространение диковинных форм неоязычества и сатанизма, антикультуры, духовного вандализма, терроризма и др. Стремительно распространяется смертельно опасная пандемия, против которой нужно бороться вместе, «всем миром», но которая зачастую становится предметом политических игр и идеологических спекуляций в условиях нарастания санкционного давления на Российское государство. Откровенный геноцид, нарушение прав целых народов, культивирование идеологии и практики «цветных революций», рост военных столкновений и конфликтов и др. наглядно демонстрируют то, что среда обитания современного человека все же не «мастерская, и человек в ней работник», а храм, пребывание в котором требует и личностной, и социальной, и государственной, и планетарной ответственности. Более того, современная ситуация поставила под сомнение всемогущество и безграничные возможности современного человека эпохи многовариативного постмодернизма с его многообразием ценностей и нравственного выбора, эклектикой мировоззренческих идей, веры, жизненных позиций и

поведения¹. Распространение антиэтизма, антиэстетизма, нравственного нигилизма и равнодушия «умножает» в межгосударственных, межнациональных, межличностных отношениях (даже в сфере взаимодействия человека с окружающей средой) бездуховность, моральное и социальное зло, безобразное, разрушительное, более того, оборачивается в жизни новыми вызовами, на которые все труднее и труднее находить конструктивные и результативные решения. Как известно, ещё в конце 80-ых годов прошлого века основоположник школы моральной философии в Башкортостане известный ученый Д.Ж. Валеев предупреждал, что цивилизация может сгореть не только в термоядерном пожаре, погибнуть от экологического бедствия, но и «самоуничтожиться» от морального кризиса в результате эскалации недоверия между странами, народами и людьми, в результате отсутствия уважения друг к другу между представителями разных культур, в результате иссякания запаса доброты и возрастания жестокости².

Последние годы в новейшей истории России стали временем осмысления и осознания жизненно важного и судьбоносного значения гуманистического и гуманизирующего фактора в жизни государства и индивида как «духовной скрепы», консолидирующей страну в условиях противоречивой геополитической ситуации и внутренних проблем, как механизма формирования общенационального патриотизма и гражданственности, воспитания гуманистически ориентированной, духовно развитой, эстетически и художественно просвещенной, высоконравственной личности в современном российском обществе. К сожалению, долгие годы «европейничанья» (Н. Данилевский), универсализации и вестернизации отечественной культуры разрушали традиционные ценности и веру, целенаправленная проекция на отечественную социокультуру идей и смыслов «фаустовской культуры» и агрессивное наступление так называемых «новых религиозных движений», представляющих собой инварианты квазирелигий и несущих реальную угрозу прежде всего для подрастающих поколений, обусловили падение нравственности (и личностной, и общественной). Рост кризисных явлений в моральном сознании (индивидуальном и массовом) расшатывали духовное самочувствие современного человека, теряющего в хаосе социальной и духовной «неразберихи» жизненные смыслы и ценностные ориентиры. Именно в данном контексте «Крымская весна» 2014 года, объявление «тематических» годов в жизни российского общества, имеющих духоформирующее и культуротворческое значение (2014 год – Год культуры, 2015 год – Год литературы, 2016 год – Год отечественного кино, 2017 год – Год экологии, 2018 год – Год добровольца и волонтера, 2019 год – Год театра, 2020 год – Год памяти и славы, 2021 год – Год науки и технологий, 2022 год – Год культурного наследия народов России), десятилетия Науки и технологий (2022–2032) стали событиями символического измерения. Пришло осознание того, что культура в ее общефилософском значении как культура духа, души, научного мышления современного индивида и социума защищает человека и общество от варварства, от антропологического и морального кризиса, формирует патриотизм и гражданственность, этизм, эстетизм, научную и технологическую культуру, уважение ко всему живому и к тем, кто нуждается в поддержке и защите. Бережное отношение к ценности знания, сохранение и умножение культурного наследия, более того, внимание к культуре, которая сама сегодня нуждается в защите от варваризации и на личностном, и на государственном уровне, – все это, как никогда, актуализирует востребованность современного гуманитарного знания не только в системе отечественного образования, но и в самообразовании.

Гуманитаризация воспитания и обучения – один из очевидных механизмов формирования духовного человека, гуманистически ориентированной, эстетически и художественно просвещенной, высоконравственной личности с широким мировоззренческим кругозором, активной жизненной и гражданской позицией. Целенаправленная социально-гуманитарная подготовка подрастающих поколений (семья – детский сад – профессиональные учебные заведения – самообразование) в определенной мере призвана восполнить недостаточность духоформирующего школьного обучения и прерывание традиций классического гуманитарного образования в контексте утвержденных в последние годы образовательных стандартов. Мир сегодня живет в совершенно

¹ Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. С. 156.

² Валеев Д.Ж. Об этическом мышлении и некоторых его отправных положениях // Мораль. Традиции. Воспитание. Уфа, 1987. С. 24.

ином геополитическом, социокультурном, научно-технологическом измерении, и современное отечественное образование, формирующее человека 21 века, должно отвечать совершенно иным критериям. Включение в учебные планы профессиональных учебных заведений, в том числе технических и естественно-научных направлений обучения, дисциплин социально-гуманитарного блока (философии, культурологии, этики, эстетики, культуры общения и взаимопонимания, психологии, конфликтологии, социологии, политологии, религиоведения, отечественной истории, филологии, риторики и др.) – требование времени. Многие из этих дисциплин сегодня, к сожалению, исключены из федерального компонента образовательного стандарта вузов, что отражает прежде всего процессы продолжающейся дегуманитаризации учебно-образовательного процесса. Именно эти предметы вносят свою лепту в формирование культуры чувств, мышления и поведения молодых людей, их мировоззренческого, этического, культурологического, художественно-эстетического кругозора, гражданской и жизненной позиции, обуславливают отношение к отечественной истории, к ее символам и событиям, вносят свою лепту в гуманизацию межличностных коммуникаций и др. Как известно, данные области гуманитарного знания заключают в себе очевидный педагогический потенциал для целенаправленного нравственного, патриотического, гражданского воспитания, формирования в человеке тех смыслов, которые необходимы для дальнейшего расширения и обогащения его социального, эмоционального, культурного, этического, эстетического интеллекта.

Действительно, современная динамичная жизнь требует от индивида, тем более специалистов, профессионализма, постоянного самообразования, научного креатива и нестандартных решений, технологического и проективного мышления, владения компьютерными технологиями, но высокий коэффициент интеллекта – еще не достаточный в современных условиях критерий востребованности. Сегодня имиджеологи, психологи и все те, кто занимается конструированием образа успешного и в личностном, и в профессиональном плане человека, подчеркивают актуальность в человеке, наряду с высокопрофессиональными знаниями и информированностью, социального интеллекта как способности правильно понимать поведение людей, вести себя корректно и бесконфликтно во взаимоотношениях с теми, кто рядом, уметь слушать и слышать другого, находить общий язык с ним в различных ситуациях. В то же время социальный интеллект «идет рука об руку» с эмоциональным интеллектом как своеобразным умением «разбираться» в собственной и чужой «душе», в человеческих эмоциях, обладать механизмом эмпатии, способностью понимать, разделять эмоциональное состояние тех, с кем приходится общаться (коллеги, собеседника, группы, сообщества), «вчувствоваться» в происходящее и принимать комфортные, корректные, взаимоприемлемые решения. В свою очередь, эмпатия обуславливает эмоционально-психологическое единение, коллективные настроения, единые переживания и эмоции.

В современном поликультурном и поликонфессиональном мире особую ценность приобретает и культурный интеллект как умение индивида правильно ориентироваться в ценностях и культурных смыслах иных культур, эффективно взаимодействовать и сотрудничать с их представителями. Открытые границы, динамичное развитие международного туризма, совместные предприятия с иностранными компаниями и др. актуализируют необходимость знания иностранных языков, но общение (личностное и профессиональное) с носителями других социокультурных и религиозных традиций предполагает и соответствующие культурологические знания, представления об их национальном этикете, обычаях, ментальных особенностях. Как известно, личная жизнь, тема национальной принадлежности, священность религиозных символов и веры являются в общении той сферой, на которую негласно накладывается своеобразное культурное табу во избежание недопонимания, национальной и религиозной обиды или даже драматических последствий. Негативный пример тому – ситуация с карикатурами на исламский мир французского журнала политической сатиры «Шарли Эбдо».

Очевидно, что культурный интеллект идет в одной связке с этическим. В частности, идея «Открытой науки» ЮНЕСКО (по аналогии с «Открытым обществом») в контексте цифровизации современной системы образования подчеркивает этическое измерение обозначенной проблемы, имеющей отношение прежде всего к ценностным ориентирам подрастающих поколений в условиях виртуализации коммуникаций. Цель данной глобальной инициативы – обсудить долгосрочную

Концепцию в сфере образования на период до 2050 года и разработать Международный доклад «Будущее образования. Учиться становится» с привлечением ученых, исследователей и экспертов, представляющих образовательные традиции различных сообществ. Безусловно, цифровое общество и, соответственно, образование в современных условиях должны основываться на этизме. Современная жизнь демонстрирует судьбоносную аксиому: интеллектуализм без этизма, ум без добродетелей, духа и души, знания, не одухотворенные высшими моральными ценностями и ответственностью, мировоззренческий кругозор, не преломляющийся через гуманизм, экологизм, патриотизм и гражданственность, могут стать разъединяющим и разрушительным, а не консолидирующим и созидающим началом. Именно поэтому сегодня как никогда актуализируются слова отечественного ученого Д. Менделеева, что «знания без воспитания – меч в руках сумасшедшего». Человек 21 века «силен» не только интеллектуальными возможностями и научно-техническим величием, но и нравственной состоятельностью и социальной ответственностью¹. В данном контексте этизм, безусловно, идет в одной неразрывной связке с экологическим интеллектом и технологическим интеллектом, особенно актуализирующимися в современных условиях.

Этизм в ценностном и смысловом плане перекликается также с эстетическим интеллектом индивида, оказавшегося сегодня один на один с мозаичностью и эклектичностью современных эстетических идеалов и художественных норм, многообразием постмодернистского художественного творчества и массового искусства с его откровенной дегуманизацией и дереализацией. Как правило, его западные и американские варианты зачастую находятся по ту сторону добра, истины и красоты и имеют огромное влияние прежде всего на современных молодых людей. Безликий универсализм моды, слепое поклонение перед зарубежными брендами, стирание граней между прекрасным и безобразным, даже низменным, антиэстетизм речи, поведения, коммуникаций и др. – это показатели низкого уровня эстетического интеллекта.

В современных условиях система отечественного образования, на наш взгляд, должна придерживаться следующих принципиальных позиций: развиваться в рамках собственных социокультурных и педагогических традиций, нацеленных на формирование патриотов и граждан своей страны, подвижников собственной национальной идеи; учитывать в современном образовательном процессе значимость традиционного образовательного опыта; противостоять антикультуре, бездуховности, ревизионистским интерпретациям и фальсификации обществоведческих, идеологических и исторических знаний, осмысливать тему глобальных проблем (антропологических, экологических, геополитических и др.), преломляя их прежде всего через актуальное этическое мышление (биоэтика, этика науки и технологий, этика цифрового общества и виртуального мира и др.). Нет сомнения в том, что роль дисциплин социально-гуманитарного блока в данных позициях системы отечественного образования на всех ее уровнях очевидна, и ее главная задача сегодня – воспитание подрастающих поколений и высокопрофессиональных, конкурентоспособных специалистов в различных сферах народного хозяйства, духовного человека, обладающего социальным, эмоциональным, культурным, эстетическим, этическим, экологическим, технологическим интеллектом. Духовный человек – это прежде всего гражданин и патриот своей родной земли, Отечества, подвижник возрождения и развития собственного народа и культуры. Главный принцип его формирования: приверженность духу своего народа, без которой можно вырастить поколение образованных интеллектуалов-грабителей, которые будут использовать свой интеллектуальный и культурный потенциал для грабежа Родины и личного обогащения, а не для ее развития и блага своего народа².

Как известно, образование и самообразование – это не только обучение, вооружение знаниями, соответствующими навыками и компетенциями, адаптирующими человека к динамичной современной жизни, миру инноваций, новейших технологий, цифры и виртуальной культуры. Образование и самообразование – это прежде всего воспитание и самовоспитание, приобщение к родной культуре, ее смыслам, к национальным ценностям и отечественной истории, знание ее

¹ Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. С. 160.

² Рахматуллина З.Я. Право на духовность: философский очерк. Уфа : Гилем, 2011. С. 13.

символов и героев, формирование патриотизма, гражданственности, личной и социальной ответственности. Начавшийся процесс «возвращения воспитания в образование» актуализировал необходимость осознания того, что учреждения образования – детский садик, школа, профессиональное учебное заведение (колледж, вуз) – это прежде всего духоформирующее пространство, а не сфера оказания услуг.

Целенаправленное культивирование духовного человека в современном российском обществе обусловлено прежде всего тем, что без патриотов и подвижников не будет сильной, единой, неделимой России, не будет конкурентоспособной экономики, инновационного и технологического прорыва, авторитета страны в мировом сообществе. В 2020 году Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации приняла законопроект о воспитании, определивший место патриотического воспитания в системе отечественного образования. Новации в закон «Об образовании», вступившие в силу 1 сентября 2020 года, внес Президент Российской Федерации В.В. Путин, который предложил расширить понятие воспитания и усилить его направленность на формирование патриотизма и гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам его героев, к закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, на культивирование бережного отношения к историческому наследию и традициям многонационального народа, к природе и окружающей среде. Более того, данный закон придает воспитанию обучающихся статус обязательной части учебно-образовательного процесса на всех его уровнях¹. Принятые Стратегия развития воспитания в Российской Федерации до 2025 года, Концепция развития дополнительного образования, Основы государственной молодежной политики также позволяют усилить культуротворческую, духоформирующую, воспитательную составляющие в образовательной и внеучебной работе, в организации дополнительного образования, в учебной и учебно-методической литературе не только по предметам гуманитарного цикла. Любой урок, семинар, лекция могут и должны способствовать становлению патриотического начала, бережного отношения к многонациональной истории, многонациональной отечественной культуре, представителям различных религиозных традиций, к литературе, родному языку, природе, к другим, кто рядом (даже если они представляют иную веру, другую культуру). Ключевая социальная и государственная задача в сложившейся геополитической ситуации – создание эффективной и гибко реагирующей на запросы современного общества системы отечественного образования (обучения и воспитания), ориентирующейся не только на ключевую образовательную парадигму «от образования качественного – к образованию конкурентоспособному», но и на культивирование, в единстве с семьей, духовной личности с общественно-значимыми ценностными ориентациями, гармонично сочетающей личное и общественное, чувство верности своему Отечеству, готовность к выполнению гражданского долга и конституционных обязанностей по защите его интересов².

Индивид – биосоциальное существо, и он всегда «возможный человек», который так и может остаться нереализованной «возможностью», если не будет работать над собой, а государство – над его полноценной социализацией: именно так рассуждали мыслители и философы разных эпох и направлений. Современный чилийский философ Д.С. Соммер подчеркивал: «Мы рождаемся незавершенными, и если мы остаемся такими, то это ... должно побуждать к самореализации. Обществу следует поддерживать нас в этом, поскольку именно оно пожинает лучшие плоды, обретая людей, достигших совершенства»³. Как известно, человек проходит сложный путь самореализации и социализации, опираясь на семью, окружение, собственный и иной опыт, и, безусловно, роль гуманитарных (культурологических, этических, эстетических, искусствоведческих, психологических, обществоведческих и др.) знаний, полученных прежде всего в системе образования, начиная со школы и завершая обучением в профессиональных учебных заведениях, в данных процессах бесспорна. Современному российскому обществу, задумывающемуся о своем надежном настоящем и уверенном будущем, есть над чем задуматься. Духовные люди с осознанной гражданской позицией, подвижническим началом, активные, деятельные, ответственные не только за свою

¹ Рахматуллина З.Я. Мир держится на культуре: философское осмысление. Уфа : РИЦ БашГУ, 2021. С. 165–166.

² Там же. С. 166.

³ Соммер Д.С. Мораль 21 века. М. : Научная литература, 2007. С. 60.

жизнь, но и за судьбу близких, своего народа, культуры, родного языка, государства и Отечества, не рождаются на «пустом месте». Очевидно, что одним из механизмов обеспечения духовной безопасности государства, противостояния современной «информационной войне», развязанной против нашей страны и нацеленной прежде всего на ее главный мобилизационный ресурс – подрастающие поколения, является духоформирующий и культуротворческий потенциал гуманитарного знания. Воспитание образованных и духовных молодых людей-патриотов, смыслом жизни которых являются не только собственный успех и благополучие, но и благо и качественное обустройство своей страны, является в современных условиях жизненно важной социальной задачей.

© З.Я. Рахматуллина, 2022

УДК 314.72(470.57)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БАШКОРТОСТАНА

Л.Р. Садыкова
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Ежегодно в миграционный процесс включается множество людей различных этносов. Изучение миграции актуально, так как данное явление является масштабным. Кроме того, она влияет на социальное, культурное, демографическое и экономическое развитие страны и ее отдельных регионов, республик. До настоящего времени многие проблемы миграции не решены. Теоретической и методологической основой исследования послужили работы Ж.А. Зайончковской¹, В.А. Ионцева², В.М. Моисеенко³, В.И. Переведенцева⁴, В.В. Покшишевского⁵, Л.Л. Рыбаковского⁶ и др., посвященные проблемам миграционных процессов.

Республика Башкортостан – это один из успешных крупных субъектов Российской Федерации, который обладает уникальным этнокультурным и религиозным многообразием. Здесь живут тюркские (башкиры, татары, чувашаи), славянские (русские, белорусы, украинцы), финно-угорские (мари, удмурты, мордва) и другие народы. В Республике Башкортостан проживают люди более 100 национальностей, которые имеют многовековой опыт межкультурного и межрелигиозного взаимодействия, основанного на взаимоуважении и согласии. С 1990-х гг. миграционные процессы в Башкортостане увеличились, что стало преобразовывать и без того пеструю этническую карту. Данные процессы, конечно, могут повлиять на этнокультурный ландшафт территории республики и его межнациональные отношения. Сохранение и развитие традиций, сохранение многообразия национального (этнического) состава и религиозной принадлежности является основной задачей как государства, так и каждого индивида. Разрушение этих связей влечет за собой и разрушение общегражданского самосознания народов, ведет к национальному и религиозному противостоянию, откуда прямая дорога к экстремизму и терроризму. Противопоставить экстремизму и терроризму можно твердое убеждение жителей нашей республики в неприемлемости такого развития событий. Надо постоянно помнить о том, что мы едины, и демонстрировать наше единство, наше богатство языков, традиций. Башкортостан на

¹ Зайончковская Ж.А. Миграционная ситуация современной России // Человек и труд. 2005. № 6. С. 31–37; Зайончковская Ж.А. Россия: миграция в разном масштабе времени. М., 1999.

² Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения // Международная миграция населения: Россия и современный мир. Вып 3. М., 1999. С. 305–312.

³ Моисеенко В.М. Миграция как объект комплексного исследования // Народонаселение: современное состояние и перспективы научного знания. М., 1997. С. 24; Моисеенко В.М., Мукомель В.И. Миграционные процессы в Омской области // Демографическая политика: региональный аспект. М., 1995. С. 111–134.

⁴ Переведенцев В.И. Миграция населения СНГ: опыт прогноза // Полис. 1993. № 2. С. 69–79.

⁵ См.: Покшишевский В.В. Население и география: Теоретические очерки. М., 1978.

⁶ Рыбаковский Л.Л. Миграция или массовый исход? // Российская Федерация. 1997. № 2. С. 48–49.

протяжении столетия сохранял межэтнический, межрелигиозный мир, поддерживал баланс интересов различных этнокультурных сообществ. В соответствии с Указом Президента Республики Башкортостан от 19 апреля 1994 г. было создано Государственное бюджетное учреждение Дом дружбы народов Республики Башкортостан для сохранения и развития национальных культур, родных языков, этнического самосознания народов, проживающих на территории РБ и для создания условий для деятельности национально-культурных объединений¹. На базе Дома дружбы народов осуществляют свою деятельность более 40 национально-культурных организаций. В основном эти национально-культурные организации регионального уровня, руководство которых проводит этнокультурную работу.

Миграция на территорию Республики Башкортостан представлена двумя волнами. Первая волна – это люди, которые вернулись на историческую Родину. Спасаясь от раскулачивания и репрессий, многие башкиры и татары уехали в Центральную Азию в 1920–1930-е гг. Были и те, кто отправлялся в послевоенные годы по распределению на работу в союзные республики и осел в них. С распадом СССР, в условиях неблагоприятной социальной обстановки и с роста национализма, люди стали возвращаться на Родину. Вторая волна – это выходцы из республик бывшего СССР: узбеки, таджики, азербайджанцы. Представленные волны в Башкортостан отличаются. Первая волна – это люди, достигшие определенного социального статуса на своей второй Родине: они легче адаптировались, находили здесь работу. Вторая волна – неквалифицированные мигранты без профессий, чернорабочие, которые не имеют социальных навыков. В Республику Башкортостан они мигрировали из республик бывшего СССР после известных событий 1990 г. и в современный период также продолжают прибывать, но уже из независимых стран. Межнациональная ситуация в Башкортостане стабильная (особенно в отношении к приезжим из других регионов), что также играет определенную роль в миграционном выборе людей. Многие приехавшие в республику мигранты и живущие здесь уже определенное время смогли адаптироваться к местным условиям жизни, успешно работают и живут вместе с другими народами РБ.

В миграционном процессе значимую роль играют демографические показатели, которые реагируют на социально-экономические, политические и другие изменения в обществе, влияют на формирование этнокультурного состава населения и его численность, оказывают влияние на поведение, уровень и образ жизни населения. Миграция может частично компенсировать естественную убыль населения, когда смертность населения превышает рождаемость и, наоборот, усилить негативный эффект сокращения численности населения.

Республика Башкортостан расположилась на территории, которая различается природными условиями, этническим составом населения, уровнем развития социальной и экономической сферы, что, в свою очередь, обуславливает дифференциацию в интенсивности и объеме миграции, что уже оказывает влияние на воспроизводство населения и трудовых ресурсов.

В ходе миграционных процессов в Республике Башкортостан в течение длительного времени наблюдался отток населения за пределы ее территории. По существу, Башкортостан находился на положении донора, перераспределяющего свою подготовленную рабочую силу в другие регионы страны, что неблагоприятно сказывалось на демографической структуре населения².

У Республики Башкортостан огромный культурный потенциал. Этносы Башкортостана веками проживали вместе в дружбе и согласии на одной территории, что послужило в дальнейшем толерантному отношению к другим культурам, народам и этническим общинам, которые вновь появлялись на данной территории. Данный потенциал необходимо демонстрировать перед остальными, тиражировать положительный пример межнационального и межконфессионального согласия между народами и национальностями. В заключение стоит отметить, что опыт мирного сосуществования народов разных национальностей и конфессий говорит о высоком уровне этнической толерантности. Башкортостан – это один из немногих регионов, где ответственно относятся к проблемам этнокультурного развития не только титульного этноса, но и других

¹ Здесь и далее: Сайт Дома дружбы народов РБ. [Режим доступа: <https://addnrb.ru/svedeniya-ob-organizacii/> (дата обращения: 09.08.2022)].

² См.: Хамадеева З.А. География миграционных процессов Республики Башкортостан. Автореферат дисс. ...канд. географ. наук. Пермь, 2006.

этнических групп. Безусловно, стабильное межнациональное согласие и мир достигаются тем, что ведется повседневная работа по сохранению языков и культур народов, проживающих на территории республики. Миграция – это сложный и многогранный процесс. Она оказывает влияние на этническую карту Башкортостана, обогащая ее в национально-культурном плане. Сегодня многонациональный состав республики дополняют диаспоры из Центральной Азии, которые объединены в национально-культурные центры. Необходима взвешенная миграционная политика, благодаря которой удастся решить многие проблемы в данном направлении.

© Л.Р. Садыкова, 2022

УДК 39(=512.141):39(512.1)''0''

К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ПРЕДКОВ БАШКИР С ДРЕВНИМИ ТЮРКАМИ

А.С. Сальманов
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

В середине XX в. С.И. Руденко предложил связывать северо-западных башкир с тиссагетами Геродота, а южных и восточных – с савроматами и иирками. По его мнению, объединение башкир в «одну группу племён» произошло в первых веках I тыс. н. э.¹ В начале XXI в. Р.М. Юсупов, исследуя соотношения антропологических показателей современных башкир и древних жителей Южного Урала, пришёл к выводу, что решающую роль в этногенезе башкир сыграла караякуповская культура, распространившаяся в регионе в VII–IX вв. Башкирский антрополог предположил, что караякуповцы «явились носителями мощного этно- и расогенетического заряда и смогли объединить население леса и степи в рамках одного этноса. На материалах антропологии довольно чётко фиксируется последовавшая с момента их оседания на Южном Урале нивелировка расовых типов населения, которое во второй половине I тыс. н. э. оставалось ещё неоднородным»². Следует напомнить, что караякуповская и кушнаренковская культуры связываются с миграцией из Западной Сибири и Зауралья угро-самодийских племён во второй половине I тыс. н. э.³ Как пишут Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова, по времени существования и территории распространения эти культуры полностью вписываются в границы Исторического Башкортостана IX–X вв. и в их носителях «невозможно видеть кого-либо, кроме башкир»⁴.

Появление в Южном Приуралье кушнаренковской культуры в конце VI в., по мнению В.А. Могильникова, было обусловлено перемещениями народов в связи с экспансией на запад Первого Тюркского каганата, когда кушнаренковцы восприняли некоторые тюркские элементы, но сохранили в целом свою этническую и культурную самобытность. О тюркском влиянии говорят захоронения вместе с погребенным головы и конечностей коня, встречаемые также у угров и самодийцев Западной Сибири в эпоху раннего Средневековья⁵. Е.П. Казаков отмечает, что пришедшие из Зауралья угорские этнические группы были связаны с кочевым скотоводством, что нашло отражение в их захоронениях (предметы конского снаряжения, кости и шкура лошади). Такие комплексы, имевшие сибирские истоки, получили широкое распространение в Волго-Уральском регионе во второй половине I тыс. н. э.⁶ Именно в этот период (VII–IX вв.), по предположению

¹ Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006. С. 304.

² Юсупов Р.М. Палеоантропология Южного Урала в связи с расо- и этногенезом башкир // Антропология башкир. СПб., 2011. С. 117.

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения // Сборник научных трудов : в 7 тт. Т. 4. Уфа, 2016. С. 346; Пшеничнюк А.Х. Об угорском компоненте в культурах Приуралья эпохи раннего железа // Проблемы древних угров на Южном Урале : сборник статей. Уфа, 1988. С. 8.

⁴ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010. С. 224.

⁵ Могильников В.А. Некоторые аспекты взаимосвязей населения Приуралья и Западной Сибири в эпоху железа // Проблемы древних угров на Южном Урале : сборник статей. Уфа, 1988. С. 22–23.

⁶ Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. С. 83.

Ф.Г. Хисамитдиновой, на территории Башкирии возникли угорские субстратные топонимы с финальным «-ш/-с» (Мағаш, Юрмаш, Нөгөш, Мәйгәште, Изәш, Кондораш, Вәрәш, Кәрпесте, Казмаш, Кырзас, Калмаш, Сакмағош и др.). Филолог обращает внимание на то, что подобные названия в Южной и Западной Башкирии почти не фиксируются, а наибольшее скопление отмечается в основном в бассейне р. Белой (начиная с её верховьев и кончая нижним течением)¹. Видимо с кушнаренковско-караякуповским археологическим комплексом следует соотносить «Стерлитамакский могильник» VIII–IX вв., в котором военное обмундирование (сабли, боевые топоры, наконечники стрел, стремяна и пр.), как пишет М.И. Артамонов, не отличаются от вещей всех кочевых и полукочевых народов Евразии того времени. Но этот могильник, по мнению учёного, оставлен не аланами или тюрками, а народом «финно-угорского круга», к которому принадлежали и мадьяры².

В этногенезе башкир ключевым обстоятельством стало изменение в IV в. в Зауралье вектора «степь – лесостепь» на направление «лес – лесостепь» из-за появления бакальского историко-культурного горизонта (IV–VII вв.), который «устанавливает алгоритм дальнейшего этнокультурогенеза всей лесостепной зоны Урала по обеим сторонам Уральского хребта». Археологи полагают, что в тот период в Зауралье (в бассейнах Исети, Тобола и Ишима) возник своеобразный очаг культурной интеграции, куда с юга (из урало-казахстанских степей) и севера (из лесного Зауралья и Приобья) устремилось разнокультурное население. В этот период с востока перемещаются южнотаёжные прииртышские племена, вернулась «гуннская орда» из западноевропейского похода, появился народ «он ок будун» (оногур) – десяти стрел, а также пришли «гаогюйцы» (теле). Существование и распад бакальской общности напрямую связаны с протомадьярскими и раннеугорскими миграциями на Уфу, Белую и на Среднюю Каму», в том числе выделившийся из неё кушнаренковско-караякуповский комплекс. Также из бакальской общности отделилась группа, влившаяся в «народ десяти стрел». Исследователи полагают, что часть «раннемадьярского» (кушнаренковско-караякуповского) населения была инкорпорирована в «гунно-болгарскую» среду кочевого сообщества Западнотюркского каганата, основу которого составляли союзы дулу и нушиби (т. е. 10 племён)³.

Однако предки дулу ещё на востоке могли включить в свой состав угро-самодийский компонент, так как они напрямую были связаны с усуню-динлинской общностью. Известно, что младший брат Бумына-кагана Истеми (Istämi) командовал 10 вождями⁴, которых Л.Н. Гумилёв предлагает считать предводителями североалтайских племён угорского происхождения (их «отюреченные» потомки – шорцы, кумандинцы, лебединцы и др.). Он обращает внимание на то, что имя хана Истеми не тюркское, а угорское и является названием «духа-предка»⁵. Е.А. Халикова и А.Х. Халиков не исключают протовенгерское происхождение «Истеми Кагана». По их предположению, во второй половине VI в. протовенгры находились в составе Западнотюркского каганата и совместно с тюркютами играли большую роль в политической жизни Южного Урала, Западной Сибири, Средней Азии и Сасанидского Ирана. В различных элементах культуры древних венгров (особенно мифологии, изобразительном искусстве) сильны иранско-сасанидские и азиатско-согдийские мотивы и сюжеты⁶.

Л.Н. Гумилёв считает, что в Западнотюркском каганате тюрки-тугю «были в абсолютном меньшинстве»⁷. Р.Г. Кузеев, соглашаясь с мнением Л.Н. Гумилёва, приходит к заключению о значительном влиянии древних тюрков на пришлые из Зауралья и Сибири угро-самодийские племена

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Угорская субстратная топонимия на -ш/-с в Башкирии // Там же. С. 108–110.

² Артамонов М.И. История хазар. СПб., 2001. С. 454.

³ Боталов С.Г. У истоков южноуральских народов. Южный Урал в эпоху Золотой Орды (IX – начало XV века) // История Южного Урала : в 8 тт. Т. 5. Челябинск, 2019. С. 31, 35, 63, 127.

⁴ Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб., 1903. Р. 38.

⁵ Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 2012. С. 39.

⁶ Халикова Е.А., Халиков А.Х. Ранние венгры на Каме и Урале (Больше-Тиганский могильник). Казань, 2018. С. 74.

⁷ Гумилёв Л.Н. Указ. соч. С. 164.

(куштерьякские и караякуповские)¹. Неслучайно в Западнотюркском каганате ханы, опиравшиеся на союз дулу, принимали титул «Сыби-хан»² («Сибир-хан» – А.С.). Л.Н. Гумилёв указывает, что сибирские племена, подобно булгарам, тяготели к группировке дулу. Так, Кюйлюг Сибир-хан помог отделиться от империи своему родственнику Кубрату, вождю болгар-унногундур, основавшему в первой половине VII в. «Болгарскую державу», а после потери своей власти Сибир-хан бежал к Алтайским горам³.

Археолог В.Ф. Генинг, подвергнув анализу куштерьякскую (кушнаренковскую) и караякуповскую культуры, распространившихся в Башкирии со второй половины VI в., обнаружил их аналогии среди памятников Прииртышья и Приобья середины I тыс. н. э., связываемых с самодийцами. На основании установленного родства кушнаренковско-караякуповского типа с западносибирскими культурами археолог заключил, что приуральское население того периода также следует считать «самодийским по своему происхождению»⁴. Важно подчеркнуть, что в Приобье самодийские племена пришли из Саяно-Алтая в I тыс. н. э.⁵ Самодийский компонент у башкир связывается с древнетюркским этапом их этногенеза, который, по сути, является южносибирским компонентом⁶.

Следует отметить, что с давних пор бытует мнение, по которому башкирские племена являются выходцами из Алтая и Сибири⁷. Ориенталисты, имевшие непосредственный контакт с башкирами, писали о былом пребывании их в Сибири. Ещё в XVII в. Николаас Витсен относил башкир к сибирским народам: «Считают, что этот народ – самый воинственный из всех сибирских язычников»⁸. По мнению В.Н. Татищева, первым давшего в русской историографии историко-этнографическое описание башкир, последние пришли из Сибири⁹. И.Г. Георги, исходя из своих наблюдений, о башкирах писал, что «в прежние времена странствовали они по Южной Сибири и ее границам под предводительством собственных своих ханов»¹⁰. П.И. Рычков зафиксировал слова башкирского тархана Бурзянской волости Алдара Исянгильдина, по которым башкирский народ «жил около сибирских границ»¹¹. Р.Г. Кузеев отмечает, что в некоторых башкирских преданиях говорится о приходе башкир из Сибири¹². В первой половине XVIII в. Ф.И. Страленберг застал часть башкир, обитавшую по рр. Иртыш, Обь и Чулым, где также отмечались остяки, «барабинцы» и сибирские татары¹³. В этой связи уместно процитировать С.И. Шитову: «Сходство с народами Алтая пронизывает все области культуры, проявляясь не только в общих, но и в частных моментах. Оно настолько очевидно, что почти не оставляет сомнения в пребывании древних башкирских племён в какой-то период истории в Южной Сибири»¹⁴. Общая этногенетическая и этнокультурная история башкир обнаруживается с народами Сибири и в их семейной обрядности. По словам Ф.Г. Галиевой, башкирская этническая культура находит многочисленные параллели с народами Южной Сибири, что подтверждает гипотезу о формировании их культур в рамках одной историко-этнографической

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения // Собрание научных трудов : в 7 тт. Т. 4. Уфа, 2016. С. 353–355.

² Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 284.

³ Гумилёв Л.Н. Древние тюрки. М., 2012. С. 177, 223–224, 232.

⁴ Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972. С. 270–274.

⁵ Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI в. М., 2009. С. 68; Пелих Г.И. Происхождение селькупов. Томск, 1972. С. 317.

⁶ Антонов И.В. Раиль Гумерович Кузеев об этнической истории Волго-Уральского региона в эпоху средневековья. СПб., 2015. С. 181.

⁷ Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915. С. 3.

⁸ Витсен Н. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. 1–2. Амстердам, 2010. С. 785.

⁹ Татищев В.Н. История Российская. Ч. 1 // Собрание сочинений : в 8 тт. Т. 1. М., 1994. С. 252.

¹⁰ Георги И.Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Ч. 2. О народах татарского племени. СПб., 1776. С. 85.

¹¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 50.

¹² Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 131.

¹³ Записки капитана Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого: Северная и Восточная часть Европы и Азии : в 2 тт. Т. 1. М.; Л., 1985. С. 44.

¹⁴ Шитова С.Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4. С. 93.

области¹. Кроме того, значительное число топонимов указывает на нахождение предков башкир в Сибири, так как система башкирской топономастики сближается с топономастикой тюрков Саяно-Алтая. В связи с этим А.М. Малолетко делает акцент на то, что на карте Красноярского города из Чертёжной книги Сибири С.У. Ремезова, составленной до 1701 г., в верховьях Енисея отмечаются юрты, при которых имеется надпись «Башкыры»². Важно подчеркнуть, что монгольский род башгид зафиксирован в Монголии в сомонах Цагаан-Уул и Цэцэрлэг Хубсугульского аймака³, где в Средневековье обитали предки башкирских табынцев из объединения дубо. То есть термин «башкорт» был хорошо известен населению Саяно-Алтая и Монголии, а его появление на Южном Урале, следовательно, может быть связано с приходом в регион центральноазиатских и сибирских групп.

Ядро башкир, то есть те племена, которые заложили основу башкирского этноса, являлись выходцами из Южной Сибири и Центральной Азии. Об этом говорят древнейшие анимистические и тотемистические воззрения башкир. Так, божества верхнего мира: «Ай тәңре» (божество луны), «Көн тәңре» (божество солнца), «Күк тәңре» (божество неба), «Йәшен тәңре» (божество молнии) и «Һомай» - находят свои аналогии в названиях божеств древнетюркской мифологии («Ai tengri», «Kün tengri», «Jashin tengri» и др.), которые во главе с верховным божеством «Tengri» и его супругой богиней «Umaj» живут на небе. По мнению Ф.Г. Хисамитдиновой, божество «Тәңре» у башкир имеет общие корни с божеством «täŋgi» древних тюрков и связано с древнетюркским периодом⁴. Термин «тенгри», принадлежащий к древнейшему мифологическому фонду народов Центральной Азии и восходящий к хуннскому «ченли» («небо»), известен тюркоязычным и монгольязычным народам: алтайцам, шорцам, хакасам, тувинцам, чувашам, якутам, монголам, бурятам и калмыкам⁵.

Примечательно, что религиозные воззрения древних тюрков отражаются у башкирских тунгаурцев и табынцев в их основных тамгах: полукруге и круге⁶, обозначавших собой небесные светила (луну и солнце)⁷. Р.Б. Ахмеров считает, что бытовавшие среди племён дуван, тунгаур и объединения табын тамги в виде круга или полукруга связаны с космогоническими представлениями; они возникали на почве трансформации первобытной религии у родоплеменных групп древности⁸. Возможно, поэтому у предков тунгаур (тун-ло или тонгра)⁹ фиксировалась «тамга-круг», подобная тамге табын и дулат. В связи с этим Ю.А. Зуев напротив тонгра поставил табын и дулат как племена, имеющие идентичную тамгу¹⁰. Тождество тамг табын, дулат и средневекового племени тонгра может объясняться сложными этническими процессами в недрах каганатов. Известно, что в VII в., когда дубо в китайских источниках отмечалось как байси, последние выступали совместно с тунло¹¹. Об этнических связях между табын и тунгаур говорят генетические данные: кубалек-табынцы (имеющие гаплогруппу N1c-M178) являются ближайшими генетическими родственниками тунгаурцам¹². Эта этническая близость проявляется и в том, что у тунгаурского рода каракай зафиксированы основные тамги западных и восточных табынцев¹³.

В число этнических образований Тюркского каганата, принявших участие в этногенезе башкирского этноса, входят тунгаурцы. Своё происхождение они возводят к принцу и полководцу

¹ Галиева Ф.Г. Семейные обряды и обычаи башкир в поликультурном пространстве. Уфа, 2020. С. 71, 259.

² Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. Томск, 2004. С. 236–237.

³ Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста, 2016. С. 32.

⁴ Хисамитдинова Ф.Г. Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). Уфа, 2016. С. 11–12, 151.

⁵ Неклюдов С.Ю. Тенгри // Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. 2-е изд. М., 1992. Т. 2. К–Я. С. 500.

⁶ Соколов Д.Н. О башкирских тамгах // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1904. Вып. 13. С. 43, 69.

⁷ Камалов А.А., Камалова Ф.У. Атайсал. Уфа, 2001. С. 102, 207–210.

⁸ Ахмеров Р.Б. Наскальные знаки и этнонимы башкир. Уфа, 1994. С. 52–53.

⁹ Сулейманов Ф.М. Башкирский род Тунгаур // Тунгаур. Уфа, 2007. С. 23.

¹⁰ Зуев Ю.А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» (перевод из китайского сочинения VIII–X вв. Танхуйяо. Т. 3. Цзюань 72) // Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Алма-Ата, 1960. Т. 8. С. 132.

¹¹ Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 306.

¹² Волков В.Г., Каримов А.А. Происхождение и родственные связи башкир родов Кубалек, Кувакан, Теляу по данным генетических исследований // История башкирских родов. Кубалек, Кувакан, Теляу. Т. 29. Уфа, 2018. С. 273.

¹³ Камалов А.А., Камалова Ф.У. Указ. соч. С. 210.

Тюркского каганата Кюль-тегину. По преданиям, предки тунгаурцев жили на Алтае, откуда ушли под предводительством волка¹. Можно полагать, что появление названия «баджгурд, баджгурд, басджирт или башхарт» (из арабо-персидских источников), под которым подразумеваются предки племён усерган, тунгаур и некоторых других башкирских племён², было связано с тунгаурцами, пришедшими в Зауралье в эпоху завоеваний тюрков-тугю. Именно у тунгаур (60 %) и усерган (49 %) доминирует гаплогруппа N1c1-M178, одним из главных центров распространения которой считается территория Прибайкалья и Северо-Западной Монголии. Тунгаурская и усерганская ветвь этой гаплогруппы (N1c1-L1034) распространена у башкир, хантов, манси и с небольшой частотой встречается у поволжских татар, венгров, казахов, узбеков. Важно подчеркнуть, что она имеется у лесных и тундровых ненцев (относящихся к самодийскоязычным народам – А.С.). В.Г. Волков, А.А. Каримов и Ю.М. Юсупов выдвинули предположение, что эта группа «связана с продвижением из Зауралья древних угорских племён и распространением кушнаренокской и караякуповской культур, а также групп, родственных мадьярам»³.

С.Н. Шитова отмечает, что наиболее древний этнокультурный пласт, общий для многих сибирских народов (хантов, эвенков, алтайцев, шорцев), у башкир обнаруживается в юго-восточном (и отчасти в зауральском) комплексе материальной культуры. В то же время имеется связь между юго-восточными башкирами, мишарями и чувашами. Этнограф полагает, что эта общность появилась в результате длительного совместного обитания части тюрков, угров и самодийцев на территории Сибири⁴. Очевидно, что распространившийся в VII–IX вв. на Южном Урале угро-самодийский кушнаренокско-караякуповский комплекс, ставший ядром башкирского этноса, главным образом лёг в основу юго-восточных башкир. В этой связи вызывает интерес термин «эсэй» («мать»), известный лишь в юго-восточной части Башкирии, в отличие от термина «инэй», используемый во всех говорах башкир. По мнению Н.В. Бикбулатова, слово «эсэ(й)» и его варианты в других языках – «не тюркского происхождения», так как у тюркских народов оно употребляется в качестве родственного термина и у большинства из них имеет ограниченный ареал. Этнолог полагает, что этот термин заимствован из тунгусо-маньчжурских языков⁵. Контакты предков юго-восточных башкир с тунгусо-маньчжурскими племенами могли произойти на рубеже эр, когда в Прибайкалье предки эвенков вступили в этническое взаимодействие с самодийцами⁶. По словам Е.А. Хелимского, контакты самодийцев с тунгусами начались в I тыс. до н. э. в районах близ Прибайкалья, в частности на Енисее⁷, то есть там, где до XVII в. отмечались «Башкыры». О ранних контактах предков башкир с самодийцами (в период их нахождения в Центральной Азии) свидетельствуют фольклорные и этнографические материалы⁸.

Этническая история юго-восточных башкир, по мнению Р.Г. Кузеева, связана с основателями Тюркского каганата – древними тюрками, на знамени которых было изображение головы волка. Опираясь на историко-этнографические материалы, этнограф полагает, что предками юго-восточных башкир был принесён культ волка из своей «азиатской родины». Башкирские племена усерган, тунгаур и бурзян «более отчётливо, чем другие народы, сохранили пережитки древних тотемистических представлений о происхождении тюрков от волка». Об этом свидетельствует

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения // Собрание научных трудов : в 7 тт. Т. 4. Уфа, 2016. С. 131–132.

² Там же. С. 127.

³ Волков В.Г., Каримов А.А., Юсупов Ю.М. Происхождение и родственные связи родоплеменного объединения Усерган по данным генетических исследований // История башкирских родов. Усерган. Т. 35. Ч. 1. Уфа, 2019. С. 215, 218–219, 226.

⁴ Шитова С.Н. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства // Археология и этнография Башкирии. Уфа, 1971. Т. 4. С. 177.

⁵ Бикбулатов Н.В. Башкирская система родства. М., 1981. С. 54–55.

⁶ Цыдендамбаев Ц.Б. Историческое место бурятских географических названий в топонимике Прибайкалья // Actes du XI Congrès International des Sciences Onomastiques (Sofia, 28.06 – 4.07 1972). Sofia, 1974. P. 198.

⁷ Хелимский Е.А. Самодийско-тунгусские лексические связи и их этноисторические импликации // Компаративистика, ураловедение : лекции и статьи. М., 2000. С. 279.

⁸ Васильев В.И., Шитова С.Н. Башкиро-самодийские взаимосвязи (к проблеме этногенеза башкир) // Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982. С. 30.

народная этимология этнонима «башкорт»¹. Именно в таком ключе об имени башкир высказывались П.И. Рычков, В.Н. Татищев и В.И. Филоненко². Из преданий известно, что башкиры в прошлом называли волка словом «корт»³. Этимология этнонима «башкорт» сводится к общетюркскому «баш» («голова, главный») и тюркско-огузскому «корт» («волк») ⁴. Носители этнонима «башкорт» («голова волка»), где слово «qurt» использовалось для обозначения волка, когда было запрещено произносить его настоящее имя⁵, могли считаться осколками Тюркского каганата. А.Х. Халиков пишет о «полиэтничности» имени башкир⁶. Эта мысль уводит к вопросу появления термина «башкорт», который, по сути, в Тюркском каганате мог являться политонимом. Как известно, в китайских хрониках не все кочевники назывались волками, а только князья рода Ашина и их личные дружины⁷.

А.М. Малолетко считает, что у тюркютов тотемом был волк, а у хуннов и огузов – бык⁸. То есть культ волка, получивший большее распространение среди юго-восточных башкир, всё-таки свидетельствует об этнической близости их предков с древними тюрками (тугю). В этой связи Ф.Ф. Илимбетов, указывая на древние исторические истоки предания о волке, пишет, что «в башкирских преданиях также, как и в древнетюркских, волк фигурирует как прародитель и покровитель предков»⁹. Для предков табын (дубо) волк также мог быть тотемом. Так, этноним «тумат» («тума/туба»), этимологически связываемый с названием «табын», с позиции самодийского языка означает «волк»¹⁰. По С.М. Абрамзону, в среде усуней волк считался тотемным животным¹¹. Этническая история башкирских табынцев была связана как с туматами, так и с усунями. Ещё в XVIII в. В.Н. Татищев отмечал среди табынских родов «бурютабынь»¹² (буре = волк).

Таким образом, этноним (политоним) «башкорт» мог появиться на Южном Урале в связи с приходом из Центральной Азии и Сибири кочевых групп, входивших в состав Тюркского каганата. В VII–X вв. на Южном Урале отмечается мощный приток южносибирского и северосреднеазиатского происхождения. В связи с этим Н.В. Бикбулатов пишет, что племена, составившие основу башкирского этноса, были выходцами из Южной Сибири, Центральной и отчасти Средней Азии. До заселения Южного Урала они имели контакты с предками современных восточнотюркских (алтайцы, хакасы, якуты, тувинцы), монгольских и тунгусо-маньчжурских (эвенки) народов¹³. Здесь уместно вспомнить слова Д.Ж. Валеева, который пришёл к выводу, что «башкирская этнополитическая общность сформировалась в значительной мере на основе перекомбинаций этнической структуры более древних народов», так как формирование башкир происходило в основном через объединение составных частей распавшихся народов. По мнению учёного, башкирский этнос возник как объединение этнических компонентов, входивших в Тюркские каганаты¹⁴. Его видение согласуется с результатами лингвистических исследований, по которым выявлены генетические связи башкирского языка с языком древнетюркских памятников¹⁵. Эта «особенная близость» лингвистами объясняется тем, что «носители древнебашкирского языка находились в тесном территориальном и этнокультурном соседстве с носителями языка рунических памятников». Исходя

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения // Собрание научных трудов : в 7 тт. Т. 4. Уфа, 2016. С. 126–127, 148.

² Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 50; Татищев В.Н. Избранные труды по географии России. М., 1950. С. 175; Филоненко В.И. Башкиры. Уфа, 1915. С. 3.

³ Илимбетов Ф.Ф. Культ волка у башкир (к этимологизации этнонима «башкорт») // АЭБ. Уфа, 1971. Т. 4. С. 228.

⁴ Бикбулатов Н.В. Башкиры // Народы Поволжья и Приуралья. Историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 237.

⁵ Менхен-Хельфен О. История и культура гуннов. М., 2014. С. 422.

⁶ Халиков А.Х. Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань, 2011. С. 274.

⁷ Гумилёв Л.Н. Три исчезнувших народа // Ритмы Евразии: Эпохи и цивилизации. М., 2007. С. 358.

⁸ Малолетко А.М. Древние народы Сибири. Этнический состав по данным топонимики. Т. 3. Докаганатские тюрки. Томск, 2004. С. 222.

⁹ Илимбетов Ф.Ф. Указ. соч. // Там же. С. 228, 225.

¹⁰ Жамсаранова Р.Г. Концептосфера монгольской этнонимии в этнолингвистическом аспекте // Вестник Томского государственного педагогического университета. Томск, 2010. Вып. 7 (97). С. 124.

¹¹ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Фрунзе, 1990. С. 303.

¹² Татищев В.Н. История Российская. Ч. 2 // Собрание сочинений : в 8 тт. Т. 4. М., 1995. С. 60.

¹³ Бикбулатов Н.В. Указ. соч. С. 241.

¹⁴ Валеев Д.Ж. История башкирской философской и общественно-политической мысли. Основные тенденции развития. Уфа, 2001. С. 21.

¹⁵ Очерки истории башкирского литературного языка. М., 1989. С. 13.

из этого, Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова пишут об участии южносибирского этнического компонента в сложении «ядра древнебашкирского этноса»¹.

© А.С. Сальманов, 2022

УДК 614.39(470.57)

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ» КАК ФАКТОР,
УЛУЧШАЮЩИЙ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ
(НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН)**

*Н.Х. Сарваретдинова,
З.Л. Сизоненко*

(Башкирский государственный университет, Уфа)

Национальный проект «Здравоохранение» без преувеличения можно назвать стратегическим и сверхважным направлением деятельности Российского государства в современных условиях. Его осуществление оценивается количественными и качественными показателями внедрения положений программы на региональном уровне, в частности в Республике Башкортостан. Анализ данных показателей по авторитетным источникам показывает реальную эффективность и улучшение качества жизни населения и в целом, и по группам наиболее значимых заболеваний. Общественное здоровье необходимо рассматривать как главный показатель качества жизнедеятельности граждан.

В Указе Президента РФ 2018 г.² был поставлен ряд целей по повышению качества здоровья и медицинской работы с населением РФ. Информация с сайтов Министерства здравоохранения РФ³, Министерства здравоохранения РБ⁴ наглядно показывает основные векторы и заложенные бюджетные средства национального проекта РФ «Здравоохранение» 2019–2024 гг., ставшего продолжением нацпроекта с таким же наименованием, который стартовал в 2016 г. «Проектом предусмотрено направить: на борьбу с онкологическими заболеваниями – 969 млрд руб.; на развитие детского здравоохранения – 211,2 млрд руб.; на создание единого цифрового контура в здравоохранении – 177,6 млрд руб.; на обеспечение медицинских организаций системы здравоохранения квалифицированными кадрами – 166,1 млрд руб.; на борьбу с сердечно-сосудистыми заболеваниями – 75,2 млрд руб.; на развитие сети национальных медицинских исследовательских центров – 63,9 млрд руб.; на развитие системы оказания первичной медико-санитарной помощи – 62,5 млрд руб.; на развитие экспорта медицинских услуг – 0,2 млрд руб.»⁵. Проектом были изначально заложены целевые показатели, касающиеся обеспечения параметров устойчивого развития численности населения Российской Федерации: повышение продолжительности жизни до 78 лет, снижение смертности населения, в частности от болезней

¹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2010. С. 237.

² Указ Президента РФ от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития РФ на период до 2024 года» (в редакции указов Президента РФ от 19.07.2018 № 444, от 21.07.2020 № 474) // Президент России [Режим доступа: www.kremlin.ru/acts/bank/43027 (дата обращения: 28.06.2022)].

³ Официальный сайт Министерства здравоохранения РФ [Режим доступа: <https://www.rosminzdrav.ru/ru> (дата обращения: 30.06.2022)].

⁴ Официальный сайт Министерства здравоохранения РБ [Режим доступа: <https://health.bashkortostan.ru/> (дата обращения: 30.06.2022)].

⁵ Султангулова Э.Ф. Анализ эффективности управления реализацией национального проекта «Здравоохранение» в Республике Башкортостан // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12–4. С. 52–54 [Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-upravleniya-realizatsiey-natsionalnogo-proekta-zdravooxranenie-v-respublike-bashkortostan> (дата обращения: 29.06.2022)].

системы кровообращения, от новообразований (в том числе – злокачественных), отдельно – снижение младенческой смертности, охват групп граждан профилактическими медосмотрами¹.

Что касается Республики Башкортостан, то с первого дня реализации проекта «Здравоохранение» началась напряженная работа по всем намеченным линиям. В рамках нацпроекта в РБ создано и осуществляется 8 федеральных проектов, 7 региональных проектов, а также 1 соглашение². Еще до начала пандемии COVID–19 за счет бюджетных средств РФ были закуплены модульные фельдшерско-акушерские пункты (ФАП) в количестве 6 для населенных пунктов, численность населения в которых составляет более 100 чел. и которые находятся вне зон доступности медорганизаций. Вместе с тем средства бюджета РБ были вложены в приобретение 22 модульных ФАП и 1 сельской врачебной амбулатории в целях замены ФАП в аварийном состоянии. Также закончено строительство 4-х ФАП капитального уровня.

Впечатляют показатели 2020 г.: в РБ прибыли и вступили в эксплуатацию новые модульные ФАП в количестве 110-ти (82 – за счет федерального, 15 – за счет регионального бюджета), а также построены капитальные ФАП в количестве 13-ти, что говорит о положительной динамике. В целях повышения доступности медпомощи для жителей малонаселенных мест из федерального бюджета приобретены передвижные ФАП (21), созданные из модифицированных автобусов ПАЗ, и передвижные флюорографы (7).

В РБ создан и активно работает «Региональный центр организации первичной медико-санитарной помощи». 33 поликлиники достигли «базового» уровня развития проекта «Новая модель медицинской организации, оказывающей первичную медико-санитарную помощь». Критерии данного проекта предполагают создание комфортной среды для населения и повышение эффективности работы амбулаторий. Пятью поликлиниками РБ достигнут «прогрессивный» уровень, их деятельность отмечена специальными наградами Республики Башкортостан, а также Госкорпорации «Росатом».

Как фактор повышения качества жизни населения следует оценивать меры по созданию «единого цифрового контура» в сфере здравоохранения граждан. Современным информационно-коммуникационным оборудованием оснащены 132 организации (3656 компьютеров для врачей, 345 планшетов для бригад скорой медпомощи, 708 принтеров, 143 комплекта электронной очереди³).

На момент проведения еженедельного оперативного совещания в Правительстве РБ о ходе реализации в регионе национального проекта «Здравоохранение» (2 августа 2021 г.) прозвучала информация об общем объеме финансирования данного направления на 2021 г. (2,6 млрд руб., из которых 2 млрд руб. – средства федерального бюджета). Несмотря на значительное негативное влияние пандемии COVID–19, целевые показатели и плановые значения достигаются. Особое внимание направлено на раннее выявление рака, четкое соблюдение схем маршрутизации пациентов. Из запланированных центров онкологической помощи уже активно работают 3 (Уфа, Салават, Дуванский район), в Кумертау переоснащен региональный сосудистый центр, смонтирован ангиограф⁴. Нарастают темпы строительства важнейшего объекта – Республиканского Центра детской онкологии и гематологии в Уфе. В целях снижения показателей младенческой смертности на основе медицинских детских центров Башкортостана организована сеть кабинетов, в которых

¹ Национальный проект «Здравоохранение» 2018–2024: паспорт, цели и задачи [Режим доступа: <https://strategy24.ru/rf/health/projects/natsionalnyy-proekt-zdravookhranenie> (дата обращения: 01.07.2022)].

² Султангулова Э.Ф. Анализ эффективности управления реализацией национального проекта «Здравоохранение» в Республике Башкортостан // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 12–4. С. 52–54 [Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-effektivnosti-upravleniya-realizatsiyey-natsionalnogo-proekta-zdravookhraneniya-v-respublike-bashkortostan> (дата обращения: 29.06.2022)].

³ Гатауллин Р.Ф., Султангулова Э.Ф. Реализация национального проекта «Здравоохранение» на региональном уровне (на материалах Республики Башкортостан) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 11–2 (81). С. 44–46.

⁴ В Правительстве Башкортостана обсудили ход реализации в Республике национального проекта «Здравоохранение» // Звезда. 3 августа 2021 [Режим доступа: <https://zvezda-gafuri.ru/news/zhkkh/2021-08-03/v-pravitelstve-bashkortostana-obsudili-hod-realizatsii-v-respublike-natsionalnogo-proekta-zdravookhraneniya-2448989> (дата обращения: 28.06.2022)].

специалисты занимаются амбулаторным наблюдением недоношенных, больных детей раннего возраста, а также начал работу дистанционный реанимационный консультативный центр с выездными анестезиолого-реанимационными бригадами.

Отдельно нужно выделить решение вопросов кадрового дефицита врачей и медперсонала в РБ, поскольку данная проблема прямо влияет на качество медобслуживания населения. В рамках программ «Земский доктор» и «Земский фельдшер» специалистам оказывается государственная поддержка, в ряде муниципалитетов они обеспечиваются жильем или получают компенсационные выплаты для аренды жилья. Администрациями Краснокамского и Нуримановского районов поддерживаются студенты-целевики. Иглинский, Татышлинский, Чекмагушевский районы дают медикам земельные участки для индивидуального жилищного строительства, в Ишимбайском районе выплачиваются суммы «подъемных» при устройстве на работу специалистов-медиков.

Также необходимо опираться на материалы 42-го заседания Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, состоявшегося 30 марта 2022 г. Премьер-министром РБ Андреем Назаровым был сделан подробный доклад по итогам работы Правительства Башкортостана за 2021 г. Отдельно он коснулся хода реализации проекта «Здравоохранение» и сообщил о ходе выполнения республиканских программ «Земский доктор» и «Земский фельдшер» (досрочно выполнены показатели обеспеченности врачами – 35,7 против 35 по плану). Начато строительство двух поликлиник (Бирск и Чекмагуш), 8 капитальных ФАП, двух сельских врачебных амбулаторий, 73 модульных фельдшерско-акушерских пунктов). За 2021 г. в медицинские организации РБ поставлена 2 561 единица оборудования (закуплено 17 рентгенологических аппаратов, 4 маммографа, 17 флюорографов, 19 аппаратов УЗИ, 167 аппаратов ИВЛ, 10 эндоскопических систем, 77 машин скорой медицинской помощи). В течение 2022 г. запланированы закупка дополнительно 1 536 единиц медоборудования, а также 85 автомобилей, введение в эксплуатацию поликлиники горбольницы № 9 (г.Уфа), детской поликлиники в Баймаке, завершение строительства поликлиники в Бирске, 4-х фельдшерско-акушерских пунктов и 2-х сельских врачебных амбулаторий. А. Назаров отметил планомерное обеспечение малочисленных населенных пунктов РБ ФАПами. В частности, план 2022 г. предусматривает установку и введение в эксплуатацию 44-х быстровозводимых модульных конструкций. Данные показатели доказывают, что Республика Башкортостан – флагман среди субъектов РФ по четырем инициативам национального проекта «Здравоохранение»: 1. «Здоровая республика – здоровый регион», 2. «Санитарная авиация РБ», 3. «Борьба с онкологическими заболеваниями», 4. «Развитие детского здравоохранения, включая создание современной инфраструктуры оказания медицинской помощи детям»¹.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что эффективность поэтапной реализации нацпроекта «Здравоохранение» в Республике Башкортостан подтверждается целым рядом показателей. При этом особого внимания требуют вопросы создания центров амбулаторной онкологической помощи в городах и районах Республики, поставок тяжелой медицинской техники, дальнейшей информатизации лечебных учреждений, их вхождения в единую систему, импортозамещения и закупок лекарственных средств, а также кадрового обеспечения системы здравоохранения Башкортостана.

© Н.Х. Сарваретдинова, З.Л. Сизоненко, 2022

---

¹ Доклад Андрея Назарова по итогам деятельности Правительства Башкортостана за 2021 год // Корпорация развития Республики Башкортостан [Режим доступа: https://kr-rb.ru/press/news/novosti_1630.html (дата обращения: 30.06.2022)].

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО ГУБЕРНАТОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Н.Л. Семенова
(СФ БашГУ, Стерлитамак)

Современный этап изучения истории института российского губернаторства характеризуется серьезным обновлением предметного поля исследований, разработкой новых методологических основ анализа становления и развития местного управления, появлением междисциплинарных работ, использованием концептуальных подходов зарубежных ученых. В новейших исследованиях реализуются институциональный (М.М. Шумилов, О.В. Морякова), регионально-управленческий (А.В. Ремнев, Н.П. Матханова), структурно-функциональный (С.В. Любичанковский), социокультурный (Л.М. Лысенко), антропологический (А.Н. Бикташева) подходы. Работы М.М. Шумилова положили начало изучению взаимоотношений губернатора с центральными и местными органами управления, места губернаторских канцелярий и губернских правлений в региональном управлении¹. Используя институциональный подход, ученый сделал вывод, что задекларированный законом статус губернатора как хозяина губернии в середине XIX в. не соответствовал действительности, так как ряд отраслей государственного управления оказался вне сферы его влияния, либо оно было очень незначительным. Местные учреждения других ведомств «противились» расширению власти губернатора пропорционально росту его зависимости от Министерства внутренних дел. Координатором взаимоотношений между отдельными уровнями власти и ведомствами выступал император, который не всегда эффективно выполнял эту функцию.

А.В. Ремнев обосновал регионально-управленческий подход, который применил к анализу административной политики в Сибири и на Дальнем Востоке, который довольно широко представлен в современных исследованиях. Центральным в концепции А.В. Ремнева стало понятие «география власти». Важной причиной «устойчивости» и эффективности Российской империи он считал «поливариантность» властных структур, многообразие управленческих форм, «асимметричность и разнопорядковость связей различных народов и территориальных образований»². А.В. Ремнев раскрыл последовательность в процессе политико-административной и экономической интеграции окраин империи, которая состояла в переходе от военно-административного надзора за традиционными институтами власти к замене их общероссийской бюрократической системой государственных учреждений. Принципиальный вывод А.В. Ремнева заключался в том, что административная политика Российской империи преследовала цели создать эффективный, недорогой управленческий механизм и найти оптимальное соотношение властных полномочий между центром и высшей территориальной администрацией в лице генерал-губернаторов и губернаторов. Подход, предложенный А.В. Ремневым, позволяет исследователям, через анализ региональных моделей управления, их особенностей, перейти к оценке имперской политики России в целом.

В 1990-е гг. началось историко-социологическое изучение губернаторского корпуса. Л.М. Лысенко сделала вывод о росте профессионализма, образовательного уровня, повышении правовой культуры начальников губерний³. Однако качество управления, по ее мнению, оставалось невысоким ввиду системных сбоев как в центре, так и на местах. Особенно интересно, что Л.М. Лысенко выделила основные варианты пребывания окраин в составе Российского государства⁴. Для исследования модели управления, существовавшей в Оренбургском крае в конце XVIII – первой

¹ Шумилов М.М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х – начале 80-х гг. XIX в. М., 1991.

² Ремнев А.В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика первой половины XIX в. Омск, 1995; Он же. Самодержавие и Сибирь. Административная политика второй половины XIX – начала XX веков. Омск, 1997; Он же. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–358.

³ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII–начало XX века). М., 2001. С. 238.

⁴ Там же. С. 142.

половине XIX в., особое значение имеют наблюдения Л.М. Лысенко о военно-народном управлении как разновидности административной автономии, главной чертой которого стало подчинение гражданского управления военному. Другими признаками военно-народного управления являлись неразрывность военной и гражданской власти; предоставление местного управления по всем делам, не имеющим политического характера, выборным из числа коренного населения; сохранение обычного права в рамках местного законодательства в той сфере, которая не могла быть урегулирована общеимперскими законами¹.

Исследовательская программа С.В. Любичанковского предусматривала использование структурно-функционального подхода для изучения системы губернаторской власти конца XIX — начала XX в. и определения ее эффективности. Он рассмотрел местное управление в динамике и доказал, что кризис власти был обусловлен как системными причинами, так и зависел от губернского чиновничества². Научный анализ С.В. Любичанковского предусматривал теоретическое осмысление и определение важнейших понятий: «губернаторская власть» как система учреждений управления, состоявшая из губернатора и органов власти, через которую он осуществлял свои функции; «губернская администрация» — это «ядро» губернаторской власти, включавшее губернатора, губернское правление, вице-губернатора, определявшее единство и взаимодействие всех остальных частей системы³. Вниманием С.В. Любичанковского оказались впервые охвачены «персоналии» высшей администрации Оренбургской губернии и Урала в конце XIX — начале XX в.: гражданские губернаторы и вице-губернаторы⁴.

Благодаря исследованиям А.Н. Бикташевой в историографии губернаторской власти утвердился антропологический подход. Автор рассмотрела региональную специфику и практику управления в Казанской губернии на примере «казуальных и системных сбоев» с учетом «человеческого фактора»⁵. Были проанализированы принципы губернаторских назначений, роль в них протекции, стратегии встраивания в «окружающую» социальную среду приезжих чиновников, реконструкции межличностных отношений, неформальные ресурсы власти у представителей присутственных мест. Научные изыскания А.Н. Бикташевой наметили ряд принципиально новых задач в изучении истории местного государственного управления. Так, автор поставила вопрос о возможности широкого использования делопроизводственных документов III отделения СЕИВК, сохранивших «рефлексию» жандармских офицеров о состоянии и функционировании государственного аппарата, что позволяет сделать выводы не только о способах работы тайной полиции в России, но и о функционировании административной машины в целом. Исследования А.Н. Бикташевой отличаются глубокой проработкой и новаторским подходом к уточнению понятийного аппарата института губернаторской власти.

Параллельно с разработкой новых теоретико-методологических подходов историки изучают реформирование государственного строя Российской империи в XVIII — первой четверти XIX в. (Л.Ф. Писарькова); становление и развитие органов губернского управления, эволюцию состава губернского чиновничества отдельных регионов Российской империи в конце XVIII — начале XX в. (В.М. Марасанова); анализируют формирование губернаторского корпуса и взаимоотношения начальников губернии с центральной властью через рассмотрение губернаторских отчетов (А.С. Минаков)⁶.

¹ Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII—начало XX века). М., 2001. С. 158.

² Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907–1917 гг.). Оренбург, 2005. С. 290; Он же. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург, 2007. С. 602–603.

³ Любичанковский С.В. Губернская администрация и проблема кризиса власти в позднеимперской России (на материалах Урала, 1892–1914 гг.). Самара; Оренбург, 2007. С. 62.

⁴ Любичанковский С.В. Вице-губернаторский корпус Урала в конце XIX — начале XX в. (социокультурная характеристика) // Известия Уральского государственного университета. 2006. № 41. С. 193–206.

⁵ Бикташева А.Н. Антропология власти: казанские губернаторы первой половины XIX в. М., 2012.

⁶ Писарькова Л.Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012; Марасанова В.М. Местное управление в Российской империи (на материалах Верхнего Поволжья). М., 2004; Минаков А.С. Губернаторский корпус и верховная власть: проблема взаимоотношений (по материалам губерний Черноземного центра) второй половины XIX — начала XX в. Орел, 2011.

Одним из новых направлений стало успешное исследование института генерал-губернаторства в Российской империи в XIX — начале XX в. (Д.И. Раскин, В.Г. Арутюнян, В.В. Ефимова, Л.М. Дамешек, И.Л. Дамешек, Ю.П. Злобин)¹. В.В. Ефимова представила комплексный анализ причин введения и отмены, места института генерал-губернаторства в системе органов государственной власти и управления на материалах губерний Европейского Севера, заключив, что Николай I «поспешил» с упразднением этой должности.

За последние годы заметно возросло количество работ по истории российской бюрократии, местного управления в отдельных губерниях, активно изучается роль III отделения СЕИВК в организации и осуществлении надзора за губернской администрацией². Вполне закономерен интерес современных исследователей к биографической тематике. Одной из причин стало забвение темы в советский период, другой — восстановление должности губернатора в современной России. Заметно увеличилось количество региональных исследований, появились работы по гражданскому управлению Оренбургской губернии в первой половине XIX в., чиновничеству, проанализирована роль оренбургских военных губернаторов в развитии российской внешней политики в Центральной Азии³.

Исследовательским вниманием зарубежных историков оказались охвачены история центральных учреждений и местное управление. Были сделаны выводы о «институциональной слабости» системы управления Российской империи, отсутствии «каналов связи» между разными уровнями администрации⁴. М. Раев заключил, что верховная власть функционировала по схеме: «самодержец — личные агенты», в которой в роли последних выступали губернаторы, а модель управления той или иной территорией в составе империи напрямую зависела от способов ее вхождения в состав государства⁵. Дж.П. ЛеДонн оценивал институт генерал-губернаторской власти в России как инструмент освоения и укрепления окраин⁶. К. Мацузато обосновал тезис, что разделение Российской империи на макрорегионы происходило на основе территориальных принципов⁷. Превращению окраин во внутренние губернии препятствовали военно-стратегические, ресурсно-мобилизационные, финансовые факторы, при этом власть генерал-губернатора являлась «персональной, оперативной, надзаконной и харизматичной».

В зарубежной историографии констатируется эволюция российского чиновничества в сторону профессионализации и специализации. Биографическое направление в западной историографии представлено исследованиями Р. Роббинса, основанными на обширном круге источников⁸. Для большинства исследований зарубежных авторов характерен анализ проблем на

---

¹ Раскин Д.И. Институт генерал-губернаторства и становление системы министерского управления // Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи. СПб., 2001. Т. 1; Арутюнян В.Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 8, История. 2005. № 4. С. 68–82; Злобин Ю.П. Социокультурная характеристика генерал-губернаторского корпуса России в XIX – начале XX века // Вестник Оренбургского государственного университета. 2013. № 7 (156). С. 37–44; Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб., 2019.

² Бибииков Г.В. III Отделение и надзор за губернской администрацией: случай губернатора И.Д. Талызина // Вестник Томского государственного университета. Сер. История. 2017. № 6 (50). С. 12–23; Раскин Д.И. Формирование высшей бюрократической элиты Российской империи XIX – начала XX века: образование и профессиональная квалификация // Научный диалог. 2021. № 4. С. 410–422 и др.

³ Гвоздиков И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. Уфа, 2010.

⁴ Большакова О.В. Российская империя: система управления (Современная зарубежная историография). Аналитический обзор. М., 2003. С. 16.

⁵ Раев М. Понять дореволюционную Россию. Государство и общество в Российской империи / Пер. с фр. Я. Горбаневского и Н. Дюжевой. Лондон, 1990. С. 190.

⁶ Le Donn J. P. Frontier governors general, 1772–1825. 1. Western frontier // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Wiesbaden, 1999. Bd. 47, N. 1. S. 56–88; Idem. Administrative regionalization in the Russian empire 1802–1826 // *Cahier du monde russe*. 2002. Vol. 43, N 1. P. 5–28.

⁷ Мацузато К. Генерал-губернаторства в Российской империи: от этнического к пространственному подходу // Новая имперская история постсоветского пространства : сб. статей / Под ред. И.В. Герасимова, С.В. Глебова, А.П. Каплуновского, М.Б. Могильнер, А.М. Семенова. Казань, 2004. (Б-ка журнала «Ab Imperio»).

⁸ Robbins R. The Tsar' Viceroy. Russian Provincial Governors in the Last Years of the Empire. Ithaca; London : Cornell Univ. Press, 1987.

большом временном отрезке, даются общие оценки особенностей государственной власти на окраинах, составе и численности российского чиновничества.

Таким образом, анализ отечественной и зарубежной историографии позволяет сделать вывод, что изучение института губернаторства сегодня обеспечено современными теоретико-методологическими подходами, солидной базой источников, достаточно полно изучены правовые основы функционирования губернаторской власти, биографии высших чиновников губерний.

Следует признать, что исследователи добились значительных успехов в изучении губернаторской власти в России: проанализирован правовой статус должности, созданы многочисленные биографии представителей высшей губернской администрации, оценены основные направления деятельности. Однако на сегодняшний день остается ряд важных проблем, требующих продолжения изучения.

Большинство современных ученых признают, что в Российской империи в сфере управления было налицо «... отсутствие внутренней политики как продуманной, целостной системы мер, направленных на решение осознанных властью и официально сформулированных ею задач»¹. По словам А.В. Ремнева, «российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение имперским ядром окраин», но механизмы, способы и средства, соотношение властных полномочий между центральными ведомствами и высшей территориальной администрацией в лице губернаторов и генерал-губернаторов были различными². Правительство стремилось лавировать между централизацией, деконцентрацией и децентрализацией власти. Поэтому особое значение сегодня имеет изучение ключевых параметров отдельных моделей регионального управления, отличавшихся асимметричностью, разным правовым статусом и уровнем самостоятельности. Это позволит более четко представлять принципы взаимоотношений «центр-периферия», механизмы управления поликонфессиональными и многоэтническими территориями в условиях довольно стабильного и устойчивого развития Российской империи.

По-прежнему актуальной остается проблема определения эффективности системы местного управления, выделение ее критериев. Ряд исследователей предлагают оценивать ее по экономическому и культурному развитию региона, степени решения хозяйственных проблем, отсутствию бюрократических тенденций в работе. Другие полагают, что одним из критериев может стать наличие взысканий и поощрений в послужных списках чиновников. По мнению А.Н. Бикташевой, возможно использовать ряд показателей: «скорость и «успех» течения дел по губернскому правлению», полиции, количество происшествий по губернии, состояние повинностей и недоимок, количество поданных жалоб³. Выявление ключевых параметров эффективности региональных моделей управления позволит понять внутренние тенденции развития всей системы.

Все еще недостаточно изучены механизмы функционирования института губернаторской власти, особенности взаимодействия с центральными и местными государственными органами управления. Представляется важным выявить степень влияния начальника губернии на формирование политики, проводимой в регионе, порядок разработки и принятия решений в системе местного управления, способы и формы административного контроля и их результативность.

Таким образом, задачи дальнейшего исследования института губернаторской власти предполагают, как реконструкцию и анализ конкретно-исторических ситуаций и событий, так и их дальнейшее «встраивание» в имперский контекст. Анализ выделенных проблем может существенно дополнить общероссийскую картину государственного управления в разные исторические периоды, создаст основу для компаративного анализа макрорегионов.

© Н.Л. Семенова, 2022

---

¹ Ефимова В.В. Генерал-губернаторы Европейского Севера: место и роль в системе органов государственной власти и управления Российской империи (1820–1830 гг.). СПб., 2019. С. 8.

² Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв.: в поисках новых теоретических подходов [Режим доступа: <http://www.zaimka.ru/remnev-siberia/>].

³ Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность; сводные материалы заочной дискуссии / РАН, Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН, Поволжский филиал Института российской истории РАН; под общ. ред. А.Е. Загребина и С.В. Любичанковского. Екатеринбург; Ижевск, 2010. С. 57–80.

О РЕДКИХ КНИГАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ УФИЦ РАН

Р.Ю. Сибгатов
(НБ УФИЦ РАН, Уфа)

Научная библиотека УФИЦ РАН уже на протяжении более семидесяти лет пользуется заслуженным уважением среди нескольких поколений ученых Республики Башкортостан. Она была создана одновременно с Башкирским филиалом АН СССР 12 мая 1951 года на базе фонда библиотеки Башкирского научно-исследовательского института истории, языка и литературы (ныне – ИИЯЛ УФИЦ РАН). Тогда из института было передано 12 280 экземпляров изданий.

В подавляющем большинстве редкие издания были переданы в Научную библиотеку УФИЦ РАН с первыми поступлениями при организации библиотеки. Книги поступили из Башкирского ботанического сада Министерства сельского хозяйства БАССР, из бывшей Башкирской коммунистической сельскохозяйственной школы, из Библиотеки Академии наук и т. д. Фонд редкой книги доукомплектовывался из обменных фондов крупнейших библиотек страны: Государственной Российской библиотеки, ГПНТБ (г. Москва), ГПНТБ СО РАН (г. Новосибирск), Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского университета, Научной библиотеки Саратовского университета им. Н.Г. Чернышевского, крупных уральских библиотек (Свердловск, Челябинск, Пермь, Оренбург)¹. Редкий фонд также пополнялся за счет вливания литературы из хорошо укомплектованных частных библиотек известных ученых (доктора исторических наук, археолога Константина Владимировича Сальникова, доктора геолого-минералогических наук, профессора, заслуженного деятеля науки БАССР, первого председателя Президиума Башкирского филиала АН СССР Георгия Васильевича Вахрушева, известного башкирского языковеда, доктора филологических наук, профессора Касима Закировича Ахмерова и других). В фонде редких книг представлена литература по разным отраслям знаний: геологии, географии, истории, языкознанию, литературоведению, химии, биологии и др. Издания собираются по принципу редкости (первые издания), по хронологическим границам (все издания до 1920 года включительно, издания, посвященные истории и культуре региона до 1930 года, издания периода Великой Отечественной войны), также ценны прижизненные издания выдающихся писателей, ученых и общественных деятелей, в различных форматах (фолианты, миниатюрные издания), издания принадлежащие знаменитым владельцам, и т. д.

В настоящее время Научная библиотека является одним из крупнейших информационных центров в Уральском регионе с разносторонним научным профилем, располагающим уникальными материалами по истории, культуре и литературе народов Южного Урала. Фонд Научной библиотеки содержит 768 975 экземпляров единиц хранения. Отдел редкой книги (ныне Сектор редкой книги) был создан в 1985 году в помещении отдела спецхранения, где размещались документы для служебного пользования, диссертации и авторефераты диссертаций. Всего в редком фонде около 17 000 единиц хранения. Из них книг – 9240 экземпляров, в том числе особо ценных – 409 экземпляров. Кроме книг, здесь хранятся карты, продолжающиеся и периодические издания.

В свою очередь, история формирования библиотечного фонда восходит к библиотеке Общества по изучению Башкирии. Как известно, на основании Постановления ЦИК АСБР от 16 февраля 1922 в городе Стерлитамаке Наркомпрос создает «Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии». В сентябре 1922 года оно было объединено с Обществом по изучению Южного Урала и переведено в Уфу под названием «Общество по изучению Башкирии». Библиотека Общества была создана в 1924 году на базе библиотеки Губернского музея. В 1926 году при библиотеке Общества открывается и оборудованный читальный зал². В 1928 году в фонде библиотеки насчитывалось 7000 наименований. По языку издания книги распределялись следующим образом: на тюркских языках 650 книг, на иностранных языках (арабском, персидском, немецком и др.) – 76

¹ Сибгатов Р.Ю. Научная библиотека Уфимского научного центра РАН как информационный центр по краеведению // Археография Южного Урала: Актуальные проблемы архивного дела в современном мире : Материалы XVI Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2016. С. 194–199.

² Бюллетень Башкирского областного бюро краеведения. Май 1928 г. № 1. Уфа, 1928. С. 23, 25

книг, остальные книги – на русском языке. Пополнение библиотеки современными изданиями, за недостаточностью средств, шло слабо и происходило, главным образом, за счет периодических изданий и обменной литературы¹.

Библиотека, несмотря на финансовые и кадровые проблемы, старалась работать системно. «Выдавались литературы по вопросам краеведения и библиографические справки... Посылались указания и справки на запросы с мест. Выдавались на руки и были разосланы по разным лицам и учреждениям краеведческой литературы из изданий ЦБК и из дублетного фонда библиотеки 1612 печатных единиц. Скомплектована из фондов библиотеки ЦБК передвижная библиотека популярной краеведческой литературы, состоящей из 354 книг и брошюр и снабженной тематическим каталогом и списком основных разделов этого каталога, и передана в библиотеку Электрозавода в целях пропаганды задач краеведения и привлечения к краеведческой работе рабочих масс указанного завода. В стенах Комакадемии при содействии общества краеведов марксистов во время краеведческой пятинедельки была организована выставка краеведческой литературы. Были выставлены издания краеведческих обществ и организаций за 1928–1930 годы, методическая литература по краеведению и библиографии краеведения за годы революции. Всего было выставлено 1000 книг и брошюр, листовки, плакаты и т. д. Главным образом выставка посещалась членами различных секций Комакадемии, до и после заседаний этих секций в зале выставки. Знакомились с выставкой участники совещания антирелигиозных работников Москвы, Ленинграда, Харькова, Киева, Минска и др. городов. Посещали выставку в индивидуальном порядке студенты, учащиеся и краеведы. Кроме отзывов о выставке в книге посещений были два отзыва в газетах: «За коммунистическое просвещение» от 24/12 и Вечерняя Москва. Все отзывы были благоприятны для выставки. Всего выставку посетили более 300 человек»². В то время один сотрудник по совместительству выполнял библиотечную работу по всем направлениям: занимался обслуживанием в читальном зале, вел библиографическую работу, в том числе собирал экспедиционные материалы печатного, рукописного и архивного характера. Книгообмен с советскими и зарубежными учреждениями также проводился через библиотеку, например, «в 1930 г. часть литературы на тюркских языках, не имеющая краеведческого характера, была передана в Башкирскую книжную палату – 940 корешков». В январе 1931 г. в фонд были приняты книги из Библиотеки Главной лесной инспекции БАССР, в количестве 2000 корешков³.

В 1929 году Общество подверглось резкой критике со стороны Наркомпроса БАССР. В связи с этим в 1930 году создается бригада по обследованию деятельности Общества, в которую вошли Ахмеров, Борисов, Мухсинов, Асфаган, Еварестов⁴. 20 февраля 1931 г. бригада выносит выводы: «В библиотеке имеется 7400 книг, из них: на иностранных языках 150, на тюркском 50, остальные на русском языке. Читателей 70 человек – члены Общества и научные работники. С библиотекой Общества в одной комнате помещается библиотека Башкирского научно-исследовательского института, которая имеет тоже 2000 экз. книг. Библиотекарь работает по совместительству – секретарь Общества, он же библиотекарь Института и Общества. На выписку литературы в 1931 г. предназначено сметой 700 руб. Предложения: считать целесообразным при выяснении взаимоотношений Общества и БНИИ слияние библиотек в одну. Признать желательным сделать библиотеку Общества в целях рационального использования книжного фонда – открытой, т. е. расширить круг лиц, обслуживание научными книгами, выделив для этого полную штатную единицу»⁵. Как о Библиотеке БНИИ здесь, наверное, говорится о Библиотеке Башкирского комплексного научно-исследовательского института, который был создан в 1930 году при Совнаркоме республики⁶.

Перспективы деятельности Общества были обсуждены 2 апреля 1931 г. на заседании Правления и актива. На заседании присутствовали: Юлтый, Еварестов, Борисов (Наркомпрос),

¹ Башкирский краеведческий сборник. № 3–4. 1928–30. Уфа, 1930. С. 110–111.

² НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 67. Л. 31.

³ Там же. Л. 57.

⁴ Из истории организации и деятельности Общества по изучению Башкирии. Уфа, 2020. С. 46–47.

⁵ НА УФИЦ РАН. Ф. 3. Оп. 5. Д. 67. Л. 33.

⁶ В научном поиске. Уфа, 1982. С. 7–8.

Шакиров, Вильданов, Асфаган, Искубаев (марийская секция), Ахмеров и Вахитов (БНИИ). Последний выступил с предложением переподчинить Общество в идейном и научном отношении БНИИ, а в вопросах финансового управления и руководства массовой работой оставить за Наркомпросом. В этом вопросе Вахитова поддержал З.Ш. Шакиров. В ходе обсуждения возникла дискуссия относительно того, кому передать научную библиотеку Общества. Вильданов считал, что книги должны быть переданы Музеем Уфы, откуда, собственно, и были взяты. Шакиров считал, что библиотека должна перейти БНИИ, как это было сделано в большинстве союзных и автономных республик¹.

Как видим, в результате фонд научной библиотеки Общества был передан в Башкирский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы. Об этом говорят библиотечные штампы, сохранившиеся на страницах книг: «Библиотеки Общества по изучению Башкирии» (1922–1928), «Библиотека Башкирского научно-исследовательского Института национальной культуры» (1932–1936), Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы (1936–1943), Башкирский научно-исследовательский институт языка и литературы им. М. Гафури (1944–1951).

Большую научную ценность представляет собранный библиотекой фонд трудов ученых – членов Общества по изучению Башкирии: Х. Габидов, Г. Вильданов «Башкирские пословицы» (на башк. яз. М., 1924), Х. Габидов, Н. Тагиров, В. Хангильдин, Г. Вильданов «Башкирская грамматика» (на башк. яз. Уфа, 1925), Х. Габидов, Г. Вильданов, Г. Давлетшин «Синтаксис башкирского языка» (на башк. яз. Уфа, 1926), Н. Тагиров, Х. Габидов «Правописание на башкирском языке. (Инструкция)», (Уфа, 1924), Х. Габидов, Г. Алпаров «Орфография башкирского языка» (на башк. яз. Уфа, 1925), Н. Тагиров «Башкирский словарь» (Уфа, 1926) и т. д.

Востребованными были сборники научных трудов самого Общества «Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при наркомпросе БССР». Выпуск 1. (Стерлитамак, 1922. На башк. яз.) Выпуск 2, (Стерлитамак, 1922), Выпуск 3 (Уфа, 1923); «Башкирский краеведческий сборник» (Т. I–V. 1926–1930), журнал «Башкорт аймағы» (1925–1931), «Бюллетени башкирского областного Бюро краеведения» (№ 1–3. Уфа, 1928). Здесь члены общества (С. Мирасов, Г. Вильданов, Д. Юлтый, Х. Габитов, П. Ищериков и др.) опубликовали свои материалы по археографии, археологии, истории, источниковедению, минералогии, топонимике, фольклору, этнографии и по башкирскому языкознанию.

Сотрудники Общества активно собирали документальные материалы, касающиеся истории башкирского народа. Например, издание «Приказы по башкирскому войску, г. Оренбург, 1861–1862 годы. На русском и татарском языках» было передано жителем деревни Новоюлдашево (ныне Абдуллино) З.Абитаевым. На 28 странице имеется надпись Даута Юлтыя о том, что этот документ даёт «дополнительные сведения по истории башкир этого периода. Для изучения эти материалы необходимо аккуратно переплести и передать в библиотеку Общества. 27.08.28 г.»². Некоторые уникальные издания поступили именно из библиотеки Башкирского научно-исследовательского института истории, языка и литературы. Среди особо ценных книг редкого фонда федерального значения надо выделить прижизненные издания М.В. Ломоносова, А.С. Пушкина, В.И. Даля, Д.И. Менделеева и т. д. «Первые основания металлургии, или рудных дел» Ломоносова М.В. (СПб., 1763) – это руководство по металлургии и горному делу, в котором автор описал и обобщил существовавшие в то время знания о металлах, о практике разведки металлосодержащих руд, их добыче и выплавке металлов, а также о естественной тяге воздуха в шахтах и о слоях земных. Тираж издания составил 1225 экземпляров. Книга имела особую популярность среди ученых и промышленников крупнейших горных заводов и рудников Урала и Алтая. Особое место занимает историческая монография А.С. Пушкина «История Пугачевского бунта». Ч.1–2. (СПб., 1834) о событиях крестьянской войны 1773–1775 гг. под предводительством Емельяна Пугачева. Это первое научно-историческое произведение писателя.

Любителей истории России и Востока часто интересует шеститомник Э.Э. Ухтомского «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича». Приближённый Николая II в 1890–1891 годах князь Ухтомский сопровождал Цесаревича в его путешествии на Восток на крейсере

¹ Из истории организации и деятельности Общества по изучению Башкирии. Уфа, 2020. С. 55–56.

² Салихов А.Г. Приказы по башкирскому войску 1861–1862 годов из Отдела редких книг Научной библиотеки УФИЦ РАН // Культурное наследие и народное искусство: сохранение и актуализация в целях устойчивого развития общества. Материалы Международной научно-практической конференции (кафедра философии и культурологии Башкирского государственного университета, г. Уфа, 22.04.2022 г.). Уфа, 2022. С. 293–297.

«Память Азова». Беспрецедентная путешествие Цесаревича, длившееся 300 дней, было подано для читателей красиво оформленными иллюстрациями Н.Н. Каразина и содержательным текстом по истории, этнографии и религии народов Востока в авторстве Э.Э. Ухтомского. Первый том под названием «Путешествие на Восток Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича. 1890–1891» вышел в свет в 1893 году; второй и третий тома – в 1895 и 1897 гг. уже под названием «Путешествие Государя Императора Николая II на Восток (в 1890–1891)». Ни один историк или этнограф не оставил без внимания книги Палласа «Путешествия по различным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788), «Описание растений Российского государства с их изображением» (СПб., 1786), Руденко С.И. «Башкиры: Опыт этнологической монографии. Ч.1: Физический тип башкир (ПГ, 1916) (Записки Русского географического общества по отделению этнографии) и др. Здесь собраны образцы полиграфического и художественного мастерства: например, шеститомник «Три века. Россия от смуты до нашего времени» выделяется своим красочным оформлением, многочисленными иллюстрациями, дорогой бумагой. Он посвящен исследованию трёхсотлетия Дома Романовых. В составлении принимал участие авторитетный авторский коллектив, включающий таких известных ученых, как Ю.В. Готве, А.Е. Пресняков, Н.Л. Бродский и др.

Большую научную ценность представляет собою фонд рукописей и старопечатных книг арабского шрифта на арабском, тюрки, фарси и других восточных языках, насчитывающий около 2000 изданий. Среди них необходимо выделить коллекции книг башкирских просветителей Ризаитдина Фахретдинова и Мухаметсалима Уметбаева. В 1964 году в фонд Научной библиотеки Уфимского института истории, языка и литературы Академии наук СССР из Духовного управления мусульман Европейской части СССР и Сибири была передана коллекция книг Р. Фахретдинова на арабской графике (646 экземпляров рукописных и старопечатных книг). Коллекция книг Ризаитдина Фахретдинова никогда не перестает интересовать исследователей. Особой популярностью пользуются его многотомник – историко-биографический свод «Асар» (1900–1908), «Памятники старины» – книга с биографическими сведениями о многих религиозных деятелях и выдающихся личностях Волго-Уральского региона. В фонде редких изданий представлен также первый литературный, научный и исторический журнал «Шуро», издававшийся в Оренбурге в 1908–1917 гг. Его главным редактором был Ризаитдин Фахретдинов. Журнал издавался на старотюркском языке на арабской графике, был популярен среди мусульманских народов России. В журнале печатались многие известные татарские, башкирские ученые, писатели и поэты, поднимались актуальные социальные вопросы, связанные с национальной политикой, религией, образованием. Издание журнала было прекращено в декабре 1917 года. Всего вышло 240 номеров. В Библиотеке он представлен номерами с 1908 по 1917 годы. В коллекции есть книга с дарственной надписью Ризаитдину Фахретдину, автором которой является Мухаметгали Сокорой (Кииков Мухаметгали Габдессалихович): «Шам' аз-зийа фи тазкират-и кавм-и ахл-аз-зийа» – переводе «Свеча для освещения упоминания просвещенных людей» (Казан, 1883). Гарифулла Кииков Мухаметгалиевич (Гарифулла Чокрый) – сын известного поэта-просветителя Гали Сокороя, поэт-просветитель, публицист, ученый-историк. В сентябре 1918 года был казнен красноармейцами.

Коллекция книг М. Уметбаева содержит в себе книги в его авторстве, а также книги, отражающие его научно-исследовательские интересы. Эти издания, когда-то были переданы его внуком в библиотеку Общества по изучению Башкирии. Коллекция уникальна не только тем, что включает прижизненные издания или имеет автографы автора, но и тем, что хранит биографические данные владельца. Например, книга «Зверинец: Приглашение юношества к яснейшему созерцанию животного царства, изображенного в шестнадцати картинах. Текст заимствован из лучших источников по части естествознания» (СПб., 1852) была подарена в 1857 году М. Уметбаеву во время учебы в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе и имеет надпись следующего содержания: «Воспитаннику Оренбургского Неплюевского Кадетского корпуса Мухаммед-Салиму Умитбаеву от Воспитательного Комитета в награду за отличные успехи в науках и отличное поведение 1857 г.».

Данное культурно-историческое наследие, собранное в свое время краеведами и учеными, сегодня является «жемчужиной» нашей Научной библиотеки, являющейся не только хранителем, но и популяризатором этих бесценных документов.

**АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ I–II КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА СЫГНАК
ОРТАҒАСЫРЛЫҚ СЫҒАНАҚ ҚАЛАСЫНЫҢ I–II ҚҰРЫЛЫС ҚАБАТТАРЫНЫҢ
АБСОЛЮТТІК ХРОНОЛОГИЯСЫ**

**Б.С. Сиздиқов, К.М. Жетибаев, М. Гурсой, М.М. Бахтыбаев,
С.С. Мургабаев, К.С. Арынов, Л.Д. Малдыбекова**
(НИИ археологии Международного казахско-турецкого университета
им. Ходжа Ахмеда Ясави, Туркестан, Казахстан)
(Ахмет Ясауи атындағы ХҚТУ Археология ҒЗИ, Түркістан, Қазақстан)

Среди средневековых городов, расположенных в среднем течении Сырдарьи, особое место занимает город Сыганак. Город был центром Кыпчакского ханства в XI–XIII веках, Ак Орды в XIV–XV веках, ханства Абулхайра в середине XV века, столицы Казахского ханства в последней четверти XV – начале XVI века. Город расположен вдоль трассы Великого Шелкового пути, в долине реки Сырдарья. Средневековые письменные источники свидетельствуют о том, что в городе Сыганак происходила торговля с кочевниками Дешт-и-кипчака, развивалась обменная торговля. Письменные источники подкрепляются открытыми в ходе археологических раскопок архитектурными сооружениями и другими общественными зданиями, характерными для крупных центров. В результате археологических исследований, проведенных на городище, открыты восточные ворота города, крепостные стены, башни, жилые кварталы в цитадели города, центральная мечеть, мавзолеи и ханак. Однако вопрос абсолютной хронологии строительных слоев города все же недостаточно изучен. Хронология объектов, относящихся к нижним строительным горизонтам данного города, остается одной из главных проблем, которые не были решены. По этой причине мы решили определить и ввести в научный оборот абсолютную хронологию I–II культурного слоев средневекового города Сыганак. В статье, ссылаясь на результаты археологических научно-исследовательских работ, проведенных в 2021 году в г. Сыганак, на основе анализа C14 были выявлены и сравнительно проанализированы абсолютная хронология нижних культурных слоев города, особенности архитектуры жилых домов и интерьеров помещений по этапам. Сделаны научные выводы о том, что серебряные тенге, чеканившиеся во времена правления Шайбанидов, действовали в городе Сыганак до начала XVIII века.

Статья подготовлена на основе научного проекта на тему: «“BR10965310” проведение комплексных археологических исследований объекта историко-культурного наследия – средневекового городища Сыганак».

Ортағасырлық Сығанақ қаласы Қызылорда облысы Жаңақорған ауданы Сунақата ауылынынан 2 км батыста, Түркістан-Қызылорда тас жолының оң қапталында орналасқан. Жазба деректерге көңіл бөлетін болсақ қала тұрған аймақта б. з. б. VII–II ғасырларда массагет тайпаларының өмір сүргендігі баршаға белгілі. Ал б. з. б. II – б. з. V ғасырларында бұл өңірде қаңлы тайпалары мемлекеттік дәрежеде ғұмыр кешті. Қытай деректерінде Қазақстан жерінде болған Чжан Цянның хабарлауына қаңлы мемлекеті – Сусе, Фуму, Юйни, Цзи және Юйцзянь атты бес иеліктен тұрып, орталығы Битянь қаласы болғандығы көрсетілген¹. С. Жолдасбаевтың пікірінше Сығанақ қаласы тұрған жер Сусе иелігінің жері болған. Себебі, Юйни иелігі Сырдарияның ортаңғы ағысының жоғарғы бөлігін қамтыған болса, көршілес Сусе иелігі Сырдарияның ортаңғы ағысының төменгі бөлігін қамтыған. Сығанақ қаласының орнында зерттеу жұмыстарын жүргізген Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясының мүшелері Е.И. Агеева мен Г.И. Пацевичтер аталмыш қаланың қаңлылардың басты орталықтарының бірі болғандығын тілге тиек етеді².

X ғасырдың соңында өмір сүрген белгісіз парсы авторының «Худуд-әл Әләм» қолжазбасында Сығанақ қаласының аты «Сунах» түрінде кездеседі³. Ғұлама ғалым М. Қашқаридың жазбаларында «Сығанақ» деген аты XI ғасырдан белгілі болған⁴. Ал XI–XII ғасырлардағы араб, парсы және түркі жазба деректерінде қаланың аты жаппай кездеседі. Бұл кезең қаланың дамыған кезін көрсетеді⁵.

Қаланың гүлденіп, Ұлы Жібек жолы бойындағы ірі сауда орталықтарына айналған кезі XIII ғасырға тура келеді. Бұл кезеңде Сығанақ қаласы Мұхаммед Хорезмшахтың қарамағында болды. XIII ғасырдың басында Шыңғыханның үлкен ұлы Жошы қалың қолымен 7 күнге созылған шайқаста

¹ Малов С. Памятник в честь Кюль-Тегина, Памятник Бильге-Кагану, Памятник в честь Тоньюкука // Орхонские надписи Кюль-Тегин Бильге-Каган Тоньюкук. Семей, 2001. С. 87–149.

² Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана / Труды ИИАЭ АН Каз ССР. Алматы, 1958. Т. 5. С. 215.

³ Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака // Сообщения ГАИМК. Л., 1929. Т. 2. С. 123–159.

⁴ Махмұт Қашқари. Түрік тілінің сөздігі (Диани лұғат-ит-түрік). 3 томдық шығармалар жинағы. Алматы : «Хант», 1997. I т.

⁵ Жолдасбаев С. Ортағасырлық Сығанақ қаласы (X–XVIII ғғ.). Түркістан : Тұран баспасы, 2010. 246 б.

Сығанақ қаласын бағындырады. Пайымдауымызша қала аумағының тым үлкен болғандығынан, қорғаныс күшінің жеткіліксіздігінен қала тұрғындары өздерінен басым моңғол жасақтарынан жеңіліс табады. XIII ғасырдағы жазба деректерде Сығанақ қаласын Жошы әскерінің жаулап алғандығы жайлы мәліметтердің кездесуі бұл пікірімізді қуаттай түсуде¹. Сонымен қатар, армян патшасы Гетумның 1254 жылы Моңғол империясының астанасы Қарақорымға жасаған сапарынан қайту барысында Сырдарияның ортаңғы ағысындағы қалаларда болғандығы баяндалған. Оның ішінде Сығанақ қаласы «Сгнах» атпен көрсетілген².

Сығанақ қаласының қайта гүлдену кезеңі XIV ғасырға тұс келеді және осы ғасырдың соңына таман қала өзінің бұрынғы күш-қуатын қайта иемденіп, астаналық дәрежеде өмір сүреді. Осы уақытта қаланың көршілес елдердің қалаларымен тарихи-мәдени байланыстары күшейе түседі. Қаланың аз уақыт ішінде қайта гүлденуіне Ұлы Жібек жолы бойында орналасқаны айтарлықтай септігін тигізген. Ортағасырлық автор Фазлаллах ибн Рузбихан Сығанақты «Дешті-Қыпшақтың сауда айлағы» деп атайды³. Мұхаммед Шайбани ханның хатшысы, әрі кеңесшісі болған Фазлаллах ибн Рузбиханның жазбаларында XVI ғасырдың басында Қазақ хандығының басты қалаларының бірі болған Сығанақ қаласының базарында күніне 500 түйе сойылып, кәуап жасалып, кешке дейін бір түйірі қалмай сатылып кететіндігі жайында мағлұматтар келтірілген⁴.

Қала орнында 2003 жылдан бастап Қожа Ахмет Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің Археология ғылыми-зерттеу институтының ғалымдары зерттеу жұмыстарын жүргізіп келеді. Алайда, қаланың құрылыс қабаттарының абсолюттік хронологиясын анықтау әліде болса зеріттеуді қажет етеді. Себебі, аталмыш қаланың соңғы құрылыс қабаттарына тиесілі тұрғын үй архитектураларының өзіндік ерекшеліктері мен бөлме интерьерлерінің мерзімдері шешімін таппаған басты мәселелердің бірі болып табылуда. Осы себепке байланысты, ортағасырлық Сығанақ қаласының магистральды көшесін бойлай орналасқан тұрғын үй махаллаларын зерттеп, I–II құрылыс қабаттарының абсолюттік хронологиясын анықтап, ғылыми айналымға енгізуді жөн санадық.

2021 жылы Сығанақ қаласында жүргізілген далалық зерттеу жұмыстары барысында, магистральды көшенің сол жақ қапталында орналасқан шағын төбеде археологиялық қазба жұмыстары жүргізілді. Қазба жұмыстары барысында екі құрылыс қабаты анықталып зерттелді (1-сурет).

1-сурет – Сығанақ қаласындағы № 20 қазба орны. Әуеден көрініс

Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде жердің беткі қабатынан 0,3 м тереңдіктен бірінші құрылыс қабатына жататын он үш бөлме ашылып, зерттелді. Бірінші құрылыс қабатына жататын құрылыс нысандардың пішіні төртбұрышты, бұрыштары дүниенің төрт тарапына бағыттала орналасқандығы анықталды. Бөлмелер бір-біріне жалғастыра салынған. Зерттеу жұмыстары

¹ Ата-Мелик Джувейни. Чингисхан. История завоевателя мира. М. : «Издательский дом Магистр-пресс», 2004. С. 58.

² Киракос Гандзакечи. История Армении. М., 1976. С. 224.

³ Жолдасбаев С. Ортағасырлық Сығанақ қаласы (X–XVIII ғғ.). Түркістан : Тұран баспасы, 2010. С. 8.

⁴ Фазлаллах Ибн Рузбихан Исфакани. Михман-наме-йи Бухара (Записки бухарского гостя) / Пер., пред. и прим. Р.П. Джалиловой. М. : Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 533.

барысында аталмыш махалланың магистральды көшені бойлай тұрғызылған солтүстік-шығыс бөлігі ғана ашылды. Зерттеу жұмыстарының нәтижесінде бөлмелердің есігі магистральды көшені бойлай орналасқан аулаға ашылғандығы, яғни тұрғын үй бөлмелеріне аула арқылы кіретіндігі анықталды. Тұрғын үйлер бір немесе екі бөлмеден құралған анфиладты жоспар түрінде салынған (2-сурет). Мұндай үлгідегі тұрғын үйлерді Отырар және Түркістан қалаларының XVII–XIX ғасырларға жататын құрылыс қабаттарынан кездестіруге болады¹.

2-сурет – Сығанақ қаласындағы бірінші құрылыс қабатының жоспары

Қазба жұмыстары барысында бірінші құрылыс қабатына жататын тұрғын үй бөлмелерінен және ауладан кең ауызды құмыралар, кеселер, қазандар, табақтар және бірнеше мыс теңгелер табылды. Саздан жасалған ыдыстар сырлы және сызсыз болып бөлінеді (3-сурет). Осы ыдыстарға ұқсас үлгілері Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларының XIX ғасырға жататын құрылыс қабаттарынан көптеп табылған².

¹ Байпақов К.М. Ежелгі және орта ғасырлардағы Отырар. Алматы : Қазығұрт баспасы, 2007. С. 82–83; Тұяқбаев М.Қ., Мурғабаяев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Сиздиков Б.С. Ескі Түркістан қалашығының шахристанында орналасқан Жеті Ата көшесі бойында ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізу, жалпы ұзындығы 660 м. Есеп. Түркістан, 2020. С. 55–61.

² Акишев К.А., Байпақов К.М., Ерзакович Л.Б. Позднесредневековый Отрар. Алма-Ата : Издательство Наука Казахской ССР, 1981. С. 1–4; Хазбулатов А., Петров П., Шайгозова Ж., Ержігітова А. Күлтөбе қазынасы. Нұр-Сұлтан : Қазақ ғылыми-зерттеу мәдени институты, 2020. С. 73–105; Тұяқбаев М.К., Егеубаева А.М. Түркістан жазирасының қыш ыдыстары. Түркістан : Изд-то Золотая Книга, 2018. С. 132–133.

3-сурет – Бірінші құрылыс қабатынан табылған ыдыстар

Бірінші құрылыс қабатының абсолюттік хронологиясын анықтау мақсатында № 2 бөлмеден С14 анализі жасау үшін сынамалар алынып (жанған ағаш бөлігі), Түркия Республикасындағы «ТУБИТАК МАРМАРА» зертханасында сараптама жасалынды. Сараптама қорытындысы бойынша бірінші құрылыс қабатының 180 ± 21 жыл бұрынғы, яғни ХІХ ғасырдың басына жататындығы анықталды (Таблица 1. TÜBITAK–2068). Анықталған құрылыс нысандарды және табылған тарихи жәдігерлерді негізге ала отырып, аталмыш құрылыс қабатының Сығанақ қалашығының соңғы құрылыс қабаты болғандығын айтуға болады. Себебі аталмыш құрылыс қабаттан кейін, яғни ХІХ ғасырдың екінші жартысында қалада тіршілік тоқтаған. Бұл пікірімізді жоғарыда айтып өткеніміздей ХІХ ғасырдың екінші жартысында қала орнында болған өлкетанушылардың зерттеулері қуаттай түсуде¹.

Кесте – С14 анализінің қорытындысы

№	Зертхананың инвентар №	Экспедицияның инвентар №	¹⁴ C жасы	Үлгі түрі	Өлшеу күні
1	TÜBITAK–2068	SK-2021-1	180 ± 21	көміртекті материал	10.01.2022
2	TÜBITAK–2069	SK-2021-2	294 ± 21	көміртекті материал	10.01.2022

Бұл кестеде Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2021 жылы жүргізілген қазба жұмыстары барысында бірінші және екінші құрылыс қабаттарынан алынған көміртекті материалдарға Түркия Республикасындағы «ТУБИТАК МАРМАРА» зертханасында жасалған С14 сараптамасының қорытындысы көрсетілген.

Қазбаны жалғастыру барысында, жердің беткі қабатынан 0,7 м – 1,3 м тереңдіктен екінші құрылыс қабаты анықталды. Құрылыстарды аршу барысында кейбір үйлердің үстіне уақыт өте келе жөндеу жұмыстарын жүргізе отырып, алғашқы жоспар бойынша бөлме тұрғызылғандығы белгілі болды. Аталмыш құрылыс қабатына тиесілі он үш бөлме, екі бастырма және екі аула ашылып, толық сипаттамасы жасалынып, бөлмелердің қандай мақсатта пайдаланғандығы жөнінде ғылыми тұжырымдар жасалынды (4-сурет).

Екінші құрылыс қабатына жататын тұрғын үйлер бір, екі немесе үш бөлмеден тұратын анфиладты және «Г» іспеттес жоспар түрінде салынған (5-сурет). Мұндай үлгідегі тұрғын үйлер Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында ХVІІ–ХVІІІ ғасырларға жататын құрылыс қабаттарынан анықталған². Тұрғын үй

¹ Лерх П. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 году. СПб., 1870. С. 11–12, Смирнов Е.А. Древности на среднем и нижнем течении р. Сырдарья / ПТКЛА от 17 февраля 1897. С. 7; Каллаур В.А. Древние города Саганакъ (Сунакъ), Ашнасъ или Эшнасъ (Асанасъ) и другие въ Перовскомъ уезде, разрушенные Чингисъ-ханомъ въ 1219 году // ПТКЛА, V. Ташкент, 1900. С. 9–11.

² Байпаков К.М. Ежелгі және орта ғасырлардағы Отырар. Алматы : Қазығұрт баспасы, 2007. С. 112–118; Хазбулатов А., Ақылбек С., Ожаубаев А., Гурсой М., Пәрменкул С., Сиздиков Б., Алмазулы Ш., Шоқаев Қ., Сералиев А., Сералы Н., Қуандық

құрылысында көлемдері 27x27x6, 25x25x5, 23x23x5 см болып келетін күйдірілген кірпіштер қолданылған. Бұндай көлемдегі күйдірілген кірпіштердің баламалары Ортағасырлық Баласағұн, Отырар, Түркістан, Сауран және т. б. қалалардан көптеп анықталған¹. Жатын бөлмелерінің интерьерлері ретінде «П» іспеттес сыпаларды, есік аузының астында ташнауы бар кірпіш төсенді едендерді және бөлме жылытуға арналған тандыр ошақтар анықталды (6-сурет). Мұндай үлгідегі сыпалар мен бөлме жылытуға арналған түтіндігі сыпаның астымен жүргізілген ошақтарды Қаратаудың теріскейіндегі кейінгі ортағасырлық Күлтөбе және Ран қалаларынан², Сырдарияның ортаңғы ағысындағы Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларынан кездестіруге болады (7-сурет).

4-сурет – Сығанақ қаласындағы екінші құрылыс қабатының әуеден көрінісі

5-сурет – Сығанақ қаласындағы екінші құрылыс қабатының жоспары

Екінші құрылыс қабатына жататын тұрғын үй бөлмелерінің едендерін тазалау барысында тар ауызды құмыралар, кеселер, қайрақ тастар және үш дана күміс теңгелер алынды (8-сурет). Осы ыдыстарға ұқсас үлгілер Отырар, Күлтөбе және Түркістан қалаларының XVII–XVIII ғасырларға жататын құрылыс қабаттарынан табылған³.

6-сурет – Сығанақ қаласындағы екінші құрылыс қабатынан анықталған жатын бөлмесің көрінісі

7-сурет – Күлтөбе қаласындағы екінші құрылыс қабатынан анықталған жатын бөлмесің көрінісі

А., Сыдыев Н., Кенжекулов М., Сыздықов С. Күлтөбе қалажұртында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының есебі. Түркістан, 2019. С. 243–245; Тұяқбаев М.Қ., Мургабаев С.С., Бахтыбаев М.М., Арынов Қ.С., Сиздиқов Б.С. Ескі Түркістан қалашығының шахристанында орналасқан Жеті Ата көшесі бойында ғылыми-зерттеу жұмыстарын жүргізу, жалпы ұзындығы 660 м. Есеп. Түркістан, 2020. С. 55–61.

¹ Yeraly Akymbek and Beibit Baibugunov. Minaret of Medieval City Aktobe // World Academy of Science, Engineering and Technology. Vol. 78. 2013.P. 1236; Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII–XV веках. Алма-Ата : Издательство Наука Казахской ССР, 1987. С. 125.

² Жолдасбаев С. Позднесредневековые города на северных склонах Каратау. Туркестан : Туран, 2012.

³ Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Там же. С. 1–4; Хазбулатов А., Петров П., Шайгозова Ж., Ержігітова А. Күлтөбе қазынасы. Нұр-Сұлтан : Қазақ ғылыми-зерттеу мәдени институты, 2020. С. 73–105; Тұяқбаев М.К., Егеубаева А.М. Түркістан жазирасының қыш ыдыстары. Түркістан : Изд-то Золотая Книга, 2018. С. 132–133.

8-сурет – Екінші құрылыс қабатынан табылған ыдыстар мен қаптама плитка

Екінші құрылыс қабатынан табылған күмістен соғылған теңгелерге зерттеу жұмыстарын жүргізе отырып, аверсінен анықталып отырған жазбалардан теңгелердің Шайбанидтер әулетінің билеушісі II Абдулла ханның билігі тұсында (1557–1598 жж.) соғылғандығы анықталды. Сонымен қатар теңгенің аверсінің ортасындағы гүл дестелі картуш ішінде ханның аты, оны айналдыра ханның эпитеттері және соғылған жылы көрсетілген. Реверсіндегі жазбаларда калима шахадут және исламның алғашқы төрт халифасының есімдері лауазымдарымен көрсетілген (9-сурет).

Аталмыш күміс теңгелердің үлгілері Отырар, Түркістан және Сауран қалаларында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстары барысында XVI–XVII ғасырларға жататын құрылыс қабаттарынан табылған¹.

9-сурет – Екінші құрылыс қабатынан табылған күмістен соғылған теңгелер

¹ Бурнашева Р.З. Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV–XVIII вв. Туркестан: Типография Международного казахско-турецкого университета им. А. Ясауи, 2006. С. 38–39; Пәрменқұл С.Т., Сералиев А.А., Сиздиқов Б.С., Алмазұлы Ш. 2020 жылы Отырар қалажұртында жүргізілген археологиялық қазба жұмыстарының нәтижелері // Ясауи университетінің Хабаршысы ғылыми журналы. № 4 (118). 2020. С. 292 [Режим доступа: <https://doi.org/10.47526/2020/2664-0686.054>].

Екінші құрылыс қабатының абсолюттік хронологиясын анықтау мақсатында № 18 бөлмеден С14 анализі жасау үшін сынамалар алынып (ағаш шіріндісі), Түркия Республикасындағы «ТУБИТАК МАРМАРА» зертханасында сараптама жасалынды. Сараптама қорытындысы бойынша екінші құрылыс қабатының 294±21 жыл бұрынғы, яғни XVIII ғасырдың басына жататындығы анықталды (Таблица 1. TÜBITAK–2069). С14 анализінің қорытындысына сүйене отырып, Шайбанидтер әулетінің билеушісі II Абдулла ханның билігі тұсында (1557–1598 жж.) соғылған күміс теңгелердің және XV–XVI ғасырларда соғылған мыс теңгелердің Сығанақ қаласында XVIII ғасырдың басына дейін қолданыста болғандығын айта аламыз. Сонымен қатар, сараптаманың негізінде, Сығанақ қаласының XVII–XVIII ғасырдағы тұрғын үйлердің архитектуралық ерекшеліктері анықталды. Бірнеше бөлмеден тұратын анфиладты жоспар түрінде салынған тұрғын үйлер және «П» іспеттес сыпалардың алғашқы үлгілері ортағасырлық Отырар, Түркістан және т. б. қалалардың XI–XII ғасырларға жататын құрылыс қабаттарынан анықталған¹. Бұл зерттеуде, Сығанақ қаласында анықталған бір, екі немесе үш бөлмеден тұратын анфиладты және «Г» іспеттес жоспар түрінде салынған тұрғын үйлердің және жатын бөлмелерінен анықталған «П» іспеттес сыпалардың, есік аузының астында ташнауы бар кірпіш төсенді едендердің және бөлме жылытуға арналған түтіндігі сыпатын астымен жүргізілген тандыр ошақтардың XVIII ғасырда да қолданыста болғандығы көрініп отыр.

Ортағасырлық Сығанақ қаласында 2021 жылы жүргізілген ғылыми-зерттеу жұмыстары барысында алынған саз ыдыстарды, тұрғын үйлердің архитектуралық құрылымын, жоспарын және С14 анализінің қорытындысын негізге ала отырып, бірінші құрылыс қабатының XIX ғасырдың басына жататындығы анықталды. Анықталған құрылыс нысандарды және табылған тарихи жәдігерлерді негізге ала отырып, аталмыш құрылыс қабатының Сығанақ қаласының соңғы құрылыс қабаты болғандығын айтуға болады. Себебі аталмыш құрылыс қабаттан кейін, яғни XIX ғасырдың екінші жартысында қалада тіршілік көзі тоқтаған.

Екінші құрылыс қабатына тиесілі тұрғын үй бөлмесінен алынған С14 анализінің қорытындысы бойынша бұл құрылыс қабатының 294±21 жыл бұрынғы, яғни XVIII ғасырдың басына жататындығы анықталды. Мақалада С14 анализінің қорытындысына сүйене отырып, Шайбанидтер әулетінің билеушісі II Абдулла ханның билігі тұсында (1557–1598 жж.) соғылған күміс теңгелердің және XV–XVI ғасырларда соғылған мыс теңгелердің Сығанақ қалашығында XVIII ғасырдың басына дейін қолданыста болғандығын анықталды. Сонымен қатар, Ортағасырлық Отырар және т. б. қалалардың XI–XII ғасырларға жататын құрылыс қабаттарынан анықталған бірнеше бөлмеден тұратын анфиладты жоспар түрінде салынған тұрғын үйлердің және «П» іспеттес сыпалардың Сығанақ қалашығында XVIII ғасырдың соңына дейін құрылыстарда қолданылғаны анықталды. Бұл тұжырымымызды осы құрылыс қабатынан табылған ақшыл және ашық көкшіл түсті сырға көк және қоңыр түсті сырмен гүл дестелері және толқын іспеттес бейнелер түсірілген саз ыдыстар қуаттай түсуде.

© Б.С. Сиздиков, К.М. Жетибаев, М. Гүрсой, М.М. Бахтыбаев,
С.С. Мургабаев, К.С. Арынов, Л.Д. Малдыбекова, 2022

УДК [398.4:133.4](470.57)

ОКОЛОМИСТИЧЕСКИЕ ПРОМЫСЛЫ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО БАШКОРТОСТАНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

М.Н. Сулейманова
(ИИГУ БашГУ, Уфа)

С древнейших времен неотъемлемой частью жизни людей являлись различного рода гадания, предсказания, магические ритуалы, посещение святых мест и использование сакральных предметов. Как это ни парадоксально, но всё это имеет место в жизни современного человека.

¹ Байпақов К.М. Ежелгі және орта ғасырлардағы Отырар. Алматы : Қазығұрт баспасы, 2007. С. 82–83.

Вышеперечисленные явления обрели «новую жизнь», став вполне доходными промыслами, и получили достаточно широкое распространение среди населения Башкортостана. Следует отметить, что упомянутые явления как промыслы, как источник дохода не были объектом специальных этнографических исследований. Поэтому эта проблема в данной сфере жизнедеятельности современного общества может заинтересовать специалистов широкого круга научных интересов – этнографов, фольклористов, социологов и др. Кроме того, многие из этих промыслов возникли на традиционной основе, то есть связаны с верованиями и обрядами народов края, сохранение и фиксация которых была и остается важной задачей, стоящей перед исследователями этнической культуры. Следовательно, всестороннее изучение этой проблемы позволит осуществить фиксацию, научный анализ и ввод в научный оборот новых этнографических материалов.

В ходе этнографических исследований, проводившихся автором на протяжении многих лет с 1990 г. в различных уголках Республики Башкортостан и за ее пределами, был собран значительный по объему полевой материал¹. Целью этих исследований был сбор сведений о так называемых околומистических промыслах, в первую очередь о структуре, содержании деятельности сферы гаданий, предсказаний, магических ритуалов, о промыслах на святых местах и о сакральных предметах, популярных и распространенных среди населения современного Башкортостана. Отсюда были определены следующие задачи:

- исследовать традиционные и современные способы, содержание деятельности сферы гаданий, предсказаний, магических ритуалов (например, наведение порчи, исцеление), распространенные среди современных народов (тюркских, финно-угорских, славянских) Башкортостана;

- исследовать промыслы на святых местах и сакральные предметы, распространенные среди населения современного Башкортостана.

Накопленные сведения и их анализ полностью подтверждают тот факт, что сегодня люди весьма хорошо осведомлены об этой сфере деятельности определенной части населения. Они проявляют к этому разное отношение – от полного неприятия, отрицания и обесценивания до полного доверия и частого обращения к лицам, занимающимся подобного рода занятиями. Причем число людей, так или иначе обращающихся к гадалкам или интересующихся различного рода предсказаниями, очень и очень немало.

Наши материалы также свидетельствуют о том, что люди в наше время интересуются различного рода предсказаниями, обращаются к гадалкам, посещают те или иные священные места, называемые также как «места силы», и используют различные сакральные предметы, как это ни парадоксально, в не меньшей мере, чем это делали их предки в далеком и не очень прошлом. Причем нередко многие формы традиционных околומистических промыслов у различных народов Башкортостана, прежде всего тюркоязычных, финно-угорских, восточнославянских, во многом схожи и различаются лишь по названию. В настоящее время представители этих народов интересуются не только традициями и обычаями старины, но и участвуют в их реконструкции. Это подтверждается многочисленными сведениями и свидетельствами о не снижающейся среди населения популярности тех или иных способов предсказаний, а также самих личностей многочисленных гадалок и предсказателей. Причем это прослеживается среди людей разного возраста и социального положения. Известно, что усиление интереса к ним чаще всего проявляется в периоды нестабильной или кризисной социально-экономической ситуации в стране и регионе.

Вместе с тем отсутствует целостное понимание характера, форм, содержания и структуры деятельности в сфере гаданий и предсказаний – как и понимания масштабов осуществления деятельности, связанной с этим, в том числе промыслов на святых местах и магических предметах. Тем не менее подобного рода занятия широко распространены среди населения и практически не

---

¹ Полевые материалы автора (ПМА). 1990–2022 гг.

учитываются ни соответствующими органами власти, ни социально-психологическими службами. Исследование данной сферы жизнедеятельности общества будет полезной как с научной, так и практической точки зрения, например, для понимания морально-психологического состояния общества и выработки мер социального характера и государственных программ различного уровня. Все вышесказанное подтверждает необходимость проведения специальных исследований, систематизации источникового материала, научного анализа и введения его в научный оборот.

© М.Н. Сулейманова, 2022

УДК 327(470.57)“20”

РАЗВИТИЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI в.: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ

В.Р. Султангулов
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Республика Башкортостан к концу XX в. смогла установить внешние связи с более чем 90 странами¹, успешно развивались связи с международными организациями, например с КМРВЕ (конгресс местных и региональных властей Европы) в политической области, ЮНЕСКО, ТЮРКСОЙ и ТАСИС в культурной сфере и ПРООН, ЮНИДО в области экономики². На 2000–2002 годы больше 60 % внешних экономических связей приходилось на страны Европейского союза³, особенно устойчивыми были связи с Германией, Великобританией, Италией, Финляндией, Испанией, Нидерландами. Со странами СНГ внешнеэкономическая деятельность занимала 15 %, где особо прочными оставались связи с Казахстаном и Узбекистаном. Башкирия успешно продвигала свои интересы на международной арене, заняв определенную нишу в международном разделении труда в качестве экспортера минеральных продуктов (топливо) – более 75,4 % от всего экспорта⁴. При этом 15 % экспорта составляли химические продукты и каучук. Уже к концу 1990-х гг. было зарегистрировано более 400 предприятий, имеющих внешние связи, из которых 146 были экспортерами⁵. Таким образом, к началу XXI в. удалось установить надежные отношения с большим числом стран и добиться положительного сальдо в торговом балансе. Однако зарождалась проблема в несправедливой торговле при экспорте нефтепродуктов и импорте готовых высокотехнологичных товаров в отношениях с западными странами. В то же время тяжелое экономическое положение в регионе и в стране в целом требовало привлечения средств для преодоления кризиса, однако из-за экономической нестабильности из 114 млн. долларов зарубежных инвестиций 102 млн. долларов приходилось на кредиты.

Для преодоления наметившихся отрицательных тенденций в 1996 году Президент Республики Башкортостан М.Г. Рахимов подписал Указ «О Концепции внешнеэкономической деятельности Республики Башкортостан», где были определены основные направления внешнеэкономической деятельности, центральным из которых было «постепенное изменение структуры экспорта за счет увеличения удельного веса готовой, наукоемкой продукции и снижения удельного веса сырья и энергоносителей»⁶. Реализацией Концепции занимались Министерство внешних связей и торговли, а также Минэкономики РБ.

¹ НА РБ. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 93. Л. 8.

² Там же. Д. 69. Л. 20.

³ Там же. Д. 92. Л. 52.

⁴ Там же. Л. 193.

⁵ Там же. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 13. Л. 152.

⁶ Указ Президента Республики Башкортостан от 4 марта 1996 г. N УП-130 «О Концепции внешнеэкономической деятельности Республики Башкортостан» [Режим доступа: <https://base.garant.ru/17751848/> (дата обращения: 02.08.2022)].

За первое десятилетие XXI в. Республика Башкортостан заключила договоры с 54 субъектами Российской Федерации в сфере экономического, научного и культурного сотрудничества и фактически вело внешнюю экономическую деятельность с 80 субъектами России¹. При этом органы исполнительной власти республики заключили 144 соглашения с органами исполнительной власти Российской Федерации², а также 94 договора с юридическими лицами из иных регионов России³. Однако, несмотря на проделанную работу, к 2010 году более 71 % экспорта приходилось на страны дальнего зарубежья.

До 2010 года в рамках 174 соглашений были развиты дипломатические отношения с 42 иностранными государствами⁴. Наибольшее количество соглашений заключалось с Республикой Беларусь, Индией, Казахстаном, Словакией, Турцией, Финляндией, Чехией. 15 соглашений в рамках экономического, научного, культурного, а также межрегионального взаимодействия было заключено с Китаем. 30 соглашений было заключено с Германией, где особо тесно развивались отношения с Саксонией.

Фактическая внешнеэкономическая деятельность уже к 2010 году проводилась в 106 зарубежных странах. К концу первого десятилетия XXI века во внешних связях участвовало 586 предприятий, из которых 242 были экспортерами. Если в 2000 году удалось достичь максимума во внешнеторговом обороте в 2,791 млрд. долларов, при экспорте 2,492 млрд долларов (89 %) ⁵, то к 2010 году внешнеторговый оборот вырос до 10,64 млрд. долларов, а к 2011 г. – 13,724 млрд. долларов, с увеличением доли экспорта до 90–92 %. Однако также увеличилась доля нефтепродуктов и топлива до 83,7 % в структуре экспорта, что показывает нерешенность данной проблемы.

Установление модели экспортно-сырьевого развития экономики в целом характерно и для Российской Федерации. Помимо таких явных угроз, как наложение санкций, резких скачков цен на энергоносители и изменение курса валют, существует проблема и скрытого оттока добавленной стоимости⁶. По мере нарастания экспорта энергоносителей будет также повышаться и обменный курс валюты, в связи с чем экспорт иных видов товаров станет менее рентабельным. При этом сфера добычи ископаемых ресурсов не создает большого количества рабочих мест и не формирует сложных товарных цепочек внутри региона по сравнению с высокотехнологичными предприятиями, поэтому данная проблема остается актуальной и на сегодняшний день.

В 2000–2010 годы для Республики Башкортостан предпочтительной стратегией было поощрение создания совместных предприятий с европейскими партнерами для внедрения высоких технологий и сбыта продукции в третьи страны. Был проделан колоссальный труд в развитии новых форм внешних связей, что выражается в подписании 82 договоров с иностранными юридическими лицами из 20 стран. Ведущими направлениями в отношениях с Великобританией являлось сотрудничество в сфере кредитов и инвестиций, с Австрией – в области импорта оборудования для здравоохранения, машиностроения, с Италией – в области импорта сельхозтехники, с Нидерландами – в области создания высокотехнологичных товаров. Большой интерес к Республике Башкортостан проявили предприятия Китая, Казахстана, Словацкой Республики, ФРГ, Франции и Турции. Важно заметить, что дипломатические, научные и культурные связи развиваются с провинцией Китая Ляонин, подобным образом тесно развиваются и экономические отношения с предприятиями данного региона. С провинцией Ляонин были также подписаны межвузовские соглашения для осуществления обучения наших студентов в Китае.

Активное взаимодействие в культурной сфере с международными организациями было проделано в области развития отношений с ЮНЕСКО – учреждением ООН по вопросам образования, науки и культуры. В соответствии с Указом Президента РБ М.Г. Рахимова от 25.11.1998 г. УП–798 был

---

¹ НА РБ. Ф. Р-5174. Оп. 1. Д. 230. Л. 72–84.

² Там же. Л. 63–71.

³ Там же. Л. 89–93.

⁴ Там же. Л. 54–62.

⁵ Там же. Ф. Р-5016. Оп. 1. Д. 90. Л. 24.

⁶ Москаленко О.А., Коденко И.А., Чуева И.А. Внешняя торговля России: реалии и перспективы // Экономика и предпринимательство. 2018. № 3. С. 141.

создан Комитет РБ по делам ЮНЕСКО, который содействовал организации выставок художников, проведению Дней ЮНЕСКО, форумов, фестивалей и т. д. С 2000 г. в Республике Башкортостан заработал проект «Ассоциированные школы ЮНЕСКО», в который до 2010 года присоединились 20 школ, а 10 школ получили сертификаты участников проекта от Гендиректора ЮНЕСКО Коитиро Мацууры (РЭЛИ, РХГИ, «Альфа», школы: 5, 39, 45, 64, 131, 140, 155)¹. Наши школьники побывали на мероприятиях ЮНЕСКО в Париже, Италии, Греции, Германии, Швейцарии, Кении, Малайзии, Китае, Японии, Болгарии и Индонезии. Также в Республике Башкортостан действовало более 20 клубов проекта «Ассоциации, центры и клубы ЮНЕСКО». Международная Открытая Школа готовила ораторов для выступлений в Москве, Минске, Берлине, Риме, Флоренции, Пизе, Лионе др. городах. Благодаря многочисленным контактам с Францией, в том числе по вопросам ЮНЕСКО, в Республике Башкортостан было открыто 4 совместных предприятия.

Республика Башкортостан также активно сотрудничала с TACIS (Техническая помощь СНГ), представители которой в основном консультировали региональные власти в вопросах инвестиций и участия в международных организациях. Одним из высших достижений было вхождение в Конгресс местных и региональных властей Совета Европы, в котором представлены 18 субъектов Российской Федерации. Деятельность в данном органе способствовала как продвижению интересов Башкирии в западноевропейских странах, поиску новых инвесторов и партнеров, так и более тесному сотрудничеству России и Европы. Благодаря высокой оценке экономической надежности Республики Башкортостан для инвестиций было достигнуто сотрудничество с ЕБРР (Европейским банком реконструкции и развития) в вопросах получения долгосрочных кредитов для предприятий.

За 2000–2010 годы Башкортостан нашел подходы для развития внешних связей, которые прежде всего связаны с экспортно-ориентированной экономической деятельностью. К сожалению, несмотря на многократный рост экспорта, проблема диверсификации не только не была решена, но и усугубилась. Наиболее широким направлением для развития внешних связей стала Западная Европа: на уровне региональных властей, международных организаций и экономических предприятий. Всего в 2010 году 586 предприятий осуществляли экономическую деятельность в 106 странах, были налажены дипломатические отношения с 42 странами. В этот период была сформирована правовая база для взаимодействия с федеральными органами власти, определены полномочия региона и центра. Помимо этого, была налажена координация в экономической, научной и культурной сферах с 54 субъектами России, а экономическая деятельность осуществлялась в 80 субъектах.

Республика Башкортостан приобрела большой опыт привлечения иностранных инвестиций, участия в деятельности международных организаций и продвижения на экспорт собственных товаров. Приобретенные связи со странами Востока сегодня также становятся актуальными в условиях экономических санкций Запада.

© В.Р. Султангулов, 2022

УДК 39(=512.111)(470.57)

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА

И.В. Сухарева
(ИЭС УГНТУ, Уфа)

По истории и культуре чувашей Башкортостана имеется немало различных сведений, в отечественной историографии данная проблема так же получила освещение. Однако рассматриваемая тема исследования требует современного концептуального подхода и обращения к неиспользованным (неопубликованным) архивным источникам. В связи с этим основой любого исторического исследования являются архивные документы. Источниковедческую базу может

¹ НА РБ. Ф. Р-5174. Оп. 1. Д. 29. Л. 117.

составить также совокупность опубликованных материалов, представленных нормативно-правовыми актами, документами официальной отчетности, статистическими, справочно-энциклопедическими данными, периодической печатью и т. д.

Основным источником по истории и культуре чувашей Башкортостана для автора послужили неопубликованные материалы архивов: Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА), Центрального государственного архива Чувашской республики (ЦГА ЧР), Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук (НА ЧГИГН), Объединенного государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) и Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ).

Архивные источники, выявленные в РГАДА и НА РБ, позволяют разрешить многие неясные вопросы и проследить формирование чувашского населения на протяжении изучаемого нами времени. В хранящихся фондах документов: «Дела Правительствующего сената по Синоду», «Ревизские сказки и Ландрат-книги Сената» и «Спорные дела Генерального и специального межевания Оренбургской губернии» и «Оренбургская казенная палата» – были обнаружены сведения о времени основания и развитии чувашских населенных пунктов на территории Башкирии¹. О росте количества их жителей и дворов повествуют, в первую очередь, данные ревизских сказок, составленных в 1783 (IV ревизия), 1795 (V ревизия), 1816 (VII ревизия), 1834 (VIII ревизия), 1850 (IX ревизия), 1858–1859 (X ревизия) гг., хранящиеся в фонде Оренбургской казенной палаты (Ф. И–138)². В работе были использованы и данные I–III ревизий, имеющиеся в публикациях. Они представляют большую ценность, являясь главным источником для выяснения условий заселения и динамики численности чувашского населения Башкирии на протяжении исследуемого периода. Кроме того, ревизские сказки содержат важные сведения о причинах убыли населения, характеризуют миграционные процессы, межсословные перемещения и т. д.

В фондах Оренбургского губернского правления и Оренбургского военного губернатора НА РБ отложились документы и материалы о времени, районах выхода чувашских переселенцев, условиях заселения ими башкирских земель и их занятиях³. Определенный интерес представляют дела о проведении Генерального межевания в Оренбургской губернии, где содержатся данные о разборе челобитных тептярей, бобылей, государственных крестьян и башкир о земле, об отдельных межевых спорах между коренным и пришлым населением, а также о культуре и быте⁴.

Документы фонда Уфимской казенной палаты позволяют выявить списки чувашских селений по волостям и уездам Уфимской губернии с указанием количества наделных и приобретенных в собственность земель, основания прав их владения⁵.

Фонды Комиссии, «высочайше» учрежденной для наделения землей башкирских припущенников, Канцелярии Оренбургского гражданского губернатора, Канцелярии Уфимского гражданского губернатора и других учреждений содержат отчеты губернаторов с характеристиками пришлого населения; сведения о времени возникновения поселений и их основателях; статистические данные, на основе которых сделан анализ положения, занятий и быта чувашских переселенцев края⁶.

Много интересных и содержательных документов по нашей теме и в ряде фондов деятелей народного образования – попечителя Оренбургского учебного округа, директора народных училищ Оренбургской губернии, директора народных училищ Уфимской губернии, инспекторов народных училищ уездов и училищных советов Уфимской губернии, Уфимского губернского училищного совета

¹ РГАДА. Ф. 248. Оп. 1; Ф. 350. Оп. 2; Ф. 1324. Оп. 1; НА РБ. Ф. И.-138. Оп. 2. Д. 21, 34, 35, 47, 55, 57, 303–339, 525–542, 651–665, 763, 765–769 и др.

² НА РБ. Ф. И.-138. Оп. 2. Д. 21, 34, 35, 47, 55, 57, 303–339, 525–542, 651–665, 763, 765–769 и др.

³ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 507, 616, 801, 1244, 1755, 2083; Ф. И.-1. Оп. 1. Д. 507, 616, 801, 1244, 2083; Ф. И.-2. Оп. 1. Д. 1542, 1755, 1857, 2494, 3480, 4871 (Т. 1), 4875, 5995, 677, 5139; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1755, 1857, 4871 (Т. 1), 4875, 6775; Ф. 2. Оп. 6. Д. 12558 и др.

⁴ Там же. Ф. И.-1. Оп. 1. Д. 787; Ф. 2. Оп. 1. Д. 1857 и др.

⁵ Там же. Ф. И.-139. Оп. 2. Д. 33, 167; Ф. 139. Оп. 1. Д. 167.

⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1; Ф. 2. Оп. 1; Ф. И.-2. Оп. 1; Ф. 2. Оп. 6; Ф. 6. Оп. 2; Ф. И.-6. Оп. 2; Ф. 11. Оп. 1; Ф. И.-11. Оп. 1, 2; Ф. 106. Оп. 1; Ф. 132. Оп. 1; Ф. 138. Оп. 1, 2; Ф. И.-138. Оп. 2; Ф. 139. Оп. 1; Ф. И.-139. Оп. 1; Ф. 172. Оп. 1; Ф. И.-172. Оп. 1 и др.

и т. д.¹ Основная часть документов из этих фондов представляет собой делопроизводственную документацию и материалы духовного ведомства. К первой, в частности, относятся прошения от населения к местным учебным властям об открытии учебных заведений с обоснованием необходимости этого и резолюциями по этим вопросам. Их ценность заключается не только в наличии фактов, указывающих на разрешение или неразрешение открытия учебного заведения в том или ином месте, но и в наличии мотивации обеих сторон по данному вопросу. Сюда также относятся отчеты о проверках школ в материальном, санитарно-гигиеническом и учебно-педагогическом аспектах. Интересные данные о численности учащихся и педагогических кадрах содержат отчеты инспекторов и директоров народных училищ. Среди них важную группу источников в фондах уездных училищных советов составляет также многообразная архивная документация местных органов самоуправления (журналы заседаний земских собраний, отчеты и доклады управ, проекты сметных назначений и т. д.). Материалы этой группы являются основной источниковой базой по проблемам развития начального образования чувашей в Уфимской губернии и впервые вводятся в научный оборот. Все эти документы (к примеру, отчеты инспекторов) являются рукописными и требуют особого внимания в силу сложностей при прочтении (неразборчивости почерка, неполного объема текста, частичных повреждений).

Основу исследования составляют и данные ОГАОО, в которых наиболее значимы фонды Канцелярии Оренбургского генерал-губернатора, Канцелярии Оренбургского губернатора, Оренбургского губернского правления, Оренбургского губернского жандармского управления, Канцелярии Оренбургского учебного округа, содержащие делопроизводственную документацию различных учреждений, прошения, доносы, жалобы со стороны населения, дающие представление о ситуации с образованием населения как в Оренбургском учебном округе в целом, так и в Оренбургской губернии, в частности². Они обладают богатейшим материалом по всем типам начальных школ, в т. ч. нерусским, на территории, подчинённой оренбургскому генерал-губернатору. В отчётах губернаторов представлены статистические сведения, поднимаются вопросы оснащённости учебного процесса, высказываются мнения по совершенствованию отдельных звеньев образовательной системы и подготовки педагогических кадров. В работе привлечен документ, содержащий мнения руководителей края по поводу введения «Инструкции инспекторам башкирских, киргизских и татарских школ» 1877 г.³ Из него следует, что именно точка зрения оренбургского генерал-губернатора стала определяющей при отказе от её использования. Существенная информация по учебным заведениям МНП располагается в фонде Дирекции народных училищ Оренбургской губернии, Оренбургской уездной земской управы и т. д.⁴ Однако следует отметить, что многие архивные дела предоставляют противоречивые данные, сведения по некоторым типам школ носят приблизительный характер. Затрудняли работу отсутствие единых правил подготовки отчётов, использование разных наименований одних и тех же учебных заведений.

В работе впервые использованы и фонды ЦГА ЧР: Чебоксарского уездного суда, Цивильской уездной земской управы, Цивильского уездного исправника, Цивильского уездного суда, Ядринской уездной земской управы, Ядринской Троицкой церкви⁵. В них содержатся документы, подробно рассказывающие о политике Русского государства в сфере религии и образования, положении чувашского населения на исторической родине, о причинах их переселения и т. д. Из научного архива ЧГИГН извлечены документы фондов: Материалы статистико-этнографического исследования, осуществленного в Чувашской АССР в 1981–1982 гг. ЧНИИЯЛИЭ и Институтом этнографии АН СССР⁶. Помимо этого, использованы фонды Н.В. Никольского, Г.И. Комиссарова, П.Г. Григорьева,

¹ НА РБ. Ф. 109. Оп. 1, 2; Ф. И-109. Оп. 1; Ф. И-110. Оп. 1; Ф. 111. Оп. 1; Ф. И-111. Оп. 1; Ф. 113. Оп. 1; Ф. И-113. Оп. 1; Ф. 116. Оп. 1; Ф. И-116. Оп. 1; Ф. И-206. Оп. 1; Ф. 798. Оп. 1; Ф. 801. Оп. 1 и др.

² ОГАОО. Ф. 6. Оп. 6; Ф. 10. Оп. 1; Ф. 11. Оп. 1; Ф. 21. Оп. 2; Ф. 73. Оп. 1; Ф. 75. Оп. 1; Ф. 273. Оп. 1.

³ Там же. Ф. 6. Оп. 6. Д. 14586.

⁴ Там же. Ф. 73. Оп. 1. Д. 241, 281, 282; Ф. 75. Оп. 1. Д. 16, 43.

⁵ ЦГА ЧР. Ф. 14. Оп. 1; Ф. 16. Оп. 1; Ф. 88. Оп. 1; Ф. 89. Оп. 1; Ф. 90. Оп. 1; Ф. 122. Оп. 1, 2. Ф. 207. Оп. 1; Ф. 301. Оп. 1.

⁶ НА ЧГИГН. ФФ. Материалы статистико-этнографического исследования, осуществленного в Чувашской АССР в 1981–1982 гг. ЧНИИЯЛИЭ и Институтом этнографии АН СССР. Отд. III. Ед. хр. 873.

В.К. Магницкого, И.Я. Яковлева и др. Здесь хранится переписка И.Я. Яковлева с Н.И. Ильминским. Во втором издании находятся еще 14 писем И.Я. Яковлева Н.И. Ильминскому, но здесь они не выделены в отдельную главу, а располагаются среди прочей переписки (расположение в хронологической последовательности, с 25 июля 1877 г. по 17 апреля 1891 г.). Также приведены справочный материал, источники, публикации. Хранятся здесь и воспоминания И.Я. Яковлева в записи А.В. Жиркевича, воспоминания, письма выпускников Симбирской чувашской учительской школы, собранные П.Т. Золотовым¹. Переписка И.Я. Яковлева с Н.И. Ильминским хранится также в следующих фондах: Чувашский национальный музей, личный фонд И.Я. Яковлева; Российской государственной библиотеки, отдел рукописей². Полученные в ходе исследования материалы архивного фонда содержат сведения о миссионерско-просветительской системе Н.И. Ильминского, проблемах при открытии школ в губернии, положении дел в религиозной, этнографической, культурной сферах жизни чувашей. Содержание архива писем было использовано для получения новых данных по истории чувашского народа, их христианизации, просвещению. Все они впервые использованы в данной работе. В целом, в фондах центральных и местных архивов хранятся документы, которые достаточно полно позволяют раскрыть данную тему.

Сведения по управлению Оренбургской губернией, о строительстве заводов, укрепленных линий, борьбе с переселенческим движением, податях и повинностях, взаимоотношениях коренного и пришлого населения содержатся в основных законодательных актах – именных и сенатских указах. В этой связи из опубликованных источников первостепенное значение имеют документы «Полного собрания законов Российской империи». В них приводится основная масса законодательных актов Правительства по земельным и религиозным вопросам в Башкирии, характеризующих правительственную политику по отношению к населению исследуемой территории³.

Ценные сведения содержит сборник документов и материалов «Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях». В сборник включено большое количество указов об органах и механизме управления краем, о политике Правительства по отношению к населению края, касающейся вопросов землепользования, налогообложения, взаимоотношений коренного и пришлого населения⁴.

При определении числа проживающих в Башкирии чувашей конца XIX в. использовались данные Первой Всероссийской переписи населения Российской империи 1897 г.⁵ Представляют ценность акты и делопроизводственные материалы, содержащиеся в сборниках документов и статей по истории России, Чувашской и Татарской АССР, где отложилась информация о времени и причинах переселения чувашей из Среднего Поволжья⁶. Особо интересны «Материалы по истории Башкирской АССР»: большинство документов содержат сведения об управлении территорией, условиях заселения края, взаимоотношениях пришлого и местного населения, чувашских переселенцев, входивших в тептяро-бобыльскую группу, а также в категорию государственных крестьян и др.⁷ Немало ценных сведений о времени возникновения и основателях чувашских населенных пунктов встречается и во многих других сборниках документов⁸. Частичные сведения о

¹ НА ЧГИГН. Ф. Н.В. Никольского (Отд. 1), Г.И. Комиссарова (Отд. 2), П.Г. Григорьева (Отд. 2), В.К. Магницкого (Отд. 10), И.Я. Яковлева (Отд. 2) и др.

² Чувашский национальный музей. Личный фонд И.Я. Яковлева; РГБ. Отдел рукописей. Ф. 361. К. 3. Ед. хр. 49; К. 9. Ед. хр. 35; Ф. 424. К. 3. Ед. хр. 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). С 1649 г. Т. II, IV, V, VI, VII, IX–XII, XXIII, XXVII, XXXII и др.

⁴ Законы Российской империи о башкирах, мишарях, тептярях и бобылях. Сб. документов и материалов / Сост. Ф.Х. Гумеров. Уфа, 1999. С. 12–403.

⁵ Первая Всеобщая перепись населения Российской империи. 1897: Материалы. СПб., 1899–1905. Т. XLV: Уфимская губерния. СПб., 1901. Тетрадь 1. С. 3, 7, 8; СПб., 1904. Тетрадь 2. С. 170–171.

⁶ Материалы по истории России. Сб. указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края. 1734. (По архивным документам Тургайского областного правления) / Сост. А.И. Добросмыслов. Оренбург, 1900. Т. 1, 2. С. 10, 53, 200–204; Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. 1. С. 272, 254–255, 257, 258, 260, 272; Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. 1. С. 116–333; Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 78–158 и др.

⁷ Материалы по истории Башкирской АССР. М., 1936–2001. Т. 1–6.

⁸ Южноуральский археографический сборник. Уфа, 1976. Вып. 2. С. 83–94; Малоизученные источники по истории Башкирии. Уфа, 1986. С. 78–158 и др.

времени образования населенных пунктов и административной территории, об основателях поселений и их хозяйстве и быте, об участии чувашей в Крестьянской войне 1773–1775 гг. имеются в тематических сборниках по истории данного социального движения на территории Башкортостана (1975, 1988 гг.), общероссийских изданиях, выпущенных в последний период¹.

Рассмотрение процесса становления системы начального образования также невозможно без нормативно-правовой базы, представленной материалами высших правительственных органов. К ней относятся законодательные и нормативно-правовые акты, а также официальная документация по учебным округам, имевшая непосредственное отношение к теме исследования (сборники законов, инструкции и постановления, уставы, положения, распоряжения)².

Особый интерес вызывает труд Г.А. Фальборка и В.И. Чарнолуского «Настольная книга по народному образованию»³, которая является по сути дела энциклопедией для простых учителей и инспекторов учебных округов. В ней, помимо уставов и положений обо всех типах школ, помещены дополнения и изменения к принятым законам. Авторы, кропотливо собрав материал и систематизировав его, представили программы предметов всех типов школ, уставы попечительств, по многим школам показали их финансовые средства, поэтому их работы являются ценнейшим источником для современных историков.

Следующая группа источников представлена многообразной документацией местных органов самоуправления как опубликованной, так и хранящейся в архивах (журналы заседаний земских собраний, отчеты и доклады управ, проекты сметных назначений и т. д.). Существенным дополнением к неопубликованным материалам являются более доступные опубликованные документы официальной отчетности, к которым относятся материалы Губернского статистического комитета и отчеты обер-прокурора Святейшего Синода, губернаторов, Епархиального училищного совета и епархиальных наблюдателей⁴. Отчеты епархиальных наблюдателей содержат информацию

---

¹ Крестьянская война под предводительством Е. Пугачева в Чувашии. Сб. документов. Чебоксары, 1972. С. 34–36, 147, 167–168, 317, 382; Народы в Крестьянской войне 1773–1775 гг. // ИИЯЛ БФАН АН СССР. Уфа, 1977. С. 82–83; Крестьянская война 1773–1775 гг. в России. Документы из собраний Государственного исторического музея. М., 1973. С. 97–98, 121–122, 148, 198, 258; Участие народов в Крестьянской войне 1773–1775 гг. Тезисы докладов на Всесоюзной научной конференции. Уфа, 3–5 июня 1974 г. С. 48, 55 и др.

² Сб. постановлений и распоряжений по МНП: В 17 тт. СПб., 1865; Сб. документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб., 1869; Журнал Уфимского губернского земского собрания. 1 очередная сессия. 17 января 1876 г. Уфа, 1876; Уставы о воинской повинности. Сб. законов / Сост. С.М. Горяинов. СПб., 1895; Сб. распоряжений по МНП. СПб., 1901; Сб. законоположений и распоряжений по МНП. Октябрь 1909 г. – октябрь 1911 г. / Сост. С.В. Кузнецов. Уфа, 1911; Сб. журналов и постановлений Оренбургского Губернского земского собрания. 1-й чрезвычайной и 1-й очередной сессий 1913 г. С приложением докладов Губернской земской управы и заключений комиссий. Оренбург, 1914; Сб. постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложением XXIV очередного собрания 1898 г. Самара, 1899; Сб. постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложением XXV очередного собрания 1899 г. Белебей, 1900; Сб. постановлений Белебеевского уездного земского собрания с приложением XXVI очередного собрания 1900 г. Уфа, 1901; Сб. постановлений X очередной сессии Стерлитамакского уездного земского собрания 1884 г. Уфа, 1886; Сб. постановлений XIII очередной сессии Стерлитамакского уездного земского собрания 1887 год. Уфа, 1889; Сб. докладов Уфимской уездной земской управы и постановлений XI очередного Уфимского уездного земского собрания 1885. Уфа, 1886; Сб. постановлений Уфимского уездного земского собрания XVI очередного земского собрания 1890 г. и XI чрезвычайного земского собрания 1891 г. Уфа, 1891; Пругавин А.С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. СПб, 1895; Правила и программы для ЦПШ и школ грамоты. СПб, 1894 и др.

³ Фальборк Г.Л., Чарнолуский В.И. Настольная книга по народному образованию. Законы, распоряжения, правила, инструкции, уставы, справочные сведения и прочее по школьному и внешкольному образованию народа: В 3 тт. СПб., 1900–1904.

⁴ Обзор Оренбургской губернии за 1883 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Б. м., б. г.; Всеподданнейший отчет Обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1884 год. СПб., 1886; Извлечение из отчета Оренбургского епархиального совета о состоянии церковно-школьного дела за 1892–1893 учебный год. Оренбург, 1895; Обзор Тургайской области за 1900 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Военного Губернатора. Оренбург, 1902; Отчет о состоянии Оренбургского казачьего войска за 1909 год. Часть гражданская. Оренбург, 1910; Отчет Оренбургского епархиального наблюдателя об учебно-воспитательном состоянии церковных школ Оренбургской епархии за 1912–1913 учебный год // ОЕВ. 1914. № 16–33; Отчет о состоянии Бирской инородческой учительской школы и начального при ней училища за 1895 год. Казань, 1896; Отчет Стерлитамакской уездной земской управы XIII очередного уездного земского собрания за время с 1/VI. 1886 года по 1 июля 1887 года. Уфа, 1887; Отчет Стерлитамакской уездной земской управы об исполнении постановлений XIV очередного Стерлитамакского уездного земского собрания // Отчет Стерлитамакской уездной земской управы XV очередного уездного земского собрания

обо всех типах начальных училищ, как количественную – число школ, учителей, учащихся, так и качественную – удобство помещений, условия труда и быта учителей, их образовательный ценз, заработная плата, сведения об учащихся (об их сословном происхождении, о количестве мальчиков и девочек, окончивших курс обучения или выбывших до его окончания). В них можно обнаружить сведения о вкладе властей в развитие системы начального образования, уровне грамотности населения, бюджете школ, состоянии учебно-воспитательной работы, профессиональной подготовке учителей. Отчёты нередко противоречат друг другу, что отчасти объясняется несовпадением границ подотчётных территорий. Статистическая информация представлена в основном официальной правительственной статистикой, составленной по линии Министерства народного просвещения¹, а также Святейшего Синода и других ведомств². К этой же группе относятся опубликованные труды официальных комитетов и совещаний и разнообразный справочный материал. При их использовании приходилось учитывать некоторую противоречивость приведенных в них статистических сведений, сопоставлять их с соответствующими данными местных органов власти. В документах содержится не только общероссийский, но и региональный материал. Наиболее значима «Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г.». В ней имеются данные по количеству школ, социальному и национальному составу учеников, профессиональной подготовке учителей. Статистические показатели были взяты из отчетов епархиальных наблюдателей церковных школ, земств, губернских обзоров за разные годы³. Эти источники являются более достоверными и дают характеристику различных проблем народного образования. В целом документы органов местного самоуправления содержат богатый цифровой и фактический материал, отражающий дискуссии по различным аспектам их деятельности. Однако данные документы не всегда могут быть объективным источником. В ряде случаев им присущи декларативность (многие резолюции остались на бумаге) и преувеличение роли органов местного самоуправления в развитии народного образования. В качестве справочно-энциклопедической литературы использовался «Энциклопедический словарь» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, в котором находятся обширные социально-экономические сведения по региону, а также данные по разным типам учебных заведений⁴.

за период с 1 июля 1888 года по 1 июля 1889 года. Уфа, 1889; Отчет Стерлитамакской уездной земской управы XVI очередного уездного земского собрания за период с 1 июля 1889 года по 1 июля 1890 года и за полный 1889 год. Уфа, 1900; Отчет Стерлитамакской уездной земской управы XXV очередного Стерлитамакского уездного земского собрания за период с 1 июля 1898 по 1 июля 1899 года. Стерлитамак, 1900; Отчет Стерлитамакской уездной земской управы XXVI очередного уездного земского собрания за период с 1 июля 1899 года по 1 июля 1900 года. Стерлитамак, 1901; Отчет Стерлитамакской уездной земской управы XXVII очередного уездного земского собрания, за период с 1 июня 1900 по 1 июня 1901 года. Казань, 1902; Сведения о начальных училищах Стерлитамакского уезда, подведомственных инспектору народных училищ за 1898–1899 учебный год и др.

¹ Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Самара, 1899. Т. II; Сб. статистических сведений по Уфимской губернии. Уфа, 1901. Т. 7. Ч. I; Статистические таблицы Российской империи за 1856 год. СПб., 1858; Начальное народное образование в России. Статистические таблицы по губерниям и районам Империи: В 4 т. / Под ред. Г. Фальборка, В. Чарнолуцкого. СПб., 1900; Статистические сведения по начальному образованию за 1904 год. Приложение к представлению МНП о введении всеобщего обучения в Российской Империи. СПб., 1906; Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Серия 1; Статистический обзор государственных имуществ за 1858 год. СПб., 1860; Однодневная перепись начальных школ в Империи, произведённая 18 января 1911 года. Вып. VII (9). Оренбургский учебный округ: губернии Оренбургская, Пермская и Уфимская, области Тургайская и Уральская / Под ред. В.И. Покровского. СПб., 1914.

² Церковные школы Российской империи к 1915 году. Статистические сведения, разработанные в статистическом отделе при Синодальном училищном совете. Птгр., 1916; Краткий обзор постановки начального образования на линиях железных дорог за 1914 год. Птгр., 1916.

³ Обзор Оренбургской губернии за 1878 год. Приложение ко всеподданнейшему отчету Оренбургского губернатора. Б. м., б. г.; Обзор Тургайской области за 1892 год. Приложение ко всеподданнейшему отчёту Военного Губернатора. Оренбург, 1893; Отчёт о состоянии церковных школ Оренбургской епархии в 1906–1907 учебном году. Оренбург, 1907; Школьная статистика в Уфимской губернии за 1910–1911 учебный год / Сост. Б.П. Вологдин и С.Ф. Горденин. Уфа, 1912; Начальные народные училища Уфимской губернии 1914–1915 учебный год. Статистический очерк / Сост. М.И. Обухов. Уфа, 1916.

⁴ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. 1890. Т. 69. Terra-terra. 1993. С. 93, 95, 624.

Значительным вкладом в изучение чувашей Башкортостана явились историко-этнографические очерки по народам Башкортостана, изданные в качестве энциклопедического и научно-справочного пособия¹.

Недостатки и пробелы неопубликованных и опубликованных источников восполняют материалы периодической печати, на страницах которой имеются справочный материал и статистические данные по миссионерской деятельности, народному образованию и т. д. Богаты материалами как центральные, так и губернские издания: Журнал Министерства народного просвещения, «Народное образование», «Русская школа», «Начальная школа», «Педагогика», «Православный благовестник», «Православное обозрение», «Православный собеседник», «Современник», «Вопросы истории», «Хозяйство Башкирии», «Советская этнография» и др. К примеру, Журнал МНП имел разделы: мероприятия правительства, наука, известия об учебных заведениях, история просвещения нерусских народов России (в т. ч. и чувашей). Наиболее популярным в рассматриваемый период были издания «Вестник» («Вестник Оренбургского учебного округа», «Вестник чувашской национальной академии», «Церковный вестник»), «Ученые записки» вузов и НИИ, а из газет – «Губернские и епархиальные ведомости» («Оренбургские губернские ведомости», «Оренбургские епархиальные ведомости», «Уфимские губернские ведомости», «Уфимские епархиальные ведомости»). В них содержатся Отчеты директоров и инспекторов народных училищ, различные статьи о численности и социальных, культурных, религиозных взаимоотношениях населения Уфимской губернии, о различных занятиях и быте чувашского населения края и др. Статьи исследовательского характера помещены в периодических изданиях «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», «Известия по Казанской епархии» и др. Среди газет следует выделить «Хыпар», «Чебоксарская правда», «Казанский телеграф», где содержатся различные статьи о численности и социально-экономических, культурных и религиозных отношениях населения Казанской, Оренбургской и Уфимской губерний, проблемах начальной школы². Представляют ценность воспоминания и переписка Н.И. Ильминского, Н.И. Золотницкого и И.В. Яковлева, освещающие ситуацию в учебных округах и политику властей в деле просвещения чувашей³.

Исследование архивных неопубликованных и опубликованных материалов дает принципиально новые сведения, тем самым существенно продвигая историческую науку. В них содержатся материалы для более точного и аргументированного изучения истории нерусских народов, их христианизации и культурного просвещения. Здесь описаны опыт миссионерских переводов, обустройство школ и приходоустройств для инородцев. Немало присутствуют в них этнографических сведений.

Выявленных источников недостаточно для создания точной статистики роста чувашского населения в Башкирии до второй половины XVIII в. Особые трудности возникают при установлении этнической принадлежности переселенцев. Очень скудны данные о количестве жителей Башкирии в XVII в. Это лишает возможности сопоставить численность местного и пришлого населения и показать стройную динамику и масштабы переселения чувашского населения в ходе колонизации Башкирии. Недостаточно документов и для изучения культурного развития чувашского населения края. Они содержат отрывочные сведения по проблемам начального просвещения чувашей Уфимской губернии в пореформенный период. Недостатки архивных данных компенсировались опубликованными источниками. Тем не менее упомянутые опубликованные и архивные источники представляют тот богатый материал, на основе которого можно раскрыть основные закономерности формирования чувашского населения в крае, составить общую картину заселения и освоения

¹ Народы Башкортостана: историко-этнографические очерки. Уфа, 2002. 2-е изд., доп. С. 175–217.

² Уфимские епархиальные ведомости. 1886. № 4. С. 111; № 7. С. 212; 1890. № 2. С. 219 и др.

³ Золотницкий Н.И. По вопросу о способах образования чуваш // Сб. документов и статей по вопросу образования инородцев. СПб., 1869; Он же. К вопросу об устройстве училищ для инородческих детей Казанского учебного округа // Журнал МНП. Февраль. 1864; Ильминский Н.И. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего Синода К.П. Победоносцеву. Казань, 1895; Яковлев И.Я. Из переписки. Чебоксары, 1989; Яковлев И.Я. Письма. Чебоксары, 1985; Яковлев И.Я. Симбирская учительская школа и ее роль в просвещении чуваш. Чебоксары, 1959; Переписка о трех школах Уфимской губернии (к характеристике инородческих миссионерских школ). Казань, 1885. С. 115.

Башкирии, выявив многие ее особенности, определить конфессиональное состояние и сложившуюся ситуацию в деле начального образования чувашей в рассматриваемый период. Таким образом, архивные и опубликованные источники позволяют получить достаточно полное представление по данной теме, хотя не все вопросы рассматриваемой проблемы одинаково обеспечены материалом.

© И.В. Сухарева, 2022

УДК 902(470.55/.56)

ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТКРЫТИЯ ЧЕЛЯБИНСКИХ АРХЕОЛОГОВ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ

А.И. Таплин
(ЮУМК, Челябинск)

В Юридическом комплексе Южно-Уральского многопрофильного колледжа (ЮУМК) г. Челябинска работает научное студенческое археологическое общество. Студенты колледжа в течение последних 10 лет, на добровольной основе, в качестве волонтеров довольно плодотворно участвуют в работе некоторых археологических экспедиций. Приведём конкретные примеры.

«Страна городов» – это условное название территории в южной степной части Челябинской области (и немного в северо-восточной части Оренбургской области), у восточных склонов Уральских гор, где расположена компактная группа укрепленных поселений эпохи бронзы¹. Открытие данной «Страны...» в 60–90-е годы XX века стало настоящей сенсацией. Территория «Страны...» протянулась на 350 км с севера на юг и столько же – с запада на восток. Известно 17 пунктов с 21 укрепленным поселением². Культурно-археологический комплекс каждого поселения составляют укрепленный центр, могильники, производственные площадки, рудники и неукрепленные селища. Укрепленные центры, несмотря на небольшие размеры, отличаются мощные оборонительные сооружения, монументальная архитектура, сложные системы коммуникаций, что, по мнению выдающегося российского археолога, профессора Г. Б. Здановича, позволяет называть их не просто поселениями, а протогородами или условными «городами»³.

В планировочном решении протогородов ведущую роль играют геометрические символы: овал (яйцо), круг и квадрат (прямоугольник). За данными символами стоит мифологическое восприятие мира. Круги и квадраты укрепленных центров – это своеобразные модели Вселенной, которая в представлении индоиранцев повторяла магическую фигуру Мандалы – круг, вписанный в квадрат. Круг – небесное и женское начало, квадрат – земное и мужское. Борьба и единство этих начал отражены как в планировке поселений, так и в погребальной практике⁴.

Одним из первых обнаруженных памятников «Страны городов» явился Синташтинский культурно-археологический комплекс памятников. Своё название он получил по названию реки Синташта (Синтасты) которая протекает в южной части Челябинской области, а также по территории Республики Казахстан, являясь левым притоком Тобола. Название реки тюркское. У казахов «сынташ» – «надмогильный камень», «изваяние». Синтасами казахи называли древние памятники в виде каменных куч, столбов. Таким образом, получается, что Синташта – «речка, на которой имеются надмогильные камни». В источниках упоминается в значении «каменная речка»⁵. Именно на реке Синташта около посёлка Рымникский в Брединском районе Челябинской области в 1968 году экспедицией Уральского государственного университета под руководством В.Ф. Генинга был открыт

¹ Врата Рифея: Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи / Ред.-сост. Боже В.С., Карпов В.А., Моисеев А.П. и др. М. : Московский писатель, 1996. С. 9.

² Там же. С. 10.

³ Аркаим. По страницам древней истории Южного Урала / Науч. ред. Г.Б. Зданович; Ред.-сост. Н.О. Иванова. Челябинск : Изд-во Крокос, 2004. С. 50.

⁴ Там же. С. 51–52.

⁵ Шувалов Н.И. От Парижа до Берлина: Топоним. словарь. 2-е изд., перераб. и доп. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во, 1989. С. 112–113.

комплекс археологических памятников, включающий укрепленное поселение, грунтовые и курганные могильники, а также храмовое сооружение – Большой Синташтинский курган-святилище. Исследовался данный археологический памятник археологическими экспедициями УрГУ и ЧелГУ под руководством В.Ф. Генинга и Г.Б. Здановича в 1972–1976 и в 1983–1986 годах¹.

По обнаруженным дисковидным псалям (элементам конской упряжи) микенского типа, пастовым бородавчатым бусинам и медным наконечникам копий основной поселенческий и погребальный комплексы были датированы в то время 2-ой четвертью 2-го тыс. до н. э.² Позднее данная хронология была скорректирована в более древнее время – примерно в XXI–XVIII вв. до н. э.

Укрепленное поселение Синташта, площадью 14,5–15 тыс. кв. метров, в значительной степени оказалось разрушено. Жилую часть окружало кольцо оборонительных сооружений, основу которых составляли стена, сложенная из грунта и дерева, и ров. Сохранилось два въезда в посёлок. Южный въезд обращён к реке, северный – к храмово-погребальному сооружению и могильникам. В то время экспедициями В.Ф. Генинга и Г.Б. Здановича были исследованы участки круговой улицы с ливневой канавкой и 24 жилища, связанные с внешним кольцом оборонительных сооружений. Дома, трапециевидные в плане, площадью 90–140 кв. м, располагались длинными осями радиально к центру поселения³. Стены домов были сложены из глиняных блоков, в некоторых случаях с использованием столбов. Все жилища разделялись перегородками. В хозяйственном отсеке располагались погреб, колодец, очаг⁴.

В погребальном комплексе 2 грунтовых могильника. Большой могильник включает 40 могил, в которых находится 60–65 погребённых. В малом могильнике – 9 могил с ритуальным сооружением в центре. Кроме того, в погребальный комплекс входит так называемый малый курган, содержащий одно коллективное захоронение, состоящее из 5-ти погребений, а также несколько грунтовых и курганных захоронений. Эти захоронения расположены под насыпью диаметром 32 м и высотой 1 м. Умерших укладывали на левый бок в больших ямах глубиной до 2,5–3 м. Кроме того, зафиксированы и расчленённые погребения. Внутри ям находятся деревянные камеры, стены и пол, обмазанные глиной. В могилах был обнаружен богатый инвентарь – глиняные сосуды, бронзовые ножи-кинжалы, шилья, иглы, наборы кремневых наконечников, каменная булава, медный вислообушный топор, втульчатое копьё, остатки боевых колесниц и большая серия костяных пластинчатых псалиев. Также в большом количестве представлено жертвоприношение животных – лошадей, коров, баранов, собак⁵.

Уникальными являются находки в пяти могилах легких боевых колесниц, которые ставились в погребальные ямы. Погибший воин при захоронении обеспечивался всем необходимым для потусторонней жизни, а вождей боевых ратей хоронили вместе с колесницами. Для колес на дне ямы вырывались узкие канавки глубиной до 30–40 см, в которых сохранились отпечатки обода и спиц. Хорошая сохранность отпечатков позволила реконструировать колеса – их диаметр 90–100 см, при 10 спицах и ширине колеи около 120 см. Толщина деревянных деталей колес не более 4–4,5 см. На одной из стоянок обнаружена боевая колесница, датированная по костям лошади примерно 2026 годом до н. э. На синташтинском «кладбище» обнаружено несколько захоронений колесничих. «Экипаж», как правило, состоял из одного-двух человек. Кузова колесниц спереди и с боков прикрывались деревянной «бронёй». Колесницей управлял возничий, стоящий слева. Справа в кузове стоял колесничий-воин. С этой стороны стенка была пониже, к ней крепились колчан со стрелами, копьё и дротики. Таким образом, носители синташтинской культуры использовали первые сохранившиеся колесницы в истории⁶.

Материалы Синташтинского культурного комплекса явились образцовыми для выделения Синташтинско-Аркаимской культуры бронзового века. Памятники данного комплекса, по мнению

¹ Челябинская область : энциклопедия / Гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск : Каменный пояс, 2006. Т. 6. С. 45.

² Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 489–490.

³ Там же. С. 490.

⁴ Челябинская область : энциклопедия / Гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск : Каменный пояс, 2006. Т. 6. С. 45.

⁵ Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 490.

⁶ Врата Рифея : Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи / Ред.-сост. Боже В.С., Карпов В.А., Моисеев А.П. и др. М. : Московский писатель, 1996. С. 13.

В.Ф. Генинга и Г.Б. Здановича, тесно связаны с памятниками петровского типа Северного Казахстана и Западной Сибири, а также культурой многоваликовой керамики Украины. Данный комплекс культур определил формирование срубно-алакульской культурно-исторической общности¹. Кроме того, Синташтинский комплекс, по мнению специалистов, можно соотнести с традициями арийских (индоиранских) народов до прихода их в Иран и Индию². На сегодняшний день это один из самых богатых археологических объектов степей и лесостепей Евразии. Материалы комплекса хранятся в фондах Уральского государственного университета, Челябинского государственного педагогического университета, в Музее археологии и этнографии Республики Башкортостан, а также в Государственном историческом музее в Москве³.

В первую очередь, благодаря феномену Синташты, в археологическую науку Южного Урала была введена новая методика поиска и изучения памятников археологии, погребённых под наносами: дешифрирование материалов аэрофотосъёмки, что как раз и позволило обнаружить на Южном Урале целую «страну» укреплённых поселений, названную впоследствии «Страной городов»⁴.

По поводу народа, который проживал в «Стране городов», существует интересное предположение. Долгое время историки и языковеды ищут родину индоиранцев, культура которых была своеобразным мостиком между культурами Запада и Востока и до сих пор связывает многие современные европейские и азиатские народы. Когда-то индоиранские племена жили вместе на значительной территории и называли себя «арья». Арии явились создателями знаменитой религии огнепоклонников и оставили потомкам выдающиеся памятники письменности – «Ригведу» и «Авесту». Авторитетный учёный-иранист Мери Бойс на основании изученных источников считает, что родина древних индоиранцев (арийцев) находилась к востоку от Волги в срединной зоне степной Евразии, то есть именно в том месте, где расположена южно-уральская «Страна городов»⁵.

Ещё любопытный факт. Первой мировой религией, исповедуемой многими народами, является зороастризм. Истоки зороастризма настолько древние, что последователи данной религии не могут сказать ничего определённого ни о месте проживания своего пророка Зороастра, ни о том времени, когда он жил. Долгое время считалось, что Зороастр жил в Иране. Если же иранцы были выходцами «Страны городов», значит и сам пророк жил где-то здесь. Мери Бойс утверждает, что, «исходя из содержания и языка, сложенных Зороастром гимнов, теперь установлено, что в действительности он жил в азиатских степях неподалёку от Волги». Из преданий известно, что земля Зороастра (Заратуштры) была неровной. Вокруг степи и леса, а главная река бежит в море с высоких гор. Вполне возможно, что это река Урал⁶. Таким образом, южно-уральская «Страна городов» постепенно начинает признаваться некоторыми исследователями родиной (прародиной) ариев и Зороастра, то есть одним из центров мировой культуры.

В 2016 году группой российских учёных под руководством профессора Челябинского государственного университета Г.Б. Здановича решено было через 30 лет (последняя экспедиция состоялась в 1986 году) возобновить археологическое исследование комплекса погребений эпохи бронзы «Синташта», принадлежащего, как мы отмечали, археологической культуре «Страны городов» Синташтинского-Аркаимского типа. Раскопки проводились под руководством известных ученых-археологов – доктора исторических наук Г. Б. Здановича, кандидатов исторических наук Т. С. Малютиной и Д. Г. Здановича. Палаточный лагерь археологов располагался на берегу небольшого водохранилища на речке Синташта, примерно в 3-х км к юго-востоку от посёлка Рымникский. Примерно в 14-ти км к юго-востоку от лагеря находился районный центр – посёлок Бреды. Как мы уже отметили, студенты и выпускники ЮУМК в качестве волонтеров приняли самое деятельное участие в этом исследовании. В 2016–2020 годах, в ходе проводимых работ на большом

¹ Челябинская область : энциклопедия / Гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск : Каменный пояс, 2006. Т. 6. С. 46.

² Уральская историческая энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. Екатеринбург : Академкнига; УрО РАН, 2000. С. 490.

³ Челябинская область : энциклопедия / Гл. ред. К.Н. Бочкарёв. Челябинск : Каменный пояс, 2006. Т. 6. С. 46.

⁴ Врата Рифея : Сборник. Эссе, документы, справочная информация, воспоминания, хроника, рассказы, стихи / Ред.-сост. Боже В.С., Карпов В.А., Моисеев А.П. и др. М. : Московский писатель, 1996. С. 10.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 14.

синташтинском кургане, были найдены бронзовая серьга, керамика. Также были обнаружены остатки древесины, что, по мнению профессора Г.Б. Здановича, может являться остатками древней деревянной конструкции, служившей местом захоронения. Кроме того, рядом с Большим Синташтинским курганом был обнаружен грунтовый могильник – по мнению специалистов-археологов, скорее всего многослойный. Учёные предположили, что данный могильник может принадлежать алакульской культуре поздней бронзы. В могильнике находилось несколько детских погребений. Обнаруженные артефакты, по мнению профессора, свидетельствуют о реальных возможностях новых открытий на данном комплексе погребений. Вполне вероятно, что со временем, когда «тайна» Синташты будет окончательно раскрыта, на данной территории будет образована историко-культурная зона, включённая в историко-культурный заповедник «Аркаим».

В 2006–2011 годах южно-уральские археологи проводили раскопки и изучение савроматского (сарматского) могильника у села Кичигино в Увельском районе Челябинской области. Этот могильник состоял из многочисленных курганов VII – IV веков до нашей эры. В курганах были обнаружены мужские, женские и детские погребения. Все погребения сооружались по единому принципу: выкапывалась яма, в боковой её стенке делалась ниша, в которую помещался умерший, а затем насыпался курган. В некоторых курганах были захоронены древние воины, о чём свидетельствовали найденные мечи, наконечники стрел и др. В одном из курганов было обнаружено богатейшее погребение сарматской жрицы, на основании чего было высказано предположение, что в Кичигинском могильнике захоронены представители довольно знатного рода, который, видимо, был хозяином этих мест. К сожалению, практически все курганы ещё в древности были разграблены.

В августе 2011 года студенты ЮУМК участвовали в раскопках и изучении последнего 10-го кургана данного могильника. В ходе работ была обнаружена пирамидальная по форме, напоминающая усечённый конус древняя деревянная конструкция, служившая местом захоронения. Остатки сгоревшей древесины и почвенный состав свидетельствовали о том, что конструкция была сожжена. Довольно интересным было то, что горение и тление происходили под землёй. Ритуал очищения огнём, возможно, проделали люди, совершившие захоронение, но, скорее всего, это дело рук древних грабителей, которые таким образом хотели очистить себя от совершённого греха. Во время раскопок были найдены 2 бронзовых зеркала, деревянный гребень, керамический кувшин, железные наконечники стрел и фрагмент ритуального жертвенника. Все находки были переданы в областной краеведческий музей и в музей Южно-Уральского университета. По мнению руководителя экспедиции, доктора исторических наук, профессора А. Д. Таирова, теперь Челябинская область по праву может считаться родиной савроматского (сарматского) мира, так как именно здесь когда-то возникла мощная культура савроматов (сарматов).

В 2009 году южно-уральскими археологами было сделано ещё одно уникальное открытие. В Кунашакском районе Челябинской области, на берегах соседних озёр Уелги и Сайгырлы, они обнаружили курганы – могильники эпохи средневековья IX–XI веков нашей эры. Учёные предположили, что найденные захоронения могли принадлежать прото-уграм (мадьярам) – предкам современных венгров. Из истории «Великого переселения народов» известно, что предки венгров именно в этот период кочевали в южно-уральских степях, а затем переселились в Восточную Европу. С 2010 года проводятся тщательные археологические исследования найденных курганов. В 2011–2015 годах в этих исследованиях принимали активное участие и студенты ЮУМК.

В ходе раскопок археологам удалось обнаружить множество интереснейших артефактов: женские и мужские украшения, элементы конской упряжи, наконечники стрел, сабли, ножи, керамические сосуды. Научный руководитель раскопок, доктор исторических наук, профессор С. Г. Боталов утверждает, что ничего подобного на Южном Урале находить ещё не приходилось. Обнаружение памятника всколыхнуло интерес научного сообщества, прежде всего венгерских учёных, к проблемам этногенеза народов Евразии. В 2013 году памятник впервые обследовала российско-венгерская экспедиция. Раскопки на древнем некрополе всё больше убеждают челябинских и венгерских археологов в том, что именно на этом кусочке Южно-Уральской земли примерно тысячу лет назад находился большой котел, в котором формировались будущие, в том числе европейские, народы и нации, и, возможно, именно отсюда, с территории нынешней Челябинской области, тысячу лет назад двинулись на запад будущие венгры.

В августе 2014 года студенты Юридического комплекса ЮУМК приняли участие во 2-ой международной российско-венгерской археологической экспедиции на Уелгах. Сюда уже во второй раз, по приглашению профессора Боталова С.Г., прибыли ученые Венгерской академии наук и католического университета имени Петера Пазманя во главе с профессором кафедры археологии данного университета Атиллой Тюрком.

Именно в ходе данной международной экспедиции были сделаны значительные находки, которые, по мнению венгерского профессора, имеют полную аналогию с находками, обнаруженными в Карпатской котловине в Венгрии. Очень похожими оказались прекрасно сохранившиеся луновидные накладки, поясные наборы, конские украшения. Подобный материал был обнаружен и на Украине. Поэтому теперь можно достаточно точно проследить весь маршрут передвижения древних венгров от Урала до Карпат. Благодаря уелгинским находкам было установлено, что переселение древних венгров на Запад произошло не в VI–VIII веках, как считали венгерские учёные, а значительно позднее, не ранее IX века. Археологические исследования по изучению этногенеза венгерского народа успешно продолжаются.

Подобная научно-исследовательская практическая работа по изучению археологических памятников позволяет гораздо глубже понять и осмыслить пройденный народами Южного Урала исторический путь, оценить их вклад в формирование современных европейских народов, современной европейской культуры.

© А.И. Тапилин, 2022

УДК [28:27:299.2:316.74:2](470.41)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИИ С ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА: ПРИМЕР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

Т.А. Титова, Е.В. Фролова, В.Е. Козлов

(Институт международных отношений КФУ, Казань)

Статья подготовлена в рамках Проекта «Сохранение и развитие этнокультурного и языкового многообразия республик как условие укрепления российского федерализма»

Программы фундаментальных и прикладных научных исследований по теме

«Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности»

Татарстан – сложнокультурная, в том числе и конфессионально, республика. Как и в Башкортостане, здесь традиционно соседствуют ислам и православие. От того насколько полно удовлетворяются конфессиональные потребности граждан зависит, в том числе, и комфортность этноконфессионального фона, и социальное самочувствие людей в целом.

Статья основана на материалах исследования, проведенного зимой 2021 года на территории РТ, а также дополнена результатами аналогичных исследований 2019 и 2020 годов. Выборочная совокупность составила 2100 респондентов, 700 из которых идентифицировали себя как мусульмане, 700 – как православные и 700 – как неверующие (атеисты). Исследованием были охвачены как города, так и сельские населенные пункты Республики Татарстан. 40,9 % опрошенных считают себя татарами, 49,4 % – русскими, 9,7 % составляют представители иных этнических групп. Среди респондентов-мусульман 87,9 % идентифицируют себя как татары; 3 % (21 человек) – русские; 4,1 % (29 человек) – башкиры, по 1,1 % (8 человек) – узбеки и казахи; представители иных этнических групп (таджики, армяне, азербайджанцы, чеченцы) – менее 1 % опрошенных. Среди респондентов-православных 85,9 % – русские; 3,9 % (27 человек) – татары; 4,6 % (32 человека) – чувашаи; 1,3 % (9 человек) – украинцы; 1 % (7 человек) – мордва; представители иных этнических групп – менее 1 % опрошенных. Среди респондентов-неверующих 30,9 % составляют татары; 59,3 % – русские; по 2,1 % (15 человек) – башкиры и чувашаи; остальные – менее 1 %. Таким образом, сохраняется роль религии как солидаризирующего фактора для татар и русских. Более 85 % опрошенных мусульман являются татарами и более 85 % опрошенных православных причисляют себя к русским. Можно сделать

закключение, что этническая и конфессиональная идентичность в сознании респондентов дополняют друг друга, а религия выступает одним из маркеров этнической идентичности. При этом в группе неверующих русских респондентов почти вдвое больше, чем татар, что может свидетельствовать о меньшей значимости религии для русского населения. 46,5 % опрошенных составляют мужчины; 53,5 % – женщины.

В рамках исследования было проведено шесть фокус-групповых интервью, соответственно, по два в каждой категории опрошенных (мусульмане, православные, неверующие). Среди всех исследуемых групп количество респондентов, считающих, что государство и религия должны существовать максимально обособленно друг от друга, осталось стабильным, как и в предыдущих наших исследованиях (см. рис. 1 и табл. 1). Так же, как и в предыдущих исследованиях, неверующие практически вдвое чаще высказывают мнение, что государство и религия должны существовать обособленно друг от друга (более 60 % опрошенных). Среди верующих такую позицию разделяет примерно треть опрошенных. Почти каждый второй респондент-мусульманин и каждый второй-третий респондент-православный выбирает позицию, согласно которой органы государственной власти должны обеспечивать равные права и возможности осуществления религиозных потребностей для представителей всех конфессий. 7 % православных респондентов считают, что органы государственной власти должны учитывать важность роли православия, а 5 % мусульман – важность роли ислама в общественной жизни (см. рис. 1 и табл. 1).

Рисунок 1

Какой формат отношений между органами государственной власти и религиозными организациями Вам представляется оптимальным? (2018–2021 гг.), %

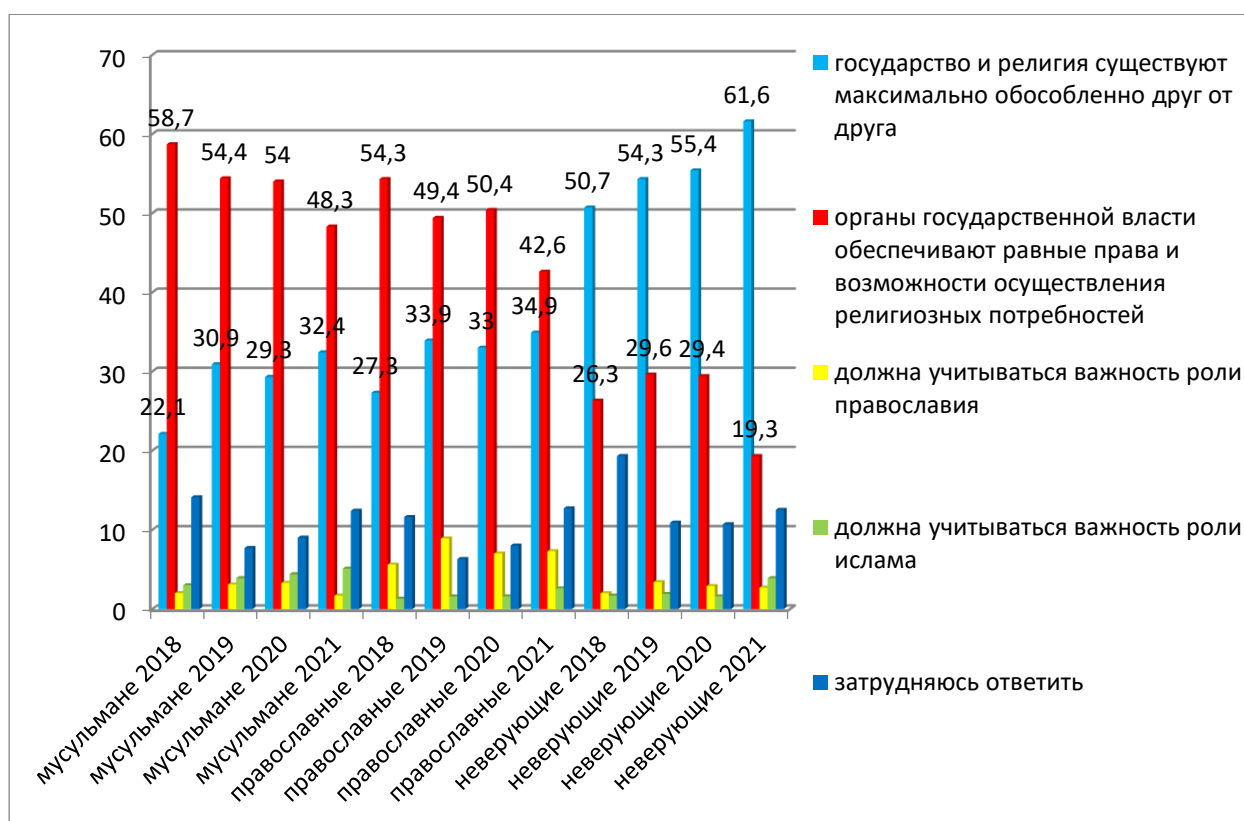

Таблица 1

Какой формат отношений между органами государственной власти
и религиозными организациями Вам представляется оптимальным?
(2017–2021 гг.), %

	Мусульмане					Православные					Неверующие				
	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021
Государство и религия существуют максимально обособленно друг от друга	23,6	22,1	30,9	29,3	32,4	32	27,3	33,9	33	34,9	56,6	50,7	54,3	55,4	61,6
Органы государственной власти обеспечивают равные права и возможности осуществления религиозных потребностей	56,4	58,7	54,4	54	48,3	47,1	54,3	49,4	50,4	42,6	29	26,3	29,6	29,4	19,3
Органы государственной власти обеспечивают соблюдение прав всех религий с учетом важности роли православия	3,6	2	3,1	3,3	1,7	7,1	5,6	8,9	7	7,3	2,4	2	3,4	2,9	2,7
Органы государственной власти обеспечивают соблюдение прав всех религий с учетом важности роли ислама	4,7	3	3,9	4,4	5,1	0,9	1,3	1,6	1,6	2,6	0,4	1,7	1,9	1,6	3,9
Затрудняюсь ответить	11,7	14,1	7,7	9	12,5	12,9	11,6	6,3	8	12,7	11,6	19,3	10,9	10,7	12,5

Рисунок 2

Как Вы считаете, какое из утверждений соответствует сегодняшнему положению дел в Республике Татарстан?
(2019–2021 гг.) %

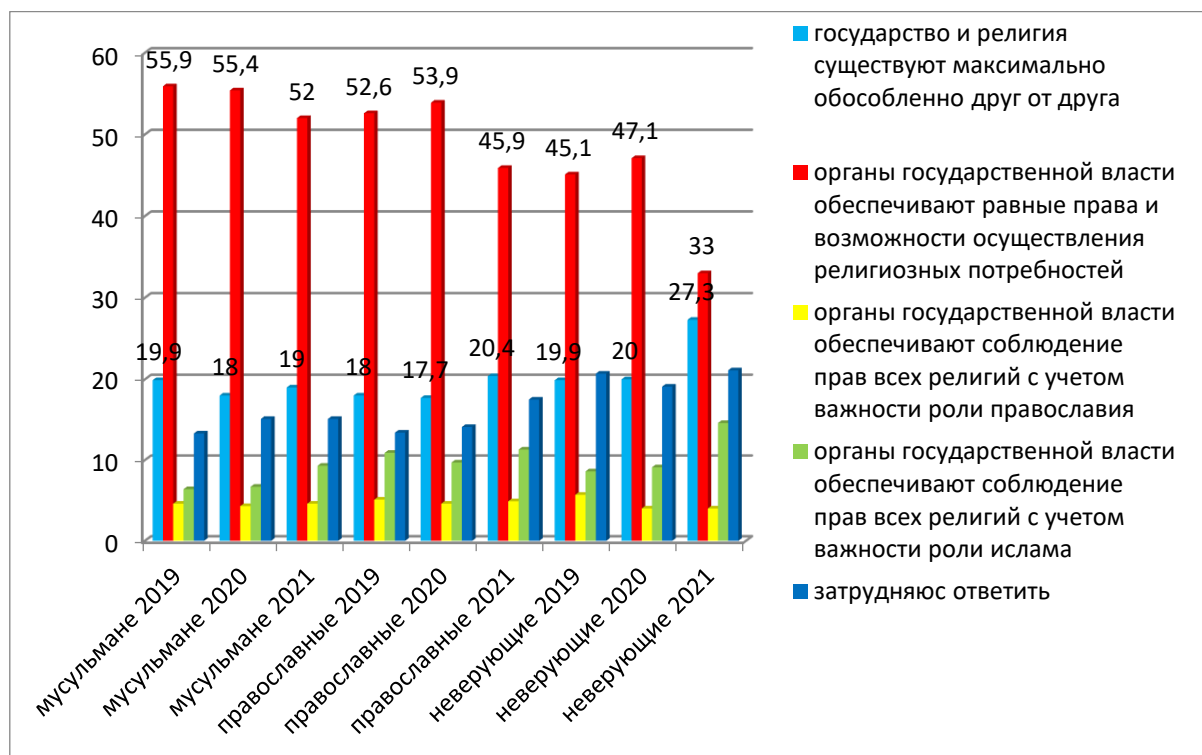

Таблица 2

Как Вы считаете, какое из утверждений соответствует сегодняшнему положению дел в Республике Татарстан?
2019–2021 гг., %

	Мусульмане			Православные			Неверующие		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Государство и религия существуют максимально обособленно друг от друга	19,9	18	19	18	17,7	20,4	19,9	20	27,3
Органы государственной власти обеспечивают равные права и возможности осуществления религиозных потребностей	55,9	55,4	52	52,6	53,9	45,9	45,1	47,4	33
Органы государственной власти обеспечивают соблюдение прав всех религий с учетом важности роли православия	4,6	4,3	4,6	5,1	4,6	4,9	5,7	4	4
Органы государственной власти обеспечивают соблюдение прав всех религий с учетом важности роли ислама	6,4	6,7	9,3	10,9	9,7	11,3	8,6	9,1	14,6

	Мусульмане			Православные			Неверующие		
	2019	2020	2021	2019	2020	2021	2019	2020	2021
Затрудняюсь ответить	13,3	15,1	15,1	13,4	14,1	17,5	20,7	19,1	21,2

В целом позиции мусульман, по сравнению с 2020 годом, не изменились. По-прежнему примерно каждый второй опрошенный мусульманин считает, что на сегодняшний день в Республике Татарстан «органы государственной власти обеспечивают равные права и возможности осуществления религиозных потребностей» и каждый пятый, что «государство и религия существуют максимально обособленно друг от друга» (см. рис.2 и табл. 2). Среди респондентов-православных, по сравнению с данными 2020 г., немного увеличилось число тех, кто выбирает позицию «государство и религия существуют максимально обособленно друг от друга», теперь это тоже каждый пятый респондент. И немного уменьшилось число тех, кто выбирает позицию «органы государственной власти обеспечивают равные права и возможности осуществления религиозных потребностей» – примерно каждый второй-третий.

Среди респондентов-неверующих значимо увеличилось количество респондентов, выбирающих первую позицию – с 20 % в 2020 г. до 27,3 % в 2021 г., и значимо уменьшилось количество респондентов, выбирающих вторую позицию – с 47,4 % в 2020 г. до 33 % в 2021 г. (см. рис.2 и табл. 2).

Однако, как и в исследованиях предыдущих лет, количество респондентов, считающих, что в настоящее время в Татарстане «государство и религия существуют максимально обособленно друг от друга» во всех группах значимо меньше, чем количество респондентов, считающих такой формат отношений между государством и религиозными организациями оптимальным (см. рис. 1 и 2 и табл. 1 и 2). Такая противоречивость может свидетельствовать о долгосрочном тренде к неприятию существующего формата взаимодействия власти и религиозных институтов.

При анализе оценок государственно-конфессиональных отношений в РФ и РТ видно, что неверующие респонденты второй год подряд демонстрируют сдержанность в оценках, чаще выбирая индифферентную позицию и «затрудняюсь ответить». Респонденты-мусульмане чаще стали выбирать позицию «в достаточной мере правильно и гармонично», оценивая государственно-конфессиональные отношения как в Российской Федерации, так и Республике Татарстан. Однако одобрение политики в сфере конфессиональных отношений местной власти они все же выражают чаще:

«...Я, наверное, могу сформулировать так, что у нас Россия – это светское государство, но при всем этом большая часть населения исповедует православие, так исторически сложилось, соответственно, большой, наверное, упор, делается в этом плане на развитие православия. Строятся храмы, но опять-таки, если взять Москву или Калининград, то в Калининграде вообще нет мечетей, а в Москве их где-то всего штуки четыре на всю огромную столицу» (фокус-группа, мусульмане, г. Набережные Челны).

Респонденты-православные оценивают политику в сфере конфессиональных отношений как на федеральном, так и на местном уровне вполне одобрительно (см. табл.3).

«Православные в Татарстане никак не ущемлены. Даже если посмотреть, то на каждом шагу церковь. Потом посмотреть около нашего института на Межлаука: одна церковь, вторая церковь, их никто не закрывает, их наоборот открывают. Плюс никто тебе, практически, не скажет плохого слова, если ты зайдешь в церковь. Государственная политика на уровне Татарстана ведется на хорошем уровне для Татарстана, проводятся православные праздники, фестивали православные проводятся, но при этом об исламе не забывают, те же недели исламского кино и пр., то есть все гармонично достаточно» (фокус-группа, православные, г. Казань).

Респонденты-неверующие чаще критически оценивают состояние государственно-конфессиональных отношений как в Республике Татарстан, так и в Российской Федерации.

Как Вы считаете, насколько правильно и гармонично выстроены государственно-
конфессиональные отношения в РФ и РТ?
(2017–2021 гг., %)

	Мусульмане РФ/РТ					Православные РФ/РТ					Неверующие РФ/РТ				
	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021
В достаточной мере правильно и гармонично	35,3/36,4	35,1/41,6	28/30,7	26,4/32,4	32,7/44	32/29,7	32,7/31,1	30,6/27,1	29,9/27,9	31,6/31,6	16,7/17,6	18,9/20,9	19/17,1	17,4/16,9	17/18,9
Скорее правильно	40,3/41,7	39,6/39,3	45,1/45,7	46,7/43,4	43/39	44,6/44,4	45,9/45,4	46,4/43	48,9/45,4	44/40,7	39,3/40,3	35,4/38,0	43,1/41,7	41,9/39,6	37,6/38,1
Скорее неправильно	5,4/2,6	5,7/3,0	7/2,7	4,9/2,3	3,9/2,3	2,7/4	4,3/4,3	3,6/6,4	2,6/4,7	3,7/5,1	10,3/6,6	8,4/4,3	8,4/6,4	8/6,7	6,7/4,7
Совсем неправильно	0,1/0	1/0,3	1,4/1,7	1,3/0,9	1/0,4	0,4/0,7	0,9/0,6	1,6/1,1	0,1/0,1	1,3/2,1	4,9/1,4	5/1,3	2,9/1,9	2/2,3	2,6/2,1
Мне безразлично	3,9/4,3	4,7/4,6	7,1/6,4	6,4/6,4	6,4/5,3	4,7/5	5,6/5,9	5,7/7,6	6,1/7,1	6,3/6,9	11,3/14,9	18,1/20,1	14,6/17,3	18/19,3	19,1/20,3
Затрудняюсь ответить	15/15	13,9/11,3	11,3/12,7	14,3/14,6	13/9	15,6/16,1	10,7/12,7	12,1/14,7	12,4/14,7	13,1/13,6	17,6/19,3	14,1/15,4	12/15,6	12,7/15,3	17/15,9

Количество респондентов, считающих, что молодежи необходимы знания о мировых религиях в наше время, несколько снизилось среди верующих и повысилось среди неверующих респондентов (см. рис.3 и табл. 4).

Рисунок 3

Есть ли необходимость молодежи обладать знаниями о мировых религиях или достаточно знать нормы светской этики?
(2018–2021 гг.), %

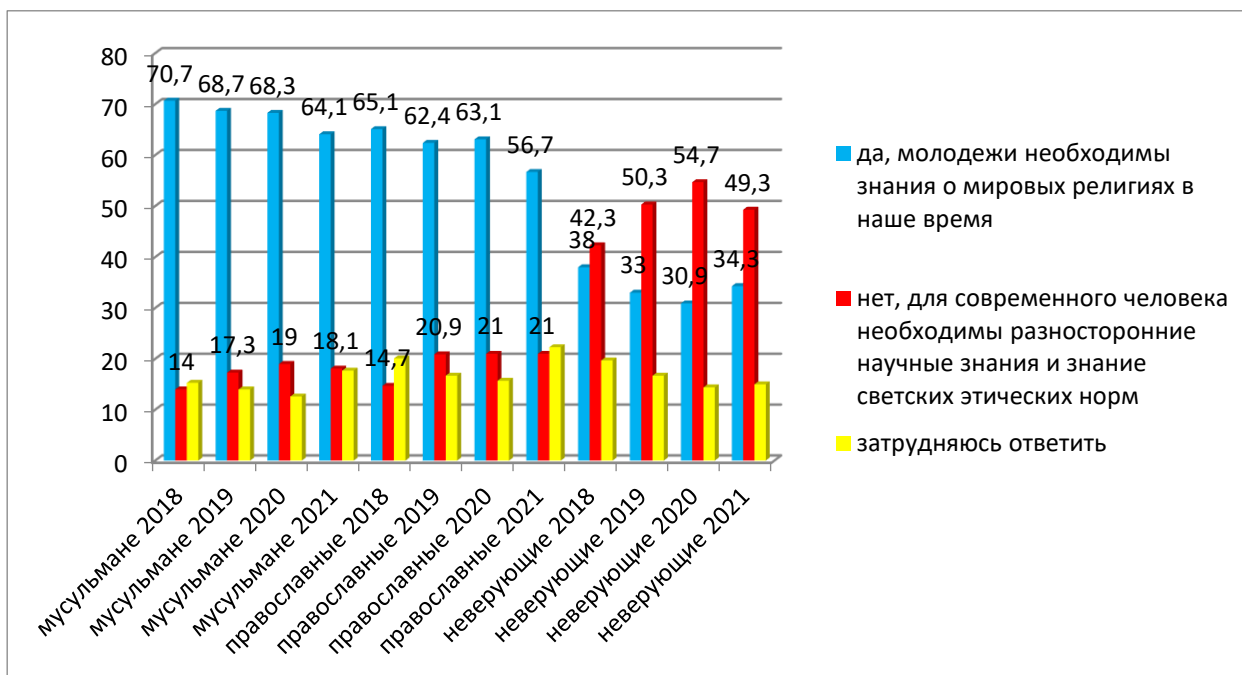

Таблица 4

Есть ли необходимость молодежи обладать знаниями о мировых религиях или достаточно знать нормы светской этики?
(2017–2021 гг.), %

	Мусульмане					Православные					Атеисты				
	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021
Да, молодежи необходимы знания о мировых религиях в наше время	66	70,7	68,7	68,3	64,1	56,7	65,1	62,4	63,1	56,7	29	38	33	30,9	34,3
Нет, для современного человека необходимы разносторонние научные знания и знание светских этических норм	14,7	14	17,3	19	18,1	23,7	14,7	20,9	21	21	51,7	42,3	50,3	54,7	49,3
Затрудняюсь ответить	19,3	15,3	14	12,6	17,7	19,6	20,1	16,7	15,7	22,3	19,3	19,7	16,7	14,4	16,4

Среди респондентов-неверующих вдвое меньше опрошенных считают, что молодежи необходимо получать религиозные знания в рамках школьной программы (см. рис.3 и табл.4). Об этом же говорят и материалы фокус-групповых исследований:

«Если говорить про усиление или, наоборот, ослабление роли, то, наверное, мне не особо приятно, не особо нравится усиление роли как раз в сфере образования, то есть введение уже даже в начальной школе каких-то религиозных предметов, ну там «Основы православия...», если не ошибаюсь или еще какие-то предметы. Ну, там специально делается уклон, что это как введение в общую культуру и так далее. Но если посмотреть, то это очень криво сделано, и не совсем понятно, к чему это сделали, тем более для совсем еще детей, тем более что культура, культурное наследие и т. д. изучается в средних классах» (фокус-группа, неверующие, г. Казань).

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, исследование показало, что при анализе оценок государственно-конфессиональных отношений в РФ и РТ респонденты-мусульмане чаще выражают одобрение политики в сфере конфессиональных отношений местной власти. Респонденты-православные оценивают политику в сфере конфессиональных отношений как на федеральном, так и на местном уровне равнозначно – одобрительно. Респонденты-неверующие чаще критически оценивают состояние государственно-конфессиональных отношений как в Республике Татарстан, так и в Российской Федерации.

© Т.А. Титова, Е.В. Фролова, В.Е. Козлов, 2022

УДК 902(571.122)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В 2012–2020 гг.

И.В. Фролов

(ООО «НПО «Северная археология–1», Нефтеюганск)

Результаты археологических исследований являются одной из основ пополнения источников знаний о прошлом. Особенно это актуально для дописьменных периодов истории. Не менее важно значение археологии для изучения «истории повседневности», материальная сторона которой слабо отражена в письменных документах. Для изучения исторического прошлого территории Ханты-Мансийского автономного округа значение археологии сложно переоценить. Этому есть несколько причин. Во-первых, исторически территория Севера Западной Сибири, куда входит и Ханты-Мансийский автономный округ, достаточно поздно стала объектом регулярного отражения в письменных источниках. Хотя отрывочные сведения о Югре и её населении в русских письменных источниках относятся к XI веку, регулярное внимание письменных сообщений начинается лишь с XVII века. При этом многие аспекты прошлого остаются вне поля зрения авторов письменных произведений. Во-вторых, письменные источники мало информативны в решении вопросов этногенеза обских угров, а также в изучении предшествовавших им культур.

Последние результаты археологических исследований позволяют утверждать о наличии на территории Ханты-Мансийского автономного округа остатков поселений начиная с эпохи Мезолита¹. На декабрь 2020 года на территории Ханты-Мансийского автономного округа известно больше 7000 объектов культурного наследия, которые можно отнести к памятникам археологии. Среди них –

---

¹ Погодин А.А. Каменный век на территории Западной Сибири (по материалам исследований палеолита и мезолита) // Археологическое наследия Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, Ханты-Мансийск : Изд-во «Чароид», 2006. С. 5–15.

поселения, могильники, промысловые объекты (ловчие ямы), которые относятся к разным эпохам от Каменного века до Нового времени¹.

Точное число объектов культурного наследия, которые можно отнести к памятникам археологии, на территории Ханты-Мансийского вряд ли возможно назвать. Это связано со следующими сложностями. Во-первых, до 1997 года учёт и, соответственно, подсчёт памятников археологии вёлся по муниципальным районам ХМАО-Югра. Только с 1997 года ведётся единый реестр выявленных объектов культурного наследия². К этому времени в регионе насчитывалось 1048 объектов археологического наследия. Путаница начинается уже в 1998 году, когда вновь выявленные объекты археологии включаются в список, начиная с номера 831. При этом, как сказано ранее, их к этому времени насчитывалось 1048. Причина такого несоответствия связана со случайным пропуском номеров, исключением по разным причинам объектов из списка выявленных объектов (по разным причинам), из-за дублирования номеров. Учёт ранее вёлся по муниципальным районам, а это значит, что объектов под номером «1» было несколько, в каждом районе свой. В ходе инвентаризации – процедуры приведения учётной документации в соответствие с требованиями действующего законодательства – выяснилось, что один и тот же объект мог быть внесён в реестр в разное время различными исследователями под разными наименованиями.

Ханты-Мансийский автономный округ является относительно молодым субъектом федерации. В результате этого региональные традиции археологических исследований начали формироваться не так давно и можно констатировать, что их формирование продолжается, так как в регионе не сложилась самостоятельная научная школа. По этой причине можно наблюдать в археологических исследованиях проявление традиций других региональных научных школ: Томской, Свердловской, Омской, Тюменской и т. д. Это проявляется как в подходах к изучению археологических объектов и определению их границ, так и в традициях наименования, применяемой терминологии и т. д. Некоторые исследователи, в соответствии со своими традициями, включают объекты археологии под отдельными номерами. Другие, руководствуясь своими установками, выделяют целыми комплексами, куда под одним номером включают сразу несколько объектов одновременно. Это создаёт свои сложности при подсчёте количества объектов археологии в целом. Как считать: по объектам или по учётным номерам?

Ещё одна сложность возникла в 2002 году с принятием нового отраслевого федерального закона³. До принятия этого закона все объекты археологии именовались «памятник археологии». Новый закон ввёл несколько категорий объектов культурного наследия: выявленный объект культурного наследия, памятник, ансамбль, достопримечательное место. Это создало новые сложности. Теперь практически все известные и вновь открытые с 2002 года объекты археологии оказались в статусе «выявленных объектов культурного наследия» регионального значения⁴ при том, что федеральный закон определяет объекты археологии как объекты федерального значения. Как это произошло? Чтобы объект археологии из категории выявленного объекта культурного наследия регионального значения перешёл в категорию памятник археологии федерального значения, необходимо подготовить пакет документации установленного образца и провести государственную историко-культурную экспертизу. При этом объекты археологии могут существовать не только в статусе памятника, но и присутствовать в составе ансамбля или достопримечательного места. И такие примеры на территории Ханты-Мансийского автономного округа имеют место⁵. В связи с этим возникает ещё одна сложность в установлении точного числа объектов (памятников) археологии на рассматриваемой территории. Как вести подсчёт?

¹ Карачаров К.Г. Археология нового времени севера Западной Сибири // Археологическое наследия Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, Ханты-Мансийск : Изд-во «Чароид», 2006. С. 125–131.

² Постановление Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 4 марта 1997 года № 89 «О постановке на государственный учет и охрану как памятников истории и культуры окружного значения вновь выявленных объектов историко-культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа (с изменениями на 17 июня 1997 года)».

³ Федеральный Закон № 73-ФЗ от 25.06.2002 «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации».

⁴ Зайцева Е.А., Кениг А.В., Соболюшкова Т.Н. Археологический мониторинг как фактор сохранности объектов культурного наследия (по материалам работ 2010–2012 годов в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2013. Т. 12. Вып. 3. Археология и этнография. 2013. С. 86–92.

⁵ Приказ директора Департамента культуры и искусства Ханты-Мансийского автономного округа № 348/01-14 от 26 июня 2002 г. «Об утверждении Списка вновь выявленных объектов, представляющих историческую, научную, художественную или иную культурную ценность».

Отметим ещё одну особенность. Относительно недавно на археологов-исследователей, держателей открытых листов, законодательно была наложена обязанность информировать органы исполнительной власти о выявлении объектов археологического наследия в установленном нормативно-правовыми актами порядке, что облегчило и ускорило их государственный учёт и охрану¹. Однако некоторые объекты (памятники) археологии стали известны ранее этой нормы, включены в научные отчёты, но сведения о них (название, место положения, датировка и т. д.) в органы исполнительной власти так и не поступили. Точное число таких объектов, отражённых в научных отчётах, но не имеющих соответствующего законодательного статуса, неизвестно. Это ещё одна сложность в подсчёте объектов (памятников) археологии на территории Ханты-Мансийского автономного округа.

В связи с постоянным выявлением новых и изменений в состоянии ранее известных объектов (памятников) археологии на территории Ханты-Мансийского автономного округа назрела необходимость решения вопроса их научного обобщения и систематизации.

Само накопление сведений об объектах археологического наследия на территории ХМАО-Югра связано с активным её хозяйственным освоением. Разработка нефтегазовых месторождений и развитие связанных с этим коммуникаций влекут за собой рост количества полевых археологических исследований². Последнее обусловлено организацией и проведением государственной историко-культурной экспертизы в границах участков хозяйственного освоения, которые проводятся в форме археологической разведки³.

Таким образом, главной особенностью археологических исследований в Ханты-Мансийском автономном округе-Югре в последнее десятилетие является формирование предпосылок к становлению региональной археологической научной школы на основе опыта привлечённых в регион высококвалифицированных кадров, выпускников вузов Урала и Сибири. Одной из главных предпосылок является рост археологических исследований на территории региона. В связи с этим возникает острая необходимость в обобщении ранее полученных результатов и формировании единых подходов к выявлению и изучению новых объектов (памятников) археологии.

© И.В. Фролов, 2022

УДК 351.74(470.55/.58)''18/19'':930

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В СОВЕТСКОЙ И НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

С.Х. Хакимов

(Уфимский ЮИ МВД России, Уфа)

На основе всестороннего анализа трудов советских и российских историков, правоведов анализируется изученность вопросов численности, структуры полицейских учреждений в городах и уездах региона, их места и роли в системе губернского управления. Автор отмечает, что, несмотря на определенные достижения современной историографии, существует необходимость продолжения дальнейших исследований по выявлению архивных документов с целью уточнения национального и возрастного состава полицейских кадров, их образовательного уровня.

---

¹ Постановление Правительства РФ от 20 февраля 2014 г. № 127 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия».

² Зайцева Е.А. История археологических исследований Сургутского Приобья (1994–2010 гг.) // Вестник угроведения. № 2(12). 2013. С. 104–113; Соболяникова Т.Н., Кузина А.В., Мухьярова А.Р. Археологические исследования в нижнем течении р. Конда: итоги полевого сезона 2017 г. // Вестник угроведения. Т. 7. № 4. 2017. С. 144–157.

³ Малышкин А.В., Кениг А.В., Селянина М.Ю., Шатунов М.В., Визгалов Г.П. Археологическое наследие Югры в социокультурном процессе // Археологическое наследия Югры. Пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006. Ханты-Мансийск. Екатеринбург, Ханты-Мансийск : Изд-во «Чароид», 2006. С. 132–149.

В современный период Россия переживает сложный процесс преобразования всех сфер государственного управления. На этом фоне деятельность органов внутренних дел, призванных обеспечивать безопасное существование как своих граждан, так и общества, приобретает особую значимость. Опыт деятельности МВД России содержит немало положительных моментов, которые при всестороннем анализе и разумной коррекции в соответствии с современными требованиями могут быть полезными в организации деятельности органов внутренних дел и на современном этапе. К сожалению, в отечественной истории уже были примеры отрицания и пренебрежения к тому, что было создано предшественниками. Так, созданная в годы революции новая милиция вынуждена была идти долгим путем проб и ошибок, чтобы в конечном итоге выработать институты, средства и методы борьбы с преступностью, которые уже были известны полиции и доказали свою эффективность на практике.

Предметом пристального интереса исследователей являются не только центральные, но и провинциальные полицейские учреждения. Это связано с задачами более основательного и всестороннего анализа опыта взаимодействия правоохранительных органов страны в целом и ее отдельных регионов, в том числе и Южного Урала, представляющего один из крупных и многонациональных окраин в составе Оренбургской, а с 1865 по 1917 г. Уфимской губернии Российской империи¹.

Устройство полиции Российской империи никогда не было единообразным. Царское правительство учитывало специфику окраин, в результате чего становление полицейских органов обладало рядом особенностей. В частности, в Башкирии формирование полицейских учреждений происходило на двух уровнях: 1) в рамках традиционной административно-территориальной системы (губерния – провинция – уезд); 2) внутри губернии, в условиях введенной в 1798 г. кантонной системы управления (губерния – уезд – кантон-юрта), когда башкиры и мишари были включены в отдельные административные единицы под руководством кантонных начальников и юртовых старшин, а созданное на их базе Башкирско-Мещеряцкое войско привлекалось к службе по обеспечению внутренней и внешней безопасности юго-восточных окраин империи, что непосредственно влияло на специфику деятельности и полицейских органов.

В дореволюционных работах исследователи акцентировали внимание на проблемах подготовки полицейских кадров, особенно рядового состава. Об этом говорили известные ученые, государственные деятели. Один из крупнейших ученых-экономистов своего времени академик В.П. Безобразов еще в 1865 г. писал: «У нас составилось издавна удивительное понятие, что для низшей полицейской службы всякий годен, что для этого дела даже нет негодного человека. У нас, как-то по преданию, состав полицейских команд обыкновенно пополнялся всяким военным сбродом, тогда как, наоборот, для этой службы следовало бы брать только лучших и отборных людей»².

В советское время данная тема вплоть до начала 60-х годов XX века оставалась малоизученной. Это обуславливалось тем, что практически во всей советской историографии полиция, как и равно все государственные институты самодержавной России, рассматривалась с крайне негативной стороны, с акцентом на ее «классовый, антинародный характер» и «реакционную сущность», в рамках установленных идеологических догм, что, в конечном счете, выразилось в утрате объективности и истины. Только с середины 60-х годов XX в. в период «хрущевской оттепели» начинается поворот к изучению проблемы. Определенное внимание исследованию места и роли МВД в системе государственных учреждений России XIX в. уделено в трудах Н.П. Ерошкина и П.А. Зайнчковского³.

Начало системному подходу к изучению истории органов полиции дореволюционной России было положено в трудах Р.С. Мулукаева, которому впервые в условиях официальной идеологии удалось создать стройную концепцию формирования и деятельности полицейских органов

---

¹ Абдрахманов А.И. Место и роль НКВД в государственном механизме Башкирской Советской Автономной республики: 1919–1925 гг., М., 2000. С. 12.

² Безобразов В.П. Избранные труды. М., 2001. С. 137.

³ Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Зайнчковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880 гг. М., 1964.

дореволюционной России, выделить этапы ее становления, структуру и основные направления деятельности¹. Новизна идеи ученого заключалась в том, что он рассматривал полицию как карательно-репрессивный орган, выполняющий множество других управленческих функций.

Административные судебные учреждения Оренбургской губернии в первой половине XIX века, в том числе и нижних земских судов, рассмотрены в работе В.А. Воропанова². Взаимоотношения МВД с исламскими учреждениями на территории края посвящены труды Д.Д. Азаматова³, М.Н. Фархшатов⁴, С.Х. Хакимова⁵. Ценные материалы о взаимодействии оренбургских военных и гражданских губернаторов (с 1865 г. – Уфимских), а также органов городского самоуправления и местной полиции содержатся в исследованиях И.М. Гвоздиковой⁶, Г.Э. Емалетдиновой⁷, О.А. Поляниной⁸, Н.Л. Семенов⁹. Отдельно следует остановиться на работах известного башкирского историка А.З. Асфандиярова¹⁰, который внес крупный вклад в изучение истории кантонного управления и впервые исследовал вопрос о Башкирских казачьих командах, привлекаемых к охране общественного порядка в городах и уездах, конвоированию осужденных, а также розыску и задержанию уголовных преступников. Данная проблематика также получила освещение в монографических исследованиях Р.Н. Рахимов¹¹, Л.Ф. Тагировой¹². Первые сведения о становлении органов полиции на территории дореволюционной Башкирии были опубликованы в обобщенных трудах по истории Башкирской АССР и Уфы¹³. В частности, в коллективной монографии «История Уфы. Краткий очерк» отмечается, что для усиления надзора за благонадежностью жителей город делился на три полицейские части со «съезжим домом»¹⁴. Фактический материал о деятельности полицейских учреждений Башкирии содержится в обобщающих работах по истории органов внутренних дел Оренбуржья и Челябинска¹⁵. Различные аспекты истории полиции Южного Урала, в том числе и Башкирии, освещаются в работах Р.И. Байгутлина¹⁶ и Е.П. Сичинского¹⁷. В монографии последнего имеются интересные факты и о деятельности уездных и городских органов полиции Уфимской губернии второй половины XIX века. Целенаправленное научное изучение органов полицейских учреждений дореволюционной Башкирии, как и России в целом, начинается некоторыми кафедрами Уфимского юридического института МВД России, получившего статус вуза 12 апреля 1988 г.¹⁸ Появляются первые работы, посвященные различным аспектам правоохранительных органов России и подготовке полицейских кадров при Уфимской школе

¹ Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1978.

² Воропанов В.А. Сословная судебная система в Оренбургском крае (1775–1864 гг.). Челябинск, 2000.

³ Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. Уфа, 1999.

⁴ Фархшатов М.Н. Операция «ссылка»: Шейх Зайнулла Расулев и имперские власти (70-е годы XIX в.) // Волго-Уральский регион в имперском пространстве XVIII–XIX вв. М., 2011.

⁵ Хакимов С.Х. Полиция в системе органов губернского управления пореформенной России (1862–1914 гг.): учебное пособие Уфа, 2003.

⁶ Гвоздикова И.М. Гражданское управление в Оренбургской губернии в первой половине XIX в. (1801–1855 гг.). Уфа, 2010.

⁷ Емалетдинова Г.Э., Кантимирова Р.И. Органы местного управления и самоуправления в Уфимской губернии во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2008.

⁸ Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 гг.). Уфа, 2006.

⁹ Семенов Н.Л. Военное управление Оренбургским краем в конце XVIII – первой половине XIX в. Стерлитамак, 2000.

¹⁰ Асфандияров А.З. Кантонное управление в Башкирии (1798–1865 гг.). Уфа, 2005.

¹¹ Рахимов Р.Н. На службе у «Белого царя» М., 2014.

¹² Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины века. Уфа, 2011.

¹³ История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996; История Башкортостана с древнейших времен до наших дней : в 2 т. / Под ред. И.Г. Акманова. Уфа, 2006; История Башкортостана XIX – начала XX века. В 2 т. Уфа, 2007.

¹⁴ История Уфы. Краткий очерк. Уфа, 1981. С. 76.

¹⁵ История УВД Оренбургской области. Оренбург, 2002; Сичинский Е.П. Страницы истории полиции дореволюционного Челябинска. Челябинск, 1999.

¹⁶ Байгутлин Р.И. Организационно-правовые основы деятельности полиции Оренбургской губернии в 1775–1862 гг. : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003; Он же. Реорганизация полиции Оренбургской губернии при Павле I // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 25 (206). Право. Вып. 25. С. 76–81.

¹⁷ Сичинский Е.П. Полиция Южного Урала в период кризиса самодержавия. М., 2005.

¹⁸ Уфимский юридический институт МВД России: 45 лет / Под ред. Мухаметшина Ф. Б. Уфа, 2016. С. 43.

урядников полицейской стражи¹. Определенной вехой в изучении проблемы стало проведение 25–26 апреля 2002 года в Уфимском юридическом институте МВД России Всероссийской научно-практической конференции «Министерство внутренних дел России за 200 лет: история, теория, практика», где нашли отражение и этапы становления органов полиции дореволюционной Башкирии и страны в целом².

В начале XXI в. тематика исследований продолжала расширяться. В работе С.Х. Хакимова, на основе широкого привлечения архивных источников, многие из которых впервые вводились в научный оборот, показана роль органов полиции в системе губернского управления пореформенной России. На примере Уфимской губернии рассмотрены численность и состав органов городской и сельской полиции, проанализированы формулярные списки полицмейстеров, исправников, частных и становых приставов³. Отдельные вопросы истории правоохранительных органов, в том числе и полиции пореформенной Башкирии, нашли отражение в трудах Ф.Б. Мухаметшина и А.Х. Султанова⁴, С.В. Мотина и К.Р. Мурсалимова⁵, Е.А. Барановой и С.Х. Хакимова⁶, Р.З. Амирова⁷, И.А. Асеева⁸, Н.Ф. Байковой⁹, А.С. Масалимова¹⁰, А.Ф. Мухаметшина¹¹, Р.В. Нигматуллина¹².

В последнее десятилетие интерес к теме продолжает возрастать. Появились работы о полицмейстерах и приставах Уфы¹³ и Оренбурга¹⁴, изучен численный состав городничих уездных городов края первой половины XIX века¹⁵. Обобщенные материалы по формированию и деятельности органов полиции Южного Урала, в том числе и Башкирии, получили апробацию в

¹ Законодательные памятники России. «Устав благочиния или полицейский 1782 г.» Апреля 8. Ч. 1 : Учебно-методическое пособие / Сост. С.Г. Аксенов, Н.А. Катаев. Уфа, 1992; Рассказов Л.П. Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941 гг.). Уфа, 1994; Ахмадеев Ф.Х., Катаев Н.А., Хабибуллин А.Г. Становление и развитие органов советской милиции и исправительно-трудовых учреждений. Уфа, 2003; Абдрахманов А.И. Место и роль НКВД в государственном механизме Башкирской Советской Автономной республики: 1919–1925 гг., М., 2000; Хакимов С.Х. Полиция пореформенной Уфы: страницы истории // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2001; Он же. Страницы истории Уфимской школы по подготовке урядников полицейской стражи (1913–1917 гг.) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. Уфа, 2001. № 3.
² Толкачев К.Б. 200 лет на службе народу и защите правопорядка // Министерство внутренних дел России за 200 лет: история, теория, практика : материалы Всероссийской научно-практической конференции, Уфа, 2002. С. 3–10.

³ Хакимов С.Х. Полиция в системе органов Губернского Управления Поререформенной России (1862–1914 гг.) : учебное пособие Уфа, 2003.

⁴ Мухаметшин Ф.Б., Султанов А.Х. Судебная реформа 1864 года в России: предпосылки, содержание, последствия : учебное пособие. Уфа, 2001.

⁵ Мотин С.В., Мурсалимов К.Р. Аксаков Иван Сергеевич и его служба в Министерстве внутренних дел. Уфа, 2003.

⁶ Баранова Е.А., Хакимов С.Х. Роль исторических традиций полиции и милиции России в организации нравственного воспитания сотрудников органов внутренних дел : учебное пособие. Уфа, 2008.

⁷ Амиров Р.З. Взаимодействие полиции и вооруженных сил Российской империи в обеспечении внутренней безопасности: историко-правовой анализ : учебное пособие. Уфа : УЮИ МВД России, 2009; Он же. Обеспечение внутренней безопасности российского государства (проблемы взаимодействия армии, органов внутренних дел и внутренних войск): историко-правовой анализ : учебное пособие. Уфа, 2013.

⁸ Асеев И.А. Антитеррористическая деятельность полиции в дореволюционной России (1901–1917 гг.) монография. Уфа : УЮИ МВД России, 2010.

⁹ Байкова Н.Ф. Полицейские функции государства в дореволюционной России. Уфа : УЮИ МВД России, 2011.

¹⁰ Масалимов А.С. Реформы полиции Российской империи XIX–XX веков: достижения, просчеты, влияние на развитие государственного аппарата : монография. Уфа, 2011.

¹¹ Мухаметшин А.Ф. Правовые основы деятельности полиции дореволюционной России по раскрытию и пресечению преступлений (X – начало XX вв.) : монография. Уфа, 2012.

¹² Нигматуллин Р.В. Борьба с преступностью в курсе современного международного права : учебное пособие. Уфа, 2012.

¹³ Хакимов С.Х. Полицейские пореформенной Уфы // Вестник Уфимского юридического института. Уфа, 1999. № 5. С. 91–94; Сичинский Е.П., Хакимов С.Х. Из истории формирования органов полиции г. Уфы в XVIII – начале XX вв. // Вестник Башкирского университета. Уфа. 2007. Т. 12. № 4. Хакимов С.Х. Формирование института частных приставов на Южном Урале XVIII–XIX вв. // Археология Южного Урала: исторический опыт как ресурс модернизаций : материалы XI Всероссийской научно-практической конференции Уфа, 2011.

¹⁴ Азнабаев Б.А., Круглов-Мавридис Е.А., Роднов М.И. Оренбургской полицмейстер Николай Иванович Демостико. Наследники «греческого проекта». Уфа, 2014.

¹⁵ Детинина Е.А. Городничие Оренбургской губернии – бывшие боевые офицеры (по формулярным спискам 1845 г.). Стерлитамак, 2014; Она же. Портрет уездного городничего Оренбургской губернии (по формулярным спискам 1845 года) // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 2. (357). История. Вып. 62.

фундаментальном исследовании «Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству»¹ и ряде других работ: «Полиция в системе органов губернского управления в дореволюционной России (к 300-летию российской полиции), «Полиция Уфы во второй половине XIX – начале XX века», «Подготовка кадров для нижних чинов полиции Российской империи в конце XIX – начале XX века (на примере Уфимской школы подготовки урядников уездной полицейской стражи»². Началась публикация документов по теме³. В них широко представлены формы и методы работы органов полиции и жандармерии Уфимской губернии в борьбе против терроризма и экстремизма в период революционных событий 1905–1907 годов, приказы и донесения полицмейстеров и исправников по оперативно-служебным вопросам, формулярные списки сотрудников конца XIX – начала XX в.⁴ В последующем указанные сборники документов с дополнениями были переизданы⁵.

Подводя итог, следует отметить, что, несмотря на достижения в изучении проблемы, все еще остается неразработанным вопрос организационно-правового оформления органов полиции в Уфимской провинции, учрежденной еще в 1715 г., а также и в последующие периоды, вплоть до принятия губернской реформы 1775 г. Что касается XIX – начала XX в., то здесь вне поля зрения исследователей остаются вопросы выявления динамики общей численности рядовых и классных чинов полиции края по городам и уездам, их возрастного, национального состава. Требуют дальнейшего изучения материально-бытовые условия службы сотрудников. Назрела потребность в написании обобщенных трудов по истории полицейских учреждений Башкирии дореволюционного периода, по их взаимодействию с судебными, пенитенциарными, жандармскими подразделениями, а также по использованию иррегулярных частей Башкирского войска по охране общественного порядка и борьбе с преступностью.

© С.Х. Хакимов, 2022

УДК 398.22(=113):911.3:94(100)

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПОЗНАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СКАНДИНАВСКОГО ЭПОСА «ЭДДА»)

А.М. Харитонов
(ТИГ ДВО РАН, Владивосток)

Современная историческая география, по мнению историков, занимает в истории весьма скромное место вспомогательной исторической дисциплины. Это представление историков в корне отличается от ее роли в географической науке, где за ней зарезервировано место самостоятельной географической дисциплины на стыке истории и географии. В результате место исторической географии заняла в исторической науке геополитика, опирающаяся в большинстве случаев не на географические факты, а на их толкование классиками исторической науки, которое не подлежит сомнению. Мы постараемся показать ненадежность подобного подхода в отношении географии исторических легенд и мифов в современной исторической науке на примере скандинавского эпоса

¹ Мухаметшина Ф.Б., Султанов А.Х., Хакимов С.Х. Полиция Башкирии. Три века на службе Отечеству : монография. Уфа, 2017. 283 с.

² Султанов А.Х., Каримов Р.Р., Хакимов С.Х. Полиция в системе органов губернского управления в дореволюционной России (к 300-летию российской полиции). Уфа, 2018; Полиция Уфы во второй половине XIX – начале XX века. Уфа, 2018; Подготовка кадров для нижних чинов полиции Российской империи в конце XIX – начале XX века (на примере Уфимской школы подготовки урядников уездной полицейской стражи). Уфа, 2021.

³ После революции (документы по истории антиправительственного движения и деятельности правоохранительных органов в Уфимской губернии в конце 1907 – первой половине 1914 годов) : сборник документов / Сост., авт. предисл. и коммент. Роднов М.И. Уфа, 2002; Мордвинцев Г.В. и др. Правоохранительные органы Уфимской губернии в годы революций и Гражданской войны (1894–1917) : сборник документов и материалов. Уфа, 2010.

⁴ Уфимское губернское жандармское управление 1873–1917 гг. Документы и материалы. Уфа, 2012.

⁵ Мордвинцев Г.В. и др. Правоохранительные органы Уфимской губернии в переломные годы истории (1894–1922) : сборник документов и материалов : в 3-х частях. Уфа, 2016.

«Эдда».

Не до конца определенное место исторической географии в системе наук порождает ряд противоречий, которые в настоящий момент не разрабатываются ни географической, ни тем более исторической наукой. Склонность историков приписывать происхождение эпоса «Эдда» территории современной Скандинавии привела к тому, что альтернативные варианты истории и географии эпоса даже не рассматриваются классической наукой. Они в настоящее время разрабатываются обычно только в популярной литературе, которую специалисты не склонны как-то принимать во внимание.

Ознакомиться с классическими представлениями историков о географии эпоса возможно по примечаниям к текстам самого эпоса¹. На наш географический взгляд, очень часто подобные примечания весьма далеки от реальности, т. к. совершенно не сочетаются с географическими представлениями об этом регионе мира в период античности и раннего средневековья. Как справедливо заметил один мой коллега-географ, такие специалисты похожи на старика Хоттабыча на экзамене по географии в советской школе. Они судят по отдельным фактам, а в чем суть географического метода – не знают и не понимают, но признаться в этом выше их сил! А ведь один из основных принципов географического анализа – историзм (рассматривать явление в развитии, динамике), кроме того, связь явлений (их взаимосвязи и взаимозависимости), пространственные закономерности размещения (явление в пространстве развивается по своим законам). При этом у географии, в отличие от общественных наук – истории, экономики и прочих, есть закон, который не зависит от человека – географическая зональность².

Самими текстами скандинавского эпоса автор заинтересовался, столкнувшись как раз с одной популярной работой на тему его ранней географии. Впрочем, утверждения популяризатора о происхождении эпоса из Туркмении³ вызвали первоначально лишь некоторый здоровый скептицизм. Тем не менее географический анализ отдельных мифологических топонимов «Эдды» позволил нам даже весьма успешно наложить их на карту Азии⁴. Собственно, подобным образом анализируя место на карте объектов мифов и легенд, действуют не только дилетанты, но и порой признанные специалисты, в т. ч. лингвисты и историки. Последние, впрочем, признают результаты подобного анализа только в том случае, если этот результат совпадает с их предварительными прогнозами. Однако профессиональному географу (автору данных строк) не очень понравилось то, что в результате получилось так, что неграмотный скальд мог знать географию региона намного лучше, чем признанные в те времена специалисты-географы. Что-то в этом было не так. По этой причине предварительные исследования и были отложены до лучших времен. Между тем выяснилось, что подобное положение могло сложиться по причине переноса отдельных топонимов вслед за их носителями в новые места обитания. Этот процесс был исследован химиком по основной специальности В.А. Курбатовым⁵, тогда как другим специалистам это было не интересно. Кстати, сам В.А. Курбатов, возможно, не знал, что примененные им географические методы исследования перемещения топонимов не рекомендуются к разработке исторической наукой, т. к. вполне могут считаться «сиренами созвучия». А ведь именно сходные части слов порой весьма разноязычных топонимов и исследовал ученый – химик. Получившие академическое образование историк и лингвист так бы никогда не поступили. В результате выяснилось, что топонимы по карте перемещаются как поодиночке, так и группами. В нашем случае анализа топонимов «Эдды» подобный эффект мог быть достигнут, если сами топонимы возникли в одном определенном районе, а потом расползлись уже по всей карте.

Теория моногенеза, принятая в лингвистической науке, где все языки возникли из одного источника (места), вполне допускает подобное положение и для географии, в т. ч. мифологической и легендарной. Это объясняет и возможные ошибки и многочисленные порой равноценные варианты

¹ См.: Беовульф. Старшая Эдда. Песня о Нибелунгах. М., 1975; Младшая Эдда. Л., 1970.

² См.: Баранский Н.Н. Избранные труды. Становление советской экономической географии. М., 1980.

³ См.: Щербаков В.И. Где жили герои эддических мифов? М., 1989.

⁴ Харитонов А.М. О некоторых принципах и методах географической оценки работы с объектами легендарной и мифологической географии в историко-географических исследованиях // Документ. Архив. История. Современность. Вып. 19. Екатеринбург, 2019. С. 219–224.

⁵ Курбатов В.А. Славянские континенты: пути расселения наших предков (V–XIX вв.). М., 2005.

трактовки легендарных путешествий, по поводу которых споры все еще продолжаются. Виноват в этом, скорее всего, именно процесс переноса ряда топонимов в ходе исторических миграций отдельных народов. По этой причине возможен и последующий перенос легендарных событий на новую историческую почву со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если подобного динамического процесса не учитывать при исследованиях в исторической географии, то легко можно попасть впросак, что и делает их малопригодными для последующего комментирования специалистами.

Нечто подобное вышеизложенному произошло с историками, которые слепо придерживались установки на происхождение эпоса «Эдды» исключительно на территории современной Скандинавии. Ведь они фактически проигнорировали, что данная территория была неизвестна географии античности и средних веков согласно еще географическим воззрениям Аристотеля¹. По его же, освященному церковью мнению, территории холодного (примерно современный умеренный) климатического пояса были полностью необитаемы. Этой же позиции придерживалась и наиболее передовая для своего времени арабская географическая школа.

В результате от внимания лингвистов ускользнуло то, что само название «Эдда» следует сравнивать скорее с индийскими «Ведами», чем пытаться выводить его из имени некоего хутора. На это указывает хотя бы явная общность германских и индо-иранских языков, выявленная еще на заре развития сравнительно-исторического языкознания.

Более того, подобный подход привел к тому, что исторические и легендарные сведения о приходе норманнов в Западную Европу из Восточной (Скифия, т. е. Причерноморье) были категорически отвергнуты историками. При этом отвергаются и сведения о приходе норманнов в Нормандию с нижнего Дуная, приводимые достаточно серьезными изданиями подобно «Хронике» Саксонского анналиста². Понятно желание германских геополитиков откrestиться от «русских» корней своего народа. Ладно бы еще эти «русские» были германских кровей, как им представляется. А ведь достаточно было перевести германский этноним «норманны» («северные люди») снова на русский язык («северяне») и сопоставить области обитания летописных северян с предками современных скандинавов, как перед нами очевидное для исторической географии сходство. Более того, с нижнего Дуная, где обитала оторвавшаяся от основной массы группа северян, вверх по реке легко попасть с использованием переволок на Рейн. Сегодня подобный путь и вовсе был бы возможен без подобной перевалки судна³. Путь же вокруг Южной Европы по Средиземному морю затруднен в зимнее время, а по Бискайскому заливу порой сложен даже для современных судов. А уж если вспомнить, что арабский ученый ал Хараки⁴ считал Варяжским морем Меотиду (Азовское море) ... Но кто же это будет рассматривать, если историки «абсолютно точно знают», что викинги нападали на Западную Европу исключительно с Севера. Как видим, альтернатива геополитике со стороны географии весьма существенна. Да и на Рейне, похоже, норманны и зарегистрированы впервые. Складывается даже впечатление, что вокруг Парижа они вынуждены были наладить переволоку потому, что рвались по течению вниз к морю, а вовсе не потому, что собирались грабить население в верховьях Сены, как трактуют современные историки.

Летописные северяне очень темный по своему происхождению народ. Обычно их считают ослабянчившимися потомками тюрков или угро-финнов. Об их возможной роли в происхождении германских народов речь никогда не поднималась. Да и вообще лишь Тур Хейердал⁵ принял всерьез показания источников о «Великой Швеции» в Причерноморье. Но есть ли сведения, которые хотя бы косвенно подтверждали догадки автора данных строк? Оказывается, такие сведения имеются. Обнаружил их автор несколько неожиданно для себя при анализе происхождения северян. В истории и этнографии последних сближают с саварами-савирами. Автор вспомнил о наличии в Византии Исаврийской династии и вышел на народ исавров, явно близкий северянам лингвистически. Скорее только по научной добросовестности, которую ему чаще всего ставили в

¹ См.: Аристотель. Сочинения. В 4-х т. Т. 3. М., 1981.

² Саксон Анналист. Хроника. 741–1139. М., 2012. С. 351.

³ См.: Шарый А. Дунай: река империй. М., 2015.

⁴ Древняя Русь в свете зарубежных источников. Т. III. Восточные источники. М., 2009. С. 23.

⁵ Хейердал Тур, Лиллиестрем. В погоне за Одним. По следам нашего прошлого. М., 2008.

вину на работе, автор заинтересовался историей исавров, не ожидая здесь для себя никаких неожиданностей. Однако когда перед нами в ходе чтения замаячили строки, что горцы-исавры в III веке слились в единый народ с пиратами-киликийцами, то автор данной работы был несколько ошеломлен. Ведь перед нами явно «мифические» сведения «Старшей Эдды» о слиянии богов-асов с богами-ванами скандинавской мифологии, где главой ванов назван Ньерд (Северянин!). Похоже, перед нами прямое указание, что германские народы могли быть выходцами с Ближнего Востока, как предполагала лингвистическая теория Иванова-Гамкрелидзе¹. Вот только является ли найденная нами территория первоначальным местом обитания германских языков? Сложный вопрос. Но даже если это и одна из локализаций на пути миграций германцев на современные места обитания, то она весьма близка к первоначальной. Данная локализация позволяет нам с уверенностью заявить, что этноним асы появился как вариант «азиаты». Действительно, Азией изначальная география считала не всю современную Азию, но только Малую Азию. Европа при этом располагалась восточнее. Одной из границ Европы с Азией и была тогда река Фасис.

Но кому принадлежит этноним ваны? Могут ли они быть предками славян? Первоначально мы решили, что ваны не венецы. Ведь в современных произведениях, затрагивающих места обитания венецов – энетов и т. п., упоминаний об их проживании в Киликии мы не нашли. Получается, что перед нами, скорее всего, должны были быть Иаваны Библии, т. е., по современным представлениям, греки-ионийцы. Впрочем, нас сразу же посетили сомнения на этот счет. Те же ионийцы очень активно осваивали северное Причерноморье в античный период. Не были ли среди них и венецы, которые грекам известны еще со времен Гомера? Кроме того, анализ библейских родословий подвиг еще В.Н. Татищева со ссылкой на Диодора Сицилийского на вывод, что предки славян могли быть выходцами из Сирии и Финикии². Так что не исключено, что мы все-таки нашли еще одно возможное место обитания предков венецов, тем более, что именно эта территория упоминается в греческих легендах как место поселения переселенцев-ахейцев после событий Троянской войны. Уж не переименовали ли древние греки имя библейского Мосха-Мешеха (Мукшуша) в Мопса (Мокса)? Кроме того, примерно здесь же ассирийские источники помещают некое государство Куэ-Киява (возможно, от Аххиява, под которой видят государство греков-ахейцев). Если учесть, что город Киев иногда возводят по имени к языку готов (ср. Gott – «бог»), то предположения о родстве этого топонима с именем ближневосточного государства, изредка встречающемся в популярной литературе, возможно и не лишены оснований. Кстати, Страбон³ упоминал о наличии в этом же районе городка Рос.

Более того, современное название реки эль-Аси в Сирии (античный греческий Оронт) вполне может отражать воспоминания о юго-восточной границе древней Европы. Да и крепость Дура-Европос на Евфрате тогда вполне обоснованно получила такое имя, ибо тоже располагалась на границе той Азии и той Европы. Так что не следует забывать, что мы сегодня воспринимаем территорию Европы и Азии совсем не так, как могли ее понимать наши далекие предки. Кстати, на реке эль-Аси и в некоторых иных местах Ближнего Востока известны норрии – громадные колеса для полива. Уж не они ли стали прообразом норн, которые поливают мировое древо Иггдрасиль? Впрочем, трудностей с локализацией носителей германских языков на Ближнем Востоке хватает. Племя германиев известно еще «отцу истории»⁴ где-то в Месопотамии. Видимо, от них здесь до сих пор остались топонимы Керман и Керманшах в Иране, диалект курманджи в среде курдов, и даже Армения по имени вполне сопоставляется с Германия. Некая Гармония была также женой греческого Кадма (аналог имени библейского Адама).

Сюда же можно добавить неких су-биру – предков шумеров. Они пришли в Месопотамию с берегов Южного моря (считается Индийским океаном, но никаких следов там от шумеров археологи не откопали). Уж не было ли Южное море морем Средиземным, тем более, что Северный океан

¹ Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // Древние цивилизации. От Египта до Китая. М., 1997. С. 591–614.

² Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен. Кн. 1. Ч. 2. М., 1769. С. 447.

³ Страбон, XIV, 5, 22.

⁴ Геродот, I, 125.

известен еще античной географии где-то к северу от Причерноморья?

Может быть, наши географические сопоставления и сильно противоречат представлениям историков, но, похоже, мифам и легендам они явно оказываются сродни. Ведь это позволяет предположить, что появление среди библейских колен имен Асир и Дан может быть связано с появлением здесь «народов моря». Помнится, в каком-то из популярных источников упоминался некий автор, который позволил себе высказать предположение о сходстве их судов со скандинавскими и был жестоко высмеян специалистами. А если он был прав, а специалисты ошибаются? Кстати, если норманны были русичами, то почему их прародиной является Скандинавия Новая? Ведь именно так следовало бы трактовать топоним Скандинавия с точки зрения языка этих самых русичей. К тому же Скандинавия не остров, а полуостров, что почему-то перестали подчеркивать в научной литературе. Может быть это сделано потому, чтобы скрыть явные натяжки норманнской теории?

Впрочем, совсем недавно появилось исследование П.И. Федотовой¹ о том, что название «Варяжское море» для Балтики стало таковым в русской истории сравнительно поздно. Похоже, произошло опять-таки с подачи германских геополитиков, чьи «географические» идеи впитали отечественные историки. И хотя с точки зрения географии в качестве доказательства сведения П.И. Федотовой следовало бы считать избыточными (географии это должно было быть известно с самого начала), но для современных норманистов подобное исследование вдвойне убийственно.

Каковы же основные причины возникновения географических ошибок у исследователей скандинавского эпоса? Первое: ориентация происхождения эпоса исключительно на территорию современной Скандинавии из-за сравнительно поздней его записи. Второе: пренебрежение знаниями и умениями географов античности и средних веков, в результате которых историки необоснованно значительно расширили территорию ойкумены для этого времени. При этом далеко не всегда учитывались возможности перемещения народов и связанных с ними топонимов в ходе исторического развития. Третье: гиперкритическое отношение ко всем работам историков, особенно к представителям иных профессий при попытке, так или иначе, поставить под сомнение укоренившиеся в исторической науке заблуждения ее классиков-геополитиков.

Таким образом, сравнительно-сопоставительный метод в исторической науке, основанный на правильно заложенной географической основе, дает порой очень даже приличные результаты, которых не смогла добиться геополитика, отвергающая самостоятельное существование исторической географии и подменяющая ее своими геополитическими построениями.

© А.М. Харитонов, 2022

УДК 94 (571.16)''1871/1887''

ДИНАМИКА СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО СОСТАВА ТОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1871–1887 гг.

П.Д. Хрущева
(НИИ ТГУ, Томск)

Органы местного самоуправления традиционно играют важную роль в системе государственного администрирования в России. Возникновение городской думы не было одномоментным, этот процесс охватывает большой промежуток времени. Если зачатки городского самоуправления были заложены императором Петром I в виде магистрата, то порядок формирования и функционирования органов городского самоуправления городских дум был заложен в 1785 г. императрицей Екатериной II в рамках «Городового положения»². Однако одним из

¹ См.: Федотова П.И. Названия Балтийского моря в русских средневековых источниках. СПб., 2022.

² Дмитриенко Н.М. Сибирский город Томск в XIX – первой трети XX века: управление, экономика, население / науч. ред. В.П. Зиновьев, Э.И. Черняк. Томск, 2000. С. 45.

главных преобразований городского самоуправления можно считать реформу Александра II, в ходе которой было утверждено новое «Городовое положение», просуществовавшее до 1917 г. В связи с этим целью данной работы является необходимость выявить специфику сословно-представительного состава Томской думы, относительно аналогичных городских самоуправлений Сибири в 1871–1887 гг. Так, городская реформа 1870 г. определяла структуру, полномочия и принципы избрания органов самоуправления. Согласно этому документу в городах были введены всесословные органы самоуправления – городские избирательные собрания, городская дума и городская управа, которую возглавлял городской голова¹. Работа городских дум началась в 44 городах России, в том числе в Томской губернии.

Официальной датой открытия Томской городской думы считается 30 августа 1871 г. Городское избирательное собрание, созываемое раз в 4 года, избирало гласных городской думы. Согласно статье 17 Городового положения избирательными правами наделялись все жители города вне зависимости от их вероисповедания и сословной принадлежности. Однако избиратели должны быть российскими подданными не моложе 25 лет, владевшими в пределах города недвижимостью на праве собственности и платившими с нее оценочный сбор. Женщины не допускались к выборам, однако они могли уполномочить на участие в выборах своих отцов, мужей, братьев или других родственников². В городах, где общее число граждан, обладающих правом голоса, равнялось трёмстам, в ходе выборов должно было избраться 30 гласных. В случае, если число избирателей более трехсот, на каждые сто пятьдесят человек сверх этого числа добавлялось по 6 гласных до тех пор, пока общее число гласных достигнет 72³. В связи с этим определения количества гласных в Томскую думу проводились 22 декабря 1870 г. и 8 января 1871 г., в ходе которых было избранно 57 гласных, а 26 января этого же года были избраны городской голова и заступающие его место⁴. В первый избирательный срок количество гласных в Томске равнялось 57, поскольку общее число избирателей составляло 957, в последующее года в думу избиралось максимальное количество гласных.

По положению все избиратели делились на разряды (курии), главным критерием деления был финансовый ценз. В первую курию входили наиболее крупные владельцы недвижимой собственности, промышленных и торговых предприятий, которые платили в городскую казну $\frac{1}{3}$ всех налогов. Во вторую курию входили более мелкие налогоплательщики, вносящие еще $\frac{1}{3}$ городских сборов. Последняя состояла из всех остальных налогоплательщиков⁵. В Томске особое значение имел казенный налог с недвижимых имуществ, который, даже после его отмены в 1874 г., ошибочно начислялся с оценочным сбором. Благодаря этому только за период 1879–1883 гг. общая сумма ценза была превышена более чем в два раза в пользу городской казны. Именно на основании этой суммы и происходило деление избирателей на курии. Наибольшая сумма выплат приходится на период с 1879–1883 гг., а общая сумма ценза равнялась по периодам: 1871–1875 гг. – 16 054 руб.; 1879–1883 гг. – 39 545 руб. и в период с 1883–1887 гг. – 16 391 руб. Отметим, что разница между 1871–1875 гг. и 1879–1883 гг. объясняется тем, что Томская дума включила в оценочный сбор приказчиков II разряда (наёмных, торговых работников)⁶.

Если обратиться к сословно-представительному составу Городской думы, можно заметить, что за весь анализируемый период самой многочисленной группой были мещане и купцы, 3142 и 689 чел. соответственно. В 1871–1875 гг. количество избирателей Томской губернии составило лишь 957 чел., из них самой многочисленной группой были мещане и купцы, 444 и 151 чел. соответственно. Лица духовенства, а также учреждения и ведомства не числились. Обращаясь к периоду 1879–1883 гг., наблюдаем значительный рост в каждой из категорий населения. Всего

¹ Парасочка Е.С. Правовая основа городского самоуправления в г. Томске (вторая половина XIX – начало XXI в.) // Вопросы истории, международных отношений и документоведения. Томск, 2015. Вып. 11. Т. 2. С. 360.

² Высочайше учрежденное городовое положение // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе. 1825–1881 гг. СПб., 1830–1885. Т. XLV. Ч. 1. С. 825.

³ Там же. С. 828.

⁴ Малиновский И.А. Город Томск / И.А. Малиновский, И.Г. Фрейдин, И.П. Гавровский [и др.]. Томск, 1912. С. 221.

⁵ Панасенко Д.А. Городская реформа Александра II как второй этап проведения реформ местного самоуправления // Потемкинские чтения : сборник материалов Международной конференции. Севастополь, 2018. С. 144–145.

⁶ Свод постановлений Томской городской Думы за 1871, 1872 и 1873 года. Томск, 1887. С. II.

избирателей было 2431 чел., из которых основную массу занимали мещане III разряда. Отметим, что за указанный период мещанское сословие резко увеличилось почти в 3 раза: с 1871–1875 гг. – 444 чел. до 1295 чел. в период 1879–1883 гг. Кроме того, дворянское и крестьянское сословие увеличилось на 100 человек. В последующий период аналогично можно проследить увеличение числа избирателей, но уже не такое резкое, и по-прежнему лидирующие позиции занимают мещане, дворяне и купцы. Преобладающая роль мещанского сословия обусловлена тем, что они занимают 42,92% от общего числа жителей Томска (данные взяты из переписи населения за 1880 год), а также 52,1% от общего недвижимого имущества Томской губернии за 1885 г. было в руках мещанского сословия¹.

Однако, если судить по количеству избранных гласных в Томскую думу, ситуация кардинально меняется. Несмотря на численное доминирование в городе, количество избранных мещан составило лишь 15%, став третьим по количеству сословием в думе. Главенствующее положение на протяжении 16 лет занимают купцы I и II гильдий, что указывает на их значительное влияние внутри сибирского общества того периода. Нельзя не отметить, что купечество занимало не более 5% от общего населения Томской губернии и в избирательных списках составляло 1/8 часть от общего числа избирателей. За три избирательных периода было избрано в гласные Думы около 67% людей, принадлежащих к купеческому сословию. Так, купечество пользовалось популярностью среди населения, что, в свою очередь давало им значительное превосходство над другими категориями населения².

Такая же тенденция – в формировании городской управы. Так, городская управа, состоявшая из городского головы и нескольких членов, являлась исполнительным органом городского общественного управления, избираемого гласными городской думы. За период с 1871 по 1887 гг. было избрано 44 члена управы, из них купцов – 34 чел., мещан – 5 чел., чиновников – 5 чел. Городские головы аналогично принадлежали к купеческому сословию, кроме того, все они являлись купцами I гильдии. За данный период пост городского головы занимали Тецков Д.И. (1871–1875), Королев Е.И. (1876–1879), Цибульский З.М. (1879–1883), Михайлов П.В. (1883–1887)³.

Обращаясь к сословно-представительному составу городских дум, стоит провести сравнение с близлежащими губерниями, поскольку социальный состав органов городского самоуправления не был одинаков и зависел от характера города. Для сравнения возьмем Омскую городскую думу, так как вопрос об открытии Сибирского университета решался в соперничестве между данными губерниями. Томская городская дума начала свою работу на 2 года раньше. Однако избирателей, получивших право голоса в Омске, было на 389 чел. больше. В связи с этим общее количество гласных было различно. В Томске на момент открытия – 57 чел., в Омске – 60 чел. соответственно. Как известно, Томск считался торгово-промышленным городом, по этой причине преобладающими сословиями были купечество, дворянство и мещанство, которые, в свою очередь, занимали 53,9% от общей численности населения⁴. В результате городскими головами в Томске становились купцы I гильдии. В Омске, напротив, большую часть населения составляли военные сословия и казаки, а именно 42,6%. Вследствие этого омскими городскими головами становились лица различных родов деятельности или военные. Так, до реформы Городового положения Александра III в Омске городскими головами становились Ф.Л. Чернавин (преподаватель Сибирской военной гимназии), В.В. Маслов (отставной генерал-майор) и Э.И. Эзет (архитектор).

Таким образом, анализ избирательных списков 1871–1887 гг. показывает, что наибольшее количество избирателей Томской губернии приходится на период, когда сумма ценза была превышена. Увеличение числа избирателей можно связать с Высочайшим повелением об открытии университета в Томске, в результате чего в город прибыла значительная часть интеллигентных горожан, которые могли избираться в Думу. Так, на 1870 г. численность населения составляла 25605 чел., а в 1880 г. 33834 чел.⁵ На момент переписи населения в 1880 г. лишь 38,22% населения были

¹ Свод постановлений Томской городской Думы за 1871, 1872 и 1873 года. Томск, 1887. С. III.

² Там же. С. V.

³ Там же. С. VI.

⁴ Там же. С. III.

⁵ Город Томск в прошлом и настоящем / сост. А.В. Адрианов. Томск, 1890. С. 14.

грамотными¹. Если же обратиться к Всероссийской переписи населения (1897), то можно заметить, что уровень грамотности среди населения возрос и достиг 46,6%². Все эти условия объясняют рост числа избирателей и позволяют утверждать, что образование Томского университета повлияло на демографическую ситуацию. Кроме того, отмена ссылки в Томскую губернию в связи с открытием в нем университета сделала город привлекательным для привилегированной части населения.

© П.Д. Хрущева, 2022

УДК 069.44

ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В РОССИЙСКОМ МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

А.И. Чигрина, А.Н. Алдашов, Е.М. Савельев
(БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа)

Методы консервации и реставрации музейных предметов разрабатываются и совершенствуются учеными на протяжении нескольких тысячелетий. Еще в античном мире были попытки сохранить ценные предметы для потомков, подкрепленные вполне рациональными действиями. Так, первые примеры практики консервации и реставрации были известны еще в античный период.

Несмотря на продолжительную историю существования, методы консервации и реставрации музейных предметов не свободны от ряда проблем, нуждающихся в обсуждении и решении. Некоторые из этих проблем имеют давние корни, другие появились в последние десятилетия.

В рамках данного небольшого исследования мы обозначили следующие проблемы:

- содержание понятий «консервация» и «реставрация»;
- несовершенство нормативной и методической базы;
- этические проблемы;
- кадровая проблема;
- проблемы финансирования.

Консервация и реставрация музейных предметов на сегодня – одни из самых действенных направлений сохранения историко-культурных ценностей в музейном пространстве. В первую очередь, это касается археологических и этнографических материалов. Они особенно уязвимы в силу своего возраста, требуют особых температурно-влажностного, светового и биологического режимов хранения.

Хотя консервация и реставрация почти всегда используются совместно, содержательно эти понятия отличаются. Консервация музейных предметов предполагает только обеспечение их сохранности, предотвращение разрушений и порчи исключительно «консервативного» плана. Если по поводу содержания термина «консервация» разногласий немного, мы не можем сказать то же самое относительно понятия «реставрация». Главный вопрос касается степени вторжения реставратора в восстанавливаемый предмет. В разных странах сложилось различное понимание этой активности реставраторской деятельности. В англосаксонских государствах термин «реставрация» обозначает «восстановление разрушенных частей с помощью различных и неразличимых добавлений, которые дополняют произведение и возвращают ему реальную целостность... Во Франции и латинских странах слово «реставрация» имеет более широкий смысл: это и комплекс лечебных средств, применяемых к экспонату, и более или менее значительное

¹ Костров Н.А. Однодневная перепись населения города Томска 16 марта 1880 года. Томск, 1880. С. 38.

² Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вып. 79: Томская губерния / под ред. Н.А. Тройницкого. СПб., 1904. С. 43–44.

восстановление утраченных частей»¹.

Долгое время реставрацию понимали как восстановление музейного предмета в его первоначальном виде, причем присутствовал элемент «домысливания» этого первоначального облика, что, безусловно, шло вразрез с научной этикой. Не следует менять облик памятника, сохранившийся к моменту начала реставрационных работ.

На наш взгляд, не вызывает сомнения, что более этичным является воссоздание музейных предметов без внедрения новых элементов и искажения начального вида предмета. Тем не менее по сей день продолжается дискуссия среди сторонников синтетического и аналитического методов реставрации. Оба метода начали закладываться в предыдущие столетия и получили окончательное оформление в XX в. первоначально в реставрации архитектурных сооружений, затем утвердились и в музеологии. Синтетический метод допускает использование аналогий и гипотез при воссоздании музейных предметов, аналитический метод предполагает минимальный объем работ и выделение всех добавленных элементов.

В нашей стране практикуется аналитический метод реставрации, он пришел из Италии и утвердился в советский период в первой половине прошлого столетия во многом благодаря усилиям родоначальника российской научной реставрации Игоря Эммануиловича Грабаря. Собственно, именно И. Грабарь, более известный широкой общественности своими художественными полотнами, окончательно сформулировал и начал активно применять и внедрять в России аналитический метод реставрации. Впрочем, не следует целиком «списывать со счетов» синтетический метод, в музейном деле его используют в реставрации этнографических предметов при обязательном наличии легенды, фотографий, рисунков, полевых описаний и другой информации. Таким образом, стало четче современное понимание ранее размытых границ понятий «консервация» и «реставрация», но некоторые вопросы и различия во взглядах у исследователей остаются.

Что касается состояния нормативной базы, крупным прорывом последнего времени стало принятие в 2020 г. в нашей стране «Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций». Вопросы консервации и реставрации этот документ касается опосредованно, в частности, им посвящены пункты 11–33 («Требования к условиям микроклимата, обеспечивающим сохранность музейных предметов», «Мероприятия по защите помещений для хранения музейных предметов от биологических повреждений» и другие пункты, касающиеся хранения предметов разного типа, включая цифровые документы)². Впервые в постсоветский период появился такой всеобъемлющий документ, который значительно облегчил работу разным категориям музейных работников, включая реставраторов. В целом же остается актуальной необходимость издания методических рекомендаций в области консервации и реставрации, составленных с учетом новейших тенденций в этой сфере.

Непререкаемым авторитетом в области реставрации в нашей стране остается Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И.Э. Грабаря. Он имеет почти вековую историю и предоставляет услуги по реставрации и проведению научной экспертизы памятников истории и культуры, а также издает методическую литературу соответствующей тематики.

Остановимся на этических проблемах реставрации. Этические нормы в среде реставраторов начали формироваться главным образом в XIX в., хотя их зачатки можно углядеть и ранее. Они касаются таких вопросов, как действительная необходимость вмешательства реставратора для сохранения музейного предмета; строгое наблюдение за реставрационными работами и их фиксация; преобладание подлинных частей памятника над реконструированными; обратимость и безвредность применяемых материалов и т. д.³ В наши дни эти нормы общепризнаны и нашли оформление в этических кодексах. В 2015 г. Союзом реставраторов России (общероссийская

¹ Кимеева Т.И. Основы консервации и реставрации археологических и этнографических музейных предметов : учебное пособие. Кемерово, 2009. С. 6.

² Единые правила организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций [Режим доступа: <https://base.garant.ru/74868877/> (дата обращения: 19.07.2022)].

³ Кимеева Т.И. Указ. соч. С. 14.

общественная организация) был принят Кодекс профессиональной этики реставратора, который содержит правила профессионального поведения. Этические кодексы имеют в большей степени рекомендательный характер, в частности, в вышеназванном кодексе специально оговорено, что это не нормативный документ. Нарушение положений Кодекса влечет за собой лишь такие меры, как общественное порицание, выражение профессионального недоверия и т. п.¹ На наш взгляд, назрела необходимость появления более действенного документа, регулирующего нормы профессиональной этики реставраторов в нашей стране и за рубежом.

Следующая из озвученных выше проблем – кадровая. Это очень серьезная проблема, так как из нее вытекает целый комплекс вопросов, особенно касающихся деятельности провинциальных музеев. Несмотря на все предпринимаемые усилия, реставрационная работа в музеях нашей страны далеко не всегда организована на должном уровне. Чаще всего реставрационный отдел попросту отсутствует. Еще хуже, когда реставрационные работы проводятся непрофессионалами. Это объясняется недостатком специалистов в этой области. Профильное высшее образование, дающее профессию «реставратор», в Российской Федерации получило распространение только в 1990-е гг. главным образом в столичных высших учебных заведениях художественного профиля (Московский государственный художественно-промышленный университет им. С.Г. Строганова, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова и др.). Понятно из названий вузов, что речь идет о подготовке специалистов в области реставрации художественных произведений. Специалистов более широкого профиля в 1994 году начал готовить Российский государственный гуманитарный университет. Возможность повысить квалификацию уже состоявшимися специалистам дает Центр И.Э. Грабаря.

Сложность подготовки музейных реставраторов заключается в том, что специалисты в области консервации и реставрации музейных предметов должны обладать широким кругом знаний для ведения успешной деятельности. Образование реставраторов имеет естественно-научную и техническо-художественную направленность; одновременно специалисты должны разбираться в проблемах мировой истории и культуры, знать и использовать методы других наук, в частности вспомогательных исторических дисциплин. Хотя в обществе бытует отношение к реставраторам как к техническим работникам, это однозначно не так. Квалифицированный реставратор должен уметь многое, в том числе ставить научные теоретические и прикладные задачи, намечать пути решения и их реализовывать. Доля ответственности реставраторов за сохранение культурно-исторических и художественных предметов особенно велика, так как они имеют дело с невозполнимыми ценностями.

На наш взгляд, каждый крупный российский музей должен иметь свой реставрационный отдел. Но пока это дело будущего. Скажем, в Национальном музее Республики Башкортостан такой отдел отсутствует; музей вынужден в случае необходимости обращаться за помощью к специалистам Москвы и Санкт-Петербурга. Это порождает массу неудобств. Хотя появились специалисты – частные предприниматели в области реставрации, это проблемы не снимает. Она должна решаться на государственном уровне, так как речь идет об историко-культурных ценностях музейного фонда Российской Федерации.

Проблемы финансирования также остаются актуальными для многих музеев и часто не только не позволяют им завести своего специалиста в области реставрации, но и прибегнуть к услугам реставраторов на условиях аутсорсинга.

Таким образом, консервация и реставрация в музейном пространстве – это перспективная область знаний, имеющая прикладной междисциплинарный характер и сталкивающаяся с большим количеством проблем, ждущих своего решения. Причем от их скорейшего решения зависит эффективная деятельность музеев – старейших и востребованных учреждений науки и культуры нашей страны.

© А.И. Чигрина, А.Н. Алдашов, Е.М. Савельев, 2022

---

¹ Кодекс профессиональной этики реставратора [Режим доступа: <http://www.restsouz.ru/upload/kodeks.doc> (дата обращения: 17.07.2022)].

**МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ КАГАНАТОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ
В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ**

Р.Г. Шарунов
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Как известно, в вопросах изучения духовной и материальной культуры тюркских народов в эпоху древности и раннего средневековья, несмотря на огромный накопленный фактический материал, до сих пор существуют лакуны. Тем не менее, опираясь на имеющиеся сведения и исследования отечественных и иностранных ученых, можно попытаться реконструировать более или менее связную историческую картину развития духовной и материальной культуры тюркских народов степного пояса Евразии в эпоху раннего средневековья.

Особенности психологии, религиозных представлений, а также быта и вооружения древних тюрков на тот исторический момент, нашли свое яркое отражение в монументальной скульптуре эпохи каганатов. Особую ценность в этой связи представляют так называемые древнетюркские каменные изваяния как уникальные феномены, в полной мере отражающие этапы развития и становления как материальной, так и духовной культуры древнетюркских кочевников пояса Великой степи. Каменные изваяния на протяжении весьма длительного времени были неотъемлемым атрибутом погребально-поминального культа у тюркских номадов. В VII–X вв. изваяния переживают время своего расцвета. Ареал их распространения – Монголия, Синьцзян, Минусинская котловина, Семиречье, Казахстан, степи Восточной Европы. Изваяниям часто сопутствуют поминальные сооружения: квадратные, реже прямоугольные оградки из поставленных на ребро плит и камней. Часто от оградки с изваянием в разные стороны отходят вереницы камней или плит, число которых иногда достигает сотни или более. В Монголии поминальные сооружения с изваяниями порой приобретают вид пышных храмовых комплексов с большим разнообразием как антропоморфной, так и зооморфной скульптуры – им, как правило, сопутствуют стелы с руническими надписями.

Большинство каменных изваяний этого периода – его можно назвать, сообразно теории Ф. Энгельса, «периодом военной демократии»¹, по нашему мнению, часто совпадающей с фазой так называемого пассионарного подъема, согласно теории этногенеза Л. Гумилева, – представляет собой стоящих мужчин-воинов с сосудом в правой руке. Запечатленный в камне культ героя-богатыря не предполагал выделять на изваянии какие-либо личные, индивидуальные черты, кроме самых общих – черты лица передаются лишь в целях условного изображения. Вместе с тем на изваяниях нередко довольно тщательная прорисовка деталей – оружия, сосудов и прически. Схематизм и зачастую даже небрежность в передаче черт лица, таким образом, вовсе не свидетельствует о низкой технике изобразительного искусства древнетюркских ваятелей, поскольку подобная мысль опровергается довольно высоким уровнем изображения деталей. Причины, заставлявшие скульпторов эпохи создания каганатов обобщать и упрощать черты лица, изображаемого на изваянии, и, наоборот, подчеркивать и тщательно выделять каждую деталь его оружия костюма и прически, были одни и те же. Они были напрямую связаны «... с насаждением «сверху», из центра империи (не обязательно насильно) представлениями о репрезентативности, о том, как должен выглядеть достойный представитель, «служащий» империи, вне зависимости от этнической принадлежности, но в полном соответствии со своим социальным статусом в державе. А статус этот внешне точно определялся набором элементов материальной и художественной культуры... К таким элементам относятся, в первую очередь, костюм, прическа, личное оружие (зачастую и конский убор). Причем главное в костюме – его крой и система украшений, а также аксессуары. Из последних особенно важен был пояс, который, будучи одновременно и портупеей для личного оружия, являлся, как теперь справедливо принято считать, как бы «паспортом» владельца, сочетавшим кроме того и функции в современных понятиях его «военного билета»,

---

¹ Энгельс Ф. Возникновение семьи, частной собственности и государства. М. : Издательство политической литературы, М.; Л., 1980. С. 63.

«орденской книжки», «водительских прав», «членского билета» и т. п. В несколько меньшей степени эту функцию несли поясные чаша и кошель, кинжал, браслеты и гривны (ожерелья). Что касается прически, то это, пожалуй, самый «интимный» признак принадлежности к «ядру» империи, относящий ее носителя, если он носит прическу правящего этноса, как бы к представителям этого этноса и, соответственно, подчеркивал близость к правящей династии»¹.

Все вышеперечисленные признаки «имперскости» находят свое отражение в каменной скульптуре эпохи каганатов. У большинства изваяний этого времени, найденных в Монголии и Южной Сибири, непременным атрибутом убранства является пояс, отмечает исследователь Л.А. Евтюхова. У большинства изваяний, по материалам ее работ, обнаруживаются и другие аксессуары, подчеркнутые древними скульпторами: украшения, представленные в основном серьгами, вооружение – сабли раннего типа, кинжалы². Анализ причесок, проделанный исследовательницей, позволяет сделать вывод, что на большинстве изваяний изображены косы, что также подтверждает тезис о важности прически как наиболее «интимного» признака принадлежности к ядру империи, правящему этносу, в данном случае – к тюркютам. Теми же причинами было вызвано стремление скульптора, который постарался изобразить некоторые детали прически даже «сквозь» головной убор на изваянии, найденном на Верхнем Иртыше. Это нашло свое отражение в тувинском названии древнетюркских изваяний – «кижи кожээ» – «человек косатый (с косой)». Таким образом, схематизм, отсутствие персонификации изваяний и вместе с тем подчеркивание деталей одежды и аксессуаров были закономерны в то «время сложения гигантской раннефеодальной империи, подчинившей себе... колоссальную территорию степной части евразийского континента, а также значительную часть земледельческих районов Средней и Центральной Азии»³.

Несколько позднее, наряду с изваяниями мужчин-героев, воинов, опоясанных и с оружием, начинают появляться статуи нового типа. На них мужчины изображены уже без оружия, а если показана одежда, то она явно не подходит для дальних военных походов. Это, скорее, уже одежда «штатского» – широкая, длинная, похожая на халат; если же в качестве деталей тела обозначены ноги, то, как отмечает Я.А. Шер, у изваяний данного типа они в основном изображены «калачиком», то есть это статуи сидящие⁴. Как упоминалось выше, впервые в древнетюркской монументальной скульптуре изваяния такого типа появились именно в поминальных храмах, где они изображают сановников из свиты кагана. Со временем подобные изваяния начинают преобладать. Что любопытно, сидящие и безоружные скульптуры выполнены в гораздо более реалистичной манере. В принципе это объяснимо – ведь здесь изображены представители знати, приближенные «к особе» кагана. Это явилось отражением новых веяний в жизни древнетюркского общества.

В период, когда основные завоевания уже сделаны и перед правительством остро стояла задача управления покоренными землями, все большую значимость начинает приобретать прослойка знати, не связанная напрямую с армией и войной. Начинается неизбежный процесс бюрократизации государственной системы – идет сложение чиновничьего аппарата. Его пополняют, по всей видимости, представители «старой» родоплеменной знати, оттесненные было на задний план в период военных походов богатырями-дружинниками. Именно их изображают «сидячие» изваяния, которые к тому же, в отличие от скульптур воинов, держат свой поминальный сосуд не в одной, а в обеих руках. Если изваяния дружинников держат в правой руке кубок на ножке, явно предназначенный для спиртного напитка, что вполне подходит для разгульной тризны, на которой пируют удалые богатыри, то на сидячих безоружных статуях изображается сосуд в виде горшка. В данном случае в «руки» изваянию, по всей видимости, вкладывался не кубок с вином, а горшок с жертвенной, вероятнее всего, мясной пищей. Это во многом подтверждается тем, что почти во всех погребениях, оставленных кочевниками Великой степи, археологи находят сосуды с остатками предназначенной для покойников мясной пищи. Патриархальные культы, пережив, таким образом, период «военной демократии», претерпевают изменения и приобретают

¹ Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Формирование имперских культур в государствах, созданных кочевниками Евразии // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993.

² Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Северного Алтая // Труды ГИМ. 1941. Вып. XVI; Евтюхова Л.А. Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА СССР. 1951.

³ Васильев Д.Д., Горелик М.В., Кляшторный С.Г. Указ. соч. С. 40.

⁴ Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966. С. 57–58.

иную, уже характерную для классового общества окраску. Без всякого сомнения, гражданские высшие чиновники, которых изображали сидячие изваяния с сосудом в обеих руках, представляли собой в этот период особую категорию элиты древнетюркского общества – наиболее интеллектуальную, образованную ее часть, владеющую грамотой. Это, в частности, подтверждает изваяние «старика» с рунической надписью на спине, найденное в Хакасии и относящееся к IX веку. В надписи указано: «Я – Эзгене – внутренний [чин] Кара-хана. Я был на двадцать шестом году своей жизни. Я умер внутри тюркешского государства, я начальник...»¹.

О прямой связи тюркской руники с поминальными культурами в этот период свидетельствует плита из Асхете (Монголия), на которой высечены трое умерших, участвующих в поминальном пире (VIII в.). По краю плиты идет руническая надпись со следующим текстом: «[Памятник] Текеша, младшего брата Кюль-тудуна... в день поклонения я вырезал. Муж Азганаз хорошо устроил. Так как мы не могли быть на похоронах Алтун Тамган-тархана, младшего брата Кюль-тудуна [мы сделали этот памятник]... Оставшиеся два сына, Тогрул и Йэльгек, в год свиньи вы умерли. По уходе мы грустим, разлучившись [с вами]»².

Очевидно, «мода» на памятные эпитафии, вначале писавшиеся только в честь каганов и их близких в поминальных храмах, постепенно распространяется в более широких кругах древнетюркского общества. Распространение грамотности в эпоху каганатов, по всей видимости, было весьма широким – эпитафии на каменных изваяниях свидетельствуют о том, что нередко и сами скульпторы владели рунической письменностью. Надписи вырезались даже на камнях, символизировавших убитых врагов – балбалах: «Это балбал Сабра-таркана» или: «Это каменный балбал шада толёсов»³. Изваяния «внутренних» чинов, становясь более реалистичными и подчас посредством эпитафий сохраняя имена изображаемых, нередко теряют весьма важный элемент, характерный для классического древнетюркского погребального обряда: каменные оградки вокруг них и вереницы балбалов. Впрочем, подобные знаки отличия были явно ни к чему для поминальных памятников «внутренней» придворной чиновной знати, заслуги которой перед каганом исчислялись не в количестве убитых ими врагов.

Вероятно, в это время складывается разветвленная государственная система, в которой «внутренним» чинам, стоявшим ближе к кагану и его двору, отдавалось преимущество. Храбрые ветераны, большинство из которых сложило голову на поприще создания империй, стали отодвигаться на задний план. Это были «внешние» чины, на долю которых выпадали нелегкая пограничная служба и дальние военные походы. Свою долю добычи они, разумеется, имели, но доставалась она им куда более дорогой ценой, нежели «внутренним», которые, пребывая в «центре» – при дворе кагана или же «на местах» в качестве тарханов и шадов, то есть губернаторов и наместников завоеванных областей, пользовались различными привилегиями и льготами, не подвергая свою жизнь особой опасности. Все это, конечно, вряд ли устраивало представителей военно-служилого сословия, в стане которых наиболее влиятельные военачальники начинали формировать очаги сепаратизма – именно они вкупе с процессами коррупции и разложения в среде гражданского чиновничества расшатывали устои еще неокрепших империй. И подобные тенденции нарастают, превращаясь в центробежные, исподволь подтачивая могучий, на первый взгляд, организм империи.

По материалам каменных изваяний нетрудно заметить, как нарастает в тюркском обществе стремление к персонификации, и этот процесс усиливается в прямой зависимости от процесса феодализации в среде еще недавно всецело преданных кагану дружинников. Теперь каждый из них хочет себя ощущать Кюль-Тегином или «мудрым» Тоньюкуком и заявить о себе, сохранить свое имя и свой образ для истории. Эти явления начинают наглядно проявляться в эволюции изваяний, изображавших военно-служилую знать, что наглядно проявилось, например, в одной из статуй, описанных Я.А. Шером, и которая отличается от прочих высокой тщательностью отделки и мастерством исполнения. Изваяние своей канонизированной позой и общим обликом еще продолжает сюжет «Роланда» – героя-богатыря, но в нем уже отчетливо прослеживаются новые веяния – портретные черты лица, рельефность, объемность, что свидетельствует о трансформациях в психологическом облике подданных каганатов.

¹ Кызласов Л.Р. О назначении древнетюркских каменных изваяний, изображающих людей // Советская археология. 1964. № 2. С. 34.

² Там же.

³ Там же. С. 49–50.

В это же время появляются и изваяния с другим сюжетом – мужские и женские, то есть изображающие семейную пару. В Семиречье фантазия некоторых ваятелей стала изображать на руках статуй, вместо канонизированных кубков и прочих сосудов, птиц. Образ птицы, тесно связанный с поминальным культом и символизирующий одну из душ покойного (по представлениям тенгрианцев-тюрков), свидетельствует о значительном шаге вперед, который проделали древнетюркские скульпторы в сторону большей абстракции изобразительных форм искусства. Появились они, по мнению Шера, «...значительно раньше древнетюркских, какое-то время сосуществовали с ними, а затем пережили их и получили свое дальнейшее развитие в монументальной скульптуре кочевников Поволжья и южнорусских степей»¹. Если мужские статуи из образов глав, старейшин родов трансформируются в образы гражданской сановной знати, то женские изваяния еще древнее и по своей семантике уходят в самые недра первобытного искусства. Какая-то часть женских изваяний, очевидно, наряду с мужскими, изображает семейно-родовых покровителей, а какая-то часть – хтоническое женское божество (по всей видимости, древнетюркскую богиню Умай). В эпоху «военной демократии» традиция ваяния женских образов была в какой-то момент забыта, перекрыта мощным пластом статуй классического типа, но в дальнейшем, когда созданный имперской идеологией образ идеального героя – «степного Роланда» постепенно стал меркнуть и терять свою привлекательность, древние женские образы переживают свое возрождение, обогащаясь новыми деталями.

Уходила в прошлое «героическая эпоха» (по образному выражению Е.М. Мелетинского²) каганатов, различные тюркские племена, входившие в состав первых созданных тюркскими империями, вступали в новую историческую эпоху. Для одних из них она началась раньше, как это случилось в Семиречье, которое в VII–VIII вв. являлось центром Западного Тюркского каганата, для других – позднее. Именно в регионе Семиречья переживает эпоху своего расцвета традиция ваяния каменных статуй, которая к IX–X вв. уже находилась на стадии перехода к развитой реалистичной скульптуре. Если бы не фронтальное наступление ислама, начиная с караханидского времени, без всякого сомнения, местная традиция ваяния каменных изваяний переросла бы грани поминальной атрибутики и дала бы миру шедевры, не уступающие половецким, возможно, и образцам европейского искусства античного времени и средневековья, однако, подпав под мощный удар наступавшей мусульманской суперкультуры, она постепенно выродилась и исчезла.

Таким образом, опираясь на материал древнетюркских каменных изваяний можно сделать вывод о том, что древние тюрки имели собственную уникальную культурную традицию, довольно высокоразвитую материальную культуру, не уступавшую окружающим ее соседям, а также свои уникальные религию и мифологию, связь с которыми до сих пор прослеживается у многих народов мира. Они обладали развитым мировоззрением, которое и нашло свое отражение в объектах материальной культуры и искусства, наиболее ценными из которых, на наш взгляд, и являются каменные изваяния эпохи каганатов.

© Р.Г. Шарипов, 2022

УДК 911.375(470.57-25)

ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

И.З. Шаяхметова

(Центр развития талантов «Аврора», Уфа)

Сразу после революции началась работа советских органов по национализации и муниципализации жилищного фонда, которая продолжалась на протяжении ряда лет. С момента восстановления советской власти в 1919 г. появилась необходимость в установлении норм для

¹ Шер Я.А. Каменные изваяния Семиречья. М., 1966. С. 44.

² Мелетинский Е.М. Происхождение героического эпоса. М.: Издательство восточной литературы, 1963.

регулирования процесса заселения жилой площади, изымаемой у бывших хозяев. В 1919 г. Наркомздравом были приняты санитарные нормы жилья. Первоначально они составляли 10,0 кв. метров на одного взрослого человека и 5,0 – на одного ребенка и определяли возможность подселения в квартиры дополнительных жильцов¹. В 1926 г. 39% общей площади жилых домов Уфы находилось в собственности государственных и кооперативных организаций, но 61% общей площади жилых домов принадлежало населению². Уфимским горсоветом проводилось частичное переселение рабочих в квартиры, ранее принадлежавшие буржуазии, осуществлялись уплотнение учреждений в черте города для выявления новых площадей под жилую площадь и изъятие 10% жилой площади в домах, принадлежавших частным владельцам³.

Новое жилищное строительство было начато в 1923–1924 гг. В 1923–1930 гг. в Уфе было сооружено 283 дома, из которых 35 – горсоветом. В большинстве своем это были одноэтажные деревянные дома без удобств⁴. За этот период были предприняты меры по строительству коммунальных предприятий. В 1926 г. начала работать Уфимская блокстанция. В 1921 г. протяженность водопровода составляла 25 км. За годы первых пятилеток в Уфе была расширена протяженность водопровода, построена канализация (1935 г.), пущен трамвай (1937 г.), введены автобусное сообщение (1924 г., с 1928 г. создано собственное автобусное хозяйство) и электрическое освещение улиц⁵. Несмотря на эти достижения в инфраструктуре города, уровень благоустройства жилых домов оставался довольно низким. Так, в 1927 г. в Уфе лишь 38% жилых домов были с водопроводом, 54% – с электрическим освещением, совершенно отсутствовали канализация, центральное отопление и газ⁶.

Большой размах получило жилищное строительство. Так, в Уфе в среднем на одного человека приходилось 5,25 кв. метра жилой площади при санитарной норме в 8,0 кв. метров. 84,1% жителей города были обеспечены жильем не по санитарной норме⁷. С 1928 по 1936 гг. в Уфе было введено в строй 294,8 тыс. кв. метров жилой площади⁸. Организовывались также жилищно-строительные кооперативы⁹. При этом темпы строительства жилья значительно отставали от роста населения. В 1928–1940 гг. жилой фонд Уфы вырос на 35%, в то время как численность населения за счет притока крестьян, бежавших от насильственной коллективизации, возросла более чем вдвое¹⁰. В 1928 г. на одного жителя Уфы приходилось в среднем 5,3 кв. метра, в 1937 г. – 3,6 кв. метра¹¹. Вводимое в этот период жилье – это общежития, бараки, пристройки без необходимых бытовых удобств. Благоустроенные дома были в основном в центре городской застройки. Жилье продолжало оставаться преимущественно в частной собственности. Сложной проблемой были водоснабжение и канализация. Так, в Уфе водопровод не обеспечивал потребности города. В 1929 г. водопроводные сети составляли лишь 20% от общей протяженности городских улиц. Среднесуточная подача воды в расчете на одного жителя составляла 14,8% от аналогичных показателей в РСФСР¹².

В период Великой Отечественной войны наряду с решением производственных задач перед горсоветами Южного Урала стояла проблема размещения эвакуированного населения. 13 сентября 1941 г. СНК СССР принял постановление «О строительстве жилых помещений для эвакуированного

¹ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1940 года. СПб., 1999. С. 181.

² НА РБ. Ф. Р-91. Оп. 3. Д. 11. Л. 16; Уфа за годы советской власти: Статистический справочник. Уфа, 1969. С. 43–44.

³ Там же. Д. 1. Л. 2; Ф. Р-122. Оп. 4. Д. 12. Л. 39 и об.; Оп. 8. Д. 6. Л. 15; Д. 24. Л. 114.

⁴ Там же. Ф. 122. Оп. 10. Д. 169. Л. 185 и об., 188–189.

⁵ Там же. Оп. 18. Д. 1. Л. 141–142; Булашев З.Г. Пятнадцать лет Советской Башкирии // 15 лет Советской Башкирии: сб. статей. Уфа, 1934. С. 19.

⁶ Материалы для докладчиков о XX-летию Башкирской АССР. Уфа, 1939. С. 44.

⁷ Красная Башкирия. 1928. 29 декабря.

⁸ НА РБ. Ф. Р-91. Оп. 2. Д. 772. Л. 18, 20.

⁹ Шаяхметова И.З. Модель самоуправления в городах Южного Урала в 1870–1991 гг. Уфа, 2018. С. 100.

¹⁰ НА РБ. Ф. Р-91. Оп. 2. Д. 90. Л. 717; Сдвиги в населении БАССР. Статистическая справка // 15 лет Советской Башкирии. С. 190.

¹¹ НА РБ. Ф. Р-4729. Оп. 3. Д. 1226. Л. 115.

¹² Там же. Ф. Р-91. Оп. 2. Д. 90. Л. 701.

населения», согласно которому горисполкомы обязывались разместить эвакуированных и, при недостатке жилой площади, организовать строительство помещений упрощенного типа¹.

В Сталинском и Ждановском районах Уфы только в июне 1942 г. для эвакуированного населения было сдано 22 барака и 13 домов². Большинство эвакуированных проживало в землянках. Для улучшения снабжения эвакуированного населения топливом и жильем при горисполкомах по решению ЦК ВКП (б) были созданы отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих. Дополнительно была введена должность заместителя председателя горисполкома, на которого были возложены обязанности заведующего отделом по государственному обеспечению³. По неполным данным за 1941–1942 гг. в Уфе было размещено 104 тыс. населения, в том числе за счет их уплотнения. Часть рабочих была размещена в общежитиях ряда учебных заведений, складских помещениях⁴. В результате увеличилась численность городского населения в регионе и одновременно обострилась жилищная проблема, поскольку средняя обеспеченность жилой площадью стала составлять 3,0 кв. метра. Построенные в годы войны бараки, приспособленные под жилье подвалы и полуподвалы продолжали существовать и функционировать в этом качестве и в послевоенное время. Многие отдельные квартиры были превращены в коммуналки, находящиеся в распоряжении сразу нескольких граждан. Соседи коммуналок не связаны ни общей трудовой деятельностью, как в общежитии, ни недугом, как в больнице, ни возрастом, как в детском доме, ни преступлением, как в тюрьме⁵. Скученность жителей в коммуналках порождала стрессы и повышенную агрессивность. Даже оголтелые сторонники социализма никогда не считали коммунальные квартиры прообразом ячеек нового быта. Таким образом, в годы Великой Отечественной войны Уфимский городской совет провел определенную работу по решению бытовых проблем эвакуированного населения. Однако решение проблем эвакуированных граждан повлекло, в свою очередь, обострение в Уфе жилищного вопроса.

Послевоенный пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства (1946–1950 гг.) предусматривал широкую программу жилищного строительства. В 1947–1949 гг. Советом Министров СССР были выделены дополнительные средства (около 100 млн. рублей) на благоустройство Уфы и Черниковска. Большая часть этих средств направлялась на жилищное строительство. К началу 1950-х гг. в Черниковске было введено 135 тыс. кв. метров жилой площади, в Уфе – 20,6 тыс.⁶ Вводимое жилье было благоустроенным.

В годы Великой Отечественной войны города Южного Урала росли такими темпами и в таких масштабах, которые не могли быть предусмотрены Генеральными планами развития городов. Строительство временного жилья шло без единого плана. Возникла настоятельная необходимость упорядочить градостроительство. Так, Ленгипрогору было поручено разработать новые Генеральные планы развития городов Уфа и Черниковск. В апреле 1948 г. Совет Министров РСФСР утвердил Генеральный план Черниковска. В июне 1949 г. Совет Министров Башкирской АССР рассмотрел и утвердил Генеральный план реконструкции и развития Уфы⁷.

Предусматривались промышленное строительство на окраинах города, перевод некоторых предприятий из центра города, дальнейшее благоустройство территории и расширение зоны отдыха. Было намечено строительство крупных социально-культурных объектов: школ, больниц, детских учреждений, цирка, кинотеатров и т. д. Предполагались увеличение длины трамвайных путей, сооружение троллейбусных линий, моста через реку Белая и т. д. Жилищное строительство по планам было определено условием роста населения в 1,5 раза. Многоэтажные дома должны были строиться в центре города и вдоль магистрали Уфа – Черниковск (Проспект Октября). В 1945–1957 гг. в Уфе и Черниковске было введено в эксплуатацию более 700 тыс. кв. метров благоустроенного

¹ Лихоманов М.И., Позина Л.Т., Финогенов Е.И. Партийное руководство эвакуацией в первый период Великой Отечественной войны. 1941–1942 гг. Л., 1985. С. 40.

² НА РБ. Ф. Р-122. Оп. 21. Д. 244. Л. 196; Аюпов Р.С. Советы Башкирской АССР в годы Великой Отечественной войны. Уфа, 1989. С. 51.

³ НА РБ. Ф. Р-122. Оп. 23. Д. 142. Л. 3 об.

⁴ Там же. Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 10. Л. 105.

⁵ Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1940 года. СПб., 1999. С. 183.

⁶ НА РБ. Ф. Р-91. Оп. 2. Д. 1313. Л. 3.

⁷ Красная Башкирия. 1949. 12 января, 2 июля.

жилья¹. Уфимский городской совет и его исполком проводили работу по озеленению. Так, в 1948–1950 гг. в г. Уфа было посажено более 240 тысяч различных деревьев и кустарников, а в 1957 г. – 700 тысяч².

К обязанностям горисполкомов относилось также распределение жилой площади в домах горсоветов. В отношении домов, которые находились в ведении других организаций, исполкомы утверждали списки лиц на получение жилплощади и выдавали ордера. При этом довольно часто были нарушения жилищного строительства³. При распределении жилья придерживались строгой очередности, при этом в каждом сданном доме 10% площади предоставлялось строительным организациям. Квартиру могли получить и вне очереди: за особые заслуги горисполкомы предоставляли жилье в качестве вознаграждения. Санитарные нормы по-прежнему ограничивались 8 кв. метрами жилой площади на одного человека. Однако льготники: ответственные партийные, советские работники, ветераны и инвалиды Великой Отечественной войны и труда, военные, заслуженные деятели науки и культуры – получили право на дополнительную площадь⁴.

Наряду со строительством нового жилья одним из главных вопросов, решаемых повсеместно в городах Южного Урала, был текущий ремонт жилых домов. В резолюциях, справках и решениях горсоветов и их исполкомов неоднократно указывалось на несвоевременность и задержки в осуществлении ремонта зданий. В 1949–1957 гг. среднее выполнение плановых показателей по этому вопросу составляло 94,5%⁵, неоднократно отмечалось медленное выполнение ремонта жилых домов.

На начало 1968 г. в связи с расширением государственного и кооперативного жилищного строительства доля обобщественного сектора в жилищном фонде Уфы составила 83%, а площадь домов, находившихся в личной собственности граждан, – 17%⁶.

Таким образом, форсирование жилищного строительства происходило в 1950–1960-е гг., индустриализация строительной отрасли – в 1960–1980-е гг. С одной стороны, темпы жилищного строительства ускорились, с другой – города Южного Урала по своему архитектурному облику несколько стандартизировались. В связи с этим с середины 1980-х гг. повышенное внимание стало уделяться архитектурным службам и проектным мастерским. В октябре 1981 г. было принято постановление о создании во всех городах с населением свыше 100 тысяч человек единого заказчика по гражданскому строительству – отделов капитального строительства при горисполкомах. Это позволило решать проблемы комплексной жилой застройки, включающей элементы благоустройства и объекты социальной сферы⁷. В Уфе такой отдел при горисполкоме существовал с конца 1950-х гг. В 1958 г. при Уфимском горисполкоме было создано Управление капитального строительства, затем Градостроительный совет. В качестве главного заказчика Уфы УКС контролировал около 2/3 общего объема жилищного строительства и предъявлял единые требования к строительным организациям⁸.

К началу 1980-х гг. города региона стали каменными, а к началу 1990-х гг. – высотными. Уфа приобрела свой современный архитектурный облик, улицы города пополнились дворцами культуры, кинотеатрами, торговыми центрами, банками, офисами и административными зданиями. Несмотря на эти достижения, темпы жилищного строительства в целом значительно отставали от темпов урбанизации. Так, в 1966–1985 гг. рост жилой площади в расчете на одного жителя региона составил всего 5%⁹.

В 1980 г. Уфа стала городом с миллионом жителей. В 1966–1985 гг. в Уфе вводилось примерно в 1,5 раза меньше жилья, чем в соседних городах-мегаполисах¹⁰. Планирование города в

¹ НА РБ. Ф. Р-122. Оп. 41. Д. 71. Л. 38.

² Там же. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 6. Л. 221.

³ Там же. Ф. Р-122. Оп. 192. Д. 105. Л. 40–41.

⁴ Там же. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 131. Л. 7; Ф. Р-2281. Оп. 1. Д. 22. Л. 178; Ф. Р-122. Оп. 209. Д. 56. Л. 10.

⁵ Шаяхметова И.З. Модель самоуправления в городах Южного Урала в 1870–1991 гг. Уфа, 2018. С. 108.

⁶ НА РБ. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 13. Л. 1, 3, 18, 29; Д. 16. Л. 1; Д. 222. Л. 19; Д. 673. Л. 93.

⁷ Там же. Ф. Р-91. Оп. 6. Д. 66. Л. 163–165.

⁸ Там же. Д. 233. Л. 18.

⁹ Там же. Д. 116. Л. 7.

¹⁰ Ямалов М.Б. Индустриальное развитие Республики Башкортостан (1965–1985). Уфа, 1998. С. 126.

этот период сводилось к созданию единого городского массива вокруг частично реконструируемого исторического центра и архитектурного образа города, увязанного с природной средой. Эти принципы развития градостроительства не соблюдались. Удельная норма жилья была одной из самых низких по РСФСР, особенно в годы Великой Отечественной войны и послевоенные десятилетия.

© И.З. Шаяхметова, 2022

398(=512.121)

**БУХАРА, НАЎАЙЫ АЙМАҒЫ ҚАРАҚАЛПАҚ ЖЫРАҰЛАРЫ ДӨРЕТИҰШИЛИГИ
ХӘМ ҚАРАҚАЛПАҚ ЖЫРАҰШЫЛЫҚ ӨНЕРИНИҢ ҚӘЛИПЛЕСИҰИ ХАҚҚЫНДА
АЙЫРЫМ АҢЫЗЛЫҚ ДЕРЕКЛЕР**

Г.М. Эгамқулова

(докторант, Нукусский государственный педагогический институт им. Ажинияза, Нукус, Узбекистан)

Халқымыздың этногенези тарихының дәлелі басқышлары оннан да арыға-бизиң эрамызға дейінгі руў-қәуімлик бирлеспелер дәуіри тарихына барып ұшласатуғынлығын биз тарихтан жақсы билеміз. Солай екен, халқымыздың көркем өнери, улыўма, саз хәм сөз өнери тарихын да ұсы дәуірлерден баслап, ерте дәуірлерден биз бенен бирге қоңсылас жасап келген өзбек, қазақ, түркмен, тәжик халықлары тарихы менен тығыз байланыста салыстырып үйренген мақсетке муўапық болады. Қарақалпақ қобызы хәм жыраўшылық өнери тарихы хәққын да айтатуғын болсақ, негизинде бул өнер қарақалпақларда ерте дәуірлерден баслап-ақ пайда болған. Себеби, Қарақалпақлар Х әсирлерден-ақ өзлериниң хәзирги атамасындағы тарихый ұатаны болған Әмиўдәръяның төменги қуярлықларында, Арал теңизиниң құбла-шығыс әтирапларында пайда болған ең ески халықлардың бири. Бул орында қарақалпақ фольклоры, әдебияты хәм көркем өнер тарихын изертлеўши алымлар Н. Дәўқараев, Қ. Айымбетов, Қ. Мақсетов, К. Мәмбетов, Т. Адамбаева С. Бахадырова, А. Алламуратовлардың, Қорқыт ата қарақалпақ жыраў-шайырларының пири, қобызды ойлап тапқан белгили саз хәм сөз ұстасы, өз заманының жетик данышпаны, ойшыл жыр атқарыўшысы хәм көрнекли сөз шебери, дөретиўшиси, сонлықтан да ол қарақалпақ саз хәм сөз өнериниң сағасында турыўы керек, деген пикирлерин қоллап-қуўатлаўымызға түүры келеди¹.

Қарақалпақ жыраўшылық өнери бизиң хәзирги дәуиримизге шекем бир қанша жолларды басып, көп әсирлик басқышлардан өтип келгенлиги қәнигелерге кеңнен мәлим. Мине, усы узақ дәуір аралығында жыраўдың, оның саз әспабы қобыздың, улыўма жыраўшылық өнердиң ең бийик шыңларға шығып раўажланған ўақытлары да, хеш кимге қызық болмай итибардан шетте қалып кеткен гезлери де болды. Бул сөзди айтыўымның себеби, бизге мәлим Кеңес хұкиметиниң 1930–1940-жылларында биз сүйип атқаратуғын хәм тыңлайтуғын «Едиге», «Ер Шора» сыяқлы дәстанларды атқарыў қадаған етилгенлиги, оны атқарған жыраўларды қуўдалаў, жазаға тартыў сыяқлы ислердиң әмелге асырғанлығы, хәтте 1950-жыллардан тап Ғәрезсизликке дейінгі дәуірлер ишинде де «Алпамыс», «Қоблан» сыяқлы дәстанлар үстинде болған ескиликтиң сарқыты деген нигилистлик көзқараслардың излери сақланып келгенлиги хеш кимге сыр емес. Әне, әйне усындай кертартпа көзқараслар менен иллетлер жыраўшылық өнериниң белгили бир ўақытларға шекем раўажланыўына, оны түүған халқынан алыслатыўға себепши болған факторлар десек қәте болмас.

Көрип отырғанымыздай, жыраўшылық өнери урыстан кейінгі дәуірлерде де оғада қыйын жағдайларда раўажланған...

¹ Алламбергенов К. Мәнгилестирилиўи тийис мәдений мийраслар / «Еркин Қарақалпақстан», 30-январь 2021-жыл. № 13 (20567).

Жыраушылық өнерінде устаз-шәкирт арасындағы қарым-қатнас айрықша көзге тасланады. Қарақалпақ халқының дәстүрінде халық жыршыларының шәкирт таярлаулар хәр түрлі болған. Бул бойынша халқымыз арасында бир қатар аңызлар кең тарқалған¹.

Халық өзи сүйген, өзлери хұрмет еткен хәм ел-журттың ар-намысын жырлаған инсанлар хаққында хәрқыйлы аңызлар дөретеди, оның өмирин идеалластырады. Аңыз тарийхты анықлауға, шын болған ұақыяларды айдынластырыуға жәрдем беретуғын бирден-бир ауызеки дәрек.

Әдетте, уллы инсанлар туўралы аңызларға нәзер тасласақ, олардың тулға дәрежесине жетисийине, я шыққан теги, яки устазы себепши болғанлығы хаққында айтылады. Шежирелик дәреклер буны көбирек адамның түп-тийкары менен байланыстырады. Халық аңызларында, рәўиятларында шәкирттиң кәмиликке ерисийине устазы себепкер болады. Устазлар хәттеки ғайбана қоллаушы болыуы да мүмкин. Биз Шаңқай жыраудың уллы устазы Аймақ ата хаққындағы усындай аңызлық дәреклерге ийемиз.

Аймақ жырау – XVIII әсирде Бухара қарақалпақлары арасынан шыққан аткарыушы. Қарақалпақ фольклоры материалларында Аймақ жырау бойынша айырым дәреклер ушырысады. Халық аңызларына қарағанда Аймақ жырау Шаңқай жыраудың ғайбана устазы. Фольклоршы Ә.Алымовтың Шаңқай жырау туўылғанының 200 жыл толыуына байланыслы жәрияланған мақаласында уллы хапыздың кеўил дүньясының ашылыуыны Аймақ жырау мәдеткер болды.

Усындай аңызлар Шаңқай жыраудың шәкирти Бегмурат жыраудың жыраушылық өнерге келип кириуи хәм оның устазлық етиу дәстүрлери хаққында орын алғанлығын көриуге болады. Қарақалпақлардың маңғыт руўынан шыққан Бегмурат жырау да Шаңқай жырау сыяқлы Нурата жыраушылық мектебиниң ең ири ўәкиллериниң бири есапланады. Ол 1878-жылы Нурата районының «Қотыр қышлақ» деген ауылында туўылған хәм балалық, жаслық дәўириниң көпшилик бөлегин усы меканда өткерген. Бегмурат жыраудың жыраушылық өнерине келиуи хәм жыраушылық шеберлиги хаққындағы халық арасында көплеген аңызлар тарқалған. Мине, усындай аңызлардың биринде оның өнериниң танылыуына, раўажланыуына себепши болған ұақыя былай тәрийпленеди:

«Он бес жасар шамасында болажақ жырау қатты наўқасқа шатылады. Ауырыудың хазары жанына өтип, нешше күнге дейин кирпиги кирпигине айқаспай жүрген бир күнлерде түс шамасында көзи азмаз илинеди. Сол ўақта бир киси көз алдына келип, мешитке барып үш күн түнеуди мәсләхат етеди. Ертеңине мешитке барып, қатарына үш күн түнеуди. Ушинши күни шып-шып терлеп, шырт уйқыға кетеди. Таң алдында түс көреди. Түсинде түнеу күнги аян берген киси, тары бар бир нәрсени буның қойнына тығып, өзи көзден ғайып болады. Азанда көкирегинде бир нәрсе тұрғандай болып оянады. Ол жүрегиниң түсын көрсетип: «усы жеримде шәйнектей бир нәрсе тастай болып турады, қосық айтып, саз шертким келеди, соннан кейин азғантай жеңил тартқандай боламан, қашан қосық айтып қумарым тарқайды, сол ўақытта ол да жоқ болады», – дейди екен. Онын көкирегиндеги хақыйқыи туўма талант еди, сыртқа шығыуға булқынып сезимтал жүрекке салмақ салатуғын еди...»²

Фольклоршы алым Т.Қанаатовтың көрсетийинше, ол киси жүдә әрўақлы хәм хәзилкеш болды. Таңға жақын арқасы қозып, күшине минетуғын еди. Дәстанды басламастан бурын, өзи жырлайтуғын дәстанлардың хәрқайсысына түсиник береди. Ол «Алпамыс», «Қалбийке хәм Күнтуўмыш», «Гөрүғлы», «Әўезхан», «Гүлшеңбағ», «Ер Ақмет хәм Ерназар», «Араб Райхан», «Дәллияйым», «Толыбай сыншы» сыяқлы дәстанларды жырлады³.

Улыўма, қарақалпақ жыраушылық тарийхында көп жыраулардың аты белгили болғаны менен де, олардың өмири, жыраушылық өнерине келип кириу жоллары толық изертленбеген. Биз Шаңқай жырау хәм оның устаз пири Аймақ жырау, Шаңқай жыраудың шәкирти Бегмурат жырау хаққында Қ. Айымбетов хәм Т. Адамбаевалар жыйнаған материаллардан басқа мағлыўматларды еле жарытыулы билмеймиз. Көпшилик дәреклер халқымыздың арасындағы қатықулақ инсанлардың яд сандығында сақлаулы.

Жуўмақлап айтқанда қандай қыйын жағдайлар болыуына қарамастан, бул жыраушылық өнердиң хәзирги түркий халықлар ушын тек бизде ғана сақланып қалыу сырлары таң қаларлық хәм изертлеуге түрарлық қубылыс.

© Г.М. Эгамкулова, 2022

¹ Айымбетов Қ. Халық даналығы. Нөкис : Қарақалпақстан, 1988. С. 79–81.

² Пайзуллаева Ш. «Аз емесдур, қарақалпақ көп!...» : Очерклер. Нөкис : Қарақалпақстан, 1995. С. 29.

³ Қанаатов Т. Таўелибай тарийхынан там-тум сыр : Илимий изертлеу. Нөкис: Қарақалпақстан, 1993. С. 67.

СЕКЦИЯ 2

Филологические и лингвистические научные школы XIX – XXI вв.: становление, особенности, перспективные начинания

УДК 811.512.122

ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ

З.М. Базарбаева

(Институт языкознания МНУВО, НАН РК, Астана)

Современная лингвистика интенсивно развивается в самых разных научных центрах мира, характеризуется богатством проблематики при разнообразии направлений и школ, при различии методов и приемов исследования языка. Казахское языкознание как часть мирового языкознания развивается в русле современных тенденций лингвистической науки и прошло несколько этапов своего развития. Задача наших ученых-лингвистов – поднять казахское языкознание на уровень мирового языкознания, сделать его конкурентоспособным за счет прорывных, инновационных исследований. Являясь средством общения, язык входит в предмет исследования коммуникативной лингвистики как важнейший способ преобразования мира и регулирующий фактор, исследуется прагмалингвистикой как составная часть и орудие культуры, изучается лингвокультурологией как важнейшее хранилище коллективных знаний, представляет интерес для когнитивной лингвистики. Казахская лингвистика представлена всеми направлениями науки о языке. Об этом свидетельствуют вышедшие в последние годы труды отечественных ученых, представленные в монографиях, статьях, материалах международных конференций и круглых столов.

Из всего многообразия направлений в современной лингвистике особый интерес представляет изучение живой, звучащей речи посредством экспериментальных методов исследования. Развитие компьютерных технологий исследования звукового сигнала все больше приближает языкознание к точным наукам, в которых на корректно поставленный вопрос можно получить четкий ответ. Компьютерная революция создала новую ситуацию в изучении звучащей речи. В этой связи большую популярность приобретают исследования в области просодики казахского языка, которые успешно ведутся в Институте языкознания им. А. Байтурсынова. Теперь любой лингвист с помощью фонетического редактора может наблюдать на экране звуковую волну и акустические характеристики сигнала: спектр, тон, длительность и интенсивность. Для получения достоверных результатов используются экспериментально-компьютерные методы исследования, которые ведутся в лаборатории экспериментальной фонетики. Выявление акустических свойств звуковых единиц на сегментном и суперсегментном уровне с их комбинаторно-позиционными вариантами фонем, интоном сделало возможным создание искусственной, синтезированной речи: такая речь продуцируется специальными программами, которые могут создавать звуки, слоги, слова и целые высказывания, похожие на человеческую речь. В настоящее время выявлены теоретические основы синтеза искусственной казахской речи и создания компьютерной программы. Описаны фонетико-фонологические признаки, обеспечивающие естественное звучание казахского текста при его искусственном синтезировании.

Исследование теоретических и прикладных проблем лингвистической науки является одним из основных факторов достижения единства и духовной модернизации общества, которые немислимы без сохранения своей культуры, языка, собственного национального кода. В этой связи особую актуальность приобретают ономастические исследования, проводимые в Институте языкознания им. А. Байтурсынова и в КАЗНУ им. АльФараби, целью которых являются изучение

казахской ономастической лексики в лингвокультурологическом, лингвокогнитивном аспектах, систематизация научных разработок в данном направлении, изучение нового языкового фактологического материала, научно-теоретическая интерпретация, направленная на установление аксиологического компонента онимов, дешифровку закодированной этнокультурной информации в ономастических названиях.

В последнее время большую популярность приобретают исследования, основанные на достижениях в области лингвистики и ее отдельных дисциплинарных областей: лингвистики текста (дискурса), прагмалингвистики, неориторики, теории речевого воздействия. В Национальном Евразийском университете им. Л.Н. Гумилева ведутся научно-исследовательские работы по разработке методологии медиалингвистики как целостной научной дисциплины, предметом изучения которой является способ постижения природы, функций, реальных и прогностических возможностей языка СМИ. Исследовательские стратегии и подходы обусловлены возрастающим интересом к изучению проблем медиадискурса, медиаречи, медиатекста, особенностей функционирования языка в сфере массовой коммуникации, лингвомедийных технологий воздействия на массовое сознание общества.

В последнее время значительные результаты получены учеными Института языкознания им. А. Байтурсынова в области лексикологии, этнолингвистики, тюркологии. В соответствии с направлениями развития мирового языкознания проводятся исследования по структурной лингвистике в рамках языковых отраслей семасиологии, лексикографии, паремиологии, фразеологии и др. Исследуется неологическая динамика обновляемого языка через художественные произведения и средства массовой информации. Ведутся исследования в рамках антропоцентрической парадигмы на стыке «языка и культуры», «языка и познания», «языка и психики», «языка и прагматики». Совместно со специалистами IT планируется создание сайта «qaz.soz.» или «qaz.leksem.kz», чтобы все научные результаты и словари сделать доступными на электронных ресурсах и приложениях. Сегодня казахская этнолингвистика признана самостоятельной и перспективной отраслью языкознания, в которой сформировались базовые понятия и в результате всестороннего поиска определились приоритетные направления. Изучаются лингвистические аспекты этнографических единиц, отражающие духовную культуру народа.

Современные социальные, экономические, культурные, политические изменения в стране ставят перед казахским языком как государственным новые требования, связанные с интеграцией в мировое информационное пространство. В этой связи особую актуальность на сегодняшний день представляют изыскания в области реформы казахского языка на основе латинской графики. Переход на латиницу – это не замена одной буквы другой, а весьма сложный процесс, целью которого является создание условий для дальнейшего развития казахского языка и высоких технологий, это один из важных элементов программы модернизации общественного сознания, основа прогресса, передовых знаний, цифрового общения. Учитывая опыт европейских стран, которые с давних пор используют латиницу, а также опыт перехода на латинскую графику тюркоязычных народов, которые перешли на латиницу сразу после обретения независимости, лингвисты Института языкознания им. А. Байтурсынова представили усовершенствованный алфавит, в котором национальные звуки обозначаются посредством 4 диакритических знаков: *умлаут*, *бревис*, *седиль* и *макрон*. Каждый диакритический знак нового алфавита имеет свое фонетическое значение и точно передает содержание звука. На основе усовершенствованного национального алфавита были разработаны правила орфографии казахского языка. При построении правил правописания учитывались теоретические аспекты казахского языкознания, диалектическое развитие языка, а также законы фонологии, орфографии, грамматологии. В правилах правописания на латинице соблюдены законы сингармонизма и созвучия казахского языка, базовые нормы, сложившиеся до настоящего времени в практике письма.

В наши дни в мировой, а также отечественной лингвистике развивается ряд научных направлений: структурализм, неофункционализм – когнитивизм. Центральным объектом лингвистических исследований становится «языковая личность» в самом широком понимании, т. е. усиливается антропоцентрический подход, опирающийся на роль человеческого фактора и учитывающий в связи с этим множество аспектов мыслительной, речепроизводительной

деятельности человека как мерила языкового феномена, как центра мироздания, «языковой картины мира». Когнитивный подход к языку способствует разработке теории языка, уделяющей основное внимание роли человеческого опыта в процессах языкового функционирования. Исследование языка в рамках когнитивной парадигмы, интенсивно развивающейся в Казахстане, способствует расширению знаний о глубинных механизмах функционирования языка и речемыслительной деятельности человека.

Логика развития науки в последнее время привела к исследованию максимальной единицы речевой деятельности – *текста, дискурса* как инструмента, с помощью которого осуществляется социальное взаимодействие, в котором воплощается культура народа, материализуются знания и меняется картина мира в сознании реципиента.

В последнее время казахское языкознание имеет ряд достижений фундаментального и прикладного характера.

1. Создана научная концепция перехода казахского языка на латинскую графику, разработаны научно-теоретические, практические проблемы модернизации казахского письма на основе единого национального стандарта казахского латинографического алфавита. Проведены теоретические исследования в области грамматики, теории письма, графики, орфографии и орфоэпии, терминологии, ономаграфии, неографии, связанные с реформой алфавита.

2. Разработаны новые орфографические правила на основе латинской графики и создана «Политическая карта мира» с обозначением зарубежных государств, столиц, городов мира на латинской графике. Разработаны IT-приложения для перекодировки казахских текстов с кириллической графики на новый алфавит на основе латиницы, разработана новая казахская латинографическая клавиатура.

3. Подготовлены и выпущены ортологические словари, справочники (орфографический, орфоэпический, терминологический и др.), служащие задачам совершенствования языка и речи, укреплению действующих норм литературного языка на основе латинской графики.

4. Продолжаются исследования и в традиционном описательно-системном русле, так, постоянно пополняется новыми материалами база данных компьютерного фонда словарного состава, национального корпуса казахского языка, идет дальнейшее накопление терминологического фонда, ведутся работы по составлению ономастических словарей, по разработке этнолингвистического словаря, не имеющего аналога в тюркском языкознании, тюркской культуре.

5. Большая исследовательская работа ведется в области фонологии, интонологии, экспериментальной фонетики, терминологии, ономастики, лексикологии, культуры речи, диалектологии, орфографии, лексикографии, функциональной грамматики, лингвокультурологии, истории казахского литературного языка, тюркологии в психоллингвистическом, лингвофилософском и этнолингвистическом аспектах. Особую популярность приобретают дискурсивные исследования на разных уровнях лингвистической системы в коммуникативно-прагматическом плане.

6. Современное казахстанское языкознание пережило целый ряд качественных изменений. В наши дни интерес большинства ученых привлекает не сам по себе язык в отрыве его носителей и от реальной действительности, а то, как в языке отражаются общечеловеческие, национально-культурные и индивидуальные свойства говорящего, т. е. человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, определяя его перспективу и конечные цели. Антропоцентрический взгляд на язык привел к расширению области лингвистических исследований, это своего рода экспансионизм лингвистики, который стремится к расширению своих горизонтов.

7. В отечественной лингвистике сформировалась когнитивная лингвистика, изучающая и описывающая язык с точки зрения познавательных механизмов, лежащих в основе мыслительной деятельности человека. Это направление возникло в результате взаимодействия когнитивной науки, когнитивной психологии и лингвистической семантики, данная область лингвистики сформировалась в преодолении структурного языкознания, но она не противоречит структурному подходу. Когнитивная лингвистика и традиционное структурно-семантическое языкознание – это разные стороны познания лингвистической реальности.

8. Быстрыми темпами развивается компьютерная лингвистика. В эпоху развития компьютеризации и современных технологий большая роль в жизни общества отводится быстро развивающимся цифровым технологиям, связанным с возрастающей визуализацией общего информационного и социокультурного пространства Казахстана. Считаем целесообразным провести научный прогноз предстоящих изменений в сфере коммуникаций, вызванных широким внедрением технических новшеств, влияющих на социальные изменения, имеющих опережающее воздействие на языковое конструирование.

Говоря о перспективах лингвистики, о ее направлениях и методах в будущем, языковеды считают, что определяющим станут, с одной стороны, сохранение, с другой – совершенствование подходов к языку, выработанных предыдущими поколениями исследователей, т. е. речь идет о фундаментальном принципе – преемственности. Предполагается, что не будет «господствующих», «доминирующих» направлений, т. к. перспективу имеет комплексное изучение объекта. Методологической базой научных направлений станут труды отечественных и зарубежных лингвистов, обеспечивающих полипарадигмальное исследование языковых явлений, когда наряду с новыми направлениями в языкознании используются достижения предыдущих парадигм в изучении новых аспектов языка.

Главным приоритетом, объектом лингвистических исследований недалекого будущего будет сам человек, т. е. проблема лингвистической интерпретации человека, или антропоцентризм, подразумевающий глубокое комплексное изучение биологических, психических основ языка как одного из важнейших признаков человека. Будут исследоваться вопросы о сущности антропоцентрического характера самого языка и лингвоцентрического характера понимания человеком окружающего мира. Большое место займет проблема глоттогенеза, этногенеза, углубление в ранние истоки развития языков. Перспективными останутся поиски идиоэтнического и универсального в языках мира, дающие возможность осознать диалектику языкового многообразия в рамках отдельных государств, обществ и во всемирном масштабе. Активно будут развиваться формы сознательного воздействия на сам язык вплоть до конструирования по определенным моделям искусственных языков трансэтнического предназначения в области новейшей дисциплины – интерлингвистики.

Важнейшей задачей лингвистики должна стать проблема выработки социолингвистических стратегий, что способствовало бы гармоничному развитию всех языков, исключая так называемые языковые конфликты и языковые войны. Детальное исследование и документация языков мира и создание международных сетей языковых баз данных будут одним из главных видов конкретной лингвистической деятельности. В этой связи первоочередной задачей является разработка универсальных и локальных моделей сосуществования больших и малых языков, а также моделей выживания всех языков Земли, которая перекликается с проблемой лингвоэкологии. В далекой перспективе просматривается бурный рост (нейро) биолингвистики, когда когнитивно-языковые процессы станут объектом непосредственного научного наблюдения.

Являясь синтезирующей комплексной наукой, лингвистика активно интегрируется с другими научными областями знаний: культурой, философией, психологией, физиологией, также с рядом точных наук: логикой, математикой, информатикой. В настоящее время формируется новый социокультурный феномен – экранная культура, в этой связи перед лингвистикой встает задача исследования процессов коммуникации в условиях новой коммуникативной среды. Ускорение социальных процессов и развитие информационных технологий приблизило появление новой видеовербальной научной парадигмы в лингвистике, связанной с проблемами прикладной лингвистики, в частности лингвистической технологии.

В нынешнюю эпоху глобализации возникает необходимость широкого использования цифровых технологий во всех сферах науки, знания и общественных служб. Технологии, сопровождающие язык, объединяются под общим названием «лингвотехнология». Язык служит не только инструментом общения между индивидами, но также освещает достижения науки и знания, устанавливая общественные отношения. Ограничено количество сфер, в которых язык не принимал бы участия. Соответственно, языковые компетенции могут быть развиты не только путем расширения лексического богатства языка, но и путем технологической поддержки его возможностей. Мировые

достижения нашего времени (автоматические переводчики, машинный анализ и синтез слов, текстовые редакторы, электронные языковые материалы и огромное количество прочих технических достижений) свидетельствуют о том, что лингвотехнология, развиваясь семимильными шагами, является перспективным направлением казахского языкознания. В этой связи необходимо создать условия для адаптации языка к эпохе цифровых технологий и использовать технические достижения для развития языка, для расширения его возможностей.

© З.М. Базарбаева, 2022

УДК 80

КРАТКИЙ ЭКСКУРС ПО ТЕОРИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПЕРВООСНОВЫ ЯЗЫКА

Ш. Бекмагамбетов

*(Кызылординский университет им. Коркыт Ата,
Кызыл Орда, Казахстан)*

Естественный язык человечества содержит в себе нераскрытые, сакральные секреты своего происхождения, изначального образования и развития, хотя великие умы разных эпох всё же пытались докопаться до скрытых тайн его возникновения. Современное когнитивное исследование языка в широком смысле должно охватывать и общечеловеческие вопросы связи языка и мышления, что достойным образом смогло бы преодолеть генетическое языкознание, устремившее свой зоркий «вопрошающий» взгляд в «неведомые» космические глубины доисторического Времени и Пространства.

Начало генетических исследований языка, хотя и в интуитивном плане, можно сказать, было заложено в трудах великих философов Востока и Запада. С древних времён было высказано много предположений и гипотез, касающихся изначального словотворчества, включая извечный «Спор об Именах», затеянный античными философами. В средние века и на заре так называемого нового времени – в XVI – XVII веках вплоть до XX века – выдвигались различные идеи и гипотезы о происхождении языка человечества, авторами которых были такие великие учёные тех времён, как Г. Лейбниц, И. Гердер, В. фон Гумбольдт (гипотеза звукового подражания); А. Штейнталь, А. Потенция, Ч. Дарвин и др. (междометная теория); Л. Нуаре, К. Бюхер (гипотеза трудового выкрика); Ж.Ж. Руссо, Адам Смит (гипотеза общественного согласия); Ф. Энгельс (марксистская гипотеза) и т. д. Проблемой категоризации действительности человеческим сознанием давно уже занимается и направление фоносемантических исследований, у истоков которого стояли Ч. Филлмор, М. Минский, Э. Рош, Дж. Лакофф, М. Джонсон и др.

Генетическое языкознание, которое мы представили в своих исследованиях, позволяет внести определённую ясность в основополагающий вопрос общего языкознания – это «картина» изначального образования, происхождения человеческого языка¹. Здесь мы хотим вкратце изложить основные моменты образования материальных первооснов языка человечества с точки зрения генетической лингвистики.

С генетической точки зрения обнаруживается, что язык человеческий есть продукт и изобретение умственно высокоразвитого поколения человечества, его «творческой мудрости», которая проявилась в самом «первом языке»². Процесс образования изначальных парнозвуковых материально-идеальных первооснов современных слов непосредственно связывается с

¹ Бекмагамбетов Ш. Тіл генетикасы : тілдік таңба-нышандық жүйе. (Генетика языка: языковая тамгово-символьная система) : монография. Алматы, 2014. 218 с.

² Гельгард Р.Р. Источники изучения глоттогенеза в связи с антропогенезом (Из материалов к курсу общего языковедения) // Сборник докладов и сообщений лингвистического общества. IV. Калинин : Калининградский государственный университет, 1974. С. 21.

миропознавательной деятельностью людей эпохи изначального словотворчества, в корне отличающейся от современного понятия мировоззренческой деятельности, устоявшейся в традиционной науке. Результатом миропознавательного мышления той эпохи, по генетической теории языка, стали названные нами логические понятия базисного типа, в которые и были заложены впоследствии идеальные элементы изначальных парнозвуковых языковых первооснов, которые были направлены на практическое познание, опытно-языковое усвоение структурно-семантической модели Мира-Вселенной (Юниверсуса) и закономерностей его функционирования. Языковая категоризация предметов и явлений Бытия производилась по образцу той же системы мира вместе с его законами. Поэтому изначальное образование материально-идеальных первоэлементов языка в их генетической совокупности и органическом единстве следует признать основными составляющими элементами всеобщей языковой картины мира, которые рассматриваются нами на фоне естественной природы мира (космоса) в неразрывной связи с основными закономерностями существования Вселенной-Юниверсума. Графически эту взаимосвязь языка, мышления, юниверсума мы определили как систему языкового миропознания (СЯМП).

Нами выявлено семь основных парных гласно-согласных видов-инвариантов материальных первооснов языка, образованных в результате словотворческого сознания человека (нашего общего предка) в течение многих тысяч лет, начавшегося, по нашей версии, с изначальных изобразительно-выразительных тамговых символов, «описываемых», сопровождаемых в пространстве движениями рук (хорема – язык рук) в комплексе с гипотетическими кусковыми и диффузными звукоматериалами – до формирования их окончательного (договорного) варианта.

Традиционное языкознание рассматривает звук языковой в качестве расчленённого звука по наличию в нём «голоса», разделив на гласные и согласные, состоящие в оппозиции, якобы уже заведомо, изначальное противопоставленные друг другу, созданные раздельно, не имеющие никакого смысла и языкового значения (семантики), т. е. имеющие лишь физико-механическую характеристику. Мало того, и звуки языка, и даже само слово, состоящее из этих звуков, априори объявляются условными и случайными языковыми знаками, но «особого типа»¹. Такой подход к пониманию звука языкового, основного материала языка, предназначением которого является выражение и передача в языковой форме всего семантически значимого в Бытии, в корне противоречит его «вселенской» языковой сути и, с генетической точки зрения, легко опровергается.

Генетическая лингвистика утверждает, что звук языковой, по сути своей, не есть пустой, случайный, условно-механический материал, наоборот, весь источник идеального (семантического) арсенала языка зиждется на этих первородных языковых звуках, но не в современном их понимании, а в генетическом содержании восприятия их языковой природы. Звуки языка с самого начала являются не раздельными, расчленёнными, как их представляет современное языкознание, а состоящими из неразрывной совокупности двух естественно-генетических начал – шума и голоса, существование которых друг без друга немислимо, они являются двуедиными звуковыми единствами, представляющими материальные элементы языка. То есть в естественно-живом языке не существует отдельных самодостаточных гласных или согласных звуков, разделение их – искусственно.

Дело в том, что отдельно взятые расчленённые, так называемые в современном языкознании «согласные звуки», как, например, *с, т, б* и т. д., даже физически никак не могут произноситься без участия элемента «голоса э»: *эс, тэ, бэ* и т. д. Элемент голоса, во-первых, служит для озвучки элемента шума, осуществляя, таким образом, образование полноценного парноэлементного звукоматериала для языка и, во-вторых, служит воздушным проводником-носителем языкового физического (материального) звукоматериала до адресата. Отсюда выходит, что в современном языкознании звуками языка признаются ещё неозвученные, «неогласованные», то есть искусственно оторванные, разделённые «звуки-лжезвуки». Это и является основным заблуждением-недочётом современного языкознания.

Языковым звуком, по генетической лингвистике, а также единицей её исследований как науки является постепенно эволюционировавшее в течение многих тысячелетий естественное

---

¹ Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. Екатеринбург. 1999. С. 125.

«шумо-голосовое» генетическое единство (цельносложность), состоящее из двух изначальных материальных элементов – шума и голоса, которые один без другого не могут существовать в качестве языкового материала. Таких основных парноэлементных звуковых материалов-инвариантов, по теории генетической лингвистики, семь: УН, УТ, УР, УС. УЛ, УҚ, УП, где один из составляющих компонентов – У-элемент заменяет любое гласное данного языка, а примыкающий к нему справа или слева согласный является основным генетическим носителем определённого языкового (семантического) значения в виде логических понятий базисного типа, о чём будет отдельный разговор. Семеричность, являющаяся основным законом космического бытия, трансформировалась и в законы языка, который изначально возник по единой модели Мира-Вселенной¹. Такое понимание сути изначального звука языка как живого, парноэлементного физического материала является основным преимуществом и открытием генетического языкознания, его принципом исследований по сравнению с традиционным языкознанием, рассматривающим звуки языка по классическому принципу деления звуков (как буквы при письме) на гласные и согласные звуки (фонемы). Каждый из обозначенных нами парноэлементных звукоматериалов в речи (языке) может далее преобразовываться и «облачаться» в свои генетические варианты. Например, УП-звукоматериал может встречаться в таких вариантах:

<i>Образцы возможных комбинаций П-производных согласных в комбинации с фонетическими инвариантами гласных элементов на материале русского языка</i>							
	ф	п	б	в	м	у*	й
а	аф	Ап	аб	ав	ам	ау	Ай
о	оф	Оп	об	ов	ом	оу	Ой
е	еф	еп	еб	ев	ем	еу	Оу
ы	ыф	ып	ыб	ыв	ым	ыу	Ый
у	уф	уп	уб	ув	ум	уу	Уй
и	иф	ип	иб	ив	им	иу	Ий
э	эф	эп	эб	эв	эм	эу	Эй
<i>7 * 7 = 49 ГС-типа + 49 СГ-типа = 98 вариантов (примерно).</i>							

Другие парноэлементные звукоматериалы (кроме УН, УР, УЛ – основ, которые изначально по природе являются одинарными, не имеющими генетических инвариантов-элементов шума) могут таким же образом преобразовываться в речи, функционируя в своих вариантах, что является результатом их исторического развития в различных общественно-социальных, культурно-этнических и природно-климатических условиях, вместе с тем доказывая возможность системного универсального функционирования языковых звукоматериалов. Таким образом, новый, генетический подход к разгадке природы звуков языка позволяет проникнуть в самую суть логико-семантической природы и взаимоотношений языка и мышления, правильно понять и «расшифровать» их естественную языковую и мыслительную природу. Например, в составе слова *мир* имеется не три звука (*м, и, р*), как это сейчас представляется, а всего два звука: *ми* (от УП-основы) + *ир* (от УР-основы). Гласные элементы (огласовки) в составе данного слова при совокупной встрече двух парноэлементных звуков объединяются, сливаясь в одно целое. Изначальное образование и процесс постепенного установления (оформления) этих двух звукоматериалов подробно описаны в монографии, начиная с *языка рук*² [1].

Парноэлементные языковые звуки-первоосновы, образованные в результате общего для всего человечества миропознавательного мышления (СЯМП), его генетическим истоком, посылом образования которых является общая модель мира-космоса, с самого начала своего становления были нацелены на образно-символьное выражение в языке человеческом одной и той же модели Мира-Юниверсума с его конкретными структурно-семантическими элементами. Пытливый человеческий ум для языкового

¹ Бекмагамбетов Ш. Семь лекций по теории генетической лингвистики. Алматы, 2020. С. 30.

² Бекмагамбетов Ш. Тіл генетикасы : тілдік таңба-нышандық жүйе. (Генетика языка: языковая тамгово-символьная система) : Монография. Алматы, 2014. 218 с.

выражения предметов и понятий «земной» действительности придумал, можно сказать, изобрёл эти идеально-материальные первоэлементы языка в качестве образно-символьных форм-шаблонов для выражения естественных форм-понятий, заключённых в конкретных структурно-семантических элементах мира-вселенной (космоса). Таким образом, каждый из парно-элементных звуков в процессе своего долгого становления постепенно приспособливает для выражения именно эту форму, которая конкретно соответствует, подходит ему как шаблон определённого структурно-семантического составляющего бытия, мира-космоса. В результате образуется, «вырисовывается» целая картина звукового (языкового охвата) охвата человеческим умом полноценного образа Мира-Вселенной, единой частью которого является Он сам. Эту картину можно представлять в виде Системы языкового (звукового) познания мира (рис. 1).

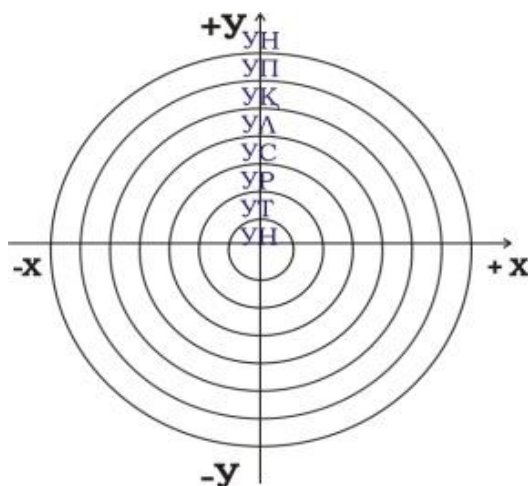

Рис. 1: Система языкового (звукового) познания мира (СЯМП)

В этой графической генетической схеме в совокупности даны основные структурно-семантические элементы Юниверсума, Мира-Вселенной, с его отдельными частями-составляющими, следующими по определённому порядку и в определённой, строго логичной взаимосвязи (рис. 2).

Тамгово-символьные выражения основных структурно-семантических элементов Мира (Вселенной) и соответствующие им языковые парнозвуковые материалы первооснов

звуковой материал	основной тамгово-символьный образ	основное логическое понятие	изначальное значение (семантика)
УП-основа	Шар-Сфера: 	«Шар-Сфера»	Мир (Вселенная)
УХ-основа	Система координат: 	«Система координат»	Мир (Вселенная)
УС-основа	Мировая ось: 	«Мировая ось»	Мир (Вселенная)
УН-основа	Мировой центр: 	«Точка-центр»	Мир (Вселенная),

звуковой материал	основной тамгово-символьный образ	основное логическое понятие	изначальное значение (семантика)
УЛ-основа	Мировая связь 	«Мировая связь»	Мировая связь
УТ-основа и УР-основа	не имеют определенных тамговых знаков	символизирует движение, действие	мировое движение

Таким образом, приведённые нами языковые звуки-инварианты (аллофоны) являются звуковыми заменителями определённых конкретных структурно-семантических элементов Мира-Вселенной. Никаким другим земным эквивалентом невозможно выразить языковое отображение «земных» предметов, и единственной возможной формой их выражения может служить для человека единая модель Мира-Вселенной, Универсума. По логическому принципу общего для всего человечества миропознавательного мышления всё в этом мире создано по единой модели, значит, и человеческий микрокосмос также функционирует по единым законам и всеобщей модели большого Мира-Макрокосмоса. И лишь только ОН может служить единственным идеальным источником для изобретения уникальных «инструментов» – форм-«шаблонов» для изображения и выражения всех земных предметов и явлений.

© Ш. Бекмагамбетов, 2022

УДК 811.512.141

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОЛИЧНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ БАШКОРТ ТЕЛЕНДӘ БИЛДӘҢЕЗ ЭЙӘЛЕКТЕ БЕЛДЕРЕҮ САРАЛАРЫ

А.М. Бикбаева

(СФ БашГУ, Стерлитамак)

(БДУ-ның СФ, Стәрлетамак)

Статья посвящена исследованию средств выражения неопределенноличности в башкирском языке.

Башкорт телендә билдәһезлек категорияһын белдерү сараларының береһе – билдәһез эйәле формалағы алмаштар. Тел белгестәре алмаштарҙы абстракт һәм иң боронғо грамматик категорияларҙың береһе тип һанай. Төрки телдәрҙәге алмаштарға мөнәсәбәтле билдәһезлек һәм билдәһезлек категорияһын тәүгеләрҙән булып Н.К. Дмитриев айырып күрһәтә. Башкорт тел ғилемдә был өлкәлә Ж.Ф. Кейекбаев, Ә.М. Азнабаев һ.б. ғалимдар эшләй. Калған һүз төркөмдәренән айырмалы рәүештә, билдәһез эйәле алмаш предметты, сифатты, һанды белдермәй. Уның мәғәнәһе дейөм була. Билдәһезлек алмашы предметтың ниндәй зә булһа эшмәкәрлектә теге йәки был хәлдәрҙең билдәһезлеген күрһәтә¹. Башкорт телендә билдәһезлек алмаштары өс төрлө юл менән барлыкка килә²:

1. *әллә* киҫәксәһе + һорау алмашы: *әллә кем, әллә нимә, әллә ни, әллә касан, әллә кайҙа, әллә күпмә, әллә нисек, әллә ниндәй, әллә ниңә, әллә кайҙан*. *Әллә* киҫәксәһе урынды, ваҡытты белдереп килә, күптән үткән хәл-вақиғаларҙы һәм ситләштерелгән предметтарҙы билдәләй³. Мәҫәлән: – *Улар*

¹ Грамматика современного башкирского литературного языка. М.: Наука, 1981. С. 159.

² Башкорт теле. Юғары уҡыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек / Г.Р. Абдуллина, Г.Д. Вәлиева, К.Ф. Ишбаев һ.б. Өфө: Китап, 2012. 350-се бит.

³ Шунда уҡ.

безгә килеп еткәнсе әллә ниндәй матур ерзәрзе үтәләрзәр инде, — тине. Әгәр Зөлфәт телен тыйған булһа, Асман былай дәрескә килмәй әллә кайза йөрәмәс ине. Мин Асманға асыу итмәйем, берзән; икенсенән, әллә қасан үлгән бер сөгәлдәрсө һақында альбом төзөү кемгә кәрәк? (миҗалдар Рәшит Сабитовтың «Һүңгән йондоз яктыһы» повестар һәм хикәйәләр йыйынтығынан алынды).

2. *теләһә* киҗәксәһе + һорау алмашы: *теләһә кем, теләһә нимә, теләһә ни, теләһә кайза, теләһә кайһы, теләһә нисек, теләһә ниндәй, теләһә кайзан.* Мәсәлән: *Быға ата-әсәйем дә шат, миңә теләһә ниндәй эш кушып бармайзар, үз иркемдәрәк йәшәй бирәм... Бына мин Зөлфәткә үземә ышанған кеүек ышанам, теләһә ниндәй серемде сисә алам.*

3. һорау алмаштарына *-лыр / -лер, -дыр / -дер, -тыр / -тер, -зыр / -зер* икеләнәү мәғәнәһен белдерәүсә аффикс қушылыу менән: *кемдер, нимәлер, низер, қасандыр, кайзалыр, кайһылыр, күпмелер, нисектер, ниндәйзәр, ниңәлер, кайзандыр.* Мәсәлән: *Бында кемдер булған, ялан аяқ йөрөгән, — тине, борсоллоп. Илнур, қаршы килеп, нимәлер әйтмәксә ине, Рәфкәт өлгөрөрәк булып сықты. Шуның арқаһында без қасандыр Вәсиф менән дә дуслаша язғайнык. Күпмелер вақыттан һуң Наил қала беренселеге өсөн ярышта қатнашты. Хәсән, нисектер, көрһөнөп қуйзы. Қапыл кайзандыр кот оскос зур йыртқыс килеп сықты.*

Шулай үк билдәһез әйәле алмаштарға *кайһы бер, берәй* һүззәрә лә қарай: *Ниңә шулайзыр инде, кайһы бер малайзар яқшылыкка қарағанда насарлыкты йәһәтерәк үзләштерәүсәндәр. Кайһы бер егеттәр баһып торһа ла ярар. Мин һағайып қалдым: беләм, ул тиктәскә йөрәмәс, берәй эш йөкмәтергә теләйзәр. Дәртләнен китеп, староста Зәлифә берәй нәмә уйлап тапһаһа, үзәбеззәң пионер булыуыбыззы ла онотор инек инде.*

Ғәрәп теленән ингән *бәғзе* билдәһезлек алмашы языуылар әсәрзәрәндә қулланыла. *Бәғзе* һүзә ғәрәп телендә *бәғдү* формаһында *кайһы бер* тип тәржемә ителә. Мәсәлән: *Бәғзеһе* укый за алмай ғибарәтен, қамилгә ниндәй қыла хәкәрәтен¹?!

Билдәһез әйәлекте белдерәү сараһы буларак билдәһез әйәле һөйләмдәрзә қарап китәйек. Был һөйләмдәрзә әйә билдәһезлек менән бәйләнгән була. Билдәһез әйәле һөйләмдәрзәң хәбәрә вазиғаһында қылым һөйкәләштерәнең III зат күплек формаһы сығыш яһай. III зат – иң билдәһез зат, ул – һөйләүсә лә, тыңлауы ла түгел. Башқорт телендә билдәһез әйәле һөйләмдәге хәбәрзәң грамматик биреләшенәң бер нисә типик төрә бар².

1. Хәбәр һөйкәләшенәң хәзәрге заманы: *Үззәрәнең қулдарынан, игеләктәрәнән қыуанһындар. Комсомолка қыззың эштәрә, төнгө фажиғә тураһында газеталарза язып сықтылар. Тик көтмәгәндә һүззәрә бүлендә, ағаһын сақырып алдылар. Уны волком секретары итеп қуйғандар.*

2. Үткән заман хәбәр һөйкәләше: *Ниндәй генә қыйынлыктар қисермәгәндәр!.. һуғыш алдынан уны «Қызыл юл» колхозының бригадиры итеп һайлағандар. Велосипед камераһы бар, тигәйнеләр. Ул вақытта ерзә һөрөп, сөгәлдәрзә сәсеп сығыуған башка бәтә эште қул менән башқарзылар.*

3. Хәбәр һөйкәләше қылымының киләсәк заманы: *«Альбом төзөүгә миңә мөнәсәбәттә белә тороп, юрый миңә эш бирәләр, мысқыл итәләр, — тип әсенеп уйландым мин һәм, қапыл киреләнәп: — Бармайым, үтәмәйем поручениеларын, минән башка ла эшләрзәр әле», — тинем.*

4. Шарт һөйкәләше қылымы: *Берәйһе ярамаған һүз әйтһә лә, тәртип бозһа ла, ә сәсен тартһалар, бигерәк тә, баһыр за укытыуыға һамақлай башлар ине. Иртән уны ауыл буйлап эзләп қараһалар за, таба алмайзар.*

Билдәһез әйәлекте белдерәү саралары контекста ла бәйләнгән. И.М. Кацитадзе, контекстың шарттарына қарап, билдәһезлек төрлә мәғәнәгә әйә булыуын билдәләй³.

1. Тыңлауысға таныш булмаған предметтың исемен тәүге тапқыр қулланғандағы билдәһезлек. Был билдәһезлек йышырақ интродуктив йәки презентатив һөйләмдәрзә осрай.

¹ Ақмулла. Шиғырзар. Өфө : Башқортостан китап нәшриәте, 1981. 56 бит.

² Башқорт теле. Юғары укыу йорттарының филология факультеты студенттары өсөн дәреслек / Г.Р. Абдуллина, Г.Д. Вәлиева, К.Ф. Ишбаев һ.б. Өфө : Китап, 2012. 458-се б.

³ Кацитадзе И.М. К вопросу об имплицитных и эксплицитных способах выражения категории определенности / неопределенности в русском языке // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2006. № 9. С. 60.

Адресатка телмәр актында һөйләнәсәк ниндәйзәр объекттың барлығы тураһында еткерәү, төп максат булып тора.

2. Бер үк исемле предметтарзың класына караған репрезентатив билдәһезлек:
  - баһалау мәғәнәһенә эйә булған предикатив функциялы исем (телмәр функцияһында);
  - билдәле бер класка эйә булған ябай денотат буларак күрһәтәү.
3. Дөйөмләштерәү үзенсәлеге (элементы) булған исемдәр.

Телмәр актында катнашыусыларзың теге йәки был хәбәр тураһында төрлө кимәлдә белеү-белмәүзәрән билдәһезлек категорияһы асыҡлай. Категорияһың төп функцияһы – дөйөмләштерәү. Йәғни һөйләүсе тыңлаусы белмәгән предмет тураһында хәбәр итә, был предмет үз сиратында бөтә уға хас булған предметтарзы үз эсенә ала. Билдәһезлек исемдәрзең контекста сәбәпһез барлыҡка килеүен күрһәтә һәм объект / субъект тураһында мәғлүмәт булмауын алдан белдерә. Әлбиттә, телмәр актында интонация менән баһымдың да мөһим ролен билдәләү кәрәк.

Т.М. Николаева билдәләлек / билдәһезләлек категорияһын сағылдырыуһы иң мөһим сараларзың береһе – ул контекст, тип иҫәпләй. Контекст – ул анализ өсөн әһәмиәтле бер тексттың өлөшө, уның мәғәнәһен аңлау өсөн кәрәкле, дөйөм мәғәнәһенә карата каршы килмәгән мөһим берәмектәрзең береһе¹.

Конкрет бер лексик берәмектең билдәләлек һәм билдәһезлек мәғәнәһе коммуникатив максаттарға бәйле. Тексттың телмәр ситуацияһына, контексына, номинатив берәмегенә карап билдәләлектә, билдәһезлектә, яңы предметты, күренеште белдереп була. Текст билдәһезлек менән башлана, яңы персонаждар индерелә һәм сюжет хәрәкәткә килә; ә билдәле эйәлек саралары тотороктокто хикәйәләүгә килтерә. Мәсәлән:

— *Малайзар, килегез әле, — тине ул, кулын кызыу-кызыу болғап. Үзе ниндәйзәр кағыз киҫәге тоткайны.*

Без уға табан атланык:

— *Ни булды?*

— *Нимә таптың? Әллә Лотфулла бабайзың алтын-көмөштәре килеп сыктымы?*

Зәлифәнең зур кара күззәрәндә нурлы оскондар һикерешә.

— *Алтын-көмөш нимә ул? Сүп кенә. Ә бына быны күрәһегез килмайме? — тип, ул миңә бер фото тотторзо.*

Ниндәйзәр кағыз киҫәге субстантив бәйләнеше текска яңы предмет индерә һәм билдәһезлек функцияһын башкара. Контекст һәм төбәү килештә торған миңә алмашы ярҙамында артабанғы һөйләмдәрзә был яңы предмет – фото булуы билдәләнелә.

Ниндәй һорау алмашы ла билдәһезлектә белдерә, шулай үк исемгә карата өстәлмә семантик-экспрессив үзенсәлеккә эйә булғанлығы күзәтелә:

— битарафлыҡты белдергән: *Шул сәйәхәт тураһында бөгөн Илнурзарза ныклап һөйләшергә булдык. Малайзар һиңә килергә кушты.*

— *Ниндәй малайзар?*

— *Ну, Илнур, Хәсән...*

— һанға һүкмау, көмһетевезе белдергән: — *Ниндәй арыу ти тағы? Яңырак кына ултырзың бит. Әле ана Сафа ла һинән күберәк иште.*

— иғтибарһыҙлыҡты белдергән: — *Эйе, — тинем мин, уны йөпләп. — Ауылыбызға ниндәй кеше йәшәгән, ә без уның хақында бер ни ҙә ишеткәнәбез булмаған.*

Шулай үк кемдер алмашы ла билдәһез эйәлектә белдерә һәм телмәр актында төрлө мәғәнәүи-экспрессив төскә эйә була ала. Мәсәлән:

Юлбаһар бысаҡлы кулы менән икенсе тапкыр һелтәһәм тигәндә генә кемдер күҫәк менән уның башына кундыра, теге шунда үк артына ауа. Тамам хәлһезләнгән Фатиха, Нурислам исемле комсомолецты танып һәм шатланып, уның күкрәгенә килеп каплана.

Кемдер алмашына “кем булһа ла” мәғәнәһе һалынған һәм был осракта битарафлыҡты белдерә. Кызыкһыныуҙы белдергән:

¹ Николаева Т.М. Непарадигматическая лингвистика (история “блуждающих частиц”) М. : Языки славянских культур, 2008. С. 238.

Малай, күл буйын иҗтибар менән карап:

— *Бында кемдер булған, ялан аяк йөрөгән, — тине, борсолоп. — Ана, таллыкты ярып ингән, эзе ярылып ята.*

Фәризә лә, аптырап:

— *Эйе, күрәм, — тине. — Унда нимә юғалтты икән ул азам?*

— *Белмәйем... Ә һандуғас һаман һайрамай.*

Шулай итеп, башкорт телмәрәндә билдәһез эйәлектә белдерәүсә саралар күп төрлө. Шулай за уның үзәге булып билдәһезлек алмаштары тора. Улар предметты, уның билдәләрен конкрет күрһәтмәй, билдәһезлектә белдерә. Башкорт телендә билдәһез эйәле һөйләмдәрзә лә эйә билдәһезлек менән бәйләнгән була. Предикативлык телдә грамматик, лексик саралар һәм интонация ярҙамында ғәмәлләшә. Кылымға күплектәге III зат аффиксы кушылыу юлы менән яһала. Бындай формалар йышыраҡ диалогтарҙа һәм тура телмәрзә кулланыла. Билдәһезлектә асыклау өсөн контекст та зур роль уйнай.

© А.М. Бикбаева, 2022

УДК 811.35:811.161.1

РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ВУЗОВСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ДАГЕСТАНСКОГО ПОЛИЯЗЫЧИЯ

М.Д. Ваджибов

(Дагестанский государственный университет, Махачкала)

В настоящей работе обсуждается вопрос о месте и роли риторики в преподавании речеведческих, профессионально ориентированных дисциплин в условиях дагестанского полиязычия, что является главной целью исследования. Нет сомнения в важности и значимости регулярного применения элементов ораторского искусства, если речь идет о таких предметах, которые имеют непосредственно отношение к силе и красоте риторического слова. Это различные курсы, в названии которых наличествуют синонимичные понятия «риторика» и «ораторское искусство», ср.: риторика, педагогическая риторика, профессиональная риторика, ораторское искусство, риторика и ораторское искусство, риторика и культура речи, практикум по риторике, ораторское мастерство, практикум профессионально ориентированных риторики, дискуссий и общения, культура парламентской речи и деловая риторика и т. д. При изучении данных предметов риторический аспект должен рассматриваться как базовый, и он, естественно, присутствует постоянно и неразрывно связан со всеми вопросами, рассматриваемыми в содержании.

Риторический аспект востребован и в преподавании таких вузовских обязательных и факультативных курсов, как русский язык и культура речи, русский язык делового общения, русский язык в деловой коммуникации, практикум по творческой речи, деловая коммуникация в профессиональной деятельности, профессиональная речь юриста, практикум профессионально ориентированной речи, культура речи в профессиональной сфере общения и др. При этом существенно то, являются ли данные предметы обязательными для изучения или факультативными, ибо систематическое или несистематическое ведение, вероятно, влияет на способность усовершенствовать применение риторических законов, правил, приемов, категорий и принципов, на качество конечного результата. Это зависит и от того, сколько часов можно выделить для освещения риторических вопросов на речеведческих занятиях по профессиональной деятельности, хотя навыками красноречия мы должны пользоваться регулярно. Все это важно при непосредственном отрицательном влиянии на вербалику молодых людей электронных СМИ и Интернета, которые способствуют жаргонизации устной и письменной русской речи.

В специальном источнике находим следующее высказывание: «Риторический аспект включает в себя владение основами теории аргументации и принципами построения речевых произведений с учетом их жанровой дифференциации, умение управлять аудиторией в условиях комфортного психологического

микроклимата, использование средств выразительности русского языка и др.»¹. Мы разделяем данную точку зрения. При этом считаем необходимым акцентировать внимание на профессиональной направленности использования риторического аспекта, с учетом чего существенна в преподавании специальных дисциплин речевая корректировка, опирающаяся на традиционные способы преподнесения теоретического материала, который изложен в классических риториках. Важно проследить применение в учебном процессе экзотических элементов традиционного уклада, которые могут быть допустимы в светском образовательном учреждении. В Дагестане это, к примеру, уважительное отношение к говорящему, обращение к старшему по возрасту, общение с ровесником, беседа с однокурсником, гендерная особенность вербального приветствия юноши или девушки, специфическое приветствие гостей и т. д.

В приведенном выше высказывании говорится и о жанровой дифференциации, мысль о которой мы наблюдаем и в работе М.Р. Савовой: «Современная риторика и её преподавание в последнее время всё больше тяготеют к дифференциации. Это отвечает сути риторики как ведущей коммуникативной дисциплины и наиболее явным тенденциям развития науки, а также потребностям общества»². Данные слова, очевидно, подсказывают нам, что риторика является интегративной, универсальной дисциплиной, материалами которой можно пользоваться при изучении не только речеведческих, но и любых гуманитарных дисциплин. Видимо, в коммуникации по будущей специальности востребован дифференцированный подход в применении риторических знаний. При этом мы склонны считать, что риторический аспект должен играть главенствующую роль при обучении студентов профессионально ориентированной речи. При этом существенно усвоение как теории, так и практических навыков.

Актуален филологический (лингвистический и литературоведческий) анализ профессионального текста в студенческой аудитории. При этом не менее важно риторическое содержание рассматриваемого материала (художественного, публицистического, научного и т. д.). Данный анализ, на наш взгляд, является одним из способов приобретения знаний, выработки умений и навыков профессиональной речи. Востребован риторический тренинг, в котором акцент делается на описании и обсуждении специфических речеведческих традиций дагестанских народов. К таким упражнениям мы относим беседы на различные темы о малой родине: «Со своим уставом в чужой монастырь не ходят», «Традиции и обряды дагестанцев», «Годекан», «Гора языков», «Кодекс дагестанца», «Конституция горца» и др.

Риторическая составляющая профессионально ориентированной речи в условиях дагестанского полиязычия предполагает обязательное наличие в устной и письменной коммуникации не только общих положений ораторского искусства, но и специфических особенностей этнической ментальности носителей аборигенных (автохтонных) языков. Так называемый региональный компонент красноречия должен включать в себя умелое использование в речи популярных в регионе слов, пословиц, поговорок, притч, фразеологизмов, комплиментов, рассказов, стихотворений, афоризмов-высказываний из дагестанских языков как в оригинале, так и в переводе. При этом красноречие обязано помочь формировать знания, умения и навыки, которыми в перспективе можно пользоваться на работе по специальности. Поэтому любая речевая ситуация в профессиональной деятельности должна быть использована риторически умело и логически верно.

Следует обращаться к ораторскому искусству при преподавании в вузе многочисленных речеведческих дисциплин на дагестанских языках. На наш взгляд, можно проследить за работой по обучению родным языкам, чтобы определить, используется ли риторическая терминология в дагестанской филологии. Подчеркивание местного менталитета – это уникальное применение слов из дагестанских языков, использование инструментария красноречия в преподавании речеведческих дисциплин на автохтонных языках и обращение к этим данным в сравнительном и сопоставительном дагестанском языкознании. Важно при этом употребление в речи слов из высокого стиля, которые соответствуют риторическим критериям и к

---

¹ Крижовецкая О.М. Речевая компетентность современного специалиста: к вопросу о профессионально ориентированной риторике // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2016. № 3. С. 81.

² Савова М.Р. Из опыта разработки программы риторического тренинга для будущих преподавателей высшей школы // Современная риторика в общественно-речевой и педагогической практике: материалы XVII Международной научной конференции (30 января – 1 февраля 2013 г.). М.: Институт русского языка, 2013. С. 381.

которым в Дагестане мы относим многие лексемы из восточных языков (в том числе и религиозную терминологию).

Как дагестанские регионализмы высокого стиля воспринимают в русскоязычной культуре нашего региона слова из арабского, персидского, азербайджанского и других восточных языков: *намус* «совесть», *хасият* «характер», *сабур* «терпение», *хабар* «новость, известие», *месляьт* «согласие», *адат* «обычай», *халкь* «народ», *миллет* «нация, национальность», *кысмат* «судьба», *Новруз* «Новый год», *байрам* «праздник», *садакья* «милостыня», *дин* «религия», *намаз* «молитва», *дуаь* «личная мольба верующего» и др. И мы не видим ничего зазорного в том, что в профессиональной речи студенты, будущие специалисты, используют такие слова в качестве местного риторического арсенала. Классические тексты с такими словами важны и востребованы, если акцентировать внимание на следующем высказывании: «В эпоху информационных технологий, презентаций, промоушенов и рекламы, обилия стереотипных текстов внедрение в педагогическую, учебно-научную и научно-исследовательскую деятельность риторизированных технологий в контексте происходящего во всем мире в последние десятилетия «риторического Ренессанса» позволяет существенно повысить качество образования, выйти на новый уровень»¹. Именно применение ориентализмов в русской речи дает возможность выйти на новый уровень при работе над риторическим аспектом в преподавательской деятельности в дагестанском вузе.

Мы отмечали, что при общении со студентами на русском языке, учитывая тематику коммуникации, в поликультурной аудитории иногда опытные говорящие или пишущие прибегают к родным языкам или же к дагестанизмам в целях обучения и воспитания подрастающего поколения². Так, например, носитель табасаранского языка в своей речи может применять такие пословицы, как *Аьхниз лигну ликар гьачлакк* «Вытяни ноги, смотря, какая постель», *Нирихьна руькайиз шаламар миилдитан* «Не добравшись до реки, не снимай обувь» и др. Знающий лезгинский язык может прибегать к таким пословицам, как *Бахт кланзаватла, инсанар клан хьухь* «Если хочешь счастья, то люби людей», *Вичин тлеквенда кьифни аслан я* «В своей норке и мышья является львом» и др. Владеющий лакским языком обратится к таким пословицам, как *Бавкьусса кулпатраву, ххуйсса оьрчIру биклайсар* «В хорошей семье и дети хорошие», *Азара дуьсу чанссар, ца душмангу чIявуссар* «И тысячи друзей мало, и одного врага много» и др. Говорящий на кумыкском языке вербально реализует свою интенцию, используя такие пословицы: *Яхшылар тувса – ер яшнар, яманлар тувса – дав башлар* «Если родятся хорошие – земля оживится, если родятся плохие – начнут воевать», *Аччыны татымагъан татлини билмес* «У невкусившего горечь нет понятия о сладости» и др. Знающий аварский язык поддержит обсуждаемую тему следующими пословицами: *Абураб – гIарац, абицлого тараб* «Сказанное – серебро, несказанное – золото», *Бищунго лыкIав чи – балъголхи цIунулев чи* «Самый хороший человек – хранящий тайны» и др. Речь на даргинском языке можно разнообразить через такие пословицы: *Цала хатIа цархIиллис дарс саби* «Ошибка одного – урок другому», *ГъайикIусини делгIа, лехIихъусини дурчу* «Говорящий сеет, слушающий пожинает» и др.

Значимо, по нашему мнению, применение в речи похожих по смыслу и содержанию пословиц, если тема касается межкультурной коммуникации в профессиональном общении, ср.: *Анищаз хур бекьуралек* (авар.) «Мечтами поле не засеешь» и *Мукьурттил хьу кьадуьгайсар* (лак.) «Словами поле не засеешь»; *Бализ абайин гьадри учь аба гьашиган шулу* (табас.) «Уважать и понимать отца сын будет тогда, когда сам станет отцом» и *Жегьилвилин кьадир кьуьзуь хьайила чир жедда* (лезг.) «Цену молодости узнаешь тогда, когда состаришься» и др. Употребление любой из этих пословиц значимо в поликультурной аудитории при общении на русском языке.

Все данные выше пословицы уместны при удачном их употреблении с целью формировать и развивать профессионально ориентированную речь. При этом ценно их применение при обращении к различным нарративам и притчам, которые также призваны выработать специальную коммуникацию. Так, поучительны притчи о льве и крестьянине, о сердце матери, о том, какой урок дал отец нерадивому сыну, и

¹ Любезнова Н.В. Риторический аспект в академической речи // Научный диалог в языковом пространстве : сборник статей II Всероссийской (Национальной) научно-практической конференции. Саратов : ФГБОУ ВО Саратовский ГАУ, ООО «ЦеСАин», 2020. С. 74.

² Ваджиров М.Д. Язык риторического портфолио дагестанского студента // Языковые образы: лингвокреативные символы этнокультурной духовности : сборник научных трудов по итогам 5-й Международной научной конференции (г. Белгород, 17–19 сентября 2021 года) / В.К. Харченко, К.К. Ли, В.С. Морщинский, А.С. Титова, А.В. Медведева, П.А. Чересюк. Белгород : ООО «Эпицентр», 2021. С. 290.

др. К таким примерам рекомендуем прибегать при работе над профессиональной речью будущих социальных работников, психологов, философов, культработников, теологов, юристов и др., что дает нам возможность применять на занятиях элементы неписаного риторического кодекса, в котором учитываются местный колорит и менталитет этнического многообразия.

Владение культурой русской устной и письменной речи в условиях дагестанского полиязычия – это залог профессионального успеха. Поэтому работа над русским ударением и орфоэпическими правилами, тренировочные упражнения по лексике и грамматике русского языка, задания по функциональным стилям и пр. должны быть основаны на знании риторических требований и их реализации как при обращении к прецедентным текстам, так и при составлении вторичных текстов. Продуктивен в многонациональной студенческой аудитории тот или иной вид учебной деятельности при условии, что к занятию удачно подобран дагестанский аутентичный материал на русском языке. К такому тексту мы прежде всего относим переведенные на русский язык и написанные на русском языке произведения Р. Гамзатова, Ф. Алиевой, М. Магомедова, А. Абубакара, К. Меджидова, М. Ибрагимовой, М. Митарова, М. Давыдова и др. Риторизация учебного курса или образовательного процесса через применение местных элементов приводит к активному усвоению материала и выработке необходимых профессиональных компетенций.

Риторический аспект необходим при обучении творческому описанию того или иного явления. Мы предлагаем тематику различных эссе филологического, психологического, социального, философского, политического, юридического, исторического, религиозного и других направлений. При этом можно использовать все типы речи: рассуждение, описание, повествование. Акцент, естественно, делается на рассуждении. Профессиональную речь гуманитариев развивают такие универсальные темы эссе, как *«Что не имеем – не храним, потерявши – плачем»*, *«Хлеб – всему голова»*, *«Цыплят по осени считают»*, *«Случай из жизни»*, *«Вспомнил!»*, *«Риторика – царица наук»* и др., что дает возможность порассуждать по поводу того или иного вопроса. При рефлексии же для нас хрестоматийным стал текст под названием *«Я поздно понял»*¹. Ведь важны устный анализ выступления и самоанализ оратора, нахождение положительного и отрицательного в докладе или сообщении.

Риторические знания помогают при рефлексии после проведенного занятия, что приводит к повторению и закреплению изученного материала, устранению ошибок и недочетов. По нашему мнению, риторика – одно из средств формирования профессиональной компетентности в условиях межкультурной коммуникации. Рассматриваемый аспект важен и при цифровизации учебного процесса, и при работе в Интернете с целью формирования и развития специальной речи, востребованной в каждой конкретной ситуации.

Знание риторических канонов, согласно которым следует строить коммуникацию, делает речь будущего специалиста более убедительной, действенной и результативной. Думается, что необходимо подготовить некую риторическую модель обучения профессионально ориентированной речи в поликультурной аудитории. Опыт преподавания ряда речеведческих дисциплин привел нас к мысли о том, что немаловажное значение имеет технология обучения профессионально ориентированной речи, в которой должны быть использованы методы и приемы ораторского искусства. Н.А. Ипполитова пишет о том, что *«...риторика помогает понять, какие средства и приемы способствуют созданию эффективной речи и позволяют сделать эффективным общение в целом»*². Это, на наш взгляд, актуально и при обучении профессионально ориентированной речи в условиях дагестанского полиязычия. При этом важной является мысль, изложенная В.И. Аннушкиным: *«Современная риторика касается самых актуальных вопросов общественно-политической, экономическо-деловой, социокультурной, нравственно-этической и семейно-личной жизни человека. Почему такой широкий спектр и нет ли здесь преувеличения? Его нет, поскольку общественно-языковая практика касается всех перечисленных областей деятельности современного человека и только недооценённость образованным сообществом значимости филологии как основной науки, вмещающей мысль и слово, организующей и выстраивающей любой тип интеллектуальной*

¹ Алликметс К.П., Метса А.А. Поговорим... Поспорим... Л. : Просвещение, 1991. С. 138–141.

² Ипполитова Н.А. Риторический аспект описания педагогического дискурса // Педагогический дискурс: новые стратегии подготовки учителей иностранных языков : материалы международной конференции / под общ. ред. Е.Г. Таревой, Л.Г. Викуловой. М. : ООО «Языки народов мира», 2016. С. 65.

коммуникации, не позволяет сделать нашу жизнь благоденствующей и процветающей»¹. Данная мысль касается роли и места многогранной риторики в разработке технологии обучения профессионально ориентированной речи. В качестве такой технологии мы предлагаем рассматривать риторическое портфолио, образец которого нами предложен в виде научной публикации². Естественно, разработанная нами технология в качестве учебно-методического материала в виде дневника далека от совершенства.

Таким образом, мы пришли к следующему результативному выводу: использование риторического аспекта не только в официальной профессиональной речи, но и в русскоязычном и этническом дискурсах оправдано в связи с тем, что навыки публичного выступления способствуют правильной и эффективной реализации спонтанно порождаемой мысли. Ведь любой элемент живой речи нацелен на убеждение собеседника, что важно и при выполнении будущим специалистом своих непосредственных функций по приобретенной в вузе профессии. Говоря о риторической составляющей в преподавании русского языка и культуры речи, И.Ю. Чистякова обращает наше внимание на следующее: «Риторизация образовательно-воспитательного процесса наполнит этот курс новым содержанием, сделает диалогическое общение преподавателя и студентов полноценным и эффективным, совершенствует речемыслительную деятельность при освоении совершенных норм русского литературного языка, создаст условия для творчества»³. Дагестанские элементы как раз создают новые условия для риторического творчества и подчеркивают специфические особенности проявления красноречия в профессионально ориентированной речи в условиях многоязычия.

© М.Д. Ваджибов, 2022

УДК 811.512.141

ПРОЗВИЩА В БАШКИРСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ ЙӘНЛЕ ҺӘЙЛӘУ ТЕЛЕНДӘГЕ ҚУШАМАТТАР ҺӘМ КЫЛЫКҠЫРЛАМА ҺҮЗЗӘР

М.Р. Валиева
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

М.Р. Валиева
(РФА ӨФТУ ТТӘИ, Өфө)

В данной статье собраны и проанализированы сложносоставные прозвища как особый разряд онимов башкирского разговорного языка, образованные путем сложения названия бытового сосуда + соматизма или иной лексики. Многие из них по своей функции в какой-то мере напоминают эвфемизмы, т. к. выступают в качестве описательного выражения, основанного на ассоциативном мышлении, и обычно используются среди знакомых или определенного коллектива людей для замены язвительных фраз. В составе подобных двухкомпонентных слов кухонная утварь теряет свое прямое значение и выступает в номинативной функции определенного отрицательного качества человека, представляя словесный портрет того или иного субъекта. Прозвище может быть родовым, т. е. принадлежащим ко всему кровному роду, или приобретенным из-за качества характера. Кроме отражения характера субъекта, прозвища с компонентом названия кухонной утвари акцентируют внимание на нестандартной фигуре или облике человека. Следует отметить, что данные онимы не полностью отражены в словарях, чаще бытуют в живой разговорной речи народа.

Башкорт йәнле һәйләу теленең бер өлөшөн кушаматтар һәм кылыкһырлама һүззәр тәшкил итә. Сөнки күптән һәм төптән нигезләнеп ултырған башкорт ауылдарында һәр кешенең йә нәселдең, заттың үз кушаматы бар. Исеме менән мәрәжәғәт итеүзән тыш, берәй кеше йә нәсел, зат хақында үз кешеләр араһында һүз сыққанда, ғәзәттә уны тасуирлаусы берәй кылыкһырлама һүз йә кушаматы ғына телгә алына. Мәсәлән, 1996 йылда басылып сыққан «Башкортса-русса һүзлек» кушымтаһында

¹ Аннушкин В.И. Риторическая наука и коммуникативная практика современного информационного общества // Риторические традиции и коммуникативные процессы в эпоху цифровизации : сборник трудов XXIII Международной научной конференции (6–8 февраля 2020 г.). М. : ФГБОУ ВО МГЛУ, 2020. С. 33.

² Ваджибов М.Д. Риторическое портфолио для дагестанского студента, будущего преподавателя права // Филология: научные исследования. 2021. № 9. С. 32–43.

³ Чистякова И.Ю. Риторизация учебного курса «Русский язык и культура речи» при обучении студентов факультета иностранных языков // Гуманитарные исследования. 2018. № 2 (66). С. 53.

төнъяк-көнбайыш башкорттарының киләһе ырыу, аймак араларының атамалары бирелгән: *Торна, Турғай, Сыскан, Төлкө* һ.б. Айырыуса танып ырыу араларының кош исемдәренә бай булыуы иғтибарға лайыҡ: *карға, тартай, төйлөгән, әптел, әтәс* һ.б.¹ Бындай тел күренешенә ғилми нигеҙҙәре сит илдәргә ярайһы үк өйрәнелгән. Әммә башкорт телендә уның асылы, телдең бер ономастик тармағы буларак та, лексик байлығы буларак та, ғилми күзлектән һүз һәм төшөнсә буларак йыйылып, тулығынса ғилми яктан анализланмаған. Шулай за ябай халыҡ теленә сағыу бер өлөшө булған кушаматтар З.М. Раемғужина, М.И. Карабаев, Г.Ә. Әширова һ.б. фәнни эштәрендә лексик-семантик йәһәттән бер аз яқтырылды².

Йәнә шуны әйтеп үтергә кәрәк: башкорт телендәге кушаматтарҙың күплеге, байлығы, ябай халыҡ аңында тоткан урыны хақында нәфис әҙәбиәттә байтаҡ әсәрҙәр ижад ителгән. Был йәһәттән Мостай Кәримдең ижады айырым урын алып тора. Мәсәлән, донъя кимәлендә киң билдәлек яулаған повестары «Ауыл адвокаттары», «Озон-оҙак бала сак», «Ярлыкау», «Ай тотолған төндә», шулай үк «Үлмәсбай» поэмаһы шундайҙар рәтендә. Уның әсәрҙәрендәге геройҙарҙың кушаматтары йә нәселдән нәселгә күсә килә, йә зат-ырыуынан тороп калған була, йә персонаждың яңылыш кылығы, кешелек кәмселегенә бәйлә тағылып китә. Әйтәйек, «Ауыл адвокаттары» повесында Танау Нәжиптең нисек шундай кушаматка тарыуы, ә Алдар Нурислам, Карак Моратша, Адбакат Корбанғәле, Силсәүит Кәшфулла, Сабатасы кылай Хәбетдин һ.б. үзәренә кылык-фиғелә, кәсебенә күрә кушамат тағылыуы халыҡ телендәге кешенә айырып атау функцияһының бер үрнәге булып тора. Был йәһәттән йәнле һөйләү телендә байтаҡ һауыт-һаба атамалары, үзенең төп семантикаһын юғалтып, бөтөнләй икенсе мәғәнә аңлаткан осрактар бар. Йыш кына башкорт телендә көнкүреш терминдары һүзбәйләнеш буларак ойшоуп бер төшөнсә аңлата һәм төрлө терминдар (*калак һөйәге, тубык сеүәтәһе, Иләк йондоҙо*), фразеологик берәмектәр формалашыуға зур роль уйнай. Миҫал өсөн йокосо кешегә карата әйтелгән *йокко сүлмәге* тигән тоторокко һүзбәйләнешен алайыҡ. Был икенсе төр изафеттың икенсе компоненты *сүлмәк*, төп мәғәнәнән юғалтып, йокосо, оҙак йоклаусыны аңлата. Әйтелгәндәргә бәйлә без был мәкәләлә халыҡ араһында киң таралған һауыт-һаба атамаларынан яһалған кушаматтарға, кылыкһырламаларға, уларҙың яһалышына һәм лексик-семантик үзгәргәнә тукталып китмәксебез.

Кешенә кылык-фиғелән йә тышкы киәфәтен кылыкһырлаған байтаҡ кушаматтар, көнкүрештәге һауыт-һабаға окшатылып, уларҙы аңлаткан апеллятивтар яҙамында яһалған. Шулар араһында киң таралғандары кешенә йөз, бит айырмалығы менән бәйлә. Был осракта кеше битенә саманан тыш ясы һәм йәйенке булыуына бер ишара буларак, сынаяк асты йә йәйенке йомро һауыт-һаба атамалары әйтелә. Мәсәлән, һөйләштәргә йөрөгән 'сынаяк асты' мәғәнәнәндәге диалект һүз *йәлләк* кешегә тағылып китә, йә әсәрҙәргә йыш кулланылып, синекдоха, троп функцияһында йөрөй. *Йәлләк бит* кушаматынан тыш *туҫтаҡ бит, табак бит* кушаматтары ла киң йөзлө кешеләргә карата әйтелә. Миҫал: *Киәфәт бар ине үзәндә: ... үгез муйынлы, сиртһәң һытылырҙай, кып-кызыл туҫтаҡ битле*. Н. Мусин. Шулай үк күзгә саманан тыш зур булыуы, акайып тороуына бәйлә *табак* һәм *туҫтаҡ* атамалары менән һүзбәйләнештәр барлыкка килгән *табак күз, туҫтаҡ күз*. Бынан тыш, бәләкәй күзгә карата башкорт телендә һәм әҙәбиәттә геройҙы тасуирлағанда, тоҙ һауытын белдергән *каторсок* атамалары кулланыла. Миҫал өсөн һәзиә Дәүләтшинаның «Яктыға» трилогияһындағы кире героиня Сәрбиямалды һүрәтләгән өзөктө иғтибарға алайыҡ: *Сәрбиямалдың каторсок күзгәренән бик оҙакка хәтлә йөрәк өшөткөс һалкын корос саткылар сәсрәп торҙо*. һ. Дәүләтшина³.

Борон башкорттар буш хәбәр һөйләүсә артыҡ зур ауыҙлы кешенә ауызын иген һалыу өсөн талдан йәки кабыктан үреп эшләнгән озонса зур һауытка – *алапка* – окшатқандар. Мәсәлән, М. Кәрим әсәрҙәре йыйынтығының IV томында куян Сәлим хақында былай тиелә: *Ул Сәлимдең*

¹ Башкортса-русса һүзлек. Мәскәү : Русский язык. 1996. 864 б.

² Аширова Г.А. Лексика прозвищ в башкирском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 23 с.; Раемғужина З.М. Прозвища как способ именования индивидов в башкирском языке // Искусство и образование. 2009. № 11. С. 215–221; Ягафарова Г.Н. Диалектные слова в башкирском языке, обозначающие вспыльчивого человека // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России : материалы XIII Международной конференции. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2013. С. 163–164; Карабаев М.И. Башкорт ономастикаһы: антропонимия, микропонимия, урбанонимия. Стәрлетамаҡ, 2013. 118 б.

³ <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial> – машинный фонд башкирского языка.

кушаматы – алап ауыз. *Алап ауыздан таралды ана шул кулһыз-аякһыз хәбар*. М. Кәрим. Шулай үк окшатыуға, киңәйәгә һәм образлылыкка нигезләнгән йомактар эсенә лә *алап ауыз* һүзбәйләнеше инеп киткән: *Алап ауыз, башы юк. (Киле)*¹.

Башкорт халкында үтә зур ауызлы йә башлы булуызы, кәзимгелектән айырылып тороузы, фәзәти булмаузы йыш кына кушамат йә кылыкһырлама һүззәр менән билдәләгәндәр. Башы зурырак кешеләрзәң исемдәрен һөйләштәрзә *тубал баш* кушаматы менән алыштырһалар, был тоторокло һүзбәйләнеш әзәби әсәрзәрзә зур йә бөзрә башлы билдәһеҙ эпизодик геройзәрзә атау функцияһын үтәй. Айырыуса әзәби әсәрзәрзәгә персонажды тасуирлауза языусылар тарафынан халык араһында киң таралған типик кушаматтар кулланыла. Мәсәлән: *Кабина тәзрәһенән теге Тубал баш күренде*. Д. Исламов. Халык ижадында эфемизмдарға яқын торған типик кушаматтар һүззә йомоп, кешене уйландыруы, зирәклеген һанау максатында койолған йомактарза ла осрай: *Дала тулып аунап ята, Йомро-йомро тубал баш. Эсе йәшерен, тышы йәшел, Үзе шундай тәмле аш*. (Карбуз). Йомак. Йәнә бәләкәй балаға яратып һәм шаяртып өндәшеу ысулы буларак *калак* компонентлы *калакбаш* тигән кушма һүззә осратыуға була. Мәсәлән: *Ялан аяк, ялан баш, кайза киттең, калакбаш?* һ.б. һынашмак һәм әйтешмәктәрзә күзәтелгән һәм бәләкәй балаға карата әйтелгән *калакбаш* һүзә уның арык кәүзәле, зур ғына башлы булуы менән бәйле киңәйәләп мәрәжәғәт итеүзәң бер төрә эфемизмға кайтып кала.

Шулай үк йыш кына төптән йыуан, һимез һәм төпөш кәүзәле кешеләрзә бал, май тултырып һаклай торған *батман*, *тәпән*, ямғыр һыуы йыя торған *лакан*, *кисмәк* кеүек һауыттар менән сағыштыралар, һәм шул һүззәр таныш-тоношо, уны белгән кешеләр араһында икенсе официалъ булмаған исемәнә йәки кушаматына әүерелә.

Байтак кушаматтар холокто, фәзәттә тура мәғәнәләгә һүз менән әйтмәй, киңәйәләп, образлы итеп аңлатыуға королған. Мәсәлән, башкорт халкы ауызында һүз тормаған, кәрәк-кәрәкмәгәнде күп һөйләүсенә *иләк ауыз* тип атаған, бик ашамһак кешене – *казан ауыз*, *киле корһак*, *кап корһак*, *киле тамак*; ошак ташыуыны – *ошак сәрмәһе*, эйәрәп йөрөүсенә – *дегет силәгә*; эшкә ашмаған кешене – *бук мискәһе* йә *буш кыуык*; спиртлы эсемлектәр эсергә яратыуыны – *арақы мискәһе*, *шешә ауыз* кеүек типик кушаматтар тағып ебәргән. Күп мәғәнәле *капсык* һүзә кушылып яһалған мысқыллау кылыкһырламалары түбәндәгеләр: ләстит һөйләүсенә – *ғәйбәт капсығы*; язык эш-хәлгә тарыуыны – *гонаһ капсығы*; хыялға биреләүсән кешене – *хыял капсығы*; осок тотканды *осок силәгә* тип атайҙар.

Фәзәттә бындай атама һүззәр ике исемдән торған изафет грамматик конструкцияһы ярзамында яһала. Тәрки телдәрзә, шул исәптән башкорт телендә лә, изафеттың өс төрә лә кулланыла. Йәнле һөйләү теле өсөн изафет юлы менән барлыкка килгән һүзбәйләнештәрзәң барыһы ла хас. Әммә һауыт-һаба компонентлы кушаматтар изафеттың тәүгә ике ысулы ярзамында төзөлгән. Мәсәлән, бер ниндәй ялғауһыз ике исем теркәлеп яһалған кушаматтар уның беренсе төрөнә карай: *иләк ауыз*, *алап ауыз*, *каторсок күз*, *тусҫтак бит*, *тубал баш* һ.б. Икенсе төрөнә *йоко сүлмәгә*, *дегет силәгә*, *ғәйбәт капсығы*, *ошак сәрмәһе* кеүек икенсе компонентына өсөнсә зат әйәлек ялғауы кушылып яһалған һүзбәшләнештәр инә. Башкорт телендә, һирәкләп булһа ла, изафеттың өсөнсө төрә күзәтелә, әммә һауыт-һаба компонентлы кушаматтар составында осрамай.

Кушаматтар һәм кылыкһырлама һүззәр, бер яктан, халык фекеренең тапкырлығын, ябайлығын күрһәтһә, икенсе яктан, телмәрзә кеше тураһында тулы бер образ биреүгә, уның тулы бер портретын асыуға ярзам итеүсә йәнле һөйләү теленең сағыу үрнәгә. Улар бер һүз менән генә тегә йәки был кешенең холкон асып һала, образлы формала уның ыңғай йә кире яғын һызык өстөнә алыу өсөн телмәрзә йышыраҡ кулланыла. Тик шуны әйтеп үтергә кәрәк: һауыт-һаба менән бәйле кушаматтарзың барыһы ла кешене тик кире яктан баһалай, уның фәзәти булмаған физик һәм психик етешһезлеген, кәмселеген күрһәтеүгә йүнәлтелгән.

¹ <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial> – машинный фонд башкирского языка.

ВТОРИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

С.Г. Виноградова

(ТГУ им. Г.Р. Державина, Тамбов)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (20-18-00372).

Назревшая за многие годы развития науки о языке необходимость всесторонне объяснить такие центральные лингвистические проблемы, как соотношение языка, его коммуникативной реализации – речи – и мышления, исходя из особенностей познавательной деятельности человека, способствовала становлению когнитивной лингвистики, которая сложилась во второй половине 20-го столетия и на сегодняшний день является одним из наиболее перспективных направлений исследования языка. Согласно теоретическим установкам когнитивной лингвистики, назначение языка состоит в том, что он в первую очередь является необходимым инструментом когниции как процесса и результатов обыденного и научного познания мира в ходе концептуализации и категоризации. При этом концептуализация, осмысление поступающей информации – это выделение концептов, единиц человеческого опыта, знаний в их идеальном содержательном представлении¹. Категоризация сводится к объединению объектов, явлений, обнаруживающих сходство в том или ином отношении, в более крупные разряды или категории на основе концептов². Познание мира в ходе концептуализации и категоризации «выливается в языковое оформление разных структур знания»³, т. е. связано с реализацией взаимодействия мыслительных и языковых структур, объективацией структур знания в соответствующие языковые формы. Вместе с тем постижение языка как когнитивной способности позволяет проникнуть в формы этих структур и описать существующие между ними и языком зависимости⁴. За годы развития когнитивной лингвистики решение получили многие общие и частные вопросы концептуализации и категоризации, разработаны новые методы и приемы анализа на основе широкой эмпирической базы, появились научные школы и направления, разрабатывающие те или иные проблемы когнитивной лингвистики.

Взаимодействию мыслительных и языковых структур в когнитивном освещении непосредственное внимание уделяется в рамках Тамбовской научной школы под руководством профессора Н.Н. Болдырева, открытой в 1997 году⁵. Основные достижения школы включают развитие представлений о языке как системе средств репрезентации концептуальных сущностей; обоснование многоуровневой модели концептуальной системы языка, рассматриваемой с точки зрения отражения знаний о мире, репрезентации языкового знания и интерпретации этих знаний; разработку интерпретирующей функции языка как одной из главных языковых функций наряду с когнитивной и коммуникативной; разработку типов форматов знания: концептуально простых и концептуально сложных; уточнение типологии языковых и когнитивных структур и механизмов их взаимодействия; развитие методики концептуального анализа, внедрение новых методов когнитивного исследования языка; описание субъектного и доминантного принципов организации концептуальной системы человека и его языкового сознания; создание антропоцентрической теории языка, основанной на исследовании его интерпретирующей функции и способов ее реализации на разных языковых уровнях, в дискурсивной практике и переводе; создание единой когнитивной

¹ Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М. : Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. С. 93.

² Там же. С. 42.

³ Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка // В поисках сущности языка: Когнитивные исследования. М. : Знак, 2012. С. 64.

⁴ Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику : курс лекций. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. С. 23–24.

⁵ Когнитивная лингвистика. Взаимодействие мыслительных и языковых структур [Режим доступа: https://tsutmb.ru/nayk/nauchnyie_shkolyi_i_napravleniya/filologicheskie_nauki/kognitiv_lingv/ (дата обращения: 10.06.2022)].

теории языка как интегративной теории репрезентации и оперирования знанием в языке с учетом трех его главных аспектов: собственно репрезентативного, семиотического и интерпретационного.

В настоящее время в рамках работы над проектом, поддержанным Российским научным фондом, задачей его участников – представителей школы – является описание когнитивных основ вторичных языковых структур как онтологически обусловленного механизма организации и динамического изменения языковой картины мира. Вторичные структуры при этом рассматриваются как единицы и категории, образованные в результате формирования производного знания на основе существующего или известного.

Актуальность исследования предопределена системным изучением вариативности языковой картины мира, которую обеспечивает заложенный в ней потенциал различного конструирования мира и интерпретации знаний о нем. Под интерпретацией в данном случае понимается языковая познавательная активность человека, которая связана с порождением новых концептуальных структур на базе существующих в результате субъективного понимания индивидом объекта интерпретации¹. Научная новизна исследования заключается в качественно новом определении природы языковой картины мира как итога интерпретации мира и знаний о нем в сознании человека в результате структурирования и переструктурирования полученных знаний в условиях ограниченности ресурсов языка при творческом характере когниции и речевой деятельности.

Исследование проводится на материале разноструктурных языков, с учетом уровней языка как системы, а также специфики дискурсивных практик, культуры носителей языка, научного познания и современных тенденций развития общества. В данной статье обратимся к грамматическому аспекту проблемы на примере сложного предложения как вторичной структуры языковой картины мира.

Описание когнитивных основ вторичных языковых структур как онтологически обусловленного механизма формирования и динамического изменения языковой картины мира прежде всего связано с установлением процессов, обеспечивающих формирование этих структур. В когнитивном аспекте наличие первичных и вторичных явлений разных уровней в языковой картине мира правомерно связывать с результатами интерпретации как языковой познавательной деятельности человека. При этом первичная интерпретация как языковая интерпретация в широком смысле объясняет существование языковых единиц, которые передают разнообразие мира во всех его проявлениях в результате реализации когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций языка, а вторичная интерпретация как языковая интерпретация в узком смысле – это интерпретация имеющихся и закрепленных в языке знаний о мире². Источником вторичных структур в языковой картине мира, в том числе сложного предложения, является именно интерпретация второго типа. В основе вторичной интерпретации лежит определенная общая схема, включающая интерпретируемый (исходный) концепт и интерпретирующий (выводной) концепт³. Эта схема отражает новое осмысление полученных знаний и вариантов их языкового закрепления, формирование производного знания на базе существующего или известного, перераспределение смыслов, т. е. результаты процесса концептуальной деривации⁴.

Концептуальная деривация находит свое проявление в вариативной реализации вышеназванной схемы, что объясняет продуцирование тех или иных вторичных единиц. Зависимость от интерпретируемого концепта (структуры знания) при конструировании вторичных языковых единиц в целом позволяет говорить о трех типах концептуальной деривации: 1) появлении нового знания в результате вторичной концептуализации отдельных характеристик концепта, их профилирования, конкретизации или оценки (образование новых слов и фразеологизмов по

---

¹ Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 11.

² См.: Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке : коллективная монография. Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.П. Державина, 2017. С. 19–81.

³ Болдырев Н.Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 34–44.

⁴ Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи : монография. Тамбов, М.: Изд-во ТГУ им. Г.П. Державина, 2003. 282 с.

определенным моделям, эвфемизация, вторичная номинация), 2) формировании нового знания вследствие объединения концептов в сложные структуры интегративного типа (таксономизация, объединение пропозиций), 3) образовании нового знания в связи с активацией межконцептуальных связей (образное сравнение, метонимия, метафора, идиоматизация, прецедентность)¹.

Сложное предложение как вторичная языковая структура формируется в соответствии со вторым типом концептуальной деривации. При этом за данной языковой единицей стоит сложная концептуальная (мыслительная) структура. Она объединяет пропозиции, которые связаны иерархизацией смыслов, предусматривающей то, что ведущей целью данного объединения является выдвижение одной из пропозиций в качестве основы формирования главного смысла и других – как необходимого контекста его осмысления. Представляется, что в роли интерпретируемых в данном случае выступают разные знания: о событии (положении дел) и его участниках, о когнитивных принципах, в первую очередь пропозициональном принципе структурирования знаний, когнитивных механизмах и языковых категориях, лежащих в основе организации простого предложения – контекста, ингерентного для реализации предикативности и предикативной связи. По сути – это знания формата простого предложения. Под форматом знания здесь понимается структурированная форма языкового сознания.

Эволюция формата сложного предложения по отношению к формату простого предложения прежде всего состоит в следующем. Формат простого предложения имеет концептуально-событийную природу, фиксирует данные о предикативности и предикативной связи, указывающей на одно событие или положение дел, данные о конструировании простого предложения по пропозициональной когнитивной модели, которая предполагает набор аргументов, базовый предикат и их отношения в соответствии с привлекающей внимание интеракцией объектов действительности. Формат сложного предложения имеет концептуально-гиперсобытийную природу, поскольку фиксирует данные о предикативности и предикативных связях, которые указывают, по меньшей мере, на два события в их взаимодействии (гиперсобытие), данные о конструировании сложного предложения с учетом пропозиционального комплекса, который интегрирует базовые предикаты, наборы их аргументов, предусмотренные ими отношения и связку(и), объединяющую(ие) пропозиции, – концепт(ы) сочинения или подчинения.

Подобная природа и устройство формата сложного предложения наряду с предусматриваемым им принципом иерархизации смыслов (см. выше) предопределяет специфику и содержание категорий, учитываемых говорящим при конструировании сложного предложения как языковой единицы. Эти специфика и содержание, в частности, обусловлены ограничениями, касающимися порядка слов, взаимным сдерживанием морфологических форм, анафорическими и катафорическими отношениями в сложном предложении, прагматической составляющей сложного сообщения, структурной и семантической обусловленностью частей рассматриваемой языковой единицы союзами и их аналогами.

Вместе с тем формат сложного предложения может получать преимущественное позиционирование по сравнению с форматом простого предложения, конкурировать с ним, т. е. рассматриваться как когнитивная доминанта языкового сознания, обеспечивающая выбор сложного предложения (языковой единицы) в ходе коммуникации. Когнитивные доминанты в целом – ориентиры работы языкового сознания; они могут быть базовыми концептами, ценностными сущностями, схемами и моделями восприятия и оценки мира; будучи в фокусе внимания, они способствуют активации содержимого части языкового сознания, выступая в качестве шаблонов ментального конструирования действительности с помощью языка и оформления языковой картины мира².

---

¹ Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция вторичных структур в языковой картине мира // Когнитивные исследования языка. Вторичные структуры в языковой картине мира : коллективная монография. 2022. № 1 (48). С. 25.

² См.: Когнитивные доминанты языкового сознания : коллективная монография. Тамбов : Принт-Сервис, 2020. 410 с.

Для активации формата сложного предложения как части языкового сознания необходима реализация мотивирующих когнитивных доминант¹. К ним можно отнести определенный характер конструирования мысли о гиперсобытии, который прежде всего указывает на специфику пропозиций как части пропозиционального комплекса, на ментальном уровне фиксирующего события в составе гиперсобытия. Конкретизируя сказанное, отметим, что речь идет о структуре концепта сложного предложения в виде пропозиционального комплекса (см. выше), который ингерентно не включает пропозиции-гештальты и квазипропозиции, и схеме симметрии / асимметрии связываемых событий. При реализации механизмов и процессов профилирования схема симметрии – асимметрии связываемых событий как когнитивная доминанта позволяет совершить выбор в пользу типа сложного предложения – сложносочиненного (симметрия) и сложноподчиненного (асимметрия). Можно констатировать, что указанные доминанты имеют внутренний характер, отражают внутренние черты формата сложного предложения.

Одновременно определенная направленность мышления, в частности, способность индивида к контрфактуальному мышлению, т. е. мышлению о прошлом, которое не произошло, которое связывает событие-условие и событие-следствие и строится с учетом альтернативного, не соответствующего известным фактам отражения обстоятельств произошедшего и его результатов², представляется внешней доминантой активации формата сложного предложения. Ее задействование сопровождается конструированием сложноподчиненных предложений со значением нереальной обусловленности, план прошлого в которых выявляется с помощью контекста или включения в состав главной или придаточной части слов с временным значением в русском языке, условных предложений третьего типа (third conditional) в английском языке.

Употребление сложных предложений могут мотивировать такие внешние доминанты, как определенный дискурсивный стиль³ и дискурсивный жанр⁴, также рассматриваемые как форматы знания. Так, формат сложного предложения может быть активирован дискурсами профессии, науки и культуры, повседневным дискурсом и т. д., а также их жанрами. В системном аспекте в целях поэтапного эффективного построения событийного континуума активацию формата сложного предложения прежде всего мотивируют дискурсивные жанры диссертации, монографии, научной статьи, очерка, патентного описания, аналитической статьи и др.

Реализация того или иного дискурсивного стиля и жанра для активации формата сложного предложения может быть связана с разными факторами. Фактор психотипа личности сказывается на речи логиков-интуитов, которым, согласно исследованиям, свойственно частое использование сложноподчиненных предложений в контексте разных видов дискурсивных практик. Фактор английской лингвокультуры, например, проявляется в характерном для нее стихотворном жанре лимерика: в своем большинстве лимерики выстраиваются как одно сложное предложение часто смешанного типа (пятистишие).

Многообразие сложных предложений в языковой картине мира, принимая во внимание те или иные критерии выделения этих предложений, можно объяснить как результат сохранения исходного формата знания при изменении его структуры и конфигурации. Если, например, критерием выделения сложных предложений выступает распределение информации, то интерпретируемый блок знаний будет включать сведения о системном аспекте соотношения данного и нового в формате сложного предложения, следовании принципам иконичности и апперцепции, реализации определенных когнитивных и языковых механизмов, позволяющих передать развертывание информации от данного к новому знанию.

Изучение проблемы на материале двухчастных сложных предложений в английском языке показывает, что системный аспект представлений о распределении информации в сложном

---

¹ Виноградова С.Г. Сложное предложение в структуре языкового сознания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 7.

² Рёзе Н.Дж. Контрфактуальное мышление // Горизонты когнитивной психологии : хрестоматия. М. : Языки славянских культур; РГГУ, 2012. С. 243–253.

³ Дубровская О.Г. Дискурсивный стиль как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 1. С. 29–39.

⁴ Стросон П.Ф. Намерение и конвенция в речевых актах // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М. : Прогресс, 1986. С. 151–170.

предложении сопряжен с выстраиванием сложных предложений с необратимостью их частей (необратимость данного и нового). Нарушение принципов иконичности и апперцепции предполагает иной порядок развертывания информации, который преимущественно передают четыре группы сложных предложений: сложносочиненные предложения с бессоюзием, клефты, сложноподчиненные предложения с обратимыми частями с союзами *since, once*, с «присоединенными» и другими придаточными в правой позиции (обоснованность нового данным), сложноподчиненные предложения с S-P структурами частей, поликатегориальными глаголами в Simple Tenses и местоимениями (усиление нового), сложносочиненные предложения с малодоступными референтами, коннекторами *for, and, nor, but, or, yet, so* в структурах с распространенными членами (подавление данного), эллиптические сложные предложения (разобщенность данного и нового).

Таким образом, вторичная интерпретация и процессы концептуальной деривации с учетом форматирования знаний и доминантного устройства языкового сознания способны дать объяснение специфики вторичных структур в языковой картине мира и их взаимодействия с соответствующими мыслительными структурами, что в рамках статьи продемонстрировано на примере сложного предложения.

© С.Г. Виноградова, 2022

УДК 811.512.145

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОТОЗООНИМОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ

О.Н. Галимова

(ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, Казань)

Зоологическая терминология является весьма обширной, образуется из нескольких подсистем, в числе которых и названия простейших – протозоонимы.

Как известно, протозоология относится к одной из активно развивающихся отраслей науки, так как простейшие представляют собой особый уровень развития животного мира, и их изучение имеет общебиологическое значение. Учёные отмечают, что «к настоящему времени известно и описано около 70 тыс. их видов¹». Вместе с тем большой интерес представляет исследование названий такого значительного пласта простейших. В татарском языке рассматриваемая группа терминов не изучена. Всё вышесказанное определяет актуальность данной работы.

Современным термином класса, называющим данную группу в целом, является *иң гади төзелешлеләр* 'простейшие', который зафиксирован в терминологических словарях и функционирует в учебной, научно-популярной литературе. В 20–30-х годах XX века в этом значении употреблялись также термины *иң садә жанварлар*² 'простейшие животные', *бер күзәнәкле садә организмнар*³ 'одноклеточные простейшие организмы', *садә хайваннар* 'простейшие', а в начале XX века – *үсемлеккә охшаулы хайваннар*⁴ 'растениевидные животные'. В учебной литературе функционировали также термины *әгъзасызлар* 'букв. животные без органов' и *иң гади жанварлар* 'букв. простейшие животные'. К этому типу относили мельчайших животных, невидимых глазу (*күзгә күренмәс вак жанварлар*⁵). Вместе с тем зоологами отмечается, что термин *простейшие* «постепенно выходит из употребления, потому что соответствующее ему латинское название *Protozoa* традиционно обозначает тип царства животных. А провести чёткую границу между

¹ Общие сведения о ветеринарной протозоологии. С. 122 [Режим доступа: <https://studfile.net/preview/9417999/> (дата обращения: 11.08.2022)].

² Кәрим С., Әхмәдеев Г. Зоология (Хайванат). 1–2 бүлекләр. Казан : Татиздат, 1925. 260 б.

³ Асманов Н. Табигать дәрәсләре (зоология). Колхоз яшьләре мәктәбенең 3-нче уку елы өчен д-лек. Казан : Татиздат, 1932. 10 б.

⁴ Износков Н.А. Тарих табигый. 1 кис. Хайванат / тәрж.: С. Рахманколи. Казан : Сабах, 1908. 151 б.

⁵ Мөхәммәл хайванат атласы. Шәһәре, нәшрияты, елы билгесез. 56 б.

протистами-животными и протистами-водорослями практически невозможно¹». Учитывая это, авторы «Татарской энциклопедии» употребляют термин *протистлар* ‘протисты’ и пишут, что на территории Татарстана встречаются представители около 20 типов протистов: *евгленозалар* ‘евгленозы’ (*евглена*), *тамыраяклар* ‘корненожки’ (*амёбалар* ‘амёбы’), *фораминифералар* ‘фораминиферы’, *опалиналар* ‘опалины’, *кинетопластидлар* ‘кинетопластиды’ (*трипаносомалар* ‘трипаносомы’), *инфузориялар* ‘инфузории’, *кояшсыманнар* ‘солнечники’, *динофитлар*² ‘динофиты’ и др.

Первая фиксация названий видов одноклеточных, по нашим наблюдениям, относится к началу XX века. В словаре К. Насыри представлена лексема *су бете*³ ‘инфузория’, образованная сложением основ. Однако уже в 1908 году в учебной литературе фиксируется заимствование *инфузория*⁴, которое в дальнейшем закрепляется в терминосистеме.

Ныне знакомое носителям татарского языка название одного из видов инфузорий *инфузория-башмакчык* ‘инфузория-туфелька’, по нашим наблюдениям, фиксируется с середины 50-х годов XX века. Термин калькируется переводчиками учебника зоологии⁵. Наблюдается также синонимичное употребление терминов *инфузория-башмакчык* ‘инфузория-туфелька’ и *башмакчык* ‘туфелька’, в котором отсутствует гипероним *инфузория*, что, на наш взгляд, свидетельствует не столько о калькированности термина, сколько о его адаптации, так как для части зоонимов татарского языка характерно опущение родового компонента (ср.: *тутый кош* – *тутый* ‘попугай’). В более ранних источниках представлены термины *башмак*⁶ ‘туфелька’ и *башмак инфузория*⁷ ‘инфузория-туфелька’. Последний из них, на наш взгляд, скалькирован, учитывая нормы словообразования татарского языка, и должен был быть элементом терминосистемы. В 30-е годы *башмак* ‘туфелька’ относили к типу *керфекле хайваннар*⁸ ‘ресничные’. Зоологами фиксируются и некоторые латинские названия инфузорий: *Paramecium putrinum*, *ацинета*, *вортицелла небулифера*⁹. А. Халидовым употребляется термин *бөтерелгеч* ‘сувойка’¹⁰, который, по нашим данным, не представлен в других источниках. Термин образован с помощью суффикса *-геч* от глагольной основы. Название дано по характерной особенности простейшего: спиральное закручивание стебелька при его сокращении.

В терминологическом словаре имеются также терминологические словосочетания *керфекле инфузориялар* ‘ресничные инфузории’, *төрле керфекле инфузориялар* ‘инфузории разноресничные’, *божра керфекле инфузориялар* ‘инфузории круглоресничные’, *утырма инфузориялар* ‘инфузории сидячие’, *имуче инфузориялар* ‘инфузории сосущие’¹¹.

К числу заимствований относятся и *амёба*¹², *трипаносома*, *грегарина*¹³, *талассикола*, *радиолярия*, *глобигерина*¹⁴, *эвглена*¹⁵, *опалина*¹⁶, *арцелла*, *фораминифера*¹⁷, *трихомонада*,

¹ Мирюков К. Протисты // Биология, 2002. № 6 [Режим доступа: https://bio.1sept.ru/view_article.php?ID=200200604 (дата обращения: 11.08.2022)].

² Протистлар. Онлайн-энциклопедия Tatarica [Режим доступа: <https://tatarica.org/tat/razdely/priroda/zhivotnyj-mir/protistlar> (дата обращения: 10.08.2022)].

³ Насыри К. Полный русско-татарский словарь, с дополнением из иностранных слов, употребляемых в русском языке как научные термины. Казань : И.Н. Шамсутдинов, 1904.

⁴ Износков Н.А. Тарих табигый. 1 кис. Хайванат / Тәрж.: С. Рахманколи. Казан : Сабах, 1908. 151 б.

⁵ Шалаев В.Ф., Рыков Н.А. Зоология. Урта мәктәп. 7 класслар өчен д-лек. Казан : Татгосиздат, 1954.

⁶ Кәрим С., Әхмәдеев Г. Зоология (Хайванат). 1–2 бүлекләр. Казан : Татиздат, 1925.

⁷ Юсупов Ф. Зоологиядән гамәли эшләр өчен кулланма. Казан : Татиздат, 1931.

⁸ Асманов Н. Табигать дәрәсләре (зоология). Колхоз яшьләре мәктәбенең 3-нче уку елы өчен д-лек. Казан : Татиздат, 1932.

⁹ Халидов Ә. Хайваннар дөнъясы серләре. Казан : Татар. кит. нәшр., 1988.

¹⁰ Шунда ук.

¹¹ Русча-татарча биология терминнары сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 1972. 81 б.

¹² Кәрим С., Әхмәдеев Г. Зоология (Хайванат). 1–2 бүлекләр. Казан : Татиздат, 1925. 262 б.

¹³ Сәгъди Ж., Корбангалиев Х. Зоология дәрәсләре. Югары мәктәпләр өчен. Казан : Татиздат, 1932. 9, 17 бб.

¹⁴ Шаксель Ю. Тереклек һәм аның жир йөзенең таралышы / Тәрж.: Р. Бикбулат. Казан : Татгосиздат, Фән һәм техника әдәбияты секторы, 1941. 56 б.

¹⁵ Цузмер М.Я. Зоология. 6–7 класслар өчен д-лек / Тәрж.: Н. Асманов. Казан : Татиздат, 1933. 22 б.

¹⁶ Юсупов Ф. Зоологиядән гамәли эшләр өчен кулланма. Казан : Татиздат, 1931. 59 б.

¹⁷ Русча-татарча биология терминнары сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 1972. 79, 113 бб.

лямблия, лейшмания, вольвокс, фортицелла, кархезиум¹, некоторые из которых прочно вошли в язык. Онлайн-энциклопедия Tatarica ряд заимствований пополняет новыми терминами, в числе которых *ихтиофтирус*, *триходин*, *балантидия*, *дифлюгия*².

Позднее в группу протозоонимов входят названия видов простейших: *дизентерия амёбасы*³, *гади амёба*⁴, *малярия плазмодие* и др. Стоит отметить, что как в учебной, так и в научно-популярной литературе употребляются латинские обозначения: *Amoeba proteus*, *Entamoeba histolitika*⁵, *арцелла вульгарис*⁶. К данному способу фиксации новых знаний нередко обращаются и авторы Онлайн-энциклопедии Tatarica. В их материалах содержатся термины *Tetrachymena pyriformis*, *Paramecium*, *Colpidium*, *Vorticella*, *Aspidisca*, *Halteria*⁷. Такая подача свидетельствует о неразработанности терминов и становится начальным этапом вхождения заимствований. Например, *Amoeba proteus* → *амёба протей*, *Triponozoma* → *трипоносома*.

От заимствованных основ и с помощью калькирования образуются термины классификации: в начале века – *инфузориялар* ‘инфузории’⁸, в 20–30-е годы – *амёбалар* ‘амёбы’, *тамыраяклар* ‘корненожки’⁹, *амёбалар* ‘амёбовые’, *тамыраяклылар* ‘корненожки’, *кабырчыклы тәче су тамыраяклары* ‘пресноводные раковинные корненожки’, *кабырчыклы диңгез тамыраяклары* ‘морские раковинные корненожки’¹⁰, *мыекчыклылар* ‘жгутиковые’¹¹, *монеры* ‘монеры’¹², в 70-е – *опалинасыманнар* ‘опалиновые’, *азкерфеклеләр* ‘малоресничные’, *камчылылар* ‘жгутиковые’, *кояшсыманнар*¹³ ‘солнечники’, в 90-е – *опалиналар*¹⁴ ‘опалины’ и др. Несоответствия в суффиксах отдельных классификационных терминов говорят о недостаточной разработке суффиксов, с помощью которых образуются названия тех или иных групп простейших (ср.: *тамыраяклар* ‘корненожки’ – *тамыраяклылар* ‘корненожки’).

В целом протозоонимы – молодая подсистема зоологической терминологии, которая развивается за счёт заимствований и калек. Собственно татарские образования единичны. Такая особенность данной группы терминов объясняется экстралингвистическими факторами. Как известно, большинство простейших – микроорганизмы, этим можно объяснить отсутствие названий в диалектах. Появлению многочисленных заимствований способствует также фактор языка науки, научных открытий, на котором вводятся новые понятия и термины.

© О.Н. Галимова, 2022

¹ Латюшин В.В. Биология. Хайваннар: татар урта гомуни белем биру мәкт. 7-нче с-фы өчен д-лек; Русчадан Г.С. Хафизова тәрж. Казан : Мәгариф, 2009. 14–19 бб.

² Амёбалар. Онлайн-энциклопедия Tatarica [Режим доступа: <https://tatarica.org/tat/razdely/priroda/zhivotnyj-mir/amyobalar> (дата обращения: 10.08.2022)]; Инфузориялар. Онлайн-энциклопедия Tatarica [Режим доступа: <https://tatarica.org/tat/razdely/priroda/zhivotnyj-mir/infuzoriyalr> (дата обращения: 10.08.2022)].

³ Юсупов Ф. Зоология дәрәсләге. Умырткалы хайваннар : 2-нче баскыч мәктәпләр, педтехникумнар һәм рабфаклар өчен д-лек. Казан : Татиздат, 1930. 9 б.

⁴ Биологический русско-татарский толковый словарь / Под ред. Ф.Г. Ситдикова, Р.К. Закиева. Казань, Магариф, 1998. 31 б.

⁵ Сәгъди Ж., Корбангалиев Х. Зоология дәрәсләре. Югары мәктәпләр өчен. Казан : Татиздат, 1932. 5 б.

⁶ Халидов Ә. Хайваннар дөнъясы серләре. Казан : Татар. кит. нәшр., 1988. 9 б.

⁷ Инфузориялар. Онлайн-энциклопедия Tatarica [Режим доступа: <https://tatarica.org/tat/razdely/priroda/zhivotnyj-mir/infuzoriyalr> (дата обращения: 10.08.2022)].

⁸ Износков Н.А. Тарих табигый. 1 кис. Хайванат / Тәрж.: С. Рахманколи. Казан : Сабах, 1908. 154 б.

⁹ Юсупов Ф. Күрсәтелгән хезмәт. 6, 9 бб.

¹⁰ Цузмер М.Я. Зоология. 6–7 класслар өчен д-лек / Тәрж.: Н. Асманов. Казан : Татиздат, 1933. 20 б.

¹¹ Кәрим С., Әхмәдеев Г. Зоология (Хайванат). 1–2 бүлекләр. Казан : Татиздат, 1925. 266 б.

¹² Табигать һәм биология терминнары сүзләге / Ред. М. Корбан. Казан, 1935. 7, 45, 61 бб.

¹³ Русча-татарча биология терминнары сүзләге. Казан : Татар. кит. нәшр., 1972. 120, 131 бб.

¹⁴ Биологический русско-татарский толковый словарь / под ред. Ф.Г. Ситдикова, Р.К. Закиева. Казань, Магариф, 1998. 406 б.

НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ

К.Т. Джаманкулова

*(Кыргызский национальный университет имени Ж. Баласагына,
Бишкек, Кыргызстан)*

На формирование языкознания во второй половине XX – начале XXI века большое влияние оказали жизнь человечества и развитие науки этого периода. XX век был веком научно-технического прогресса, который достиг поистине невиданных темпов, а также это время величайших социальных потрясений всемирного масштаба¹. Это время выдвинуло новые качества человека, в результате чего человек стал центром рассмотрения многих наук.

В развитии философии наметилась тенденция к переходу к антропологическим проблемам, в центре исследований находился человек.

Основными направлениями антропологии в XX веке считаются:

1. Философская антропология (философия человека) – это направление представляет собой совокупность различных наук (психологии, биологии, этологии, социологии и др.), создающая целостное учение о человеке путем использования и интерпретации полученных данных разных наук;

2. Неофрейдизм — это индивидуальная психология (психология личности), отделившаяся от фрейдизма в 1920–1930-х годах, основанная Альфредом Адлером (1870–1937) и цюрихской школой аналитической психологии (представленной Карлом Густавом Юнгом (1875–1961);

3. Экзистенциализм (философия существования человека) – направление, делающее акцент на уникальности бытия человека и провозглашающее его иррациональным. Жан-Поль Сартр разделял экзистенциализм на религиозный (Карл Ясперс, Габриэль Марсель) и атеистический (Альбер Камю, Жан-Поль Сартр, Симона де Бовуар, Мартин Хайдеггер).

К гносеологическим направлениям XX века относятся неопозитивизм и постпозитивизм. На смену позитивизму О. Конта пришел неопозитивизм — совокупность позиций и теорий, главной проблемой которых был анализ языка науки. Философия неопозитивизма основана на идеях Людвиг Витгенштейна (1889–1951), изложенных в его «Логико-философском трактате» (1921). Он предложил теорию, решающую философские проблемы через призму отношений языка и мира, и в своем описании как мира, так и языка идет от целого к составляющим его частям. М.С. Козлова² отмечает, что в трудах Людвиг Витгенштейна раскрыта и подробно проиллюстрирована органическая связь философствования с концептуальными схемами языка. В середине XX века на смену неопозитивизму пришли новые подходы и школы, стремившиеся исследовать механизмы развития науки. О.В. Лукин пишет, что его главное отличие от неопозитивизма состояло в переключении внимания философии науки с анализа структуры готового научного знания на проблемы рациональной реконструкции процессов открытия, динамики, конкуренции и смены научных теорий³. Основными представителями этого направления являются Карл Поппер, Томас Кун, Имре Лакатос, Пол Фейерабенд, Майкл Полани, Стивен Тулмин.

Безусловно, антропологическое и гносеологическое направления XX века способствовали возникновению новых направлений языкознания. Лингвистические исследования стали изучаться в тесной связи с человеком и его речевой деятельностью.

Большинство современных ученых рассматривают современное состояние языкознания с позиций парадигмы научного знания и концепций научной революции. Эти две концепции принадлежат американскому историку и философу Томасу Сэмюэлю Куну (1922–1996). Его концепция проста: научное знание не развивается эволюционным путем, истина не накапливается постепенно, она развивается скачкообразно, с помощью научных революций⁴. Несмотря на то, какого бы типа теория ни была, её смысл выводится не только самостоятельно, но и в рамках соответствующей парадигмы, из системы исторически сложившихся взглядов. Т.Н. Хомутова подчеркивает, что под парадигмой научного знания в лингвистике

¹ Лукин О.В. Новые направления современного языкознания (2-я половина XX – XXI век). Ярославль, 2015. С. 5.

² Козлова М.С. Философские взгляды Л. Витгенштейна. Введение. М.: РАН, Институт философии, 1996. С. 3.

³ Лукин О.В. Указ. соч. С. 7.

⁴ Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1962, 1969, 1970 / перевод с английского И.З. Налетова. 300 с.

понимают определенный подход, теорию, модель или метод исследования, получившие широкое признание в лингвистическом сообществе¹. Т. Кун определяет парадигму следующим образом: «Под парадигмами я подразумеваю признанные всеми научные достижения, которые в течение определённого времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений»². По определению Д.И. Руденко, «парадигма, определяемая в расширительном смысле, трактуется <...> как доминирующий исследовательский подход к языку, познавательная перспектива, методологическая ориентация, широкое научное течение (модель), даже как научный «климат мнения»³. За последнее столетие выделяют три парадигмы в истории языкознания: младограмматическую (К. Бругман, Г. Остхоф, предисловие к «Морфологическим исследованиям в области индоевропейских языков», 1878), структуралистическую, устранившую противоречия в младограмматике и легшую в основу структурализма (Ф. де Соссюр, «Курс общей лингвистики», 1916), а также генеративистскую, пришедшую на смену структурализму (Н. Хомский, «Синтаксическая структура», 1957, «Аспекты теории синтаксиса», 1965. И.В. Бондаренко отмечает: «Переход от структуралистской парадигмы к новой, генеративистской стал именоваться в лингвистике хомскианской революцией»⁴. «Хомскианская революция, — отмечает Дж. Катц, — была сопряжена с возникновением трех новых областей знания: семантики, синтаксиса, формальных свойств грамматики и когнитивно ориентированной психологии»⁵. Как считает Ю.С. Степанова, «язык как бы незаметно направляет теоретическую мысль <...> поочередно по одной из своих осей – сначала семантики, затем синтактики и, наконец, прагматики»⁶.

Генеративная теория Н. Хомского считается выдающимся интеллектуальным достижением. Он поставил под сомнение методы структурализма, а также общепринятые цели лингвистического описания. Н. Хомский считал, что язык нужно изучать как врожденную способность человека. В основе генеративной лингвистики лежит представление о порождающей модели языка. Джон Серль главным достижением Н. Хомского называет нечто, выходящее за границы любой науки, считает, что он сделал огромный шаг к тому, чтобы восстановить традиционный взгляд на уникальность человека и на человеческое достоинство. Во второй половине XX века генеративизм Н. Хомского, распространившись по всему миру, повлиял на мировое языкознание и началась новая эпоха в лингвистике.

Т. Кун считал, что именно изменение существующих взглядов должно быть названо революцией, следовательно, подлинно новаторским характером обладает исключительно появление новой парадигмы и в каком-то смысле — преодоление заблуждений старой⁷. По поводу книги Т. Куна Е.С. Кубрякова пишет: «Научная революция — это прежде всего непризнание прежнего набора знаний, разрешение «аномалий», обнаружение пробелов в этом наборе, критика и неприятие исходных допущений науки, господствовавших на определенном отрезок времени, и, как мне кажется, именно в этом основной пафос книги Т. Куна»⁸. Идеи Т. Куна оказали большое влияние на развитие современной лингвистики.

Конечно, научная революция — это смена парадигм. В настоящее время некоторые лингвисты считают, что генеративистская парадигма закончилась, на смену ей в конце XX в. приходит новая парадигма научного знания — парадигма когнитивной лингвистики. Е.С. Кубрякова отмечает: «Несмотря на фактически наблюдаемые процессы интеграции, сближения позиций разных школ, каждая из них продолжает свой собственный путь развития, демонстрируя разные предметные области исследования и по существу являя

¹ Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 143.

² Кун Т. Структура научных революций. С вводной статьей и дополнениями. 1969 г. М. : Прогресс, 1977. С. 11.

³ Руденко Д.И. Имя в парадигмах в философии языка. Харьков : «Основа», 1990. С. 19.

⁴ Бондаренко И.В. Влияние генеративной лингвистики Н. Хомского на мировое языкознание // Язык: на перекрестке парадигм. Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. Выпуск 2, 2011. С. 141.

⁵ Katz 1984 — Katz J. J. An outline of Platonist grammar // Talking minds: The study of Language in Cognitive Science. Cambridge (Mass.) : The Mit Press, 1984. P. 43.

⁶ Степанов Ю.С. В трёхмерном пространстве языка // Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М. : Наука, 1985. С. 5.

⁷ Кун Т. Указ. соч. С. 11.

⁸ Кубрякова Е.С. Понятие «парадигма» в лингвистике: введение // Парадигмы научного знания в современной лингвистике. 2006. С. 6.

собой отдельную парадигму научного знания. В таком случае статус современной лингвистики следовало бы охарактеризовать как полипарадигмальный»¹.

Е.С. Кубрякова выделяет четыре принципиальные установки для всех школ и направлений современной лингвистической парадигмы².

1. Экспансионизм. А.Е. Кибрик констатирует тот факт, что лингвистика последних десятилетий «расширяет свои интересы: от фонетики к фонологии, от морфологии к синтаксису и затем к семантике, от предложения к тексту, от синтаксической структуры к коммуникативной, от языка к речи, от теоретического языкознания к прикладному... И этот процесс лингвистической экспансии нельзя считать законченным»³. Е.С. Кубрякова подчеркивает: «Экспансионизм лингвистики обнаруживается, на наш взгляд, в почти повсеместном признании того факта, что для адекватного познания языка необходимы выходы не только в разные области гуманитарного знания, но и в разные сферы естественных наук»⁴. Таким образом, экспансионизм – это когда в лингвистике активно используются сведения других наук, связанные с лингвистикой, формируются новые науки, такие как психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, лингвокультурология, эколлингвистика, юрлингвистика и т. д.

2. Важным признаком современного языкознания является антропоцентризм, который выражается в исследовании человеческого, субъективного фактора в устройстве языковой системы. В лингвистике антропоцентрический принцип связан с попыткой рассмотреть языковые явления в диаде «язык и человека»⁵. В генеративной лингвистике делается акцент на анализ языковой способности человека. Современное языкознание рассматривает человека как говорящего субъекта с разных позиций⁶, что привело к появлению междисциплинарных наук, таких как социолингвистика, психолингвистика, этнолингвистика, когнитивная лингвистика и т. д. Например, социолингвистика изучает отношения между языком и обществом: язык и этнос, язык и класс, язык и социальная группа и т. д. Впервые этот термин был использован Томасом Ходсоном (1871–1953) в 1939 г., американским лингвистом Юджином Найдой в 1949 г. и американским социологом Г. Карри в 1952 г.

Психолингвистика в широком смысле изучает психические процессы, связанные с созданием и рецепцией речи. Вильгельм фон Гумбольдт известен как предшественник психолингвистики. Идея словесного предпринимательства и понимания языка — связующего звена между обществом и человеком — принадлежит Гумбольдту. Продолжая его работу, Штейнталь считал, что язык является личностной психической структурой, а А.А. Потебня отмечал, что речевой акт — это явление исключительно психическое, но язык, слово вносит в этот акт культурное, социальное начало. И.А. Бодуэн де Куртенэ и Л.В. Щерба внесли большой вклад в зарождение и развитие психолингвистики. В 1953 году психолингвистика заняла свое место как самостоятельная наука в языкознании. 1953 году в Блумингтоне (штат Индиана, США) лингвист Чарльз Эдгертон Осгуд (1916–1991), лингвист и этнограф Томас Себеок провели межвузовский семинар. В России свой вклад в психолингвистику внесли И.Ф. Буслаев (1818–1897), А. А. Потебня (1835–1891), фольклорист, историк и писатель А.Н. Афанасьев (1826–1871).

Этнолингвистика изучает язык непосредственно в связи с историей народов и этносов, говорящих на этом языке. Лингвистическая культура изучает язык как культурный код нации. Первые представления о связи между языком и людьми, говорящими на нем, были изложены в трудах Иоганна Готфрида Гердера (1744–1803) (Гердер И.Г. «Трактат о происхождении языка» 1770) и Вильгельма фон Гумбольдта (1767–1835) (Гумбольдт В. «План сравнительной антропологии» (1795), «О духе, присущем человеческому роду» (1797), «Опыт анализа мексиканского языка» (1821), «Характер языка и характер народа» (1822)).

Фундаментальные труды Якоба (1785–1863) и Вильгельма Гримма (1786–1859) («Немецкая грамматика» (1819, 1826–1837), «Немецкая мифология» (1835), «История немецкого языка» (1848), «Немецкий словарь» (1852)) по германистике внесли большой вклад в становление этнолингвистики и

---

¹ Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. М. : Издательский центр РГГУ, 1995. С. 190, 228.

² Там же. С. 14.

³ Кибрик А.А. Система переключения референции в тувинском языке // Советская тюркология. 1987. № 2. С. 32.

⁴ Кубрякова Е.С. Функциональная грамматика. Практикум к курсу «Общее языкознание». Ч. 1. Для студентов специальности «Перевод и переводоведение» / Т.В. Попова. Екатеринбург : ГОУ ВПО УГТУ – УПИ, 2005. С. 32.

⁵ Там же. С. 13–30.

⁶ Лукин О.В. Новые направления современного языкознания (2-я половина XX – XXI век). Ярославль, 2015.

лингвокультурологии. Немецкий лингвист, писатель и философ Карл Фосслер (1872–1949) («Язык как сознание и развитие» (1905), «Дух и культура в языке» (1925), «Культура и язык Франции» (1929)) изучал коллективный «дух» языка. Этнолингвистический подход к языку через призму его духовной культуры встречается в работах Ф. Боаса (1858–1942), Э. Сепира (1884–1939) и Бенджамина Ли Уорфа (1897–1941). Э. Сепир дал определение культуры, показал общие черты языка и культуры, доказал их взаимосвязь, определил роль языкознания в изучении явлений культуры.

3. Функционализм (или неофункционализм): центральной проблемой науки становится изучение функций объекта исследования, его назначения. Главное требование функционализма – изучать язык в действии, при исполнении им его функций. Общим постулатом функциональной лингвистики является положение о том, что язык представляет собой инструмент, орудие, средство, наконец, механизм для осуществления определенных целей и реализации человеком определенных намерений – как в сфере познания действительности и ее описания, так и в актах общения, социальной интеракции, взаимодействия с помощью языка¹.

4. Экспланаторность – это стремление не только описывать факты языка, но и находить им объяснение. Т.Н. Хомутова отмечает, что методологический принцип экспланаторности обусловлен растущим уровнем развития науки, появлением новых, более точных методов исследования, которые способствуют человеку в его поиске истины, в стремлении найти объяснение зарождению и пониманию языка².

Вышеуказанные характеристики современной лингвистики тесно связаны друг с другом.

Как развиваются новые направления языкознания в Кыргызстане? В диссертационных исследованиях последнего десятилетия подвергались сопоставительному анализу структурно-семантические особенности языковых единиц русского, кыргызского, английского, немецкого, турецкого языков. Следует отметить, что кыргызские ученые работают на международном уровне, активно развивают такие современные направления, как «Когнитивная лингвистика» и «Лингвокультурология». Научные монографии являются реальным индикатором развития актуальных направлений языкознания, в частности, это следующие работы: З.К. Дербышева «Кыргызский этнос в зеркале языка» (2012); «Ключевые концепты кыргызской лингвокультуры» (2012), «Язык и этнос» (2018); «Основы лингвокогнитивного сопоставления языков» (2019); М.Ж. Тагаев «Полипарадигмальное описание морфемиики и словообразования (на материале русского и кыргызского языков)» (2004); П.К. Кадырбекова «Лингвистические и лингвокогнитивные аспекты межкультурной коммуникации» (2012); «Лингвистическая прагматика речевых актов в немецком и кыргызском языках» (2014); «Введение в теорию межкультурной коммуникации» (учебник, 2011); «Verbale Aspekte Deutsch-Kirgisischer Interkultureller Kommunikation» («Вербальные аспекты немецко-киргизской межкультурной коммуникации»), на немецком языке, Германия, 2022; К.З. Зулпукаров «Падежная грамматика: теория и прагматика» (1994); «Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание» (2016); «Инвариантность в языке местоимений и пословичных парадигм» (2016, К.З. Зулпукаров и др.) и др. Защищены докторские диссертации М. Тагаева на тему «Полипарадигмальная модель функционирования словообразовательной системы (на материале взаимодействия русского и кыргызского культурно-языковых пространств)»; П. Кадырбековой на тему «Лингвокультурные вербальные аспекты межкультурной коммуникации». В течение последних 20 лет были защищены кандидатские диссертации, направленные на изучение когнитивных свойств лексико-грамматических категорий (Темиркулова, 2010; Эргешова, 2010; Толокова, 2012; Абыканова, 2012; Бутешова, 2012; Калмурзаева, 2013; Абдулатов, 2008 и др.). В диссертационных исследованиях уделялось внимание таким понятиям когнитивной лингвистики, как лингвокультурный концепт, языковое сознание, языковая личность, языковая картина мира. Было предпринято полипарадигмальное описание этнолингвокультурных концептов в русском и кыргызском языках. Кыргызские лингвисты разрабатывают методы сравнительного когнитивного анализа универсальных концептов, способных показать национально-культурные особенности. Кыргызскими учеными рассматриваются художественный текст и художественная картина мира с точки зрения нового семантико-когнитивного аспекта, подвергаются

¹ Кибрик А.А. Система переключения референции в тувинском языке // Советская тюркология. 1987. № 2.

² Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // Вестник Челябинского университета. 2009. № 35 (173). Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 149.

анализу этнокультурные аспекты. Организуются международные научно-практические конференции по когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, а также проводятся летние исследования, происходит обмен опытом с учеными других стран. Например, 15–25 августа 2016 года прошла XXII Международная летняя школа на тему «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования», в работе которой приняли участие слушатели из России, Польши, Казахстана, Кыргызстана. Ученые З.К. Дербышева (Кыргызстан), А.А. Камалова (Польша), А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия), М.В. Пименова (Санкт-Петербург, Россия) и др. читали лекции по когнитивной лингвистике, концептологии, лингвокультурологии. С 20 мая 2016 по 2021 гг. проводились конференции на актуальные темы современной лингвистики, организованные кафедрой иностранных языков КНУ имени Жусупа Баласагына.

Безусловно, следует уделять больше внимания подготовке студентов и магистров к научной работе в рамках этих новых направлений.

© К.Т. Джаманкулова, 2022

УДК 811.512.1

**ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ОТНОШЕНИЕ ЗАЛОГОВЫХ АФФИКСОВ К СЛОВООБРАЗОВАНИЮ И ФОРМООБРАЗОВАНИЮ
ТҮРКІ ТІЛДЕРІНДЕГІ ЕТІС КАТЕГОРИЯСЫНЫҢ АНЫҚТАМАСЫНДАҒЫ ПРОБЛЕМАЛАР
ЖӘНЕ ЕТІС ҚОСЫМШАЛАРЫНЫҢ СӨЗЖАСАМ МЕН ФОРМАЖАСАМҒА ҚАТЫСЫ**

А.А. Жанабекова

*(Институт языкознания им. А. Байтұрсынова,
Алматы, Казахстан)*

*(А. Байтұрсынұлы атындағы Тіл білімі институты,
Алматы, Қазақстан)*

В казахском языке под залогом понимается система форм, выражающих отношение действия к субъекту и объекту, а также, напротив, отношение субъекта и объекта к действию. Однако в тюркологии существуют противоречивые мнения в определении категории залога. Некоторые ученые считают, что личные глаголы выражают действие прежде всего через отношение совершающего данное действие субъекта, не указывая на отношение объекта. Так, например, известный ученый-тюрколог А.М. Щербак исключает из определения залога слово объект, т. е. говорит о необходимости именовать залогом грамматическую категорию, выражающую соотношение действия и субъекта. Некоторые ученые определяют залог лишь как категорию, характеризующую отношение действия к субъекту. Наряду с этим существуют противоположные мнения и относительно связи категории залога с переходностью-непереходностью глагольных корней. Ряд исследователей считают, что залог непосредственно вытекает из переходности-непереходности глаголов, в то время как другие авторы утверждают, что залог не связан непосредственно с переходностью-непереходностью и связывают присоединение залоговых суффиксов с семантикой корня глагола. А. Байтұрсынов указывал в составе залога переходные и непереходные глаголы, которые подразделяются в зависимости от того, требуют ли они после себя обозначения прямого объекта (непереходный залог, действительный залог). Вероятно, ученый указывал переходность и непереходность в составе залога (наличие прямого объекта при переходных глаголах и отсутствие прямого объекта при непереходных глаголах), исходя из положения о том, что действие, обозначаемое глаголом, выражает отношение к объекту. Если опираться на положение о выражении отношения действия к объекту, присутствующее в определении залога, то следует признать переходность и непереходность как определенные разновидности залога. Однако переходность-непереходность свойственна не только корневым глаголам, но и залоговым формам глаголов. Например, глагол жаса – переходный, теперь присоединим к данному глаголу суффикс понудительного залога, получаем формужасаттыр/жасатқыз. Это тоже переходные глаголы. Тогда переходность-непереходность присуща и залоговым формам глаголов. Глаголы жасаттыр/жасатқыз можно отнести и к действительному залогому, и к понудительному залогому. В таком случае переходность и непереходность не могут быть включены в категорию залога. Переходность/непереходность – это характеристика, свойственная всем глаголам с непроизводной и производной основой, поэтому она является самостоятельную грамматическую категорию. Таким образом, объектное значение является признаком, относящимся к категории переходного/непереходного глагола, а субъектное значение – признаком, относящимся к категории залога. В этой связи, обобщая приведенные выше выводы ученых-тюркологов о залогом, мы считаем правильным мнение А.М. Щербака о том, что «залог – это грамматическая категория, выражающая соотношение действия и субъекта». Это связано с тем, что в залоговых формах отношение действия к объекту явно не выражено, то есть объект действия не является основным значением, определяющим виды залога (имеет косвенное значение). Отношение субъекта к действию, напротив, выражено отчетливо, в основном исполнитель действия определяется посредством субъекта.

В страдательном залоге субъект не принимает непосредственного участия в действии, действие выполняется само по себе, субъект-исполнитель остается скрытым. К примеру, үй сыпырылды, шаш қиылды, киім жуылды. Глаголы сыпырылды, қиылды, жуылды – переходные глаголы, аффиксы страдательного залога, присоединяясь к корням переходных глаголов, превращают эти глаголы в переходные. В понудительном залоге в осуществлении действия принимают участие несколько субъектов. Но 1-й субъект не принимает непосредственного участия в выполнении действия, является побудителем к выполнению действия. В частности, в таких примерах, как хатты жаздырды, үйін жинатты и т. п. есть субъект, заставляющий другого/других выполнить действие, а также субъект-исполнитель действия. Во взаимном залоге в действии принимают непосредственное участие несколько субъектов, действие совершается с участием всех субъектов. Категория залога должна определяться как категория, выражающая главным образом отношение субъекта к действию.

Қазақ тілінде етіске амалдың (іс-әрекеттің) субъекті мен объектіге қатысын, сондай-ақ, керісінше, субъекті мен объектінің амалға қатысын білдіретін формалардың жүйесі деген анықтама беріледі. Алайда түркологияда етіс категориясының анықтамасында қайшы пікірлер де бар. Ғалымдардың бір тобы етіс тұлғалы етістіктер ең алдымен амал-әрекетті оны орындайтын субъектінің қатынасы арқылы білдіреді деп, объектінің қатысын көрсетпейді. Мәселен, түркі тілдерінде белгілі ғалым А.М. Щербак С.Е. Яхонтовтың пікіріне сүйене отырып, етіске берілген анықтамадағы *объекті* сөзін алып тастайды, яғни амал-әрекет пен субъектінің арақатынасын білдіретін грамматикалық категорияны етіс деп атау керектігін көрсетеді¹. Э.В. Севортян да қимылдың тұра толықтауышты талап етуін не етпеуін етістердің грамматикалық сипаты ретінде тануға болмайтындығын айтады². Белгілі қазақ ғалымы М. Оразов та ғалымдардың етіс анықтамасы туралы осы пікірлерін келтіре отырып, «Э.В. Севортяның пікіріне сүйенетін болсақ, онда салт, сабақты етістіктердің етіс категориясымен тікелей қатынасы жоқ» деп тұжырымдайды³. Ал түркітанушы ғалым Н.А. Баскаков етісті субъектімен де объектімен де, сондай-ақ салт/сабақтылықпен де байланыстырады⁴. Н.К. Дмитриев те осы пікірде⁵. Қазақ ғалымдарынан Ы. Маманов етіс қосымшаларын салт, сабақтылыққа тікелей⁶, А. Қалыбаева, А. Ысқақов қосалқы болса да байланысы бар дейді⁷. М. Оразов болса, «барлық кезде де етіс қосымшалары объекті мен амал-әрекеттің арасындағы қатынастарды білдіре бермейді. ... етіс қосымшаларының түбір етістікке қосылуы салт және сабақтылықпен байланысты емес» деп тұжырымдайды⁸. Сонымен қатар М. Оразов «етіс қосымшалары салт не сабақты етістіктерді талғап қолданылмайды, олардың лексикалық мағыналарына қарай қосылады. .... Етіс қосымшаларының қосылуы, қосылмауы салт және сабақты етістіктерге байланысты емес, керісінше етістіктің лексикалық мағыналарына байланысты. ... Өздік етіс қосымшалары жанды заттардың амал-әрекетін білдіретін және бағыттық бағдары бар етістіктерге қосылады. Ал бағыт-бағдарды білдірмейтін етістіктер өздік етіс қосымшасын қабылдамайды»². Мысалы, *күрес, жарыс, өл, тол, жөтел, сепір, ауыр, ақса* т. б., сол сияқты қозғалу етістіктері (*бар, кел, жорғала, алыста, жақында, қозғал, өт, жене, жүр*) өздік етіс қосымшаларын қабылдамайды. Ортақ етіс қосымшалары бірнеше адам орындау мүмкіндігі бар амал-әрекетті білдіретін етістіктерге ғана қосылады. Ал жеке адам не субъект орындайтын амал-әрекетті білдіретін етістіктерге ортақ етіс қосымшалары қосылмайды. Мысалы, *өлу, ауыру, түшкіру, жөтелу, арықтау, толу* сияқты етістіктердің ортақ етіс қосымшаларын қабылдамау сыры осы мағынасында жатыр. Етіс қосымшаларының барлық етістіктерге қосыла алмау сыры осы мағынасында жатыр»³ – деп, М. Оразов етіс қосымшаларының жалғану-жалғанбауын етістік түбірлерінің семантикасымен, яғни түбір мағынасы мен етіс қосымшаларының семантикалық тіркесімділік (валенттілік) қабілетімен байланыстырады.

Ғалымдар пікірлерінен көріп отырғанымыздай, бір топ ғалымдар етісті амал-әрекеттің субъектіге қатынасын білдіретін категория ретінде ғана анықтайды. Сонымен қатар етістің етістік түбірлерінің салт-сабақтылығымен байланыстыруда да пікір қайшылығы бар. Ғалымдардың бір тобы етіс тікелей салт-сабақтылықтан туындайды десе, келесі тобы етістің салт-сабақтылықпен тікелей байланысы жоқ деп, етіс жұрнақтарының жалғануын етістік түбірінің семантикасымен байланыстырады.

¹ Щербак А.М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (Глагол). Л., 1981. С. 105.

² Севортян Э.В. Аффиксы глаголообразование в азербайджанском языке. М., 1966. С. 78.

³ Оразов М. Етістік. Алматы, 2001. 56 б.

⁴ Баскаков Н.А. Историко-типологическая морфология тюркских языков. М., 1979. С. 153.

⁵ Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М., 1962. С. 206.

⁶ Маманов Ы. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1973. 70 б.

⁷ Қалыбаева А. К этимологии залоговых аффиксов // Проблемы этимологии тюркских языков. Алма-Ата, 1990; Ысқақов А. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1991. 302 б.

⁸ Оразов М. Етістік. Алматы, 2001. 56 б.

А. Байтұрсынұлы тура объектіні қажет ету/етпеуге қарай бөлінетін салт және сабақты етістіктерді де етістің құрамында (салт етіс, сабақты етіс) көрсеткен болатын¹. Ғалымның бұлай салт пен сабақтылықты етіс құрамында беруінің себебі (сабақты етістіктердегі тура объектінің болуы мен салт етістіктердегі тура объектінің болмауы) етістерге берілген амал-әрекеттің объектіге қатысын білдіреді деген ережеден туындаған болу керек. Егер етіс анықтамасындағы амал-әрекеттің объектіге қатысын білдіреді деген ережеге сүйенер болсақ, онда салт пен сабақтылықты да етіс түрі ретінде тануымыз қажет болады. Алайда салт пен сабақтылық түбір етістіктерге ғана емес, етіс тұлғалы етістіктерге де тән. Мысалы, *жаса* етістігі – сабақты, енді осы етістікке өзгелік етіс жұрнағын жалғасақ, *жасаттыр/жасатқыз* болады. Бұлар да – сабақты. Сонда салт пен сабақтылық етіс тұлғалы етістіктерге де тән. *Жасаттыр/жасатқыз* етістіктерін әрі сабақты етіс, әрі өзгелік етіс дей алаймыз. Олай болса, салт пен сабақтылықты етіс категориясына қосуға болмайды. Салт/сабақтылық жалпы барлық негізгі түбір, туынды түбір етістіктерге тән сипат, сол себепті де өз алдына дербес грамматикалық категория құрайды. Ендеше, объектілік мән салт/сабақты етістік категориясына қатысты да, субъектілік мән – етіс категориясына қатысты белгі. Осымен байланысты және де жоғарыда аталған түрколог ғалымдардың етіске берілген тұжырымдарын қорыта келе, біз, А.М. Щербактың «етіс – амал-әрекет пен субъектінің арақатынасын білдіретін грамматикалық категория» деген пікірін дұрыс деп санаймыз. Себебі, етіс тұлғаларында амал-әрекеттің объектіге қатысы анық көрінбейді яғни етіс түрлерінде амал-әрекеттегі объект етіс түрлерін анықтаушы негізгі мән емес (жанама мән). Керісінше, амал-әрекетке субъектінің қатысы айқын байқалады, негізінен амал-әрекеттің орындаушысы – субъект арқылы анықталады.

Ырықсыз етісте амал-әрекетке субъект тікелей қатыспайды, амал-әрекет өзінен өзі орындалады, орындаушы субъект жасырын қалады. Мысалы, *үй сыпырылды, шаш қиылды, киім жуылды. Сыпырылды, қиылды, жуылды* етістіктері – салт етістіктер, ырықсыз етіс тұлғалары түбір сабақты етістіктерге жалғанып, оларды салт етістікке айналдырған.

Өзгелік етісте амал-әрекетке бірнеше субъект қатысады. Бірақ 1-ші субъект амал-әрекетті орындауға тікелей қатыспайды, амал-әрекеттің орындалуына түрткі болады. Мысалы, *хатты жаздырды, үйін жинатты* т. б. дегендерде амал-әрекетті орындатушы субъект бар және орындаушы субъект бар.

Ортақ етісте амал-әрекетке бірнеше субъект тікелей қатысады, амал-әрекет субъектілердің барлығының қатысуымен орындалады. *Жүкті апарысты. Суды тасысты. Жүкті бірнеше адам апарады, суды да бірнеше адам тасиды.*

Өздік етісте амал-әрекетті амал-әрекет иесі не иелерінің (бір не бірнеше субъекті) өзі орындайды, амал-әрекет субъектінің өзіне бағытталады. Мысалы, *Бала (балалар) киінді. Қыз (қыздар) боянды* т. б.

Бұл сияқты етістік түбірге етіс қосымшалары жалғанғаннан кейін пайда болатын мағыналар менсинтаксистік қарым-қатынастар, негізінен алғанда, етістік түбірдің жалпы грамматикалық мағынасын өзгертпейді, тек сабақтылық-салттылық мәніне ғана өзгертеді. Мысалы, *Ол баласына хат жазды. Бұл хат кеше жазылды. Баласына хатты маған жаздырды. Ол екеуі бір-бірімен ылғи хат жазысады.* Осы сөйлемдердегі хатқа байланысты жазу (жазды), жазылу (жазылды), жаздыру (жаздырды), жазысу (жазысады) етістіктерінде етіс тұлғалары етістік түбір білдіретін семантикасын өзгертіп жібермейді, етістіктің лексикалық және жалпы грамматикалық мағынасы сақталып қалады, тек сабақтылық-салттылық мәні өзгереді.

Тек бұл жазу етістігі емес, *оқы-оқыл-оқып-оқытқыз, айт-айтыл-айтыс-айтқыз-айтқыздыр, сөйле-сөйлем-сөйлес-сөйлет-сөйлеткіз, шегеле-шегелес-шегелет-шегелеткіз* т. б. етістіктерде етіс жұрнақтары жаңа сөз тудырмайды¹⁰.

Етіс тұлғалары етістіктерге жалғанып, түбір етістіктердің лексикалық мағыналарына амал-әрекетті орындаушы-субъектіліренің қатысын білдіретін грамматикалық мағына үстейді.

Сондай-ақ етіс тұлғаларының тіліміздегі етістік атаулының бәріне я белгілі бір тобына (ырықсыз және өздік етіс қосымшалары тек сабақты етістіктерге жалғануы) жалғана алуы, яғни (әмбебап қасиеті, сөйтіп барып грамматикалық абстракция жасай алуы, өнімділік-өнімсіздік, құнарлық-құнарсыздық сипатының болмауы, соның арқасында қосымшалары жалғанған жердің бәрінде жаңа сөз тудыру қатарын құрай алмауы етіс қосымшаларын сөзжасам қосымшаларының қатарына қосуға болмайтындығын көрсетеді. Ал кейбір етістіктің құрамында келіп, жаңа туынды түбір, демек, негізгі түбірден өзгеше жаңа

¹ Байтұрсынұлы А. Тіл тағылымы. Алматы : Ана тілі, 1992. 357 б.

лексикалық мағына білдіретін жоғарыда көрсетілген тәрізді сөздердің [қыз] айттыру, [таң] асыру, [бір көрген] біліс, [екі көрген] таныс, [үйге кіріп] жылынды, [үйді] жылытты, [рұқсат беруді] өтінді, [бұған екеуі де] келісті, [екі дайға келгенде ол маған] болысады, [оқуға] берілді, [ауруынан] жазылды, [олар бәрібір] табысады, айтылудан айттыру, асудан асыру, білуден білісу, танудан танысу, жылудан жылыну мен жылыту, өтуден өтіну, келуден келісу, болудан болысу, беруден берілу, жазудан жазылу, табудан табысу тәрізді жеке лексема болып, сөздік құрамнанбөлек-бөлек орын алуы тек қана етіс (өзгелік, ортақ, өздік, ырықсыз) қосымшаларының жалғану нәтижесі емес, одан да гөрі семантикалықпроцестің (сөзжасамның синтетикалық тәсіліненгөрі семантикалық тәсілінің) басым болуы. Ондай процестер тілімізде аз емес.

Етіс тұлғаларының тағы бір ерекшелігі бар. Ол: етіс қосымшалары етістік түбірге жалғанып, түбірдің грамматикалық сипатын өзгертпейді, яғни етіс тұлғалы етістіктер түбір (негізгі, туынды) етістіктерше: 1) сырттай бұйрық райдың 2-жақ жекеше, анайы түрімен сәйкес келеді; 2) тікелей жіктелмейді, тек рай, шақ (көсеше, есімше) тұлғаларын үстеп барып жіктеледі және сол тұлғалар (рай, шақ) жалғануға негіз бола алады; 3) сондықтан да сөйлемде сол тек етіс тұлғасында қолданылмайды. Осы сияқты қасиеттерінің негізінде Ы. Маманов жалпы етістік атаулыны негізгі етістіктер және функциялық етістіктер деп екі топқа бөліп, негізгі етістіктер оның грамматикалық категорияларын жасауға негіз болады дей келіп, оның өзін екі түрге бөліп, бірін түбір етістіктер, екіншісін модификациялы етістіктер деп, модификациялы етістіктердің қатарына етіс, болымсыз етістік, күшейтпелі етістік және күрделі етістікті (көсемше формаларының көмекші етістіктермен тіркесуі) ерекше бөліп жатқызады¹.

Сондай-ақ етіс қосымшалары бірінің үстіне екіншісі де жалғана береді. Оның тәртібі: 1) өздік етіс + өзгелік етіс: *жу-ын-дыр, ки-ін-дір* т. б. 2) ортақ етіс + өзгелік етіс: *сөйле-с-тір, жина-с-тыр*; 3) өзгелік етіс + өзгелік етіс: *айт-қыз-дыр, жаса-т-қыз* т. б.

Сонымен, етіс тұлғалары, біріншіден, жалғанған сөзінің лексикалық мағынасын өзгертіп, жаңа мағыналы сөз тудырмайды, етістік түбірге жалғанып, оған амал-әрекетті орындауға қимылдың иесінің (субъектінің) қатынасын білдіретін семантикалық реңк үстеп, түбір семантикасына сәл де болса өзгеріс енгізеді, екіншіден, семантикалық тіркесім валенттілігі бар етістіктерге жаппай жалғанып, форма тудырушы қосымшаларға тән сипат – грамматикалық абстракция жасайды. Қосымшалар жіктемесінде форма тудырушы қосымшалардың лексика-грамматикалық (модификациялық) қосымшалар тобына жатады. Олай болса, етіс деп – амал-әрекеттің орындалуына қимыл иесінің (субъектінің) қатынасын білдіретін, белгілі қосымшалар жүйесі арқылы жасалатын етістіктің лексика-грамматикалық категориясын айтамыз.

Мағыналық ерекшеліктері мен синтаксистік қызметіне және тұлғалық ерекшеліктеріне қарай қазақ тіліндегі етіс өздік етіс, ырықсыз етіс, ортақ етіс және өзгелік етіс болып, төртке бөлінеді.

Етістің алғашқы классификациясында етіс 5-ке бөлініп, негізгі етіс түрі берілген болатын. Алайда негізгі етісдеп аталатын етіс түрінің етістік түбірі деген ұғымнан, мейлі негізгі түбір, мейлі туынды түбір, мейлі күрделі түбір болсын, не семантикалық жағынан, не формалық жағынан, не синтаксистік қызметі, басқа сөздермен қарым-қатынасы жағынан ешбір айырмашылығы жоқ. Бұл – бір. Екіншіден, грамматикалық я лексика-грамматикалық категория (түрлеріне) негіз болатын тұлға, яғни негізгі етіс аталған, дұрысында етістік түбірі деген тұлға ол категорияның бір түрі бола алмайды, категория шеңберіне енбейді, сол категория түрлеріне негіз ғана болады. Сондықтан негізгі етіс деген етіс категориясының түрі жоқ (Сонда).

Етіс қосымшаларын анықталу сипатына қарай топтастырғанда мынадай болып шығады.

1. Етіс қосымшаларын сөзжасамдық тұлғалар деп тану: Н.А. Баскаков, А. Қалыбаева, А.М. Щербак (шартты түрде) т. б.

2. Етіс қосымшаларын форма тудырушы тұлғалар деп анықтау: А.Н. Кононов, Ф.Г. Исхаков, А.А. Пальмбах, Б.О. Орузбаева, С. Усманов, Э.Р. Тенишев, Ф.А. Ганиев, А.М. Щербак, М.З. Закиев, Б.А. Серебренников, О. Бетлинг, Н.К. Дмитриев, Ы. Маманов, С. Исаев² т. б.

3. Етіс қосымшаларын екі функциялы деп анықтау: А.А. Юлдашев, Э.В. Севортян, Л.А. Покровская т. б.

Жоғарыдағы талдаулардан байқайтынымыз, түркологияда етіс қосымшалары әрі сөз тудырушы болып та, грамматикалық категория болып та қаралады. 1989 жылы жарық көрген «Қазақ тілінің сөзжасам

¹ Маманов Ы. Қазіргі қазақ тілі. Алматы, 1973. 56 б.

² Исаев С. Қазіргі қазақ тіліндегі сөздердің грамматикалық сипаты. Алматы : Рауан, 1998. 249 б.

жүйесінде» етіс қосымшалары сөз тудырушы болып енген. Ал 2002 жылы жарық көрген академиялық «Қазақ грамматикасында» сөзжасамдық қызметі Сөзжасам бөлігінде, ал грамматикалық қызметі Морфология бөлігінде беріледі. Етіс категориясына қатысты екінші мәселе – жоғарыда сөз болған анықтамасына байланысты. Яғни етіс амал-әрекетке негізінен субъектінің қатынасын білдіретін категория ретінде анықталуы тиіс.

© А.А. Жанабекова, 2022

УДК 811.512.1:061.62(470.23-25):930.2:003.072

НАУЧНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЕЕ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ

М.Э. Дубровина
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

Нет сомнений в том, что в стенах СПбГУ на восточном факультете сложилась своя научная тюркологическая школа. Одним из важных направлений профессионального интереса ученых этой школы является изучение памятников древнетюркской рунической письменности (далее — ДТРП), причем оно проходит в двух плоскостях: исследование самих памятников и их письменности с археологической, исторической и грамматологической точек зрения, и изучение языка этих памятников с лингвистической точки зрения.

Как представляется, с момента открытия этих надписей и расшифровки их алфавита в 1893 г. тюркологи уже не могли оставаться в стороне от изучения языка этих памятников и продолжать заниматься исключительно современными тюркскими языками. Уже в первые годы после расшифровки рунических знаков стали появляться первые опыты прочтения орхонских и енисейских надписей, что вовлекало в круг интересующихся этой темой все большее число ученых. Видно, что на протяжении почти 150 лет в Санкт-Петербургском (Ленинградском) университете с особой тщательностью сохранялась традиция изучения как самих памятников, так и их языка. Это происходило благодаря энтузиазму и усилиям тех ученых, которые работали в стенах университета и с необычайной щедростью и искренностью передавали наработанные знания следующим поколениям исследователей. Так прослеживается линия, в которую, как в ожерелье, вплетены судьбы и деятельность крупных фигур, внесших огромный вклад в процесс осмысления всего, что связано с древнетюркскими руническими текстами. Одними из первых ученых, которые начали внимательно изучать как сами памятники, так и фактический язык, на котором они были составлены, следует назвать В.В. Радлова (1837–1918) и П.М. Мелиоранского (1868–1906).

Несмотря на то, что В.В. Радлов официально не преподавал в СПбГУ, имя этого крупнейшего деятеля науки неотделимо от истории университета и восточного факультета, куда он вошел благодаря результатам своей плодотворной работы и ученикам, которые как при его жизни, так и потом продолжали его дело и начатые им темы. В.В. Радлов с 1891 по 1911 гг., живя и работая в Петербурге, занимался прежде всего изучением рунических памятников. По словам А.М. Щербака, петербургский период жизни этого ученого можно расценивать как время его научной зрелости, период «когда на смену поискам и собиранию материалов по живым тюркским языкам Сибири и Поволжья, ... пришло стремление проникнуть глубже в древность, ...заняться обобщением накопленных фактов»¹. Прежде всего В.В. Радлов задумал для себя собрать воедино все имеющиеся надписи, попытаться найти новые и сделать их доступными для широкого круга исследователей. Для реализации этой первоочередной задачи он в 1891 г. организует экспедицию в Монголию. В 1892 г. начинает выходить «Атлас древностей Монголии», включивший в себя описание и репродукции

¹ Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. М. Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 55.

большого количества орхонских и енисейских надписей, таких как надписи в честь Кюль-тегина, Бильге-кагана и Тоньюкука, Онгинская надпись и другие более мелкие тексты¹. Почти сразу после десифровки В. Томсена, а именно в январе 1894 года, В.В. Радлов предложил свой вариант прочтения и перевода текста памятника в честь Кюль-тегина². В одном из писем В.В. Бартольд П.М. Мелиоранский писал об этом событии следующим образом: «Радлов засел и в один месяц (!) напечатал транскрипции и перевод 3 больших и 2 маленьких надписи...»³. Академия наук очень высоко оценила эту работу и по своей инициативе разослала ее различным ученым и научным обществам. В течение нескольких последующих лет В.В. Радлов продолжает активную работу над большими надписями, результаты которой были подытожены в вышедших в 1897 г. «Новом издании» и в 1899 г. «Втором издании» «Древнетюркских надписей Монголии». В «новом издании» В.В. Радлов обобщает имевшиеся до того времени разрозненные сведения в единый очерк, описывающий фонетику, морфологию и синтаксис древнетюркского языка, а также предлагает новую редакцию надписей в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, дополнения и исправления к другим надписям, глоссарий. «Второе издание» он целиком посвящает памятнику в честь Тоньюкука⁴.

Одним из самых преданных учеников В.В. Радлова в СПбГУ можно назвать П.М. Мелиоранского. В течение своей столь недолгой жизни⁵ ученый занимался сбором и систематизацией фактов современных и мертвых тюркских языков с целью написать общетюркскую сравнительно-историческую грамматику⁶. Именно этим объясняется его столь пристальное внимание к надписям древних тюрков. Ученому принадлежат уже вошедшие в анналы тюркского языкознания слова: «Отдавая... полную справедливость важности изучения современных живых наречий турецкого языка, мы тем не менее должны признать, что главным материалом для исследования истории языка все-таки являются различные писанные источники – рукописи, надписи, монетные легенды и пр.»⁷. Последние годы XIX столетия ученый совместно со своим учителем В.В. Радловым активно занимается проработкой и изданием вновь открытых памятников, написанных руническим письмом. В 1897 г. издается четвертый том «Сборника трудов Орхонской экспедиции», в котором П.М. Мелиоранскому принадлежит русский перевод памятников в честь Кюль-тегина и Бильге-кагана, сделанный с немецкого перевода В.В. Радлова, и несколько примечаний⁸. В 1899 г. выходит в свет его статья, в которой он разбирает несколько строк рунической надписи из Семиречья и предлагает ее первоначальный перевод⁹. Интересно, что в статье «Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями» он отмечает, что орхонская письменность служит доказательством довольно высокой культурности тюрков VIII в.¹⁰

Однако, бесспорно, самой значимой работой П.М. Мелиоранского в цикле о рунике была его магистерская диссертация «Памятник в честь Кюль-Тегина»¹¹, на некоторых моментах которой хотелось бы остановиться более подробно. П.М. Мелиоранский не был первым издателем этого

¹ Щербак А.М. В.В. Радлов и изучение памятников рунической письменности // Тюркологический сборник. 1971. М. Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 56.

² Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. I. Das Denkmal zu Ehren des Prinzen Kül Tegin. St.-Petersbourg, 1894.

³ Насилов Д.М. В.В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // Тюркологический сборник. 1971. М. : Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 74.

⁴ Дубровина М.Э. Язык древнетюркских рунических памятников в аудиториях восточного факультета Санкт-Петербургского университета: минувшее и настоящее // Российская тюркология. № 1–2 (16–17), 2016–2017. Москва–Казань, Издатель: От имени РКТ при ОИФН РАН – И.В. Кормушин. С. 57.

⁵ Подробнее о биографии П.М. Мелиоранского см: Кононов А.Н. П.М. Мелиоранский и отечественная тюркология // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 7–17; Тенишев Э.Р. П.М. Мелиоранский – языковед // Тюркологический сборник. 1972. М., 1973. С. 17–23.

⁶ Мелиоранский П.М. Араб филолог о турецком языке. СПб, 1900. С. 1.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ Радлов В.В., Мелиоранский П.М. Сборник трудов орхонской экспедиции. IV. Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме. СПб., 1897. 45 с.

⁹ Мелиоранский П.М. По поводу новой археологической находки в Аулиетинском уезде // ЗВОРАО. 1899. Вып. IX. С. 271–295.

¹⁰ Мелиоранский П.М. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями // ЖМНП, 1898. Ч. XXXVII. Июнь. Отд. 2. С. 278.

¹¹ Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами. СПб. : Типография императорской Академии Наук, 1899. 144 с.

памятника, но, предлагая свои поправки к переводу или транскрипции текста, он проявлял необыкновенную тактичность по отношению к тем, кто предложил более ранние варианты. Как справедливо звучат его слова: «...всякий берущийся за то же дело после другого находит некоторые (а иногда и многие) трудности уже преодоленными, а потому его работа легче»¹. Сам текст и перевод памятника в честь Кюль-Тегина П.М. Мелиоранский предваряет значительным по объему «Введением», в котором подробно излагает историю открытия и изучения рунических надписей в предшествующий период, дает краткое описание орхонских стел и приводит исторические и этнографические сведения о народе «тугю», авторе представленного текста². Далее дается перевод 34-х страниц (с 10-ой по 44-ую) исследования В. Томсена «Inskriptionsdel'Orkhon»³, так как именно «на этих страниц В. Томсен точно определяет значение и способ употребления всех знаков орхонско-енисейского письма, так что эта часть его труда в высшей степени интересна и важна для всех настоящих и будущих исследователей памятников»⁴. Эта часть также снабжена примечаниями и комментариями самого П.М. Мелиоранского, в которых сделаны интересные наблюдения по фонетике в связи с имеющейся графикой, а также по морфологии и лексике. Читая это сочинение, современный исследователь не может не удивляться тому, что транскрипция и перевод текста надписи, а также понимание лексической и морфологической сущности описываемых слов и словоформ немногим отличаются от того, что имеется в настоящее время. При этом необходимо учитывать, что с момента дешифровки рунического письма прошло всего несколько лет. Таким образом, можно с уверенностью заключить, что уже к концу XIX века в отношении орхонских памятников была проделана вся основная работа, и заслуга здесь – не только одаренности самого П.М. Мелиоранского, но необычайно высокого уровня всей лингвистической науки того времени.

Другим близким учеником В.В. Радлова, человеком, который стал продолжателем петербургской школы в области исследования рунических памятников, был С.Е. Малов (1880–1957). Он поступил на факультет восточных языков Петербургского университета в 1904 г.⁵ и, желая посвятить себя не османскому языку, примкнул к кружку В.В. Радлова, который охотно принимает нового ученика и становится для него истинным наставником. По представлению В.В. Радлова С.Е. Малова дважды (1909–1911 и 1913–1915) командировали в Западный и Центральный Китай для изучения языков и этнографии уйгуров, желтых уйгуров и саларов. Во время первого путешествия С.Е. Малову выпала редкая удача: он нашел уникальный памятник древнего уйгурского языка «Алтын йарук» (Золотой блеск), который позднее, в 1913–1917 гг., был опубликован им и В.В. Радловым. Эту сутру В.В. Радлов перевел на немецкий язык, часть перевода была опубликована С.Е. Маловым в 1930 г.⁶ Ученый вплотную занимался собиранием древней лексики и наработки этой деятельности вылились в издание «Древнетюркского словаря», единственного полного варианта лексики старотюркских памятников. В 1928 г. ученому удается опубликовать подготовленную еще при жизни В.В. Радлова работу под названием «Памятники уйгурского языка»⁷. Вклад С.Е. Малова в дело изучения языка ДТРП огромен, и переоценить его трудно. Благодаря его стараниям в свет вышли три монографии, в которых в полном объеме представлены тексты всех имеющихся на то время памятников, в том числе и рунического письма, с транскрипцией, переводами и подробнейшими комментариями⁸. Таким образом, ученый систематизировал и собрал воедино всю текстологическую

---

¹ Мелиоранский П.М. Памятник в честь Кюль-Тегина. С двумя таблицами. СПб. : Типография императорской Академии Наук, 1899. С. 59

² Там же. С. 1–11.

³ Там же. С. 15–46.

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Иванов С.Н. Тюркология в Ленинградском университете // *Turcologica* 1986. Л. : Изд-во «Наука», 1986. С. 146.

⁶ Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период. Изд-е второе, дополн. и испр. Л. : Наука, 1982. С. 314.

⁷ Насилов Д.М. В.В. Радлов и изучение древнеуйгурских памятников // Тюркологический сборник. 1971. М. : Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 85.

⁸ Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1951. 452 с; Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. 118 с; Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности Монголии Киргизии. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1959. 112 с.

информацию о памятниках и позволил тюркологам следующих поколений посвятить себя уже теоретическому осмыслению представленного фактического материала.

Последние десятилетия XX в. ознаменовались новыми достижениями в области изучения ДТРП. Благодаря гипотезе, которую выдвинули представители ленинградской-петербургской тюркологической школы проф. В.Г. Гузев и С.Г. Кляшторный, современные ученые получили возможность по-новому взглянуть на происхождение рунического письма. В 1993 г. вышла в свет их совместная статья «Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки)»¹, в которой была сформулирована идея об автохтонности этой письменности². Выводы этой теории опровергали два общеизвестных положения, что руническое письмо представляет собой алфавит, и что это письмо является заимствованным, возникшим из курсивного варианта согдийского письма V–VII веков³.

В руническом письме В.Г. Гузевым были обнаружены все свойственные оригинальным системам письма приемы:

1) наличие знаков-рисунков (пиктограмм), опирающихся на присущие им изобразительные характеристики и способных выступать с тем же значением в качестве словесных знаков: *at* ‘лошадь’ *aj* ‘месяц’, *äb* ‘юрта, дом’, *är* ‘воин, мужчина’ (как известно, все самообразующиеся письменности развиваются из рисуночного письма⁴);

2) активное использование грамматологического приема «ребус»⁵, при котором логограмма может восприниматься как знак для слога;

3) употребление исходного слогового знака для передачи фонемы, которое истолковывается как начало процесса алфавитизации (например, когда начальный знак *äb* в слове *bän* начинает передавать отдельный звук *b*).

В ходе исследования В.Г. Гузеву, во-первых, удалось найти большое количество частных примеров, подтверждающих эту гипотезу, во-вторых, прояснить многие туманные моменты, которые оставались нерешенными, пока руническая письменность воспринималась в качестве алфавита (например, наличие так называемого консонантного дуализма). По мнению ученого, в рунике присутствуют не 22 знака для согласных разного ряда, 22 знака «для задне- и переднерядных слогов или слов со структурой гласный + согласный (ГС)»⁶. Наличие пяти знаков для гласных воспринимаются ученым не как буквы, а как знаки для слогов, состоящих из одного гласного, и весьма характерных для тюркских языков. Такие знаки, во-первых, отражают небную гармонию, несвойственную нетюркским языкам, во-вторых, своим составом (*/a~/ /ä/*, */ı~/ /i/*, */o~/ /u/*, */ö~/ /ü/*, */e/*) противоречат семитскому вокализму (AIU). Кроме того, признание рунического письма вариантом словесно-слогового письма позволяет объяснить наличие пяти графических знаков с одной и той же согласной *k*. Функционирование таких знаков – это проявление логографичности или силлабографичности этих знаков, имеющее аналогии и в истории других систем письма, например, в этрусской и ассирийско-вавилонской, что уверило ученого в правильности рассуждения о том, что пять знаков для *k* на самом деле – знаки для слогов: 1) */aq/*, 2) */äk/*, 3) */oq/*, 4) */ök/ ulu/ük/*, 5) */yq/*⁷.

Таким образом, гипотеза об автохтонном происхождении древнетюркской рунической письменности, выдвинутая тюркологами Санкт-Петербургского университета, дает новый толчок для изучения памятников с целью включения рунологии в общий процесс теоретической науки о письме – грамматологии. Можно с уверенностью сказать, что и сегодня сотрудники Восточного факультета

¹ Гузев В.Г., Кляшторный С.Г. Проблема происхождения древнетюркской руники в свете общей теории письма (к столетию дешифровки) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 4. СПб., 1993. С. 57–62.

² Дальнейшее развитие и разработку доказательной базы этой гипотезы см: Гузев В.Г. К вопросу о слоговом характере тюркского рунического письма // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 67–72; Его же. Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // Востоковедение. Филологические исследования. СПб., 2004. Вып. 24. С. 24–34.

³ Фридрих И. История письма. Пер. с нем. М. : Изд-во «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1979. 463 с.

⁴ Гузев В.Г. Основные положения концепции автохтонного происхождения тюркской руники // Востоковедение. Филологические исследования. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2004. Вып. 24. С. 25.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 27.

⁷ Там же. С. 28.

продолжают традиции, заложенные вышеупомянутыми учеными, и продолжают активно заниматься исследованием языков древнетюркских памятников.

© М.Э. Дубровина, 2022

УДК 81'36:811.161.1

СИНТАКСИС И СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ВИНОГРАДОВСКОЙ ШКОЛЫ В РАБОТАХ Г.Н. АКИМОВОЙ И ЕЕ УЧЕНИКОВ

Е.С. Зорина
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

Отмечая памятные и важные для гуманитарной науки даты, такие как 100-летие Ордена Знака Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН, хочется обратиться к тому, что объединяет науку и всех занимающихся ею: учителей и учеников. Безусловно, деятельность В.В. Виноградова и его наследие имеют огромное значение для филологов и всех занимающихся гуманитарной наукой.

Наследие В.В. Виноградова невозможно обозреть в рамках статьи, однако следует указать на общие направления развития научной мысли, предложенные В.В. Виноградовым, которые являются определяющими и не зависят от материала или языка. Первое, что надо отметить, — идеи В.В. Виноградова легли в основу семантического направления в грамматике и во многом сформировали основу коммуникативной парадигмы лингвистических исследований второй половины XX — начала XXI века. Ф.Г. Хисамитдинова в статье «О тенденциях и перспективах изучения синтаксиса башкирского языка» говорит, что «Структурно-семантическое, функционально-коммуникативное направление в изучении синтаксиса в отечественном языкознании начало развиваться со второй половины XX века». Ключевые пути и методы исследования, в которых основное внимание уделяется семантической составляющей, были определены в работах учеников и последователей В.В. Виноградова Г.А. Золотовой¹, В.А. Белошапковой^{2, 3}. В статье подчеркивается важность общей основы для лингвистической науки, указывается, что развитие современных синтаксических теорий предопределяет перспективы дальнейших синтаксических исследований на материале башкирского языка⁴.

Среди общих для науки основных черт исследовательского метода Виноградовской школы всегда называют:

- 1) изучение языковых явлений в плане «диахронической синхронии», что позволяет говорить о динамическом характере нормы языка⁵;
- 2) учет типологии лексических значений слов при исследовании лексики и в лексикографической работе;
- 3) внимание к говорящему – субъекту речи.

Эти принципы легли в основу перспективы лингвистической науки на многие годы вперед и продолжают развиваться в работах филологов. Об этом же говорится в работе Ф.Г. Хисамитдиновой, где перечисляются важнейшие задачи языкознания в связи с информатизацией общества и образования: «Главным вызовом внешнего порядка является возрастающая роль Интернета в информатизации общества и образования, поэтому важнейшими задачами, стоящими перед башкирским языкознанием, являются: функционирование башкирского языка в современных

¹ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Наука, 2004.

² Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М. : Высшая школа, 1977.

³ Хисамитдинова Ф.Г., Бускунбаева Л.А., Ишкильдина Л.К., Муратова Р.Т., Ягафарова Г.Н. О тенденциях и перспективах изучения синтаксиса башкирского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб. : Наука, 2019. Т. XV. Ч. 1. С. 384.

⁴ Там же. С. 391.

⁵ Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 85.

условиях и проблемы нормы; принципы кодификации норм башкирского литературного языка конца XX – начала XXI века; стандартизация терминологии; современные процессы в фонетике башкирского языка; история лексики и история культуры; язык и мифология; язык и стиль башкирского фольклора; описание памятников письменности; создание исторической грамматики башкирского языка, корпуса разговорной речи, корпуса письменных текстов»¹. Надо сказать, что все эти направления деятельности актуальны для любого языкового материала.

Еще одним объединяющим фактором является объект исследования — текст, поставленный в центр внимания В.В. Виноградовым, что позволило изучать динамику языковых явлений и взаимоотношения языка и речи². В изучении синтаксиса такой подход позволил говорить о связи лексической семантики и грамматики, рассматривать грамматические конструкции в аспекте говорящего. Особое значение здесь имеют работы В.В. Виноградова, посвященные анализу художественного текста: «О художественной прозе»; «Стиль Пушкина», «Стиль прозы Лермонтова» и др. Особое значение имеет работа «Стиль «Пиковой Дамы»³, в которой определяются такие важные понятия, как «образ автора» и «субъектная сфера речи», говорится об «области субъектно-экспрессивных форм синтаксиса», то есть о средствах «экспрессивной изобразительности». Последовавшее изучение экспрессии на уровне синтаксиса было связано с разграничением субъектных и объектных форм синтаксиса и с понятием «чужая речь».

Г.Н. Акимова развила идеи В.В. Виноградова, создала собственную школу на кафедре русского языка Санкт-Петербургского государственного университета, за более чем 55-летнюю историю педагогической деятельности прошла путь от ассистента кафедры русского языка до профессора, вела научную, административную и педагогическую деятельность. Как подчеркивается в предисловии к коллективной монографии, посвященной 55-летию юбилею педагогической деятельности Г.Н. Акимовой, «аспирантский семинар Г.Н. Акимовой по грамматике русского и славянских языков – творческая лаборатория, в которой руководитель щедро делится научными идеями, организует полемику при обсуждении научных вопросов, увлекает актуальными научными проблемами, а ученики постигают тайны творческого поиска»⁴. Определенным результатом деятельности Г.Н. Акимовой и ее учеников на кафедре русского языка СПбГУ стал выпуск кафедрального учебно-методического пособия «Синтаксис современного русского языка» (2009 года), которое состоит из четырех частей: учебника, хрестоматии, сборника упражнений и словаря-справочника. В работе над УМК приняли участие ученики Г.Н. Акимовой доцент С.В. Вяткина, профессор В.П. Казаков, доцент Д.В. Руднев, доцент Е.С. Зорина, старший преподаватель Н.В. Лагай, аспирант Е.С. Кузнецова, аспирант В.В. Клепацкий. Это пособие используется на занятиях по «Синтаксису современного русского языка», который преподается на 3-ем курсе отделения «Отечественная филология (русский язык и литература)». Г. Н. Акимова много лет занималась вопросами высшего образования и была членом Научно-методического совета по высшему филологическому образованию при Минвузе СССР. Г.Н. Акимова выступала с докладами на конференциях и совещаниях, посвященных методике работы в высшей школе, в том числе в 1986 году на XVII пленуме головного совета по филологическим наукам Минвуза РСФСР с докладом «Последовательность специальных курсов по русскому языкознанию» в городе Уфе. Научную деятельность начала с изучения языка М.В. Ломоносова. В своей докторской диссертации «Очерки по синтаксису языка М.В. Ломоносова» (1973 г.) Г.Н. Акимова говорит о становлении русского литературного языка на национальной основе. Становление синтаксиса языка учёный связывает со становлением централизованного государства, а становление русского языка на национальной основе происходит в XVIII веке. В последующих научных работах говорит о развитии синтаксической системы русского языка. Особое место занимают работы, посвященные вопросам развития черт

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Башкирское языкознание: достижения прошлого и перспективы настоящего // Проблемы востоковедения. Уфа : Диалог, 2016, № 4 (74). С. 24–30.

² Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 84.

³ Виноградов В.В. Стиль «Пиковой дамы» // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии АН СССР. Ин-т литературы. М.; Л. : Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2. С. 74–147.

⁴ Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии : очерки / отв. редакторы С.В. Вяткина, Д.В. Руднев. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 6.

анализа в грамматической системе русского языка и экспрессии на уровне синтаксиса. Г.Н. Акимова всегда подчеркивала несколько основополагающих моментов: во-первых, эти идеи в отечественной науке взяты у В.В. Виноградова; во-вторых, идеи В.В. Виноградова развивали его непосредственные ученики Г.А. Золотова и Н.Ю. Шведова, но в рамках разных научных парадигм: семантической и формальной соответственно; в-третьих, главной точкой отсчета в развитии этих идей является «поворот к человеку» — коммуникативный подход и внимание к целому тексту как объекту исследования. Коммуникативное направление в науке активно продолжает развиваться и сегодня в рамках смежных научных дисциплин: в социолингвистике и психолингвистике. Прикладным аспектом (помимо методики преподавания иностранных языков и русского языка как иностранного) здесь можно назвать практическую риторику. В числе важнейших компетенций специалистов-филологов, востребованных на рынке труда, сегодня едва ли не на первое место ставят, так называемые, «мягкие или гибкие навыки», softskills. Учет адресата и внимание к аудитории (в широком смысле), столь важные для понимания понятия «образ автора» В.В. Виноградова, исследование «образа читателя» (А.Ю. Большакова), понятие «точки зрения» (Б. Успенский) оказались не менее востребованы в прикладном аспекте. Самой важной научной работой Г. Н. Акимовой можно назвать книгу «Новое в синтаксисе современного русского языка»,¹ в которой описываются изменения в синтаксическом строе русского языка под воздействием тенденции к анализируемому,² основываясь на предложенной В.В. Виноградовым во Введении к «Грамматике русского языка» последовательности: сначала описываются изменения в области словосочетания, а затем в области предложения³. Идеи и выводы главы, в которой описываются конструкции экспрессивного синтаксиса, легли в основу многих последующих работ автора и ее учеников (в том числе кандидатских и докторских диссертаций (например, кандидатские диссертации С.В. Вяткиной, Е.С. Зориной, А.Т. Давлетьяровой, Е.К. Родневой и докторская диссертация Н.В. Пушкаревой), посвященных синтаксису и стилистике художественного текста. Ряд конструкций экспрессивного синтаксиса является открытым. Г. Н. Акимова подробно говорит о следующих конструкциях: парцелляция, сегментация, лексический повтор с синтаксическим распространением, вопросно-ответные конструкции в монологической речи, цепочки номинативных предложений, вставные конструкции, особые случаи словорасположения⁴. Так как традиционно понятие экспрессии изучалось на уровне лексики и фонетики, отдельно в книге затрагиваются общие вопросы изучения синтаксической экспрессии. Ведущим среди экспрессивных синтаксических построений является процесс сегментации, то есть членение текста на отдельные синтагмы; разрыв синтагматической цепочки⁵.

В качестве иллюстрации можно привести пример из романа А. Битова «Пушкинский дом»: «Дворовая соседка, лестничная площадка, с пятого этажа, старая кляча, сука, высосанная тремя детьми, — и ее надолго потом возненавидел Лева за этот рубль! — остановила его, прижала где-то в подворотне и, пока Лева стыдился ее, рассказала (и не помнит теперь, к какому слову у нее это пришлось...), как видели в Парке культуры и отдыха, чуть ли не в ресторане, его отца с молодой дамой, и отец подал нищему целый рубль! Огромность рубля была особенно ненавистна, оскорбительна и возмутительна соседке... Парк, молодая красавица, ресторан на воде, рубль нищему — такое злочастное количество другой жизни ослепило и Леву, и он пошел домой, раздавленный. И то сказать, — время еще было тяжелое, немногим послевоенное...⁶». Первое предложение этого фрагмента включает в себя последовательность членов в именительном падеже: *дворовая соседка; лестничная площадка; старая кляча; сука, высосанная тремя детьми*; вставную конструкцию, заключенную в тире и имеющую пунктуационное оформление восклицательным знаком в середине предложения: *и ее надолго потом возненавидит Лева за этот рубль!*; вставную конструкцию в скобках: *и не помнит теперь, к какому слову у нее это пришлось*. Все указанные

¹ Акимова Г.Н. Новое в синтаксисе современного русского языка : учеб. пособие. М. : Высшая школа, 1990.

² Там же. С. 160.

³ Там же. С. 4.

⁴ Там же. С. 87.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Битов А. Пушкинский дом. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 1999. С. 24.

грамматические особенности анализируются в аспекте замысла автора, который формирует многомерное, полимодальное повествование, вовлекая в него читателя, которому предлагается «преодолеть» синтагматическое расчленение.

Дальнейшее развитие идеи и выводы работы получают в исследованиях текстов постмодернизма. В статье «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс?»¹ автор делает ряд выводов, связанных с такими важными моментами, как развитие двух типов прозы (синтагматической и актуализирующей) в текстах писателей конца XX – начала XXI века, вопрос о деиерархизации синтаксической организации постмодернистского текста и о преобладании сочинения и бессоюзия над подчинением, вопрос о грамматических средствах выражения имплицитных смыслов художественного текста (подтекста)². В качестве главного наблюдения над текстом В. Пелевина Г. Н. Акимова предлагает говорить о типах номинации субъектов повествования и о синтаксической составляющей в создании «трудности» в современных художественных текстах³.

В продолжении традиций школы Виноградова в изучении художественных текстов начала XXI особый интерес представляет междисциплинарный подход, привлечение которого обусловлено как самим языковым материалом, так и все большим вниманием к субъектной структуре повествования. Статья «Генеритивный регистр речи как способ оформления социокультурного дискурса в произведениях С. Носова» предлагает обратиться к дискурсивному аспекту анализа художественного текста, то есть к анализу институциональных дискурсов⁴. Интенция автора реализуется в рамках социокультурного дискурса. Дискурсивные высказывания обеспечивают целостность и завершенность текста, организованного автором, но открытого для включения дискурсивного опыта читателя. «Современная текстовая реальность постоянно предлагает стимулы для обращения к опыту воспринимающего сознания, то есть современный человек постоянно находится в процессе формирования своих дискурсивных умозаключений»⁵. Дискурсивный подход позволяет обращаться к автору как реальному человеку, нашему современнику, чье мнение является важным для читателя. Генеритивный регистр⁶ оформляет обобщающие надтекстовые высказывания, которые активизируют сознание читателя через обращение к его дискурсивному опыту. Например, в следующем фрагменте из рассказа «Архитектурные излишества»: *«Работал этот самый Фролов ночным сторожем в какой-то архитектурной организации. Он думал. Он много думал. Те, кто много думает, нередко работают сторожами»*⁷. Здесь затрагивается вопрос выбора жизненного пути, который не предполагает четкой исторической или культурной референции. Высказывание, оформленное генеритивным (регистром *Те, кто много думает, нередко работают сторожами*), в контексте разных исторических периодов может иметь разную интерпретацию. Современный социокультурный контекст данного высказывания включает целый комплекс знаний, «привнесенных современной реальностью, развитием психологии, социологии и смежных дисциплин и понятий, таких как: профессиональная ориентация; стереотипы старших поколений и их преодоление; свобода в выборе способа получения образования и знаний и т. д.»⁸. Конструкция маркирована повтором нераспространенного простого предложения с распространением «Он думал. Он много думал.» и смысловым противопоставлением «думать» и «работать сторожем». Анализируемое высказывание генеритивного регистра открывает текст всему спектру вопросов, связанных с

¹ Акимова Г.Н. «Водонапорная башня» В. Пелевина – синтаксический нонсенс? // Мир русского слова. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, 2006. № 3. С. 25–30.

² Пушкарева Н.В. Эмоциональный подтекст в художественном тексте (лингвистический аспект) // Грамматика и стилистика русского языка в синхронии и диахронии : очерки / отв. редакторы С.В. Вяткина, Д.В. Руднев. СПб. : Филологический факультет СПбГУ, 2012. С. 398–407.

³ Акимова Г.Н. Синтаксическая составляющая в создании «трудностей» современного художественного текста // Обретение смысла : сб. статей. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет, Филологический факультет. Осипов, 2006. С. 60–71.

⁴ Зорина Е.С. Генеритивный регистр речи как способ оформления социокультурного дискурса в произведениях С. Носова // SCIENCE SPBU–2020. СПб. : Скифия-принт, 2021. С. 1389–1390.

⁵ Там же. С. 1390.

⁶ Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004.

⁷ Носов С. Закрытие темы : рассказы. СПб. : Лимбус Пресс, 2019. С. 18.

⁸ Зорина Е.С. Указ. соч. С. 1390.

отношением общества к интеллектуальной и неинтеллектуальной деятельности в разные исторические периоды и разных социальных контекстах. Текст не является замкнутым и конечным, так как он постоянно пополняется новыми знаниями и информацией, которая зависит от актуального временного момента и опыта читателя.

Таким образом, традиции и методологические принципы Виноградовской школы продолжают передаваться от учителей к ученикам, идеи получают свое развитие в работах разных поколений лингвистов и специалистов в других гуманитарных областях, понятия, предложенные В.В. Виноградовым, уточняются, иллюстрируются актуальными примерами. Безусловно, это и составляет фундамент развития науки и человеческой мысли вообще.

© Е.С. Зорина, 2022

УДК 811.512.141:39(=512.141):821.512.141

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ

А.М. Ишегулова
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Языковая личность с ее когнитивными способностями, коммуникативными потребностями, речевой деятельностью представляет собой очень сложное, многогранное явление. В настоящее время теория языковой личности разрабатывается с точки зрения различных подходов, с помощью разнообразных методов исследования, путем рассмотрения отдельных аспектов проблемы на основе выбора разных объектов для наблюдения. Исследователи акцентируют внимание на процессе взаимодействия и взаимовлияния человека как представителя определенного социума и языка, которым он пользуется. Лингвисты занимаются изучением языка, используемого той или иной личностью как в своей профессиональной, так и в повседневной деятельности, особое внимание привлекают психологические, социальные, когнитивные аспекты речевого поведения человека, а также особенности его языковой картины мира. Например, существуют работы, в которых языковая личность раскрывается с точки зрения различных подходов, методов и аспектов исследования: лингвокультурологического (С.Г. Воркачев, В.А. Маслова, В.В. Красных, Ю.С. Степанов и др.), социолингвистического (Г.Н. Беспамятова, Н.В. Анишкина, М.А. Канчер, З.Б. Баишева, О.В. Сергеева, А.Ф. Касимханова), коммуникативного (С.А. Сухих, В.В. Зеленская, В.И. Карасик), на основе выбора разных объектов для наблюдения: национальных (Ю.Н. Караулов, В.В. Воробьев); диалектных (В.Д. Лютикова, Е.В. Иванцова, О.А. Казакова); индивидуальных (Л.А. Каракуц-Бородина, М.Н. Васильева, О.В. Попова, А.Ю. Никитина) и др. особенностей языковой личности¹. Имеются работы, где исследованы языковые личности выдающихся людей, например, реконструирована языковая личность известного языковеда XX в. А.А. Реформатского [Е.В. Красильникова и группа авторов], писателей В.В. Набокова [Каракуц-Бородина 2000], В.Е. Максимова [Васильева 2015], государственных деятелей: Ивана Грозного [Попова 2004], Екатерины Второй [Никитина 2014], языковая личность представителей различных профессий: судебного оратора [Баишева 2007], педагога [Сергеева 2013], регионального телеведущего [Касимханова 2015] и др. В башкирском языкознании есть монографии², сборники статей, словари³ нового

¹ Ишегулова А.М. Языковая личность писателя Яныбая Хамматова (на материале художественных произведений) : автореф. дис. ...канд. филол. наук. Уфа, 2016. С. 3.

² Бухарова Г.Х. Башкирский народный эпос «Урал-батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ. Уфа, 2008; Раемгузина З.М. Формирование антропоцентрической системы башкирского языка. Уфа, 2006; Самситова Л.Х. Культурные концепты в башкирской языковой картине мира. Уфа, 2015; Хадыева Р.Н. Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира. М., 2005; Хайруллина Р.Х. Картина мира в русской фразеологии (в сопоставлении с башкирскими параллелями). М., 1996 и др.

³ Языковая личность: Лингвокультурология. Лингводидактика. Лексикография. Уфа, 2002; 2011; Пословичная концептуализация отдельных фрагментов картины мира в башкирском языке : сб. статей. Уфа, 2016; Самситова Л.Х. Концепты культуры в башкирской языковой картине мира : лингвокультурологический словарь. Уфа, 2010; Ягафарова Г.Н. Лингвокультурология и ономазиология // Язык и культура: проблемы соотношения и взаимодействия в полиэтничном пространстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 2. Уфа, 2015. С. 266–270.

типа, ориентированные на изучение формирования и развития языковой личности, статьи о языковой личности Дж. Киекбаева, Д. Юлтыя, Х. Давлетшиной, С. Агиша, Г. Хусаинова, З. Бииевой, (М.В. Зайнуллин, Ф.Б. Санъяров, Л.Х. Самситова), выявляющие некоторые особенности их творчества. Однако с точки зрения лингвокультурологии язык башкирских писателей и поэтов исследован в недостаточной степени. Имеются лишь некоторые труды, включая наши работы, посвященные раскрытию языковой картины мира отдельных писателей и поэтов: Х. Давлетшиной, З. Бииевой, М. Карима, Я. Хамматова (З.А. Рахматуллина, Р.Р. Янмурзина, Г.Р. Ижбаева, А.М. Ишегулова и др.). В монографии «Башкирская языковая картина мира в трилогии З. Бииевой "К свету"». Р.Р. Янмурзиной анализируются основные исследовательские подходы к национально-языковой картине мира, раскрыт лингвокультурологический потенциал башкирских лексических, фразеологических и паремиологических единиц, выделены и исследованы базовые концепты внутреннего мира в башкирской языковой картине мира, определена этноспецифика языкового отражения концептуальных составляющих материального и духовного мира человека на материале трилогии З. Бииевой.

Описание языковой картины мира писателя Х. Давлетшиной проводится в исследовательской работе З.А. Рахматуллиной. Автором на материале романа «Иргиз» анализируются основные подходы к национально-языковой картине мира, выявлены лексико-стилистические особенности произведений автора. Г.Р. Ижбаева в своей диссертационной работе на материале повести «Долгое-долгое детство» рассматривает концептосферу М. Карима. Автором исследованы жизненный путь, личностные качества и языковая картина мира писателя, выявлены факторы формирования языковой организации повести. Установлена связь мировоззренческого потенциала автора с концептосферой художественного произведения.

Объектом нашего исследования стала языковая личность известного башкирского писателя Яныбая Хамматова¹. Прозаические тексты Я. Хамматова анализируются на вербально-семантическом уровне, при котором осуществлен лексический анализ языковых единиц, используемых писателем в текстах. На лингвокогнитивном уровне выделены и охарактеризованы ключевые слова-концепты в структуре языковой личности Я. Хамматова. На прагматическом уровне проанализированы наиболее значимые прецедентные феномены в структуре языковой личности писателя, представленные фразеологизмами, народными песнями, легендами, именами собственными.

В настоящее время для башкирского языкознания огромный интерес представляет изучение языка и стиля отдельного автора как феномена языковой личности. Данная проблема особенно актуальна в период возросшего интереса к вопросам национального или этнического характера, к особенностям и характерным чертам мировоззрения той или иной конкретной личности и народа в целом. Личность автора формируется под непосредственным воздействием языковой картины мира своего народа. Поэтому в художественных текстах через личность автора отражаются образ жизни, история, традиция и культура, национальный менталитет, национальное сознание народа. Как отмечают В.В. Воробьев, Л.Г. Саяхова, «художественный текст является культурным объектом трижды, во-первых, в художественной литературе отражается жизнь народа, культура как важнейшая ее составляющая, т. е. содержание художественного произведения является национально-культурным по сути, во-вторых, язык, на котором написан художественный текст, – это один из важнейших культурных феноменов. Наконец, в-третьих, художественный текст как произведение искусства сам представляет явление культуры². Таким образом, языковая личность, ее словесно-речевое и творческое наследие преимущественно представлены в текстах, которые рассматриваются как феномен индивидуального творчества, продукт речемыслительной деятельности автора. Язык может послужить важнейшим средством познания и понимания писателя как человека, как личности, духовный мир которой реализуется в создаваемых им текстах. Именно тексты являются материалом для реконструкции языковой личности их автора.

С другой стороны, язык выражает этнические особенности восприятия действительности. Исследование языка текстов, индивидуальной картины мира автора способствует выявлению этнических особенностей стиля мышления как образа культуры, является одним из аспектов изучения духовной культуры. Следовательно, главными параметрами изучения языковой личности должны быть «историко-, этно-, социо-

¹ Ишегулова А.М. Языковая личность писателя Яныбая Хамматова (на материале художественных произведений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2016. 23 с.

² Воробьев В.В., Саяхова Л.Г. Русский язык в диалоге культур : учебное пособие. М., 2006. С. 189.

психолингвистические особенности», т. е. исторические условия формирования этноса, представителем которого является языковая личность; социальная среда, сформировавшая личность и в которой он возвращается; индивидуальные психологические особенности, а также сам язык как знаковое системно-структурное образование, служащее средством общения и обмена информацией. Таким образом, исследователь, внедряясь в «мир» языковой личности, должен рассматривать такие вопросы: в каких исторических условиях формировался этнос, который представляет языковая личность; какая социальная среда сформировала личность; каковы индивидуальные психологические особенности, присущие данной личности, и т. д.? Тем самым он воссоздает образ человека и его картину мира, описывает основные системы, из которых складывается человек.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что башкирская языковая личность – это личность, неразрывно связанная с картиной мира и менталитетом башкир, с историей, жизнью, настоящим и будущим башкирского народа. Исследование языковой личности вводит анализ языка писателя в русло современных исследований, актуализирующих проблему языковой личности, человеческого фактора в языке и вопросы индивидуально-авторской картины мира. Кроме того, исследование языковой личности автора может стать основой для продолжения линии реконструкции языковых личностей других писателей и крупных общественных деятелей, внесших вклад в развитие башкирского литературного языка с целью воссоздания обобщенной и национальной по своей природе башкирской языковой личности, процессов ее становления и формирования.

© А.М. Ишегулова, 2022

УДК 811.512.141

ГЛАСНЫЙ ТИПА «А» В АЙСКОМ ГОВОРЕ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Л.К. Ишкильдина
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

В данной статье представлен анализ гласного типа «а» носителя (см. информант) айского говора восточного диалекта башкирского языка. Нужно уточнить, что это предварительные данные, так как в данной статье приводятся материалы только по одному информанту. Анализируются 7 словоформ с инициальным и постконсонантным гласным типа «а». Акустический анализ проводился с помощью компьютерной программы Speech Analyzer. Описание идет по методике, принятой в ЛЭФИ им. В.М. Надеяева Института филологии СО РАН. В работе при определении ряда и подъема гласных была использована «Таблица гласных», разработанная Н.С. Уртегешевым на основе совмещенных соматических и акустических данных (табл. 1). Градация относительной длительности производится по Н.С. Уртегешеву¹ (табл. 2).

Ниже дается анализ гласных типа «а» в следующих словоформах: *ай* 'луна', *ак* 'белый', *асы* 'кислый', *ағас* 'дерево', *алтын* 'золото', *апай* 'сестра', *аяк* 'нога'.

---

¹ Уртегешев Н.С. Фонико-фонологическая система шорского языка в южносибирском тюркском контексте : дис ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2021. 583 с.

Таблица 1

Классификация гласных

ГОРТАННО-СВЯЗОЧНЫЕ									
1	Передний ряд			Центральный ряд			Задний ряд		
2	7		78	8		89	9		90
3	Передний ряд			Центральный ряд			Задний ряд		
4	7.1	7.2	7.3	8.1	8.2	8.3	9.1	9.2	9.3
5		3000-2600 Гц	2599-2200 Гц	2199-1800 Гц	1799-1551 Гц	1550-1301 Гц	1300-1200 Гц	1199-900	899-600 Гц
6	с			d			e		
7	гортанно-неокругленные		гортанно-округленные	ГНО	ГО	ГНО	ГО	гортанно-неокругленные	гортанно-округленные
1 140-399	ɪ / e / ɛ̃		ʏ / ø	ĩ / ě / ɛ̃ / ä	ÿ / ø̃ / ü	ĩ / ɛ̃	ũ	ɤ / ě	u / œ̃ / ɔ̃
2 400-499	ɪ / e / ɛ̃ / ä / ɛ̃		ʏ / ø	ĩ / ě / ɛ̃ / ä	ÿ / ø̃	ĩ / ě / ɛ̃	ø̃ / ü̃ / ö̃ / ɔ̃	ɤ / ě	u / o / œ̃ / ɔ̃
3 500-600	ɪ / e / ɛ̃ / ä		ø	ĩ / ě / ɛ̃ / ä	ø̃ / ü̃ / ö̃	ẽ / ɛ̃ / ä	ÿ̃ / ø̃ / ü̃ / ö̃ / ɔ̃	ĩ / ɤ / a	u / o / ɔ̃ / ɔ̃
4 601-799	e / ɛ̃ / ä / ɛ̃		ø	ẽ / ɛ̃ / ä / ɛ̃	ø̃ / ö̃	ɛ̃ / ä	ö̃	ɤ / a	o / ɔ̃ / ɔ̃
5 800-900	ä /			ä		ö̃		a	
6 901-1200				ä		ö̃			

Таблица 2

Градация относительной длительности:	
<ul style="list-style-type: none"> • 0% – 60% – сверхкраткий; • 60% – 100% – краткий; • 100% – 150% – полудолгий; 	<ul style="list-style-type: none"> • 150% и выше – долгий; • свыше 300% – сверхдолгий.

Анализ гласных:

1. Инициальный гласный в слове *аӱ* [ʷ(ʷozʰo₄ʰä₄) Qʰᵒ ᵏ] 'луна' ([V]C) имеет абсолютную длительность 199 мс, что составляет 115% к средней длительности звука – гласный полудолгий. В структуре данного гласного в пределах одного ядра было выявлено 2 компонента – *дуфон*¹: первый типа «о» – АД = 107 мс, F₁ – 770 Гц, F₂ – 1065 Гц (см. рис. 1), что соответствует заднему ряду (основная настройка), 4 ступени отстояния, *индекс* – o₄₉,₂ или о; второй «а» – АД = 92 мс, F₁ – 738 Гц, F₂ – 1283 Гц, центрального ряда (основная настройка), 4 ступени отстояния, *индекс* – a₄₉,₁ или а. В начале фонации гласного фиксируется глоттальная вставка (z)², которая является неотъемлемой его частью. Кроме того, констатируется фарингализация у первого компонента и эпиглоттализация на протяжении всего звучания гласного. Таким образом, рассматриваемому фону можно дать следующее определение: *о̃ä* – *однядерный дуфон заднего ряда* (по первому компоненту) *4 ступени отстояния полудолгий фарингализованный эпиглоттализованный с начальной звонкой глоттальной вставкой*: точная транскрипция – [ʷ(ʷoʰzʰo₄ʰä₄)ʰ].

¹ Уртегешев Н.С. Ранее не описанный тип гласных: дуфоны // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2022. № 1 (Вып. 43). С. 73–81.

² Уртегешев Н.С. Двухдерные гласные в шорском языке и языках Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 154–167.

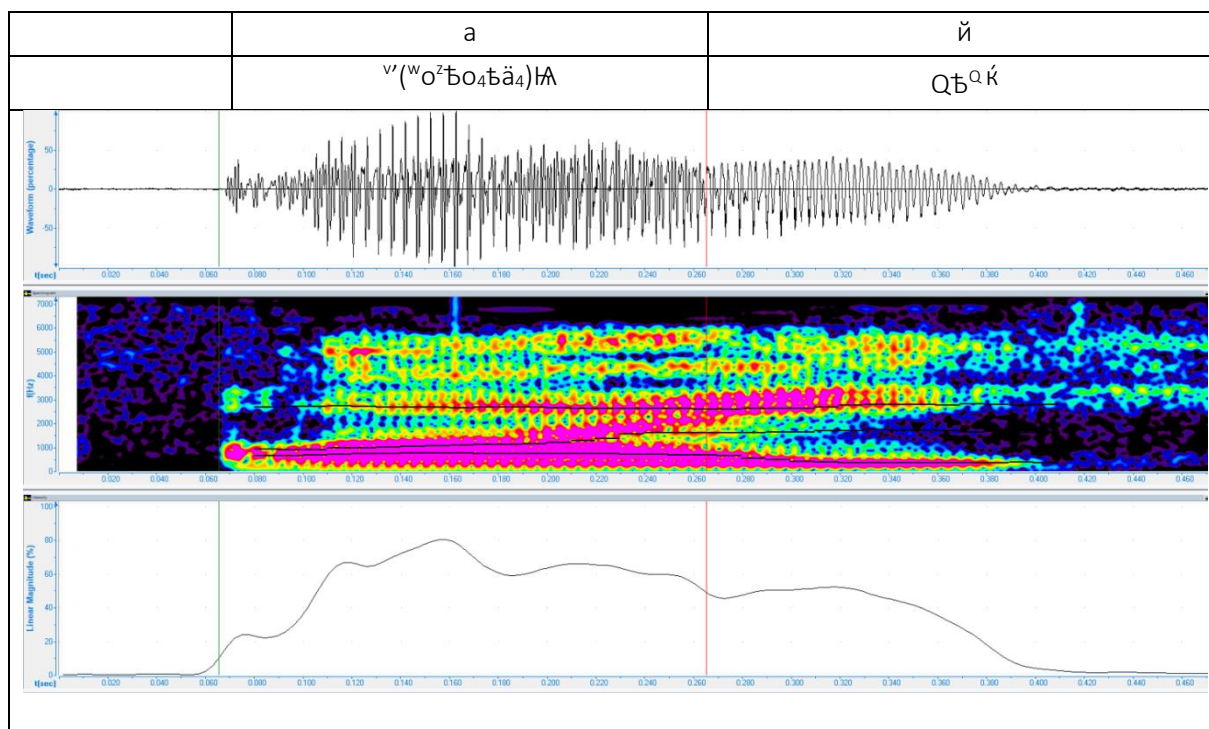

Рис. 1

2. Аналутный «а» в слове **ак** [ʷazʷbʷaʃʷakʷ]₅:θHʃʷ ‘белый’ ([V]C) имеет следующие показатели: АДЗ = 266 мс, ОДЗ = 175%, F₁ – 840 Гц, F₂ – 1088 Гц, один компонент. Кроме того, отмечаются в начале фонации глоттальная вставка, эпиглоттальность звучащей части, приглушенность второй половины гласного и фарингализованность всего фона. Таким образом, рассматриваемый гласный характеризуется как: **а** – *одноядерный заднего ряда (основная настройка) 5 ступени отстояния долгий фарингализованный эпиглоттализованный с начальной звонкой глоттальной вставкой*: точная транскрипция – [ʷ(ʷazʷbʷaʃʷakʷ)₅:].

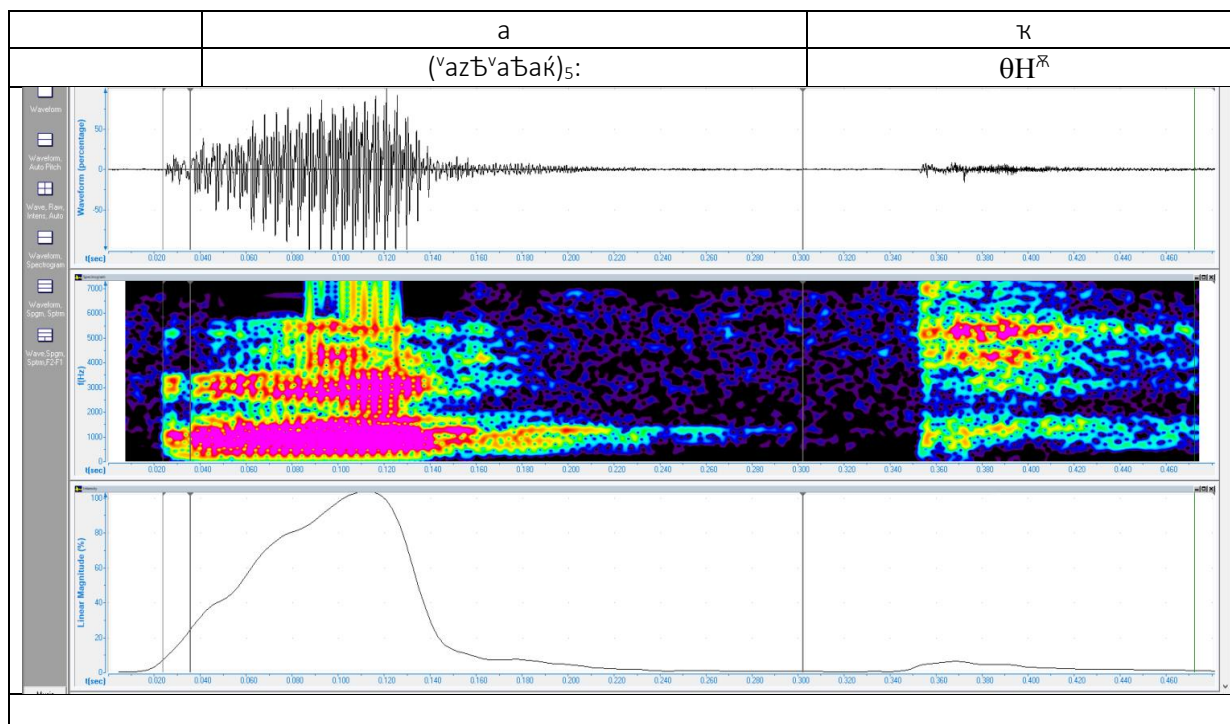

Рис. 2

3. Инициальный гласный в слове **асы** [ʕʷ(aʕʕa)₄stʰʷiʔ] ‘кислый’ ([V]C-) имеет следующие характеристики: АДЗ = 148, ОДЗ = 98%, F₁ – 790 Гц, F₂ – 1089 Гц, индекс – 49.2. Как видно на осциллограмме и спектограмме, гласный типа «а» прерывистый¹, т. к. два гоморганных ядра прерываются глоттальной согласной вставкой. Кроме того, звук эпиглоттализированный, сильнофарингализованный. Таким образом, рассматриваемый гласный определяется как: **а** – прерывистый двоядерный заднего ряда (основная настройка) 4 ступени отстояния полудолгий сильнофарингализованный эпиглоттализированный: точная транскрипция – [ʕʷ(aʕʕa)₄stʰʷiʔ].

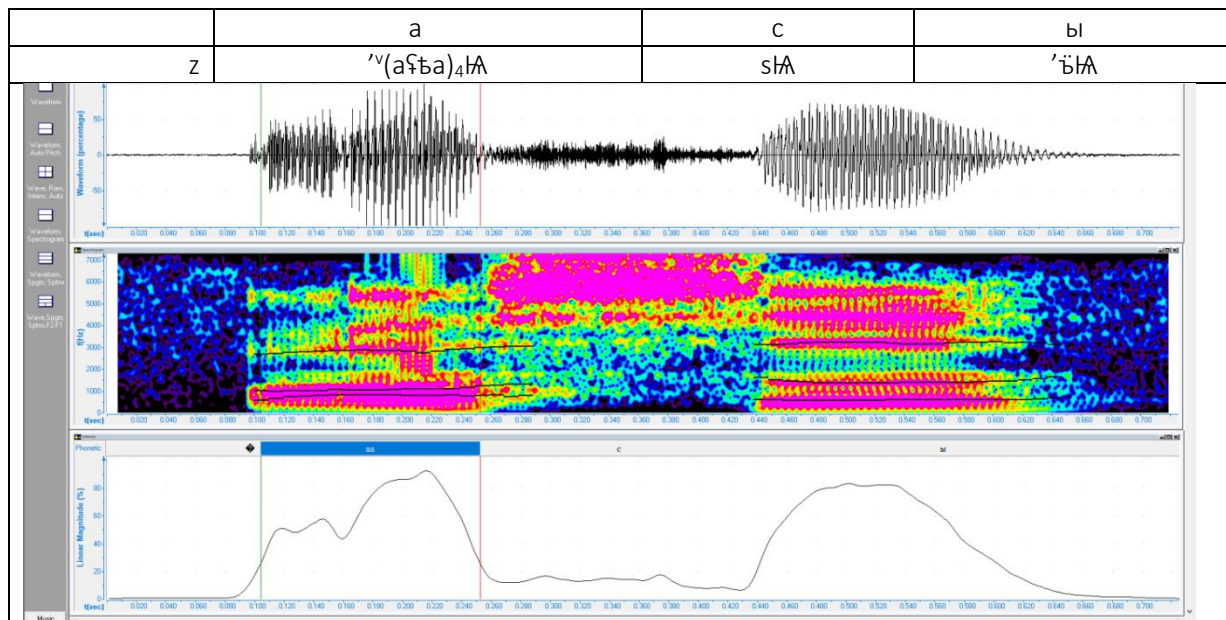

Рис. 3

4. Начальный «а» ([V]C-) в слове **арас** [z ʷä₅s ʷä₄stʰʷiʔ] ‘дерево’: АДЗ = 91 мс, ОДЗ = 78%, F₁ – 812 Гц, F₂ – 1292 Гц, индекс – 59.1. Фиксируется работа черпалонадгортанных складок.

Итак, данному звуку можно дать следующее определение: **а** – простой одноядерный центрального ряда (основная настройка) 5 ступени отстояния краткий сильнофарингализованный сильноэпиглоттализированный начальновестибуляризованный: точная транскрипция – [ʷä₅₉.₁] или [ʷä₅]. Интерконсонантный «а» (-C[V]C): АДЗ = 86 мс, ОДЗ = 75%, F₁ – 740 Гц, F₂ – 1357 Гц, индекс – 48.3. Также отмечается работа черпалонадгортанных складок. Таким образом, анализируемый звук можно определить как **а** – простой одноядерный центрального ряда (продвинутый вперед) 4 ступени отстояния краткий фарингализованный слабоэпиглоттализированный: точная транскрипция – [ʷä₄₈.₃] или [ʷä₄].

¹ Уртегешев Н.С. Двоядерные гласные в шорском языке и языках Сибири // Сибирский филологический журнал. 2021. № 4. С. 154–167.

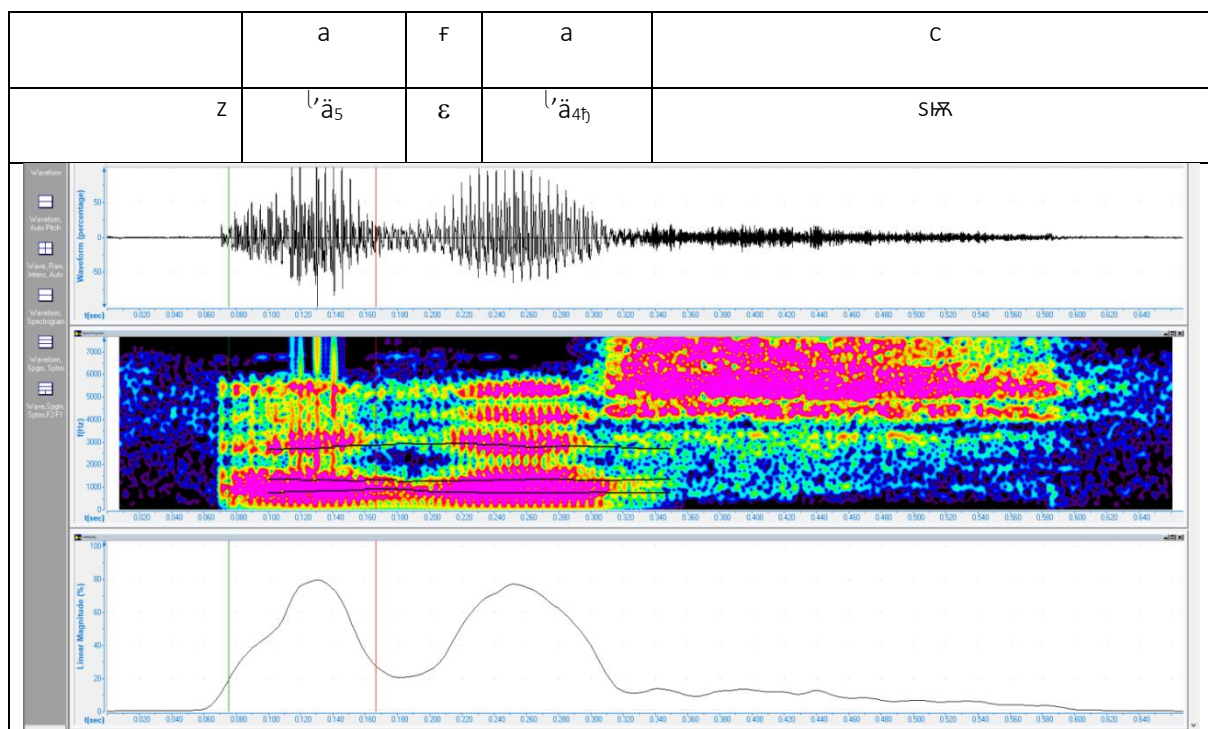

Рис. 4

5. Начальный гласный «а» ([V]C-) в словоформе *алтын* [ɸʌ̌ä₅ltɸ_ɰn] ‘золото’: АДЗ = 139 мс, ОДЗ = 111%, F₁ – 828 Гц, F₂ – 1069 Гц, индекс – 59.2. Кроме того, отмечается эпиглоттализация, фарингализация, приглушенность в начальной фазе – экскурсии. В начале фонации фиксируется звонкая щелевая глотальная вставка ɸ.

Рассматриваемый гласный определяется как: **а** – *однойдерный заднего ряда (основная настройка) 5 ступени отстояния полудолгий фарингализованный эпиглоттализированный с начальной звонкой глотальной вставкой*: точная фоническая транскрипция: [ɸʌ̌ä₅].

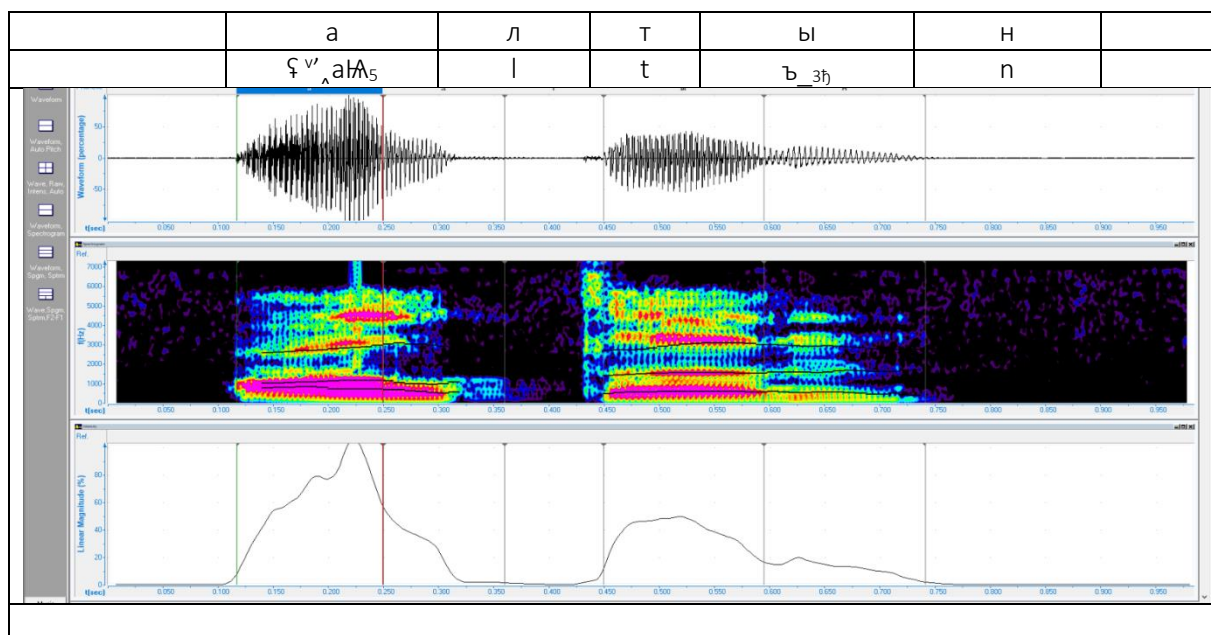

Рис. 5

6. Инициальный гласный «а» ([V]C-) в лексеме *анай* [zʌ̌ä₄pyʌ̌ä₄fɸ] ‘сестра’ имеет следующие характеристики: АДЗ = 120 мс, ОДЗ = 164%, F₁ – 669 Гц, F₂ – 1281 Гц, индекс – 49.1. Из дополнительных характеристик отмечаются эпиглоттализация, приглушение в конце звучания перед

глухим смычным «п». В начале фонации гласного отмечается глоттальный щелевой звонкий согласный (z). Начальный гласный определяется как: **а** – *однойдерный центрального ряда* (основная настройка) *4 ступени отстояния долгий эпиглотализованный*: точная фоническая транскрипция – [z^väɣ₄]. Интерконсонантный «а» (-C[V]C): АДЗ = 76 мс, ОДЗ = 104%, F₁ – 717 Гц, F₂ – 1614 Гц, *индекс* – 48.2. Таким образом гласный определяется как: **а** – *однойдерный центрального ряда* (основная настройка) *4 ступени отстояния полудолгий эпиглотализованный*: точная фоническая транскрипция: [v^väɣ₄ʔ].

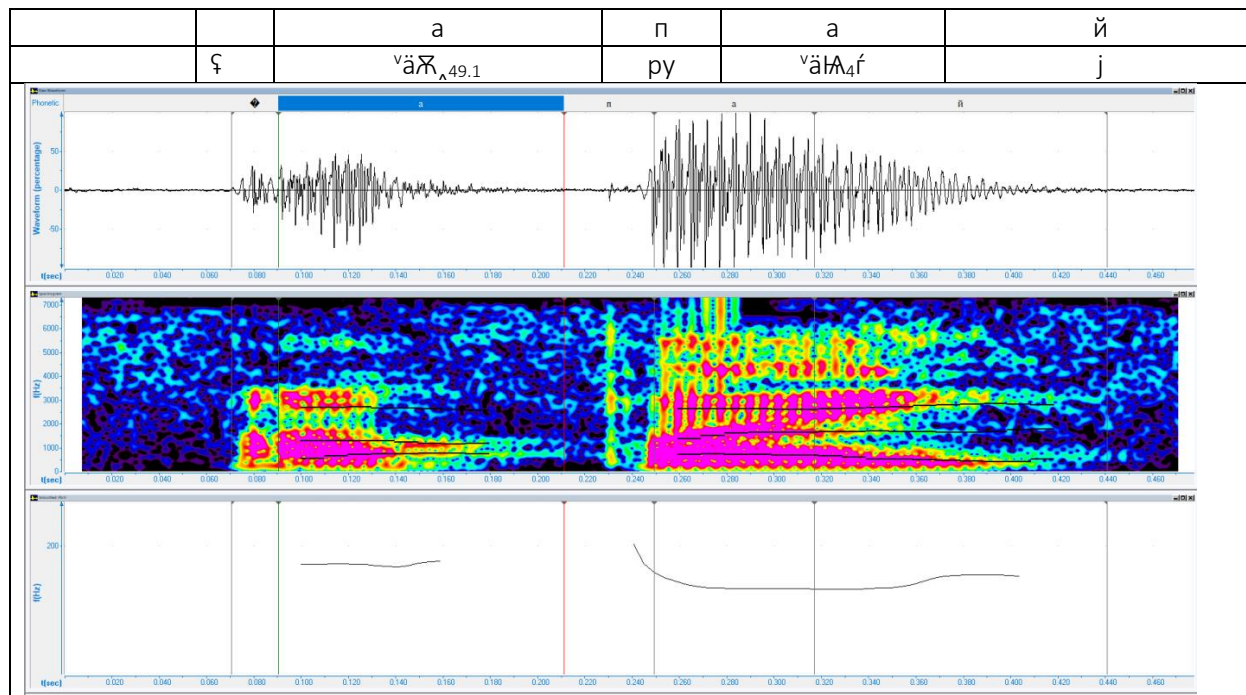

Рис. 6

7. В словоформе *аяк* [ʧ^vä₅ʃj 'E_{α6}ʔθ^h] 'нога' представлены два гласных звука типа *а*.

Инициальный «а» ([V]C-) имеет следующие характеристики: АДЗ = 119 мс, ОДЗ = 85%, F₁ – 822 Гц, F₂ – 1357 Гц, *индекс* – 58.3. Из дополнительных характеристик можно отметить сильную фарингализацию. В начале фонации присутствует глоттальный звонкий щелевой согласный. Инициальный гласный определяется как: **а** – *однойдерный центрального ряда* (основная настройка) *5 ступени отстояния краткий сильнофарингализованный*: точная фоническая транскрипция: [ʧ^vä_{58.3}]. Интерконсонантный гласный «а» (-C[V]C): АДЗ = 195 мс, ОДЗ = 137%, F₁ – 929 Гц, F₂ – 1555 Гц, *индекс* – 68.2. Характеризуется следующими дополнительными артикуляциями: звук сильно фарингализован, вторая часть гласной перед глухим смычным приглушена. Итак, можно дать следующее определение гласной: **а** – *однойдерный центрального ряда* (основная настройка) *6 ступени отстояния полудолгий сильнофарингализованный приглушенный*: точная фоническая транскрипция – [ʧ^vE_{α6}ʔ].

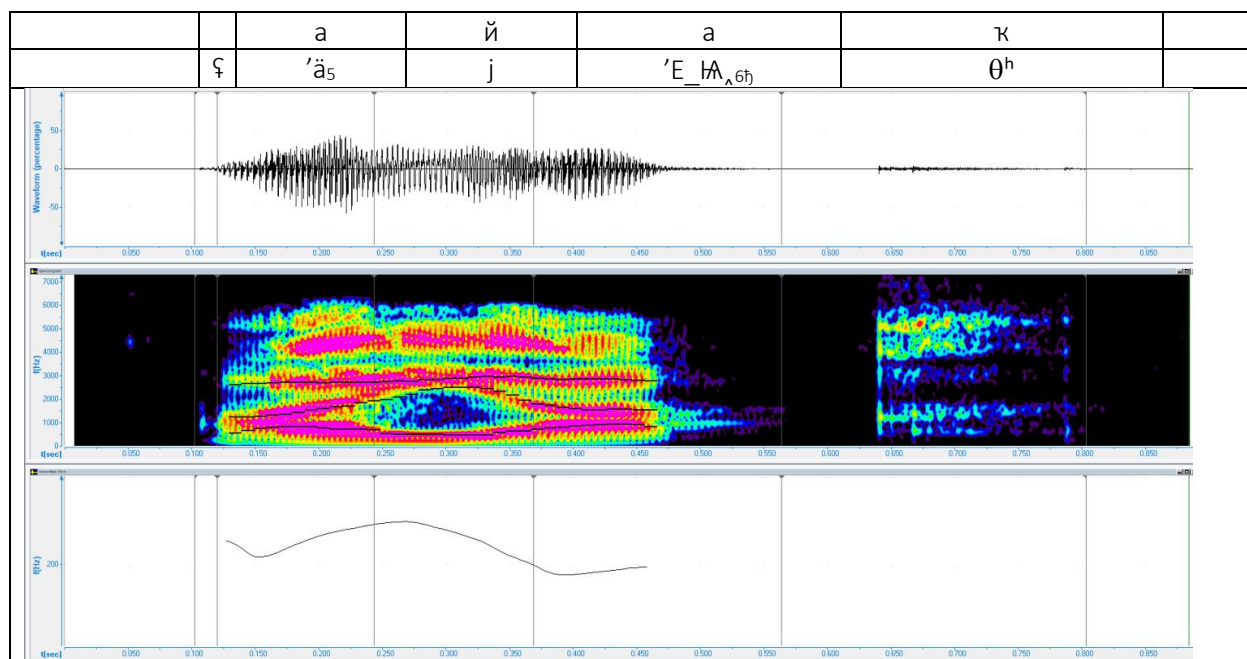

Рис. 7

Количественные и качественные показатели рассмотренных гласных можно представить в виде таблицы (табл. 3).

Таблица 3

Таблица показателей

Слово, значение, перевод, транскрипция, позиция, ДС (мс)	АДЗ (мс)	СДЗ (мс)	ОДЗ (%)	F ₁ (Гц)	F ₂ (Гц)
ай [ʷ(ʷozʃo₄ʃä₄) Qʃᶜᶜ] 'луна', [V]C, 344 мс	117+92=199	172	115	770–738	1065–1283
ак 'белый', [(ʷaʳʃʷaʃak)₅:θNᶜ], [V]C, 457 мс	266	152	175	840	1088
асы [ʃʷ(aʃʃa)₄]ʃʃaʃʃa 'кислый', [V]C-, 575 мс	148	144	103	790	1089
ағас [z ʷä₅ε ʷä₄ᶜʃʃ] 'дерево', [V]C-, 574 мс	91	114	78	812	1292
ағас [z ʷä₅ε ʷä₄ᶜʃʃ] 'дерево', -C[V]C, 574 мс	86	114	75	740	1357
алтын [ʃʷ_ä₅9.2]ʃʃ38.3n] 'золото', [V]C-, 632 мс	139	126	111	828	1069
апай [zʷäᶜ_4pyʷäᶜ] 'сестра', [V]C-, 364 мс	120	73	164	669	1281
апай [zʷäᶜ_4pyʷäᶜ] 'сестра', -C[V]C, 364 мс	76	73	104	717	1614
аяк [ʃʷä₅ᶜ]j 'E_ä₆ᶜθʰ] 'нога', [V]C-, 698 мс	119	140	85	822	1357
аяк [ʃʷä₅ᶜ]j 'E_ä₆ᶜθʰ] 'нога', -C[V]C, 698 мс	195	140	139	929	1555

Таким образом, у информанта, носителя айского говора восточного диалекта башкирского языка, наблюдается употребление следующих вариантов гласной типа **а**: одноядерные центрального ряда 4, 5, 6 ступеней отстояния, одноядерные заднего ряда 5 ступени отстояния. В слове **ай** 'луна' фиксируется одноядерный дуфон заднего ряда **оа**, а в словоформе **асы** 'кислый' – прерывистый двоядерный заднерядный гласный **аҫа**. Особенностью произношения является также употребление звонкого щелевого глоттального согласного перед гласным в абсолютном начале слова, что характерно для тюркских языков в целом.

Информант – Мустакимова Сакина Миндуллоевна, 1961 г. р., башкирка. Башкирским языком владеет с детства. Образование – 8 классов. Проживает в д. Юлаево Салаватского р-на Республики Башкортостан.

© Л.К. Ишкильдина, 2022

УДК 811.512.141:81'28

**МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ НОМИНАЦИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ
В ДИАЛЕКТАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА
(на материале данных диалектологической базы МФБЯ)**

А.Ш. Ишмухаметова
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Фитонимы формируют одну из древнейших номинативных систем языка, в которой отражен опыт практического и культурно-мифологического освоения флоры. Они воплощают в себе определенные характеристики растений, отражают духовный мир людей, их культуру, традиции и быт¹. В названиях растений отображен обширный диапазон информационных каналов: визуальных, тактильных, слуховых, вкусовых, а также чувства народа. Изучение закономерностей номинативных действий, функционирующих в системе фитонимической лексики, дает возможность установить характерные черты познания народом растительного мира, более значительно представлять номинативный механизм языка, а также систематизировать названия растений согласно методу их именования. При номинации лекарственных растений, как и всех других разновидностей растений, сравнивая один или несколько языков, исследователям удалось выявить их общие признаки. В своих исследованиях лингвисты используют термины «принцип номинации» («исходное положение, правила, которые формируются на основе обобщения мотивировочных признаков говорящим коллективом и одновременно служат отправной базой для новых наименований»²), «мотивировочный признак» («один из объективных признаков самой реалии, выделяемый как «представитель» всей совокупности ее признаков, способный наиболее ярко охарактеризовать данный предмет в ряду ему однородных»³), «мотивема» («обозначение класса однородных мотивов»⁴). О.Г. Рубцова в своем исследовании, придерживаясь концепции М.М. Гинатуллина, на основе наиболее существенных признаков номинации русских, марийских, немецких, латинских названий лекарственных растений выделяет следующие наиболее продуктивные мотивемы:

- 1) мотивема «Применение в медицине»;
- 2) мотивема «Бытовое использование»;
- 3) мотивема «Вкус и запах»;
- 4) мотивема «Внешний вид»;
- 5) мотивема «Место и условия произрастания»;
- 6) мотивема «Время цветения»;
- 7) мотивема «Цветобозначение»;
- 8) мотивема «Фаунистическая лексика»;
- 9) мотивема «Народные поверья, суеверия»;
- 10) мотивема «Религиозные верования»;
- 11) мотивема «Антропоним».

¹ Аллафи Л.М.-Р., Тугушева Ф.А. Принципы номинации родовых названий лекарственных растений // Историческая и социально-образовательная мысль. Т. 6. № 6. Ч. 2. Краснодар, 2014. С. 42.

² Блинова О.И. Лексическая мотивированность и некоторые проблемы региональной лексикологии // Вопросы изучения лексики русских народных говоров. Диалектная лексика. Л., 1971. С. 98.

³ Голев. Н.Д. О принципе номинации и методе их исследования : материалы научной конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972. Вып. 5. С. 96.

⁴ Гинатуллин М.М. К исследованию мотивации лексических единиц (на материале наименований птиц) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1973. С. 10.

Каждую лексико-семантическую группу фармакофитонимов исследователь делит на отдельные подгруппы с общим мотивировочным признаком. Например, мотивема «применение в медицине» состоит из фитонимов:

- 1) подчеркивающие универсальность применения в медицине;
- 2) указывающие на кровоостанавливающие свойства растений;
- 3) выявляющие цель лечения;
- 4) содержащие название определенного больного органа (органов дыхания, органов желудочно-кишечного тракта, органов сердечно-сосудистой системы и т. д.);
- 5) отражающие неправильное использование растения и его негативные свойства;
- 6) определяющие лекарственную форму растений.

О.Г. Рубцова, анализируя названия лекарственных растений, приходит к выводу, что в основном мотивировочный признак не является случайным, а отражает характерные свойства самой реалии. Выявлению основы номинации помогает знание признаков и свойств самого предмета¹.

Названиям лекарственных растений в уйгурском языке посвящено диссертационное исследование Г.Ш. Назаровой, в котором исследователь классифицирует их по 4 принципам номинации:

- 1) по сходству растений (с различными предметами и явлениями, с другими растениями);
- 2) по внешним признакам (цвету, величине, общему виду);
3. По территории распространения (ареал, место произрастания);
- 4) по качеству растений (по запаху, вкусу, лечебным признакам, характерной особенности растения, воздействию на человека, поеданию животными, использованию в быту) и т. д.

Автор отмечает, что в фитонимах наиболее полно реализован принцип номинации по сходству с различными предметами и явлениями, например: *тэнгэ йопурмақ* 'мать и мачеха' < *тэнгэ* «монета» + *йопурмақ* «лист». Продуктивность этого принципа образования названий лекарственных растений объясняется, видимо, тем, что значительно легче выделить у растения какие-то внешние особенности, чем внутренние. Очень мало названий, в основании которых лежит признак, указывающий на их непосредственное использование².

Ж.М. Омашева, исследуя наименования лекарственных растений казахского и русского языков, выявляет 23 мотивировочных признака (МП):

1. МП «цветообозначение»,
2. МП «целебное воздействие»,
3. МП «сфера применения»,
4. МП «ядовитость»,
5. МП «корм/трава для животных, птиц»,
6. МП «предостережение об опасности»,
7. МП «сходство с органами животных, птиц»,
8. МП «зооморфизмы для выражения признаков «ненастоящий, дикий, ложный»,
9. МП «сходство с предметами, связанными с жизнью человека»,
10. МП «место произрастания»,
11. МП «особенности произрастания»,
12. МП «время цветения, произрастания»,
13. МП «количественные признаки»,
14. МП «качественные признаки»,
15. МП «форма»,
16. МП «размер, величина»,
17. МП «вкус, запах»,
18. МП «способность выделять жидкое вещество, сохранять влагу»,
19. МП «характерное действие»,

¹ Рубцова О.Г. Названия лекарственных растений в разноструктурных языках (на материале русского, марийского, немецкого и латинского языков) : дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 2015. С. 44.

² Назарова Г.Ш. Названия лекарственных растений в современном уйгурском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1992. С. 22.

20. МП «этнонимы»,
21. МП «антропонимы»,
22. МП «народные поверья, верования, обряды, легенды»,
23. МП «родственные, половые и другие отношения и характеристики человека».

Анализируя внутренние формы мотивированных названий растений обоих языков, автор находит в них как сходство, так и различия. Сходство проявляется в наличии одинаковых мотивировочных признаков, в выборе одного и того же мотиватора. Различия наблюдаются в количественном плане: каких-то номинаций по тому или иному признаку больше в русском языке, каких-то – в казахском. Большинство русских и казахских названий обладают прозрачной внутренней формой, мотивировочные связи с производящими основами восстанавливаются достаточно отчетливо¹.

Таким образом, рассмотрев вышеприведенные исследования русских, марийских, немецких, латинских, уйгурских, казахских названий лекарственных растений, можно выделить следующие общие мотивировочные признаки:

- 1) морфологический (внешний вид, цвет, вкус, запах и т. п.);
- 2) функциональный признак (лекарственные свойства);
- 3) темпоральный признак (время появления растений после зимы и время зацветания, продолжительность цветения или жизни);
- 4) экологический признак (условия произрастания).

Принципам номинации в башкирском языке посвящена монография Г.Н. Ягафаровой. Исследуя не только литературные, но и диалектные названия фитонимов, автор выделяет следующие мотивирующие признаки:

- 1) звукоизобразительность;
- 2) признаковость;
- 3) функциональность;
- 4) относительность.

Как отмечает автор, обнаружение огромного количества диалектных вариантов фитонимов демонстрирует разницу в видении окружающего мира представителями различных говоров (форма, функция, величина, сходство с другими реалиями и другие признаки²).

Одним из важнейших источников для изучения исторического развития и становления литературного языка является диалект. В диалектах отражаются особенности национального сознания. Созданная лабораторией лингвистики и информационных технологий (ныне – отдел прикладной лингвистики и диалектологии) ИИЯЛ УФИЦ РАН диалектологическая база в составе Машинного фонда башкирского языка состоит из трех отдельных баз данных: лексической базы данных, базы данных диалектологического атласа и текстологической базы данных³. В данной статье будут рассмотрены мотивировочные признаки номинации некоторых лекарственных растений на материале данных диалектологической базы МФБЯ.

Лекарственные растения в башкирском языке, как и все другие разновидности растений, обладают множеством признаков, из которых при номинации используется какой-то один из них. Естественно, некоторые растения получили свое название в связи с использованием их в народной медицине. Например, в наименованиях некоторых лекарственных растений отражаются названия тех болезней, которые можно вылечить этим растением: диал. *яра япрағы*⁴ (букв. *яра* «рана», *япрак* «лист») 'подорожник' – лат. *Plantago*⁵, диал. *яра үләне* (букв. *яра* «рана», *үлән* «трава») 'медуница

¹ Омашева Ж.М. Названия лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках: мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный аспекты : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2017. С. 143.

² Ягафарова Г.Н. Принципы номинации в башкирском языке. Уфа : ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. С. 19.

³ Сиразитдинов З.А., Бускунбаева Л.А., Ишмухаметова А.Ш., Шамсутдинова Г.Г. Диалектологический ресурс Машинного фонда башкирского языка // Улы дала тұлғалары: академик Шора Сарыбаев және ұлттық тілтаным тағылымы : Халықаралық ғылыми-теориялық конференция материалдары. Алматы, 2020. С. 76.

⁴ Здесь и далее использованы примеры из диалектологической базы Машинного фонда башкирского языка [Режим доступа: <http://mfbl2.ru/mfbl/bashdial> (дата обращения: 11.08.2022)].

⁵ Здесь и далее латинские названия были взяты: Хайретдинов С.С. Русско-башкирско-латинский словарь ботанических терминов (Роды растений). Уфа : Башкирская энциклопедия, 2002. 60 с.

лекарственная' – лат. *Pulmonaria officinalis*, диал. *йөрәк уты* (букв. *йөрәк* «сердце», *ут* < древнетюрк. слово *от*: 1. «трава»; 2. «лекарство»¹) 'сердечник' – лат. *Cardamine*, диал. *бүсәр үләне* (букв. *бүсәр* «грыжа», *үлән* «трава») 'грыжник гладкий' – лат. *Herniaria glabra* и т. п., т.е. названия этих растений, с точки зрения народной медицины, мотивированы их лечебным свойством.

В основе мотивации следующих фармакофитонимов лежит цвет. При этом разные части растений могут обладать разными цветовыми признаками, например, это цвет плода: *кара миләш* (букв. *кара* «черный», *миләш* «рябина») 'рябина черноплодная' – лат. *Aronia mitschurinii*, *кара көртмәле* (букв. *кара* «черный», *көртмәле* «черника») 'черника обыкновенная' – лат. *Vaccinium myrtillus*, *кызыл карағат* (букв. *кызыл* «красный» *карағат* «смородина») 'красная смородина' – лат. *Ribes rubrum*; цвет корней: *актамыр* (букв. *ак* «белый» + *тамыр* «корень») 'пырей ползучий' – лат. *Elytrigia repens*, *алтын тамыр* (букв. *алтын* «золото // золотой», *тамыр* «корень») 'родиола' – лат. *Rhodiola*; цвет цветков: диал. *һарсәскә* (букв. *һары* «желтый» + *сәскә* «цветок») 'одуванчик лекарственный' – лат. *Taraxacum officinale*, диал. *күксәсәк* (букв. *күк* «голубой» + *сәсәк* «цветок») 'василек голубой' – лат. *Centaurea cyanus*, *бакыр сәскә* (букв. *бакыр* «медь / медный», *сәскә* «цветок») 'василистник желтый' – лат. *Thalictrum flavum* и т. п.

Не только качественные, но и количественные признаки базируются в номинации некоторых лекарственных растений: *меңъяпрак* (букв. *мең* «тысяча» + *япрак* «лист») 'тысячелистник обыкновенный' – лат. *Achillea millefolium*, *кыркбыуын* (букв. *кырк* «сорок» + *быуын* «узел») 'хвощ' – лат. *Equisetum*, *кыркъяпрак* (букв. *кырк* «сорок» + *япрак* «лист») 'кровохлебка лекарственная' – лат. *Sanguisorba officinalis* и т. п.

В основе названий других фармакофитонимов лежит соматический признак, например, сравнение с какой-либо частью тела животного, птиц. Следующие названия мотивированы внешней формой листьев: диал. *эт табаны* (букв. *эт* «собака», *табан* «лапки») 'манжетка' – лат. *Alchemilla*, *бесәй тырнағы* (букв. *бесәй* «кошка», *тырнак* «коготь») 'льнянка обыкновенная' – лат. *Linaria vulgaris*; внешней формой цветков растений: *күгәрсен күзе* (букв. *күгәрсен* «голубь», *күз* «глаз») 'василек' – лат. *Centaurea* и т. п.

Во многих номинациях отражается место произрастания растений. Топологический признак места проявился в номинации следующих лекарственных растений: *кайын еләге* – место произрастания – березняк (букв. *кайын* «береза», *еләк* «ягода»), диал. *сауыл еләге* (букв. *сауыл* «одинокая большая береза», *еләк* «ягода») 'земляника' – лат. *Fragaria vesca*, диал. *тау еләге* – место произрастания растения – гора (букв. *тау* «гора», *еләк* «ягода») 'земляника' – лат. *Fragaria vesca*, *күл йыуаһы* – место произрастания – озеро (букв. *күл* «озеро», *йыуа* «дикий лук») 'лук угловатый' – лат. *Allium angulosum*, диал. *яр бөрлөгәнә* – место произрастания – берег (букв. *яр* «берег», *бөрлөгәнә* «ежевика») 'ежевика сизая' – лат. *Rubus caesius* и т. п.

Немало лекарственных растений, растущих только в лесу. Признак «место произрастания растений – лес» лежит в основе номинации ряда фармакофитонимов: диал. *урман еләге* (букв. *урман* «лес», *еләк* «ягода») 'земляника лесная' – лат. *Fragaria vesca*, *урман йыуаһы* (букв. *урман* «лес», *йыуа* «дикий лук») 'черемша' – лат. *Allium ursinum*, диал. *урман какысы / урман кукусы* (букв. *урман* «лес», *какы / куку* «свербига») 'свербига' – лат. *Bunias*, *урман кесерткәне* (букв. *урман* «лес», *кесерткәнә* «крапива») 'крапива' – лат. *Urtica* и т. п.

Вкусовые качества плодов растений легли в основу мотивации следующих наименований лекарственных растений: *татлы тамыр* (букв. *татлы* «сладкий», *тамыр* «корень») 'солодка уральская' – лат. *Glycyrrhiza uralensis*, *баллыкәй* (букв. *баллы* «медовый» + уменьш.-ласк. афф. –*кай*) 'медуница' – лат. *Pulmonaria*, *сөсө йыуа* (букв. *сөсө* «пресный», *йыуа* «лук») 'дикий лук' – лат. *Allium ramosum*. В основе следующих названий лежит принцип номинации, оценивающий горький вкус фармакофитонима: *асы какы* (букв. *асы* «горький», *какы* «свербига») 'свербига восточная' – лат. *Bunias orientalis*, *әсе әрем* (букв. *әсе* «горький», *әрем* «полынь») 'полынь горькая' – лат. *Artemisia absinthium*, диал. *әсе йөрәгулән* (букв. *әсе* «горький», *йөрәк* «сердце» + *үлән* «трава») 'сердечник горький' – лат. *Cardamine amara*, *әсе торма* 'горькая редька' – лат. *Raphanus raphanistrum* и т. п.

¹ Древнетюркский словарь / ред. Надеяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. Л. : Наука, ЛО АН СССР, 1969. С. 373.

Таким образом, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что лексика названий лекарственных растений номинативна по своей природе и неразрывно связана с действительностью. Это говорит о том, что с древнейших времен от поколения к поколению передавались не только данные о целебных свойствах лекарственных растений, но и их названия.

© А.Ш. Ишмухаметова, 2022

УДК 821.512.141

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ХАДИИ ДАВЛЕТШИНОЙ Һәзиә Дәүләтшинаның ижади мирасының аз билдәле биттәре

Г.Н. Каскинова

(Бирский филиал БашГУ, Бирск)

(БДУ-ның Бөрө филиалы, Бөрө)

В статье анализируется малоизвестный очерк Хадии Давлетшиной “Крупницы сердолика”, в котором автор ставит проблему формирования нового человека через пробуждение самосознания башкирских женщин.

Замандың көнүзәк мәсьәләләрен вакифаларзың кайнар эзенән яктыртып барыуға ынтылыш Һәзиә Дәүләтшина ижадына очерк жанрын алып инә. Языусының “Акык бөртөктәре” (1935) әсәре “Еңелмәс батырзар”, “Кызылармеец СынTIMER” очерктары кеүек үк Баймак районының Йылайыр орлоксолок совхозының “Орлок фабрики” гәзите редакцияһында эшләгән йылдарында язилған әсәрҙәр серияһынан.

“Акык бөртөктәре” сәсеү эштәренә әзерлек мәлен тасуирлауҙан башлана ла, көтөлмәгән боролош ала: ретроспектив алым ярҙамында 8-се март кисәһен хәтерләүгә тоташа. Алдыңғы трактористка, комбайнеркалар менән бер рәттән ударница исеменә лайык булып, катын-кыҙҙар ойштороусыһы Данилова кулынан бүләк алған Кинйәкәй Байғужинаның кыуаныслы мәле яктыртыла бында. Бүләкләү ваҡытында кыска дәртле көй уйнаған духовой оркестр, шат көлөп бүләк тапшырыусы Данилова, иркәләгән һүҙҙәр менән өндәшеп, уның шатлығын уртаклашыусы трактористка Маруся, кара күҙҙәрен нурлы көлдөрөп бағыусы төп герой аша осорҙоң күтәренке рухы, күмәк хезмәт шатлығы йәнле буюҙарҙа бирелә.

Кинйәкәйҙең яңы заман кешеһе, коллектив ағзаһы булып формалашыуы тура юлдан ғына бармай. “Кыш буйы эшләп биш тәңкәлек шәл алдың” тип кәнәғәтһезлек белдереүсе ире Ибрай, ударница булып бүләк алыуын яратмаған, мәлен тура килтереп мыссылларға тырышкан Сәғизә, кулак, спекулянт Кужак кеүектәр Кинйәкәйҙең психологик хәл-торошона кишкен тәьсир итәләр – күңелен эштән һүрелдерәләр. Ибрайҙың: “...һеҙ бисәләрҙең сырылдашып йыйылышта кысқырып, урамда һертелдәп йүгерекләүҙән башка эшегез юк бит”, – тип, һанға һукмай маташыуы катын-кыҙға карата катып калған мөнәсәбәттәрҙең һаман да йәшәп килеүен дәлилләй. “Башкорт катынының иске ғөрөф-ғәзәттәр менән конфликты шулай төйөнләнә”¹, – тип билдәләп үткәйне был турала профессор Рәиф Әмиров.

“Уның (Кинйәкәйҙең – Г.К.) йөрәге әллә нисек уңайһың, һалмак тибә, эсе әләп-йөләп булып бошоп тора”, – тип һүрәтләй языусы төп геройының күңел халәтен. Әйткәндәй, башлыса һамар башкорттары телмәрендә кулланылған “әләп-йөләп булып” һүзбәйләнешен языусының ғүмеренең һуңғы йылдарында ижад иткән дүрт юллык кына шиғырында ла оsrатабыз:

Ниңә минең эсем бер өзлөкһеҙ
Әләп-йөләп булып боша икән?!
Ниңә оло йәнем көндәр һайын
Баҫкыс-баҫкыс түбән төшә икән?!²

¹ Амиров Р.К. На стремнине. Уфа: Башкирское книжное изд-во, 1988. С. 194.

² Һәзиә Дәүләтшина музейы фонды.

Үзен катын-кыздар йыйылышына сакырырға килгән акыллы, үткер малай Кыуатка, уның сонток танаулы һөйкөмлө иптәшенә каршы һүз әйтмәүе Кинйәкәйзең ыңғай натураһы, өмөтлө булыуы, күршеһе Сәғизәгә капма-каршы тәбиғәте тураһында тағы ла бер тапкыр иҫбатлай.

Кара үзәк буйында урынлашкан ауылда тыуып, көрәк менән гүмнарларға бойзай елгәреп, эштә сынығып үскән Кинйәкәй менән Сараның диалогында тыуған ауылдарындағы колхоздың ударник рәтенә сығыуына, техникалы булуызарына кыуаныулары, Кинйәкәйзең колхоз председателе дәрәжәһенә тиклем үскән атаһы тураһында хәбәр ителеүе төп геройың характеристикаһын тәрәнәйтеберәк ебәрә.

Очеркта исем-шәрифтәре күрһәтелмәһә лә, Ғәбәй Дәүләтшин икәнә аңлашылып торған политбүлек башлығының эшлекле образы сағылып кала. Сал инә башлағанкара бөзрә сәсле, кайыш менән быуып һары күн тужурка, йәшел ғәскәри фуражка кейгән етәксенең телмәре аналитик характерға, катын-кыздар араһында алып барылған эшкә баһаһы ғәзел, улар алдына куйған бұрыс-максаттары анык.

Һәзиә Дәүләтшина үз геройҙарын яратып, кеүәтләп һүрәтләй. Бында ошо ук совхоз эшсәндәре тураһындағы “Еңелмәс батырҙар” әсәре (языусы жанрын билдәләгәндә “очерк урынына” тигән иҫкәрмә биреүзе көрәк тапкан – Г.К.) менән ауаздаш моменттар яңғырай: “Өйөлөп куйған биш эре бойзай түмәләстәрәнең аҙағын үткәргәндә, кулына иҫәп қағызы тоткан Данилова, иптәштәрөнә шатлыклы хәбәр итеп: – Бына бит, кызыкайҙар, без эшләһәк нишләтәбез!” – тине.

Бисәләр төрлөһө төрлө яктан уны һырып алып:– Күпме эшләгәнбез, Клавдия Петровна, нисә центнер? – тип сыуылдаштылар.

Данилова маһайып: – Ун ике тонна, иптәштәр, – тине (“Акык бөртөктәре”).

– Трактор карзы бар тип тә белмәй ул. – Солонин, маһайып, тракторҙар яғына карап йылмая.

Политбүлек башлығы улар менән һаулашканда яҙға табан бындай ауыр йөктәр менән боз өстөнән йөрөүзең күркыныс булуын иҫкәртә. Ләкин Хәбиров уға батырҙарса маһайған йылмайыу менән: – Эй начальник ағай, большевиктар кулында тракторҙар бозға уйыламы һуң инде? Әллә ниңә лә батмайбыҙ ул! – ти.

Ул, тракторына һикереп менеп, рудде кулына алып, уны ходка ебәрзе лә, тағы ла ак тештәрән йылтыратып, шаян күзәрән уйнатып, гөрөлдәгән машинаны алға тәгәрәтте” (“Еңелмәс батырҙар”).

Языусы үзе рус теленә “Зернышки драгоценных камней” тип тәржемә иткән [6] әсәрзең исеме үзе үк метафора – акык бөртөктәре. “Очерктың исеме дөйөмләштерелгән мәғәнә ала: акык бөртөктәре – ул хезмәт емеше, муллык һәм тормош билдәһе, коллектив хезмәттә тыуған саф тойғолар, был хезмәттә ойштороусы Кинйәкәй кеүек кешеләр”, – тип билдәләгәйне Марат Минһажетдинов¹. Акык йәки алтын иген бөртөктәре ни кәзәр кәзәрле булһа ла, совет йәмғиәте өсөн иң киммәтлеһе – кешеләр, тигән фекерҙә языусы: “Уның (Кинйәкәйзең – Г.К.) күңеле яз көндәре йәшел иген күрпыларына төрөлгән совхоз яландары һымак йәш, йөрәге йәй көнә эре башаклы алтын тулкынлы иген кырҙары кеүек тулкынлы ине”. “Акык бөртөктәре – кешелек бәхетенәң символы, эскерһез хезмәт юлында үз бәхетен тапкан Кинйәкәй кеүек йәмғиәт, дөйөм хәрәкәт өсөн киммәтле кешеләр”, – тигән фекерҙә Рәиф Әмиров². Үрзә әйтелгән фекерҙәргә өстәп, Октябрзең 17 йыллығына карата алдыңғы комбайнерҙар Солонин, Каһарманов, Яковлевтарзы һәм башка ураҡ батырҙарын тәбрикләгән “Кайнар сәләм” (1934) шиғырында ла бойзай бөртөктәре автор тарафынан алтынға тиңләнеүен билдәләп үтергә көрәк:

Таң атамы, әллә көн батамы,
Уның унда эше булманы.
Тик бер бұрыс алтын бөртөктәрән
Йыйыу тураһында уйланы³.

Очерктағы “Йылан һымак борғоланып, уралып, ярҙарға күкрәк қағып аккан Урғаза ташкыны” (киләсәктә “Ырғыз” романында кулланыласак “Бейек тауҙар араһынан сығып, далаларға борғоланып-борғоланып шыуған оло ак йылан һымак, назланып аккан Ырғыз йылғаһы...” тигән

¹ Минһажетдинов М.Х. Кәләмендә көзрәт бар : Монография, әзәби-тәнхит һәм башкорт фольклористикаһына арналған хезмәттәр. Өфө : Башкортостан “Китап” нәшриәте, 1995. 36-сы бит.

² Амиров Р.К. На стремнине. Уфа : Башкирское книжное изд-во, 1988. С. 194.

³ һәзиә Дәүләтшина музейы фонды.

сағыштырыуы хәтерләтә – Г.К.), “үркәс-үркәс тирәс менән матурлап әйләндереп куйған һымак, күз күреме ерзән дуғаланып уралып яткан Урал таузары” кеүек сағыштырыулар Йылайыр орлоксолук совхозы биләмәләренең йәнле пейзажын һынландыра. “Сәскәнән сәскәгә оскан бал корттары һымак” (гөжләп йөрөгән тракторзар, сәскестәр, автомашиналар – Г.К.), “совхоздың эре, тигез, ак өйзәре кар диңгезендәге ак кораблдәр шикелле, калын төтөндәр һирпеп кояш сығышына карай йөзгән шикелле...” ише очерк жанрына ярашлы кулланылған заманса сағыштырыуларға осор һулышы һизлә. Ғөмүмән, совхоздың киң яландарын, иген бағыуларын һүрәтләгәндә диңгез ассоциацияһын кулланыу һәзиә Дәүләтшинаның 30-сы йылдар ижадына характерлы күренеш. Сағыштырайык:

Шаулы Кара диңгез тулкындарын
Кораблдәр ярып йөзһәләр,
Котороп үскән иген тулкындарын
Комбайндар ярып йөзәләр¹.

Авторзың кабатлауларға юл куймауы, синонимдарзың мәғәнә төсмөрзәрен оқта кулланыуы иғтибарзы йәлеп итә: “...үзенең эре мастеркойзары, машиналар *гөрләүзәре*, гудок *күкрәүзәре менән шаулап*, телефон, электр, радиолар менән *геүелдәп* бәләкәй генә матур кала булып, орлок совхозының үзәк бүлексәһе ултыра”.

Башкорт теленең йәнле һөйләү өлгөләре (кабағы төксәйеп, һемтәңнәп, елмәңләп, һертелдәп, шыптырлап, бырылдап һ.б. эмоциональ-экспрессив синонимдар) кыйыу рәүештә кулланылған текста *триер*, “Амо” *машиналары* кеүек неологизмдар, рус теленән тәржемәһез алынған *велялка*, *счет*, *рубильник*, *пурга* һүззәре, Маруся һәм Дашаның русса өндәшеүзәре сама белеп, әсәргә зыян килтермәслек кимәлдә индереп ебәрелгән.

Очеркта “Яман һаз”, “Эйәле төбәк” тип, унда йәйләһәң мал үлә, кеше ауырып тип күркып төшмәй әйләнәп үтә торған Урғаза бөгөлөн тасуирлағанда әзибәнең тормош иптәше, языуы Ғөбәй Дәүләтшиндың “Куңалтак тормош эсендә” (1924) хикәйәһенә² ауаздаш моменттар за төсмөрләнәп калғандай. Ғөбәй Дәүләтшин үз әсәрендә боронго хөрәфәттәрзе тәнкитләп сыкһа, һәзиә Дәүләтшина яңы замандың был стереотиптарзы емереп ташлауы – Урғазаның был бөгөлөндә хәзер орлок совхозының үзәк бүлексәһе ултырыуын хәбәр итә.

Вақиғалар тап ошо Урғаза буйзарында, орлок совхозының үзәк бүлексәһендә бара. Спекулянт Кужактың Кардаилдан (Ырымбур өлкәһе Кваркен районы Кардаиловка ауылы – Г.К.) көз көнө шәл кеүек әйберзәр алып кайтып майға алыштырып йөрөүе хәзерге заман укыуыһына халықтың башка төбәктәр менән бәйләнеше тураһында ла мәғлүмәт бирә.

Очерктың кызыу вақиғалар эзенән язылыуын Кинйәкәйзең туғызынсы бөтә Башкортостан советтар съезы исеменә яһалған бөтә өмәләрзә катнашыуы кеүек фактар кеүәтләй.

Ғалим Марат Минһажетдинов языуының “Айбикә” повесын анализлап: “һәзиә Дәүләтшина яңы кеше проблемаһын башкорт катын-кыззарының аңлы тормошка уяныу тарихы аша хәл итә”, – тип билдәләгәйне³. Киң йәмәғәтселеккә аз билдәле, матбуғатта ни бары бер генә тапкыр⁴ донъя күргән “Акык бөртөктәрә” очеркына қарата ла был фекерзе кыйыу кулланырға мөмкин. Кинйәкәй Байғужина языуының Айбикә, “Ырғыз” романындағы Гөлийөзөм, “Башактар тулкыны” повесындағы Гөлийөзөм, Нәсимә, “Һырға һабағы” хикәйәһендәге Юлдаш, Көмөш кеүек алдыңғы карашлы, эшлекле катын-кыззар образдары галереяһында лайыклы урын алды.

© Г.Н. Каскинова, 2022

¹ Дәүләтшина Һ.Л. Шатлык тулкындары // Орлок фабригы. 1934. 26 сентябрь.

² Дәүләтшин Ғ.Ә. һайланма әсәрзәр. Өфө : Башкортостан китап нәшриәте, 1963. 14-се бит.

³ Минһажетдинов М.Х. Кәләмендә көзрәт бар : Монография, әзәби-тәнкит һәм башкорт фольклористикаһына арналған хезмәттәр. Өфө : Башкортостан “Китап” нәшриәте, 1995. 20-се бит.

⁴ Дәүләтшина Һ.Л. Акык бөртөктәрә // Башкортостан. 1935. 21 май.

УДК 811.512.141:39(=512.141)

ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У БАШКИР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в.

Т.Г. Мухтаров
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

В этнических процессах, происходивших в башкирском обществе в конце XX столетия, ведущей тенденцией стала сначала культурно-бытовая, затем брачная и этноязыковая ассимиляция. Ассимиляционное поведение у башкир было как неосознанным, так и вполне осознаваемым. Совпадение по времени усиления ассимиляционного процесса с началом массовой урбанизации придало ему всеобщий характер. Ассимиляция в бытовом сознании зачастую стала восприниматься как желательное средство для достижения конкретных целей. Под ними подразумевались радикальное улучшение качества жизни посредством переезда в город, владение в совершенстве русским языком, возможность занятия престижных позиций в советском обществе. При этом рядовым башкиром мало осмысливалось свое будущее существование в качестве представителя башкирского народа, часто предполагалось, что все национальные проблемы в светлом будущем будут успешно решены по всеобщему согласию. Будущее башкирского народа как культурной единицы перестало сильно волновать большинство его представителей, мысли которых были больше заняты процессом урбанизации и улучшением качества жизни.

Заключение смешанных браков у башкир стало одной из стратегий в деле успешной урбанизации. В этих условиях позиции башкирского языка пострадали особенно сильно. В башкирских семьях, переехавших на постоянное жительство в город, родители старались всеми силами научить детей русскому языку, и сами в своих семьях массово переходили на русский язык и не противились, когда к ним их дети обращались по-русски «папа», «мама». Например, в ходе социологического опроса 1986 года только 22,2% башкир, проживающих в городах БАССР, ответили, что общаются дома на башкирском языке (в сельской местности этот показатель составлял почти 70%). Остальные городские башкиры сообщили, что общаются дома: на татарском языке – 10,4%, на татарском и русском – 17,0%, только на русском – 23,0%, на башкирском и русском – 25,2%¹. Условность ответов «общаюсь дома на татарском и русском» и «общаюсь дома на башкирском и русском» не должна вводить в заблуждение: предполагается, что в данном случае речь идет о переходной стадии к русскоязычию в семье, когда на башкирском/татарском языке говорят родители или супруг респондента, а он отвечает им на русском, либо наоборот. Тенденция к домашнему русскоязычию в городах привела к тому, что многие представители второго поколения городских башкир в 1980-х гг. говорили на башкирском языке с сильными затруднениями, а порой и вовсе не понимали его.

Что касается дошкольного образования, то, по данным социологического опроса 1986 года, 97,2% городских родителей-башкир указали, что их дети посещают дошкольное учреждение, в котором единственным языком воспитательной работы является русский язык². При этом воспитание их детей в детском саду на русском языке посчитали для себя желательным почти 60% башкирских родителей в городах, а воспитание на башкирском языке – только 5,3%. Ровно треть (33%) родителей посчитали желательным воспитание их детей в детских садах на башкирском и русском языках. Но в середине 1980-х гг. даже те башкирские родители в городах, которые хотели бы водить своих детей в детские сады с башкирским или смешанным языком, как правило, не могли этого сделать по причине практического отсутствия таковых в городах Башкортостана. Не имея выбора, они водили детей в русскоязычные дошкольные учреждения, в результате их дети полностью переходили дома на русский язык, забывая навыки общения на родном языке. По мнению башкирского этнографа Н.В. Бикбулатова, этническая ассимиляция башкир в составе татар и русских обрела широкие масштабы в городах, «чему способствовало отсутствие башкирских детских

¹ Башкиры, русские, татары в последней четверти XX в.: Краткие итоги Башкирской этнографической экспедиции 1986 г. С. 28–29.

² Там же. С. 32.

учреждений и школ, сужение сфер функционирования башкирского языка»¹. Например, в 1988 году удельный вес учащихся республики (не только башкир), изучающих башкирский язык в качестве предмета, составлял только 8,2%². Немаловажным фактором ассимиляционного выбора у башкир являлась и национальная политика Советского государства. Для позиции многих родителей решающим аргументом стало, помимо прочего, введение всеобщего русскоязычия высшего образования в 1970-х гг. Это обстоятельство обсуждалось лишь небольшой прослойкой башкирской интеллигенции, так как явно противоречило многолетним официально провозглашавшимся принципам национальной политики. Значительная же часть башкирских родителей, особенно в городах, заботясь о будущем своего ребенка, о его карьере, предпочитали отдавать детей в русские школы. Как замечает башкирский социоллингвист Ф.Х. Гарипова, «...причина такого поведения заключалась в ограниченности функций национальных языков и невозможности получения высшего образования на этих языках... Таким образом, стремление родителей дать своим детям высшее образование было на руку руководству страны, которое проводило политику русификации малых народов»³. Городские русскоязычные школы также являлись одним из сильнейших факторов ассимиляции.

Не меньшей проблемой для башкир стала и татароязычная ассимиляция башкир, проживающих в северных и западных районах республики. Одной из причин ассимиляции большей части северо-западных башкир была сложившаяся в 1920-х гг. и продолжающаяся вплоть до окончания XX века практика их обучения в школах на татарском языке. В результате многие из них со временем выбирали татарскую этническую идентичность. Это, в свою очередь, становилось главной причиной того, что от одной переписи населения к другой численность башкир в Башкортостане фактически не возрастала и даже наметилась тенденция к падению их доли в составе всего населения республики. Такая динамика не могла не вызвать у руководства Башкирской АССР опасений потери Башкирией в будущем статуса автономной республики. При этом в начале и середине 1970-х гг. в БАССР насчитывалось только 715 башкирских школ, контингент которых составлял лишь половину общего числа учащихся башкирской национальности в республике. Учитывая все вышеперечисленные факторы, первым секретарем Башкирского обкома БАССР М.З. Шакировым в 1977 году были предприняты меры по согласованию с высшим руководством СССР и соответствующими низовыми районными комитетами компартии вопроса перевода языка обучения детей северо-западных башкир с татарского языка на башкирский. После этого Минпросом БАССР была проведена разъяснительная работа среди руководителей соответствующих районных отделов образования, которым было дано указание провести родительские собрания на местах.

Внедрение башкирского как языка обучения началось в 1978 году. В результате принятых мер (1978–1981 гг.) язык обучения сменился с татарского на башкирский в 343 школах северных и западных районов республики. Кроме этого, в 67 русскоязычных школах многих районов, а также городов Нефтекамск, Сибай, Белорецк и Учалы, башкирский стал изучаться дополнительно в качестве родного.

Министр просвещения БАССР тех лет С. Зиганшин вспоминает: «Для обеспечения введения обучения на башкирском языке, в те районы, которые нуждались в кадрах, были направлены молодые учителя башкирского языка, одновременно из существующих местных кадров отбирались учителя, знающие башкирский язык. С 1978–1979 учебного года в северо-западных районах начали проводиться собрания, семинары, конференции педагогов и партийного руководства, посвященные проблемам обучения на родном языке...»⁴.

Однако с приходом в 1985 году в СССР к власти М.С. Горбачева началась массовая смена политического руководства союзных, автономных республик, областей, районов и городов. В Башкортостане в 1987 году также сменились руководители областного комитета КПСС, Верховного Совета и Совета Министров БАССР. Первым секретарем Башкирского обкома КПСС был назначен далекий от жизни республики, неопытный в вопросах хозяйственного развития больших населенных

¹ Бикбулатов Н.В. Башкиры. Краткий этноисторический справочник. Уфа, 1995. С. 12.

² Галлямов Р.Р. Многонациональный город : этносоциологические очерки. Уфа. 1996. С. 133.

³ Гарипова Ф.Х. Опыт языкового строительства в Республике Башкортостан. Уфа : Гилем, 2006. С. 95.

⁴ С. Йыһаншин. Туған телдә укытыу проблемалары // Ағизел. № 7. 2012 (в пер. с башк. яз). С. 144.

территорий, некомпетентный в вопросах национальной политики Ревмер Хабибуллин. Не посоветовавшись с местными историками, филологами, писателями и прежним руководством республики, он дал ход очередному переводу языка обучения башкирских детей северо-запада Башкортостана с башкирского на татарский и русский языки и даже допустил изъятие башкирского языка как языка обучения в школах башкирских деревень других районов БАССР.

Заслуженный учитель Салимьян Гумеров вспоминает о реакции некоторых северо-западных башкир на обратную замену башкирского языка обучения татарским в их школах: «... Через несколько лет мне довелось встретиться с ним (с Героем Социалистического труда Талгатом Рахмановым, первым секретарем Илишевского райкома КПСС). Т. Рахманов был без настроения: “Эх, парни, какое святое и хорошее дело нами было начато. Сейчас всю нашу работу уничтожили. История этого не простит,” – горько сказал он. В это же время мне пришлось посетить колхоз “Танып” Татышлинского района. С председателем колхоза Ф. Габдрахмановым мы зашли в школу. Тут же нам ученики задали вопрос: “На башкирском языке нам было интересно и легко учиться, мы привыкли. Почему его убрали?” К сожалению, ответить на эти вопросы мы не были готовы, ведь этот вопрос уже решили люди, не знающие истории и равнодушные к решению национальных проблем...»¹. Общее количество учащихся республики, изучающих башкирский язык, к началу 1990-х гг. значительно упало по сравнению с началом 1980-х. Как сообщает этносоциолог Р.Р. Галлямов, «количество учащихся, обучающихся на башкирском языке, с 1980 по 1992 год сократилось с 67906 до 54085 человек, а в процентном отношении к общему числу учащихся – с 11,8 до 9,2%»².

Процесс урбанизации, с одной стороны, приводил к этноязыковой ассимиляции городских башкир, с другой стороны, стал необходимым условием для появления у них модернизированной этничности городского типа. Многие из повзрослевших представителей второго поколения городских башкир во второй половине 1980-х и начале 1990-х гг. осознали, что они не в состоянии поддерживать полноценный разговор на родном языке со своими соплеменниками, литература и СМИ на башкирском языке для них недоступны, на башкирских свадьбах они не могут исполнять башкирские песни вместе со всеми и т. д. В разные периоды жизни такое осознание у большинства из них вызывало целую палитру негативных чувств, поэтому определенная часть городских башкир первого и второго поколения, столкнувшись с ассимиляцией, начала проявлять интерес к наследию своего народа: истории, языку, музыке, обычаям, религии.

В то же время провозглашение в стране политики гласности, плюрализма, свободы слова и печати дали возможность башкирской интеллигенции публиковать старые и создавать новые произведения, касающиеся истории и современного состояния башкирского народа, его языка и культуры. Быстро возрастающий объем информации башкирской тематики требовал количественного и качественного развития каналов ее распространения.

Первыми на сформировавшийся социальный запрос отреагировали печатные издания. Газета «Совет Башкортостаны», журналы «Ағизел» и «Башкортостан ҡызы», представляющие башкироязычную прессу, стали увеличивать количество статей и заметок, посвященных вопросам сохранения и развития башкирского языка, исторической судьбе башкирского народа. В русскоязычных газетах «Советская Башкирия», «Ленинец», «Вечерняя Уфа» чаще стали выходить статьи по истории и этнографии башкир, впервые стали публиковаться материалы по самостоятельному изучению башкирского языка, проблемам национального возрождения башкирского народа. Количество приходящих в редакции всех вышеперечисленных газет писем читателей с требованиями публикаций башкирской национально-культурной тематики возросло во много раз по сравнению с прежним периодом. Многие из этих писем содержали собственные мнения читателей по проблемам башкирского языка и публиковались редакциями печатных изданий.

В январе 1990 года на базе газеты “Ленинец” была создана новая башкироязычная газета «Йэшлек», почти полностью ориентированная на освещение современного положения башкир и истоков их культуры. Эта газета, благодаря либеральному подходу редакции, стала наиболее

¹С. Ғүмәров. Теле барзың – иле бар // Ватандаш. № 11. 2012. (в пер. с башк. яз). С. 128–129.

² Галлямов Р.Р. Многонациональный город : этносоциологические очерки. Уфа, 1996. С. 133.

популярной площадкой для обсуждения проблем этноязыковой ассимиляции, путей развития башкирского языка, искусства и народного творчества.

В то же время в среде башкирской интеллигенции городов Башкортостана на почве усиления интереса к башкирской культуре активизировались процессы самоорганизации. Это выражалось в создании самодеятельных кружков, ансамблей, библиотек, клубов. Так, например, 1988 году в г. Уфе был образован Башкирский национально-культурный клуб «Ак тирма». Деятельность данного клуба была направлена на сохранение и развитие культуры, языка, традиций и обычаев башкирского народа. Важнейшей частью деятельности данного клуба стали регулярные заседания башкирской общественности г. Уфы во Дворце культуры «Нефтяник» в 1988–1993 гг., собиравшие от нескольких сотен до полутора тысяч человек. На этих заседаниях выступали национально ориентированные писатели, поэты, музыканты, общественные деятели, политики. Все заседания проходили на башкирском языке.

Во многом под влиянием развернувшейся в башкирском обществе дискуссии о сохранении башкирского языка многие городские башкиры, ранее практиковавшие общение в семье и воспитание своих детей на русском языке, признали свои прежние взгляды ограниченными. Некоторые из них приняли решение перевести своих детей из русскоязычных школ в башкирские, предпринимали попытки перейти в семье к воспитанию детей на родном языке, однако все эти практические действия не приобрели среди городских башкир достаточно массового характера.

Так, по материалам опроса 1993 года, проведенном в городах РБ этносоциологом Р.Р. Галлямовым, были рассчитаны величины использования языка городскими башкирами в семье на основе их ответов о языке общения с ближайшими родственниками. Только на башкирском языке в родственно-бытовой сфере общались 38,07% городских башкир, на смешанном башкирско-русском – 12,26%, на русском – 8,38%, на татарском языке – 6,75%¹. Полученные Р.Р. Галлямовым материалы нельзя прямо сопоставлять с результатами 1986 года, приведенными выше, поскольку под ближайшими родственниками многими городскими башкирами могли подразумеваться свои дети.

Таким образом, к концу 1980-х – нач. 1990-х гг. процессы языковой ассимиляции у большинства городских башкир в силу различных причин, как объективных, так и субъективных, так и не повернули вспять. Мобилизация этничности у городских башкир выразилась прежде всего в обострении национального чувства, повышении национального самосознания.

Определенным этапом, подводящим итоги развития этноязыковой ситуации в Башкортостане в 1980-х годах, стала публикация основных результатов Всесоюзной переписи населения 1989 года, нанеся сильнейший удар по самочувствию башкир, проживающих в Башкортостане. Оказалось, что к 1989 году, вследствие неблагоприятных демографических для башкир этнических процессов, в том числе ассимиляционных, показатель их абсолютной численности в БАССР снизился до 863,8 тыс. человек (в 1979 году этот показатель составлял 935,88 тыс. чел.). В то же время резко, на 180 тыс. человек, увеличился показатель абсолютной численности татар Башкортостана. Таким образом, доля башкир в Башкортостане составила 21,9%, а татар – 28,4%. В 1979 году 64,4% башкир признали башкирский язык в качестве родного, таким образом, в абсолютном выражении они составляли 598 963 человека. В 1989 году уже 74,7% башкир Башкортостана признавали башкирский язык родным, но вследствие общего падения их численности в своей республике, оказалось, что абсолютный показатель таких башкир за десять лет увеличился всего на 46,3 тыс. человек. На первый взгляд, процесс этноязыковой консолидации башкир протекал в это десятилетие более чем успешно, поскольку доля башкир БАССР, признающих башкирский язык в качестве родного, увеличилась на 10,3%. Но если при таком темпе этноязыковой консолидации абсолютная численность башкир оставалась хотя бы на одном и том же уровне, то прирост башкир, признающих башкирский язык родным, составил бы не 46,3 тыс., а минимум 96,4 тыс. человек, т. е. на 50 тыс. человек больше.

Башкирская интеллигенция, благодаря появившейся свободе печати и свободе слова, впервые осознала реальность новой угрозы – полной смены национальной идентичности северо-

---

¹ Галлямов Р.Р. Многонациональный город : этносоциологические очерки. Уфа, 1996. С. 120–121.

западных башкир на татарскую из-за их татароязычной ассимиляции. В этих условиях патриотически настроенные представители башкирской интеллигенции приступили к активной борьбе за придание башкирскому языку статуса государственного в рамках движения за повышение статуса республики до союзного.

Первым успехом в укреплении политико-правового статуса башкирского языка стало принятие Закона БССР «О выборах Президента Башкирской ССР»¹, в котором было установлено, что Президентом может быть избран гражданин, владеющий, наравне с русским, и башкирским языком.

Обсуждение законопроекта «О выборах Президента Башкирской ССР» в Верховном Совете БССР проходило в напряженной обстановке. В ходе обсуждения в день, который предшествовал дню принятия закона, выяснилось, что некоторые депутаты категорически выступают против нормы об обязательном владении предполагаемым Президентом республики башкирским языком. Свои возражения они аргументировали тем, что принятие этого пункта может стать в будущем основой для ограничения права избираться тем кандидатам, которые не владеют башкирским языком по причине небольшого процента башкир в составе населения республики. В связи с этим решение вопроса о необходимости пункта о башкирском языке было отложено на другое время. На следующий день острая полемика по данному пункту была продолжена, обстановка была тревожной. Колеблющиеся депутаты могли и отклонить принятие закона, если бы большинство авторитетных политиков в ходе дискуссии пришли к выводу о ненужности требования к владению башкирским языком будущим Президентом республики. Однако на заседание сессии Верховного Совета БССР в качестве гостя явился народный поэт Мустай Карим, который выступил с яркой речью в защиту законопроекта и попросил депутатов узаконить пункт о башкирском языке. Он обратился к чувству справедливости депутатов, говоря им о башкирах: «...Не их вина, что ... они остались в меньшинстве. Несправедливо сейчас историческое право той или другой нации исчислять в процентах, ибо проценты не в пользу башкирского народа. Но я позволю себе заявить, как старый башкирский поэт: у башкирской нации нет никаких упреков и претензий к другим. С историей не судятся. Только она сама может судить. Повторяю: нет никаких предъявлений счетов к прошлому, да и настоящему в этом плане. Речь идет только о божьей справедливости, то есть о насущных правах коренной нации. Если вопрос конкретно стоит о том, должен ли возможный президент знать язык, историю, нравы, духовную жизнь, обычаи, в конечном счете, сущность древней нации, то этот вопрос в немалой степени считаю неразумным. Как же иначе?..»². По свидетельствам присутствующих, выступление Мустая Карима имело решающее значение для колеблющихся депутатов. Состоялось повторное голосование, в ходе которого Верховный Совет БССР принял закон с пунктом о том, что Президентом может быть избран только гражданин, владеющий башкирским и русским языками. Общественно-политическое значение принятия данной нормы трудно переоценить. Впоследствии данная норма была закреплена в Конституции Республики Башкортостан от 24.12.1993 г., в Законе «О Президенте Республики Башкортостан». В среде башкирской интеллигенции закон вызвал чувство удовлетворения и повысил ее лояльность к республиканской власти. Одновременно принятие данного закона стало сигналом для хозяйственной и интеллектуальной элиты северо-западных районов, что, несмотря на неутешительные для башкир результаты переписи 1989 года, власть в республике снова стала лояльной по отношению к башкирскому языку. Однако в 1998 году по запросу группы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ Конституционный Суд Российской Федерации принял постановление, поставившее вышеуказанную норму под сомнение. Одной из причин такого решения КС РФ назвал отсутствие в законодательстве РБ закона, регулирующего правовой статус языков³.

© Т.Г. Мухтаров, 2022

¹ Закон БССР «О выборах Президента Башкирской ССР» // Советская Башкирия. 1991. 1 нояб.

² Цит. по: Гарипова Ф.Х. Языковая политика и общественная мысль. Уфа. 2009. С. 75.

³ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1998 г. № 12-П // Известия Башкортостана. 1998. 19 мая.

ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ СИМБИРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ

Я.В. Мызникова
(СПбГУ, Санкт-Петербург)

Этническая история Ульяновской области, как и всего Среднего Поволжья, – это история взаимодействия трёх этнокультурных групп населения: финно-угорской, славянской и тюркской. Мордовские племена – автохтонное население междуречья Оки, Суры, Средней Волги. Мордва делится на две основные группы: эрзя, занимавшая в прошлом левобережье р. Суры, и мокша, обитавшая в бассейне р. Мокши. В Ульяновской области проживает преимущественно мордва-эрзя. Тюркоязычные племена, предки чувашей – болгары и сувары – появились в Среднем Поволжье в VII–VIII вв. среди финно-угорских народов и заняли господствующее положение, основав государство Волжская Булгария. Основная территория Волжской Булгарии была расположена в междуречье Камы и Черемшана. Об этом свидетельствуют многочисленные находки древних городищ в Симбирском Заволжье. В XIII в. эти земли вошли в состав Золотой Орды, позднее – Казанского ханства¹.

Симбирское Заволжье представляет собой левобережную часть Ульяновской области, это земли между Куйбышевским водохранилищем и р. Большой Черемшан, которые когда-то были территорией Волжской Булгарии, затем Золотой Орды, а затем – Казанского ханства. Русские поселения возникли здесь позже, чем на правом берегу Волги, в середине XVII в. Материалом данного исследования послужили записи диалектной речи с 2012 по 2018 гг. в русских сёлах Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов Ульяновской области.

По мнению Г.П. Анашкиной и Л.П. Шабалиной, соседство с другими народами наложило отпечаток на материальную культуру русских Ульяновского Поволжья. Так, от татар и чувашей русские переняли способ сушки снопов, местоположение печи (отступая от задней стены), вмазанные в печь котлы, некоторые традиционные блюда; от финно-угорских народов – хозяйственную постройку – подвал, некоторые элементы одежды, традиционные блюда². Наибольшей унификации подверглась хозяйственно-бытовая сфера, так как она связана с природно-географическими условиями существования этноса. Так, уже в начале XX столетия основным направлением хозяйствования у всех народов региона становится пахотное земледелие, распространяются общие технологии, виды сельскохозяйственных орудий. В то же время укоренившиеся в Среднем Поволжье русские общины усваивают сложившиеся в данном регионе традиции скотоводства. Длительные этнокультурные контакты отразились и на взаимных заимствованиях кулинарных традиций, которые непосредственно связаны с направлениями хозяйственной деятельности. Все эти общие сельскохозяйственные и бытовые традиции нашли отражение и в языках контактирующих народов. Вторичный характер русских говоров Симбирского Заволжья обусловил ряд особенностей лексической сферы этих говоров. В первую очередь, это наличие неисконных лексических элементов.

Так, лексика скотоводства в Поволжье содержит значительное число древних тюркизмов: *отара, табун, гурт, ватага, чабан, аркан*; диалектных лексем тюркского происхождения *карда, база, махан*, отгонное слово для овец *аррjá*³. В процессе формирования общих кулинарных традиций для обозначения сходных денотатов контактирующие этносы могут использовать заимствованные имена (*куряга, шурпа, салма*) или приспособлять уже имеющиеся, расширяя или специализируя их значения (*кулеш, селянка, орешки*)⁴. Значительную группу тюркских заимствований можно найти

¹ Мызников С.А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб. : Наука, 2005. С. 21.

² Анашкина Г.П., Шабалина Л.П. Русские // Из этнической истории Ульяновской области (Краткие очерки) : сборник. Ульяновск : обл. газетное изд-во, 1993. С. 15.

³ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. 444 с.; Мызникова Я.В. Специфика межэтнического взаимодействия в Симбирском Заволжье по данным русских говоров // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 198–209.

⁴ Мызникова Я.В. Отражение этноязыкового взаимодействия в наименованиях традиционных кушаний в русских говорах

в составе лексики ландшафта (*елань, юр, яр, урема, тал*), в сфере лексики домашнего хозяйства (*челяк, бадья, саман*), полеводства (*бахча, такмень*).

Отметим, что иноязычное влияние в русских говорах Поволжья проявляется и в сфере незначительной лексики. Междометие *айда́* имеет весьма широкое распространение, приводится в БАС с пометой «областное»¹. В Симбирском Заволжье лексема используется для побуждения к какому-либо действию, в частности, пойти куда-либо ('идём, давай'): *Фсё ес', вон пироги айда пеки*. Базарно-Мордовские Юрткули Старомайнского р-на; *Ребята уедут: айда мама, звони*. Базарно-Мордовские Юрткули Старомайнского р-на². Также данный элемент может использоваться в функции усилительной частицы: *Поют «Рожэство твоё, Христе Божэ наш, Воссияй миру свет разумом» и вали айда во фсю!* Ерыклинск Мелекесского р-на. Е.Н. Шипова, вслед за другими исследователями, возводит данную лексему к тюркским источникам (из тат. *aida* понукающий, подгоняющий окрик)³. А.Е. Аникин также соотносит с татар. *эйдэ* 'айда, пойдём, идём', 'давай-ка', 'валяй'⁴.

Экспрессивное междометие *аба!* (часто с повтором: *аба-аба-аба!*) выражает удивление, обеспокоенность, расстройство: *Аба-аба где эта? Да вот там гэт вон, подвязли...* Базарно-Мордовские Юрткули Старомайнского р-на; *Тут гляжу: батюшки, баржа́ идёт! Аба! А куда она, ф котору старону-та идёт?* Старый Белый Яр Чердаклинского р-на. Данное междометие также может передавать невнятное бормотание: *Она за эта денешки получала! – Они: аба-аба? – Да!* Крестово-Городище Чердаклинского р-на.

В СРНГ находим: «Аба́, попр. част. Неужели. Симб., Орлов 1859. Куйбыш., Кузнецова 1961»⁵. Для сравнения приведём данные из мокша-мордовского: *аба* – частица 'разве, или'⁶. Однако к зафиксированному нами междометию ближе по значению данные тюркских языков. А.Е. Аникин для *аба́* 'неужели' симб., куйб., *абба́* межд. 'восклицание для выражения удивления' казан. предлагает тюркский источник: башк. *аба* межд. 'ну и ну! надо же! (выражение удивления)', 'ой, тоже мне (выражение возмущения, обиды)', чуваш. *ана* межд. удивления, также башк. *абай* межд. 'выражение боли, испуга, страха', татар. *абай* межд. 'выражение испуга, удивления, отвращения'⁷. В чувашском *ана* – междометие, выражающее удивление 'ах, ба! смотри-ка!'⁸. Таким образом, можно считать вполне установленным тюркское влияние в использовании междометия *аба!* в русских говорах.

Однако влияние может быть не прямолинейным, т. к. в изучаемых русских говорах в качестве междометного восклицания часто употребляется и *батюшки! а батюшки! ба!* Например: *А батюшки! Аба-аба! Я листок-ть раскрыла, ама! Там тля... А божэн'ки!* Ерыклинск Мелекесского р-на. Отметим также, что в чувашском *ана* может употребляться и как обращение к бабушке⁹. В эрзя-мордовском *ава* – 'женщина, мать'¹⁰. В СРНГ находим: «*Ава*, ж. р. Мать. Тамб., 1850. Морд. *Ава* – женщина, мать, свекровь»¹¹. Слово *апай* (и его фонетические варианты *авай, абай*) в чувашском, других тюркских языках, в контактирующих с ними диалектах мордовского, употребляется в

Симбирского Заволжья // Лексический атлас русских народных говоров // материалы и исследования / отв. ред. С.А. Мызников. СПб. : ИЛИ РАН, 2021. С. 420–430.

¹ БАС – Словарь современного русского литературного языка : в 17 тт. М.; Л., 1948–1965. Т. 1. С. 67.

² Языковые иллюстрации извлечены из собранных автором статьи материалов, приводятся в упрощённой транскрипции.

³ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. 444 с.; Мызникова Я.В. Специфика межэтнического взаимодействия в Симбирском Заволжье по данным русских говоров // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1 (39). С. 25.

⁴ Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2007. Вып. 1. С. 121.

⁵ СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1. М.; Л. : Наука, 1965. С. 187.

⁶ Мокшанско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова, А.П. Феоктистова, О.Е. Полякова. М. : Рус. яз., Дигора, 1998. С. 21.

⁷ Аникин А.Е. Указ. соч. С. 62.

⁸ Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Т. 1. А–Р. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. С. 51.

⁹ Чувашско-русский словарь / И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М. : Рус. яз., 1985. С. 37.

¹⁰ Эрзянско-русский словарь / под ред. Б.А. Серебренникова и др. М. : Рус. яз., Дигора, 1993. С. 28.

¹¹ СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1. М.; Л. : Наука, 1965. С. 196.

значениях 'мать, мама, матушка', а также обозначает и других старших женщин в семье (свекровь, старшая сестра, бабушка со стороны отца)¹. Таким образом, в данном случае могло иметь место не чисто формальное заимствование, но и определённое взаимодействие на семантическом уровне.

Отдельно остановимся на наличии заимствованных элементов среди экспрессивных диалектных глаголов. Лексема *сатарить* зафиксирована в значениях 1) 'сорить' (*Идите-ка на улицу, нечёва тут сатарит!* Крестово-Городище Чердаклинского р-на) и 2) 'неразумно, нерасчетливо тратить, расхотдовать что-л., транжирить' (*У нево стока ден'жыщ, што он ими сатарит по кабакам прям тышшами.* Крестово-Городище Чердаклинского р-на). Данная лексема приводится в СРНГ в значении 'неразумно, нерасчетливо тратить, расхотдовать что-л.' с пометами Новосибир., Тюмен., Свердлов., а также в значении 'класть, засовывать куда-л.' с пометой Ульянов.² Можно сопоставить данную лексему с татарскими данными: *сату* 'продавать'; *сату-алу* 'купля-продажа, торговля'³. У Е.Н. Шиповой приводятся заимствованные из тюркских языков лексемы *сатовка* обл. (оренб.) 'меновая киргизская торговля'; *сатоха* (кавк.) 'торжок, на который приезжают горцы'⁴.

Глагол *калготиться* зафиксирован в значении 'суетиться, хлопотать' (*Да вон она с утра кълготица без оддыху.* Крестово-Городище Чердаклинского р-на). В СРНГ лексема *калготиться* приводится в значениях 1) 'суетиться, хлопотать, возиться'; 2) 'волноваться, беспокоиться (часто без причины)'; 3) 'шуметь, кричать' с территориальными пометами Тул., Калуж., Ряз., Костром., Куйбыш., Пенз., Кубан., Сиб., Новосиб., Азерб. ССР. Тамб.⁵ Данную лексему можно сопоставить с татар. *калкыту* 'трясти, шатать, шевелить'⁶. Е.Н. Шипова сопоставляет лексему *калгатиться*, обл. (тамб.) 'беспокоиться' с тюркскими данными *калгаза*, *калгаша* (татар.) 'беспокойство, тревога, хлопоты, суета' и др.⁷

Лексема *базлать* используется в исследуемых говорах в значениях 1) 'громко кричать, орать (о человеке)' (*Фстал с утра поран'шэ и базлаеш, и базлаеш, спат' людям не даёш!* Крестово-Городище Чердаклинского р-на) и 2) 'кричать (о животных)' (*Скот кричит – базлает.* Крестово-Городище Чердаклинского р-на). По мнению А.Е. Аникина, не лишено правдоподобия выведение данной лексемы из тюрк. корня *bozla-*, который широко известен в тюркских языках со значением 'кричать, реветь (особенно о верблюде, быке)', 'плакать, рыдать'⁸.

К числу лексем, не относящихся к общепотребительным, но имеющим широкое региональное распространение, можно отнести лексему *кильдём*, которая зафиксирована в значениях: 1) 'изба, в которой молодёжь собирается на посиделки'; 'шумное сборище' (*Што-та вы тут цэлый кил'дим устроили.* Ерыклинск Мелекесского р-на); 2) 'притон' (*Нюрка-та устроила у себя кил'дим, мужыки к ней валам велят.* Крестово-Городище Чердаклинского р-на). Данное слово с большим спектром значений, среди которых есть 'небольшой домишко', 'сарайчик', 'пристройка', 'изба, в которой молодёжь устраивает посиделки'; а также 'притон', 'шумное сборище' и т. д., распространено в русских говорах Поволжья и Урала (Вят., Пенз., Тамб., Нижегород., Ульянов., Перм., Оренб., р. Урал, Астрахан.), а также отмечено на юге России (на Дону, в орловских говорах), в Сибири (Иркут., Омск.)⁹. А.Е. Аникин пишет об объяснении из татар. *kildim* 1-е лицо ед. прош. вр. от *kil-* 'приходить', ссылаясь на «Этимологический словарь украинского языка» (1982–1989 гг.)¹⁰. Основа *кил-* действительно имеется в тюркских языках у глаголов со значением 'приходить, прибывать':

¹ Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. В 2-х т. Т. 1. А–Р. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. С. 51.

² СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 36. СПб. : Наука, 2002. С. 151.

³ Татарско-русский словарь : В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань : Магариф, 2007. С. 220.

⁴ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 281.

⁵ СРНГ – Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 144. Л. : Наука, 1978. С. 144.

⁶ Большой диалектологический словарь татарского языка. Татар теленең зур диалектологик сүзлеге: ок. 40 000 единиц / сост. Ф.С. Баязитова [и др.]. Казань : Татарское книжное изд-во, 2009. С. 269.

⁷ Шипова Е.Н. Указ. соч. С. 154.

⁸ Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. Вып. 2. С. 71.

⁹ Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 13. Л. : Наука, 1977. С. 210.

¹⁰ Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва ; Новосибирск : Наука, 2000. С. 289.

самолётта кильдем 'я прилетел на самолёте'¹; ср. также: башк. *килем* 'доход, прибыль'; *килем-китем собир.* 'гости и расходы, связанные с их приёмом'; *килен-килтэн собир. разг.* 'молодицы, молодухи'². В «Чувашско-русском словаре» (1985 г.) находим также лексику *кил* (*килё*) со значениями 1) 'дом, семья; жилище'; 2) 'двор, дом; хозяйство; усадьба'³. С.А. Мызников указывает на вероятность тюркского происхождения, однако, ввиду отсутствия в тюркских языках источников данного слова с подобной семантикой, допускает наличие иных источников⁴.

В русских говорах контактных регионов отмечаются лексемы, заимствованные из речи билингов. Одна из подобных адстратных лексем – *бабай* 'дед (у татар)': *Мы кода праводили гас, праводили татары, ну и вот старший гърит: «Бабай, не ломай печ, и не ломай голанку, а то можът гас вре́менна быт', нынчэ будит, а зафтра ево не будит. Вот бабай, не ломай, натопиш и будиш ф тепле з бабулей»*. Старый Белый Яр Чердаклинского р-на. Зафиксирована и производная лексема с уменьшительно-ласкательным значением *бабайка* 'дедушка (у татар)'. В словаре татарского языка слово *бабай* толкуется как ласкательно-уважительное обращение к старику, *деду*⁵, аналогично русскому *дедушка*.

Лексемы *бабай* и *бабайка* используются также в значении мифического существа, которым пугают детей: *Будеш баловаца – заберёт бабайка!* Рязаново Мелекесского р-на. Помимо лексемы *бабайка*, в Симбирском Заволжье существуют и другие наименования мифических существ, предназначенных для устрашения детей – это слова *татарин* и *самошка* (*Татарин идёт, вон стучит в окошка*. Красная Река Старомайнского р-на; *Самошкой вот нас пугали, если не слушалис'*. Красная Река Старомайнского р-на). Использование лексем *татарин* и *бабайка* ('дедушка-татарин') в значении мифических пугающих существ обусловлено, вероятно, культурной оппозицией «свой – чужой», так как представитель иной веры может восприниматься как «чужой», а значит, опасный. Лексема *самошка*, возможно, является производной от древнееврейского имени *Самуил*, её использование также может быть связано с проявлением оппозиции «свой – чужой». В качестве тюркского заимствования мы в данном случае рассматриваем лексику *бабай*, прочая синонимичная лексика приводится в качестве фоновых сведений для понимания общих принципов номинации в данном понятийном сегменте.

Отметим тот факт, что экспрессивная лексика тюркского происхождения характерна не только для русских говоров, такие элементы обнаруживаются и в базисном русском лексиконе: *кавардак, балда, балбес, баламут, бардак, бельмес, артачиться, болван, безалаберный, белиберда, разгильдяй, якшаться* и другие⁶. Часть лексем была заимствована первоначально в конкретных значениях, а экспрессивную семантику приобрела уже в качестве вторичных в результате метафорического или метонимического переноса, что характерно для таких слов, как *кавардак, балда, баламут, бардак, болван* и некоторых других. Такой путь освоения заимствованной лексики характерен для взаимодействия через сферу устной спонтанной речи.

Подводя итоги, отметим значимость тюркизмов в различных пластах лексики русских говоров Симбирского Заволжья. Слова тюркского происхождения присутствуют в группах лексики, связанной с хозяйственной деятельностью, с природой и ландшафтом, с ведением домашнего хозяйства. Наличие заимствованных элементов в сфере экспрессивной лексики свидетельствует о длительном этноязыковом взаимодействии на уровне бытового общения.

© Я.В. Мызникова, 2022

¹ Татарско-русский словарь. В 2 т. Т. 1 (А–Л). Казань : Магариф, 2007. С. 569.

² Башкирско-русский словарь: 32000 слов / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан; под ред. З.Г. Ураксина. М. : Дигора, Рус. яз., 1996. С. 270.

³ Чувашско-русский словарь / И.А. Андреев, А.Е. Горшков, А.И. Иванов и др.; под ред. М.И. Скворцова. М. : Рус. яз., 1985. С. 171.

⁴ Мызников С.А. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб. : Нестор-История, 2019. С. 298.

⁵ Татарско-русский словарь : В 2-х т. Т. 1 (А–Л). Казань : Магариф, 2007. С. 181.

⁶ Шипова Е.Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата : Наука, 1976. С. 39, 55, 56, 62, 74, 77, 85, 109, 264, 435.

СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ

Т.А. Пакина

(ФГБОУ ВО «НГПУ им. К. Минина», Нижний Новгород)

Гендерные исследования – достаточно молодое, находящееся в процессе развития направление российской гуманитарной науки. Зародившись и развиваясь первоначально в русле социальных наук, они постепенно проникают в филологические дисциплины, открывая новые горизонты познания человека.

В антропологически ориентированном языкознании, наряду с системно-функциональной организацией языка, важное место занимает анализ социальных и индивидуальных факторов, определяющих специфику языковой личности. Огромное значение при изучении человека в языке приобретают индивидуальные характеристики языковой личности, к важнейшим из которых относится пол. Пол индивида определяет его социальную, культурную и когнитивную ориентацию в мире, в которой язык играет одну из основных ролей. Именно вопросы пола оказываются в центре внимания междисциплинарного направления современной гуманитарной науки – гендерных исследований. Основное понятие категориального аппарата этого молодого направления постмодернистского знания – это понятие «гендер» (социокультурный пол), которое акцентирует социальные и культурные аспекты взаимодействия полов с учетом их биологических особенностей и предполагает изучение мужского и женского поведения, мышления, общения, возможностей самореализации личности в зависимости от половых стереотипов, создаваемых не природой, а обществом, мужественности и женственности как культурных концептов¹.

В центре внимания гендерных исследований находятся культурные, социальные и языковые факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, стереотипные представления о мужских и женских качествах, которые определяют восприятие и оценку личности в зависимости от пола, приписывая ей определенные качества и типы поведения, а также вербальное поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу – все то, что переводит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры. Таким образом, биопсихические межполовые различия оказываются вторичными по отношению к социокультурным, конструируемым в процессе социализации личности в обществе, в котором большую роль играют модели поведения, социальные статусы, реакции, привычки.

Под гендером понимают социокультурный пол, искусственно сконструированный, наложенный на биологическую данность в процессе социализации личности в культуре, посредством языка. Гендер закреплён в общественном и в индивидуальном сознании. Науки о языке интересуют прежде всего языковые механизмы конструирования гендера, а также внеязыковые факторы, воздействующие на этот процесс. Гендер можно определить как социально осознаваемый пол, этот термин трактуется также как социализация субъекта под влиянием его биологического пола. Гендер – это система норм, стереотипов, привычек, моделей поведения индивида, которые предписываются и воспитываются обществом в процессе социализации и аккультурации субъекта и обеспечивают в дальнейшем его адекватное поведение.

Три составляющие человеческой личности: биологическая, психическая и социальная – уникальным образом переплетаются в каждом отдельном индивиде. Мы рождаемся мужчинами или женщинами – в природе есть только два пола. Но на эту природную данность по-разному накладываются многообразные социокультурные факторы: нормы, ценности, стереотипы, идеалы, касающиеся, в том числе, представлений о мужественности и женственности в каждой культуре, распределения ролей и статусов, отношений власти и доминирования, прав и обязанностей, правил и потребностей, строго предписанных или рекомендованных членам данного сообщества – моделей

---

¹ Хакимова Г.Ш. Гендерный фактор в английских поговорках в сопоставлении с русскими : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003.

поведения и концептов коллективного сознания, формируемых многими поколениями людей под влиянием опыта и условий среды и впоследствии укоренившихся в коллективном бессознательном народа и закрепленных при помощи культурных символов и ритуалов, транслируемых из поколения в поколение посредством механизмов обучения, воспитания, социализации. Так конструируется гендер – социальный пол индивида, испытывающий влияние как биологических, так и социокультурных факторов, представляющий собой систему процессов, качеств и отношений, отражающих взаимосвязь биологического пола человека с его культурной идентичностью, социальным статусом, психическими особенностями и поведением. Гендер не является собственно языковой категорией, но его содержание может быть раскрыто путем анализа структур языка, что объясняет востребованность лингвистической компетенции для изучения культурной репрезентации пола.

Само понятие «гендер» пришло в языкознание довольно своеобразным путем: английский термин “gender”, обозначающий грамматическую категорию рода, был перенесен из лингвистического контекста в исследовательское поле других наук – социальной философии, социологии, истории, а также в политический дискурс. Таким образом, удалось заменить термин “sexus”, обозначающий пол биологический, на термин “gender”, который связывает природную детерминированность не столько с телесными различиями мужчин и женщин, сколько с ролевым разделением труда, неодинаковыми требованиями и отношением общества к мужчинам и женщинам, с разной общественной ценностью лиц в зависимости от их пола.

Проблематика исследований гендера в языкознании может быть рассмотрена в диахронном и синхронном аспектах, тесно друг с другом связанных.

Изучение взаимосвязи языка и пола его носителей принято разделять на два периода, рубежом которых являются 60-е годы XX века:

1) биологический детерминизм – нерегулярные, не связанные со смежными науками исследования, основанные главным образом на наблюдениях разрозненных, часто случайных фактов;

2) собственно гендерные исследования – широкомасштабные исследования, начавшиеся с 60-х годов и обусловленные ростом интереса к прагматическому аспекту языкознания, развитием социолингвистики и социальными изменениями в обществе.

Между этими двумя этапами выделяют промежуточный, подготовительный период, названный переходным.

Долгое время тема взаимоотношений языка и гендера была периферийной в лингвистике. Древнейшей гипотезой о причинах появления и функционирования в языке категории рода была символично-семантическая, базировавшаяся на соотношении природной биологической категории *sexus* с грамматической категорией *genus* (с лат. «класс, тип»). Согласно этой гипотезе, грамматический род возник под влиянием природной данности – наличия людей разного пола. В рамках данной теории (представленной в трудах И.Г. Гердера, Я. Гримма, В. Гумбольдта и других влиятельных ученых) неязыковой опыт, условия социальной реальности экстраполировались на законы развития языка, что вело к оценочности в интерпретации категории рода: мужской род оказывался первостепенным, ему приписывалась семантика силы, активности, энергии, имена женского рода, напротив, характеризовались пассивностью, подчиненностью. Удар по символично-семантической гипотезе нанесло открытие языков, в которых категория рода отсутствует. Появляются морфологическое и синтаксическое объяснения категории рода, но остается понимание того, что категория рода сама способна влиять на человеческое восприятие соответствующих слов и понятий, участвуя в формировании положительных или отрицательных коннотаций в связи с концептом биологического пола.

В XVII веке были открыты «экзотические» первобытные языки, в которых существовало разделение на мужской и женский варианты. Но систематических исследований по ним не проводилось; общим для всех описаний гендерной вариативности в этих языках было то, что мужской вариант рассматривался как собственно язык, а женский – как отклонение от него.

Особенностью этого периода были преимущественно описательный характер научного дискурса и сугубо биологический подход к материалу. Исходной позицией исследователей были как

бы predetermined природой различия в когнитивных и в целом в интеллектуальных способностях мужчин и женщин. Соотношение пола, образования, культуры, возраста не рассматривалось, выводы делались на нерепрезентативном материале. Считалось, что все различия между мужской и женской речью определяются биологическим полом. Исходным пунктом интерпретации признаков полового диморфизма в языке и речи была их природная обусловленность. Различия между мужчиной и женщиной фундаментальны и устойчивы, это разделение рассматривалось К. Уэст, М. Зиммерман как как естественное и укорененное в биологии.

И лишь в начале XX столетия тема языка и пола в лингвистике стала перемещаться на передний план. Этому способствовал ряд обстоятельств: во-первых, данная проблематика заинтересовала лингвистов с мировым именем, основавших ряд направлений в языкознании XX века: О. Есперсена, Э. Сепира, Ф. Маутнера. Во-вторых, на первое место в лингвистическом описании стал выдвигаться социальный план, рассматривающий язык в связи с обществом и находящимся в нем человеком, возникли целые новые направления в языкознании — социолингвистика, прагматика, психолингвистика, теория дискурса и коммуникации. Причем опыт изучения различий между мужскими и женскими вариантами языка, накопленный на базе так называемых «примитивных языков», стал экстраполироваться на «цивилизованные» европейские языки: немецкий, английский, французский. Общим для этого периода являются фрагментарность, периферийный характер исследований, а также концепция «дефицитности» «женского» (отклоняющегося) языка по отношению к «мужскому» (нормативному). Но наибольший интерес к данной теме появляется с середины 1960-х годов, когда широкое развитие получают коммуникативная семантика, социолингвистика (в том числе, квантитативная лингвистика, использование статистических данных), прагматика, исследование социолектов, когда пристальное внимание исследователей привлекает влияние на язык «человеческого фактора». Стало ясно, что изучение языковых явлений в их коммуникативном, динамическом аспекте невозможно без учета экстралингвистических факторов, социопсихологических особенностей личности (пола, возраста, уровня образования и т. п.). Анализируются все уровни языка, начиная с фонетики и заканчивая особенностями дискурса и стиля речи в целом. К лингвистическому описанию активно привлекаются результаты всего спектра наук о человеке (психологии, социологии, этнографии, антропологии, истории и др.), делаются первые успешные попытки влияния на языковую политику.

Возникновение гендерных исследований в российской науке о языке датируется обычно серединой 90-х годов XX века – в период, когда становятся доступными первые переводные работы по гендерной проблематике и в отечественной научной литературе понемногу начинает использоваться термин «гендер». В отечественном языкознании и культуре в целом проблематика социального пола имеет меньшую значимость, чем в западной культурной и, как следствие, научной традиции. В России не было такого острого противостояния мужского и женского, не было активного протестного движения за права женщин, советская власть сразу же наделила российских женщин равными с мужчинами правами. Тем не менее, несмотря на существенное запаздывание гендерных исследований в России, языковые и речевые феномены, связанные с мужским и женским, изучались в нашей стране в рамках других лингвистических дисциплин еще до формирования собственно гендерной терминологии и проблематики. Они не были системными и не составляли единого научного направления, но внесли свой вклад в формирование проблематики гендерных исследований.

Выделяют ряд методологических направлений лингвистических исследований пола в данный период: социолингвистика, психолингвистика, феминистская лингвистика, собственно гендерные исследования, изучающие оба пола, изучение маскулинности (молодое направление, получившее развитие в конце 1980-х годов), а также кросскультурные исследования (в основном на материале американского варианта английского и ряда влиятельных европейских языков)¹. Данные

---

¹ Кирилина А.В. Гендер: Лингвистические аспекты. М., 1999. 189 с.; Она же. Гендерные компоненты этнических представлений: (По результатам пилотаж. исслед.) // Гендерный фактор в языке и коммуникации: Сб. науч. тр. М., 1999. С. 67–78; Она же. Гендерные аспекты языка и коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2000. 369 с.; Она же. Гендерные аспекты массовой коммуникации // Гендер как интрига познания: сб. ст. М., 2000. С. 47–80; Она же. Проблемы гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации // Гендер как интрига познания: Гендерные исслед. в лингвистике,

направления по-разному изучают следующие группы проблем: отражение пола в системе, структурах языка и специфику речевого поведения мужчин и женщин, дискурсивные практики. В связи с этим в структурно-лингвистических исследованиях выделяют морфологические, лексические, фонологические и синтаксические, а в речеповеденческой группе исследований – психолингвистические, социолингвистические и прагмалингвистические.

Особенно популярными являются исследования категории рода в различных языках (Т.А. Знаменская, А.А. Холод, А.А. Зализняк и др.), обозначений мужчины и женщины (Г.Ш. Хакимова, О.И. Еременко), гендерного аспекта неконвенциональной лексики¹, так называемых общих форм типа «man, person, he» и механизма «включенности» женского в мужской грамматический род. Одним из авторов, систематизировавших и определивших основные исследовательские направления в рамках гендерной проблематики, реализуемые в нашей стране, стала А.В. Кирилина.

В настоящее время в отечественном языкознании сложилось свое направление по научному анализу гендерных аспектов языка и речи – гендерная лингвистика, или лингвистическая гендерология, о чем свидетельствует появление значительного количества работ по гендерной тематике на материале русского и других языков, впервые подвергавшихся такому анализу, и создание научных школ, специальных подразделений, публикаций и научных событий различного уровня и масштаба, посвященных гендерным исследованиям. Начиная с 2000-х годов появляются работы методологического характера, посвященные применению гендерного подхода в изучении межкультурной коммуникации (И.И. Халеева, А.В. Кирилина), разработке общенаучных подходов к изучению гендера в филологии, формированию терминологии (А.В. Кирилина, И.В. Зыкова, Е.И. Трофимова, Словарь гендерных терминов, 2002 г.), лексикографической проблематике гендера (А.А. Попов, М.С. Колесникова, И.Г. Ольшанский, О.А. Васькова).

С начала XXI века в отечественном языкознании формируется несколько направлений развития гендерных исследований, которые носят взаимопроникающий междисциплинарный характер:

1. Социолингвистическое и психолингвистическое – в рамках данного направления изучается русское языковое сознание на материале письменных и устных текстов с применением методик моделирования и наблюдения, анализа письменных текстов и свободного ассоциативного эксперимента, которые демонстрируют влияние на речевое поведение наряду с полом таких характеристик личности, как возраст, образование, характер социальной активности респондентов (Е.И. Горошко, Н.И. Миронова, О.Н. Шаповалова, Е.С. Ощепкова и др.). Установлено, что с ростом уровня образования гендерные речевые различия все больше сглаживаются. Исследования Е.А. Земской, М.В. Китайгородской, Н.Н. Розанова демонстрируют отсутствие существенных различий между мужской и женской речью, эти гендерные особенности скорее оцениваются как тенденции употребления, связанные зачастую не столько с половыми различиями, сколько с особенностями характера, профессии, социальной роли.

Исследования детской речи помогают выявить влияние половозрастного фактора и этнических и социальных стереотипов на формирование речевого поведения детей дошкольного и школьного возраста (Е.В. Каган, Ю.Н. Сироткина, И.А. Кириллова, А.В. Федченко). Особенно значимым параметром является пол при исследовании фонетической стороны речи: различиям в произношении мужчин и женщин посвящены исследования как на нормативном материале эталонной речи, так и региональных вариантов литературного русского языка (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Е.В. Ерофеева). Выводы подобных исследований в основном применяются для установления пола говорящего в криминалистике.

литературоведении и теории коммуникации : Альманах. Пилотный выпуск. М., 2002. С. 20–27; Она же. Гендерные исследования в лингвистике и теории коммуникации : учеб. пособие для студентов вузов. М., 2004. 252 с.; Она же. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки, 1998. № 2. С. 51–59; Она же. Перспективные направления развития гендерных исследований в российской лингвистике. // Женщины России на рубеже XX–XXI веков : материалы Международной научной конференции. Иваново, 23–24 апреля 1998. С. 16–20; Она же. О применении понятия гендер в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3; Она же. Гендер : Лингвистические аспекты. М. : Изд-во «Институт социологии РАН», 1999. 189 с.

¹ Лизенко И.И. Гендерный аспект неконвенциональной лексики в английском и русском языках : автореф. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2004.

2. Исследования в рамках лингвокультурологического направления направлены на изучение особенностей функционирования в языке стереотипов феминности и маскулинности (А.В. Кирилина, М.Д. Городникова и др.). Сторонники данного подхода рассматривают гендер как культурный феномен, а мужественность и женственность – как социокультурные концепты. Таким образом, изучаются особенности отражения в языке концептов мужественности и женственности и гендерной метафоры (А.В. Кирилина, В.Н. Телия и др.), лексические единицы языка, используемые для обозначения лиц женского пола и др. В рамках данного исследовательского направления большое внимание уделяется андроцентричности социальных отношений, стереотипизации и связанным с ними гендерным асимметриям и искажениям в языке.

3. Исследования коммуникативно-дискурсивного направления определяют гендер как одну из характеристик личности, отражающихся в языке и являющихся средством конструирования идентичности в коммуникативном пространстве взаимодействия, в различных дискурсах. Исследования концептов мужественности и женственности в рекламном и политическом дискурсах, а также в художественной литературе на материале российских и зарубежных авторов (Е.С. Гриценко, М.В. Томская, И.А. Гусейнова и др.) выявляют гендерные стереотипы, способствующие конструированию не только образов мужественности и женственности, но и формированию отношения к объектам рекламы в соответствии с традиционными представлениями о социальных ролях мужчины и женщины. Вместе с тем выявлено, что актуализация определенных аспектов концептов мужественности и женственности в большей степени обусловлена идеологией, историческим периодом, социальным заказом, нежели биологически детерминирована. Исследователи, анализирующие модели речевого поведения в дискурсах брачных объявлений, СМИ, в материалах дневников различных периодов, в ситуациях неофициального и публичного речевого общения, в интервью и других, приходят к выводу, что различия в речевом поведении мужчин и женщин проявляются нерегулярно и зависят от контекста взаимодействия – следовательно, гендер не является определяющим для коммуникации фактором. Таким образом, одним из основных достижений гендерной теории последних десятилетий является отрицание детерминизма категории «гендер» в языке и речи. Гендер признается параметром, проявляющимся с неодинаковой интенсивностью, зависящей от ситуации, культурных и этнических особенностей и других характеристик коммуникантов.

В результате многосторонних исследований представленности пола в языке были получены, в частности, следующие данные: язык андроцентричен, подвержен влиянию патриархальных стереотипов, образы мужчины и женщины представлены в нем неравномерно (Ж. Лакофф 1973). Мальчики и девочки с раннего возраста находятся в различных группах, усваивая различные модели поведения и речевые стратегии. Пол во многом определяет языковую компетенцию говорящих, гендеры реализуют себя в социальном пространстве при помощи языка неодинаково (понятие «гендерлект»). В речевых актах выражаются отношения власти и доминирования. Женская коммуникация ущербна, «дефицитна». Сложилась устойчивые научные стереотипы мужской и женской речи, а именно: язык женщин более консервативен (использование архаичных суффиксов), а речь – более правильна вне зависимости от социальных факторов (этнос, группа, статус, возраст) в отличие от мужской. Женщины при использовании языка более тактичны, склонны к использованию престижных вариантов произношения и лексики, модных заимствований (что связано с их ролью воспитателей подрастающего поколения), они менее склонны к использованию инвективов, брани, неологизмов и терминов и больше – к эвфемизмам. Выдвигается предположение, что вследствие более низкого статуса женщины вынуждены привлекать к себе внимание посредством особой «экспрессивной» интонации сложного рисунка, разделительных вопросов, выражений положительной оценки, глаголов со значением модальности, эксплицирующих неуверенность и отсутствие конфиденциальности в общении. Женщины используют просодические средства там, где мужчины применяют лексические. Некоторые авторы отмечают неспособность мужчин выражать разнообразные эмоции, главным образом положительные, голосовыми средствами (В.В. Потапов), что требует подтверждения на материале более детализированных исследований.

Следует признать, что многие из отмеченных особенностей отражают стереотипное видение мужской и женской речи. В реальности характеристики мужской и женской речевых стратегий

зависят от уникальной комбинации множества социокультурных факторов, таких как возраст, образование, социальное положение и активность коммуникантов (к примеру, доказано, что с повышением уровня образования и социального статуса частота различий в речи мужчин и женщин значительно снижается). Растет число работ, показывающих множественность пола, большую вариативность речевого поведения в рамках одного пола, нежели между полами, что позволяет говорить о некоторых стилистических особенностях мужской и женской речи, подчеркивая их вероятностный характер и зависимость от ситуации общения. Таким образом, в настоящее время отечественное языкознание сосредоточено на решении двух групп вопросов гендерной проблематики: во-первых, на выявлении значимости гендерного подхода в языкознании, специфике и релевантности его проявления в разных типах дискурсов, во-вторых, на установлении значимости экстралингвистических, социокультурных и межкультурных компонентов в процессе конструирования гендера в языке. Современная гендерная теория не пытается оспорить существование тех или иных биологических, социальных, психологических различий между конкретными женщинами и мужчинами. Она просто утверждает, что сам по себе факт различий не так важен, как важны их социокультурная оценка и интерпретация. В основе гендерных исследований лежит идея о том, что важны не сами по себе биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое придает им общество. В настоящее время появляется понимание множественности, вариативности пола.

© Т.А. Пакина, 2022

УДК 811.512.121

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА: ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ

А.К. Пирниязова

(НГПИ, Нукус, Республика Каракалпакстан)

В мировой лингвистике осуществлены широкомасштабные исследования по системному изучению спорных вопросов фразеологии. В частности, имеются весомые исследования в плане выявления структурно-семантических особенностей фразеологизмов с учетом их семантики, объема и границ. Следует отметить, что изучение фразеологизмов только с лингвистической точки зрения не способствует полному раскрытию их природы, потому что при таком рассмотрении вне поля зрения остается влияние жизненного опыта нации, народа, взаимоотношений социальных личностей, духовной, материальной культуры и других экстралингвистических факторов. Изучение же языковых единиц в тесной связи с экстралингвистическими факторами становится отдельным направлением современной лингвистики, и исследование фразеологизмов в данном аспекте способствует появлению новых научно-теоретических выводов. В мировом языкознании на современном этапе на повестку дня ставятся проблемы изучения фразеологической системы в связи с речевой, номинативной, когнитивной функциями фразеологических единиц, со способами их применения в контексте. При этом, наряду с изучением внутреннего строения, усиливается внимание к коммуникативной стороне речевой деятельности, ибо, согласно общепринятому положению, любая наука может соответствовать современному прогрессу, интересам людей лишь в том случае, если она изучает свой объект в связи с человеческим фактором, потребностями людей. Как известно, фразеологизмы, непосредственно связанные со стилистикой, в процессе употребления меняют свою стилевую окраску, исходя из внутренней семантики.

Фразеологическая система тюркских языков, в том числе и каракалпакского языка, является одним из самых богатых и древних лексических пластов. Исследование семантических, функционально-стилистических особенностей фразеологизмов в каракалпакском языке в лингвокультурологическом и антропоцентристском аспектах – веление времени. Фразеологическая система взаимосвязана и взаимодействует со всеми элементами ярусной системы языка, поэтому такие

исследования в большей степени способствуют раскрытию тонких нюансов лексем, словосочетаний, этимологии и орфографии, художественного стиля, языка писателя и других лингвистических явлений. Большое научно-теоретическое значение имеет изучение семантической целостности, стилистических особенностей, лексического состава, источников происхождения, национальных особенностей фразеологизмов с лингвокультурологической, когнитивной точек зрения. В труде Е. Бердимуратова изучены общие вопросы фразеологии каракалпакского языка¹. Особенности симметричных двухкомпонентных фразеологизмов каракалпакского языка изучены Г. Айназаровой². Диссертационное исследование Ж. Танирбергенова посвящено глагольным фразеологизмам, составляющим большую часть фразеологического материала каракалпакского языка. Выявлены семантические типы, описаны явления вариативности, полисемии, синонимии, антонимии, омонимии, их семантические особенности и пути возникновения, указаны структурные модели глагольных фразеологизмов³.

Стилистическое использование фразеологизмов в художественном произведении и их стилистические возможности рассматривались в трудах каракалпакских ученых. На основе изучения произведений известного поэта И. Юсупова проанализированы лексико-семантическое своеобразие, стилистические функции фразеологизмов, а также выявлены основные принципы лингвистической природы фразеологизмов каракалпакского языка. Свообразие узуально-стилистических, окказионально-стилистических функций фразеологизмов широко изучены на примере произведений поэта. Фразеологическое новаторство И. Юсупова раскрыто с помощью метода структурно-семантического изменения фразем⁴. В докторской диссертации «Фразеологическая система каракалпакского языка и её стилистические возможности» раскрыты теоретические основы фразеологической системы каракалпакского языка в семантико-лингвокультурологическом аспекте на основе сформировавшихся в лингвистике научно-теоретических воззрений. С разных точек зрения выявлено, что фразеологизмы каракалпакского языка являются сложными этнокультурологическими единицами, объем и границы, семантика которых содержат информацию, которая определяется через сознание человека согласно определенным критериям, впервые в каракалпакском языкознании обоснованы критерии определения фразеологизмов, семантические, стилевые особенности, стилистические функции и особенности применения в контексте, с лингвокультурологической точки зрения охарактеризованы фразеологизмы, отражающие менталитет, национальный характер народа. Культурно-исторические особенности фразеологизмов описаны в сочетании с лингвокультурологическими воззрениями каракалпакского народа, стилистические возможности использования фразеологизмов каракалпакского языка раскрыты в контексте устной речи в фольклорных и прозаических произведениях⁵.

Фразеологический пласт каракалпакского языка является различным и сложным по структуре и значениям. Как средство образного, экспрессивного, художественного описания фразеологизмы отражены в каракалпакском фольклоре, творениях писателей и поэтов. Вместе с тем фразеологизмы выполняют и коммуникативные, номинативные и когнитивные функции. Эти три функции тесно взаимосвязаны, самая важная из них – кумулятивная функция. Внутренняя форма фразеологизмов изображает национально-культурные особенности. Культура – это уникальная историческая память народа. В соответствии с кумулятивной (накопительной) функцией язык сохраняет её и тем самым обеспечивает связь между поколениями.

Изучению фонетического строя фразеологии каракалпакского языка на основе звукового повтора и его видов, определению фонетических, лексико-семантических, структурных,

¹ Бердимуратов Е. Ҳазирги заман қарақалпақ тили (Лексикология). Неқис : Билим, 1994.

² Айназарова Г. Симметричные двухкомпонентные фразеологизмы в каракалпакском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нукус, 2000.

³ Танирбергенов Ж.О. Қорақалпоқ тилида феъл фразеологизмларнинг лингвистик таҳлили : филол. фан. фалс. докт. ... (PhD) дис. автореф. Нукус, 2020.

⁴ Алламбергенова Г.И. Юсупов асарларида фразеологизмларнинг услубий қўлланилиши : филол. фан. фалс. докт. ... (PhD) дис. автореф. Нукус, 2019.

⁵ Пирниязова А.К. Қорақалпоқ тили фразеологик системаси ва унинг стилистик имкониятлари : филол. фан. докт. ... (DSc) дис. автореф. Нукус, 2020.

стилистических особенностей эвфонических фразеологизмов посвящена работа Б. Юсуповой¹. В результате исследований автор делает следующие выводы: фонетическая система фразеологии каракалпакского языка исследована на основе в составе фразеологизмов, разработаны теоретические основы изучения фразеологизмов в фоностилистическом направлении на основе сформированных в языкознании научно-теоретических мыслей, введены новые термины, связанные с исследованием; раскрыты значения приемов ассонанса и аллитерации в формировании фразеологизмов, их место, повтор каждого гласного и согласного звука в начале слова в составе фразеологизмов и их возможности в создании фонетической художественности, через них доказаны эвфонические стороны, возникающие в фразеологизмах.

Особенности употребления фразеологизмов каракалпакского языка были выявлены авторами в исследованиях через тексты художественных произведений. Каждый писатель имеет своеобразное мастерство и стиль употребления фразеологизмов. В произведениях писателей К. Султанова, И. Юсупова, Т. Каипбергенова, Г. Есемуратовой, Х. Даулетназарова, М. Нызанова, Ш. Сеитова, Б. Казакбаева, К. Рахманова фразеологизмы использованы как средство художественного изображения. В них много различных проявлений фразеологического богатства просторечия (языка народа), которые трансформируются при помощи многофункциональных способов: повторение компонентов во фразеологизме, инверсия, вставка слов между компонентами, замена другими единицами, использование в новом контексте, преобразование в свободное словосочетание, наложение, добавление новых значений, синонимические, антонимические замены, создание нового фразеологизма по образцу и др. Фразеологизмы народного языка обогатили язык произведений и оказали большое влияние на их поэтический язык, содержание и форму.

Следует отметить, что отличительной чертой фразеологизмов каракалпакского, а также казахского языков по сравнению с другими тюркскими языками являются симметричные двухкомпонентные фразеологизмы².

Симметричные двухкомпонентные фразеологизмы обладают общими признаками. Среди общих признаков выделяется фонетическое соответствие между компонентами, где эвфония компонентных членов является самым важным фактором образования, сохранения устойчивости фразеологизмов: *жегени желим, ишкени ириң; басы аўырып, балтыры сызлаў; аўыл аймағы менен, бота тайлағы менен* т. б.

В художественных произведениях каракалпакских писателей широко используются симметричные двухкомпонентные фразеологизмы: *Жалғызының қанлы майданға атланар алды алты қанатлы үйге бир өзи сыймай пошалап, ингендей қайысып, ботадай бозлап* отырған Назлы кемпир жүрегіндегі дәртін усыннан басқа шыпа таба алмай ... отырғанын ким билсин, қыза келе айтынып жылады (К. Султанов).

Фразеография – это отдельная отрасль лексикографии, которая также занимается теоретическими и практическими задачами составления фразеологических словарей. С.Т. Наурузбаева, в частности, в научном плане изучила вопросы подачи именных фразеологизмов каракалпакского языка в каракалпакско-русском словаре³. Ж. Ешбаев опубликовал краткий толковый словарь фразеологизмов каракалпакского языка⁴. Кроме этого, были изданы ещё несколько словарей каракалпакских фразеологизмов⁵. Однако в указанных словарях охвачены не все фразеологизмы каракалпакского языка. Фразеологизмы, составляющие определенную часть

¹ Юсупова Б. Қарақалпақ тилидағы фразеологизмларнинг фоностилистик таҳлили : филол. фан. д-ра ... (DSc) дис. автореф. Нукус, 2022.

² Кенесбаев С.К. Қазақ тіліндегі қос сөздер // Известия АН КазССР Сер. Линг. № 82. Вып. 6. 1950. С.3–12; Қайдаров Ә.Т., Сатенова С. Қазақ тіліндегі қос тағанды фразеологиялық тіркестердің тілдік және поэтикалық тәбиғаты // Ізденіс. Алматы : Қазақстан жоғары мектебі, 1996. № 3. 4–12 бб.

³ Наурузбаева С.Т. Типы именных фразеологических единиц каракалпакского языка и их отражения в каракалпакско-русском словаре : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1967.

⁴ Ешбаев Ж. Қарақалпақ тилинің қысқаша фразеологиялық сөзлігі. Нөкіс, 1985.

⁵ Джумамуратов Т. Русско-каракалпакский фразеологический словарь для школьников. Нукус : Каракалпакстан, 1985; Пахратдинов Қ, Бекниязов Қ. Қарақалпақ тилинің фразеологизмлер сөзлігі. Нөкіс : Qaraqalpaqstan, 2018; Pirniyazova A., Sarsenbaev Q. M. Nizanov shıǵarmalarınıń frazeologizmler sózligi. Nókis, 2019.

словарного фонда, широко используются в устном народном творчестве, художественных произведениях, в разговорной речи. При этом один и тот же фразеологизм может выражать и положительное, и отрицательное значение. Ж. Ешбаев объясняет, что фразеологизм *көз тигиү* означает 'смотреть, не отводя глаз', а в «Каракалпакском толковом словаре» объясняется: 1) *қадалып тигилип қарау*; 2) *нәзер аударыу, кейил бөлиу*. В словаре К. Пахратдинова, К. Бекниязова – *көз тикти* означает 'посмотреть, взглянуть, смотреть, обратить взор'. Данный фразеологизм используется в тексте следующим образом:

1. Мәдияр сораулы пишинде Исмайлға *көз тикти* (М. Нызанов) – употребляется в значении 'взглянуть, смотреть'.

2. Жолдасыңды хұрмет қыл, Өзгелерге *көз тикпе* (М.Қашғарий) – употребляется в значении 'не смотри на других, не изменяй даже взглядом'.

3. Хаялына мийримли *көзин тикти* (К. Султанов) – означает 'смотреть, обратить внимание'.

4. «Әлхәббиз!» – деп таңланды Бердақ оның жылт-жылт етип, бир орында турмай жалтақлап турған қой *көзлерине тигилип* (А. Садықов) – выражает отрицательные эмоции.

Для составления полного словаря фразеологизмов каракалпакского языка необходимо разработать и систематизировать их на основе теоретических и лексикографических знаний. Эта одна из самых актуальных проблем, которую необходимо решать в будущем. В первую очередь, следует отличать фразеологизмы от других устойчивых словосочетаний языка, собирать примеры из художественных и фольклорных произведений.

В результате лингвистического исследования фразеологической системы современного каракалпакского языка и его стилистических возможностей можно сделать следующие выводы. В ходе изучения фразеологизмов лингвистами каракалпакского языкознания были получены значительные научные результаты в плане раскрытия и семантического анализа особенностей фразеологизмов как целостной системы. Среди устойчивых словосочетаний фразеологизмы являются языковыми единицами, отличающимися образностью, эмоционально-экспрессивным воздействием, национальной спецификой, лексическим составом, включающим в себя этнографические особенности каждого народа и выражающим антропоцентрическую семантику. Фразеологизмы выполняют коммуникативные, номинативные и когнитивные функции, характеризуются синонимией, вариантностью, экспрессивностью, имеют своеобразные структурные особенности. Фольклорные, разговорные, книжно-письменные фразеологизмы являются системой сложных кодов и занимают особое место в национальном фразеологическом фонде. Фразеологическая система как наиболее устойчивый пласт, сохраняющий и несущий культурную информацию, включает в себя идиоэтнические способы и формы человеческого мировоззрения, что в свою очередь, формирует лингвистический аспект когнитивной картины мира каракалпакского народа. Полученные результаты исследования создают широкие возможности для составления полного фразеологического словаря каракалпакского языка.

© А.К. Пирниязова, 2022

УДК 81'25:81'32

МЕТОДЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

З.М. Сафина
(БашГУ, Уфа)

Корпусная лингвистика – это раздел науки о языке, тесно связанный с компьютерной лингвистикой. По словам Дж. Синклера, корпус – это собрание отрывков текстов в электронной форме, отобранных в соответствии с внешними критериями для наиболее полного представления языка или вариации языка; корпус функционирует в качестве источника данных для лингвистических

научных исследований¹. Исследователь Т. Макинери определяет корпус как набор машиночитаемых аутентичных текстов (включая расшифровки устных данных), которые отбираются как репрезентативные для определенного естественного языка или языковой разновидности². До появления корпусов исследователи были вынуждены работать с огромным количеством текстов в бумажном варианте, что значительно осложняло их работу над исследованиями. Появление первых корпусов можно связать с необходимостью наличия доступных текстовых данных в области мертвых языков³. Позднее корпусы приобрели важное значение в транскрипции и анализе существующих, но ранее неизученных языков. Уже к середине XX века произошел последующий переход от корпуса мертвых, к корпусу живых языков. На данный момент существует множество онлайн и офлайн-корпусов разных языков. Для большинства мировых языков уже созданы национальные корпусы, которые отличаются по объему и степени научной обработки текстов. В России одним из таких корпусов является Национальный корпус русского языка, который содержит более 1,5 миллиарда слов. Британский национальный корпус содержит более 100 миллиона слов, в то время как Корпус современного американского английского языка содержит более одного миллиарда слов.

Все современные корпусы отличаются между собой по ряду характеристик. Т. Макинери делит корпусы на три категории:

- 1) одноязычные корпусы, которые состоят из данных одного языка;
- 2) сопоставимые корпусы, которые включают ряд одноязычных корпусов на разных языках и которые могут использоваться для сравнительных исследований этих языков;
- 3) параллельные корпусы, которые включают оригинальные тексты на одном языке с переводами этих текстов на один или несколько разных языков⁴.

Отечественный ученый в области компьютерной и корпусной лингвистики В.П. Захаров классифицирует корпусы по следующим признакам: тип данных, язык текстов, «параллельность», «литературность», жанр, доступность, назначение, динамичность/статичность, тип и характер разметки, объем корпуса, хронологический аспект, «общность», структура⁵. Таким образом, корпусы классифицируются по широкому ряду признаков, которые можно комбинировать друг с другом, тем самым создавая уникальные корпусы текстов. Важность корпусов текстов также объясняется широким диапазоном их применения. Корпусы могут применяться: в лексикографии (создание словарей); в грамматике и синтаксисе (определение типов словосочетаний и предложений); в стилистике (различия между авторами, периодами, жанрами и видами коммуникации); в лингвистике текста (дифференциация типов текста); в автоматическом переводе (поиск переводных эквивалентов в параллельных текстах); в учебных целях; в тестировании программ (автоматический анализ и синтез речи)⁶. В дополнение к перечисленным выше областям приложения корпусы также могут использоваться в лингвистических исследованиях для обучения и тестирования систем машинного обучения. В таком случае целью применения корпусов является решение следующих задач: определение темы документа; анализ настроений, выраженных за или против какого-либо продукта; идентификация лиц, описанных в тексте, отношений между ними и событиями; статистический анализ; статистический машинный перевод.

Особое внимание в нашей работе уделено двуязычным параллельным корпусам. Создание качественного параллельного корпуса может быть очень сложным и дорогостоящим ввиду некоторых его характерных особенностей, на данном этапе технологического развития все еще требующих активного участия человека в процессе. Параллельные корпусы нашли свое применение в сравнительном анализе структур разных языков, в обучении иностранному языку, в работе писателей и журналистов и в сфере переводческой деятельности. Параллельные корпусы относятся

---

¹ Sinclair J. *Corpus, Concordance, Collocation*. Oxford : Oxford University Press, 1991. 179 p.

² McEnery T. *Corpus Linguistics // Oxford Handbook of Computational Linguistics*. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 432–443.

³ Malmkjaer K. *The Linguistics Encyclopedia*. London : Routledge, 2006.

⁴ McEnery T. *Corpus Linguistics // Oxford Handbook of Computational Linguistics*. Oxford : Oxford University Press, 2003. P. 432–443.

⁵ Захаров В.П. *Корпусная лингвистика*. СПб, 2005.

⁶ Зубов А.В., Зубова И.И. *Информационные технологии в лингвистике*. М. : Издательский центр «Академия», 2004.

к двуязычным корпусам, которые предоставляют возможность просмотреть текст оригинала и его перевод на какой-либо иностранный язык. Однако два этих варианта текста должны не просто стоять рядом – они обязательно должны быть выравнены. Выравнивание текста подразумевает, что тот или иной фрагмент данного текста должен быть сопоставлен с соответствующим ему фрагментом текста на языке перевода¹. Иными словами, чтобы иметь возможность полноценно пользоваться параллельным корпусом в ходе лингвистических исследований, корпусная база должна быть соизмеримой, в противном случае потенциал исследования будет существенно снижен. Выравнивание может быть выполнено на различных уровнях текста. Наиболее полезным и удачным уровнем для выравнивания является уровень предложений. Такое выравнивание позволяет сфокусировать внимание специалиста на интересующем его моменте, однако в отдельных случаях контекста предложения может оказаться недостаточно. Для таких ситуаций разработчиками корпусных баз обычно предусмотрена функция расширения контекста, открывающая абзац, содержащий в себе интересующее предложение. Большая часть существующих параллельных корпусов выравнена на уровне предложений.

Следующей крайне важной характеристикой параллельных корпусов является наличие разметки или аннотации. Разметка заключается в присвоении элементам текстов и самим текстам специальных меток (англ. *tag, tags*), которые можно поделить на три большие группы: *экстралингвистические* или *внешние метаданные* (сведения об обстоятельствах создания текста; информация об авторе; данные о тексте), *структурные метаданные* (выделение словоформ, предложений, абзацев, глав) и *лингвистические метаданные* (описание лексических, грамматических характеристик компонентов текста). Такие теги позволяют искать, к примеру, не статичное сочетание букв, а все грамматические формы или одну конкретную форму запрашиваемого слова в тексте, употребление слова в определенном контексте или в сочетании с определенными частями речи². Описанные выше факторы объясняют ограниченное количество действительно хороших, качественно выполненных и удобных в использовании в ходе лингвистических исследований параллельных корпусов, находящихся в свободном доступе. Наличие выравнивания и разметки должны иметь решающее значение при выборе специалистом корпуса для дальнейшей с ним работы. Использование параллельных корпусов в особой степени оправдано, когда переводчик сталкивается со строго нормированными текстами, перевод которых не допускает отклонений от стилистических норм оформления. Переводы текстов, представленные в параллельных корпусах, как бы «закрепляют» перевод определенной специфичной терминологии, сложных конструкций и устойчивых выражений, тем самым освобождая переводчика от обязанности подбирать подходящий перевод языковой единицы самостоятельно или искать интересующую его единицу в словарях и справочниках. Однако следует учитывать, что корпусные базы не способны избавить переводчика от всех проблем и затруднений и обладают своими недостатками. Так, переводчик, желая сократить уделенное на перевод время, может столкнуться с обратной ситуацией – чтобы наверняка определить для себя значение слова, ему может потребоваться изучить больше контекста, в котором употребляется та или иная единица языка.

В рамках данного исследования с целью рассмотрения различных способов перевода пассивных конструкций английского языка на русский язык на платформе Национального корпуса русского языка был сформирован параллельный подкорпус, в который вошли оригиналы и переводы художественных текстов английских писателей первой половины XX века³. Перевод английских пассивных конструкций на русский язык сопряжен с определенными трудностями в силу расхождения в грамматической категории залога двух языков⁴. Одной из многочисленных сложностей является тот факт, что пассивный залог английского языка образуется как от переходных,

---

¹ Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика. 2-е изд, перераб. и дополн. СПб. : СПбГУ. РИО. Филологический факультет. 2013.

² Там же.

³ Национальный корпус русского языка [Режим доступа: <https://ruscorpora.ru/>].

⁴ Сафина З.М. Фрактальные свойства залоговых форм глагола // Доклады Башкирского университета. 2017. Т. 2. № 3. С. 523–530.

так и от непереходных глаголов. Кроме того, в состав пассивной конструкции могут входить и фразовые глаголы.

На основе анализа данных созданного нами подкорпуса были выделены следующие способы перевода пассивных конструкций, которые подтверждают существенные различия в языковых отношениях разноструктурных языков:

1) сохранение пассивной конструкции при наличии соответствующего русского глагола в страдательном залоге:

I don't quite understand. What has been stolen? – Я не совсем понимаю. А что было украдено?

2) перевод пассивных конструкций английского языка русскими безличными или неопределенно-личными предложениями (агенса в таких предложениях отсутствует);

The Commandments were written on the tarred wall in great white letters that could be read thirty yards away. – Заповеди начертаны на осмоленной стене крупными белыми буквами – их было видно метров за тридцать.

3) страдательный залог английского языка переводится конструкцией действительного залога;

*And since it was certainly true that nothing of the kind existed in writing, the animals **were satisfied** that they **had been mistaken**. – И поскольку такие решения нигде не были записаны, животные **поверили**, что и впрямь **ошиблись**.*

4) передача пассивного значения лексическими средствами.

*DOWN WITH BIG BROTHER **was written** all over it, in letters almost big enough to be legible across the room. – Весь в **надписях** ДОЛОЙ СТАРШЕГО БРАТА, да таких крупных, что можно разглядеть с другого конца комнаты.*

Согласно данным проведенного исследования, выявлено, что чаще всего английский пассив переводится с помощью краткой или полной формы страдательного причастия прошедшего времени (41,7%), а также с помощью конструкций действительного залога русского языка (20,9%). Работа с Национальным корпусом русского языка позволила не только сгенерировать нужную выборку текстов, но и с минимальными временными затратами проанализировать большое количество примеров вхождения пассивных конструкций в тексты подкорпуса. На следующем этапе исследования предполагается анализ перевода русских глаголов в страдательном залоге на английский язык на основе подкорпуса оригиналов и переводов художественных текстов русских писателей первой половины XX века, созданного также на базе Национального корпуса русского языка.

Таким образом, параллельные корпусные базы являются неоценимым средством работы профессиональных переводчиков. Корпусы хорошо себя зарекомендовали в работе со сложными, узкоспециализированными текстами, насыщенными специфичными терминами, они сокращают время работы, предоставляют закреплённый перевод сложной безэквивалентной лексики, идиом и фразеологических оборотов. Параллельные корпусы являются эффективным вспомогательным средством, которое оказывает благоприятное воздействие на процесс и результат переводческой деятельности, сокращая затраченное время и усилия на перевод и помогая при этом избежать переводческих ошибок. При условии владения теоретическими знаниями в области компьютерной лингвистики электронный корпус текстов является бесценным ресурсом в руках любого переводчика. Создание электронных корпусов позволило максимально оптимизировать процесс перевода, предоставив возможность проводить разнообразные исследования на основе обширного материала.

УДК 811.512.145:811.512.141

ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАЗВАНИЯ ХИЩНЫХ ПТИЦ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ

Э.И. Сафина

(ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АНРТ, Казань)

Вопрос формирования орнитотерминологии татарского и башкирского языков уходит вглубь истории и требует детального рассмотрения. В одной из своих ранних работ мы писали о том, что «основную часть широко употребляемых названий птиц в татарском языке составляют древнетюркские наименования»¹. Исследователь башкирского языка З.А. Хабибуллина также утверждает, что «древнетюркский пласт лексики башкирского языка, включающий наименования птиц, отличается богатством и разнообразием»² и восходит к древнетюркским традициям номинации. В доказательство исследователь приводит общее видовое название *quš* ‘птица’ > башк. *кош* ‘птица’ и рассматривает наименования птиц по отрядам: *soŋqur* ‘кречет’ > башк. *шоңқар* ‘кречет’, *toyan/tojyan* ‘сокол’ > башк. *тойфон* ‘белый кречет’ и др. (отряд соколообразных); *kögürçgen/kögürçgün* ‘голубь’ > башк. *күгәрсен* ‘голубь’ (отряд голубеобразных); *kekük* ‘сокол’ – башк. *кәкүк* ‘кукушка’ (отряд кукушкообразных); *ügi/ühi/üki* ‘сова’ > башк. *өкө* ‘филин’, *jaraqulaq* ‘сова’ > башк. *ябалак* ‘сова’ (отряд совообразных). Эти и многие другие орнитонимы по сей день употребляются во многих тюркских языках, в том числе в татарском и башкирском. В данной статье мы решили остановиться на тематической группе хищных птиц и намереваемся дать подробный анализ функционирования их наименований, которые являются общими для татарского и башкирского языков.

Начнем описание с наиболее распространенных в обоих языках лексем. Например, *шоңқар* ‘кречет’ – название ловчей птицы семейства соколиных. Наименование зафиксировано в древних письменных памятниках: в словаре «Codex Cumanicus» (1303 г.) *songur* ‘какая-то маленькая птица’³; в грамматическом трактате «Ат-тухфа...» (XIV в.) – *сункур*⁴; в «Древнетюркском словаре» *šoŋkar*⁵, *šoŋkur*⁶. В значении ‘сокол’, ‘кречет’ лексическая единица употребляется в тюркских, а также в финно-угорских и монгольских языках. Ср.: башк. *шоңқар*, алт. *шонкор*, калп. *сунгқар*, каз. *сұңқар*, лачын, кирг. *шумкар*, түр. *songur*, узб. *шунқор*; монг. *шонхор* ‘сокол’, ‘кречет’, маньч. *шонкоро* ‘белый сокол’, калм. *начн*, *шоңхр* ‘сокол’, ‘кречет’. Исследуя орнитоним *шоңқар*, А.К. Тимергалин отмечает, что древние тюрки считали этих птиц священными, приручали их и брали с собой на охоту, указывает на источники, из которых следует, что охота с соколами была распространена и среди татарских ханов. Автор упоминает царя птиц – Сонгур хана и улицу в городе Казани, которая раньше называлась *Шоңқарчылар урамы* ‘Соколовая’, что лишней раз свидетельствует об особом значении этих птиц для тюркских народов и, в частности, для татар⁷. Р.Г. Ахметьянов также сопоставляет название птицы с персонажем татарских сказок *Сонгур хан (кошлар патшасы)* ‘Царь птиц’⁸. У башкир распространена фамилия *Шункаров* от *шоңқар* ‘кречет’⁹. Подвергая этимологическому анализу орнитоним *шоңқар*, Л.П. Петров приводит точку зрения Г. Касумбейли, который разделил наименование на словообразующий суффикс *-кор* и элемент *-шун*. Он считает, что *-шун* когда-то означал птицу вообще, и выявляет этот элемент в составе таких тюркских названий, как аз. *көкәр-чин* ‘голубь’, *сыгыр-чын*

¹ Сафина Э.И. Названия птиц в татарском языке и их лексикографирование. Казань : Изд-во «Дом печати», 2006. С. 59.

² Хабибуллина З.А. Лексика современного башкирского языка в сравнении с языком древнетюркских письменных памятников (на материале названий, относящихся к животному миру) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2004. С. 9.

³ Махмутова Л.Т. Татарский язык и его отношение к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus данным лексики : (Краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С. 146.

⁴ Изысканный дар тюркскому языку : (Грамматический трактат XIV века). Ташкент : Фан, 1978. С. 152.

⁵ Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. С. 525.

⁶ Там же. С. 508.

⁷ Тимергалин А.К. Миллият сүзлеге // Фән һәм тел. 2003. № 3. 6 б.

⁸ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 2001. 250 б.

⁹ Сулейманова Р.А. Башкирские фамилии с тотемистической основой: лингвокультурологический и этимологический аспекты // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 132.

‘скворец’, монг. *харал-шын* ‘бекас’ и т. д.¹ Исследователь узбекских названий птиц Д.Х. Базарова считает, что название *шункор* образовано от звукоподражательной основы и суффикса *-ор*. Автор приводит любопытное предположение Г. Касумбейли о том, что название *шункор* из тюркских языков было заимствовано русским языком с обратным порядком следования слогов, т. е. как *коршун*².

Бөркет ‘беркут’, ‘орел’ – название крупного орла *Aquila chrysaetos*. С некоторыми фонетическими изменениями наименование *беркут* употребляется в следующих тюркских языках: башк. *бөркөт*, аз. *беркут*, каз. *бүркіт*, кирг. *бүркүт*, калп. *буркит*, алт. *мүркүт*, тув., туркм. *bürgüt*, чув. *пёркёт*, кумык. *беркут*, узб. ‘беркут’, ‘орел’. Орнитоним функционирует в некоторых монгольских, тунгусо-маньчжурских языках: к примеру, в монгольском – *merkit* ‘сокол’, бурят-монгольском – *бүргэд*, в калмыцком – *бүргд*, в ойротском – *мөркүт*, *мүркүт* ‘беркут’, в тунгусо-маньчжурском – **turi*, в эвенкийском – *мури*, в удэйском – *муи* ~ *муји* ‘орел’, в удмуртском – *быркыт*, *ёрзи* ‘орел’. Из иранских языков данное наименование употребляется в форме *бургут* в таджикском, из финно-угорских языков встречается только в удмуртском. Лексема получила довольно широкое распространение в русском языке и как заимствование из русского употребляется в польском и словацком. Считается, что в русский язык орнитоним был заимствован из татарского или киргизского языков. По поводу источника происхождения орнитонима *беркут* мнения исследователей расходятся. «Общeturкским заимствованием из монгольских языков в татарском и башкирском языках считается *бөркет* ‘орел’»³, – пишет Р.Г. Ахметьянов. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» приводится предположение, противоречащее данным высказываниям, свидетельствующее о том, что монг. *bürgüt*, очевидно, заимствовано из тюркских языков⁴. Акцентируя внимание на болгаро-татарском происхождении наименования, А.Х. Нуриева отмечает: «Часть болгаро-татарских слов попали в финно-угорские через третий язык по формуле А>В>Б, где языками-посредниками чаще всего выступали русский и чувашский языки: тат. *бөркет* > рус. *беркут* > удм. *беркут*»⁵. Название птицы *беркут* раньше употреблялось и как антропоним. Древнее тюрко-татарское мужское имя *Бөркет* (*Беркут*) символизировало храбрость, силу, мужество и сохранилось в фамилиях башкир (*Буркутов*)⁶, казанских татар, удмуртов (*Бөркетов*, *Беркутов*)⁷ и русских (*Беркутов*, *Беркут*). «В башкирском языке слово *бөркөт* «орел» означает «йылы ит менән тукланыусы, кая ташлы таузарза, урмандарза йәшәүсә карсығалар ғаиләһенә караған кара-көрән төштәге иң эре ултырак йырткыс кош». Также слово имеет значение «табын кабиләһе араһы» (название родового подразделения башкир племени табын). Или еще такое значение: *бөркөт араһы башкорта* (башкир родового подразделения беркут). Башкиры старались защищать своих детей от сглаза, демонов, болезней использованием частей тела орла. Когти орла *бөркөт тырнактары* подвешивали на одежду или колыбель ребенка. Обережная этнографическая культура, направленная на благополучие внутриутробного периода ребенка, проецирует на язык и культовые тотемистические знания башкирского народа: над дверью вешали *бөркөт канаты* ‘перо беркута’ (Зилаирский, Белорецкий р-ны), *төйлөгән канаты* ‘перо коршуна’ (Кугарчинский, Мелеузовский р-ны) и т. д.⁸ В башкирской мифологии «*бөркөт – яклаусы, курсалаусы изге кош*,

¹ Петров Л.П. К этимологии чувашских орнитонимов – III // Этимологические исследования по чувашскому языку. Чебоксары, 1984. С. 7.

² Базарова Д.Х. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент : Фан, 1978. С. 46.

³ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 2001. 195 б.

⁴ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М. : Наука, 1997.

⁵ Нуриева А.Х. Болгаро-татарско-финно-угорские лексические взаимосвязи // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982. С. 139.

⁶ Сулейманова Р.А. Башкирские фамилии с тотемистической основой: лингвокультурологический и этимологический аспекты // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 132.

⁷ Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы. Казан : Казан ун-ты нәшр., 1990. 35 б.

⁸ Каримова Г.Р. Семантика названий птиц в башкирских народных песнях (этнолингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 10 (64) : в 3-х ч. Ч. 1. С. 80.

тотем, кояш символы» – орел, мифологизированная птица, тотем, прародитель, покровитель; символ солнца»¹.

Карчыга ‘ястреб’ – хищная птица семейства ястребиных. Наименование зафиксировано в древних письменных памятниках: в словаре «Codex Cumanicus» (1303 г.) – *karčaga, carčiga* ‘ястреб’²; в «Древнетюркском словаре» и в словаре М. Кашгари (XI в.) зафиксирована форма *qıruıj* в значении ‘ястреб-перепелятник’³, в грамматическом трактате XIV века «Ат-тухфа...» *кәркәс, картал* ‘ястреб’⁴. Орнитоним *карчыга* употребляется во многих тюркских языках: башк. *қарсыға, қарсаға*, алт. *карчага*, каз., калп., ног. *қаршыға*, кирг. *карчыга*, узб. *қарчиғай*, карач. *қартджыға*, тув. *хартыға*, хак. *хартыға, хартха*, чув. *хурчгка, хурчка* ‘ястреб’. В аналогичной форме и в том же значении наименование встречается в финно-угорских и монгольских языках: удм. *харсага*, мокш. *кархциган*, морд.-мокш. *кархциган*, морд.-эрз. *карциган*; калм. *харцх*, монг. *харцга(й)*, бур. *харсаға* ‘ястреб’. Р.Г. Ахметьянов этот орнитоним сравнивает также с названиями, которые употреблялись в древнетатарском (*карчығай*) и в древнетюркском (*қартал чигай*) языках в значении ‘бөркет’, ‘лачын’ (‘беркут’, ‘сокол’), где единица *қартал* обозначала птицу – ‘беркут’, а *чигай* употреблялась в значении ‘птица’, ‘хищная птица’, ‘сокол’. В своем кратком историко-этимологическом словаре исследователь приводит следующие лексические параллели: тур., чаг. *карталжык* – в значении *бөркет баласы* ‘орленок’, *картал* – в значении *бөркет, каракош* ‘беркут’, ‘орел’, як. *хардатчы* – в значении *карчыга* ‘ястреб’⁵. Исследователь узбекских наименований птиц Д.Х. Базарова считает, что орнитоним *қарчиғай* восходит к названию сокола *қарчыга*, приведенному в «Словаре» Л. Будагова и образованному, вероятно, при помощи звукоподражательного корня «кар» и словообразовательного суффикса⁶. Г.Р. Каримова отмечает: «Слово *қарсыға* «ястреб» в башкирском языке означает «*қысқа канатлы, кәкре сукышлы, үткер озон тырнаклы, уртаса зурлықтағы йырткыс кош (ағас башына оялай)*». Существует еще одно значение слова *қарсыға* «ястреб» – этн. «*мең, кайһы бер бөйән ырыузарының тотем кошо, изге кош*» ‘родовая птица минцев и некоторых родов башкир-бурзянцев’⁷. В башкирской мифологии ястреб – мифологизированная птица, первопродок, покровитель, тотем башкир-минцев. *Меңдәрзең ағасы – кайын, изге кош – қарсыға, ораны – алас* ‘у минцев священное дерево – береза, священная птица – ястреб, боевой клич – алас (огонь)’⁸. Известны и башкирские фамилии (*Карчагин, Карчагинов, Карчугин, Карчигин*), восходящие к названию птицы *қарсыға* ‘ястреб’⁹.

Лачын – название сокола, встречающееся во многих тюркских и в некоторых монгольских языках: башк. *ыласын*, хак. *ылачын*, карач.-балк. *илячин*, балк. *лячин*, узб. *лочин*, кирг. *ылаачын*, кумык. *лачин*; монг. *начин*, бурят. *нашин*, маньч. *начин*, калм. *начн* ‘сокол’ и т. д. Подобные формы зафиксированы также в памятниках древнетюркской письменности, ср.: в словаре М. Кашгари и в «Древнетюркском словаре» приводится лексема *lačın* в значении ‘кречет’, ‘сокол’, ‘сапсан’¹⁰; в толковом словаре персидского языка Бадр ад-Дин Ибрахима (XIV в.) есть *lačūn* в значении ‘белый сокол’, ‘сокол’, ‘сапсан’, ‘горный ястреб’; в грамматическом трактате XIV века «Ат-тухфа...» приведена единица *лачын* ‘сокол’¹¹ и т. д. По поводу языка-источника этой номинативной единицы мнения исследователей расходятся. Так, Э.Ф. Ишбердин считает, что название заимствовано из монгольских

¹ Хисамитдинова Ф.Г. Словарь башкирской мифологии. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. С. 72.

² Махмүтова Л.Т. Татарский язык и его отношение к древнеписьменному памятнику Codex Cumanicus по данным лексики : (Краткий анализ и приложение) // Исследования по исторической диалектологии татарского языка. Казань, 1982. С. 107.

³ Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. С. 446.

⁴ Изысканный дар тюркскому языку: (Грамматический трактат XIV века). Ташкент : Фан, 1978. С. 77.

⁵ Эхмәтъянов Р.Г. Татар теленең қыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 2001. 94 б.

⁶ Базарова Д.Х. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент : Фан, 1978. С. 44.

⁷ Каримова Г.Р. Семантика названий птиц в башкирских народных песнях (этнолингвистический аспект) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2016. № 10 (64) : в 3-х ч. Ч. 1. С. 80.

⁸ Там же.

⁹ Сулейманова Р.А. Башкирские фамилии с тотемистической основой: лингвокультурологический и этимологический аспекты // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 132–133.

¹⁰ Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. С. 332.

¹¹ Изысканный дар тюркскому языку : (Грамматический трактат XIV века). Ташкент : Фан, 1978. С. 77.

языков¹. В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» орнитоним также трактуется как монголизм², тогда как ряд исследователей рассматривает его как общетюркское наименование³. Кроме прямого значения ‘сокол’ лексема имела и метафорическое значение ‘храбрый’, ‘сильный’, ‘зоркий’, благодаря чему стала именем-пожеланием⁴. Так, Р.А. Сулеймановой зафиксирована фамилия *Лачинов*, образованная от *ыласын* ‘сокол’⁵, Г.Ф. Саттаровым зафиксированы древнетюркский и древнетатарский антропонимы *Лачын* (*Лачин*), *Лачынбарс*, *Алчын* (*Лачын*), символизовавшие храбрость, силу, смелость⁶. Отметим, что орнитоним *Лачын* ‘сокол’ как собственное имя употреблялся уже в XIV в⁷, а распространившаяся затем у русских фамилия *Лачинов* произошла от слова *laçin*, встречающегося в литературном языке в значении ‘тюрки’, а также в татарском и некоторых других кыпчакских, тюркских языках в форме *laçin* ~ *laşjn* в значении ‘сокол’, ‘сокол-голубятник’. Эти языковые факты приводит в своей работе Н.А. Баскаков, анализируя русские фамилии тюркского происхождения. По мнению ученого, фамилия *Лачинов* произошла от прозвища *laçun*: здесь в качестве положительного эпитета используется название птицы, к которому добавляется суффикс русских фамилий *-ов* > *Лачинов*. Происхождение фамилии от названия птицы подтверждается наличием изображения птицы, держащей подкову с крестом на фамильном гербе *Лачиновых*⁸.

Ябалак ‘сова’ – общетюркское наименование, обозначающее одну из совообразных птиц. Названия, этимологически родственные с татарской формой *ябалак*, обнаруживаются в целом ряде тюркских языков. Ср.: уйг. *йапылақ*, аз., казах., ккалп. *жапалақ*, кирг. *жаплак үкү*, *мыкый үкү*, кумык. *обурьябалакъ* ‘сова’ и т. д. Для обозначения совы в татарском литературном языке употребляются разные наименования: *ябалак*, *мәче башлы ябалак*, *байгыш* ‘сова’. Кроме того, в диалектах татарского языка встречаются следующие номинации этого вида птицы: *өкө*, *өкө ябалагы* ‘филин’, ‘сова’⁹, *кукумәү*, *кукумийау*, *өкө*, *ихахай жабалак* ‘сова’, ‘филин’¹⁰. Надо отметить, что если в словарях более раннего периода, к примеру, у А. Троянского (1833, 1835), Н. Остроумова (1892), К. Насыри (1892, 1895), Н.П. Березгина (1914) и др. в значении ‘сова’ зафиксированы либо слово *байгыш*, либо два орнитонима *байгыш* и *ябалак*, то в современном языке сову обозначает одна единица *ябалак*, а орнитоним *байгыш* используется в основном для обозначения филина. У татар и башкир широко распространены фамилии *Ябалаков* / *Япалаков*, образованные от *ябалак* ‘филин’¹¹. Орнитоним *байгыш* ‘филин’ (сова), обозначающий в большинстве случаев филина и лишь в некоторых – сову, сыча, в тюркских языках имеет следующие фонетические варианты: башк. *байҫош*, *байкош*, *байҫош* *ябалак* ‘домовый сыч’, тур. *baıkuş* ‘сова’, каз. *байғыз* ‘сыч’, узб. *бойкуш*, *бойуғлы* ‘сова’ и т. д. В некоторых языках этот орнитоним может иметь значение ‘козодой’ (кирг., ккалп.). Данная лексема употребляется и в переносном значении, характеризуя человека как ‘бедняга’, ‘бедный’, ‘нищий’, ‘несчастный’, ‘беспомощный’, ‘глупый’. Касаясь этимологии слова *байкуш* ‘сова, филин’, Э.В. Севортыан, как и В.В. Радлов, рассматривает этот орнитоним как двухкомпонентный *бай+куш*. «Вычленяющийся из этих словосочетаний компонент в туркменском формально совпадает с *ба:й/бай* ‘богатый’», – пишет Э.В. Севортыан. Далее автор приводит слова Ф.Г. Исхакова, который считал, что сыч, как и сова, у тюркских народов обычно считается несчастной птицей, и ссылается на предположение Г. Дёрфера о том, что *baj quş*, возможно, является результатом функционирования

¹ Ишбердин Э.Ф. Наименования птиц в башкирских говорах // Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1973. С. 152.

² Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : Лексика. М. : Наука, 1997. С. 651.

³ Базарова Д.Х. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент : Фан, 1978. С. 60; Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең кыскача тарихи-этимологик сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 2001. 137 б.

⁴ Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков : Лексика. М. : Наука, 1997. С. 170.

⁵ Сулейманова Р.А. Башкирские фамилии с тотемистической основой: лингвокультурологический и этимологический аспекты // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 3. С. 132.

⁶ Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы. Казан : Казан ун-ты нәшр., 1990. 35 б.

⁷ Изысканный дар тюркскому языку : (Грамматический трактат XIV века). Ташкент : Фан, 1978. С. 31, 191.

⁸ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979. С. 178–179.

⁹ Татар теленең диалектологик сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 1969. 643 б.

¹⁰ Там же.

¹¹ Сулейманова Р.А. Указ. соч. С. 132; Саттаров Г.Ф. Указ. соч. 35 б.

табу¹. По мнению же Э.Ф. Ишбердина, общетюркский элемент *байғош* состоит из слова *бай* ‘колдовство’ и *қош/қуш* ‘птица’ (‘колдовская птица’)². Н. Кудачина считает, что в алтайском языке *байқуш* – эвфемизм названия филина (үкү), и объясняет этот феномен так: *байқуш* < *бай* (в знач. ‘священное имя’) + *қуш* ‘птица’ → ‘священная птица’ (птица-тотем), ‘запретная птица’³. Рассмотрим еще одно наименование совы – орнитоним *өкө*, в некоторых тюркских языках (ср.: башк. *өкө*, тув. *үгү*, каз. *үкі*, кирг. *үкү*, чув. *үхё*, хак. *үгү*) и в татарских диалектах обозначающий филина (вид совы) и восходящий к древнетюркскому *üki//ügi//ühhi*⁴. Г.Ф. Саттаров предполагает, что в основе наименования лежит др.-тюрк. корень *ögä* (өгә)⁵ в значении *акыллы*, *акыл иясе* ‘умный, мудрец’⁶. По мнению других исследователей (Д.Х. Базаровой, Э.Ф. Ишбердина, Л.П. Петрова), орнитоним образован на основе звукоподражания, которое в специальной орнитологической литературе передается как глубокое «у-ху» или «у-ху-ху»⁷, что, на наш взгляд, сомнений не вызывает. Интересно и то, что у татар употреблялись следующие антропонимы, в основе которых лежали вышерассмотренные названия совы и филина: *Ябалак*, *Байгыш*, *Өге*, *Өгә*, *Өгөчек*, *Өгөдэй*, *Тайман* (из осет. *тайман* ‘сова’)⁸. Кроме того, эти единицы являются производящей основой для микропонимов и гидронимов, распространенных на территории Татарстана. К примеру, с основой *ябалак* широко используются *Йабалак йылгасы* / *Жабалак жылгасы*, *Йабалак тавы*, *Йабалак басу*, *Йабалак урамы*⁹.

Завершая анализ функционирования тюркских орнитонимов, отметим, что многие из рассмотренных нами наименований птиц употреблялись в текстах древнетюркских памятников и употребляются по сей день в большинстве современных тюркских языков в идентичном значении, что говорит о малой семантической подвижности этой группы лексики. Этот факт также свидетельствует о лингвокультурной, исторической, ментальной общности тюркских народов: они имели сходный образ жизни, сходные формы ведения хозяйства и во многом похожие паттерны мышления.

Сравнительное изучение орнитологической лексики показывает, что определенная часть древнетюркских слов в современном татарском и башкирском языках не подверглась фонетическим изменениям, часть изменилась незначительно. Большая группа древних основ зафиксирована в современных топонимах и антропонимах, используется в переносных значениях для описания человека – такие факты свидетельствуют об актуальности лексики этой группы и ее словообразовательной активности.

© Э.И. Сафина, 2022

¹ Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М.: Наука, 1978. С. 33.

² Ишбердин Э.Ф. Наименования птиц в башкирских говорах // Вопросы башкирского языкознания. Уфа, 1973. С. 154.

³ Кудачина Н. К этимологии слова «бай» в алтайском языке // Советская тюркология. 1980. № 5. С. 84.

⁴ Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1969. С. 622, 623.

⁵ Там же. С. 379.

⁶ Саттаров Г.Ф. Татар антропонимикасы. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1990. 32 б.

⁷ Базарова Д.Х. История формирования и развитие зоологической терминологии узбекского языка. Ташкент: Фан, 1978. С. 36.

⁸ Саттаров Г.Ф. Указ. соч. 32–33 б.

⁹ Гарипова Ф.Г. Татарстан гидронимнары сүзлегә. Казан: Татар. кит. нәшр., 1984. 52 б.

УДК 811.512.145:811.512.141

УНИКАЛЬНЫ ЛИ ТАТАРСКИЕ, БАШКИРСКИЕ ЛЕКСЕМЫ *МОҢ* 'ГРУСТЬ, МЕЛОДИЯ'?

Д.Д. Сулейманова

(Издательский дом «Республика Башкортостан», Уфа)

I. Что известно о тюркской лексеме *моҗ*?

1. Слово "*моҗ*" очень древнее.

В периодической печати регулярно встречаются публикации о том, что семантика лексемы *моҗ* уникальна для татарского или башкирского языков, что ее суть невозможно передать одной-единственной лексемой в других языках¹. По мнению Р.Р. Закировой, посвятившей свою диссертацию исследованию данной лексемы, *моң* относится к безэквивалентной лексике, т. е. не имеет прямого перевода на другие языки, кроме родственных, тюркских, языков².

В татарско-русском словаре приводятся следующие значения лексемы *моҗ*: '1) мелодия, мотив, напев; 2) глубокое чувство; сильная эмоция; 3) уныние, печаль, грусть; 4) *уст.* нужда; 5) *диал.* дефект, порок, изъян'³; в башкирско-русском – '1) мелодия; 2) уныние, печаль'; 'быть недовольным, устать с дороги'⁴.

Р.Г. Ахметьянов отмечает, что данная лексема звучит как *тиҗ* в большинстве тюркских языков, в огузских языках – как *буҗ* (в турецком – *bun*)⁵.

Тюркологами признается большая древность и органичность в тюркских языках лексемы *тиҗ и ее значений: '1) печаль; 2) нужда; 3) болезненность; 4) просьба; 5) наказание; 6) мелодия; 7) тесный, душный', причем значение 'мелодия' присваивают исключительно татарскому и башкирскому языкам⁶.

2. Тюркское *моҗ*: грусть – болезненность – нужда/забота – дефект – потеря сознания/отупение.

Диалектное значение 'дефект, порок, изъян' тат. *моҗ* совпадает с семантикой тат. диал. (далее – ТД) *мен* 476⁷, башк. диал. (далее – БД) *мен II* 231⁸, БД *möntök* 235 'недостаток', древнетюркская (далее – ДТ) *mün*⁹, 'недостаток, дефект', возводимых к общетюркской форме *müjn 'изъян, дефект; упрек; робость; шероховатость, неровность'¹⁰. Связь между значениями 'изъян, дефект' и 'болезненность' оправданна и логична. Авторы ЭСТЯ также пишут о сложных семантических и фонетических отношениях общетюркской *тиҗ 'печаль' и ДТ *tun-/mön-/mün-* 'заблуждаться, выжить из ума'¹¹.

3. Исторические фонетические соответствия *моҗ* и устойчивая структура *mVN*.

Уже в древнетюркском языке представлены различные формы *буҗ* 124, *миҗ* 346, *тиҗ* 350 'печаль, страдание, забота'. В иргизском говоре башкирского языка зафиксирована сингармоническая параллель башк. лит. *моҗај-* – БД *төҗөл-* 235 'унывать'. Об изменении *η > q/g* свидетельствуют ТД *тоҗа(j)-* 480 'грустить, горевать'; ТД *тоҗат* 480 'мелодия'.

То есть с учетом рефлексов лексем *müjn 'дефект' и *tun-/mön-/mün-* 'выжить из ума' присутствуют исторические фонетические соответствия:

- начальных *m-* – *b-*;
- интервокальных гласных;
- конечных *-η – -n – -q – -g*;

¹ Непереводимый татарский «моң»: музыка и не только [Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/248523-neperevodimyy-tatarskiy-mon-muzyka-i-ne-tolko>].

² Закирова Р.Р. Концепт «МОҢ» в татарской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2008 [Режим доступа: <https://pandia.ru/text/78/293/26712.php>].

³ Татарско-русский словарь : в 2-х томах. Т. 2 (М-Я). Казань : Магариф, 2007.

⁴ Башкирско-русский словарь. М., 1958. 389 б.

⁵ Әхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. II том (М-Я). Казан : Мәгариф – Вақыт, 2015. 45–46 бб.

⁶ ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». М. : Восточная литература РАН, 2003. С. 89.

⁷ Татар теленең зур диалектологик сүзлеге. Казан : Татар. кит. нәшр., 2009. 476 б. (Далее приводятся номера страниц.)

⁸ Башкорт теленең диалектары һүзлеге. Өфө : Китап, 2002. 231 б. (Далее приводятся номера страниц.)

⁹ Древнетюркский словарь. Л. : Наука, 1969. С. 352. (Далее приводятся номера страниц.)

¹⁰ ЭСТЯ. С. 92; 94–95.

¹¹ Там же. С. 95.

То есть для восстановления целостной картины развития лексемы *тоғ* необходимо привлечь структурно и семантически схожие лексемы устойчивой структуры *mVN*, где *-V-* – любая гласная, *-N* – носовой или увулярный сонант.

II. Баскская *min* и тюркская *тоғ*: семантические параллели.

1. Сопоставление баск. *min* и тюркской *тоғ* конструктивно в пределах ФСГ.

В баскском языке, отдаленном от тюркских языков географически и исторически, присутствует лексема, соотносительная по форме, значению и звучанию с вышерассмотренными примерами из тюркских языков: баск. *min I (miña)* '1) боль, зло, рана, опухоль; 2) тоска, грусть; 3) горький, кислый; 4) болезненный; 5) душераздирающий, резкий (звук); 6) живой, сильный, пронзительный, глубокий; 7) близкий; нежный, хрупкий; 8) трудолюбивый; 9) сильно, ярко'¹.

Для сопоставления подобных слов в разноструктурных языках перспективным является анализ фонетико-семантических групп (ФСГ), предусматривающий следующие ступени разбора: рассмотрение определений (дефиниций) выбранных (опорных) слов в толковых, двуязычных словарях; попарное сопоставление их значений. Следующий шаг предполагает выборку однокоренных слов для отслеживания исторических семантических, фонетических изменений, выявление универсальных и частных явлений.

В отличие от сопоставительного исследования лексико-семантических групп (ЛСГ) подобный подход позволяет использовать для анализа различные части речи, реконструировать словообразовательные парадигмы и цепочки в сопоставляемых языках, что особенно важно для исследований по тюркским языкам. Тюркский лексический материал, в силу морфонологических изменений на стыке морфем, явлений конверсии частей речи, сингармонического параллелизма и других факторов, может содержать диахронические реликты. Подобные реликтовые формы семантически, фонетически и морфологически отличаются от исходного корня и, следовательно, “выпадают” из семантического ряда или словообразовательной цепочки опорного слова.

Цель анализа ФСГ – восполнение таких выпадающих лакун, что важно для этимологии опорного слова, а также систематизации фонетически и семантически соотносительных лексем, которые в изобилии обнаруживаются в тюркских языках и их диалектах. В итоге отбор и систематизация ФСГ могут выступать начальным этапом для последующих сопоставительно-типологических или сравнительно-исторических работ.

2. Грусть – боль – болезнь – родинка.

В отличие от тюркских примеров значение ‘боль’ является основным для баск. *min I*, что, по сути, объясняет развитие таких значений, как ‘тоска, грусть’ (чувство и состояние, свойственные больному человеку, ср. рус. *унывать* – ист. *нывать* ‘болеть’ – *ныть*).

Значения ‘1) боль, зло, рана, опухоль’ баск. *min I* дают возможность рассматривать в тюркской ФСГ *тоғ* следующие лексемы: ТД *тоғуи* 481 ‘нарос на дереве’, ТД *тоғол* 480 ‘нарос, шишка’, ТД *mökrizlän*- 483 ‘распухнуть (о суставах)’, ТД *tingeräü* 479 ‘лишай’, ТД *таңға* 468, БД *mäñke* 241 ‘сап’ (тяжелая инфекционная болезнь).

Тат. *miñ*, ТД *mäñ* 473 ‘родинка (тёмное или красное пятно на коже человека)’ Р.Г. Ахметьянов связывает с уйгурским *mäñ* ‘родинка, цвет лица’. Ссылаясь на авторов СИГТЯ, слово *miñle-* в тат. именах (*Миңнеэхмэт*, *Миңлебиҡә* и т. п.) объясняет как ‘счастливый’², что требует уточнения, поскольку родинка является отнюдь небезобидным новообразованием³ и вполне может рассматриваться в связи с общетюркской *müjn ‘дефект’.

3. Грусть – кислый – сильный – близкий – трудолюбивый/заботливый.

¹ Баскские примеры здесь и далее из: Orotariko euskal hiztegia [electronic resource] [Режим доступа: <https://www.euskaltzaindia.eus> (дата обращения: 10.08.2022)].

² Ахметьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге : ике томда. II том (М–Я). Казан : Мәгариф – Вақыт, 2015. Б. 41–42.

³ В различных районах Башкортостана (в северо-западных, центральных районах) есть обычай имянаречения с компонентом *миңле-* (не отражается в документах ЗАГС). Якобы, при наличии слова *миңле-* в составе имени, у ребенка будут отсутствовать родинки.

Закономерны значения 'горький, кислый', и объяснимы значения 'душераздирающий, резкий, пронзительный, сильный' (о боли или звуке) в семантике баскского слова. К примеру, комплекс схожих значений свойственен для тат. *ac̣ı̄*¹.

В баск. ФСГ *min I* также необходимо включить фонетически и семантически близкое слово *ben, men* '1) серьезный, действительный; 2) верный, послушный; 3) горький, кислый'.

Значение *min I* 'кислый, закваска' обнаруживается в фонетически схожей лексеме из БД *min* 232 'закваска', а также БД *manpa* 228 'закваска (для кожи)'. Ср. рус. *кислый вид*.

Такие значения баск. *min I* '5) душераздирающий, резкий (звук)' находят соответствие в татарских, башкирских (далее – ТБ) *möŋrä-, mögrä-* 'мычать, голосить', ДТ *maŋra-* 337 'кричать, орать'.

Значения '6) живой, сильный, пронзительный, глубокий; 7) близкий; нежный, хрупкий; 8) трудолюбивый' обнаруживают некое сходство с семантикой тат. *moŋ* '1) заботливый; 2) душевный, сердечный', выявляющейся в абессиве *moŋli– moŋsiz* '1) беспечный, беззаботный; 2) немелодичный, исполненный без души (песне и т. п.)'.

В сочетании БД *man julatmau* 228 'близко не подпускать' из сакмарского диалекта башкирского языка сохранилось значение 'близко'. Значением 'близко' обладают местоимения ТБ *menä/bina*, БД *mana* 228 'во', ТБ *monda/binda* 'здесь'.

Значения 'живой, сильный; трудолюбивый' содержатся в БД *miŋgär-* 232 '1) перебороть; 2) жить; исполнять', БД *maŋyima-* 229 'не спориться', БД *manduyi-* 228 'выздороветь', ТД *mantı-* 468 'плодиться, расти'. О семантике 'работа', присущей корням *bun/mun*, писал М. Ряснен².

III. Баскская словообразовательная парадигма *min I* и параллели в тюркских языках.

1. Лексемы с аффиксами на *d-/t-*.

Словообразовательная парадигма баск. *min* содержит лексемы с аффиксами, содержащими *d-/t-*, например, *mindu, mintu* '1) испытывать боль, горевать; причинить себе вред; расстраиваться; скорбеть; мучить(ся); 2) горький, кислый; закваска (тесто для хлеба); 3) испортить'.

Данные глаголы, во-первых, по форме, значению и звучанию соотносятся с БД *mänterä-* 241 'раскиснуть', ТД *mindä-* 479 'болеть, ушибиться, отупеть', ТД *mintä-* 479 'утомиться, обессилеть', БД *mindä-, miŋnä-* 232 'утомиться', БД *meŋ II* 231, БД *möntök* 235 'недостаток'.

2. Лексемы с аффиксами на *S-*.

Баск. *mintsu* 'больной, страдающий, болезненный, огорченный; кисловатый' соотносится с ТБ *moŋsu/moŋhou*, БД *minhiu* 232 'печальный, грустный, унылый', БД *moŋaš* 233 'несмышленный', БД *miŋse-* 232 'утомляться, осесть', ТД *mükše-* 488, БД *mökçö-* 235 'портиться, тухнуть, плесневеть'.

Значение 'плакать' прослеживается у баск. *min izan* 'чувствовать боль; плакать, печалиться' и ТД *müsürä-* 488 'причитать, вызывая жалость'.

Значения баск. *minez* '(быть) больным; печальный, больной, тревожный; с тоской, с ностальгией; неудовлетворенная любовь (к кому-л.)' дают возможность привлечь для сопоставления БД *mönçörä-, mönhörä-* 235 'желать', БД *moŋdor-* 233 'удовлетворить'.

3. Лексемы с аффиксами на *g-/k-*.

Многочисленна группа лексем, входящая в словообразовательную парадигму баск. *min* с аффиксами или вспомогательными глаголами, содержащими *g-/k-*: баск. *min egin* 'причинение вреда; быть болезненным; отвращение (к еде); потерять сознание'; *mingar (minkar)* 'болезненный, неприятный, острый, горький; пряный, кислотный и жесткий'; *mingarri* 'чувствительный, болезненный; унижительные мучения, боль; причиняющее боль, страдание'; *min-giro* 'трагический, трогательный, слезливый вид'.

Данный ряд соотносится с БД *moŋqaj-* 233 'задохнуться', ТД *moŋyij* 481 'грустно, жалостно', БД *miŋgä-* 232 'калечиться', тат. *miŋkü* 'изнуряться', тат. *miŋgerä-*³ 'тупой, бестолковый, глупый, оглушенный, гнусавый, пустоголовый; оглушаться; почти терять сознание' (ср. ДТ *mun* 348 'заблуждаться, выживать из ума', ДТ *muŋqul* 351 'глупый').

Значение баск. *min egin* 'отвращение (к еде)' соотносимо с БД *meney* 230 'привередливость в пище'.

¹ Тат. *ac̣ı̄* '1) горький, кислый, едкий; печальный, горестный; пронзительный, резкий; злой'; 2) 'яд'; 3) 'очень', ТД *ac̣ıt-* 67 'болеть'; ТД *ac̣ı̄pan* 67 'дряхлый'; ТД *ac̣ı̄taqı* 67 'дрожжи'; ТД *ac̣ı̄qaj* 68 'молния'.

² ЭСТЯ. С. 92.

³ Р.Г. Ахметьянов связывает с китайским *бань*. Эхметьянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзlege : ике томда. II том (М–Я). Казан : Мәгариф – Вақыт, 2015. 42 б.

IV. Начало слова – ключ к разгадке.

1. Боль – потерять сознание – мозг (суть) – эго.

Значение ‘потерять сознание’ у лексем типа ТБ *miŋgeräü/miŋrää* позволяет предположить связь ФСГ *тоŋ* с тат. *mi*, башк. *meje*, ДТ *meŋä* 341 ‘мозг, суть’ (ТД *mimilek* 479 ‘костный мозг’, БД *maŋqa* 229 ‘спинной мозг’).

Семантика баск. *muin* ‘мозг (*mun, muina, fuin*); сердцевина, суть; (*mun, fuin, muina, muun, muuñ*) зубец, росток; костный мозг, сок’ и баск. *gun* (*hun, hün, un, uñ*) ‘1) костный мозг, ядро, сок, беловатое вещество, находящееся внутри рога; 2) мозг, 3) тема (песни, стиха)’ совмещается в сочетаниях *hezur-gun* и *hezur-muin* ‘костный мозг’ (*hezur* ‘кость’).

Ср. также баск. *min II, muin II* в зн. ‘самое глубокое, сокровенное’. Баск. оборот *min-minean* ‘в сердце, посередине; самое чувствительное’, *min-minea ukitzea* ‘прикоснуться к наиболее чувствительному’ сопоставимо с ТБ *min-minlegenä tij-/tej-* ‘задеть самолюбие, эго, за живое’ от ТБ *min* ‘я’ (баск. *ni* ‘я’).

То есть *тоŋ* является сокровенной сутью мелодии, ее душой, сердцевинной. Данное заключение имеет значение и для реконструкции языковой картины мира, что является одной из задач исследований по семантической типологии¹.

2. Боль – стонать – голос/язык.

Ряды структурно и семантически схожих лексем ТД *miŋke-, tiŋke-, ziŋke-, diŋke-* ‘оглушаться; почти потерять сознание’, БД *qaŋyi-* 185 ‘отупить’, БД *hängäü* 388 ‘тупой’, тат. *aŋqi-miŋke*, ТД *aŋqi-tiŋke* 46, *iŋke-tiŋke* 283, *aŋqi-ziŋke* 46 ‘в оглушенном, полумрачном состоянии’, основы с гласными заднего ряда: ТБ *aŋyira/aŋra* ‘глухой, тупой’, ТБ *qaŋyira-* ‘скитаться; отупить’; ТБ *saŋyirau/haŋyirau* ‘глухой’, ТБ *jaŋyira-/jaŋra-* в значении ‘оглушаться’, ТБ *šaŋqi-* ‘оглушаться’ и др. указывают на возможность морфологических изменений начальных согласных (префиксальное словообразование имеется в атлантических языках, в баскском языке сохранилось в виде синтетического спряжения старых глаголов, в тюркских языках его реликтами могут являться парные слова с редупликатом).

Вышеприведенные примеры дают возможность привлечь баск. парную конструкцию *intziri-mintziri* ‘рыдая’, где баск. *intziri, inskiri, inzkuru, inzini, intzi* – ‘стоны; крик животного; стонущий’. Связь значений *грусть* – *боль* – *стон* прослеживается в славянских языках, ср. рус. *унывать* – ист. *нывать* ‘болеть’ – *ныть*. В данном контексте также показательны ТБ *intek-* ‘страдать’ (по мнению Р.Г. Ахметьянова, тат. форма восходит к **en-* ‘стонать от боли’²), ср. ТБ *ön* ‘звук’, БД *iŋji-* 406 ‘мучиться, плакать’; БД *öŋrä-* 258 ‘плакать; мычать’, БД *öŋöl-* 258 ‘грустить’, ТБ *iŋyiraš-/iŋraš-* ‘стонать’, ТБ *miŋyirda-/miŋyirda-* ‘ворчать, бормотать’, тат. *iŋyir-miŋyir* ‘ворча под нос’. ТБ *imgäk*, БД *iŋgäk* 99 ‘беда, калека’ также входят в данную ФСГ.

Привлекают внимание баск. *mihi* (*mi, miin, min*) ‘язык, голос, лезвие; в названиях растений’, *migain, mingein* ‘небо’, соотносимые с башк., ТД 479 *miŋel* ‘твердое небо’, ТБ диал. *möntänlä-*, БД *möjtänlä-* 234 ‘жевать беззубым ртом’. Подобное семантическое развитие подтверждается материалом из славянских языков: рус. *грусть* и *грызть*.

Выявленные параллели можно объяснить существованием префиксального словообразования в допратюркском языке. ТБ *тоŋ* в значении ‘мелодия’ может являть собой результат обособления *m*-основы, образованной от префикса *m-* и открытого корня (типа ТБ *ön* ‘звук’), о чем свидетельствуют парные ТБ *köj-тоŋ* ‘мелодия, музыка’ (*köj* ‘мелодия, музыка’, *küŋel* ‘душа’). В баскском языке, вероятно, получила развитие *g*-основа в значении ‘тема (песни, мелодии)’, о чем говорят семантически и фонетически соотносительные *muin, gun*.

V. Боль запечатлена в языке.

Если в баскской ФСГ актуально значение непосредственно ‘боли’, то в тюркской – ‘грусти’. В обеих группах прослеживается явление энантосемии (баск. ‘живой’, башк. ‘жить’, ‘выздороветь’). Совокупность вышеприведенных значений указывает на важную роль боли, болезненных состояний в жизни индивида, приводящих к критическим шоковым состояниям вплоть до оглушения, отупения, потери сознания (ср. якутское *buŋ, tuŋ* ‘последняя черта’); присутствие неких обрядов или медицинских манипуляций, направленных на изменение психики. Об этом могут свидетельствовать и киргизское слово *maqort/maqort* ‘человек, не помнящий родства’, использованное в произведениях Ч. Айтматова; башк.

¹ Зализняк А.А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 46.

² Эхмәтъянов Р.Г. Татар теленең этимологик сүзлеге : Ике томда. I том (А–Л). Казан : Мәгариф – Вақыт, 2015. 305 б.

фольклорное *таһүйд* ‘злой дух; непутевый человек’; общемонгольское *tangus* ‘чудовище’. Ср. также баск. *mingera, mindera* ‘закрывать рот (язык)’.

Основные элементы исследуемых ФСГ можно представить в виде таблиц. Баскские примеры в основном представлены словообразовательной парадигмой опорного слова *min*. (Исключение составляет баск. парное слово *intziri-mintziri* ‘рыдая’, где *mintziri* может являться редупликатом самостоятельного *intziri* ‘стоны’). Соотносительные по семантике тюркские примеры с корнем *mVN* обнаруживают лексическую разнородность.

Таблица 1

знач.	грусть	грустный	дефект	кислый	терять сознание	болезненный	болеть	желание	стонать
ТБ	<i>тоһ</i>	<i>тоһсу, тоһһиу, БД minһиу</i>	ТД <i>тоһ, мен; БД теһ</i>	БД <i>min</i> ‘закваска’	ТД <i>миһке-</i>	<i>миһгерәү</i> ‘оглушенный’	ТД <i>mindä-</i>	<i>тоһ; БД möн-çörä-</i> ‘нуждаться’	<i>миһүйи rda(-da)</i> ‘ворчать’
баск.	<i>min</i>	<i>mintsu</i>	<i>min</i> ‘рана’	<i>min (ben, men)</i>	<i>min egin</i>	<i>mingarri</i>	<i>mindu, mintu</i>	<i>minez</i>	<i>intziri - mintz iri</i> ‘рыдая’

Во второй таблице приведены лексемы (часть из которых относится к базовой лексике) структуры типа *(m)VN*, между которыми прослеживаются сходства на фонетическом, семантическом уровнях.

Таблица 2

значение	я	сердцевина, эго	мозг	язык	нёбо	мелодия
ТБ	<i>min</i>	<i>min-minlek</i>	<i>mi/meje, ДТ меһә</i>	<i>ön</i> ‘звук, голос’	<i>миһел</i>	<i>тоһ, көһ-тоһ</i>
баск.	<i>ni</i>	<i>min-minean</i>	<i>muin, gun</i>	<i>mihi (min, miһi, mii, mi)</i>	<i>mingein, migain</i>	<i>gun (hun, һün, un, uһ)</i>

VI. Выводы.

Несомненно, что ТБ *тоһ* сохранили в своей семантике глубокую связь с древними системами словообразования и семантические переходы, предшествующие пратюркскому состоянию. Словообразовательная парадигма баскской лексики *min* дает возможность включить в ФСГ татарской и башкирской *тоһ* другие лексемы подобной структуры (*таһ-, таһ, теһ-, миһ-* и др.), обусловленные объяснимыми семантическими и фонетическими изменениями. Требуется верификация семантического ряда ‘грусть – грустный – дефект/рана – кислый – терять сознание – болезненный – болеть – желание – стонать’ на материале других языков.

© Д.Д. Сулейманова, 2022

УДК 811.161.1:811.512.1

НЕКОТОРЫЕ РУССКИЕ ФАМИЛЬНЫЕ АНТРОПОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Р.А. Сулейманова
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Образование русских фамилий с тюркоязычными основами следует рассматривать как следствие многовекового взаимодействия русского и тюркских народов. Эти фамилии, как отмечает Н.А. Баскаков, «...происходят либо непосредственно от имени выходца из половецкой или узупеченежской среды, а чаще – из Золотой Орды, либо от прозвища, данного в русской по происхождению семье тюрками – родичами или соседями – представителями фамилий, тюркских по своему происхождению»¹. Русские фамилии, образованные от тюркских основ, часто становились предметом исследования многих ономастологов. Здесь отдельно нужно указать научные труды С.Б. Веселовского и Н.А. Баскакова². Авторы исследуют значение и содержание тех тюркских слов, которые лежат в основе конкретной русской фамилии, приводят различные фонетические варианты фамилии и устанавливают ее связь с тем или иным основателем рода – выходцем из тюркской среды.

Целью нашего исследования являются обзор и анализ донине не изученных русских фамилий с тюркоязычными основами в сравнении с фамилиями из башкирского антропонимикона. Наибольший интерес в этом плане вызывают фамилии, образованные со словом *кара* ‘черный’. Слово *кара* является широко распространенной лексемой не только в башкирской, но и в русской ономастике: оно служит производящей основой для многих антропонимов.

Как показывают исследования, образование слов с помощью присоединения лексемы *кара* – очень древнее явление, касающееся в большинстве случаев антропонимов. Относительно этимологии антропонима *Карамзин* следует отметить следующее: данная фамилия, распространенная среди русских, имеет тюркскую основу. Эта основа имеет вид *qara mirza*, в которой *quara* – ‘черный’, то есть ‘черный, грозный, сильный’ + *mirza* – титул человека знатного происхождения. Карамзины – русский дворянский род, проживавший в конце XVI в.³ Фонетическим вариантом данного онима является фамилия *Карамурзин*, которая встречается в башкирском антропонимиконе.

Требуется разрешения также вопрос по поводу фамилии *Карамышев* ~ *Кармышов*. Карамышевы – русские дворянские роды столбового дворянства. У русских фамилия Карамышев документирована с 1410 г.: известен нижегородский боярин Семен Карамышев. Данная фамилия происходит от тюркского мужского личного имени Карамыш. По поводу происхождения имени Карамыш среди антропонимистов имеются разнообразные мнения. Так, Н.А. Баскаков считает, что основой может быть тюркское слово *qorumus* ‘защитивший, покровительствовавший, пощадивший’ либо слово *qarymys* ‘состарившийся’⁴. Кусимова Т.Х. толкует данный оним как ‘смесь, толпа, народ, множество’⁵. Саттаров Г.Ф. связывает оним *Кармыш* с онимом *Карамыш*, обозначающим ‘смотреть’, ‘глянуть’ (то есть ‘родиться’)⁶. Поддерживая и развивая последнюю мысль, в свою очередь, мы выдвигаем следующую версию: данный оним может быть образован от основы глагола *кара* ‘смотри’ с присоединением к ней древнебашкирского имяобразующего аффикса *-мыш* (*тормош*, *язмыш*, *килмеш* и т. д.): *Туктамыш*, *Көсәмеш*. Для современного башкирского языка он не свойственен, встречается лишь в огузских языках. По этой же схеме могла образоваться фамилия *Караганов* (глагол

¹ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. С. 67.

² Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979; Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М. : Наука, 1974.

³ Крылов Г.А. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/krylov/>].

⁴ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения // Ономастика Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973. С. 146.

⁵ Кусимова Т.Х., Биккулова С. Башкирские имена. Уфа : Китап, 2007. С. 52.

⁶ Саттаров Г.Ф. Татар исемнәре ни сәйли? Казан : Раннур, 1998. С. 133; 13, 48.

караган 'посмотрел). Возможно, этимология данного онима восходит к лексемам *кара* 'черный' + *хан*. В башкирском языке существует фамилия *Караханов*.

Среди русских фамилий так же, как и в башкирском языке, можно встретить фамилию *Каратаев / Каратеев*. Данная фамилия образована от мужского имени *Каратай* (*кара* 'черный' + *тай* 'жеребёнок'). Как видно из примеров, детей в древности нарекали и названиями детенышей животных, чем выражалось особо почтительное отношение к этим животным, в них отражались тотемистические взгляды. С помощью тотемов человек надеялся оградить ребенка от вредных духов, сглаза и прочих несчастий.

Прямое значение слова *кара* – 'цвета сажи, угля, противоположный белому' – прослеживается в таких фамилиях, которые встречаются среди русских: *Каракозов* от *кара* 'черный' + *коз*, *куз* 'глаза', т. е. 'черноглазый', *Карабасов* – *кара* 'черная' и *бас* ~ *баш* 'голова', *Каракаев* 'черненький'. Ср.: башкирские фамилии *Карабашев*, *Карагасов*, *Каракаев*, *Каракузов*.

В антропонимической системе русского языка существует фамилия *Карамазов*. По поводу этимологии данного онима существует несколько версий. «Фамилия эта не просто вымышлена, а образована Ф.М. Достоевским из реального диалектного слова *карамазый* 'смуглый, черномазый'. Неслучайно жена штабс-капитана Снегирева в романе называет Алешу Карамазова по ошибке Черномазов. Фамилия образована от тюркского глагола *qara* 'смотреть' и аффикса *-maz/-mez*, образующего отрицательное причастие. *Карамазов* – 'не смотрящий', *карамазый* – смуглый, черномазый¹.

В образовании русских фамилий имела место и тюркская основа *ак* 'белый', антонимичная вышерассмотренной *кара* 'черный'. В качестве примеров этому можно привести фамилии *Агдавлетов* (*Акдавет* 'белое богатство', иносказательно – 'белая кость'), *Аннаков* (*Ан-ак* 'совершенно белый'). Основы *ала*, *сыбар* 'пестрый, пегий' также участвуют в образовании русских фамилий: *Алабышев* (*Ала баш* 'пёстрая (дурная) голова'), *Алаев* (*ала* 'пестрый'), *Алачев* (*алача* 'пестрядь'), *Чубаров / Чуфаров* (*Чубар* – *чувар* 'пёстрый, пегий'). Имеются в русском лексиконе и фамилии на основе лексем, созвучных *ала*: *Алашеев* (*Алаша* 'лошадь'), *Алабердиев* (*Алла бирде* 'бог дал').

Лексема *бай* довольно широко используется не только в тюркских языках, она имеет место и в русском лексиконе. Так, М. Фасмер, ссылаясь на В.В. Радлова, русское *бай* со значением 'состоятельный, влиятельный человек' называет заимствованием из турецкого, крымско-татарского, азербайджанского, казахского, киргизского, туркменского языков². По мнению Н.К. Дмитриева, «слово *бай* могло проникнуть в русский язык и от татар Золотой Орды»³. Данное слово во многих тюркских языках, в том числе в русском языке, часто выступает производящей основой, а именно имяобразующим компонентом. Немалую роль в образовании русских фамилий сыграла тюркская основа *бай* 'богатый': *Байбаков* (*Бай бак* 'вечно богатый' или *Бай бек* 'богатый бек'), *Байкачкаров* (*Бай качкар* 'богатый волк'), *Байтеряков* (*Бай тиряк* 'родовое дерево'), *Байкулов* (*Бай кол* 'богатый раб'). В эту же группу можно отнести и фамилию *Бичурин* (Мичурин), по мнению Н.А. Баскакова, восходящую к фамилии *Байчураин* (*Бай сура* 'богатый богатырь')⁴. Есть и фамилия *Баяшев*, образованная от причастия *байыусы* 'богатеющий'.

В образовании русских фамилий участвовали и такие имена прилагательные, как *артык* 'лишний': *Артаков* (Артыков), *Артюхов* (*артык* – *артук* – *артюк*); *акхак* 'хромой': *Аксаков*; *бакый* 'вечный': *Бакаев* (Бакый, Баки 'вечный'); *бөкрө* 'горбатый, сутулый': *Бекорюков*, *Букрябов* (прозвища *Бюкеряк*, *Бюкре* 'горбатый'), синонимичной по значению является фамилия *Иевлев* (*эйеүле* 'согнутый, сутулый'); *баксы* 'дозорный': *Бакшеев*; *болғак* 'вносящий разлад, интриган': *Булгаков*; *кесе* 'младший, молодой': *Кичибеев / Кочубеев* (*Кичи бей* 'молодой бий'); *сабыр* 'терпеливый': *Сабуров*, *тыныс* 'тихий, спокойный'. В основе большинства этих видов фамилий, конечно, лежат прозвища.

¹ Крылов Г.А. Этимологический онлайн-словарь русского языка [Режим доступа: <https://lexicography.online/etymology/krylov/>].

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4-х т / перевод и дополнения О.Н. Трубачёва. 4-е изд., стереотип. М. : Астрель, 2004. С. 106.

³ Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. М. : Восточная литература, 1962. С. 524–526.

⁴ Баскаков Н.А. Русские фамилии тюркского происхождения. М. : Наука, 1979. С. 229.

От основы *баш* ‘голова’ также образованы, по всей вероятности, фамилии *Башев*, *Башкин*, а также *Башкатов* (*баш ката* ‘голова идет кругом’).

Фамилии *Бабаев*, *Бабин* образованы от тюркского слово *бабай* ‘старик, дед’. Слово это с давних пор вошло в состав русских нецерковных имен. Еще в XV — XVI веках встречались русские с именем *Бабай* и фамилией *Бабаев*. Слово *бабай* широко распространено в русской речи жителей Поволжья и Урала в различных значениях¹. Среди башкирских фамилий широко известна фамилия *Бабишев*, образованная от лексемы *баба*, т. е. ‘уважаемый, старейший’².

Отдельного внимания при исследовании русских фамилий заслуживает то, что немалую долю в их формировании сыграли этнонимы. Значительную группу в антропонимистической системе русских составляют фамилии на основе онима *татар*. Этноним *татар*, происходящий от названия одного из монгольских племен и появившийся в VI веке на севере Китая, а в XIII веке ставший названием всего золотоордынского населения – как монголов, так и захваченных ими тюрков, в XIX веке же применяется в качестве названия по отношению ко всем тюркам, независимо от их национальности, является основой также и таких, возможно, русских фамилий, как *Татаренко*, *Татаренков*, *Татарин*, *Татаринцев*, *Татаров*, *Татарович*.

Немаловажный интерес вызывают и фамилии, образованные от этнонима *башкир*: *Башкиркин*, *Башкирцев*. Возможно, фамилия *Башкиркин* означала ‘сын башкирки’. Фамилия же *Башкирцев*, вероятнее всего, восходит к прозвищу *Башкирец*, которое указывало на национальную принадлежность предка.

Таким образом, среди русского народа очень много людей, носящих фамилии с тюркоязычной основой. Эти фамилии очень древние по происхождению. В плане структуры большинство из них образовано от двусложных личных имен или прозвищ.

© Р.А. Сулейманова, 2022

УДК 811.161.1:81'282:81'373.45

МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (на материале заимствованной русской диалектной лексики, обозначающей локусы сельскохозяйственной деятельности)

О.А. Теуш
(УрФУ, Екатеринбург)

Земледелие на Европейском Севере России в подсечной форме появляется задолго до прихода русского населения: в первой половине I тысячелетия н. э. местное финно-угорское население начинает переход к пахотной обработке подсеки³. В лексике говоров Европейского Севера России обнаруживается значительное количество прибалтийско-финских и саамских заимствований, обозначающих географические объекты, задействованные в сельскохозяйственной деятельности. В значении ‘сенокосное место’ отмечено *бáтермала* (Арх.)⁴. Первая часть лексемы *бáтер*- интерпретируется из прибалт.-фин., ср. фин. *patero* ‘небольшое круглое углубление или яма’, ‘небольшое лесное озеро’, карел. *patero*, *paduro* ‘небольшое углубление, яма’⁵. Вторая часть сложения сопоставима с фин. *malo* ‘край, сторона, бок’, ‘залив, берег’ (ср.: *rantamalo* ‘небольшой морской залив’), карел. *malo* ‘низкая (вода)’, эст. *mala* ‘песчаный берег моря’, < балт., ср. лит. *malá* ‘земля; край’, латыш. *mala* ‘край; берег’⁶. Для русской лексемы нужно реконструировать исходное

¹ Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена прозвища и фамилии. М.: Наука, 1974.

² Сулейманова Р.А. Башкирско-русский словарь-справочник личных имен и фамилий. Уфа, 2013.

³ Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 220.

⁴ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁵ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 3. Helsinki, 1976. S. 502; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 2. Helsinki, 1995. S. 322.

⁶ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 2. Helsinki, 1995. S. 144.

значение 'берег небольшого лесного озера'. Наименование *во́йва* 'сенокос у моря' (Карел.)¹ находит соответствие в фин. *voivus* – производном от *voiria* 'обессилеть, ослабеть'². Исходным значением нужно считать 'истощенная земля'. Лексема *ка́ска* 'срубленный для пожог лес, подсека' (Олон.)³, (Помор.)⁴ (< приб.-фин., ср. карел. *kaski, kaški*, ливв. *kaski* 'подсека, пожар', *kaskez, kaskes* 'поросшее молодым лиственным (березовым) лесом место, пригодное для подсеки или бывшее под подсекой', люд. *kask(i), kašk, kašk* 'подсека (до выжига)', *kases, kaskes* 'бывшая подсека, поросшая кустарником', вепс. *kašk* 'подсека', *kaskez* 'молодой смешанный лес', фин. *kaski* 'сваленный и сожженный (лиственный) лес, подсека, пожар', 'поляна на месте бывшего пожара', 'молодой лиственный лес', 'молодая береза'⁵) в современных диалектах утрачивает исходную семантику и отмечается только в значении 'лесное пастбище' (Арх.)⁶. Этимология слова разрабатывалась Я. Калима, М. Фасмером, А.К. Матвеевым⁷. Метонимично к *кэ́гра, кэ́рга* 'крутой поворот, изгиб, излучина реки' (Арх.)⁸ (< приб.-фин., ср. фин. *käyvä* 'кривой, искривленный, изогнутый', карел. *käkrä, kägrä* 'то же'⁹) севернорусское *кэ́рга* 'сенокосная земля, расположенная в крутой излучине реки' (Арх.)¹⁰, *кэ́ргишка* 'то же' (Арх.)¹¹. Лексема *кере́ндус* 'поле на склоне холма' (Арх.)¹² (ср. *кере́ндус* 'заболоченное место в лесу или на покосе' (Арх.), 'непроходимое болото'(Арх.)¹³) отражает производную основу **kierent-/*tierent-*, сопоставимую с фин. *tieranne* 'невыгоревшее место на подсеке'¹⁴, производным от фин. *tiera, tiero* 'невыгоревшее место на подсеке', 'незасеянный, невспаханный или заросший участок поля', 'кочок поля', *tiere* 'невыгоревшее место на подсеке', ср. карел. ливв. *kiero, tiero, t'iero* 'невыгоревшее место на подсеке', 'небольшой участок земли', 'открытое место'¹⁵. Севернорусское *ко́рба* 'покос на участке, расчищенном от леса' (Арх.; Влг.)¹⁶, имеющее производные с более узким вокализмом корня (*курба́жина* (Влг.), *курба́жинка* (Влг.), *ку́рбать* (Влг.), *курба́шина* (Влг.)), может быть интерпретировано на основе саам. кольск., лул. *kuor'pa* 'выжженная земля', ин., кольск., лул., норв. *guor'bat* 'опалиться, обжечься', ин., кольск. *guor'bâdit* 'обжечься'¹⁷. Этимологическим омонимом является *ко́рба* 'грядка, густо засаженная овощами' (Ленингр.)¹⁸: < саам. или приб.-фин., ср. сонг. *kuĩpp*^E, лат. *koĩ'ppa*, терск. *kuĩ'pp* (основа косвенных падежей *koĩ'pp-*) 'морщина, складка'¹⁹, фин. *kurppa* 'горб', *kurpakas* 'горбатый'²⁰, фин. *kurppu* 'морщина, складка', *kurppuinen* 'морщинистый, сморщенный', карел. *kurppu* 'морщина, складка', вепс. *kurp* 'то же'²¹.

От приб.-фин. **kunta-*, с которым связано фин. диал. *kuntia* 'брат, хватать' производны фин. *kunne*, род. п. *kunteen* 'ложбина, которая формируется, например, при сжати веревки рукой',

¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 1 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1994. С. 220.

² Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. О. 6. Helsinki, 1978. S. 1804.

³ Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 34.

⁴ Мосеев И.И. Поморская говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 67.

⁵ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. О. 1. Helsinki, 1958. S. 168; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1. Helsinki, 1992. S. 323; Мамонтова Н.Н., Муллонен И.И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991. С. 37.

⁶ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁷ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919. S. 109; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967. С. 206; Матвеев А.К. Русская топонимика финно-угорского происхождения на территории севера Европейской части СССР : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1970. С. 360.

⁸ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁹ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. О. 2. Helsinki, 1976. S. 264; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1. Helsinki, 1992. S. 482.

¹⁰ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. О. 5. Helsinki, 1975. S. 1284; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 3. Helsinki, 2000. S. 289.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹⁷ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1. Helsinki, 1992. S. 408.

¹⁸ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 2 / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1995. С. 420.

¹⁹ Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I. LSFU, XV. Helsinki, 1958. S. 181.

²⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. О. 2. Helsinki, 1976. S. 246.

²¹ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. О. 1. Helsinki, 1992. S. 450.

‘вмятина на железном листе’, ‘ударом молотка сделанная выемка в дереве’¹. С этим корнем нужно сопоставлять *кундйок* ‘узкое место на покосе, угол’ (Мурм.)² при восстановлении семантики ‘пространство, охваченное действием’.

Прибалтийско-финского происхождения, ср. фин. *kurttu* ‘морщина, морщинка, складка’, *kurttu pintainen* ‘шероховатый, морщинистый, неровный’³, фин. *kurttu, kurtti* ‘морщина, складка’, *kyrtty* ‘то же’, карел. *kurttsša, kurttsšu* ‘то же’, эст. *kurd, kord, kurts* ‘то же’⁴ севернорусское *куртáга* ‘лесная сенокосная поляна’ (Арх.), *куртáжина* то же’ (Влг.), *куртáжка* ‘то же’ (Влг.)⁵, *куртáшечка* ‘участок луга’ (Влг.)⁶. Фонетически сходные *курчáжина* ‘лесная поляна, пригодная или специально расчищенная для сенокоса’ (Арх.), *куршáшечка* ‘то же’ (Арх.)⁷ имеют саамские или волжско-финские истоки, ср.: саам. нот. *kurč*, терск. *kuřč’šē* ‘маленький, узкий’⁸ или морд. эрз. *курч-карч* ‘сучья’, *пурнамс курчт-карчт* ‘собрать сучья’⁹.

Наименование большой полосы на поле *лáнбок лáнбуг, лáнбук* (Арх.) следует возводить к фин. диал. *lanbodi, landbodi* ‘арендованный земельный участок’¹⁰. Контексты показывают, что исследуемое слово называет участок поля, который, вероятно, выделялся одному владельцу: «*На всём поле ланбуки*», «*Ланбуг – это считается большое поле, большая площадь на большом ланбуге*». Результатом ассимиляции в группе *-нб-* является *лáндук* ‘клин поля, прилегающий к широкой распаханной полосе’ (Арх.)¹¹.

Сельскохозяйственная семантика лексем *лачúга, лачúжка* ‘небольшой заброшенный сенокосный участок’ (Влг.)¹², *лачúга* ‘сенокосный участок в лесу, на поляне’ (Арх.)¹³, *лачúжка* ‘то же’ (Влг.)¹⁴, (Костр.)¹⁵ вторична к *лачúга* ‘яма с водой, лужа’ (Влг.), *лачúжка* ‘то же’ (Влг.), которые < саам. нот. *lašĸ*^A ‘гнилой’¹⁶, кольск. *lašĸ*^A ‘гнилой’¹⁷. Соответствие *š ~ č* свидетельствует о специфике саамских диалектов – источников заимствования. Может быть предложено сопоставление с приб.-фин., ср. фин. *lämmytä* ‘гнуться, сгибаться’, карел. *lämbü-* ‘то же’, *lämmüttä-* ‘гнуть, сгибать’, ливв. *lämmüttä-* ‘то же’, люд. *lämbüdü* ‘гнуть, сгибаться’, *lämbüttädä* ‘гнуть, сгибать’, вепс. *lämbta* ‘гнуть, сгибаться’, *lämbaita, lämbastutta, lämbutta* ‘гнуть, сгибать, склонять’¹⁸ для *лjáмбина, лjáмбинка* ‘покос на низком болотистом месте’ (Карел.)¹⁹. Саам. патс. *mǫǧl’kĸē*, сонг. *malk*, нот. *mǫǧl’kĸē*, кильд. *maĵ’kĸē* ‘кривой, изогнутый’, ‘изгиб (дерева)’²⁰ в основе *малéг* ‘лес, выросший на месте поля’ (Арх.), ‘мелкий молодой густой лес’ (Арх.; Влг.)²¹, (Арх.)²², ‘густой, непроходимый лес’ (Арх.; Карел.)²³, ‘лес на сухом

¹ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 2. Helsinki, 1976. S. 238.

² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3 / Гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. С. 58.

³ Большой финско-русский словарь / под ред. В. Олыкайнен и И. Сало. М., 2001. С. 280.

⁴ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1. Helsinki, 1958. S. 247; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1. Helsinki, 1992. S. 451.

⁵ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁶ Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 4. С. 23.

⁷ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁸ Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I. LSFU, XV. Helsinki, 1958. S. 182.

⁹ Эрзянско-русский словарь. М., 1993. С. 318.

¹⁰ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 2. Helsinki, 1976. S. 274; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 2. Helsinki, 1995. S. 43.

¹¹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹² Там же.

¹³ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. С. 102.

¹⁴ Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 4. С. 33.

¹⁵ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹⁶ Itkonen T.I. Указ. соч. S. 197.

¹⁷ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 2. Helsinki, 1976. S. 269; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3. Helsinki, 1995. O. 2 S. 35.

¹⁸ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 2. Helsinki, 1976. S. 320; Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 2. Helsinki, 1995. S. 124.

¹⁹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. С. 93.

²⁰ Itkonen T.I. Указ. соч. S. 257.

²¹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

²² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. С. 189–190.

²³ Там же. С. 190.

месте' (Арх.; Влг.), *малежók* 'мелкий молодой густой лес' (Арх.)¹, (Арх.)², семантическими дериватами которых являются *малэг* 'расчищенный и выжженный под посев участок леса, подсека' (Арх.)³, (Арх.)⁴, *малежók* 'то же' (Арх.)⁵, *малежók* 'заросшая пашня' (Арх.)⁶. Русская форма < *мальга – результат варьирования по роду. Саамского происхождения отмеченное А. Подвысоцким *навли́хк* 'пахотное поле на низменной местности' (Арх.)⁷: является композитом из саам. кильд. *núafke* (= *návkém*) 'гладкий, ровный'⁸ и патс. *lieʷk̄k̄ʷ*, нот. *lięʷk̄k̄ʷ* 'ложбина, низина, долина'⁹. Во внутренней форме языка-источника лексемы *не́корема* 'сенокосное место на месте высыхающего ручья' (Арх.)¹⁰ отражен признак номинации сельскохозяйственного участка по типу почвы: < приб.-фин., ср. фин. *näkä* 'бурая песчаная земля', карел. *nägä* 'вязкий сырой луг'¹¹, фин. *räme*, карел. *rieme* 'болото, поросшее лесом'¹².

«Темным словом» М. Фасмер¹³ считает лексему *ня́па* 'отдаленная от жилья пожня' (Арх.)¹⁴. При учете диалектного колебания 'a/e истоки слова можно видеть в саам. патс. *nię̄ppi* 'болотистое место', 'топкое место на болоте'¹⁵. Саамского происхождения *пáвчега* 'каменистая почва', 'поле с каменной почвой' (Карел.)¹⁶: < саам. кильд. *ravv*^δ, аттр. *ravtęš*, терск. *rav̄g*^d 'грубый', 'необработанный'¹⁷, патс., нот. *tsëäGG*^A, нят. *seägGg* 'торчащий, крутой'¹⁸. Приводимое в СРГК *пáжа* 'луг' (Карел.)¹⁹ определено недостаточно точно: контекст («*Пажа – это пожня*») позволяет уточнить значение до 'сельскохозяйственное угодье, поле'. Лексему следует интерпретировать на основе саам. терск. *pāžke* 'навоз'²⁰ и считать результатом обратного словообразования с вычленением суффикса -к-. Саамские истоки имеет и *пáлмега* 'выжженное для пашни место в лесу; пал' (Ленингр.)²¹, которое ~ прасаам. *pēltō, саам. сев. *bæl'do*, ин. *peäldu*, колт. *peäldd*, кильд. *peald*, терск. *peälda* 'поле'²².

'Полоса с горохом или льном' имеет наименование *пáрдома* (Олон.)²³: поскольку такие полосы ограждались, а на самих посадках гороха устанавливались изгороди, по которым вились стебли растения, лексему *пáрдома* следует сопоставлять с карел. ливв. *pardiene* 'жердь, колосник в риге для насадки снопов', *parzi* 'бревну'²⁴, *pardiine*, *pardine* 'опора колосника', '3–4 жерди, составляющие ограду'²⁵. Родственное вепс. *parž* 'бревну'²⁶ в сочетании с *selgiteš*, *selgitez* 'росчисть

¹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. С. 190.

³ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁴ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 3 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1996. С. 189

⁵ Там же. С. 190.

⁶ Там же. С. 190. Неправоммерно отнесение к славянскому корню *мал-* (**mal-*) предложенное в: Куркина Л.В. Словенско-восточнославянские лексические связи // Этимология 1970. М., 1972. С. 96.

⁷ Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 96.

⁸ Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I. LSFU, XV. Helsinki, 1958. S. 295.

⁹ Там же. S. 210.

¹⁰ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹¹ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 2. Helsinki, 1976. S. 412.

¹² Там же. O. 3. Helsinki, 1976. S. 125.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971. С. 94.

¹⁴ Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 104.

¹⁵ Itkonen T.I. Указ. соч. S. 300.

¹⁶ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. С. 364.

¹⁷ Itkonen T.I. Указ. соч. S. 347.

¹⁸ Там же. S. 627.

¹⁹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. С. 369

²⁰ Itkonen T.I. Указ. соч. S. 359.

²¹ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. С. 383.

²² Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. MSFOu. 200. Helsinki, 1989. S. 100–101.

²³ Куликовский Г. Словарь областного олонцкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 78.

²⁴ Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. С. 256–257.

²⁵ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 3. Helsinki, 1976. S. 496.

²⁶ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 402.

(расчищенное место в лесу для пожни)¹ в основе *páрсельга* ‘место, очищенное от леса и предназначенное для вспашки’ (Карел.)².

Выкашивались не только большие открытые пространства, но и маленькие по площади участки лугового пространства в лесах и по берегам рек, что отражено во внутренней форме лексемы *púкой* ‘место для косьбы, сенокоса’ (Карел.)³: < приб.-фин., ср. фин., карел. *píkoj* ‘совсем маленький’, *píkku* ‘маленький’, люд. *píkoi* ‘очень маленький’, ливв. *píkoj, píkkoj, píkko* ‘маленький’⁴. Севернорусское *ránцера* ‘заболоченный участок, пригодный для сенокоса’ (Ленингр.)⁵ может быть интерпретировано как заимствование сложного слова: *ránцера* < *ранд-сара*, в котором *ранд-* < приб.-фин., ср. фин. *ranta*, карел. *randa*, ливв. *rand, randu*, вепс. *rand* ‘берег’⁶, *-сара* < приб.-фин., ср. фин. *saara*, карел. люд. *suar*, вепс. *sar* ‘разветвление, ветвь’⁷. Внутренняя форма для *ránцера* в этом случае восстанавливается как ‘береговое пространство между притоками реки’. Наименование *сэдера* ‘покос на расчищенном от леса участке’ (Арх.) вторично к *сэдера* ‘низкое сырое место в лесу’ (Арх.), ‘топкое место на болоте’ (Арх.), ‘густой труднопроходимый лес на сыром месте’ (Арх.)⁸, заимствованному из саам., ср. патс. *sèšwteŕ*, сонг. *sõtr*, нот. *sèšwteŕ*, кильд. *siewteŕ* ‘белый или торфяной мох’⁹. Оттопонимическим надо считать *шúтеремы* ‘сенокосы, расчищенные из-под кустарника’ (Арх.)¹⁰: в Холмогорском районе Архангельской области название *Шутерема* имеет покос¹¹. Основа топонима интерпретируется на саамской почве: *Шуте-* возводится к прасаам. **sijtę* (ср.: саам. сев. *siidâ*, ин. *sijda*, колт. *sijdd*, кильд., терск. *sijd* ‘зимняя деревня, погост’¹²)¹³. Детерминант *-рема* имеет прибалтийско-финское происхождение, ср. фин. *räme*, карел. *rieme* ‘болото, поросшее лесом’¹⁴. Прибалтийско-финского происхождения *шольга* ‘сенокосная поляна в лесу’, *шольжка* ‘то же’, *шольшка* ‘то же’ (Костр.), *шульга* ‘небольшая сенокосная полянка’ (Влг.), *шульжка* ‘то же’ (Влг.; Костр.)¹⁵, ср. карел. ливв. *šolukka* ‘конец, уголок ржаного поля’, ‘выкошенный участок на ржаном поле’¹⁶. Образованием от **шуршá* (< **шаршá* саамского происхождения, ср. сонг. *šårštâk*, кильд. *šāraš* (лок. *šāršešt*) ‘продолжение, добавка’¹⁷) является *шуршевина* ‘неплодородная земля, на которой ничего не растет’ (Арх.)¹⁸: как правило, непригодные для земледелия участки находятся по краю полевых земель.

Заимствованные лексемы, называющие временные объекты, возникающие при обработке земли, немногочисленны: *рównица* ‘груда камней, собранных на пахотной полосе’ (Олон.)¹⁹, (Карел.; Ленингр.)²⁰, *рównица* ‘то же’ (Олон.)²¹ (< приб.-фин., ср. карел. *raunivo*, фин. *raunio*, эст. *raun* ‘куча камней, собранных на пашне’²², фин. *rounio* ‘то же’²³); *тюкáч* ‘сухой ком земли на пашне’ (Сев.)²⁴ (<

¹ Зайцева М.И., Муллонен М.И. Словарь вепсского языка. Л., 1972. С. 505.

² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. С. 399.

³ Там же. С. 507.

⁴ Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 2. Helsinki, 1995. S. 361.

⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 5 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 2002. С. 443.

⁶ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 3. Helsinki, 1976. S. 733-734

⁷ Там же. O. 4. Helsinki, 1969. S. 937.

⁸ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁹ Itkonen T.I. Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja. I. LSFU, XV. Helsinki, 1958. S. 487.

¹⁰ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹¹ Топонимическая картотека Севернорусской топонимической экспедиции УрФУ.

¹² Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. MSFOu. 200. Helsinki, 1989. S. 122–123; Itkonen T.I. Указ. соч. С. 496.

¹³ Кабинина Н.В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург, 2011. С. 145.

¹⁴ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1976. S. 125.

¹⁵ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹⁶ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 4. Helsinki, 1969. S. 1057.

¹⁷ Itkonen T.I. Указ. соч. С. 1: 545.

¹⁸ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹⁹ Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 100.

²⁰ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 5 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 2005. С. 535.

²¹ Куликовский Г. Указ. соч. С. 100.

²² Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919. S. 203; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971. С. 489.

²³ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1976. S. 749.

²⁴ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955. С. 451.

приб.-фин., ср.: фин. *tykkä, tykkö* ‘большой кусок, колода’¹); *у́мик* ‘мета против пахотной полосы, сделанная на земле ножом или лопатой’ (Яр.)² (ср.: фин. *uuten* ‘внутренность, нутро, глубина, толщина земли’, ‘щель, разрыв’³). Единична лексема марийского происхождения: *ташкэм* ‘гумно’ (Вят.)⁴: < мар. с.-зап. *ташкем*, луг. *тошкем* ‘огород’⁵. Заимствования с коми представлены на востоке Европейского Севера России.

Для лексемы *быдня* ‘залежь, запущенное, заброшенное поле’ (Арх.)⁶ А.Е. Аникин со знаком «?» предполагает производность от глагола *быть*⁷. При наличии *бы́дло* ‘крупный рогатый скот’⁸ сопоставление можно считать приемлемым при учете мены сонорных л/н. Для *бы́дло* предполагается сематическое развитие по цепочке: ‘пребывание’ > ‘место пребывания’ > ‘жилище’ > ‘владение, имущество’ > ‘домашние животные’⁹. Однако количество допущений при славянской этимологии слишком велико. Лексему вопреки предложенной славянской версии нужно сопоставлять с коми вс., вым., л., нв., скр., сс., уд. *быдмыны* ‘расти, вырастать, вырасти, нарастать, нарасти’, *быдмög* ‘растение’¹⁰: надолго оставленная без обработки пахотная земля зарастает сорными травами, кустарником, молодым лесом. А. Подвысоцкий приводит *видзь* ‘сенокосная земля, луг’ (Арх.) и дает ремарку «слово зырянское»¹¹. В современных говорах лексема отмечена в Поморье: *видзи, вiзьё* ‘сенокосные неудобья’ (Помор.)¹². Слово заимствовано из коми-зырянского языка, ср. коми *видз* ‘луг, покос, пожня’¹³. Как «употребительное между русскими в Запечорском крае Мезенского уезда зырянское слово» А. Подвысоцкий характеризует сочетание *вiлыс кeрес* ‘пахотное поле на возвышенной местности’ (Арх.)¹⁴. Указанное сочетание связывается Я. Калимой¹⁵ с коми *вылыс* ‘верх’, ‘верхний, находящийся сверху’¹⁶ и *керöс* ‘возвышенность, гора, иногда покрытая лесом’¹⁷. Предположение А.С. Кривошековой-Гантман¹⁸ о связи второго компонента сложения с коми *керас* ‘вырубка, росчисть, поляна’ несправедливо, поскольку в регионе (Арх.) *керас, кeрес, керос* отмечено только с семантикой ‘возвышенность’. Коми вв. *вомин*, вым., иж., уд. *вомын* ‘плес, часть реки от одного изгиба до другого’¹⁹ в основе *вомiна* ‘сырое сенокосное место’ (Костр.)²⁰: сенокосные луга нередко находились на побережьях рек, где травяной покров более сочен. Мена *к’/т’* и география в пользу обратного заимствования из коми (**телетник/*келетник* < русск. *телятник*) севернорусского *келетник, келедник* ‘земельный надел для покоса и пастьбы лошадей’ (Арх.)²¹, однако в коми словарях соответствующая форма отсутствует.

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. С. 134.

² Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. С. 205.

³ Suomen kielen etymologinen sanakirja. LSFU, XII. O. 1–7. Helsinki, 1975. O. 5. S. 1561.

⁴ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991. С. 158.

⁵ Иванов И.Г. Марийские лексические заимствования в русских говорах Вятского края // Советское финно-угроведение. 1969. № 2. С. 111.

⁶ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955. Т. 1. М., 1955. С. 149.

⁷ Аникин А.Е. Русский этимологический словарь. М., 2007. Вып. 5. С. 272.

⁸ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. Т. 1. М., 1964. С. 260.

⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 69.

¹⁰ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 33.

¹¹ Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 128.

¹² Мосеев И.И. Поморская говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005. С. 47.

¹³ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 48. Этимология предложена Я. Калима и поддержана М. Фасмером: Kalima J. Syrjänisches Lehngut im Russischen // FUF. XVIII. Helsinki, 1927. S. 18–19; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 312.

¹⁴ Подвысоцкий А. Указ. соч. С. 18.

¹⁵ Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919. S. 203; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 3. М., 1971. С. 19; Фасмер М. Указ. соч. С. 315.

¹⁶ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 72.

¹⁷ Там же. С. 153.

¹⁸ Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 50.

¹⁹ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 59.

²⁰ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

²¹ Там же.

Источником русск. *кóйдама* ‘расчистка под пашню или покос’, *кóйдемка* ‘покос в сыром месте’, *кóйдама*, *кóйдема*, *кóйдама* ‘нетопкое травянистое болото; сырое заболоченное место, пригодное для сенокоса или пастбища’, *кóйдомина*, *койдомíна* ‘нетопкое травянистое болото; сырое заболоченное место, пригодное для сенокоса или пастбища’, ‘редколесье’, *кóйдомный* ‘относящийся к *кóйдоме*’ (Арх.)¹ послужило коми *куйöда му* ‘удобренная навозом, унавоженная земля, земля с навозом’, где *куйöда* ‘унавоженный, удобренный навозом’ (от *куйöд* ‘навоз’) и *му* ‘земля’², коми вс., вым., лл., печ., скр., сс., уд. *куйöд*, вв., нв. *куед* ‘навоз’³, повс. *му* ‘земля’, ‘поле, пашня’, ‘почва’⁴. В первом слоге русского слова *ой* является результатом переработки фонетически сложного сочетания при освоении коми *куйöд*-метафорично по внутренней форме *кунíца* ‘небольшой участок пахоты, оставшийся случайно незапаханным’ (Яр.)⁵: может быть сопоставлено с коми нв., уд. *кунув*, вым., иж. *кунуу* ‘подмышка’⁶, ~ удм. *кунул* ‘то же’, общеперм. *кõнул* ‘подмышка’⁷. Является метафорой по признаку формы. Атракция к русск. *кунíца* ‘небольшой хищный зверек с ценным светло-коричневым пушистым мехом, а также мех его’⁸ формальна. ‘Часть поля, смытая водой’ носит название *урев* (Арх.)⁹ (ср.: *урев* ‘обрывистый, подмываемый водой берег реки’ (Арх.)¹⁰). Истоки лексемы нужно видеть в коми уд. *оров* ‘рытвина, промоина’ (производно от *орны* ‘оборваться, оторваться, порваться’)¹¹, однако более узкий вокализм начального гласного указывает на специфику диалекта языка-источника, ср. с инициальным *ур-* родственные удм. сев. *уркырем* ‘овраг, луг’ (при *кырыны* ‘прорвать, размыть водой’), мар. *урмаш* ‘прорыв, промоина, обрыв, яр’ (при *ураш* ‘прорваться (о воде)’)¹². Источник *шутем* ‘покинутая из-под пашни земля, залежь; плохая, пустопорожняя пустошь’ (Вят.), ‘нива, обращенная под покос’ (Вят.), ср также *шутьмóm лежáть* ‘быть пустой или под покосом’ (Вят.)¹³, находят в коми *сьотóm* ‘не имеющий зерна, хлеба’, ‘незасеваемое место; место без хлебов на корню’¹⁴. Дериват *шутёмный* ‘суходольный, пырейный (о сене)’ (Вят.)¹⁵ возник на русской почве. Неверным прочтением рукописных *шутем*, *шутёмный*¹⁶ являются *тутём* ‘пар, паровое поле’, ‘залежь, покинутая на годы, выпашь, залог, перелог’, *тутёмный* ‘покинутый на годы (о земле)’ (Арх., Вят., Костр.)¹⁷.

Из русского общенационального языка севернорусские диалекты принимают ряд заимствованных лексем, обозначающих участки земли, задействованные в сельскохозяйственной деятельности. Лексема *план* ‘земельный участок’ (Влг.)¹⁸ наряду с *план* ‘приусадебный участок, огород’ (Арх.; Влг.)¹⁹, (Арх.; Влг.; Карел.; Ленингр.; Новг.)²⁰, (Влг.)²¹ (ср. также *план* ‘место, на котором расположены дом и другие хозяйственные постройки’ (Кольск.)²² производна от *план* ‘чертеж, изображающий на плоскости какую-нибудь местность, сооружение’, заимствованного из нем. *Plan*,

¹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

² Коми-русский словарь. М., 1961. С. 332.

³ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 178.

⁴ Там же. С. 226.

⁵ Ярославский областной словарь. Вып. 5. Ярославль, 1986. С. 108.

⁶ Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 187.

⁷ Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. С. 146.

⁸ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 390.

⁹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹⁰ Там же.

¹¹ Лыткин В.И., Гуляев Е.И. Указ. соч. С. 207.

¹² Там же.

¹³ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955. С. 649.

¹⁴ Кривошекова-Гантман А.С. Коми-пермяцкие заимствования в русских говорах Верхнего Прикамья // Этимологические исследования. Вып. 2. Свердловск, 1981. С. 58–59.

¹⁵ Даль В.И. Указ. соч. С. 649.

¹⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. М., 1973. С. 127.

¹⁷ Даль В.И. Указ. соч. С. 445.

¹⁸ Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 7. С. 63.

¹⁹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

²⁰ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. С. 531.

²¹ Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2007. Вып. 7. С. 63.

²² Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979. С. 112.

восходящего через посредство франц. *plan* к лат. *planus* 'плоский, ровный'¹. Вторично к *карта* 'чертеж поверхности Земли' (< польск. *Karte* из нем. *Karte*, восходящего к лат. *charta* 'бумага' из греч. *χάρτης* 'лист бумаги')² диалектное *карта* 'участок поля, отделенный от других канавами' (Влг.)³, (Яр.)⁴, 'участок осушенного луга или болота, отделенный от других канавами' (Влг.)⁵, (Моск.)⁶, *карта* 'огородный участок' (Яр.)⁷. Фонетически сходное *фарта* 'узкая полоса, разделяющая два земельных надела' (Влг.)⁸ следует возводить к нем. *Fahrt* 'движение, ход, проход, проезд', производному от *fahren* 'везти'⁹. Сходно происхождение наименования *контур* 'надел пахотной земли' (Арх.; Влг.), *контурок* 'то же' (Арх.)¹⁰ – восходит к *контур* 'внешнее очертание чего-нибудь', заимствованному через посредство нем. *Kontur* из франц. *contour* 'очертание, контур'¹¹. Для *пикет* 'участок земли определенной площади' (Влг.)¹² нужно считать первичным значение *пикет* 'мера длины на местности' (Мурм.; Новг.)¹³, ср. франц. *piquet* 'кол, свая'¹⁴: колышками обозначали край, конец участка. Значение *казна* 'лучший участок земли в поле, урожай с которого шёл на продажу' (Арх.; Влг.)¹⁵, (Арх.)¹⁶, *казна* 'полоса в поле, принадлежавшая священнику' (Арх.)¹⁷ вторично к *казна* 'денежные средства, ценности' тюркского происхождения, ср. тур. *hazna* 'имущество, кладовая'¹⁸. Русское *алтын* 'покос на шесть хозяйств' (Костр.)¹⁹ производно от названия монеты *алтын* 'старая разменная монета в 6 денег, равная 3 коп.' (< тур., татар. *altyn* 'золото', 'золотой'²⁰).

Образована от слова *бечевá* 'прочная толстая веревка, канат', заимствованного из поволжских тюркских языков, ср. тюрк. кыпчак. *beŕeŕ* < *beŕegü* < монг. *büŕi* 'тесьма, лента, завязка'²¹, *бечёвка* 'полоска покоса, пашни и т. п.' (Влг.)²², *бичевá* 'поле на берегу реки, обычно капустное' (Костр.)²³. Синонимично по внутренней форме *лúния* 'часть поля, в котором каждый домохозяин получает полосу' (Яр.)²⁴, 'полоса сенокоса между пашней и лесом' (Яр.)²⁵: заимствовано через посредство польск. *linia* из нем. *Linie*, восходящего к лат. *linea* 'льняная бечевка, полоса, проведенная этой бечевкой'²⁶. Тюркизмами являются *улýс* 'ряд полей, пашен, правильные полосы, без недопашек и перепашек' (Арх.)²⁷, 'длинная, но узкая полоса земли' (Арх.)²⁸, 'луг, покос или полоса леса

¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 648.

² Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1967. С. 203; Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 326.

³ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁴ Ярославский областной словарь. Вып. 5. Ярославль, 1986. С. 22.

⁵ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁶ Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969. С. 188.

⁷ Ярославский областной словарь. Вып. 5. Ярославль, 1986. С. 22.

⁸ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1046.

¹⁰ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 361.

¹² Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 4 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1999. С. 507.

¹³ Там же.

¹⁴ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994. С. 31.

¹⁵ Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 2 / гл. ред. А.С. Герд. СПб., 1995. С. 314.

¹⁶ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 315.

¹⁹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

²⁰ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1964. С. 72-73.

²¹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 43-44.

²² Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

²³ Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова. Кострома, 2006. С. 33.

²⁴ Мельниченко Г.Г. Краткий ярославский областной словарь. Ярославль, 1961. С. 104.

²⁵ Ярославский областной словарь. Вып. 5. Ярославль, 1986. С. 131.

²⁶ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 408.

²⁷ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1955. С. 489.

²⁸ Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852. С. 238; Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885. С. 178.

клиновидной формы' (Влг.), *олуз* 'земельный надел' (Арх.)¹ (ср.: *улус* 'куст деревень' (Арх.; Влг.)², (Влг.)³, (Олон.)⁴, 'закоулок; скрытое пристанище' (Псков., Твер.)⁵, 'место, участок' (Влг.)⁶, заимствованное из тюркских языков, ср. тур., азерб., кыпчак., уйгур. *ulus* 'народ'⁷); *чуланчик* 'пожня в кустах' (Арх.)⁸ – производно от общерусск. *чуланчик* – уменьш. к *чулан* 'помещение в доме, служащее кладовой; клеть или часть сеней в крестьянской избе', ср. татар. *çölän* 'кладовая', алт. *čulan* 'загон для скотины'⁹.

В целом обилие заимствованных наименований географических пространств, используемых для сельскохозяйственной деятельности, свидетельствует о преемственности в методах и способах обработки земли между исконным населением региона финно-угорскими народами и пришедшим позднее русским населением. Разнообразие семантики лексем, обилие источников заимствования указывают на активное взаимодействие народов Европейского Севера России в разработке земельных участков, их использовании для сельскохозяйственных нужд. Наличие заимствованных лексем общенационального русского языка, получивших сельскохозяйственную семантику в диалектах Европейского севера России, указывает на глубокую работу по формированию новой земледельческой лексики, необходимой для обозначения различных типов сельскохозяйственных угодий. Тюркское влияние несущественно.

Сокращения

1. В названиях языков и диалектов: азерб. – азербайджанский язык; алт. – алтайские языки; балт. – балтийские языки; вепс. – вепсский язык; греч. – греческий язык; карел. – карельский язык; ливв. – ливвиковский диалект; люд. – людиковский диалект; коми – коми-зырянский язык; вв. – верхневычегодский диалект; вс. – верхнесыольский диалект; вым. – вымский диалект; иж. – ижемский диалект; л. – лузский диалект; лл. – лузско-летский диалект; нв. – нижневычегодский диалект; печ. – печорский диалект; скр. – присытывкарский диалект; сс – среднесыольский диалект; уд. – удорский диалект; кыпчак. – кыпчакский язык; лат. – латинский язык; латыш. – латышский язык; лит. – литовский язык; мар. – марийский язык; с.-зап. – северо-западный диалект; монг. – монгольский язык; морд. – мордовский язык; нем. – немецкий язык; общеперм. – общепермский язык; общерусск. – общерусское; польск. – польский язык; прасаам. – прасаамский язык; приб.-фин. – прибалтийско-финские языки; саам. – саамский язык; ин. – диалект Инари; кильд. – кильдинский диалект; колт. – колтовский диалект; кольск. – кольский диалект; лул. – диалект Луле; норв. – норвежский диалект; нот. – нотозерский диалект; нят. – диалект Няатамо; патс. – диалект Патсйоки; сев. – северный диалект; сонг. – сонгельский диалект; терск. – терский диалект; татар. – татарский язык; тур. – турецкий язык; тюрк. – тюркские языки; удм. – удмуртский язык; уйгур. – уйгурский язык; фин. – финский язык; франц. – французский язык; эрз. – эрзя-мордовский язык; эст. – эстонский; 2. В географических названиях: Арх. – Архангельская область (губерния); Влг. – Вологодская область (губерния); Вят. – Вятский край; Карел. – республика Карелия; Кольск. – Кольский полуостров, Кольский уезд Олонецкой губернии; Костр. – Костромская область, г. Кострома; Ленингр. – Ленинградская область; Моск. – Московская область; Мурман. – Мурманская область; Новг. – Новгородская область; Олон. – Олонецкая губерния; Помор. – Поморье – побережье Белого моря; Сев. – Север России; Яр. – Ярославская область; 3. Прочие: аттр. – атрибутив; диал. – диалектное; лат. – латив; повс. – повсеместно; род. п. – родительный падеж; сев. – северное; ср. – сравни; уменьш. – уменьшительное.

© О.А. Тейш, 2022

¹ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

² Там же.

³ Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П.А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006. С. 524.

⁴ Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898. С. 124.

⁵ Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858. С. 279; Даль В.И. Указ. соч. С. 489.

⁶ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁷ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1026.

⁸ Картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрФУ).

⁹ Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М., 2008. С. 1098.

К ЭТИМОЛОГИИ ЛЕКСЕМЫ *БАШКОРТ* В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ

Ф.Г. Хисамитдинова
(ИИЯЛ УФИЦ РАН, Уфа)

Этноним *башкорт* считается одним из самых изученных этнических названий в тюркской ономастике. Действительно, существует около 40 версий происхождения этнонима *башкорт*, около 160 вариантов его написания. Как отмечает известный тюрколог Т.М. Гарипов, впервые этноним *башкорт* 'башкир' был зафиксирован арабскими путешественниками, географами Салламом Тарджуманом в IX в. и Абу-Исхаком Ибрахимом ибн-Мухамадом ал Истахри в X в. н. э.¹

К началу X в. восходят первые, наиболее полные сведения о башкирах, в том числе и об этнониме народа. В записках известного автора средневековья Ибн-Фадлана, секретаря посольства арабов к волжским булгарам, наряду с другими этнонимами евразийских степей, нашло отражение и название одного из крупных тюркских народов России – башкир. Записки Ибн-Фадлана, называемые "Книга Ахмада ибн-Фадлана ибн-Аббаса ибн-Рашида ибн-Хаммада, клиента повелителя правоверных, ... посла ал-Муктадира к царю славян...", датируемые 922 г., содержат не только более ранние, но и наиболее полные сведения о средневековых башкирах и их этническом названии. В указанной работе этноним *башкорт* 'башкир' представлен в форме *ал-башгрд* (*башгард*, *башкрд*)². Этническое название башкир в различных фонетических вариантах нашло отражение в работах и других средневековых исследователей Востока. Ср.: *баджгард* у ал-Масуди (X в.); *басхарт*, *башджард* и *башджарт* – у ал-Балхи (X в.); *башгырт* – у М. Кашгари (XI в.); *басджарт*, *басджирт* – у ал-Идриси (XII в.); *башджирт*, *баш-кирд* – у Якута (XIII в.); *башгарт* – у Казвини (XIII в.); *башкард* – у Димешки (XIV в.); *басджард* – у Абул-Фида (XIV в.) и др.³

Примерно с XIII в. этноним *башкорт* 'башкир' в формах *Bascard*, *Pascatur/Pascatir* находит отражение в европейских письменных источниках. В частности, в путевых записках и отчетах венгерских монахов Плано Карпини и Гильома де Рубрука, посетивших башкир Южного Урала в XIII в., этноним башкир зафиксирован в формах *Bascard*, *Pascatir*⁴.

После вхождения башкир в состав Московского государства, возможно, еще раньше, этноним *башкорт* 'башкир' в различных фонетических вариантах стал фиксироваться в русскоязычных письменных источниках. В частности, к 1573/74 гг. восходит Межевая грамота башкир Еланской волости, в которой этноним *башкорт* 'башкир' зафиксирован в форме *башкирцы*. Ср.: «...а по справке в Казанском губернском архиве со столпом 7115 года Уфимского уезду по прошению башкирцев разных волостей с поместных и вотчинских дел...»⁵.

Этноним башкир в форме *башкирец*, *башкирцы* был зафиксирован и в документах XVII–XVIII вв. В качестве примера можно привести несколько извлечений из документов, представленных в "Документах и материалах по истории башкирского народа".

Ср.: 24 июня 1775 г.

«//л. 75// № 179. ... Мухаммет в сказывании Емангулу, что услышал он Исецкой провинции Куваканской волости от башкирца Иркибая Утяганова, якобы киргисцы, переехав чрез брод, называемой Черной Яр, отогнали Исецкой провинции у башкирцов //л. 75// лошадей и пр.»⁶.

¹ Гарипов Т.М. Новые версии происхождения этнонима башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа : БФАН СССР, 1987. С. 4, 24–28.

² Ковалевский А.П. Книга Ахмада ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков : Изд-во Харьк. ун-та, 1956. С. 130.

³ Известия о Хазарах, Буртасах, Болгарах, Мадьярах, и Руссах "Ибн-Дастан" в первый раз перевел, издал и объяснил Д.А. Хвольсон. СПб., 1869. С. 112–114; Кашгари М. Диван Лугат ат-Турк (Свод тюркских слов). М. : Наука, 2010. С. 76; Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. С. 445–447; Гарипов Т.М. Новые версии происхождения этнонима башкорт // Башкирская этнонимия, Уфа : БФАН СССР, 1987. С. 5–6.

⁴ Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / переводы с латинского А.И. Малеина. М. : Издательство АН СССР, 1957. С. 57, 122.

⁵ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 15.

⁶ Там же. С. 313.

2 июня 1787 г.

«//л. 328// [№] 2. По жалобе исковой Бирской округи команды старшины Мусаля Муслюмова деревни Иликеевой сотника Аитькула Казбулатова, коей просил о сыску чрез кого надлежит одной же округи деревень Старой Балтасевой башкирцов Абдулхалика Елисанова, Мухамметрахима Ибраева, Мухамметшарыпа Мансурова, Ахтама Шарыпова, Абдулвахита Казбулатова и мещеряка Абдулзапара Билялова с товарищи...»¹.

29 мая 1788 г.

«[...] Слушали: [№] 1. По явочной жалобе Бирской округи Сунларской волости деревни Тоишевой башкирцов Айтугана Елтаннеева, Курманая Асилбаева в продаже их вотчинной земли вотченниками башкирцами старшиной Мусалем Муслюмовым, писарем Салихом Кутумаковым, сотником Азмеем Балтиным с товарищи без всякаго от них согласия Елдяцкой крепости казакам и о протчем, прося притом, чтоб им с той жалобы за надлежащим свидетельством дать копию, приказали: явочную жалобу и с нее указные пошлины дватцать пять копеек приняв, жалобу записать в книгу, приобщить с протчими в переплет, пошлины приходчику архивариусу Суворову записать же в приход, а просителям с сей жалобы с засвидетелством секретаря дать копию»².

Кроме лексем *башкирец*, *башкирцы* в русскоязычных документах XVII–XVIII вв. нашли отражение и такие названия, как *башкирин*, *башкурты*, *башкеритинин*, *башкирдец* и др.³

О происхождении этнонима *башкорт* ‘башкир’, как уже говорилось выше, существует около 40 версий. Наиболее ранние этимологии этнонима *башкорт* ‘башкир’ относятся к XVIII в. Одна из первых этимологий принадлежит известному исследователю Урала, историку XVIII в. В.Н. Татищеву, который, опираясь на распространенное среди башкир предание о волке-предводителе, происхождение этнонима возводит к общетюркскому *баш* ‘голова’ и огузскому *курт* ‘волк’⁴. Лексема *qurt* в значении ‘волк’, действительно, употребляется в огузских тюркских языках. Ср.: в азерб. *qurd* ‘волк’, туркм. *qurt* ‘волк’, турец. *qurt* ‘волк’, т. е. во всех основных языках огузской группы представлена лексема *qurt/qurd* в значении ‘волк’. Член академической экспедиции XVIII в. И.Г. Георги, опираясь на сведения ногайцев, а также легенды самих башкир, этноним *башкорт* возводит к общетюркским *баш* ‘голова’ и *курт/корт* ‘пчела’ и интерпретирует его как ‘главный пчеловод’ или ‘главный волк’⁵. Член-корреспондент Петербургской Академии наук П.И. Рычков, опираясь на башкирские легенды и легенды ряда других тюрков, происхождение второй части этнонима *башкорт* также возводит к огузской лексеме *qurt* ‘волк’. Он пишет о том, что когда ногайцы откочевали на Кубань, союзные им башкиры остались на Урале. Рассерженные на это ногайцы их обозвали *башкурт*, т. е. главный волк или вор⁶. У этнонима *башкорт* в XIX в. появляются новые версии. В 1847 году историк-краевед В.С. Юматов, поддерживая версию И.Г. Георги, пишет, что этноним *башкорт* состоит из двух частей: слов *баш* ‘главный’ и *корт* ‘пчела’. Тогда название *башкорт* обозначает пчеловода, хозяина пчёл. По версии В.М. Филоненко, этноним *башкир/башкорт* произошел от тюркского термина *баджа*, *бажа* в значении ‘свояк’ и этнонима *огур / угор*. В этом случае слово *башкорт / башкурт* можно этимологизировать как ‘свояк огуров / угоров’ или ‘свояк огуров или угров’⁷. Российский историк и этнограф А.Е. Алекторов в 1885 году выдвинул версию, по которой термин *башкорт* означает ‘отдельный народ’. По мнению башкирского ученого-этнографа XIX в. М.И. Уметбаева, в древности башкиры сами себя называли «баш унгар» («главный унгар»), позже «башгур» и позднее «башкурт»⁸. Согласно Д.М. Данлопу, этноним *башкорт* восходит к формам *bashgur*, *bashgur*, то есть ‘пять племён, пять огуров’. Так как *Ш* в современных тюркских языках соответствует болгарскому *Л*, следовательно, по мнению Данлопа, этнонимы *башкорт*

¹ Документы и материалы по истории башкирского народа (1574–1798). Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. С. 377.

² Там же. С. 378.

³ Материалы по истории Башкирской АССР. М. : Издательство АН СССР, 1949. С. 705; Корепанов Н.С. «Горная власть» и башкиры в XVIII в. Уфа : Гилем, 2005. С. 18.

⁴ Татищев В.Н. Собрание сочинений : В 8-ми томах : Т. 2–3. История Российская. Ч. 2 : Репринт с изд. 1963, 1964 гг. М. : Ладомир, 1994. С. 293.

⁵ Георги И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. : При Имп. Акад. наук, 1799. С. 85.

⁶ Рычков П.И. История Оренбургская. Оренбург : Оренбургский губ. стат. ком., 1896. С. 57–58.

⁷ Башкиры. Название башкир // Вестник Оренбургского учебного округа. Уфа, 1913. № 5. С. 168–169.

⁸ Уметбаев М.И. Башкиры // Ватандаш. 1998. С. 161.

(*bashgur*) и *булгар (bulgar)* эквивалентны¹. Известный востоковед XIX в. Л.З. Будагов также является сторонником тюркского происхождения этнонима *башкорт* 'башкир'. Он возводит лексику *башкорт / башкурт* к основам *баш* и *курт*, т.е. поддерживает сторонников тотемного происхождения этнонима. Он пишет о том, что *башкурт* означает 'волчья голова'².

Интерес к происхождению этнонима *башкорт* не угасал и в XX в. Особенно много исследований по этимологии этнонима *башкорт* появилось во второй половине XX в. Одни исследователи находили дополнительные материалы для доказательства уже высказанных версий происхождения этнонима, другие выдвигали новые взгляды. Так, например, известный этнолог Р.Г. Кузеев, собравший в середине XX в. богатый этнографический и фольклорный материал, связанный с культом волка у башкир, также возводит этноним к тюркским лексемам *баш* 'голова, главный' и *курт / курт* 'волк'³. По мнению этнографа Н.В. Бикбулатова, этноним *башкорт* берёт начало от имени известного по письменным сообщениям Гардизи (XI в.) легендарного военачальника Башгирда, обитавшего в первой половине IX века между хазарами и кимаками в бассейне реки Яик⁴. Историк А.Н. Усманов и языковед А.Г. Бишев слово *башкорт* разделили на три части – *баш* + *кор* + *т*, где *баш* означает 'главный', *кор* – 'круг' (совещание людей, сидящих по кругу, община), а окончание [-*т*-] является заимствованием из монгольского языка и означает множественное число⁵. Известный тюрколог Н.А. Баскаков слово *башкорт*, как и В.М. Филоненко, делит на две части: *бадж* в значении 'свояк' и *угор* – этноним, т.е. слово означает 'свояк угров'⁶. Согласно Дж.Г. Киекбаеву, этноним *башкорт* также состоит из двух частей. Первая часть этнонима восходит к общетюркской лексеме *беш* 'пять', вторая – к этнониму *уғыр / угор*. В современном башкирском языке этноним в этом случае можно интерпретировать как *биш уғыр* (для тюркской этнонимии употребление числительных с этнонимами имеет место быть. Ср: *otuz tatar, tokuz oguz* и др.). Далее этноним получил следующее развитие: *башгур – башкурт – башкорт*⁷. А.М. Азнабаев этноним *башкорт* делит на 3 части: *баш+уғыр / угор +т*. По его мнению, первая часть этнонима также является словом *биш* 'пять'. В этом случае этноним будет *биш+уғыр+т* (здесь *биш* – число 5, *уғыр* – название племени, *-т* – общеалтайский показатель множественности). Он сравнивает этимологию слова *башкорт* с происхождением этнонимов венгров (*vun + ugur*) и булгар (*bel/bul/bol + ugur/ugir*)⁸. Чувашский исследователь Ф.И. Гордеев этноним *башкорт* также делит на три части: *башк(а) + ар + т*. По его мнению, первая часть представляет собой название реки Башкаус, вторая часть – *ар* 'человек, мужчина', третья – окончание множественности *-т*, заимствованное из иранских языков. В этом случае этноним *башкорт* этимологизируется как 'люди, живущие вдоль реки Башкаус'⁹. Известный тюрколог Т.М. Гарипов склонен этноним *башкорт* 'башкир' возвести к лексемам *башка* 'другой, особый' и *урза* 'стан, лагерь, ханская ставка, войско, орда'. В этом случае этноним *башкорт* восходит к формам *башка + урза – башкурза – башкурт – башкорт*¹⁰. С индоиранскими лексемами *бача* 'сын, потомок' и *гург* 'волк' этноним *башкорт* 'башкир' связывает Р.М. Юсупов. Он считал, что этноним *башкорт*, интерпретируемый в большинстве случаев как «главный волк» на тюркской основе, в более раннее время имел ираноязычную основу в форме *бачагург*, где *бача* – 'потомок, ребёнок, дитя', а *гург* – 'волк'. Другой вариант этимологии этнонима *башкорт*, по мнению Р.М. Юсупова, связан также с иранским словосочетанием *бачагурд* и

¹ Цит. по: Гарипов Т.М. Новые версии происхождения этнонима башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа : БФАН СССР, 1987. С. 13.

² Будагов Л.З. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий. СПб., 1869. Т. 1. С. 228.

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. М. : Наука, 1974. С. 448.

⁴ Бикбулатов Н.В. Этноним башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 29–48.

⁵ Усманов А.Н. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа : Башгосиздат, 1949. С. 52–54; Бишев А.Г. Еще раз об этнониме "башкорт" // Проблема общности алтайских языков. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. С. 121–122.

⁶ Баскаков Н.А. О происхождении этнонима башкир // Этническая ономастика. М. : Наука, 1984. С. 13–18.

⁷ Кейекбаев Ж.Г. Башкорт теле тарихи грамматикаһының кайһы бер мәсьәләләренә ҡарата // Әҙәби Башкортостан. 1951. № 5. С. 49.

⁸ Азнабаев Ә.М. Тағы ла башкорт этнонимы тураһында // Ватандаш. № 6. 100–106-сы бб.

⁹ Гордеев Ф.И. О происхождении этнонима "башкир" // АЭБ. IV. Уфа : БФАН СССР, 1971. С. 314–317.

¹⁰ Гарипов Т.М. Новые версии происхождения этнонима башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа : БФАН СССР, 1987. С. 18–19.

переводится как 'потомок, дитя богатырей, витязей'. В этом случае *бача* переводится также как 'дитя, ребёнок, потомок', а *гурд* – 'богатырь, витязь'. После эпохи гуннов этноним мог измениться до современного состояния следующим образом: *бачагурд* – *бачгурд* – *бачгорд* – *башкорд* – *башкорт*¹. Из приведённых этимологий, на наш взгляд, заслуживает особого внимания точка зрения В.М. Филоненко, Н.В. Бикбулатова и других, возводящих этноним *башкорт* 'башкир' к личному имени легендарного хазарского военачальника первой половины IX в. Башгирду, который жил в бассейне реки Яик². Присоединяясь к данной точке зрения, следует отметить, что личное имя *Bashqurt / Basqurd* является одним из распространенных личных имён у тюрков. В разные эпохи это имя носили половецкий хан XII в. Башкурд, Башкорд или Башкард, хазарский военачальник Башгирд, средневековый мурза Башкир или Башкурт, мамлюкские эмиры Насретдин аль Насыри аль-Башкурди, Сенжар аль-Рюкна аль Башкорди, Ильмитдин аль Башкурди, турецкие и туркменские мужчины современности с именем или фамилией Башкурт, Башкурди, русские интеллигенты, имеющие тюркские корни, Башкирцевы и др. Изложенные факты, на наш взгляд, допускают возможность появления этнонима *башкорт* от личного имени, т. е. антропонима *Башкорт* или *Башкурт*. Образование этнонимов от личных имен – довольно распространенное явление в тюркской ономастике. Ср.: *ногай* от антропонима *Ногай*, *узбек* – от личного имени *Узбек*, *огуз* – от имени хана *Огуза* и др.

От этнонима *башкорт / башкурт*, возможно, и личного имени *Башкорт* образовано множество топонимов на территориях обитания тюрков. Ср.: название горы в Центральной Азии *Башхарт / Башкырт*, названия рек *Большая Башкирка* и *Малая Башкирка* в бассейне Иртыша, *Башкирень*, *Башгирд* в письменных источниках и др.³

Изложенные факты свидетельствуют о том, что в тюркских языках лексема *башкорт / башкурт* зафиксирована и как ономастическое, и как апеллятивное имя, которое встречается в самых разных памятниках самых разных эпох, в самых разных фонетических вариантах, что, безусловно, свидетельствует не только о древности указанной лексемы в тюркских языках, но и её устойчивости. Действительно, как уже говорилось выше, этноним *башкорт* 'башкир' известен с IX в., известен с того времени и его носитель – этнос, называемый *башкорт* 'башкир', который жил и живёт на своей исторической родине – Южном Урале, говорит на своём родном – башкирском языке, языке, сохранившем свои древние черты. Что же касается этимологии этнонима *башкорт* 'башкир', то она остаётся открытой.

© Ф.Г. Хисамитдинова, 2022

УДК 81:008

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ XIX – XXI вв. В РОССИИ

А.Р. Хурамшина
(ГАПОУ УТЭК, Уфа)

В настоящее время активно развивается относительно новое направление лингвистики лингвокультурология, которая возникла на стыке языкознания и культурологии и целью которой становится комплексное рассмотрение взаимосвязи и взаимодействия языка и культуры в их функционировании.

Существует несколько определений лингвокультурологии, которые представляются наиболее авторитетными, например:

¹ Юсупов Р.М. Этнология башкир на рубеже тысячелетий // Проблема этногенеза и этнической истории башкирского народа : материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа : ИИЯЛ УНЦ РАН, 2006. С. 95–101.

² Бикбулатов Н.В. Этноним башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа, 1987. С. 29–48.

³ Гарипов Т.М. Новые версии происхождения этнонима башкорт // Башкирская этнонимия. Уфа : БФАН СССР, 1987. С. 24–28.

1) лингвокультурология – комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового культурного содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей¹;

2) лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке²;

3) лингвокультурология – сравнительно молодая филологическая дисциплина синтезирующего типа, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и рассматривающая язык как воплощение культуры³;

4) лингвокультурология – дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанном с изучением национальной картины мира языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса⁴.

Общими чертами вышеперечисленных определений являются следующие: 1) подчеркнута характеристика лингвокультурологии как всеобъемлющей дисциплины; 2) исследование взаимосвязи языка и культуры через язык; 3) объектом изучения лингвокультурологии является культурная семантика языковых символов, которая формируется под воздействием языка и культуры.

Лингвокультурология в России представлена несколькими мощными научными школами, которые отличаются установками и особыми процедурами анализа. Московская лингвокультурологическая школа, представителями которой являются Н.А. Арутюнова, В.В. Воробьев, В.В. Красных, В.А. Маслова, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия и др., занимается лингвокультурным моделированием языка, культурной и этнической коннотативной семантикой фразеологизмов, выдвинула единицу лингвокультурного анализа (лингвокультурему). Волгоградская лингвокультурологическая школа, представителями которой являются В.И. Карасик, Е.И. Шайгал, Н.А. Красавский и в Краснодаре С.Г. Воркачев, разрабатывает культурный концепт и лингвокультурный типаж. Воронежская лингвокультурологическая школа, представителями которой являются З.Д. Попова, И.А. Стернин, В.Б. Кашкин, изучает национальное коммуникативное поведение. Кемеровская лингвокультурологическая школа, представителями которой являются А.В. Кравченко, В.А. Степаненко, изучает теорию концептуальной метафоры, анализирует концепты внутреннего мира человека.

Более подробно хотелось бы рассмотреть лингвокультурологическую школу Республики Башкортостан. Яркими представителями лингвокультурологического направления являются Л.Г. Саяхова, М.В. Зайнуллин, Л.Х. Самситова, Р.Х. Хайруллина, из молодых последователей научной школы Л.Х. Самситовой – Г.Р. Ижбаева, А.Р. Хурамшина, Р.Т. Акбулатова, А.Ю. Куланчин, Р.Р. Шафикова, Г.М. Байназарова и др.

Научные достижения профессора Л.Г. Саяховой связаны с разработкой новых направлений в области лексикографии, созданием учебников нового типа, разработкой новой лингвокультурологической концепции обучения русскому языку как родному и как государственному в школах Башкортостана, с созданием собственной научной школы в Республике Башкортостан. Очень широк круг её научных интересов. Это проблемы лингводидактики, лексикографии, лингвокультурологии, теории и методики преподавания русского языка в школах и вузах. Ею создана уникальная лингвокультурологическая методическая школа, которая пользуется в России авторитетом. Она внесла значимый вклад в разработку концепции интенсивного обучения русскому языку на коммуникативной основе, теории и практики составления словарей. Профессор Л.Г. Саяхова является автором тематического словаря русского языка, башкирско-русского и русско-башкирского учебного словаря и других словарей, и более 500 опубликованных научных работ, учебников, пособий и монографий. По книгам Л. Г. Саяховой почти сорок лет обучаются русскому языку многие поколения юных граждан РБ.

¹ Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы. М. : Изд-во РУДН, 1997. 331 с.

² Маслова В.А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М. : Академия, 2001. 208 с.

³ Там же.

⁴ Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология : курс лекций. М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. 284 с.

Учебник «Слово», написанный профессором, знает каждый школьник. Под ее руководством созданы элективный курс «Русский язык в диалоге культур», ставший победителем Всероссийского конкурса по созданию учебной литературы нового поколения для средней школы, программы и методические руководства к учебникам русского языка для 5–9 классов школ РБ с родным (нерусским) и русским (неродным) языком обучения.

Научные труды академика АН РБ М.В. Зайнуллина посвящены исследованию актуальных проблем тюркского и башкирского языкознания, грамматического строя башкирского языка, сопоставительного изучения башкирского и русского языков. В своих монографиях он предложил принципиально новый подход к определению сущности лингвистического статуса модальности как функционально-семантической категории, реализующейся в высказывании при помощи самых различных языковых средств. Ученый разрабатывал научную грамматику башкирского языка, лингвокультурологию.

Л.Х. Самситова вносит огромный вклад в развитие башкирской лингвокультурологии. В монографии «Реалии башкирской культуры. Словарь безэквивалентной лексики башкирского языка» (1999) произведено лексикографическое описание безэквивалентной лексики башкирского языка, в 2010 году разработана лингвокультурологическая концепция обучения башкирскому языку и родным языкам в образовательных учреждениях Республики Башкортостан, также под ее руководством ежегодно защищают кандидатские и докторские диссертации. Научная деятельность Р.Х. Хайруллиной посвящена лексикологии, фразеологии русского языка, лингвокультурологии, лингвофилософии и языковой картине мира, сопоставительному изучению разноструктурных языков, методике преподавания русского языка. В монографии «Фразеологическая картина мира: от мировидения к миропониманию» (2000) исследованы теоретические проблемы языковой картины мира, описанной путём тематико-идеографической систематики русского и башкирского фразеологизмов.

Таким образом, лингвокультурологическое исследование российских лингвистов сосредотачивает внимание на культурной функции языка и национально-культурной специфике языкового применения. Лингвокультурология представляет собой смежную дисциплину, касающуюся семантики, культуры и коммуникации. Исследование культурной информации в языке является неизбежным результатом развития лингвистики XIX–XX веков. Теоретико-методологические основы российской лингвокультурологии находятся еще на стадии формирования.

© А.Р. Хурамшина, 2022

УДК 811.512.141

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА

Л.М. Хусаинова

(БГПУ им. М. Акмуллы, Уфа)

В рамках данной статьи изучена история орфографии башкирского языка в послереволюционный период, так как в дореволюционный период башкиры пользовались общей письменностью – старотюркским языком, подчиняясь при этом общим правилам правописания. После создания собственно башкирского алфавита на арабской графике появились вопросы, касающиеся выбора орфографических норм, решением которых занимались ученые Академцентра и представители руководящих органов молодой республики. Первый проект орфографии утвержден в декабре 1923 г. и опубликован в 1924 г. (журнал «Яңы юл», 1924. № 1 (9). С. 28–30). Эта орфография после редакции Г. Вильданова публикуется в журнале «Белем»¹. Анализ башкирской орфографии на

¹ Вильданов Ф. Башкорт шиүәһендә ҙыуы, һәйләшеү өсөн белергә тейешле булған төп ҡағиҙәләр // Белем. 1924. № 1–2. 42–45-се бб.

арабской графике проведен в книге К.З. Ахмерова. Здесь мы ограничимся ссылкой на его работу¹. На основе этих орфографий в 1925 г. на арабской графике был издан первый учебник по морфологии башкирского языка, который можно рассматривать как первую башкирскую грамматику².

Вопросы орфографии обсуждались практически во всех инстанциях: сменявшиеся алфавиты на арабской, латинской, русской графиках, которыми пользовались башкиры, требовали разработки новых правил письма. Этой ответственной задачей занимались государственные органы. Так, в 20-х годах XX столетия эта обязанность возлагалась на Академцентр при Народном комиссариате просвещения БАССР. В составе центра было создано «Общество по изучению Башкирии» – предшественник Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы, который в этом году отметил свой славный 100-летний юбилей. Справедливым будет утверждение и о том, что свое столетие отмечают не только Институт, но и алфавит и орфография башкирского литературного языка, т.к. именно языковеды Общества (в дальнейшем преобразованного в Башкирский комплексный научно-исследовательский институт, Институт национальной культуры, Институт истории, языка и литературы) начали вплотную заниматься подготовкой алфавита, основ грамматики и орфографии вновь создаваемого нового башкирского литературного языка. Общество имело собственные печатные органы – «Башкирский краеведческий сборник» и «Башкорт аймағы», издававшиеся на двух языках. Эти издания хранят интересный материал не только по истории, этнографии, фольклору башкирского и других народов, но и о том, как происходил процесс организации гуманитарных исследований в республике. В частности, из публикаций видно, как Академический центр предпринимает попытки вовлечь в научно-исследовательскую деятельность массы школьников, студентов, публикуя анкеты для сбора этнографических, краеведческих, фольклорных материалов и образцов народного языка, организуя кружковую работу, создавая сеть своих помощников, волонтеров на местах³.

В 1925–1926 гг. наблюдается процесс перехода на латиницу, который проводился централизованно, вопросы орфографии этого письма решались коллегиально, поэтому далее историю формирования орфографических правил башкирского языка нужно рассматривать неразрывно с разработками данного вопроса в остальных тюркских языках. В 20-х г. советскими лингвистами (Л.В. Щерба, Н.Ф. Яковлев, Л.И. Жирков, А.Н. Самойлович, Б.В. Чобан-заде, Е.Д. Поливанов, А.А. Пальмбах, А.М. Сухотин, К.К. Юдахин и др.) были разработаны научные основы новых алфавитов и орфографий для тюркских языков СССР. В 1926 г. на I Всесоюзном Тюркологическом съезде (г. Баку) были заложены основы алфавита, терминологии и орфографии тюркских народов Советского Востока. От Башкортостана делегатом I Всесоюзного тюркологического съезда выступили Г.Ф. Вильданов (в регистрационной карте – Вильгаданов), Х.А. Габитов, К.А. Идельгужин, С.Г. Мрясов, З.Ш. Шакиров.

В декабре 1927 г. в Уфе проходит конференция по внедрению нового алфавита на латинице (яңалиф), который был рассмотрен еще в 1924 г. Этот алфавит объявляется государственным алфавитом республики 7 июля 1928 г., был составлен пятилетний план перехода на него. С 1928 / 1929 учебного года в школах начинают обучать на этой графике, хотя к этому времени правила башкирского письма и нормы литературного языка еще не были установлены. Первые учебники начинают издаваться с 1928 г. После утверждения норм орфографии в 1930 г. в Уфе под редакцией Г. Давлетшина увидел свет словарь «Башкорт теленең имлә һүзлеге»⁴, где представлена башкирская лексика на латинской графике. Языковедами Института продолжается работа над совершенствованием правил правописания, проводятся конференции, и в 1934 г. выходит

¹ Әхмәров К.З. Башкорт тәһһүһ тарихенән. Өфө : Китап, 2012. 50–62-се бб.

² Габитов Х., Таһиров М., Хангилдин В., Вилданов Ф. Башкорт теленең сарыфы. Казань : 3-я Гостипография имени Камиле Якуб, 1925. 56-сы б.

³ Рахматуллина З.Я. 100-летний юбилей Ордена Знак почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН: историческая ретроспектива, этнокультурный потенциал, достижения и научный взгляд в будущее // Известия Уфимского научного центра РАН. 2022. № 2. С. 29–37 [Режим доступа: <http://journal.ufaras.ru/wp-content/uploads/2022/06/29-37.pdf> (дата обращения: 08.09.2022)].

⁴ Дәүләтшин Ф. Башкорт теленең имлә һүзлеге / Давлетшин Г. Орфографический словарь башкирского языка / под ред. Х. Абдрашитова. Уфа : Башгиз, 1930. С. 167.

обновленное второе издание орфографии на латинице. Следующие поправки были внесены в 1938 г., 1939 г., но, в связи с началом перехода на русскую графику, они не были введены в практику.

Актуальность изучения башкирской орфографии возобновляется после выхода Постановления от 21 апреля 1939 г., согласно которому была организована комиссия, в обязанности которой вошла разработка новой орфографии башкирского языка на основе кириллицы. 8 мая 1939 г. прошло первое заседание, где обсуждали представленный директором Научно-исследовательского института языка и литературы им. М. Гафури А.Н. Усмановым проект нового алфавита и орфографии. Протоколом № 1 от 8 мая 1939 г. комиссия постановила практически все буквы – знаки русского алфавита оставить без изменения в башкирском алфавите, добавить недостающие в русском алфавите знаки для специфических звуков башкирского языка. Постановлением бюро Башкирского обкома ВКП(б) от 21 сентября 1939 г. утвержден проект алфавита и орфографии башкирского языка на основе русской графики, представленный комиссией обкома ВКП(б)¹.

Переработанные и уточненные Институтом языка и письменности АН СССР «Алфавит и орфография башкирского литературного языка» были утверждены 2 ноября 1939 г. В документе указаны основные принципы алфавита и орфографии башкирского языка, представлены правила правописания гласных, согласных, слов, частиц, окончаний². Окончательный вариант орфографии башкирского литературного языка был утвержден указом Президиума Верховного Совета БАССР 23 ноября 1939 г.³

В декабре 1940 г. в Башкирском научно-исследовательском институте языка и литературы им. М. Гафури прошла Республиканская научная конференция «О путях дальнейшего развития башкирского литературного языка», в работе которой приняли участие более 150 специалистов из разных регионов страны, в том числе представители Москвы, Казани. Были заслушаны доклады секретаря обкома ВКП(б) Р.У. Кузыева «О развитии башкирского литературного языка», научного сотрудника Института языка и письменности АН СССР Н.К. Дмитриева «О принципах построения научной грамматики башкирского языка», башкирских языковедов К.З. Ахмерова «О синтаксисе и пунктуации башкирского литературного языка», З.Ш. Шакирова «О фонетике и морфологии башкирского литературного языка», Т.Г. Байшева «О диалектах башкирского языка», Н.М. Минигалеева «О научных принципах орфографии башкирского языка» и др.⁴

В своем докладе Н.К. Дмитриев поднял вопрос о буквах 'я', 'ю', 'е', 'ё', которые в башкирском языке должны были обозначать как твердые, так и мягкие варианты: например, буква 'я' должна обозначать сочетание звуков [й+а] и [й+э], буква 'ю' должна обозначать сочетание звуков [й+у] и [й+ү], буква 'ё' должна обозначать сочетание звуков [й+о] и [й+ө]. По данному вопросу возникло разногласие: группа участников конференции, поддержавшая данное предложение, утверждала, что в этом случае будет достигнуто единообразие в передаче сочетаний звуков в башкирском и русском языках. Другая группа участников выступила против этого предложения, аргументируя свою точку зрения тем, что в башкирском языке довольно много слов, имеющих в составе слова сочетание таких звуков, как [й+э], [й+ү], [й+ө], а также [й+о]. Кроме того, артикуляционные характеристики звуков [а], [о] в русском и башкирском языках отличаются. После конференции вопросы правописания гласных звуков башкирского языка были рассмотрены повторно учеными Научно-исследовательского института языка и литературы им. М. Гафури, был составлен обновленный проект орфографии и отправлен в Институт языка и письменности АН СССР, который предлагал придерживаться следующих принципов при составлении национальных алфавитов на основе русской графики:

1) в национальных алфавитах буквы русского алфавита должны употребляться в тех же значениях, в которых представлены в русском алфавите;

¹ Южноуральский археографический сборник. Уфа : ИИЯЛ БФ АН СССР, 1976. С. 183.

² ЦГА БАССР. Ф. 798. Оп. 1. Д. 5442. Л. 9–17, 23–24. Подлинник // Южноуральский археографический сборник. Уфа : ИИЯЛ БФ АН СССР, 1976. С. 187.

³ Отдел языкознания с лабораторией лингвистики и информационных технологий. История отдела [Электронный ресурс] // rihll.ru – официальный сайт ИИЯЛ УФИЦ РАН [Режим доступа: http://modernlib.ru/books/shishkin_mihail/venerin_volos/read]. (дата обращения 28.09.2018)].

⁴ Тикеев Ф.С. Башкирское языкознание: становление и история развития (1900–1950). Т. 1. Уфа : Гилем, Башкирская энциклопедия, 2013. С. 169.

2) для специфических звуков национальных языков необходимо ввести отдельные буквы;
3) в алфавитах народов СССР, основанных на русской графике, должна быть проведена унификация.

Ученые Научно-исследовательского института языка и литературы им. М. Гафури продолжили работу над уточнением значений букв 'я', 'ю', 'е', 'ё'. Например, если буква 'я' будет использоваться для обозначения сочетания звуков [й+а] и [й+э], тогда, вследствие расширения значений буквы, не будет выполняться пункт 1 предложений Института языка и письменности АН СССР. В результате было принято следующее решение: в состав башкирского алфавита включить 32 буквы русского алфавита (первоначально не включена буква 'ё'), для обозначения звуков башкирского языка ввести 9 букв. Две буквы сохранили свои функции как в русском языке: буква 'я' будет употребляться только для обозначения сочетания звуков [й+а], 'е' – только для обозначения сочетания звуков [й+э]. Функция буквы расширилась: 'ю' будет употребляться для обозначения звуков и [й+у], и [й+ү]. В результате этих предложений в башкирских словах сохранилось написание сочетаний звуков [й+о], [й+э] отдельными буквами: *йола* (обычай), *йомро* (круглый), *бойорок* (приказ), *йәшел* (зеленый), *йәш* (возраст; молодой).

Практическое употребление правил правописания 1939 г. показало следующие недостатки, которые оставили место для разнотипного оформления некоторых слов на письме.

1. Не было регламентировано правописание безударных гласных между сонорными (и не только) согласными, которые в результате редукции теряли свои артикуляционные качества, поэтому в средствах массовой информации наблюдались две формы написания таких слов: *бойрок* – *бойорок* (приказ), *халкы* – *халығы* (его народ), *бурке* – *буреге* (его шапка), *хәрфе* – *хәрефе* (его буква), *исме* – *исеме* (его имя).

2. Согласно орфографии, твердый или мягкий вариант окончаний определялся по гласному звуку последнего слога, следовательно, к словам *Папанин*, *эфир*, *отряд*, *билет* нужно добавить окончание с гласным переднего ряда: *Папанингә* (Папанину), *эфирзә* (в эфире), *отрядтә* (в отряде), *билеттә* (на билете).

3. Не регламентирован вопрос правописания составных собственных имен, состоящих из нескольких компонентов. Согласно правилам, все слова составных собственных имен должны быть написаны с прописной буквы, например, *СССР Верховный Совете* (Верховный Совет СССР), *Борай Ауыл Совете* (Бураевский Сельский Совет). Но в средствах массовой информации с прописной буквы писали все слова в наименованиях высших органов, в остальных случаях – с прописной буквы писали только первое слово собственного имени или наименования организации: *СССР Верховный Совете* (Верховный Совет СССР), *Борай ауыл совете* (Бураевский сельский совет)¹.

В дальнейшем некоторые правила орфографии были уточнены и дополнены. Большое внимание было уделено правописанию собственных имен. По первоначальному варианту при добавлении окончаний к собственным именам на *-ий* и *-ый* утрачивался последний *-й*: *Горький* – *Горькизе* (Горький – Горького). Было решено придерживаться морфологического принципа и сохранить полную форму имен собственных: *Горькийзе*. По поводу наименований организаций было решено писать с прописной буквы каждое слово в названиях высших государственных и партийных организаций, в остальных случаях – с прописной буквы нужно писать только первое слово: *КПСС Узак Комитете* (Центральный Комитет КПСС), *РСФСР Верховный Совете* (Верховный Совет РСФСР), *Башкорт АССР-ы Верховный Совете* (Верховный Совет БАССР), *Стәрлетамак педагогия институты* (Стерлитамакский педагогический институт), *Борай район башкарма комитете* (Бураевский районный исполнительный комитет), *Туғай ауыл совете* (Тугаевский сельский совет).

Внесены уточнения в правописание сочетаний *-ый*: если первоначально в словах *хыял* (мечта), *ихтияр* (сила воли), *хыянат* (измена) писали *-и-* (*хиял*, *ихтияр*, *хиянат*), то теперь предполагалось писать через *-ы-*, а в словах *сыйфат* (качество), *сыйныф* (класс), *сыйрак* (голень) предложено писать *-и-* (*синиф*, *сифат*, *сирак*).

Регламентированы случаи присоединения окончаний к заимствованным словам на *-нг*, *-нк*, *-оск*, *-уск*, *-иск*. Согласно правилам 1939 г., при прибавлении окончаний в инлауте между основой и

¹ Әхмәров К.З. Башкорт ызыуы тарихенән. Өфө : Китап, 2012. 93-сө б.

аффиксом ставили *-ы-*, кроме случаев прибавления окончаний множественного числа. Предложено было во всех случаях писать *-ы-*: *банкыһы* (его банк), *банкылар* (банки), *банкынан* (из банка).

Все эти уточнения и дополнения были изучены учеными-языковедами, учителями-практиками, а также была проведена разъяснительная работа среди населения на страницах печати. 15 ноября 1941 г. Президиум Верховного совета БАССР утвердил дополнения к орфографии. На основе этого материала К.З. Ахмеров подготовил большую статью и опубликовал в газете «Кызыл Башкортостан» от 31 декабря 1941 г. В 1942 г. этот дополненный и уточненный вариант орфографии был издан отдельной брошюрой¹. К.З. Ахмеровым в том же году был подготовлен первый орфографический словарь башкирского языка на кириллице, который был дополнен в виде приложения статьей «Основные правила правописания»².

В последующее десятилетие было продолжено выявление спорных вопросов в орфографии башкирского языка следующего характера:

- 1) возникла необходимость введения в башкирский алфавит буквы 'ё', так как в башкирском литературном языке есть русские заимствования с этой буквой (*вахтёр, шахтёр, щётка*);
- 2) необходимо было устранить разноречие в написании заглавных букв;
- 3) наличие большого количества сложных слов башкирского языка на практике приводило к разным вариантам оформления их на письме;
- 4) не все случаи употребления заимствованных слов были регламентированы в вопросе аффиксации и т. д.

После изучения этих и других вопросов была подготовлена новая редакция орфографии башкирского языка, которая утверждена Президиумом Верховного Совета БАССР 23 ноября 1950 г. Отдельной брошюрой этот свод правил вышел в 1951 г.³ Орфография 1950 г. состояла из нескольких разделов, которые объединили 69 правил, 36 из которых посвящены правописанию отдельных букв. Эта орфография выгодно отличается тем, что здесь в отдельных пунктах рассматриваются правила правописания имен существительных, имен прилагательных и наречий, глаголов, служебных слов. Правописанию окончаний и прописной буквы посвящены также отдельные пункты.

Практика применения предложенных правил правописания показала некоторые их недостатки, связанные, с одной стороны, с употреблением тех или других букв на письме и, с другой стороны, связанные с особенностями употребления имеющихся и вновь заимствованных слов в потоке речи, например, при склонении. Кроме этого, орфоэпия башкирского языка сильно влияла на орфографию. Так, трудности возникли при употреблении в башкирских словах буквы 'ю', которая в башкирском языке в то время обозначала сочетание двух пар звуков: [й+у] и [й+ү] (для сравнения: в башкирском языке буквы я [й+а], е [й+э], ё [й+о] употреблялись для обозначения только одной пары звуков). В таких словах, как *юкә* (липа), *юл* (дорога), *юрған* (одеяло), *югерә* (бежит) указателем на твердость или мягкость гласного служил гласный звук соседнего слога: *юкә* – буква 'ю' передает сочетание звуков [й+ү], так как далее идет слог с гласным переднего ряда [йүкә], *юрған* – буква 'ю' передает сочетание звуков [й+у], так как далее следует слог с гласным заднего ряда. Если речь идет об омонимичных словах, например, *юн* (*юныу* – тесать) и *юн* (толк), то во втором случае в конце ставился мягкий знак как указатель мягкости гласного звука: *юн [йун]*, *юнь [йүн]*.

Правила прибавления окончаний к заимствованным словам, согласно которым в аффиксальных морфемах артикуляционная характеристика гласного звука по ряду определялась по последнему слогу слова, сильно противоречили нормам орфоэпии. Такие слова, как *шағирзәр* (поэты), *химиктәр* (химики), *классиктәр* (классики), *ударниктәр* (ударники), *большевиктәр* (большевики), *активкә* (активу), *коллективкә* (коллективу), *пионерзәр* (пионеры), *орденле* (имеющий орден), *коммунизмгә* (к коммунизму), *ленинизмдең* (ленинизма), *совет власе* (советская власть) в потоке речи употреблялись с окончаниями, имеющими гласный заднего ряда: *шағирзәр, химиктар, классиктар, ударниктар, большевиктар, активка, коллективка, пионерзәр, орденлы, коммунизмға, ленинизмдың, совет власы*.

¹ Башкорт әзәби теленең алфавите һәм орфографияһы. Өфө : Башгосиздат, 1951. 24 б.

² Әхмәров К.З. Башкорт әзәби теленең алфавиты һәм орфографияһы. Өфө : Башгосиздат, 1942. 191 б.

³ Башкорт әзәби теленең алфавите һәм орфографияһы. Өфө : Башгосиздат, 1951. 27-се б.

Последние изменения в башкирскую орфографию были внесены в 1981 г. лингвистами под руководством кандидата филологических наук, научного сотрудника Института истории, языка и литературы А.Г. Биешева¹. Орфография 1981 г. состоит из пяти разделов, разбитых на 35 параграфов. Необходимо указать на то, что при уточнении и внесении дополнений в этот свод правил о правописании наблюдается унификация, как минимум, в пределах самих правил. Так, приведено в единую форму употребление букв 'я', 'е', 'ю', 'ё', которые обозначают только по одной паре сочетания звуков. Сочетания звуков [й+ү], [й+ә], [й+ө] передаются на письме отдельными буквами: *йүкә* (липа), *йәшел* (зеленый), *йөрәк* (сердце). В результате ограничилось употребление мягкого знака 'ь': не было необходимости указывать мягкость гласного звука. Согласно нормам орфоэпии, на письме при прибавлении окончаний к заимствованным словам необходимо ориентироваться на артикуляционную характеристику последнего звука, а не на гласного последнего слога: если слово оканчивается на твердый согласный, то прибавляется аффикс с гласным заднего ряда. Правописание окончаний в заимствованных словах определялось по артикуляции последнего звука, а не по гласному последнего слога. Такое уточнение приблизило орфоэпическую норму к орфографии, так как слова, написанные, согласно орфографии 1939 г., как *тарихе* (его история), *совете* (его совет), произносились как [тарихы], [савэты]. По новым правилам их писали так же, как произносили: *тарихы, советы, тибы*.

Необходимо отметить и те правила, которые остались только в своде законов, но не нашли практического применения, хотя они вполне выполнимы. Так, согласно правилу Б. 2 § 33, при прибавлении аффиксов к словам, написанным в кавычках, аффикс не выносится за кавычки: «*Башкортостан кызында*» сыккан мәкәлә (статья, вышедшая в «Башкортостан кызы»), «*Ысын кеше тураһындағы повесты*» укыным (прочитал «Повесть о настоящем человеке»). На практике в современном башкирском языке принято писать в кавычках только название, а аффиксы ставятся после кавычек без пробела: «*Башкортостан кызында сыккан мәкәлә, Ысын кеше тураһындағы повесты*» укыным.

Таким образом, завершая изучение истории орфографии башкирского языка, следует отметить, что она прошла довольно долгий и сложный путь развития. Процесс более детального изучения вопросов орфографии башкирского языка приобретает особую активность после перехода на русскую графику письма. В целом наблюдается практическая направленность всех тех дополнений и уточнений, которые, безусловно, способствовали более широкому распространению нового алфавита и орфографии, а также повышению грамотности населения, что положительно отразилось на развитии башкирского языкознания, но орфография как неотъемлемая часть письменной формы литературного языка не может оставаться неизменной и требует дальнейшего изучения.

© Л.М. Хусаинова, 2022

---

¹ Концепция совершенствования норм современного башкирского литературного языка // Проблемы совершенствования норм башкирского литературного языка : материалы Межрегиональной научно-практической конференции. Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. С. 181.

УДК 811.512.156

ТУВИНСКИЙ ЯЗЫК НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СИБИРИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Л.А. Шамина
(ИФЛ СО РАН, Новосибирск)

Историческая лингвистика, первоначально имевшая целью исключительно реконструкцию праязыка, на новом витке, во второй половине XX в., обратилась к исследованию языковых изменений. До недавнего времени лингвисты полагали, что процесс языковой эволюции трудно описать, потому что он очень медленный, мы не можем его наблюдать непосредственно, а можем констатировать только результат этого процесса. Именно поэтому многие лингвисты считали необходимым отвлечься от «чисто социальных» вариантов языка (стилей и пр.) и плохо структурируемых нюансов и сосредоточивали свое внимание на языковом ядре и наиболее явных случаях. Периферийные явления языка, как раз обычно связанные с языковыми изменениями, оставались за пределами анализа. Важным достижением лингвистики конца XX в. было осознание необходимости учета языковых контактов, которые во многих случаях помогают обосновать произошедшие изменения в языковой системе. Однако широкомасштабные исследования затрудняются отсутствием документированных данных, свидетельствующих о наличии языковых контактов, в частности, особенно для периодов далекой исторической ретроспективы. Особенно трудновыполнимыми такие задачи являются для бесписьменных, слабо документированных языков.

Скорость языковых изменений в наибольшей степени обусловлена внешними причинами: комплексом социальных и демографических обстоятельств существования данного этноса. Чем выше сила сплоченности этнической группы, тем меньше подвергается инновациям ее язык, который в этом случае больше нацелен на выполнение функции средства групповой самоидентификации. Противоположным образом в языковые контакты вступают языковые сообщества, имеющие ослабленные внутриэтнические связи. Языковые изменения в таких этносах происходят быстрее. Кроме того, общество может быть внутренне крепко спаянным вследствие языковой общности, в противопоставленность обществу со слабыми связями, в том числе и обусловленными наличием многочисленных диалектов. Формирование диалектной системы любого языка зависит от целого ряда экстралингвистических факторов: исторических, природных, социальных, этнического состава населения определенных территорий и др.

Обратимся к тувинскому языку, хотя прямых письменных источников, указывающих на формирование местных разновидностей языка, нет, т.к. тувинский язык младописьменный, существуют другие различные источники, дающие возможность определить ретроспективу. Так, например, экзогамность браков способствовала этнической и языковой консолидации, закреплению территорий за родоплеменными группами и др. Переход на оседлость изменил условия жизни, но традиционные территории расселения этнических групп сохранялись. «Все эти условия обеспечили однородность тувинского языка в диалектном отношении, за исключением тех местных разновидностей языка, которые были распространены в труднодоступных и административно отдаленных местах»¹. Процентное соотношение русскоязычного и коренного населения благоприятствовало переходу на массовый тувинско-русский билингвизм. С течением времени ряд причин экономического характера (упадок и закрытие промышленных предприятий, выезд, по этой причине, пришлого русскоязычного населения за пределы республики) способствовал формированию моноязычия в западных (за исключением г. Ак-Довурак) и южных районах, оставшихся без носителей русского языка. Как отмечает М.В. Бавуу-Сюрюн², в конце XX – начале XXI века с началом массовой миграции тувинского населения в столицу республики г. Кызыл и его окрестности, существование и сохранность исторически сложившихся территорий проживания

¹ Бавуу-Сюрюн М.В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. С. 6.

² Там же. С. 7.

этнических групп претерпели изменения, что, конечно, не могло не повлиять на витальность диалектов и говоров тувинского языка.

Безусловно, размер этнической группы явным образом не влияет на скорость языковых изменений: имеются примеры как большей скорости для малых этнических групп, так и для больших. Однако известно также, что чем меньше языковое сообщество, тем большая вариативность языковых средств для него характерна, поскольку любая инновация быстро охватывает весь языковой коллектив¹. Кроме этого, чем больше количество языковых контактов, тем слабее связи внутри группы и выше скорость языковых изменений.

Языки малочисленных народов под давлением европейских языков подвергаются эрозии, переходят в разряд исчезающих. Интересные выводы были получены в результате широкомасштабного исследования, проведенного в 1970–1980-е гг. А.А. Дарбеевой². Автор описывает языковые контакты монгольских языков и диалектов между собой и с иноструктурными языками (в частности, с русским) и приходит к выводу, что различия между бесписьменными (изолированными, островными) и литературно-письменными монгольскими языками более четко прослеживаются при контактах с иноструктурными языками³. В литературно-письменных монгольских языках при контактах с иноструктурными языками, например, в бурятском и калмыцком под влиянием русского языка, происходит активизация потенциальных возможностей, не сопровождающаяся заменой или вытеснением исконных структурных элементов⁴. Социальное и историческое окружение и культурная история составляют важный фон, который может менять результаты языковых контактов. Некоторые из этих параметров имеют наиболее важное значение для результатов языковых контактов.

Оценивая современную лингвистическую ситуацию с точки зрения историко-культурных связей в Туве и за ее пределами, М.В. Бавуу-Сюрюн выделяет территории контактов с другими языками: монгольским, русским, казахским, алтайским, хакасским, тофаларским. Результаты таких контактов особенно заметны на лексическом уровне, меньше всего на фонетическом и грамматическом. Контакты с близкородственными кочевыми народами – казахами и алтайцами – оставили след в территориальных разновидностях тувинского языка в виде отдельных слов⁵. Заимствованные лексические элементы, некоторые грамматические формы противопоставляют диалекты литературному языку.

Исследование изменений в структуре, семантике и функционировании синтаксиса сложного предложения (СП) с начала XX в. до настоящего времени позволяет заключить, что для художественных текстов тувинской литературы разных периодов характерна тенденция к сохранению употребления СП. В текстах нами отмечены все виды сложного предложения (сложносочиненные, сложноподчиненные и многочленные (усложненные)⁶. Подтверждается факт соответствия семантики и структуры сложной конструкции⁷: чем тоньше смысловые оттенки, передаваемые той или иной моделью, чем богаче ее семантика, тем сложнее оказывается и формальная организация как конструкции, так и скрепы, связывающей предикативные единицы

¹ Nettle D. Linguistic Diversity. Oxford : Oxford University Press, 1999. P. 139.

² Дарбеева А.А. Влияние двуязычия на развитие изолированного диалекта: на материале монгольских языков. М. : Наука, 1978. 210 с.; Она же. Русско-монгольские языковые контакты в условиях двуязычия. М. : Наука, 1984. 191 с.; Она же. Проблемы контактов монгольских языков с иноструктурными языками в социолингвистическом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. 33 с.

³ Дарбеева А.А. Проблемы контактов монгольских языков с иноструктурными языками в социолингвистическом освещении : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1985. С. 19.

⁴ Там же. С. 20.

⁵ Бавуу-Сюрюн М.В. История формирования диалектов и говоров тувинского языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Новосибирск, 2018. С. 25.

⁶ Шамина Л.А. Изменения в структуре, семантике и функционировании аналитических конструкций сказуемого в тувинских текстах (с конца XIX в. до настоящего времени) // Сибирский филологический журнал. 2015. № 1. С. 181–192.; Катанов Н.Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня. Казань : Типо-литография Императорского университета, 1903. 1524 с.; Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. СПб., 1866.

⁷ Структурные типы синтетических полипредикативных конструкций в языках разных систем. Новосибирск : Наука, 1986. С. 15.

монофинитных бипредикативных конструкций (БПК). Характерной особенностью тувинского синтаксиса является преобладание СП синтетического и синтетико-аналитического типа. В художественных текстах доминируют БПК, представляющие основу синтаксиса сложного предложения тувинского языка. Следующими по употреблению являются сложносочиненные предложения; многочленные сложные предложения (сложные периоды) представлены в романах классиков тувинской прозы.

Синтаксис фольклорных произведений как традиционного жанра остается устойчивым. Прежде всего сохраняется ядро темпоральных и каузальных конструкций. Кроме того, в фольклорных и современных текстах тувинского языка также представлены БПК, выражающие диктум-диктумные, модус-диктумные и релятивные отношения.

В заключение повторим известное всем утверждение о том, что языки коренных народов в областях их традиционного проживания (автохтонные), имеющиеся на территории Сибири, принадлежат к разным семьям и макросемьям и находятся в постоянном взаимодействии. Результат этого взаимодействия и характеризует лингвистическую ситуацию региона в каждый конкретный период времени. Локально каждый из языков имеет собственное окружение и свою историю контактов с другими языками Сибири. Все они, в том числе и тувинский, находятся в примерно равных условиях по отношению к русскому языку, государственному языку России, который, несомненно, оказывает наиболее сильное влияние на все языки Сибири. Поскольку тувинский язык не имеет длительной письменной истории, материалы диалектов и говоров являются одним из важнейших источников для его истории и исторической грамматики. Кроме этого, новое лингвистическое знание предполагает новые взгляды на формы тувинского языка и отношения между ними. Тем самым требуется и новая структура грамматики тувинского языка. Традиционный взгляд на уже известные факты – не единственно возможный, а отсюда открываются новые пути движения лингвистической мысли – не только вширь, к новым, ранее не замеченным фактам, но и вглубь, к выявлению новых связей между известными фактами, к раскрытию механизмов и закономерностей жизни, функционирования языка. Особое внимание нужно уделять созданию единого и доступного для исследователей фонда электронных диалектных материалов.

Традиционные лингвистические методы анализа текста в сочетании с методами корпусной лингвистики позволяют ускорить процесс обработки материала и повысить качество анализа, объективность и достоверность получаемых результатов.

© Л.А. Шамина, 2022

УДК 811.512.156

РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА

М.М. Шаханова
(ДФИЦ, Махачкала)

Сложившиеся в отечественной этносоциологии и западной антропологии концепты показывают ключевую роль этноопределителя «национальный язык» в воспроизводстве этнической идентичности, поэтому можно согласиться с утверждением, что «язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса»¹. На важную роль культурного компонента указывал Н.А. Бердяев, считая, что «культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, т. е. национальная»², что предполагает характерность каждой культуре собственной этнокультурной специфики, которая в основном проявляется именно через

¹ Толстой Н.И. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. : Изд-во «Индрик», 1995. С. 34.

² Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Мысль, 1990. С. 85.

национальный (родной) язык. Иными словами, в процессе межнационального общения происходят этническое окрашивание, становление, формирование ценностей, национальных интересов, этнического поведения и т. д. Точно так же любой язык – абсолютное основание национальной культуры, фундамент этничности. В этой связи можно предположить, что одним из основных факторов в развитии родных языков титульного населения республик России (региональных или республиканских языков) и национальных меньшинств выступают повышение языкового сознания народов и значимость национального (родного), которое «означает осознанное, заинтересованное отнесение себя к этноязыковой общности, ориентацию на включенность в языковую среду этноса, готовность к действиям и реальные действия во имя сохранения и развития родного языка, этноязыкового воспроизводства народа. Функциональное восстановление языка в полном объеме, обеспечение его широкого распространения среди всей этнической общности может быть достигнуто, прежде всего, усилиями самого народа – превращением потенциальных носителей языка в активных пользователей им»¹. Поэтому «приобщенность к важнейшему признаку этнической культуры – к национальному языку как хранителю и ретранслятору духовных ценностей, выражающему менталитет и характер народа, национальные чувства, усиливает у его носителей ощущение принадлежности к определенному этносу, формирует национальное самосознание, без которого нет самой этносоциальной общности. Вот почему велика и непреходяща роль родного языка в этническом становлении и социализации каждой личности»². Более того, национальная культура и язык идентифицируют человека с определенным этническим образованием (нация, этническая группа и т. д.), соответственно, усиление роли национального языка в современный период развития российского общества во многих его регионах – процесс закономерный. Иными словами, одним из важнейших символов, который в полной мере характеризует этническое образование, является национальный язык как ядро его духовной жизни, при этом значение национального языка возрастает при наличии написанных на нем сакральных текстов. Кроме того, «этнографический материал показывает, что горцы, спустившиеся на равнину, потерявшие привычную территорию проживания, оказавшиеся в иной этнической среде, продолжают стойко считать себя частицей того народа или этнической группы, к которым они принадлежали. У компактно поселившихся переселенцев родной язык играет важную роль в объединении, сближении людей, сохранении этнического самосознания»³.

Дифференциация элементов по интенсивности проявления в них этноидентифицирующей функции каждого может служить основой для сопоставления качественно различных моделей этнического самосознания. Так проявляется возможность для сравнительной характеристики этноидентифицирующей функции языка с аналогичной функцией других элементов этноса. В одном случае в этом плане язык может сопоставляться с элементами, характерными для данного этноса. Например, что больше сближает человека со своей этнической общностью: родной язык, национальная одежда, национальная пища и т. д.? В другом случае этноидентифицирующие функции элементов этноса будут сравниваться с аналогичными функциями элементов другого этноса⁴.

Социологический опрос по изучению языкового сознания и языкового поведения городского населения Дагестана проведен в 2021 г. в гг. Дербент, Каспийск, Махачкала, Кизляр, Хасавюрт. N = 521. Методом исследования являются массовое стандартизированное анкетирование и анализ эмпирических данных. Для сравнительного анализа используются результаты социологического исследования, проведенного в 2009 г. в Казбековском, Карабудахкентском, Хасавюртовском, Унцукульском, Каякентском районах и гг. Махачкала, Хасавюрт, Кизилюрт. N=523. Из общего массива опроса 2009 г. выделен подмассив городского населения.

В рамках исследования языкового сознания и поведения городского населения был задан вопрос «Какие из признаков объединяют Вас с представителями Вашего народа?», позволяющий показать вес национального языка в идентификационном процессе. Полученные результаты

¹ Гарипов Я.Г. Языковое развитие полиэтнического региона // Социологические исследования. 2012. № 4. С. 68.

² Тухватуллин Р.М. Язык как национальная ценность // Социологические исследования. 1997. № 8. С. 49.

³ Традиционное и новое в современном быте и культуре дагестанцев-переселенцев. Махачкала, 1988. С. 231.

⁴ Губогло М.Н. Современные этноязыковые процессы в СССР. М. : Наука, 1984. С. 269.

исследования показывают, что подавляющая часть опрошенных по этнической принадлежности и социально-демографическим признакам обозначает национальный язык как важнейший маркер самоидентификации (60,8%), однако по значимости он располагается на втором месте, пропустив, с небольшой разницей, вперед признак «национальные традиции и обычаи» (61,6%). С заметным отрывом на третьем месте располагается этноопределитель «религия» (40,0%), в сравнении выделяется подмассив опрошенных чеченцев, который поставил данный идентификатор на 1 место (55,2%). Кроме того, обращает на себя внимание уменьшение ценности параметра «религия» при воспроизводстве этнической идентичности с повышением возраста и уровня образования опрошенных горожан. Далее признаком воспроизводства этнической идентичности для одной третьей части опрошенных горожан является «совместная жизнь на определенной территории». Следующим этнообъединяющим признаком для городского населения Дагестана является «историческое прошлое», которое важно для одной трети опрошенных лезгин, каждому четвертому в подмассиве кумыков и чеченцев, а также возрастным подгруппам «до 20 лет» и «от 40 до 60 лет», имеющим среднее и высшее образование. Почти на одинаковых позициях находятся 2 суждения – «национальная литература, творчество, музыка» (18,0%) и «историческая территория моего народа» (18,1%). Признак «национальная литература, творчество, музыка», в сравнении с другими подгруппами, важен для респондентов старшего поколения («от 60 лет и старше» – 37,5%), а «историческая территория моего народа» обозначена респондентами со средним образованием (одна четвертая часть).

Исследователи изначально подвергают скепсису психологическое объяснение тех или иных процессов в межнациональной сфере, что совершенно обоснованно с научной точки зрения. Однако данные авторского исследования показывают, что для опрошенных горожан не меньшее значение имеет «общность характера, схожесть поведения», то есть автостереотипы, которые, как правило, бывают больше положительными по сравнению с гетеростереотипами. Среди этнических подгрупп выделяются опрошенные чеченцы, одна треть которых подчеркивает данный признак, остальные этнические массивы не придают ему существенного значения. Далее этноопределитель «национальная одежда, жилище, быт» отмечен одной десятой частью по всему массиву; по национальной принадлежности на него указал каждый пятый среди опрошенных чеченцев, одна восьмая часть аварцев и даргинцев, заметно большая часть респондентов старше 40 лет и имеющие среднее образование. При этом статистически небольшая часть отметила вариант ответа «ничего не объединяет», больше всего таковых в подгруппе даргинцев.

Сопоставление результатов исследования по годам (2009 и 2021 гг.) показывает, что если в опросе 2009 г. опрошенное городское население обозначало важность национального языка в идентификационных процессах, то ситуация заметно изменилась: в настоящее время более важным для городского населения является маркер «национальные традиции и обычаи», который отодвигает на второй план параметр «национальный язык». Кроме того, исследование этнической идентичности (2019 г.) показало доминирующую роль национального языка: если в 2009 г. и 2019 г. респонденты определяли его на первое ранговое место (64,2%), то эмпирика 2021 г. констатирует изменение в их позициях (60,8%). Такая ситуация вызывает тревогу, ибо сигнализирует об изменении, вернее, уменьшении веса национального языка в общественной жизни, а такой сценарий развития закономерно способствует трансформации языкового сознания и поведения городского населения.

Установление места каждого индикатора в иерархии ценностно-символической системы требует более глубокого изучения существующих в массовом сознании установок, вернее, осознания значимости национального языка в своей жизни, поэтому респондентам был задан вопрос «Какой язык Вы считаете для себя родным?». Полученный эмпирический материал свидетельствует о том, что для 57,0% опрошенных горожан родным языком является язык своей этнической общности. По национальной принадлежности данную точку зрения разделяют аварцы, даргинцы, лезгины, кумыки и чеченцы (больше половины опрошенных), но при этом доля таковых заметно меньше в лакской подгруппе (одна вторая часть опрошенных). Также можно отметить, что с возрастом снижается доля считающих своим родным языком язык своей национальности с 64,2% «от 20 до 40 лет» до 50,0% в разрезе «от 60 лет и старше». При этом обратная картина прослеживается при анализе через образовательный признак: уменьшение придерживающихся данной позиции с повышением образовательного уровня респондентов с 59,1% со средним образованием до 55,7% с высшим образованием.

Обращают на себя внимание процентные показатели отождествляющих два языка и считающих для себя родными «национальный и русский язык одновременно» (28,4% опрошенных по всему массиву). Сравнительный внутригрупповой анализ показывает, что разделяющих вариант ответа «родной и русский язык одновременно» заметно больше в подгруппе лакцев (42,2%) и существенно меньше в подмассиве чеченцев (17,2%). Аналогичной позиции придерживаются респонденты старшего поколения «от 60 лет и старше» (43,8%), доля таковых в остальных возрастных разрезах меньше: 28,4% в интервале «до 20 лет», 22,8% «от 20 до 40 лет» и 29,8% «от 40 до 60 лет». Аналитика по уровню образования респондентов показывает, что доля разделяющих данную позицию почти одинаковая во всех подгруппах: 28,3% со средним, 28,7% – со средним специальным, 27,4% – с высшим образованием. Далее русский язык для себя родным считают 10,8% опрошенных в возрасте «до 20 лет», 14,8% – «от 20 до 40 лет», 14,9% – «от 40 до 60 лет», 9,4% в разрезе «от 60 лет и старше»; таковых меньше в подмассиве со средним специальным образованием (10,5%) против 12,6% со средним и 13,9% с высшим образованием. Сравнение эмпирических данных по годам свидетельствует о наблюдающейся трансформации языкового сознания городского населения Дагестана: если в опросе 2009 г. родным для себя считала язык своей национальной общности существенная доля респондентов (86,0%), то эмпирика 2021 г. констатирует о кардинальном изменении позиций горожан: им ближе одновременное обозначение важности как национального (родного), так и русского языка в качестве родных языков.

Чем же вызвана трансформация языкового сознания городского населения Дагестана? По мнению автора, деструктивные тенденции в языковой сфере обусловлены как объективными, так и субъективными факторами, среди которых вполне обоснованно можно перечислить мощные внутриреспубликанские миграционные процессы, увеличивающие численность городского населения, урбанизацию и изменение облика и сознания вчерашнего мигранта, его желание побыстрее адаптироваться в городском пространстве и почувствовать себя «полноценным горожанином», хотя культура поведения и сознание горожанина-мигранта в данном случае находятся в жестком противостоянии и конфликте. Желание мигрантов привнести в городскую среду в места своего проживания определенные ценности и ритуалы, традиции не всегда встречает понимание со стороны местного населения. Кроме того, изменение образовательной сферы, введение Болонской системы, ЕГЭ и ряд других преобразований в образовательном пространстве не всегда имели, впрочем, и имеют позитивные последствия. Стремление подрастающего поколения стать успешными в совокупности с влиянием социальных сетей, которые пропагандируют определенный образ жизни, преподносимый как «идеальный», разумеется, больше несет в массовое сознание негативные установки, чем позитивные.

Анализ языкового сознания предполагает изучение вытекающего из него языкового поведения, поэтому в анкету исследования был включен вопрос, показывающий характерное для опрошенных горожан языковое поведение. Несмотря на обозначение опрошенным городским населением Дагестана важности владения национальным (родным) языком, реальное языковое поведение, как показывает аналитический материал, существенно отличается. Так, 72,8% опрошенных горожан комфортно читать на русском языке; по этнической принадлежности такое языковое предпочтение проявляется в установках сравнительно большей части аварцев, даргинцев и кумыков, хотя лезгины и чеченцы также придерживаются аналогичной позиции, но среди последних доля таковых заметно меньше (одна вторая часть). Анализ по социально-демографическому разрезу вполне ожидаемо демонстрирует приоритетность русского языка, ибо он является, во-первых, государственным языком, во-вторых, языком межнационального общения. Ориентация на билингвизм, то есть предпочтительность получения информации на двух языках (русском и родном), характерна существенно меньшей части опрошенных горожан (18,8% по всему массиву), и здесь можно обратить внимание на языковое поведение лезгин и чеченцев (одна треть) и лакцев (каждый четвертый опрошенный). По сравнению с другими этническими подгруппами среди опрошенных чеченцев больше отметивших удобство чтения на национальном (родном) языке, хотя, по мнению автора, сложно представить, по каким учебникам и как они могут обучаться в вузах и колледжах, впрочем, как и в школах, в которых обучение происходит исключительно на русском языке? Видимо, это декларируемое поведение, которое не имеет под собой основы.

Проведенное исследование показывает, что для опрошенного городского населения характерны сложное и противоречивое этноязыковое сознание и поведение, с одной стороны, обозначение национального языка как одного из ключевых индикаторов воспроизводства этнической идентичности и символа национального самосознания, с другой, предпочтительность русского языка и обозначение русского языка, наряду с национальным (родным) языком, в качестве родного языка. При этом вряд ли можно сделать однозначный вывод, что такая установка не имеет права на существование: в течение длительного исторического периода русский язык приобрел особый статус как язык межнационального общения, следовательно, закономерно является и обозначение его как родного языка опрошенными горожанами. Но при этом необходимо уважать национальные (родные) языки, четко обозначить государственную политику в отношении родных языков, которые по объективным причинам оказались на более слабых, по сравнению с русским языком, позициях. Более того, и само население, носители конкретно взятых национальных языков, как показывает практика, к сожалению, не ориентированы на поддержание общения на родном языке даже на внутрисемейном уровне.

Авторская гипотеза, что для городского населения будет иметь большое значение полноценное владение родным языком (читать, писать, разговаривать) при сужении пространства использования национального языка, данными исследования не подтвердилась. Более того, эмпирический материал свидетельствует о пассивном языковом поведении опрошенного городского населения: информацию они в основном получают из источников на русском языке, что вполне закономерно при существующей языковой ситуации, когда латентно наблюдается игнорирование языковой проблемы в целом. Несмотря на имеющиеся в научном сообществе идеи мультикультурализма и глобализации, которые могут нивелировать значение национального компонента в жизни индивида, в полиэтничном образовании определение этнической принадлежности человека является очень важным фактором. В данном процессе национальный язык выступает одним из ключевых идентификаторов воспроизводства этнической идентичности, поэтому любые негативные действия в отношении него (ущемление или игнорирование языковых прав, пренебрежительное отношение и др.) закономерно способствуют формированию интолерантного отношения к народам, со стороны представителей которых оно наблюдается. Поэтому одной из обязанностей государства является защита национальных интересов представителей всех этнических образований независимо от их численности, уровня образования, места проживания и т. д. В противном случае ущемление этнических прав одного национального образования при лидировании другого или других народов, которые численно превосходят первых, приведет к межнациональной интолерантности, формированию в обществе идей этнонационализма и националистических взглядов. Данные деструктивные установки в общественном сознании вполне способны спровоцировать рост межэтнической напряженности и негативных гетеростереотипов, которые как в совокупности, так и по отдельности вполне способны дестабилизировать ситуацию.

© М.М. Шахбанова, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
СЕКЦИЯ 1 ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ЕВРАЗИИ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ.....	4
DEMISE OF THE BASHKIR, RISE OF THE BALTIC NOBLE. THE ROLE OF ANIMAL HUSBANDRY IN UFA AND LIVLAND PROVINCES IN THE TRANSFORMATIONS OF IMPERIAL HIERARCHIES, 1861–1917 (PAUL VAN DIJK).....	4
ФОРМЫ БОРЬБЫ С ДЕТСКОЙ БЕСПРИЗОРНОСТЬЮ В БАШКИРИИ В 1920-Е ГОДЫ (Р.Р. Абдрахманов).....	10
ГЕНЕЗИС НАГАЙБАКСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ КАК РЕЗУЛЬТАТ ЭТНОСОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В ЮЖНОМ ПРИУРАЛЬЕ В XVIII–XX ВЕКАХ (И.Р. Атнагулов).....	15
УРБАНИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ БАШКИР В БАШКОРТОСТАНЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА (Н.В. Ахмадиева).....	18
ФАКТОРЫ МИГРАЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ УФЫ НА ФОНЕ ГОРОДОВ ПЕРМЬ, ОРЕНБУРГ, КАЗАНЬ, ЧЕЛЯБИНСК, ЕКАТЕРИНБУРГ, САМАРА (Р.А. Ахметьянова).....	23
КОМПОЗИЦИЯ, СТРУКТУРА, МОРФОЛОГИЯ ГОРНЫХ ПОСЕЛЕНИЙ В СВЕТЕ ПРИРОДНОГО ДЕТЕРМИНИЗМА И ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ГОРСКИХ НАРОДНОСТЕЙ БОЛЬШОГО КAVKAZA (VI тыс. до н. э. – II тыс. н. э.) (В.Б. Бесолов).....	29
О КЛАДЕ УНИКАЛЬНЫХ БУЛГАРСКИХ МОНЕТ 692 / 1292–1293 г. А.И. Бугарчев, А.Е. Купцов).....	37
ИЗ ИСТОРИИ ПРИПОЛЯРНОЙ АРХЕОЛОГИИ:	
ИССЛЕДОВАТЕЛЬ АРКТИКИ ЙОРГЕН МЕЛДГААРД (С.В. Виватенко, Т.Е. Сиволап).....	40
МЕТОДОЛОГИЯ ИЗУЧЕНИЯ ГЕОПОЛИТИКИ ЕВРАЗИИ (В.А. Гайкин).....	42
МОНОТЕИЗМ В СРЕДНЕВЕКОВЫХ СТЕПНЫХ ИМПЕРИЯХ: ПРИМЕНЕНИЕ КОМПАРАТИВНОГО ПОДХОДА ДЛЯ ПОИСКОВ РЕШЕНИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ХАЗАРСКОГО И КЫРГЫЗСКОГО КАГАНАТОВ) (М.В. Гаухман).....	48
ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ СЕМЬИ В БАШКОРТОСТАНЕ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ: ОСНОВНЫЕ ЗАДАЧИ, ИТОГИ РЕАЛИЗАЦИИ (А.Д. Гибадуллина).....	52
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ВОПРОСОВ МИГРАЦИИ И АДАПТАЦИИ ЭТНОСОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАЗАХСТАНА В XIX – НАЧАЛЕ XXI в. (Е.К. Джиеналиев).....	56
«ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ БАШКИРСКОЙ АССР» КАК ОБЪЕКТ КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА (А.О. Иванов, Т.П. Жедь).....	59
КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ СОСТАВ СЕЛЬСКОЙ СЕМЬИ В БАШКИРИИ В 1920-Е ГГ. (Ш.Н. Исянгулов).....	64
ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫЕ МЕТОДЫ В ИЗУЧЕНИИ ДИНАМИКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ: НА ПРИМЕРЕ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (Р.И. Кантиминова).....	69
К СТАНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ГУМАНИТАРНОГО ПРОФИЛЯ В БАШКИРСКОЙ АССР (1919–1932 гг.) (К.К. Каримов).....	73
БАШКИРСКАЯ ЭЛИТА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОРТРЕТ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИОСОФИИ И ПРАКТИКИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА В ГОДЫ РАННЕГО СТАЛИНИЗМА (Т.Ю. Красовицкая).....	77
ГУМАНИТАРНАЯ УРБАНИСТИКА КРОСС-КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА (А.И. Лойко).....	82
ОБРЯД ВЫЗЫВАНИЯ ДОЖДЯ В ТРАДИЦИОННОМ ПРЕДСТАВЛЕНИИ ЮГО-ВОСТОЧНЫХ БАШКИР (Г.Д. Маннапова).....	87
ИЗУЧЕНИЕ КРЕДИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УФИМСКОГО И ОРЕНБУРГСКОГО ОТДЕЛЕНИЙ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА (1883–1895 гг.) С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ МЕТОДОВ ГРАФИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ДАННЫХ (О.С. Павлова).....	90
СЕЛО БАЛТИКА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН: ИСТОРИЯ ОСНОВАНИЯ И СОВРЕМЕННЫЙ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ БЕЛОРУСОВ (М.А. Пилипак).....	95
К ИСТОРИИ РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР И КАРАИМОВ В 1870-Х ГГ.: ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ (Д.А. Прохоров).....	99
СОДЕРЖАНИЕ ПОД СТРАЖЕЙ В ГОРОДАХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ: ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ МЕСТ ЗАКЛЮЧЕНИЯ В XIX – НАЧАЛЕ XX в. (М.В. Пулькин).....	104
ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В СИСТЕМЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ДУХОФОРМИРУЮЩИЙ И КУЛЬТУРОТВОРЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ (З.Я. Рахматуллина).....	108
МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ БАШКОРТОСТАНА (Л.Р. Садыкова).....	113
К ВОПРОСУ О СВЯЗЯХ ПРЕДКОВ БАШКИР С ДРЕВНИМИ ТЮРКАМИ (А.С. Сальманов).....	115

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДРАВООХРАНЕНИЕ» КАК ФАКТОР, УЛУЧШАЮЩИЙ КАЧЕСТВО ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН) (Н.Х. САРВАРЕТДИНОВА, З.Л. СИЗОНЕНКО)	121
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОГО ГУБЕРНАТОРСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ (Н.Л. СЕМЕНОВА)	124
О РЕДКИХ КНИГАХ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ УФИЦ РАН (Р.Ю. СИБАГАТОВА).....	128
АБСОЛЮТНАЯ ХРОНОЛОГИЯ I–II КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА СЫГАНАК (Б.С. СИЗДИКОВ, К.М. ЖЕТИБАЕВ, М. ГУРСОЙ, М.М. БАХТЫБАЕВ, С.С. МУРГАБАЕВ, К.С. АРЫНОВ, Л.Д. МАЛДЫБЕКОВА)	132
ОКОЛОМИСТИЧЕСКИЕ ПРОМЫСЛЫ, РАСПРОСТРАНЕННЫЕ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОГО БАШКОРТОСТАНА (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ) (М.Н. СУЛЕЙМАНОВА)	138
РАЗВИТИЕ ВНЕШНИХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН В ПЕРВОЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ XXI в.: ИТОГИ, ПРОБЛЕМЫ (В.Р. СУЛТАНГУЛОВ)	140
ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ ЧУВАШЕЙ БАШКОРТОСТАНА (И.В. СУХАРЕВА)	142
ВЫДАЮЩИЕСЯ ОТКРЫТИЯ ЧЕЛЯБИНСКИХ АРХЕОЛОГОВ ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЙ (А.И. ТАПИЛИН)	149
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РЕЛИГИИ С ОБЩЕСТВОМ И ГОСУДАРСТВОМ В УСЛОВИЯХ СЛОЖНОКУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА: ПРИМЕР РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН (Т.А. ТИТОВА, Е.В. ФРОЛОВА, В.Е. КОЗЛОВ).....	153
ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ НАУЧНЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ХАНТЫ-МАНСЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА В 2012–2020 гг. (И.В. ФРОЛОВ).....	160
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ПОЛИЦИИ ЮЖНОГО УРАЛА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в. В СОВЕТСКОЙ И НОВЕЙШЕЙ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (С.Х. ХАКИМОВ)	162
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ В ПОЗНАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СКАНДИНАВСКОГО ЭПОСА «ЭДДА») (А.М. ХАРИТОНОВ).....	166
ДИНАМИКА СОСЛОВНО-ПРЕДСТАВИТЕЛЬНОГО СОСТАВА ТОМСКОЙ ГОРОДСКОЙ ДУМЫ В 1871–1887 гг. (П.Д. ХРУЩЕВА)	170
ПРОБЛЕМЫ КОНСЕРВАЦИИ И РЕСТАВРАЦИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ В РОССИЙСКОМ МУЗЕЙНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (А.И. ЧИГРИНА, А.Н. АЛДАШОВ, Е.М. САВЕЛЬЕВ)	173
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ СКУЛЬПТУРА ЭПОХИ КАГАНАТОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРЫ ТЮРКСКИХ НАРОДОВ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (Р.Г. ШАРИПОВ)	176
ЭВОЛЮЦИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ЮЖНОМ УРАЛЕ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ (И.З. ШАЯХМЕТОВА).....	179
БУХАРА, НАҒАЙЫ АЙМАҒЫ ҚАРАҚАЛПАҚ ЖЫРАҰЛАРЫ ДӨРЕТИҰШИЛИГИ ҲЭМ ҚАРАҚАЛПАҚ ЖЫРАҰШЫЛЫҚ ӨНЕРИНИҢ ҚӘЛИПЕСИҰИ ҲАҚҚЫНДА АЙЫРЫМ АҢЫЗЛЫҚ ДЕРЕКЛЕР (Г.М. ЭГАМКУЛОВА)	183
СЕКЦИЯ 2 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ XIX – XXI ВВ.: СТАНОВЛЕНИЕ, ОСОБЕННОСТИ, ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАЧИНАНИЯ	185
ДОСТИЖЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КАЗАХСТАНСКОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКИ (З.М. БАЗАРБАЕВА)	185
КРАТКИЙ ЭКСКУРС ПО ТЕОРИИ ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ: МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПЕРВООСНОВЫ ЯЗЫКА (Ш. БЕКМАГАМБЕТОВ)	189
СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОЛИЧНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (А.М. БИКБАЕВА)	193
РИТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ В ВУЗОВСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕЧИ В УСЛОВИЯХ ДАГЕСТАНСКОГО ПОЛИЯЗЫЧИЯ (М.Д. ВАДЖИБОВ)	196
ПРОЗВИЩА В БАШКИРСКОМ РАЗГОВОРНОМ ЯЗЫКЕ (М.Р. ВАЛИЕВА)	200
ВТОРИЧНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЫСЛИТЕЛЬНЫХ И ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР (С.Г. ВИНОГРАДОВА)	203
ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРОТОЗООНИМОВ В ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ (О.Н. ГАЛИМОВА).....	207
НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИКИ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В КЫРГЫЗСТАНЕ (К.Т. ДЖАМАНКУЛОВА)	210
ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЗАЛОГА В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ И ОТНОШЕНИЕ ЗАЛОГОВЫХ АФФИКСОВ К СЛОВООБРАЗОВАНИЮ И ФОРМООБРАЗОВАНИЮ (А.А. ЖАНАБЕКОВА)	214

НАУЧНАЯ ТЮРКОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА И ЕЕ ВКЛАД В ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА И ПИСЬМЕННОСТИ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ РУНИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (М.Э. ДУБРОВИНА)	218
СИНТАКСИС И СТИЛИСТИКА СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА: ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРАДИЦИЙ ВИНОГРАДОВСКОЙ ШКОЛЫ В РАБОТАХ Г.Н. АКИМОВОЙ И ЕЕ УЧЕНИКОВ (Е.С. ЗОРИНА).....	222
ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКОЗНАНИИ (А.М. ИШЕГУЛОВА) .	226
ГЛАСНЫЙ ТИПА «А» В АЙСКОМ ГОВОРЕ ВОСТОЧНОГО ДИАЛЕКТА БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (Л.К. ИШКИЛЬДИНА).....	228
МОТИВИРОВОЧНЫЕ ПРИЗНАКИ НОМИНАЦИЙ ЛЕКАРСТВЕННЫХ РАСТЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ ДАННЫХ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЫ МФБЯ) (А.Ш. ИШМУХАМЕТОВА)	235
МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ТВОРЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ ХАДИИ ДАВЛЕТШИНОЙ (Г.Н. КАСКИНОВА) ..	239
ЭТНОЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ У БАШКИР В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI в. (Т.Г. МУХТАРОВ)	242
ЭКСПРЕССИВНАЯ ЛЕКСИКА ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ В РУССКИХ ГОВОРАХ СИМБИРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ (Я.В. МЫЗНИКОВА).....	247
СТАНОВЛЕНИЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ ГЕНДЕРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В РОССИИ (Т.А. ПАКИНА)	251
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА КАРАКАЛПАКСКОГО ЯЗЫКА: ДОСТИЖЕНИЯ И НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ (А.К. ПИРНИЯЗОВА)	256
МЕТОДЫ КОРПУСНОЙ ЛИНГВИСТИКИ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ (З.М. САФИНА)	259
ДРЕВНЕТЮРКСКИЕ НАЗВАНИЯ ХИЩНЫХ ПТИЦ В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ И БАШКИРСКОМ ЯЗЫКАХ (Э.И. САФИНА).....	263
УНИКАЛЬНЫ ЛИ ТАТАРСКИЕ, БАШКИРСКИЕ ЛЕКЕМЫ <i>МОУ</i> 'ГРУСТЬ, МЕЛОДИЯ'? (Д.Д. СУЛЕЙМАНОВА)	268
НЕКОТОРЫЕ РУССКИЕ ФАМИЛЬНЫЕ АНТРОПОНИМЫ ТЮРКСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ (Р.А. СУЛЕЙМАНОВА)	273
МЕЖКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ЗАИМСТВОВАННОЙ РУССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ, ОБОЗНАЧАЮЩЕЙ ЛОКУСЫ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ) (О.А. ТЕУШ)	275
К ЭТИМОЛОГИИ ЛЕКЕМЫ <i>БАШКОРТ</i> В БАШКИРСКОМ ЯЗЫКЕ (Ф.Г. ХИСАМИТДИНОВА).....	284
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ XIX – XXI вв. В РОССИИ (А.Р. ХУРАМШИНА)	287
ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ОРФОГРАФИИ БАШКИРСКОГО ЯЗЫКА (Л.М. ХУСАИНОВА).....	289
ТУВИНСКИЙ ЯЗЫК НА ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ КАРТЕ СИБИРИ: РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (Л.А. ШАМИНА).....	295
РОЛЬ НАЦИОНАЛЬНОГО ЯЗЫКА В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА (М.М. ШАХБАНОВА)	297
СОДЕРЖАНИЕ	302

Научное издание

**АКАДЕМИЧЕСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В XX – НАЧАЛЕ XXI В.:
ДОСТИЖЕНИЯ, ТРЕНДЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию
Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН
г. Уфа, 19–21 сентября 2022 г.

Часть I

Компьютерная верстка:

И.И. Буляков

Разработка и дизайн обложки:

Ю.М. Абсалямов

Подписано в печать 27.12.2022. Формат 60x84x1/8.

Усл. печ. л. 35.57. Уч.-изд. л. 29.36

Тираж 500 экз. Заказ 25.

*Отпечатано на множительном участке ИИЯЛ УФИЦ РАН
450054, РБ, г. Уфа, пр. Октября, 71. Тел.: (347) 235-60-50*